

С.Г. Малкин

ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРИИ:
мятеж и колониальное знание
в Великобритании в век Просвещения

История науки

Новое
Литературное
Обозрение

Это исследование – первая в российской и зарубежной историографии интеллектуальная история решения «Хайлендской проблемы» Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв. В центре внимания автора – роль колониального знания в умиротворении и «цивилизации» Горной Шотландии. Географы, этнографы, политэкономы в Хайленде были еще и чиновниками, на практике подтверждая тесную связь между властью и знанием в рамках колониальной и окраинной...

И С Т О Р И Я   Н А У К И

С.Г. Малкин

**ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРИИ:
МЯТЕЖ И КОЛОНИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Новое
Литературное
Обозрение

2016

УДК 323.1(410)(=152.2)(091) "16/17"
ББК 63.3(4Вел)513-38
М19

Редактор серии
К. Иванов

Рецензенты

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории Российской академии наук
М.П. Айзенштат

доктор исторических наук, профессор, декан исторического
факультета Южного федерального университета
В.Ю. Апрыщенко

Малкин, С.Г.

М19 Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание
в Великобритании в век Просвещения / Станислав Ген-
надьевич Малкин. — М.: Новое литературное обозрение,
2016. — 656 с. (Серия «История науки»)

ISBN 978-5-4448-0514-5

Это исследование — первая в российской и зарубежной историографии интеллектуальная история решения «Хайлендской проблемы» Великобритании в конце XVII — первой половине XVIII вв. В центре внимания автора — роль колониального знания в умиротворении и «цивилизации» Горной Шотландии. Географы, этнографы, политэкономы в Хайленде были еще и чиновниками, на практике подтверждая тесную связь между властью и знанием в рамках колониальной и окраинной политики европейских держав в духе века Разума и Просвещения. Они сочетали экспансию имперского порядка, новое научное знание и секулярные представления о человечестве. Раскрытие этих сюжетов помогает более глубоко понять, как формировались британская нация и Британская империя, а также значение интеллектуальной колонизации Хайленда для имперского строительства за океанами и шире — роль гуманитарного знания в век Разума, Просвещения и первых глобальных империй. С.Г. Малкин — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики обучения Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара), автор более 70 научных работ по истории.

УДК 323.1(410)(=152.2)(091)“16/17”
ББК 63.3(4Вел)513-38

© С.Г. Малкин, 2016

© ООО «Новое литературное обозрение». Оформление, 2016

*Моим родителям, Светлане Александровне
и Геннадию Юрьевичу Малкиным*

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой пример последовательной реализации замысла о ней от первых соображений «по случаю» до кристаллизации идеи во время путешествия по шотландским горам. Еще несколько лет назад, завершая работу над рукописью монографии, посвященной британскому военному присутствию в Горной Шотландии в первой половине XVIII в., я поймал себя на мысли, что избранный мной ракурс исследования не дает полного ответа на вопрос о том, как Лондон решал проблему мятежности кланов этого тогда малодоступного и «дикого» края, лишь приоткрывая завесу тайны над историей его «цивилизации». «Шотландский гарнизон» в это время, за редкими исключениями, был малочислен и финансировался совершенно недостаточно, что вкупе с личными впечатлениями автора от топографических особенностей его квартирования вызвало обоснованные сомнения в способности умиротворить Горную Шотландию только военными методами. Анализ представлений британцев о шотландских горцах и их стране, задуманный как некая вводная часть к разговору о более «серьезных» вещах, военном строительстве и военном сотрудничестве в горах, постепенно предстал в качестве самостоятельного исследования — колониального знания о Горной Шотландии, ее географии, этнографии, политэкономии.

Приступая к работе над этой книгой, я понимал, сколь значительное количество проблем необходимо будет затронуть, в том числе в области смежных дисциплин, какое множество не только исторических сюжетов нужно будет осветить при изучении взаимодействия научного

знания, идеологии Просвещения и политики Лондона в Горной Шотландии. По этой причине я далек от того, чтобы считать представляемый уважаемой публике труд лишь своим достижением, имея счастливую возможность получать советы, помощь и поддержку от своих учителей, коллег, друзей и родных всегда, когда я в этом нуждался. Кроме того, я в огромном долгу перед учеными, с которыми я лично не знаком, но чьими трудами я руководствовался, пытаясь дать целостную картину происходившего на гэльской окраине. Список литературы в конце этой книги с полным основанием можно рассматривать как список благодарностей тем, чьи исследования позволили мне использовать данные из самых разных отраслей не только исторической науки, по мере сил преодолевая историографическую пропасть между социально-экономической, политической, интеллектуальной и культурной интерпретациями шотландской истории.

Желая воздать должное за оказанную мне помощь, должен заметить, что все достоинства этой книги — результат коллективного творчества. Ее недостатки — следствие моего недостаточного внимания к участию тех, кто поддерживал меня на всем протяжении написания этой работы. Вопрос о роли колониального знания в окраинной и колониальной политике европейских держав представляется мне весьма актуальным как с исторической, так и с политической точек зрения одновременно, и я надеюсь, что высказанные мною соображения будут способствовать дальнейшей дискуссии на эту тему. Поскольку мне пришлось вторгнуться в сферу компетенции многих моих коллег, я надеюсь, что мои выводы будут оспорены, уточнены и пересмотрены всеми теми, кто, подобно мне, считает проблематику взаимодействия власти и знания крайне важной при изучении истории и постижении актуальной реальности.

В академическом плане я прежде всего обязан своему старшему товарищу, коллеге и другу, Александру Анатольевичу Бельцеру. Именно он поддерживал меня в стремлении изучать историю британского присутствия

в Горной Шотландии как историю интеллектуальной колонизации этого края, придавая уверенности там, где ее не доставало, и заставляя сомневаться там, где это было необходимо; именно он помогал мне в работе над диссертациями и книгами, открывая новые исследовательские горизонты отношений между Лондоном и (не только) кельтскими окраинами, центральными властями и местными элитами; именно он личным примером убеждал меня в том, что даже самый незначительный, на первый взгляд, сюжет заслуживает от своего исследователя научной честности, внимания и профессиональной деликатности. Его неустанная поддержка — интеллектуальная и моральная — моя самая большая удача в процессе обучения ремеслу историка и исследователя.

Дмитрий Олегович Гордиенко — настоящий друг и большой энтузиаст моих предприятий, как академических, так и далеких от чистой науки. Его изыскания и самый живой интерес к Истории и историям, а также к тому, как их можно рассказывать, всегда вселяли в меня оптимизм — как академический, так и житейский. Благодаря его весьма своевременным и ценным комментариям, порой выходящим далеко за рамки первоначального предмета разговора, мне удалось не только избежать угрозы потонуть в обилии частных подробностей, но и сделать последние органичной частью работы. Ему я во многом обязан и тем, что на героев своего повествования смог посмотреть как на живых людей с очень человеческими желаниями и страстями. Истории этих персонажей драматического британского XVIII в. с тех пор стали мне много ближе, чем прежде. Если кому-нибудь мои вожди и генералы покажутся столь же реальными, как и мне, то теперь уже известно, кто сыграл в этом особую роль.

Особой признательности заслуживают мои ростовские коллеги и соратники по изучению шотландской старины из Южного федерального университета, Виктор Юрьевич Апрыщенко и Геннадий Юрьевич Магаков. Своим интересом к политике Лондона в Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. я во многом обязан их

штудиям о взаимоотношениях Эдинбурга и его мятежных окраин, Горной Шотландии и Пограничья в XVI — начале XVII в., о мероприятиях, с помощью которых центральная власть стремилась воспитать в вождях и магнатах лояльность шотландской короне. Кроме того, считаю своим долгом высказать им особую благодарность за чрезвычайно полезную в интеллектуальном плане площадку для британистов по обмену идеями в виде альманаха «Британские исследования», которую они героически поддерживают в течение почти десятка лет.

Многие талантливые ученые, крупные специалисты в областях, подвергшихся моему академическому вторжению, с готовностью откликнулись на мой замысел, поделившись интересными критическими замечаниями и ценными советами. Олег Яковлевич Ноздрин своевременно указал мне на необходимость конкретизации того, что я понимаю под «военным присутствием». Рекомендациям Марины Павловны Айзенштат и Сергея Борисовича Семенова я крайне признателен за напоминание о том, что у шотландской политики Лондона были свои особые механизмы, часто приходившие в движение не только на периферии, но и в столице. Андрей Борисович Соколов и Александр Александрович Киселев своими исследованиями способствовали моему стремлению рассматривать события на гэльской окраине в широком имперском контексте. Логичное решение о более четкой формулировке определения Горной Страны было принято благодаря аргументам сотрудников отдела истории XVIII–XIX вв. Института всеобщей истории Российской академии наук.

Во время работы над книгой мне представилась счастливая возможность обмениваться наблюдениями и комментариями с Ольгой Владимировной Хавановой из Института славяноведения Российской академии наук и Владимиром Викентьевичем Лапиным из Европейского университета в Санкт-Петербурге об общих чертах и особенностях окраинной политики европейских держав эпохи раннего Нового времени, в кулуарных беседах на одной

из конференций империологов сопоставляя логику шотландской, венгерской и кавказской политики Лондона, Вены и Петербурга, логически продолжив сотрудничество в рамках совместной научной деятельности.

Многим я обязан моим британским коллегам из Центра изучения международной политики и глобальной стратегии Лондонской школы экономики и политических наук (ассоциированным членом коего я и был избран некоторое время назад), профессорам Доминику Ливену, Джанет Хартли и Полу Киннану, а также куратору грантовой программы для российских историков Элизабет Раян. Книга во многом творилась в архивах, и без щедрой финансовой поддержки этого именитого академического учреждения, а также Шотландского исторического института в Университете Сент-Эндрюса мои архивные изыскания в Великобритании в 2010–2014 гг. не состоялись бы. Вместе с тем считаю приятным долгом отметить, что моя первая конкурсная заявка положила начало продолжительным теплым отношениям с Домиником, Джанет, Полом и Лизой. И я испытываю по отношению к ним чувство глубокой благодарности не только за всемерную организационную и консультационную помощь в моих исследованиях и вояжах по Британии, но и за очень гостеприимный, домашний во всех смыслах этого слова прием.

Профессор Эдинбургского университета Гарри Дикинсон, один из ведущих специалистов по истории Великобритании в «долгом» XVIII в., не только весьма своевременно, промозглым декабрьским вечером, угостил меня чашкой горячего кофе, но и еще раз напомнил, как важно сохранять равновесие между теоретизированием и свидетельствами исторических источников. Доктор Мэтью Дзенник, защитивший в том же университете и в то же время диссертацию по истории шотландских полков во второй половине XVIII в., в свою очередь, любезно составил мне компанию за утренним чаем (хотя обычно время приема этих горячительных напитков наступает с точностью до наоборот) и поделился своим опытом работы

с источниками по истории Горной Шотландии, провозгласив вместе со мной «республику писем».

Филипу Сардженту из Ливерпульского университета я обязан не только содержательным разговором об особенностях политики сэра Роберта Уолпола, но и некоторыми документами, иллюстрирующими процесс разоружения Горной Шотландии в 1725 г., на которые он обратил мое внимание во время совершенно случайной встречи в Британской библиотеке, где он их и обнаружил среди бумаг того самого Уолпола. Алан Форрест из Университета Йорка любезно отозвался на мое предложение рассмотреть восстания якобитов в Британии и восстание в Вандее в широком компаративном ключе и не пожалел времени, комментируя мои соображения по этому поводу. Кристофер Даффи, преподававший в Королевской военной академии в Сэндхерсте, на конференции в Национальном музее армии в Лондоне высказал весьма ценное замечание относительно невозможности однозначного определения выступлений якобитов как мятежей, восстаний или династических войн.

Благодаря всем этим замечательным людям по обе стороны Ла-Манша и Твида словосочетание «научное сотрудничество» обрело для меня глубокий и подлинный смысл.

Чувство бесконечной благодарности я испытываю к своим родителям, чья безграничная любовь, вера в меня и поддержка в конечном итоге и сделали возможным появление этой книги. Им я ее и посвящаю.

ВВЕДЕНИЕ

О чем пойдет речь в этой книге

Обращаясь к обычаям и нравам в Верхней и Нижней Шотландии в первой половине XVIII в., сэр Уолтер Скотт не только отдал должное романтической традиции в европейской литературе первой половины XIX в. В данном случае перед нами еще и любопытный пример эволюции образа шотландского горца. Скотт в своих исторических изысканиях и литературных опытах проводником в Горный Край, каким тот был во времена действия романа «Уиверли, или Шестьдесят лет назад», избрал современника и очевидца, никогда бы не наделившего «Робин Гудов» Хайленда теми удивительными качествами, которые вызывали восхищение образованной британской публики в первой половине XIX в.¹ Принимая активное участие в формировании романтической традиции восприятия Горной Страны, Уолтер Скотт в чем-то сам оказался под воздействием ее очарования.

---

¹ Одним из основных источников для Скотта послужили сочинения мистера Никола Грэма из Гэртмора, жившего у самой границы Хайленда и смотревшего на своих соседей-горцев через призму одной из наиболее популярных антитез Просвещения — «варварство—цивилизация»; ср.: *Graham N. An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, 1747* // *Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. Vol. I. Edinburgh; Glasgow; London, 1822. P. 348–349, 344–345.* Более того, соображения лэрда Гэртмора в виде почти прямой цитаты вложены в уста одного из героев романа «Роб Рой», бэйли Никола Джарви (и совпадение имен, видимо, здесь не случайно): *Скотт В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 303–304.*

И этот не только историографический факт по-прежнему играет важную роль в нашем восприятии прошлого¹. По меткому выражению известного британского историка Т.Б. Маколей, до середины XVIII в. на Горную Шотландию смотрели «сквозь завесу предрассудков, которая затем сменилась яркими красками романтической поэзии, и было навсегда упущено время, когда могла быть нарисована во всей полноте истинная картина»².

И действительно, в первой половине XVIII в. в Соединенном Королевстве опубликовали более 50 различных по жанру и содержанию книг, представлявших географию, этнографию, политэкономия, историю, культуру Шотландии, — чуть меньше, чем за весь XVII в., но в три раза меньше, чем во второй половине XVIII в.³ Лишь в сле-

¹ Напр.: *McNeil K. Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860.* Columbus, 2007; *Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition.* Cambridge, 2000. P. 15–41; *Pittock M. The Culture of Jacobitism // Culture and Society in Britain 1660–1800.* Manchester; New York, 1997. P. 124–145.

² *Маколей Т.Б. Англия и Европа: Избр. эссе.* СПб., 2001. С. 131.

³ При этом среди изданий до 1700 г. ни одно не являлось посвященным специально Горной Шотландии, а среди работ, появившихся до 1750-х гг., только несколько сочинений специально касались положения в крае. Два вышли в 1701 и 1703 гг., следующие два — в 1723 г., еще два — в 1746 и 1749 гг., еще одно впервые опубликовано в 1754 г.: *Mitchell A. A List of Travels, Tours, Journeys, Voyages, Cruises, Excursions, Wanderings, Rambles, Visits, etc., relating to Scotland // PSAS. 1900–1901.* Vol. 35. P. 468–528; *Idem. Supplementary List of Travels and Tours relating to Scotland, with Index (being an addition to the list printed in Vol. 35 of PSAS) // PSAS. 1904–1905.* Vol. 39. P. 502–510; *Idem. Second and final Supplementary List of Travels and Tours relating to Scotland, with an Index (being an addition to the Lists printed in Vols. 35 and 39 of PSAS) // PSAS. 1909–1910.* Vol. 44. P. 393–395; *Coats R.H. Travellers' Tales of Scotland.* London, 1913. P. 41–193; *Brown P.H. Early Travelers in Scotland.* Edinburgh, 1891. P. 91–266; *Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland // Defoe D. Tour Through the whole Island of Great Britain.* In II Vols. London; New York, 1962. P. 362–431 [впервые опубликовано в 1723 г.]; *The Highland Rogue: or, the Memorable Actions of the Celebrated Robert Mac-gregor, Commonly called Rob Roy.* London, 1723; *Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London.* In II Vols. London, 1754.

дующей половине XVIII в. путевые заметки и дорожные дневники «открыли» рядовому читателю Хайленд.

В последние десятилетия феномен «открытия» Хайленда во второй половине XVIII — первой половине XIX в. плодотворно изучается зарубежной и отечественной исторической наукой¹. Однако то же нельзя сказать о предыдущем периоде. Когда применительно к событиям 1688 г. на Британских островах говорят «Славная революция», то, кажется, дружно соглашаются с тем принимаемым многими «фактом», что она была такой еще и потому, что, помимо прочего, оказалась «бескровной» (выгодно отличаясь в этом смысле от бурной истории гражданских войн британского XVII в.). Но такая интерпретация революционных событий в действительности далека от реалий тех лет. В Горной Шотландии и Ирландии Славная революция увенчалась успехом только после подавления вооруженного сопротивления на гэльских окраинах в 1689–1691 гг. Окончательно революционное устройство вышло из-под угрозы реставрации изгнанных Стюартов только к концу 1759 г.

Такое положение дел во многом было связано с тем, что Шотландию и в начале XVIII в. отличало значительное региональное разнообразие, выражавшееся в разном понимании ее жителями социальных, экономических, политических норм и традиций.

С одной стороны, несмотря на перипетии революционного устройства в островных королевствах, 15 января 1707 г., после продолжительных и жарких дебатов, 110 голосами против 69 шотландский парламент принял решение о вступлении в унию с Англией. Английский парламент также принял этот договор, а через два дня королева Англии, Шотландии и Ирландии Анна Стюарт утвердила союз, коснувшись бумаги жезлом и заявив: «От наших подданных обеих наций мы желаем и ожидаем отныне, чтобы

---

¹ Об историографии проблемы см., напр.: *Womack P. Improvement and Romance. Constructing the Myth of the Highlands.* London, 1989; *Апрыщенко В.Ю.* Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII — первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008.

они обращались друг с другом со всем уважением и любезностью, чтобы всему миру стало ясно, что в своих сердцах они намерены стать одним народом»¹. 1 мая 1707 г. договор вошел в силу и стал законом. Флаг Великобритании, как стало называться новое государство, удачно сочетал на синем фоне два креста — покровителя Англии святого Георгия и покровителя Шотландии святого Андрея — знаменитый «Юнион Джек», обозначающий британское присутствие и поныне. Такая приверженность друг другу Англии и Шотландии представляется следствием долгого и непростого сближения двух королевств, формально начавшегося с «унии корон» 1603 г., когда шотландский король Яков VI Стюарт стал еще и английским королем (как Яков I Стюарт). В этом смысле договор, объединивший в 1707 г. Англию и Шотландию, только укрепил давно существовавшие культурные, экономические и политические тесные связи между двумя королевствами.

С другой стороны, если протянувшаяся на равнинах от Глазго до Эдинбурга Нижняя Шотландия, Лоуленд, к 1707 г. во многом сблизилась с Англией (сохранив при этом традиционные институты страны в церковной, образовательной, юридической сферах), то Горная Шотландия, Хайленд, и после заключения унии сохранила фактическую культурную и политическую обособленность. Достижения и трудности Шотландии стали общим достоянием Соединенного Королевства, и вместе с ними — проблема Горной Страны, мятежности вооруженных и лояльных прежде всего собственным вождям кланов Горного Края — «Хайлендская проблема» Великобритании в конце XVII — первой половине XVIII в.²

---

¹ Ерофеев Н.А. Англо-шотландская уния 1707 г. // НИИ. 1975. № 6. С. 66.

² Понятие «Хайлендская проблема» представляет собой устоявшийся в англоязычной историографии термин, обозначающий обусловленные региональной спецификой трудности централизации государственной власти в Горной Шотландии в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. См. подробнее: Kennedy A.D. The Civic Government of the Scottish Highlands during the Restoration, 1660-88. PhD Thesis. University of Stirling, 2011. P. 82-138.

Славная революция 1688 г. не только подвела черту под эпохой Реставрации монархии Стюартов, но и ускорила политическое объединение «британского архипелага». Однако прежде общим факторам британского единства еще предстояло проявить себя в Верхней Шотландии. Изгнанный в 1688 г. король Яков Стюарт призвал кланы Хайленда выступить за дело «законной династии»¹. Это обращение к вождям и магнатам Горного Края за вооруженной поддержкой отчетливо обозначает не только границы реальной власти Лондона и Эдинбурга в Шотландии к концу XVII — началу XVIII в., но и пределы различавшихся социально-экономических и политических традиций и практик, бытовавших тогда по обе стороны Грэмпианских вершин.

В четырех из пяти выступлений сторонников изгнанных Стюартов горцы Шотландии приняли самое значительное участие. Поддержку делу лишившейся трона династии жители Горного Края оказали и в 1689–1691 гг., когда военные действия в Шотландии ограничивались главным образом Горной Страной; и в 1715–1716 гг., когда в решающем, хотя и нерешительном сражении якобитов в Шотландии, под Шериффмуром 13 ноября 1715 г., из 20 пеших полков и 8 конных отрядов Джона Эрскина, 6-го графа Мара, возглавлявшего армию Якова III (VIII) Стюарта, «старшего Претендента» на британский престол, 18 пеших полков составляли именно горцы; и в 1719 г., когда вооруженную силу восставших, за исключением испанского десанта в 300 человек, образовали исключительно жители Горной Страны; и в 1745–1746 гг., когда вступавшая в ноябре 1745 г. в Англию армия Карла Эдуарда

---

¹ Notice of an Original Letter of King James II to Macdonell of Keppoch, after the Battle of Killiecrankie; three letters of General Monck; also some documents relating to Rob Roy Macgregor, and to Simon, Lord Lovat / By John Alexander Smith // PSAS. 1866–1868. Vol. 7. P. 249–250; *James R. To Our Right Trusty and Well-Beloved Cosen and Councillor Johne Lord Viscounte of Dandee*. Dublin Castle, March 29, 1689 // *Letters of John Grahame of Claverhouse, viscount of Dundee, with illustrative documents*. Edinburgh, 1826. P. 36.

Стюарта, «младшего Претендента», более чем на 40% состояла из полков, сформированных горцами, и почти на 32% — из частей, сформированных на феодальной основе в той же степени, что и на клановой. При этом в пеших полках (около 5000 человек против 500 в кавалерии) эта цифра достигала 79% от их общего числа¹. Во время попытки вторжения Якова III (VIII) Стюарта на Британские острова в 1708 г. его организаторы также рассчитывали на поддержку в Хайленде². Поэтому не случайно, что армии «Претендентов» из Стюартов на британский престол в исторической памяти прочно ассоциировались с жителями Горной Страны³.

После восстания якобитов, как стали называть сторонников изгнанных Стюартов, в 1715–1716 гг., впервые в их длинной череде завершившегося вторжением поддержавших претензии Стюартов горцев в Нижнюю Шотландию, а затем и собственно в Англию, правительство Соединенного Королевства было вынуждено не ограничиваться одним рассеиванием, пленением и наказанием жителей Горного Края (как в тех редких случаях прежде, когда это вообще было возможно). Потребовалось продолжительное военное присутствие в Хайленде, чтобы основательно

¹ MacKenzie G., *Viscount of Tarbat*. Letter to Lord Melvill. June 1, 1689; Hamilton J., *Duke of Hamilton*. Letter to the Earl of Melvill. Holyroodhouse, December 26, 1691 // Leven and Melville papers. Letters and State Papers chiefly addressed to George Earl of Melville, Secretary of State for Scotland, 1689–1691. Edinburgh, 1843. P. 37–40, 652; Baynes J. *The Jacobite Rising of 1715*. London, 1970. P. 138–152; Millae A.H. *The Battle of Glenshiel, 10th June 1719*. Note upon an unpublished document in the possession of His Grace the Duke of Marlborough // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1882–1883. Vol. 17. P. 63; Queries sent to Mr. Patullo, Muster-Master of the Rebel Army in the Year 1745, with his Answers // Home J. *The History of the Rebellion in the year 1745*. London, 1802. P. 331; Stafford J., *Attorney, Macclesfield*. Letter to Sir — December 2, 1745 // *The Scottish Historical Review*. 1908. Vol. 5. P. 285–296; McLynn F.J. *The Jacobite Army in England, 1745: The Final campaign*. Edinburgh, 1983. P. 24–25.

² Напр.: Lenman B. *The Jacobite Cause*. Glasgow, 1986. P. 40–42.

³ Напр.: Pittock M. *The Culture of Jacobitism // Culture and Society in Britain 1660–1800* / Ed. by J. Black. Manchester and New York, 1997. P. 129, 139.

утвердить военно-политический контроль правительства в этой части страны¹.

В то же время в конце XVII — первой половине XVIII в., когда укрывшаяся на континенте династия находила вооруженную опору главным образом в Горной Стране, правительственные чины и их агенты в Шотландии составили более сотни различного рода аналитических записок, отчетов, мемориалов и рапортов о положении на мятежной гэльской окраине². Многие из этих сочинений принадлежали перу чинов, отвечавших за хайлендскую политику Лондона, их явных и тайных агентов. Именно эта аналитическая литература послужила источником основных сведений и рекомендаций при определении правительственных курсов в отношении британского присутствия в Горной Стране.

Таким образом, умиротворение Горной Шотландии сопровождалось не только увеличением числа британских гарнизонов, но и формированием определенного корпуса текстов (записки, рапорты, мемориалы, описания, отчеты, травелоги, памфлеты, военно-политическая корреспонденция), отражавшего восприятие края в Англии и значительной части Нижней Шотландии и послужившего идеологическим обоснованием для политики Лондона на гэльской окраине. Их разбор помогает понять, как на Горную Страну и горцев смотрели из Лондона, как британские чины «прочитывали» действительность Горной Шотландии в 1689–1759 гг., в какой степени такое «прочтение» формировало политику Лондона в крае³.

---

¹ См. подробнее: *Малкин С.Г.* Мятежный край Его Величества: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.

² См. приложение 1.

³ Взаимные этнические представления англичан, шотландцев и ирландцев уже становились предметом исследований в отечественной британистике, напр.: *Павленко А.П.* Ирландцы в Англии и Шотландии (особенности этнического развития) // *Расы и народы.* 1978. № 8. С. 226–236; *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм и стереотип ирландца в XIX в. // *НИИ.* 1980. № 5. С. 61–73.

Кроме того, растет интерес историков к изучению природы, характера и особенностей взаимодействия гуманитарного знания и политической власти в рамках колониальной и окраинной политики европейских держав эпохи раннего Нового времени в целом. При этом их усилия по экономической модернизации, политическому переустройству, социальной инженерии, формированию новой идентичности и укреплению лояльности в заморских колониях и на внутренних окраинах метрополий являются предметом пристального интереса не только среди профессиональных историков¹. Современная антропология (как область профессионального научного знания) и гуманитарные интервенции (как область провокационной политической практики) в иной этнокультурной среде состоят между собой во многом в тех же отношениях с точки зрения содержания и характера познавательных практик, что и колониальное знание о новообретенных землях и империализм эпохи Просвещения и первых глобальных империй².

---

¹ См., напр.: *Nagle J.A. Counterinsurgency Lessons from Malaya and Vietnam: Learning to Eat Soup with a Knife*. Westport, 2002; *Montanus P.D. A Failed Counterinsurgency Strategy: The British Southern Campaign — 1780–1781. Are there Lessons for Today / U.S. Army War College Strategy Research Project*. Carlisle Barracks, Pennsylvania, 2005. Военный колледж армии США является одним из ведущих центров исследований роли «культурного знания» в политике. См., напр.: *Metz S., Millen R. Insurgency and Counterinsurgency in the 21 Century. Reconceptualizing Threat and Response*. Strategic Studies Institute. U.S. Army War College. Carlisle Barracks, 2005; *Jager S.M. On the Uses of Cultural Knowledge*. Strategic Studies Institute. U.S. Army War College. Carlisle Barracks, 2007.

² Так, авторы нового полевого устава армии США («ФМ 3-24», по образцу которого составлен новый полевой устав армии Великобритании «JDP 3-40»), предполагающего «культурный» подход к решению военно-политических задач в том или ином «ином» регионе, обладают ученой степенью по антропологии или политологии. М. МакФэйт, автор реализуемой Пентагоном программы изучения культуры стран присутствия армии США, определившая антропологию как «ремесленную мастерскую империи» и предложившая вспомнить ее изначальную основную задачу — «консолидировать власть на имперских окраинах», получила степень доктора антропологии в Йельском университете в 1994 г., посвятив диссертацию политике Лондона

Обилие этих типологически и содержательно сопоставимых примеров позволяет выводить генеалогию такого колониального знания от лидеров империалистической гонки раннего Нового времени к мировым и региональным державам современного мира, в той или иной мере также реализующим в своей внешней и внутренней политике различные колониальные и имперские практики¹. Обращение к историческим прецедентам способствует лучшему пониманию их специфики на современном этапе.

в Северной Ирландии в 1970–1980-е гг. Генерал-лейтенант Д. Петреус, бывший глава Центрального командования США (до июля 2010 г.), отвечавший за военные операции в Ираке и Афганистане и заявивший, что «культурное самосознание — это множитель силы», в 1987 г. защитил в Принстонском университете докторскую диссертацию по политологии, связанную с уроками, которые американские войска вынесли из войны во Вьетнаме. Специалист в им же изобретенной области «конфликтной этнографии» Д. Килкаллен, старший советник по антипартизанской борьбе при генерале Д. Петреусе (до июля 2007 г.), стал доктором политических наук в 2000 г., защитив в Университете Нового Южного Уэльса и Академии сил обороны Австралии диссертацию, суммировавшую аналогичный опыт властей Индонезии в 1945–1999 гг.: *McFate M. Anthropology and counterinsurgency: the strange story of their curious relationship // Military Review. March–April 2005. P. 24–38; Petraeus D.H. Lessons of history and lessons of Vietnam // Parameters. 1986. Vol. 16. No. 3. P. 43–56; Kilcullen D. Countering global insurgency // Journal of strategic studies. 28 (2005). P. 597–617; Idem. Counterinsurgency Redux // Survival: Global politics and strategy. 48 (2006). P. 111–130.*

¹ В этом смысле весьма примечательно, что сейчас задача формулируется так же, как и почти три века назад: «завоевать умы и сердца» местных мятежных народов. Намерение старшего Данкана Форбса из Каллодена, одного из самых стойких сторонников Вильгельма Оранского в Горной Стране, вслед за Славной революцией вновь «заполучить сердца для короля», поддержанное полвека спустя лордом Грэнджем, одним из наиболее глубоких комментаторов хайлендских реалий на службе правительства, предполагавшим «силой христианства повлиять на умы и сердца» горцев и так цивилизовать Горный Край, вполне соотносится с мнением генерала сэра Джерарда Темплера, генерального комиссара и верховного главнокомандующего в Малайе (1952–1954 гг.) во время действия чрезвычайного положения в этой британской колонии (1948–1960 гг.), полагававшего, что «ответ заключается не в попытке большего числа войск в джунгли, а в сердцах и умах людей»: *Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the*

Разумеется, существует вполне определенная разница между профессиональными гуманитарными исследованиями и работами, обслуживающими интересы и нужды отдельных держав. Однако с точки зрения исторического анализа в сложной и многогранной области (пост)колониальных и имперских исследований эти сочинения представляют собой весьма продуктивный объект для изучения стремительно набирающей вес в рамках проекта Просвещения политики знания. В том числе в вопросах, связанных с особенностями и характером колониальных народов.

В этом плане опыт решения «Хайлендской проблемы» посредством интеллектуальной колонизации Горной Шотландии ответственными за ее умиротворение чинами, пытавшимися вскрыть конфликтный потенциал местных социально-экономических, политических, культурных норм и традиций и соотнести их с принципами, провозглашенными Англо-шотландской унией 1707 г., представляется сейчас особенно важным для изучения, особенно в свете современных проблем регионализма, сепаратизма и интеграции на государственном, региональном, глобальном уровнях.

Игнорирование регионального своеобразия затрудняет правильное понимание исторического опыта и логики современных событий, препятствуя интеграции и испытывая на прочность единство государств. Между тем изучение интеллектуальной колонизации Горной Страны в свете британского присутствия в крае позволяет вписать ее в более широкий процесс модернизации Шотландии в XVIII в. в рамках Соединенного Королевства

Highlands: written a short time after the Revolution // CP. P. 15; *Erskine J. Memorial concerning the Highlands of Scotland, and the Borders of South and North Britain. October 1746. III* // NAS. MKP. GD 124/15/1569/3; *Арнольд Дж.Р. Змеиные джунгли. М., 2010. С. 193.* В истории Британской империи стремление «завоевать сердца и умы» аборигенов превратилось в оспариваемый императив колониальных властей. См., напр., недавнее обсуждение этой проблемы на конференции в лондонском Институте исторических исследований: «Butcher and Bolt» or «Hearts and Minds»? *British Ways of Countering Colonial Revolt: A Historical Perspective. Conference Programme. 15–16 September 2011.*

и, шире, Британской империи, дополнив представления о его содержании, характере и формах пониманием значения и роли колониального знания в умиротворении и реформировании гэльской окраины; формировании универсальной британской идентичности в общеимперском контексте одновременно как продукта и инструмента этой модернизации.

Как соотносились формирование региональной, национальной и имперской идентичностей в Великобритании и картографические практики в Горной Стране в рамках усилий британских чинов и их местных агентов по географическому воображению гэльской окраины и определению географических и этнокультурных границ «Хайлендской проблемы»?

Какие основные категории и способы этнографической классификации жителей Горного Края, аргументы и риторические приемы ее обоснования были выработаны в ходе решения «Хайлендской проблемы»? В чем проявлялась связь дискуссий по поводу этнографического содержания «Хайлендской проблемы» и интересов военных и штатских чинов в Хайленде, правительства в Лондоне и представителей местных элит?

Что представляли собой особенности осмысления чинами, правительством и представителями местных элит феодально-клановых отношений в Горной Шотландии как основного содержания политэкономии «Хайлендской проблемы»? Как эти представления пытались использовать и корректировать с помощью рационализирующего статистического описания в рамках интеллектуальной колонизации Горной Шотландии?

Как военные и штатские чины на службе в Шотландии, их агенты, представители местных элит и правительство в Лондоне смотрели на значение и возможности колониального знания о географических, этнографических и политико-экономических особенностях «Хайлендской проблемы» в умиротворении и реформировании Горной Страны? Как соотносились между собой теоретические построения британских чинов, представителей местных

элит и правительства в Лондоне по реформированию социально-экономических, политических, культурных традиций горцев и практические меры по решению «Хайлендской проблемы»?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к изучению хайлендской политики Лондона по расширению и укреплению британского присутствия в Горной Стране, сделав основной упор на интеллектуальную колонизацию Горной Шотландии в ходе решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. как совокупности аналитических практик и риторических приемов, необходимых для приобретения и применения колониального знания в умиротворении и реформировании Горной Страны, в полемике чинов по поводу колониальной и окраинной политики Лондона. Настоятельно необходимо, таким образом, выявить и изучить характер, логику и содержание интеллектуальной колонизации Горной Шотландии, а также ее роль и значение в решении «Хайлендской проблемы». Этому и посвящена настоящая книга, предлагаемая вниманию читателей.

Категории анализа, понятия, методология

Основные категории анализа и понятия, применяемые в исследовании, требуют дополнительной конкретизации. Интеллектуальная колонизация Горной Шотландии в ходе решения «Хайлендской проблемы» Великобритании в 1689–1759 гг. понимается как аспект расширения британского присутствия в Горной Стране. Имеются в виду ее воображаемое присвоение, аргументация хайлендской политики Лондона, а также инициированные властями сбор, систематизация и анализ сведений о крае, необходимых для решения «Хайлендской проблемы».

Возможности использования этого колониального знания военными и штатскими чинами, их агентами и заинтересованными представителями местных элит позволяют говорить об интеллектуальной колонизации Горной

Шотландии и как о способе аргументации в политической полемике — как по поводу решения «Хайлендской проблемы», так и в связи с колониальной политикой Великобритании за океанами.

Понятие «британское присутствие» применительно к Горной Шотландии после заключения Англией и Шотландией унии в 1707 г. может вызвать удивление. Однако в исследовании оговаривается содержание этого казуса. Принятые в историографии обозначения подобного рода (британское присутствие в Ирландии после унии с Великобританией в 1800 г.) также подтверждают правомерность такого терминологического выбора.

Используемые в работе названия — «Верхняя Шотландия», «Горная Шотландия», «Горная Страна», «Горная Область», «Горный Край», «Хайленд» — обозначают регион Шотландии (северо-западнее Грэмпианских гор вместе с островами западного побережья), границы которого определялись пределами распространения социокультурных практик местного населения, основанных прежде всего на феодально-клановой системе, формировавшей социально-экономический, политический и культурный облик этого края.

Понятие «Хайлендская проблема», как уже отмечалось, представляет собой устоявшийся в англоязычной историографии термин, обозначающий обусловленные региональной спецификой трудности централизации государственной власти в Горной Шотландии в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Методологическая основа исследования характеризуется широтой тематических и дисциплинарных границ, позволяющей рассматривать его объект и предмет «как на перекрестках социально-гуманитарных наук, так и в общем пространстве научного знания»¹. Особенности процесса интеллектуальной колонизации Горной

¹ Репина Л.П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М., 2005. С. 5.

Шотландии в ходе решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. обусловили необходимость обращения к анализу взаимоотношений различных типов и стадий цивилизационного развития, вопросам формирования национального самосознания, изучению роли элиты в модернизирующемся обществе, трансформациям культурной и национальной идентичности под давлением иной модели общественно-исторического развития, роли гуманитарного знания в эпоху Просвещения и первых глобальных империй.

Изучение этих узловых проблем современных гуманитарных наук в рамках темы предлагаемой работы было бы невозможно без обращения к методам новой исторической науки, разработанным в результате целого ряда «поворотов» в развитии гуманитарного знания во второй половине XX в., включая «антропологический», «лингвистический», «культурный», призывающие изучать восприятие мира, поведение человека в прошлом в контексте всей совокупности социально-экономических, политических, культурных практик, принятых в изучаемом обществе в данное время.

В частности, важное значение для исследования имеет проблема культурного перевода, акцентирующая внимание не на событии и/или явлении, а на их отображении в сознании и последующей репрезентации. Именно эти культурные и интеллектуальные практики рассматриваются в рамках «культурного поворота» в исторической науке как исторический факт. В результате применение этого методологического подхода к анализу характера и логики интеллектуальной колонизации Горной Шотландии позволило дать более «плотную» (используя понятие антрополога Клиффорда Гирца), более разноплановую и более контекстную данной эпохе историю решения «Хайлендской проблемы», а выводы сделать более взвешенными.

С методологической точки зрения в изучении окраинной и колониальной политики государства раннего Нового времени в процессе консолидации политической

власти важное место занимают труды по истории этого института. Властные отношения в эту эпоху приобретают во многом новый характер. Для его описания французский философ, историк и социолог Мишель Фуко предложил использовать концепцию «дисциплинирующей власти», которая вполне прилагается к хайлендской политике Лондона в конце XVII — первой половине XVIII в. Отличающее ее «искусство распределений» предстает как искусство управления, например, в контексте статистических обозрений Хайленда. Фуко, заимствовавший его подходы американский филолог, историк и публицист палестинского происхождения Эдвард Вади Саид и другие (Джозеф Митчелл, Бруно Латур), приравняв знание к власти на методологическом уровне, заложили основы концепции интеллектуального завоевания, объединившей «научный» империализм и проект Просвещения, и оказали значительное влияние на активно формировавшиеся под влиянием стремительного распада европейских колониальных империй во второй половине XX в. методы постколониальных исследований¹.

Исследовательская оптика, применяемая в данной работе, требует дополнительного комментария в связи с методологическим прорывом в этой области в 1970–1980-е гг. В конце 1970-х гг. Саид, опираясь во многом на теоретические положения Фуко, задал новые рамки изучения взаимоотношений культуры и власти, определяя их через роль литературных произведений в укреплении идеологических основ империализма в эпоху Нового времени. В конце 1983 г. Эрих Хобсбаум предложил концепт «изобретенной традиции», связав создание наций

---

¹ Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. London, 1974 [рус. пер.: Фуко М. *Археология знания*. Киев, 1996]; *Idem*. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. London, 1977 [рус. пер.: *Он же*. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. М., 1999]; Said E.W. *Orientalism*. New York, 1978 [рус. пер.: Саид Э.В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб., 2006]; *Idem*. *Culture and Imperialism*. London, 1993 [рус. пер.: *Он же*. *Культура и империализм*. СПб., 2012].

с формированием объединяющих «традиционных» историко-культурных начал этого воображаемого сообщества¹. Последнее — аналитическая категория, предложенная в том же году другим британским историком, Бенедиктом Андерсоном, и использованная Хобсбаумом при выработке концепции «изобретенной традиции»². Для современных исследователей империй и национализмов концепции Саида, Хобсбаума и Андерсона по-прежнему являются обязательным методологическим чтением и часто отправной точкой научного поиска.

Однако наша трактовка их исследовательского потенциала имеет ряд принципиальных отличий. В отличие от схематичной концепции «дисциплинирующего государства» Фуко, настоящее исследование предполагает выяснение того, кто именно представлял это государство в каждый конкретный момент умиротворения Горной Страны в 1689–1759 гг. В противном случае познавательные возможности идей Фуко будут ограничены выявлением еще одного примера, подтверждающего его необоснованную исходную позицию о всеилии государственной власти в связи с чрезмерным значением, которое он придавал идеальным моделям анализа, что, в свою очередь, приводило к схематизации исторического процесса и сужению возможностей компаративных исследований³.

При этом, отталкиваясь от двойного методологического видения проблемы реформирования Горного Края Кристофера Бэйли («улучшения» как выражение мышления эпохи Просвещения и как практические меры по

---

¹ *The Invention of Tradition* / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983.

² *Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition* / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000. P. 15–41.

³ О критике концепции «дисциплинирующего государства» Фуко см., напр.: *Dupont D., Pearce F. Foucault contra Foucault. Rereading the Governmentality Papers // Theoretical Criminology*. 2001. Vol. 5 (2). P. 123–158.

социальной инженерии), к анализу различных форм интеллектуальной колонизации Хайленда целесообразно подойти не только как к аналитическим инструментам, способам постижения местных реалий, но и как к способам, инструментам социальной инженерии на гэльской окраине — одновременно как к технике власти и процедуре познания, о чем писал и Фуко¹.

В отличие от Саида, мы не сводим постижение «другой» реальности лишь к ее интерпретации в интересах господства и подчинения (интеллектуальная колонизация Хайленда была не только способом расширения британского присутствия в крае, но и средством использования горцами институтов британского государства, административного аппарата и армии).

Имея в виду в том числе недавние исследования шотландских коллег, невозможно согласиться с тем, что до изобретения романтической версии шотландской истории шотландский горец, как полагает Хью Тревор-Рупер, один из авторов организованного в 1983 г. Хобсбаумом сборника, принадлежал миру гэльской Ирландии. Горная Страна, по его мнению, была лишена культурной специфики,

---

¹ Bayly C.A. *Imperial Meridian: the British Empire and the World 1780–1830*. London, 1989. P. 80–81. Эту методологическую позицию разделяет и Фредрик Джонссон, которому автор признателен за указание на первоисточник: *Johnsson F.A. The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760–1830*. PhD Thesis. The University of Chicago, 2005. P. 16. М. Фуко пишет по этому поводу: «Создание “таблиц” — одна из огромных проблем научной, политической и экономической технологий XVIII в.: устраивать ботанические и зоологические сады и одновременно создавать рациональные классификации живых существ; наблюдать, контролировать, упорядочивать обращение товаров и денег и при этом создавать экономическую таблицу, которая может служить как принцип увеличения благосостояния; надзирать за людьми, констатировать их присутствие или отсутствие и составлять общий и постоянный реестр вооруженных сил... все это двойные операции, в которых неразрывно связаны друг с другом два составных элемента: распределение и анализ, контроль и понимание. В XVIII в. таблица — одновременно и техника власти, и процедура познания»: Фуко М. Надзирать и наказывать... С. 215–216.

что упрощает представление об историческом контексте решения «Хайлендской проблемы»¹.

Касаясь концепции воображаемых сообществ Андерсона, необходимо учитывать, что, хотя она описывает модель нациестроительства в рамках отдельного национального государства, имперская идентичность европейских империй эпохи раннего Нового времени формировалась во многом по тому же самому принципу.

Продуктивным ответом на методологические вызовы «поворотов» современного гуманитарного знания и постколониальных исследований стала новая история империй, постулируемая в качестве альтернативы нарративу центра и власти, с одной стороны, и нации и национального государства, с другой². Когда речь идет об имперском измерении интеллектуальной колонизации Горной Шотландии, о Горной Стране как лаборатории империи в связи с перенесением хайлендского опыта в заморские владения британской короны, методологические возможности обращения к новой истории империй представляются весьма перспективными.

Речь идет об исторической реконструкции сложной ткани взаимоотношений Лондона, военных и штатских чинов на шотландской службе и представителей местных элит как в Лоуленде, так и в Хайленде в контексте интеллектуальной колонизации гэльской окраины; об учете асимметрии административных и правовых норм и традиций в Горной Стране; об отношении к интеллектуальной

---

¹ Более предметный взгляд на вопрос идентичности в Хайленде в раннее Новое время см., напр.: *Ferguson W. Samuel Johnson's Views on Scottish Gaelic Culture // SHR. Vol. LXXVII, 2. No. 204. October 1998. P. 183–198; MacCoinnich A. «His spirit was given only to warre»: conflict and identity in the Scottish Gaidhealtachd, c. 1580 — c. 1630 // Fighting for Identity: Scottish Military Experience, c. 1550–1900 / Ed. by S. Murdoch and A. Mackillop. Leiden, 2002. P. 133–142.*

² Подробнее с методологией новой имперской истории можно познакомиться на основе материалов международного тематического журнала с говорящим названием «От империи», вокруг которого сформировалась целая интернациональная школа (пост)имперских исследований: *Ab Imperio*. 2000–2009. Казань, 2010 [индекс публикаций].

колонизации как к теории и практике социальной инженерии и способу расширения британского присутствия в Хайленде; о роли и значении колониального опыта чинов в его умиротворении и реформировании (ирландские корни генералов Уэйда и Блэнда); о реакции местных элит на политику Лондона; о пересечении и связи имперской экспансии за океанами с решением «Хайлендской проблемы».

Помимо конкретно-проблемных методов исследования в работе использовались общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, описательный, количественный, сравнение и аналогия) и специально-научные (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический) методы.

В частности, историко-сравнительный метод позволяет рассмотреть интеллектуальную колонизацию Горной Шотландии в ходе решения «Хайлендской проблемы» как в контексте окраинной политики европейских государств раннего Нового времени, так и в свете колониальной политики Великобритании за океанами. Изучение вопроса в таком компаративном ключе создает благоприятные возможности не только для определения характерных особенностей формирования и применения колониального знания о Горной Стране в хайлендской политике Лондона, но и для изучения его динамики и эволюции, что способствует выявлению определенных закономерностей интеллектуальной колонизации гэльской окраины.

Особое значение имеет историко-системный подход. Его применение позволяет раскрыть целостность объекта и предмета исследования, выявить многообразные типы, формы связей между ними и свести их в единую историческую картину. Таким образом, изучение интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. напрямую связано с учетом всех остальных аспектов решения «Хайлендской проблемы». Кроме того, системный характер изучения заявленной темы исследования предполагает рассмотрение различных направлений, форм и способов формирования

и применения колониального знания о крае в тесной связи с анализом его функционирования и транслирования на различных уровнях принятия решений по умиротворению и реформированию гэльской окраины.

В целом исследование осуществлялось на основе принципов историзма, конкретности и системности, в соответствии с которыми интеллектуальная колонизация Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. в ходе решения «Хайлендской проблемы» изучается как процесс, в изменении и развитии, что позволяет изучать влияние отдельных военных и штатских чинов, их агентов и представителей местных элит на Корону и правительство в Лондоне, с одной стороны, и обратное воздействие внутренней и внешней политики Великобритании на них, с другой, в свете заявленной темы исследования.

Свидетельства источников, оценки и споры исследователей

Источники

Источниковая база исследования включает опубликованные документы и архивные материалы, хранящиеся в фондах Британской библиотеки (Лондон), Национального архива (Кью), Библиотеки Хэллворда (Университет Ноттингема), Национальной библиотеки Шотландии (Эдинбург), Национального архива Шотландии (Эдинбург) и Шотландской национальной портретной галереи (Эдинбург).

При этом часть документации дублируется, что позволяет последовательно сопоставить позиции ключевых фигур в интеллектуальной колонизации Горной Шотландии при решении «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. в диалоге с разными чинами, министрами, ведомствами. Кроме того, необходимо отдельно отметить, что источники по теме исследования

в некоторых из указанных архивов и библиотек образуют самостоятельные комплексы документов, что создает благоприятные возможности для их всестороннего, комплексного анализа¹.

Комплекс использованных источников включает письменные и изобразительные материалы, многие из которых впервые введены в научный оборот или практически не привлекались для изучения поставленных в книге проблем. Для характеристики комплекса использованных источников целесообразно классифицировать их по видам и разделить по степени значимости для исследования на несколько групп. К письменным документам относятся аналитическая литература; официальная и частная корреспонденция; государственно-правовые акты и журналы парламентских сессий; следственные материалы и материалы судебных процессов; манифесты, резолюции и прокламации; мемуары и воспоминания; путевые заметки, дорожные дневники, хорографические сочинения; памфлеты, публицистика, художественная проза; трактаты; оды, поэмы и проповеди; военные уставы и наставления. Изобразительные материалы представлены портретной живописью и картографическими материалами: обычными и военными топографическими и этнографическими картами, планами фортов и укрепленных казарм, схемами сражений.

Аналитическая литература, представленная мемориалами, рапортами, отчетами, обзорами о положении в Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в., занимает особое место в раскрытии заявленной нами темы исследования. Источники этого типа практически неизвестны российским историкам и крайне слабо проработаны или вовсе не исследованы в зарубежной историографии. В результате в существующих работах

¹ Нап.: BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1760. Add. Ms. 35890, 35891; BL. HP. Vols. XCVIII–CI. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. 1737–1763. Add. Ms. 35446, 35447, 35448, 35449; TNA. SP 54.11–19, 32, 37–45; NLS. Wade letters and papers — Acc. 6666; NLS. Wade Papers. Vols. 1–2. Collected and Arranged by G.B. Salmond in 1930–1934. Ms. 7188 (A–B).

отсутствует полноценный анализ содержащегося в этих документах материала, отсутствует оценка их роли и значения в интеллектуальной колонизации Горной Страны в ходе решения «Хайлендской проблемы».

Важнейшие аналитические сочинения, принадлежащие перу наиболее влиятельных и деятельных в Горном Крае в 1689–1759 гг. военных и штатских чинов, их агентов и представителей местных элит, представлены мемуриалами Саймона Фрэзера, лорда Ловэта и вождя клана Фрэзер, лордов-клерков Сессионного суда Шотландии Джеймса Эрскина, лорда Грэнджа и Эндрю Флэтчера из Сэлтоуна, лорда Милтона; записками лорда-адвоката, затем лорда-президента Сессионного суда Шотландии Данкана Форбса из Каллодена; лэрда Никола Грэма Гэртмора; рапортами командующих королевскими войсками в Шотландии генерал-майоров Хью Маккея из Скоури и Джорджа Уэйда, капитан-генерала Уильяма Августа, герцога Камберленда, и генерал-лейтенанта Хамфри Блэнда¹.

Именно эти активные участники интеллектуальной колонизации Горной Шотландии сформулировали основные категории описания и анализа «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. и применили их

---

¹ Напр.: *Mackay H. Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833. P. 110–117; Fraser S. Memorial concerning the Highlands of Scotland by Simon, Lord Lovat. To His Grace the Duke of Newcastle, his Majesty's principal Secretary of State. 1727 // TNA. SP 54.18 (55/220–223); Lord Grange. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724; Idem. A Continuation of the Account of the Highlanders and Highlands. Edr., 2 Jan., 1725 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1–2; Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724; Forbes D. Memorial anent the True State of the Highlands as to their Chieftenries, Followings and Dependances before the Late Rebellion. 1746 // HPJP. Vol. I. P. 131–146, 166–176; Graham N. Memoriall relating to the State of the Highlands of Scotland, to be annexed to the Enquiry into the Causes of the Insurrections there. 1747 // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 147–150; Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [1747] // AP. P. 480–492; Sketch of Regulations proposed to be made in Scotland. 1746. In a Letter of the Duke of Cumberland to the Duke of Newcastle. Fort Augustus, June 26, 1746 // TNA. 54.32 (24A/91–95).*

на практике в процессе умиротворения и реформирования Горного Края. Значение и познавательные возможности составленных ими документов, таким образом, состоят в том, что позволяют увидеть конечные, итоговые результаты накопления, отбора и анализа колониального знания о мятежной гэльской окраине.

При этом большое внимание уделяется разбору аргументации, выбору стратегии доказательства необходимости следовать тому или иному курсу в решении «Хайлендской проблемы», личным и политическим мотивам авторов. Особый интерес в этой связи представляют столкновения мнений, в которых дискурсивные стратегии становились наиболее явными, заочные дискуссии чинов в результате единовременного представления ими своих соображений правительству в Лондоне.

Так выработывалось колониальное знание о Горной Стране в 1724 г., когда Корона поручила генералу Уэйдуперепроверить сведения, приведенные в мемориале лорда Ловэта, о чем командующий доложил в своем рапорте, а королевские министры поручили изложить свою версию состояния Хайленда представителю гражданской администрации Шотландии лорду Грэнджу, чтобы сопоставить ее с информацией, собранной в крае командующим. Схожим образом комментаторы конкурировали между собой и после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг.

Аналитические сочинения активных участников интеллектуальной колонизации Горной Страны ограждают необходимые в интересах полноты предпринятого исследования позиции фигур, занимавших разное положение в местной среде и вместе с тем связанных общими интересами. Лорд Ловэт был уроженцем Хайленда и олицетворял «Хайлендскую проблему» в конце XVII — первой половине XVIII в. Лорд Грэндж занимал ответственный пост в гражданской администрации Шотландии и служил Короне в бурное время якобитских восстаний. Генерал Уэйд исполнял обязанности командующего в Шотландии, где столкнулся с необходимостью решать многие вопросы не только военного, но и административного характера,

в конечном итоге выработав стратегию расширения британского присутствия в Горной Стране и решения «Хайлендской проблемы», которой его преемники на этом посту во многом придерживались вплоть до окончательного исчезновения якобитской угрозы к концу 1750-х гг.

Следующей по значению группой аналитических сочинений о состоянии Горной Шотландии и мерах по решению «Хайлендской проблемы» являются мемориалы и рапорты, представленные в Лондон не высокими чинами, а рядовыми исполнителями программ умиротворения мятежного края. В отличие от комментариев лордов Грэнджа и Милтона или генералов Уэйда и Блэнда, эти документы фиксируют не социально-экономический, политический, культурный идеал развития Хайленда, а реалии, характерные для Горной Страны во времена якобитской угрозы. Эти источники представляют особый интерес для изучения повседневных методов и способов интеллектуальной колонизации гэльской окраины, реакции вождей и магнатов, их клансменов и вассалов на попытки властей решить «Хайлендскую проблему» и реформировать край.

В этом смысле значительный интерес представляют отчеты и обзоры оценщиков и управляющих, работавших под началом Комиссии специальных уполномоченных по конфискованным имениям в Горной Шотландии¹. Эти документы позволяют составить представление о том, в каких категориях реформаторы анализировали содержание «Хайлендской проблемы» на начальном этапе сбора

---

¹ A Memorial from the Commissioners of Enquiry in Scotland to The Right Honorable The Lord Viscount Townshend, one of His Majesty's Principal Secretaries of State. October 5, 1716 // TNA. SP 54.12 (220B/547-550); Report of David Bruce, Esq., one of the Surveyors of the Forfeited Estates in Scotland. 1750 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. January 1749 — July 1753. Add. MS 35447. P. 89-95; Report to the King by the Commissioners for managing the Annexed Estates in Scotland. Edinburgh, November 5th, 1755 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,050. P. 433-440; A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers. 1715; 1745 / Ed. from the Original Documents, with Introduction and Appendices by A.H. Millar. Edinburgh, 1909; Reports on the Annexed Estates 1755-1769 / Ed. by V. Wills. Edinburgh, 1973.

и систематизации сведений о крае. С одной стороны, в них содержится характеристика особенностей социально-экономической и военной организации клана до перехода хайлендской политики Лондона в фазу решительного реформирования местных порядков и окончательного решения «Хайлендской проблемы». С другой стороны, эти отчеты и обзоры последовательно фиксируют изменения, происходившие в шотландских горах в результате умиротворения и реформирования края.

Таким образом, при изучении интеллектуальной колонизации Горной Страны в ходе решения «Хайлендской проблемы» можно проанализировать механизмы и логику всей цепочки культурного перевода британскими чинами местных реалий на язык политики, принятый в остальном королевстве, — от оценщиков и управляющих, их агентов в местной среде, к высшим гражданским чинам и командующим королевскими войсками в Шотландии и далее к Короне, правительству и парламенту в Лондоне.

Кроме того, эти документы свидетельствуют, что общие цели, которые ставились перед Комиссией по конфискациям после подавления мятежей якобитов в 1716 и в 1746 гг., были реализованы по-разному и имели различное значение для решения «Хайлендской проблемы».

Уникальность эпистолярного наследия для изучения интеллектуальной колонизации Горной Страны в конце XVII — первой половине XVIII в. заключается в том, что оно позволяет взглянуть на ситуацию в Хайленде глазами участвовавших в умиротворении края чинов, их агентов, а также представителей местных элит в процессе повседневной деятельности на мятежной гэльской окраине¹.

¹ Напр.: Copy. L.G. to Viscount Townshend Secretary of State. Edinburgh, 29 Decbr., 1724 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/3; Letter-Book of Gen. Bland. 1747–1754 // NLS. Ms. 304; General Bland to His Grace the Duke of Newcastle, and etc. etc. Edinburgh, 29th Oct., 1754 // BL. NP. Vol. LII. Add. MS. 32737. P. 225; Lieut.-Gen. Churchill to the Duke of Hardwicke. Dalkeith House, 26 July, 1753 // BL. HP Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 10–11; David Bruce to the Lord Hardwicke. 18th June, 1750 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. January 1749 — July 1753. Add. MS 35447. P. 85.

Сопоставление их корреспонденции с аналитической литературой разного уровня создает благоприятные возможности не только для выявления преемственности и новаций в подходах к решению «Хайлендской проблемы», но и для уточнения характерных особенностей представлений о роли и значении экспертного знания о крае, о возможностях и пределах его применения.

Показательным примером с точки зрения значения корреспонденции как источника для предпринятого исследования служит эпистолярное наследие Форбса из Каллодена, лорда-адвоката с 1725 г., затем лорда-президента Сессионного суда Шотландии с 1737 г. Масштабы его переписки впечатляют. Из 485 писем Форбсов из Каллодена между 1690 и 1747 гг. 216 писем фиксируют события между крупнейшими мятежами якобитов 1715–1716 и 1745–1746 гг. 201 из них непосредственным образом (включая корреспондентов — военных и гражданских чинов, вождей и магнатов Горного Края) связано с Хайлендом. 112 писем из этих 201 принадлежат перу либо адресованы лэрду Каллодену, а 30 из этих 112 писем представляют собой по форме, сути и содержанию мемориалы и рапорты на имя государственных секретарей и чинов, курировавших антиякобитскую агентурную деятельность (остальные письма к этим отчетам имеют прямое отношение как по кругу обсуждавшихся проблем, так и по вопросам позиции официальной шотландской администрации и фактических местных властителей)¹.

Фамильная корреспонденция Форбсов до мятежа 1715–1716 гг. и Данкана Форбса в мятежные 1745–1746 гг. и после расширяют наши представления об эволюции

---

¹ СР. Вместе с корреспондентами Данкана Форбса из Каллодена мы наблюдаем разоружение Хайленда весной 1716 г., пытаемся бороться с грабежами и разбоем в крае, обсуждаем размещение гарнизонов в Горной Стране и агентурную деятельность якобитов, совершаем разведывательные экспедиции в Хайленд, напр.: Robert Baillie [to Culloden]. Inverness, March 23, 1716; Duke of Argyle to Mr. Duncan Forbes. Edinburgh, August 28, 1716; Forbes of Culloden to Mr. Delafaye. Edinburgh, October 29, 1726; General Wade to the Lord Advocate. Hutt at Dalnacardock. August 27, 1729 // СР. P. 43, 59–60, 97, 109.

подходов к реализации и практическому применению результатов интеллектуальной колонизации Горной Страны в виде различных планов по расширению присутствия Короны в Хайленде.

В том, что касается информативных возможностей такого рода источников, как официальная корреспонденция, необходимо отметить обширную переписку Джорджа Мелвилла, 1-го графа Мелвилла, государственного секретаря по делам Шотландии в 1689–1691 гг., Уильяма Энна Кеппела, 2-го графа Эбемарла, командующего королевскими войсками в Шотландии в 1746–1747 гг., и Эндрю Флэтчера из Сэлтоуна, лорда Милтона, лорда-клерка Сессионного суда Шотландии в 1746–1748 гг.¹ Почти 562 письма из 588 в эпистолярном наследии графа Мелвилла затрагивают вопросы умиротворения Хайленда (совпадая по времени с первым восстанием сторонников Якова Стюарта), 201 письмо графа Эбемарла и 52 письма лорда Милтона посвящены исключительно проблемам умиротворения края, вновь вставшим перед правительством во весь рост с подавлением мятежа 1745–1746 гг.

Таким образом, переписка этих военных и штатских чинов способствует более точному анализу закономерностей и особенностей британского присутствия в Горной Шотландии в 1689–1759 гг., помогает многограннее

---

¹ LMP; AP. Стоит отметить, что последние чрезвычайно информативны также потому, что представляют собой настоящий «слоеный пирог»: многие письма графа Эбемарла и лорда Милтона содержат в себе вложенные ими отчеты различных информаторов в Горной Стране о состоянии края в 1746–1748 гг., напр.: (Enclosure I.) Intelligence. Dunkeld, December 9, 1747. Report by G.M.; (Enclosure II.) Examination of John Murray. Perth, December 2, 1747. In pursuance of John Robertson of Tullibelton Esqr., present Provost and Sheriff of Perth; (Enclosure III.) Lord Justice-Clerk to George Miller. Edinburgh, December 2, 1747; (Enclosure IV.) Information against James Davidson. Carsgonie. November 22–24, 1747; (Enclosure V.) List of persons proposed to be assisting to Lieutenant General Bland in the execution of the Disarming Act; (Enclosure VI.) List of Officers of the Army proposed to be added to the ordinary lists of the Justices of Peace in all the Countys where the Disarming Act takes place; (Enclosure VII.) A. Garden to the Lord Justice-Clerk. Edinburgh, December 15, 1747 // Lord Justice-Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 15, 1747 // AP. P. 492–505.

представить процесс решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в., а следовательно, и рамки интеллектуальной колонизации гэльской окраины благодаря установлению круга респондентов ответственных за умиротворение Горного Края чинов, их агентов, министров в Лондоне и заинтересованных представителей местных элит.

С другой стороны, необходимой для полноты исследования представляется корреспонденция, например, Джорджа Локхарта из Кэрнуэза, одного из важнейших резидентов агентуры «старшего Претендента» в Шотландии. Из 129 писем 23 связаны с британским военным присутствием в Горной Стране, 15 из этих 23 за август–декабрь 1725 г. позволяют составить подробное (подтверждающее сообщаемые командующим королевскими войсками в Шотландии сведения) представление об участии горцев в процессе их разоружения генералом Уэйдом¹.

И конечно, самый живой интерес для любого исследователя Горной Шотландии первой половины XVIII в. представляет эпистолярное наследие капитана Эдуарда (Эдмунда) Барта, одного из интендантов в Горной Стране при генерале Уэйде и инспектора конфискованных имений в Хайленде². В фокусе анализа — письма не просто чужестранца в Горной Стране, но англичанина, не просто стороннего наблюдателя, но военного чина, не просто офицера, но интенданта, сборщика налогов с конфискованных у вождей якобитов имений, хотя в полковых списках того времени имя капитана Эдуарда (Эдмунда) Барта не значится³.

---

¹ LP. Дэниел Сзечи назвал Джорджа Локхарта «главным агентом старшего Претендента в Шотландии» в 1717–1727 гг.: *Szечи D. Constructing a Jacobite: The Social and Intellectual Origins of George Lockhart of Carnwath* // THJ. 1997. Vol. 40. No. 4. P. 978.

² *Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With an Introduction by R. Jamieson. Vols. I–II. Edinburgh, 1876.*

³ Присваиваемые некоторым инженерам Артиллерийской палаты военные звания в первой половине XVIII в. имели номинальное значение и были связаны со служебной необходимостью: *Anderson C.J. Constructing the Military Landscape. The Board of Ordnance Maps and Plans of Scotland, 1689–1815. PhD Thesis. Vols. 1–2. Edinburgh, 2009. P. 61–70.*

Капитан вознамерился познакомить анонимного (вполне реального, если верить первым издателям писем) столичного приятеля (столь же уместно предположить, что это лишь весьма популярная в ту эпоху литературная форма письма) не с «предрассудками» и расхожими мифами о Горной Стране, а с известными ему в силу различных служебных обязанностей сторонами жизни на гэльской окраине¹. Познавательные возможности этого единственного в своем роде источника первой половины XVIII в. о состоянии Хайленда в передаче как восприятия британским агентом реалий, так и собственно фактов повседневной жизни умиротворяемого края (не таким высоким военным чином, как генерал Уэйд, но более свободным в суждениях от официальных условностей) очень значительны.

«Письма джентльмена с севера Шотландии» считаются одним из немногих подробных свидетельств очевидца о нравах и обычаях жителей Горной Страны между крупнейшими выступлениями якобитов в 1715–1716 и 1745–1746 гг. Характерное, хотя и не вполне справедливое замечание оставил в этой связи Роберт МакКиннон: «Основные источники о Хайленде времен принца Карла Эдуарда Стюарта происходят от двух человек: Данкана Форбса из Каллодена, лорда-президента Сессионного суда, и английского солдата, капитана Эдуарда Барта»². Почти полвека спустя Чарльз Уизерс, во многом пионер в смежной и динамичной области исторической, политической, этнокультурной и лингвистической географий Шотландии, в схожей манере рекомендовал новое издание «Писем»³.

В этой связи остается только добавить, что даже в относительно недавнем обзоре К.В. Шьюзер, призывающем к привлечению более широкого круга источников при изучении якобитских восстаний, упоминается

¹ *Burt E. Letter I // Burt E. Op. cit. P. 10.*

² *McKinnon R. The Jacobite Rebellions. London; New York, 1973. P. 67.*

³ *Withers C.W.J. Introduction // Burt E. Op. cit. Edinburgh, 1998. P. vii–xiv.*

корреспонденция, имеющая отношение к разоружению Хайленда весной 1716 г., рапорт генерала Уэйда 1725 г. о положении в Горной Шотландии (наименее значимый среди известных рапортов этого командующего в Шотландии), но при этом ни разу не говорится о возможности использовать эти и другие документы эпохи, включая «Письма джентльмена с севера Шотландии», в изучении интеллектуальной колонизации Горной Страны в качестве самостоятельного исторического феномена¹.

Сложность работы с этим крайне примечательным документом эпохи заключается в том, что определить его репрезентативность в качестве образчика полевого исследования в рамках интеллектуальной колонизации края весьма затруднительно. С одной стороны, капитан Барт предстает одним из наиболее деятельных офицеров генерала Уэйда в Горной Шотландии². С другой стороны, большая часть достоверных сведений о капитане связана с «Письмами». История и обстоятельства их создания и последующих публикаций — это во многом и есть документально подтвержденная история капитана Эдуарда Барта. Биография как источниковедческий анализ оказывается едва ли не единственным решением данной проблемы.

Обращение к парламентским документам дает возможность составить представление об отношении комонеров к политике правительства в Горной Шотландии, роли и значении присутствия Короны в Хайленде. При этом законодательные акты воплощают собой результаты работы парламентских сессий, а официальные журналы

---

¹ *Schweizer K. W. Neglected Source Materials on the Jacobite Risings // Scottish tradition. 1999. Vol. 24. P. 13–26.*

² В связи с деятельностью командующего королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 гг. в Горной Стране в документах эпохи чаще цитируется только имя майора Уильяма Коулфилда, главного инспектора военных дорог в Хайленде при генерале Уэйде, продолжившего его начинания на этом поприще и при последующих командующих в Шотландии: *Roads and Bridges in the Scottish Highlands: the route between Dunkeld and Inverness, 1725–1925 / By G.R. Curtis // PSAS. 1978–1980. Vol. 110. P. 482–495.*

обеих палат парламента отражают состав участников, повестку сессии, стадии прохождения биллей¹.

Показательным представляется поведение парламентариев при вотировании военных бюджетов, а также актов о разоружении, амнистии и конфискациях в Горной Стране, что позволяет выявить динамику финансирования Лондоном отдельных мероприятий программ британского присутствия в крае в конце XVII — первой половине XVIII в. и степень заинтересованности властей в решении «Хайлендской проблемы»². Анализ парламентских документов позволяет реконструировать законотворческую деятельность и процесс принятия решений в хайлендской политике Лондона, основанных на результатах интеллектуальной колонизации Горной Шотландии — с точки зрения парламентской деятельности уточнить, каким образом соотносились между собой теория и практика решения «Хайлендской проблемы».

Государственно-правовые акты проясняют, какими Лондон желал видеть результаты британского присутствия в Горной Стране³. Напротив, манифесты, резолюции и прокламации демонстрируют желательную картину на фоне действительной с точки зрения изгнанных Стюартов⁴. При этом первые, таким образом, юридически

---

¹ The History and Proceedings of the House of Commons: In 10 Vols. Vols. 4–10. London, 1742; The Journal of the House of Commons: In 12 Vols. Vol. 12. London, 1802; The Journal of the House of Lords: In 20 Vols. Vol. 20. London, 1802.

² The History and Proceedings of the House of Commons: In 10 Vols. Vols. 4–10. London, 1742.

³ Напр.: An Act for more effectual disarming the Highlands in Scotland, 1746 // Select Statutes, Cases and Documents to Illustrate English Constitutional History, 1660–1832. With Additional Matter on Irish and Canadian Documents (1840–1931) / Ed. by C.G. Robertson. London, 1949. P. 214–221.

⁴ Напр.: Manifesto by the Noblemen, Gentlemen, and others, who dutifully appear at this time in asserting the undoubted rights of their lawful Sovereign, James the Eighth, by the Grace of God, King of Scotland, England, France, and Ireland, Defender of the Faith, etc. September 9, 1715; Manifesto of James VIII by the Grace of God, King of Scotland, England, France, and

фиксируют некоторые результаты интеллектуальной колонизации края, которые вошли в обиход официальных властей в качестве аналитических инструментов (например, категория «клан»). Вторые отражают претензию «Претендентов» и их сторонников на знание и понимание нужд и чаяний шотландского народа, в том числе горцев Хайленда (с точки зрения специфики их социального устройства).

Резолюции приведших кланы под штандарт «младшего Претендента» вождей дают возможность расширить представление об основе армии Карла Эдуарда Стюарта и ее возможностях в противостоянии регулярным частям британской армии в Хайленде в 1745–1746 гг., а это — оценка достигнутых результатов и нереализованных возможностей британского присутствия в крае в предшествующие десятилетия из самых взыскательных уст, пожалуй, во всем Соединенном Королевстве в то время¹.

Значительным исследовательским и познавательным потенциалом обладают следственные материалы и материалы судебных процессов по делам о государственной измене, в которых были замешаны шотландские горцы (бунт в 43-м (с 1749 г. 42-м) Королевском (с 1758 г.) горцев пешем полку «Черная стража» в 1743 г. против вывода из Горной Страны; связь с якобитами лорда Ловэта во время мятежа 1745–1746 гг.; история разгрома «армией горцев» командующего королевскими войсками в Шотландии генерала сэра Джона Коупа в 1745 г., в результате попавшего под трибунал)². Эти документы

Ireland, Defender of the Faith, &c. August 19, 1745 // Keltie S.J. Op. cit. P. 429–431, 523–525; Proclamation in honour of James VIII. Braemar, September 9, 1715 // Petrie C. The Jacobite movement. London, 1959. P. 238–239.

¹ Напр.: Paper signed by Lord George Murray and some of the most influential of the chiefs, laid before Prince Charles, which set forth concisely the position of Charles's military affairs at this time, Falkirk, 29 January 1746 // Home J. The History of the Rebellion in the year 1745. London, 1802.

² The official records of the mutiny in the Black Watch: a London incident of the year 1743 / Ed. by H.D. Macwilliam. London, 1910; Trial of Simon, Lord Lovat of the 45' / Ed. by D.N. Mackay. Edinburgh and Glasgow, 1911; A Report of the Proceedings and Opinion of the Board of General Officers, on their Examination into the Conduct, Behaviour, and Proceedings of

демонстрируют, как власти оперировали категориями описания социальной реальности Горной Шотландии, выработанными или наполненными новым содержанием в ходе интеллектуальной колонизации края.

В этой связи большой интерес также представляют протоколы судебных заседаний по делам о грабежах и разбое в Хайленде, связанные с семейством Роб Роя (он же Рыжий Роберт, Роберт Кэмпбелл или МакГрегор)¹. В сопоставлении с документами, иллюстрирующими агентурную деятельность Роб Роя на службе у генерала Уэйда, материалы судебных преследований его сыновей фиксируют изменения представлений о географии «Хайлендской проблемы» и постепенное исчезновение ее воображаемых границ в середине XVIII в. как в сознании авторов аналитических сочинений об умиротворении Горной Страны, так и в повседневной юридической практике.

Любопытные и порой уникальные сведения сообщают мемуары и воспоминания современников и участников рассматриваемых нами событий, позволяющие дополнить личными впечатлениями авторов представления о Шотландии, бытовавшие в Англии; проследить поведение союзных Лондону вождей Хайленда между мятежами якобитов; проникнуть за кулисы тайной дипломатии и агентурной деятельности Ганноверов и Стюартов; побывать в открывшем ворота армии Карла Эдуарда Стюарта Эдинбурге и посмотреть на ее состав и вооружение,

---

Lieutenant-General Sir John Cope, Knight of the Bath, Colonel Peregrine Lascelles, and Thomas Fowke. From the Time of the breaking out of the Rebellion in North-Britain in the Year 1745, till the Action at Preston-pans inclusive. Taken Publicly in the Great Room at the Horse-Guards in the Year 1746. With a Preface, containing the Reasons for this Publication. Dublin; London, 1749.

¹ The Trials of James, Duncan, and Robert M'Gregor, three sons of the Celebrated Rob Roy, before the High Court of Justiciary, in the Years 1752, 1753, and 1754. To which is prefixed A Memoir relating to the Highlands, with Anecdotes of Rob Roy and his Family. Edinburgh, 1818; Dramatisation of the Trial of the Outlaw Robin Oig MacGregor for the Abduction of Jean Key from Edinbellie in the parish of Balfron before the High Court of Justiciary held at Edinburgh, December 24th 1753 / Adapted by J. Thomson from «The Trials of the Sons of Rob Roy» and NAS (file JC3/29). 2004.

круг сторонников правительства в Горной Стране, а значит, четче расставить акценты в вопросах лояльности и враждебности новой династии в крае; познакомиться с впечатлениями современников о последнем вооруженном восстании якобитов, с их оценкой усилий правительства по решению «Хайлендской проблемы» в свете интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в.¹

Путевые заметки и дорожные дневники второй половины XVIII в. способствуют выявлению представлений современников о результатах применения накопленного в конце XVII — первой половине XVIII в. опыта умиротворения и реформирования Горной Страны посредством обращения их авторов к недавнему прошлому Хайленда для сравнения с современным им состоянием Горного Края².

Хорографические сочинения, некоторые из которых целесообразно отнести к этой группе источников, представляют собой одну из распространенных форм интеллектуальной колонизации, в том числе Горной Шотландии.

---

¹ *Oldmixon J.* Memoirs of North-Britain, taken from authentick writings, as well manuscript as printed. In which it is prov'd, that the Scots nation have always been zealous in the defence of the Protestant religion and liberty. London, 1715; *Fraser J.* Major Fraser's Manuscript. His Adventures in Scotland and England; his Mission to, and Travels in, France in Search of his Chief; his Services in the Rebellion (and his Quarrels) with Simon Fraser, Lord Lovat. 1696–1737. Vols. I–II / Ed. by A. Fergusson. Edinburgh, 1889; *Hooke N.* The History of Colonel Hooke's Negotiations in Scotland in Favour of the Pretender; in 1707. Including the Original Letters and Papers between the Scotch and Irish Lords and the Courts of Versailles and St. Germain. With a Translation of Letters, talking a Narrative of the Pretender's Expedition into Scotland in 1708, and his Return to Dunkirk, transmitted to the French Court by the commanding Officers of the Squadron. London, 1760; *Home J.* Op. cit.; *Ascanius, or the Young Adventurer.* London, 1746; *The History of the Rebellion 1745 and 1746.* Edinburgh, 1748.

² Нап.: *Pococke R.* Tours in Scotland 1747, 1750, 1760 / Ed. by D.W. Kemp // Publications of Scottish History Society. First Series. Vol. I. Edinburgh, 1887; *Robertson J.* Tour through some of the Western Islands, etc., of Scotland in 1768 / By A. Mitchell // PSAS. 1897–1898. Vol. 32; *Pennant T.* Tour in Scotland. Chester, 1771; Earl of Buchan to the Secretary, giving an Account of a Tour through Aberdeenshire, in 1789. Read to the Society, 15th of December 1789, and 12th of January 1790 // PSAS. 1831. Vol. 3.

В этой связи они, разумеется, представляют исследовательский интерес, позволяя увидеть, как собранные в Шотландии по распоряжению властей агентурные сведения преобразовывались в распространенные среди читающей публики представления о Горной Стране и формировали информационную среду принятия решений по «Хайлендской проблеме»¹.

Более полному раскрытию этого аспекта интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в ходе решения «Хайлендской проблемы» способствует работа с памфлетной и художественной литературой, а также таким своеобразным жанром печатной продукции, как оды, поэмы и проповеди².

---

¹ Defoe D. *A Journey through Scotland*. London, 1723; *Idem*. *Tour Through the whole Island of Great Britain / Introductions* by G.D.H. Cole and D.C. Brawning: In II Vols. London; New York, 1962.

² Напр.: Смоллет Т. Путешествие Хамфри Клинкера. М., 1983; Fletcher A. *Two discourses concerning the affairs of Scotland*, written in the year 1698. Edinburgh, 1698; *A Memorial concerning the Disorders of the Highlands, especially the Northern Parts thereof, and the Isles of Scotland. With an Account of Some Means by which the same may be redressed and prevented*. Edinburgh, 1703; Withers J. *The Perjury and Folly of the Late Rebellion Display'd: In a Sermon Preach'd at Exon, June the 7th 1716. Being the Day appointed for a Publick Thanksgiving, For the Success of His Majeties Forces against the Rebels, at Preston, Dumblain, and Perth*. London, 1716; *The Highland Rogue: or, the Memorable Actions of the Celebrated Robert Mac-gregor, Commonly called Rob Roy*. London, 1723; *Albania: a Poem, addressed to the Genius of Scotland. Dedicated to General Wade, Commander in Chief of his Majesty's Forces in North Britain*. London, 1737; *The Happy Life. An Epistle to the Honourable Lieutenant General Wade*. London, 1733; *A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland, concerning The Slavish Dependencies, which a great Part of that Nation is still kept under, by Superiorities, Wards, Reliefs, and other Remains of the Feudal Law, and by Clanship. Containing Very good Hints for reforming the Highlands, and preventing Rebellion for the future. First printed at Edinburgh in 1721*. London, 1746; *Barker J. A Sermon occasioned by the Victory obtained over the Rebels in Scotland, on the 16th of April, 1746. By His Majesty's Army under the Command of His Royal Highness the Duke of Cumberland*. London, 1746; *An Essay upon Feudal Holdings, Superiorities, and Hereditary Jurisdictions, in Scotland*. London, 1747; *Campbell J. A Full and Particular Description of the Highlands of Scotland*. London, 1752; *The Highlander: A poem: in six Cantos*. London, 1758.

Кроме того, эти источники отражали в публичном пространстве дебаты и дискуссии, которые велись в парламенте и правительстве по поводу решения «Хайлендской проблемы», что позволяет по-новому взглянуть на хайлендскую политику Лондона, так как не все соображения парламентарии и правительственные чины облекали в форму аналитических сочинений о положении и реформировании Горной Страны.

При этом именно памфлеты (в сравнении с периодическими изданиями) оказались наиболее распространенной формой публичного обсуждения «Хайлендской проблемы», поскольку их формат в наибольшей мере соответствовал пространственным рассуждениям и комментариям, которыми хотели поделиться с политической нацией их авторы¹. Это обстоятельство создает благоприятные возможности для анализа признанной властью и обществом системы легитимации колониального знания о крае с применением различных дискурсных практик, механизма создания и административного продвижения таких аналитических текстов в рамках интеллектуальной колонизации Горной Шотландии.

Значение использованных в работе трактатов определяется тем, что их авторы сформулировали аналитические рамки интеллектуальной колонизации Горного Края в ходе решения «Хайлендской проблемы». Философские,

---

¹ Газеты и журналы обращались к фактам и событиям, связанным с решением «Хайлендской проблемы», как правило, во время якобитских восстаний, так что с точки зрения отражения процессов интеллектуальной колонизации Горной Шотландии эта продукция либо просто подтверждала развернутые мнения, высказывавшиеся на страницах памфлетов, инициированных участниками обсуждения проблем умиротворения и реформирования Горной Страны, либо вообще игнорировала возможность обстоятельного анализа «Хайлендской проблемы». Обращение к этому виду источников для решения поставленных в исследовании задач и достижения заявленной цели малопродуктивно. Подробнее о такой ситуативной реакции британской печати на мятежи якобитов см., напр.: *Роджерс П.* Генри Филдинг. Биография. М., 1984. С. 85–89; *Reitan E.A.* Expanding Horizons: Maps in the «Gentleman's Magazine», 1731–1754 // *IM. Vol. 37* (1985). P. 54–62.

научные, военные трактаты позволяют четче представить мировоззрение, моральные и этические взгляды чинов, ответственных за умиротворение и реформирование Горной Страны, в свете взаимоотношений «варварства» и «цивилизации» как одной из основных антитез Просвещения, накладывавшей определенный отпечаток на процесс культурного перевода местных реалий на язык официальных властей¹. Словари проясняют историю отдельных понятий категориального аппарата авторов аналитических сочинений «о состоянии Хайленда»².

Особый исследовательский интерес представляют сочинения сэра Уильяма Петти, до 1654 г. организатора, руководителя и автора-составителя описания земель, конфискованных в Ирландии после ее повторного завоевания Оливером Кромвелем³. Одним из результатов его деятельности на этом посту стало создание политической арифметики — области научного знания, предметом

---

¹ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М., 1988; Юм Д. О национальных характерах / Пер. с англ. Е.С. Лагутина // Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1965; Мориц Саксонский. Размышления о военном искусстве // Теория военного искусства / Мориц Саксонский. Военные принципы Наполеона / Уильям Кейрнс. М., 2009; Macdowell A. An Institute of the Laws of Scotland in Civil Rights: With Observations Upon the Agreement or Diversity Between Them and the Laws of England, In Four Books. After the General Method of the Viscount of Stair's Institutions. Edinburgh, 1751–1753; Roy W. Military Antiquities of the Romans in North Britain. Edinburgh, 1793.

² Bailey N. An Universal Etymological English Dictionary. London, 1736 [1770]; Johnson S. A Dictionary of the English Language. Vols. I–II. London, 1755; Smith G. An Universal Military Dictionary, A Copious Explanation of the Technical Terms &c. [1779] Ottawa, 1969.

³ Petty W. An Essay concerning the Multiplication of Mankind: Together with another Essay in Political Arithmetick, concerning the Growth of the City of London: With the Measures, Periods, Causes, and Consequences thereof, 1682 // Tracts; chiefly relating to Ireland. Containing: I. A Treatise of Taxes and Contributions. II. Essays in Political Arithmetic. III. The Political Anatomy of Ireland. By the late Sir William Petty. Dublin, 1769; *Idem*. The History of the Survey of Ireland, commonly called the Down Survey, by doctor William Petty, a.d. 1655-6 / Ed. by T.A. Larcom, for The Irish Archaeological Society. Dublin, 1851; *Idem*. The Political Anatomy of

которой оказалась «ирландская проблема» в колониальном контексте протестантского землеустройства на «Изумрудном острове» во времена Протектората, Реставрации и Славной революции.

При этом политическая арифметика была задумана как универсальный аналитический инструмент социальной инженерии в колониях и на окраинах пока еще Английской империи, о чем свидетельствуют оформленные в виде конкретных проектов предложения Петти приложить модель описания и статистического анализа, апробированную в Ирландии, к американским колониям, британским королевствам и отдельно, но вскользь — собственно к Горной Шотландии.

В рамках данного исследования этот факт чрезвычайно важен, так как для конца XVII — первой половины XVIII в. основной целью мер правительства в области социальной инженерии, политического, экономического переустройства Горного Края являлось его умиротворение, а основным средством интеллектуальной колонизации Хайленда в той его части, которая касалась политэкономии, выступала политическая арифметика в ее исконном, колониальном значении «ирландского» решения «Хайлендской проблемы» (не забытом к началу XVIII в. на мятежных окраинах, что, помимо прочего, позволяет пересмотреть некоторые взгляды на интеллектуальное и политическое наследие сэра Уильяма Петти).

Важным аспектом изучаемой темы являются особенности британского военного присутствия в Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в., в том числе проблема участия европейской армии в «Горной войне» в процессе умиротворения гэльской окраины. Сопоставление военных уставов и наставлений для рядового состава и офицерского корпуса британской армии и особенностей «малой войны» в Хайленде позволяет

Ireland. 1672 // Tracts; chiefly relating to Ireland. Containing: I. A Treatise of Taxes and Contributions. II. Essays in Political Arithmetic. III. The Political Anatomy of Ireland. By the late Sir William Petty. Dublin, 1769.

обнаружить интеллектуальный зазор между теорией и практикой умиротворения Горного Края¹.

Кроме того, уставы представляют интерес еще и потому, что военные чины были активными участниками интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в ходе решения «Хайлендской проблемы». Обращение к этому виду источников позволяет более предметно исследовать этот феномен, в том числе в свете высказанной Плэнком идеи о том, что именно в Горной Стране после подавления последнего мятежа якобитов в 1746 г. армия под началом герцога Камберленда впервые заявила о себе как об эффективном корпоративном колониальном агенте Короны в колониях и на окраинах Соединенного Королевства и Британской империи.

Изобразительные материалы представлены портретной живописью и картографическими материалами: обычными топографическими картами для продажи и открытого распространения; военными топографическими и этнографическими картами, составленными Артиллерийской палатой по распоряжению командующих королевскими войсками в Шотландии; планами фортов и укрепленных казарм; схемами сражений.

К портретной живописи автор обращался лишь в тех редких случаях, когда это было возможно при анализе восприятия и репрезентации Горной Страны ответственными

---

¹ Rules of War for the Infantry, ordered to be observed by their Majesties' subjects, encountering with the Enemy upon the day of Battel. Written by Lieutenant General Mackay, and recommended to all (as well Officers as Soldiers,) of the Scots and English Army. In XXII Articles. Published by his Excellency's Secretary. Edinburgh, 1693; The Duty of a Souldier to his King and Country, addressed to the Present Officers and Souldiers of the British Army. Edinburgh, 1715; *Bland H.* A Treatise of Military Discipline; In which is Laid down and Explained The Duty of the Officer and Soldier, Thro' the several Branches of the Service. The Fifth Edition. London, 1743; The Soldiers pocket companion or the Manual Exercise of a Foot Soldier taken from the Life for the Use of the Gentlemen of the Several Associations. Humbly Inscribed to His Royal Highness The Duke of Cumberland. London, 1746; Rules and Articles for the better Government of His Majesty's Horse and foot Guards, And all Other His Forces in Great Britain and Ireland, Dominions beyond the Seas, and Foreign Parts. London, 1749.

за ее умиротворение чинами, поскольку не все их портреты можно рассматривать в качестве пропаганды успешной интеллектуальной колонизации Горного Края в конце XVII — первой половине XVIII в.¹ Внимание к портретам генералов Уэйда и Уотсона, представлявших разные этапы умиротворения гэльской окраины, способствует уточнению времени трансформации географического воображения Хайленда и географии «Хайлендской проблемы» от эмпирического познания местных реалий к их научно выверенной фиксации на военной топографической карте.

Картографические материалы были задействованы в интересах исследования существенным образом, так как источники этого вида являются в буквальном смысле самой наглядной иллюстрацией успехов и провалов интеллектуальной колонизации Горной Шотландии с точки зрения решения «Хайлендской проблемы». Более того, они являлись одновременно инструментами и результатами накопления колониального знания о крае в руках чинов, ответственных за его умиротворение и реформирование. Самый яркий пример — первая масштабная топографическая съемка Хайленда, завершившаяся составлением грандиозного по меркам своего времени «Военного обозрения Шотландии» в 1747–1755 гг. под руководством Дэвида Уотсона, генерал-квартирмейстера королевской армии в Шотландии, и при непосредственном участии генерал-майора Уильяма Роя — знаменитой «карты Шотландии герцога Камберленда»².

Многие военные карты являлись составными частями этого масштабного картографического проекта. При этом процесс их составления был связан не только с описанием маршрутов в Горной Стране, но и с административным этнографическим контролем в Хайленде,

---

¹ *Diest J., van.* Major-General George Wade [1731] // Scottish National Portrait Gallery. Accession No. PG 2416.

² *The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755.* William Roy. With introductory essays by Yolande Hodson, Chris Tabraham and Charles Withers. Edinburgh, 2007.

поскольку военные отряды расквартированных в крае полков были призваны помимо ведения картографической съемки еще и следить за соблюдением введенного правительством в 1746 г. запрета на ношение «горского наряда»¹. Таким образом, картографический материал позволяет уточнить не только воображаемую, но и реальную географию «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в., полнее реконструировать процесс сбора и обработки колониального знания в рамках интеллектуальной колонизации Горной Страны, а также расширить устоявшееся представление о роли армии в этом процессе в ходе решения «Хайлендской проблемы».

Некоторые карты и схемы сражений правительственных войск и якобитов служили скорее средством выражения взглядов их составителей, чем отражением реалий на поле боя, топографической или этнографической ситуации в Горной Стране. Такова, например, составленная Джоном Бастидом схема сражения при Гленшиле между войсками генерала Джозефа Уайтмена и мятежными горцами и испанским десантом в 1719 г., на которой генерал восседает на белом коне, а горцы спасаются паническим бегством². В этом же ключе следует рассматривать и карту кланов Горного Края, составленную в 1731 г. гравером и картографом Артиллерийской палаты Клементом Лемприером и являвшуюся, по сути,

---

¹ Нанп.: *Archer J.* A Survey of the Road made by the Detachments of Col. Battereau's, Genl. Guise's, and Col. Rich's Regiments between Fort William and King-Loch Levan, 1748 and 1750 // BL. Maps K.Top.48.66; *Morrison G.* Survey of Part of the Road from Sterling to Fort William; Made by the Party of Genl. Pultney's Regiment in 1749 // NLS. MS 1649 Z.03/39a; *Gordon H.* Plan of Part of the Road from Perth to Fort George between Braemar and Corgraff Barracks, made by 4 Companys of Col. Holmes's, 2 of Lord George Beauclerk's, and 1 of Lieut.-Gen. Skelton's Regiments of Foot, in Summer of 1753 // BL. Maps K.Top.48.74.

² *Bastide J.H.* A Plan of the Field of Battle that was fought on ye 10th June 1719, at the Pass of Glenshiels in Kintail North Britain with ye Disposition of his Majtys Forces under ye Command of Majr. Genl. Wightman, and of those of ye Rebels. 1719 // NLS. MS 1648 Z.03/22a.

наглядным пособием к рапортам командующего в Шотландии генерала Уэйда¹.

Таким образом, использованные в работе над книгой письменные и изобразительные источники позволяют охватить многообразие документов, относящихся к британскому присутствию в Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. Именно они являются наиболее показательными с точки зрения раскрытия сложного и многогранного процесса интеллектуальной колонизации Горной Страны в ходе решения «Хайлендской проблемы». Жанровое разнообразие, репрезентативность, высокий уровень информативности источников, нашедших применение в данной работе, позволили выявить основные аспекты изучаемой проблемы и представить целостную картину хайлендской политики Лондона.

Историография

В исторической литературе, имеющей отношение к Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в., присутствует устойчивый интерес к определенному набору изучаемых проблем: движение якобитов (сторонников изгнанных в результате Славной революции Стюартов); уния, заключенная в 1707 г. между Англией и Шотландией, и ее последствия, включая споры о национальной идентичности; вопросы управления Шотландией в составе Великобритании, ее социально-экономического, политического и культурного развития². Такая историографическая

---

¹ *Lemprière C.* A Description of the Highlands of Scotland. The Situation of the several Clans and the Number of Men able to bear Arms, as also ye Forts lately Erected and Roads of Communication or Military Ways carried on by his Majesty's command, with the Seats of the most considerable Nobility in the Low Country, 1731 // NLS. Acc.11104. Map Rol.a.42.

² О якобитском движении см., напр.: *Petrie C.* The Jacobite movement. London, 1959; *Baynes J.* The Jacobite Rising of 1715. London, 1970; *Lenman B.* The Jacobite Risings in Britain 1689–1746. London, 1980; *Black J.* Culloden and the 45'. London, 1990; *Zimmermann D.* The Jacobite Movement in Scotland and in Exile, 1746–1759. Basingstoke and New York, 2003; *Szechi D.*

традиция побуждает при изучении интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в ходе решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. оперировать весьма обширной литературой, в той или иной мере касающейся прошлого гэльской окраины.

Помимо работ в рамках указанных сюжетов, привлечены исследования, посвященные истории Горной Страны, ее развитию в шотландском и британском историческом контексте¹. Задействована литература по военной истории края, организации и особенностям британского военного присутствия в Хайленде, в том числе по истории хайлендских рот и полков на британской службе, организации, финансированию, положению и роли армии Соединенного Королевства в политической системе страны в XVIII в.²

1715: The Great Jacobite Rebellion. New Haven, 2006; о последствиях англо-шотландской унии и формировании национальной идентичности см., напр.: *Campbell R.H.* Scotland since 1707: The Rise of an Industrial Society. Oxford, 1965; *Donaldson G.* Scotland: The Shaping of a Nation. Newton Abbot; London; North Pomfret; Vancouver, 1974; *Riley P.W.J.* The Union of England and Scotland. A study in Anglo-Scottish politics of the Eighteenth Century. Manchester, 1978; *Murdoch A.* Scotland and the Union // A Companion to Eighteenth-Century Britain / Ed. by H.T. Dickinson. Oxford, 2002. P. 381–391; *Kidd C.* British Identities before Nationalism. Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge, 2004.

¹ Напр.: *Forsyth W.* In the Shadows of Cairngorm. Chronicles of the United Parishes of Abernethy and Kincardine. Inverness, 1900; *Rait R.S.* The Making of the Nation. Scotland. London, 1911; *Mackenzie A.M.* Scotland in modern times. 1720–1939. London and Edinburgh, 1942; *Mackenzie W.C.* The Highlands and Islands of Scotland. A Historical Survey. Edinburgh and London, 1949; *Richards E., Clough M.* Cromartie: Highland Life, 1650–1914. Aberdeen, 1989; *Smout T.C.* A History of the Scottish People, 1560–1830. New York, 1969; Scottish Society. 1500–1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989; *Cunningham A.D.* History of Rannoch. Inverness, 1994; *Macinnes A.* Clanship, Commerce and the House of Stuart, 1603–1788. East Linton, 1996; *Dodgshon R.A.* From Chiefs to Landlords; Social and Economic Change in the Western Highlands and Islands, c. 1493–1820. Edinburgh, 1998.

² Напр.: *MacKillop A.* «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000; *Plank G.* Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006; *Dziennik M.P.* The Fatal Land: War, Empire and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vols. I–II. Unpublished thesis for the degree of Doctor of Philosophy in History. Edinburgh University, 2010.

Кроме того, характерная особенность такого положения вещей заключается в том, что наряду с огромным количеством работ, посвященных социально-экономической и политической истории Горного Края, существует, во многом не соприкасаясь с такой традицией историописания, обширная историография шотландского Просвещения¹. Между социально-экономической, интеллектуальной и культурной интерпретациями истории Хайленда до сих пор зияет историографическая пропасть. Работы, восполняющие эту лакуну, предлагая анализ взаимодействия научного знания, идеологии Просвещения и хайлендской политики Лондона и заинтересованных представителей местных элит, пока единичны².

Таким образом, до середины XX в. происходило постепенное накопление научных знаний об истории решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в., необходимых для появления концептуально новых работ, позволивших уже во второй половине XX в. взглянуть на особенности хайлендской политики Лондона в свете концепции внутренней колонизации, с помощью методов интеллектуальной, социальной и культурной истории. В свою очередь, в начале XXI в. эти работы сделали возможным обращение к истории решения «Хайлендской проблемы» через призму интеллектуальной колонизации гэльской окраины.

---

¹ Напр.: *Chitnis A. The Scottish Enlightenment; A Social History.* London, 1976; *The Scottish Enlightenment in National Context / Ed. by R. Porter and M. Teich.* Cambridge, 1981; *Hont I., Ignatieff M. Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment.* Cambridge, 1983; *Robertson J. The Scottish Enlightenment and the Militia Issue.* Edinburgh, 1985; *Dwyer J. The Age of Passions; an Interpretation of Adam Smith and the Scottish Enlightenment Culture.* East Linton, 1996; *Buchan J. Capital of the Mind; How Edinburgh Changed the World.* London, 2003; *Towsey M.R.M. Reading the Scottish Enlightenment. Libraries, Readers and Intellectual Culture in Provincial Scotland c.1750 – c.1820.* PhD Thesis. University of St Andrews. 2007.

² Напр.: *Withers C.W.J. Geography, science and national identity: Scotland since 1520.* Cambridge, 2001.

Начало историописанию событий, связанных с решением «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в., было положено подавлением первого из двух наиболее крупных якобитских восстаний, в ходе которых армия мятежников спускалась из Шотландии в Англию. Написанная Паттеном история мятежа якобитов 1715–1716 гг., едва ли не первая в этом ряду, впервые была опубликована в Лондоне в 1717 г.¹

Разделение британских авторов исторических сочинений на представителей зарождавшейся торийской и вигской историографий только усиливало тенденцию рассматривать историю решения «Хайлендской проблемы» в свете истории якобитизма. Авторы стремились обосновать свои исторические концепции, в результате в шотландской истории конца XVII — первой половины XVIII в. проблемы якобитизма и заключенной Англией и Шотландией унии всецело привлекали их внимание, позволяя поднять вопросы, которые их особенно волновали: значение, последствия и результаты Славной революции 1688 г. и смены династии в 1714 г.

При этом «романтизм... провозгласил эпизод якобитизма своим собственным, так яростно встречая любое посягательство на свои владения, что история покинула это поле боя в отчаянии»². Романтизированный во второй половине XVIII — первой трети XIX в. образ горца, превратившегося из «мятежника» в «верного подданного» своего короля, что не без оснований можно называть «изобретением» хайлендской «традиции», и рождение якобитской саги, ставшей ее неотъемлемой частью, накрыли и исказили собственной тенью другую часть британской, шотландской, хайлендской истории — между, до и после «особых» для якобитского мифа 1715 и 1745 гг. Этот не только

¹ *Patten R. The History of the Rebellion in the Year 1715. With Original Papers and the Characters of the Principal Noblemen and Gentlemen Concern'd in it. The Third Edition. London, 1745.*

² Цит. по: *Dixon W. The Jacobite Episode in Scottish History and its Relative Literature // Essays: Glasgow Saint Andrew Society. Edinburgh, Glasgow and London, 1874. P. 1.*

историографический факт примечателен неочевидной очевидностью и по-прежнему играет важную роль в восприятии прошлого¹.

Среди работ, содержащих некоторые сведения об истории решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. и вместе с тем показательных в том, как этот вопрос решался в британской историографии в XIX в., отметим обзорный по форме, но внушительный по объему и обстоятельный по содержанию труд Дж.С. Келти². Помимо особенностей социально-экономического развития Хайленда, работа включает политическую историю решения «Хайлендской проблемы» — наиболее известные факты из истории британского военного присутствия в Горной Шотландии, ее умиротворения после якобитских восстаний. В частности, Келти приводит списки первых составов и историю хайлендских полков на службе британской Короны в XVIII в., что для анализа военного сотрудничества Лондона с местными элитами представляет большой интерес.

Любопытной частью исследования является представление о Верхней Шотландии как источнике внешней опасности для королевства. Желание соперницы Великобритании, Франции, использовать традиционные связи с Шотландией и интриги в отношении не желавших мириться с утратой трона Стюартов укрепляло представление о Горной Стране как возможном плацдарме иностранного

---

¹ В 1983 г. Эрик Хобсбаум предложил весьма любопытную формулу интерпретации культурной истории — «изобретение традиции». Сборник статей с одноименным названием открывал материал Хью Тревор-Рупера об «изобретении» Горной Шотландии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. в соответствии с политическими и социокультурными запросами британского общества: *Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000. P. 15–41.*

² *Keltie J.S. History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan and an Essay on Highland Scenery by J. Wilson. Vols. I–II. Edinburgh and London, 1875.*

вторжения. Участие на стороне якобитов частей испанской регулярной армии в мятеже 1719 г. и французских военных инженеров и ирландских частей на французской службе в мятеже 1745–1746 гг. еще показательнее, если учесть, что только смена политического курса Парижа, последовавшая за сменой монархов, предотвратила значительную помощь Франции вторжению якобитов на Британские острова в 1715 г. и сильный шторм и опытность британского военного флота в 1744 г.¹

А поскольку противостояние «Великой Британии» и «Великой Франции» вовлекло в конфликт и колониальные территории, то якобитизм шотландских кланов очень быстро превратился в потенциальный источник кризиса всей Британской империи в целом². Это еще очевиднее, учитывая возможность расторжения англо-шотландской унии 1707 г., предполагавшуюся в манифестах и Якова III (VIII) Стюарта в 1715 г., и Карла Эдуарда Стюарта в 1745 г. — программных документах обоих восстаний³.

---

¹ *Smith L.B.* Spain and Britain. 1715–1719. The Jacobite Issue. New York and London, 1987; *McLynn F.* France and the Jacobite Rising of 1745. Edinburgh, 1981; Любопытные сравнения в этой связи приводит Дж. Ч. Д. Кларк: «Реальной возможностью с военной точки зрения был [17]44-й — восстание дома, поддержанное высадкой регулярных войск на манер 1688-го; без французских войск восставшие в [17]45-м встретили ожидаемую судьбу разношерстных последователей Монмута в 1685-м» (*Clark J.C.D.* On Moving the Middle Ground: The Significance of Jacobitism in Historical Studies // The Jacobite Challenge / Ed. by E. Cruickshanks and J. Black. Edinburgh, 1988. P. 180–181).

² Этот кризисный для развития Великобритании характер первой половины XVIII в. очень точно передал названием работы У. Э. Спек, что особенно примечательно на фоне таким же образом обозначенной позиции Дж. Г. Пламба: *Speck W.A.* Stability and Strife. England, 1714–1760. Cambridge, Massachusetts, 1977; *Plumb J.H.* The Growth of Political Stability in England. London, 1967.

³ Manifesto by the Noblemen, Gentlemen, and others, who dutifully appear at this time in asserting the undoubted rights of their lawful Sovereign, James VIII, by the Grace of God, King of Scotland, England, France, and Ireland, Defender of the Faith, etc. September 9, 1715; Manifesto of James VIII by the Grace of God, King of Scotland, England, France, and Ireland, Defender of the Faith, &c. August 19, 1745 // *Keltie S.J.* Op. cit. P. 429–431, 523–525.

Вместе с тем в этом свете еще более показательной представляется позиция автора по отношению к истории решения «Хайлендской проблемы», отнесенной им на дальний план своих изысканий. Традиция рассмотрения различных аспектов присутствия Лондона в крае главным образом в контексте движения якобитов характерна для большинства подобных исследований. Авторы раз за разом отвечали на вопрос о том, как мятеж 1745–1746 гг. стал возможным, вместо того чтобы объяснить, почему он в конечном итоге оказался последним, а в течение предыдущих почти 30 лет (за исключением провальной авантюры 1719 г.) так ни разу не свершился, несмотря на бурную активность сторонников изгнанных Стюартов.

В 1920–1930-е гг. появляются первые специальные работы о некоторых аспектах британского военного присутствия в Горной Шотландии, которые затрагивают отдельные вопросы эффективности военного строительства и деятельность в крае наиболее значимых в процессе его умиротворения личностей¹. Продолжают выходить исторические сочинения, посвященные различным вопросам социально-экономического и политического развития Шотландии вообще и Горной Шотландии в частности².

1940–1960-е гг. не принесли заметных изменений в историографию проблемы и касались традиционных вопросов хайлендской истории³.

---

¹ *Kingsford C.L.* The Highland Forts in the 'Forty-Five // EHR. 1922. Vol. 37. No. 147. P. 361–382; *Salmond J.B.* Wade in Scotland. Edinburgh, 1938.

² *Cunningham A.* The Revolution Government in the Highlands // SHR. 1919. Vol. 16. P. 29–51; *Adam M.I.* Eighteenth-Century Highland Landlords and the Poverty Problem // SHR. 1922. Vol. 19. P. 1–19; *Macleod R.C.* The Western Highlands in the Eighteenth Century // SHR. 1922. Vol. 19. P. 33–48; *Bulloch J.M.* The Caterans of Inveraven // PSAS. 1926–1927. Vol. 61. P. 210–222.

³ *Petrie C.* The Jacobite movement. The Last Phase. 1716–1807. London, 1950; *MacLean C.I.* The Highlands. London, 1959; *Prebble J.* Culloden. London, 1961; *Bulloch J.M.* The Reconstruction of Braemar and Corgarff Castles, 1746 // PSAS. 1962–1963. Vol. 96. P. 379–381.

Знаковой в переосмыслении оснований присутствия Лондона в Горном Крае стала работа Р. Митчисон, вышедшая в 1970 г.¹ В затрагивавшей концептуально новую тему статье автор наметила многие ключевые вопросы присутствия Короны в Горной Стране в первой половине XVIII в. В том числе речь шла об особенностях сбора, систематизации и интерпретации сведений о крае и значении этих аналитических процедур в выборе оптимальной стратегии решения «Хайлендской проблемы» — об отношении ответственных за умиротворение Горной Шотландии военных и штатских чинов и представителей местных элит к причинам мятежного состояния Хайленда, о предлагавшихся ими подходах умиротворения гэльской окраины.

Вместе с тем составившие основное содержание британского военного присутствия в Горной Шотландии меры по разоружению горцев, военному строительству, военному сотрудничеству с представителями местных элит были только упомянуты автором, а аспекты интеллектуальной колонизации края остались на периферии ее интересов. Впрочем, Митчисон была ограничена рамками статьи в раскрытии аспектов британского присутствия в Горной Стране, не говоря уже о том, чтобы уделить особое внимание его военной или интеллектуальной составляющей.

Высказанная автором позже мысль подтверждает прежний взгляд на решение «Хайлендской проблемы»: «Если бы Ганноверы ввели эффективную армию в центральный Хайленд для удержания основных перевалов, то, возможно, большая часть кланов [поддержавших претензии Стюартов в 1745–1746 гг.] разошлась бы по домам»². Значение такого поворота событий в условиях участия Великобритании в уже отвлекшей большие и лучшие силы королевской армии войне за Австрийское наследство

¹ *Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 24–46.*

² *Mitchison R. Lordship to Patronage, 1603–1745. London, 1983. P. 165.*

1739–1748 гг. переоценить очень трудно. Таким образом, автор свела «Хайлендскую проблему» к вопросам военного присутствия и административного контроля Лондона в Горной Стране.

С одной стороны, в 1970–1990-е гг. интересы исследователей, связанные с британским присутствием в Горной Шотландии и решением «Хайлендской проблемы», вновь сместились в сферу изучения якобитизма¹. В 1979 и 1987 гг. прошли две международные конференции по его изучению, вновь обошедшие феномен интеллектуальной колонизации Горной Страны в ходе решения «Хайлендской проблемы» как самостоятельный и самоценный объект исторического анализа дружным молчанием².

С другой стороны, именно в это время были предложены новые интерпретации хайлендской истории, позволившие взглянуть на решение «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. как на совокупность колониальных практик Лондона в рамках политики на кельтских окраинах. 1970-е гг. отмечены в англо-американской историографии появлением принципиально нового подхода к истории Горной Шотландии, в том числе к истории решения «Хайлендской проблемы», отразив на академическом уровне рост валлийского, шотландского национализмов и обострение этнополитического конфликта в Северной Ирландии в 1960-е гг.

Противопоставляя тезис о внутренней колонизации представлению о взаимопроникновении экономик ядра и периферии Соединенного Королевства, Майкл Хечтер во-многом преувеличивал степень эксплуатации Лондонском ресурсов Горного Края, а в некоторых случаях ошибочно предполагал ее наличие (факт очевидный, если

---

¹ Исключения из этого правила: *Grant C. The Black Watch. London, 1970; Prebble J. Mutiny. Highland regiments in revolt, 1743–1804. London, 1975.*

² Материалы конференций опубликованы в сборниках: *Ideology and Conspiracy: Aspects of Jacobitism, 1689–1759 / Ed. by E. Cruickshanks. Edinburgh, 1982; The Jacobite Challenge / Ed. by E. Cruickshanks and J. Black. Edinburgh, 1988.*

вспомнить, как много шотландцев приняло участие в имперских предприятиях и извлекло из этого выгоду)¹. Однако в историографии проблемы значение этой работы, ангажированной политическими реалиями шотландского, валлийского национализмов и кризиса в Ольстере, состоит в первую очередь в последовательном применении концепции внутренней колонизации в изучении хайлендской политики Лондона.

С теоретической точки зрения этот подход занимает важное место в изучении интеллектуальной колонизации Горной Страны и решения «Хайлендской проблемы» в контексте имперской политики Великобритании конца XVII — первой половины XVIII в. В работах, анализирующих опыт «классических» европейских империй, внутренняя колонизация обычно рассматривается как феномен вторичный или второстепенный по сравнению с внешней, «заморской». Однако колонизация Ирландии и английское проникновение в Уэльс, рассматривавшиеся Хечтером наряду с политикой Лондона и Эдинбурга в Горной Стране, начались значительно раньше, чем «золотой век» британской имперской экспансии. По мнению ряда исследователей, причина такой историографической ситуации заключается в том, что внутренняя колонизация часто рассматривается как составная часть формирования наций в Европе Нового времени².

Между тем восприятие «Хайлендской проблемы» в Соединенном Королевстве и Британской империи находилось в центре взаимосвязанных процессов нациестроительства и создания Британской империи. Формирование британской идентичности — это не только предмет изучения для современного историка, но и насущная, имперская по характеру задача для британского

---

¹ *Hechter M.* Internal Colonialism. The Celtic fringe in British national development, 1536–1966. Berkeley and Los Angeles, 1975.

² *Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И.* Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 24.

государства Нового и Новейшего времени (как для реализации имперских проектов в XVIII в., так и для конкуренции с национализмами в империи в XIX и XX вв.). Британская идентичность являлась идентичностью имперской, и ее компоненты приобретали имперское значение и измерение. В том числе представление о шотландских горцах, олицетворяемой ими «Хайлендской проблеме» и путях и способах ее решения, сформированное в результате интеллектуальной колонизации Горной Страны.

В 1988 г. Чарльз Уизерс наполнил подход Хечтера новым содержанием, предложив взглянуть на разносторонние процессы внутренней колонизации и модернизации Горного Края в конце XVII — первой половине XVIII в. как на целенаправленную, инициированную властями и поддержанную представителями местных элит трансформацию социально-экономических, политических и культурных традиций Хайленда с целью его реальной интеграции в Великобританию¹. При этом автор уделяет внимание тому, какую роль в этих процессах играла информация о крае и его мятежных обитателях, имевшаяся в распоряжении военных и штатских чинов.

Уизерса, изучающего гуманитарную географию и социологию географической науки в Шотландии раннего Нового времени, занимала проблема региональных особенностей модернизации в Хайленде. Вместе с тем его работа заслуживает особого упоминания, поскольку в ней впервые подвергнуты систематическому историко-социологическому анализу основные направления реформирования Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. и показана связь теоретических построений реформаторов и практики реформирования в Горной Стране. Более того, анализируемые Уизерсом направления реформирования края являлись важным предметом обсуждения ответственных чинов и правительства

---

¹ Withers C.W.J. Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region. London and New York, 1988.

в рамках интеллектуальной колонизации гэльской окраины при решении «Хайлендской проблемы».

В 1990–2000-е гг. исследователи стали уделять большее внимание проблемам умиротворения Горной Страны после подавления мятежей якобитов¹. Этот интерес не случайно совпал с повышенным вниманием к проблемам умиротворения, нациестроительства и восстановления государственности в некоторых странах современного мира после окончания холодной войны, распада ряда устоявшихся государственных образований и начала продолжающейся борьбы с международным терроризмом².

Военные усилия Короны и ее правительств представлены в этих работах в узком смысле слова — как поддержка королевской армией намеченных Лондоном мероприятий по умиротворению Хайленда. Однако эти изыскания следует рассматривать как своеобразный историографический мост к первой и пока единственной в своем роде работе Джоффри Плэнка по проблеме британского военного присутствия в Горной Шотландии после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746-е гг.

Американский историк рассматривает британскую армию в Горной Стране скорее как корпоративный институт с собственными представлениями о роли и задачах военных в умиротворении гэльской окраины и решении «Хайлендской проблемы». Генералы предстают не простыми исполнителями реформаторских проектов правительства, а активными участниками и инициаторами дискуссий на эту тему, сформулировавшими и пытавшимися реализовать на практике перспективу едва ли

---

¹ *Speck W.A. The Butcher: The Duke of Cumberland and the Suppression of the 45'. Oxford, 1981; Black J. Culloden and the 45'. London, 1990; Oats J. Sweet William or The Butcher? The Duke of Cumberland and the 45'. Barnsley, 2008.*

² См. подробнее тематику докладов соответствующих конференций: «Butcher and Bolt» or «Hearts and Minds»? *British Ways of Countering Colonial Revolt: A Historical Perspective. Conference Programme. 15–16 September 2011; The Origins of Small Wars: from Special Operations to Ideological Insurgencies. Conference Programme. 25 March 2013.*

не ведущей роли армии во взаимосвязанных процессах «цивилизации» колоний и окраин и укрепления лояльности трону с целью формирования идеального подданного и, соответственно, дальнейшей интеграции разбросанной по миру Британской империи под властью Короны и парламента в Лондоне¹.

Плэнк также обращает внимание на тот примечательный факт, что армия Соединенного Королевства к 1745 г. подобным опытом уже обладала — приобрела в Горной Шотландии в 1725–1745 гг. Нижним хронологическим рубежом автор считает прибытие в Горную Страну генерала Уэйда и переход нового командующего королевскими войсками в Шотландии к более активной деятельности на этом посту по сравнению со своими предшественниками. Перечислены и ее основные направления: разоружение, военное строительство и военное сотрудничество².

Несколько абзацев во введении, конечно, не раскрывают тему британского присутствия в Хайленде в 1720–1730-е гг. Кроме того, за скобками автор оставил такие важные мероприятия по умиротворению Хайленда, как амнистия и попытки учреждения в крае лорд-лейтенанств.

Тем не менее такой подход позволяет по-новому проанализировать и оценить характер и особенности принятия решений по «Хайлендской проблеме» после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. В особенности важно прояснить эти вопросы потому, что в конечном итоге реформирование социально-экономических отношений и политических практик в Горной Шотландии перешло в руки гражданских чинов и связанных с ними общественных организаций, созданных

---

¹ *Plank G.* Op. cit. Идея о формировании корпоративной этики в британских частях, расквартированных в колониях и на окраинах империи, высказывалась ранее: *Houlding G.A.* *Fit for Service: The Training of the British Army. 1715–1795.* Oxford, 1981. P. 45–57 («ирландский гарнизон»); *Brumwell S.* *Redcoats. The British Soldier and the War in the Americas, 1755–1763.* Cambridge, 2002 («американская армия»).

² *Plank G.* Op. cit. P. 18–19.

активными и весьма заинтересованными сторонниками преобразований в Горной Стране.

Более того, научная ценность проведенных Плэнком исследований состоит также в том, что мы теперь значительно предметнее представляем себе логику и оправданные представления интеллектуальной колонизации края в ходе решения «Хайлендской проблемы» военными, хотя об участии других заинтересованных сторон в интеллектуальной колонизации мятежной гэльской окраины (и не только с точки зрения аргументации взглядов на перспективы имперского строительства) как до, так и после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг. мы информации в работе не найдем.

Вопросы, которые Плэнк обошел вниманием в силу особенностей разбираемых проблем, поднимаются авторами некоторых недавних исследований, впервые посвященных связи научного знания и политической власти в решении «Хайлендской проблемы»¹. Фредерик Джонссон и Кэралайн Андерсон — первый в области политэкономии второй половины XVIII — первой трети XIX в., вторая в области военной картографии конца XVII — начала XIX в. — весьма аргументированно показали, кем, каким образом, в рамках каких институций осуществлялась интеллектуальная колонизация Горной Шотландии. При этом речь идет как о расширении информации о географии, этнографии и политэкономии «Хайлендской проблемы», так и о попытках применить эти знания на практике — в социальной инженерии и масштабных картографических проектах королевской армии в Шотландии.

В этой связи необходимо отметить, что Джонссон, с одной стороны, продуктивно соединяет проблему внутренней колонизации в Горной Стране, обозначенную Хечтером, и роль экспертного знания в вопросах

---

¹ *Johnsson F.A.* The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760–1830. PhD Thesis. The University of Chicago, 2005; *Anderson C.J.* Constructing the Military Landscape. The Board of Ordnance Maps and Plans of Scotland, 1689–1815. PhD Thesis. Vols. 1–2. Edinburgh, 2009.

социально-экономического развития и модернизации гэльской окраины, в том числе в контексте имперской политики Лондона. С другой стороны, автор практически игнорирует аналогичные процессы, происходившие в крае в первой половине XVIII в. Джонссон сосредоточился на тех направлениях и формах внутренней колонизации Хайленда, которые были подчинены реформированию социально-экономических и, следовательно, иных практик горцев с 1760 г. Между тем в 1689–1759 гг. Корона и правительство, ответственные за умиротворение Горной Шотландии чины и другие заинтересованные стороны также прибегали к интеллектуальной колонизации гэльской окраины. Только в этом случае их целью были не столько реформы и модернизация Горного Края, сколько решение «Хайлендской проблемы».

Что касается Андерсон, то ее обстоятельный, основанный на внушительной картографической базе и во многом новаторский труд характеризует только одно направление в интеллектуальной колонизации Горной Шотландии и только с точки зрения накопления сведений о военной географии и топографии края. Особенности воображения границ «Хайлендской проблемы» в связи с хайлендской политикой Лондона и конструированием британской идентичности, этнической картографии, методики и специфики сбора необходимой для нее информации остались за пределами исследования.

Таким образом, интеллектуальная колонизация Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. в ходе решения «Хайлендской проблемы» не получила заметного освещения в англо-американской историографии и не стала предметом специального комплексного исследования. За редкими исключениями (Джонссон, Андерсон, Плэнк), когда внимание акцентировалось на отдельных аспектах взаимодействия колониального знания и политической власти в Горной Стране в процессе ее умиротворения и модернизации, нет ни одного исследования, поставившего целью анализ интеллектуальной колонизации Горного Края.

С другой стороны, обширная историография периферийных для данной работы проблем — социально-экономической, политической, культурной истории Хайленда; якобитского движения; вопросов, связанных с заключением Англией и Шотландией унии, расширением британского присутствия в крае, в том числе в свете различных подходов к концепции внутренней колонизации; институциональных особенностей британской армии в связи с колониальной и окраинной политикой Великобритании в XVIII в. — создает благоприятные условия для изучения данной проблемы.

Отечественная историография во многом продолжает рассматривать британскую историю в первую очередь как историю Англии. Российское англоведение дореволюционного и почти всего советского периода полностью оправдывало свое название. Упомянувшиеся факты из шотландского прошлого, как правило, служили лишь иллюстрацией к английской истории¹. В результате сложный комплекс научных проблем, связанных с интеллектуальной колонизацией Горной Шотландии и решением «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в., оказался за пределами научных интересов отечественной историографии.

Тем не менее необходимо отметить, что шотландские сюжеты пополнили копилку исторического знания в России уже в XVIII в. В 1794 г. по инициативе А.Т. Болотова в Москве увидела свет книга «Жизнь и странные приключения умершего в 1788 году Карла Эдуарда, Претендента Великобританской, Французской и Ирландской корон»².

¹ Напр.: *Кареев Н.И.* Две английские революции XVII века. М., 2002. С. 270–271; *Он же.* История Западной Европы в новое время. Т. III. СПб., 1908; *Ковалевский М.М.* История Великобритании. СПб., 1911. С. 77–78, 139–141; *Быкова А.Ф.* История Англии с XI века до начала мировой войны. СПб., 1918. С. 5–6; *Татаринова К.Н.* Очерки по истории Англии. 1640–1815 гг. М., 1958. С. 251–253.

² *Болотов А.Т.* Жизнь и странные приключения умершего в 1788 году Карла Эдуарда, Претендента Великобританской, Французской и Ирландской корон. М., 1788.

После длительного перерыва у российского читателя появилась возможность получить новые сведения об истории Шотландии конца XVII — первой половины XVIII в. — из первых переводов Т.Б. Маколей и Г.Т. Бокля во второй половине XIX в.¹ Переводы зарубежных работ в незначительной мере компенсировали отсутствие собственных научных исследований. Однако из них можно было получить некоторые сведения о военно-политической и социально-экономической организации сообществ Хайленда, а также их взаимоотношениях с центральными властями в данный период.

Первое специальное изложение шотландской истории появилось в нашей стране только в 1987 г. и принадлежало перу Галины Ивановны Зверевой. Эта работа не являлась специальным монографическим исследованием. Представляя учебное пособие для студентов, она носила естественный в этом случае общий характер, охватывая всю шотландскую историю до 1980-х гг. Разумеется, в этой ситуации уделить прошлому Горной Шотландии в XVIII в. больше нескольких страниц текста не представлялось возможным. Тем не менее необходимо отметить, что «История Шотландии» — первое последовательное изложение истории этой страны в российской историографии и поэтому сохраняет свою актуальность².

В 1988 г. прошла защита диссертации Г.С. Зарницкого по теме «Якобитское движение в Великобритании в конце XVII — первой половине XVIII вв.». Из работы можно узнать о шотландской части общей для королевства партии сторонников изгнанных Стюартов — ее идеологии, социальной базе, движущих силах, общей канве связанных с движением событий. Значительно меньше сведений

---

¹ *Маколей Т.Б.* История Англии от восшествия на престол Якова II // Полн. собр. соч.: В 16 т. СПб., 1861–1865; *Бокль Г.Т.* История цивилизации в Англии. Т. 1–2 / Пер. с англ. К. Бестужева-Рюмина. СПб., 1863–1864; *Он же.* История цивилизации в Англии. Т. 1–2 / Пер. с англ. А.Н. Буйницкого и Ф.Н. Ненарокова. СПб., 1863–1864.

² *Зверева Г.И.* История Шотландии: Учеб. пособие для вузов. М., 1987. С. 94–95.

содержится в ней об особенностях развития Горной Страны, а те, которые автор приводит, служат главным образом иллюстративным материалом к истории шотландского якобитизма и взяты из работ британских исследователей (также посвященных якобитскому движению). Почти отсутствует информация об истории Горного Края между выступлениями якобитов конца XVII — первой половины XVIII в. О самом Хайленде можно по большей части узнать только то, что по отношению к правительству в Лондоне он продолжал оставаться враждебным¹. Впрочем, разбирая проблему якобитизма, соискатель и не рассматривал интересующие нас вопросы в качестве самостоятельного предмета исследования.

Дальнейшее изучение истории Шотландии в данный период касалось вопросов экономического развития страны (главным образом, применительно к Нижней Шотландии), ее международных отношений и связей, становления и развития в Шотландии философии эпохи Просвещения².

Отдельно необходимо выделить группу исследований, раскрывающих особенности клановой организации горцев Шотландии и политику властей в отношении гэльской окраины: работы С.В. Игнатьева и В.Ю. Апрыщенко, затрагивающие историю Горной Шотландии позднего Средневековья и раннего Нового времени³. Несмотря на то

¹ *Зарницкий Г.С.* Якобитское движение в Великобритании в конце XVII — первой половине XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 8–14.

² *Ренев Е.Г.* Шотландия второй трети XVIII века. Ускоренная капиталистическая эволюция: элита и общество // Мир истории. Жизнь историка. М., 1995. С. 103–117; *Ноздрин О.Я.* Шотландцы в истории русско-мальтийских связей // Рыцари Мальтийского креста: Сб. ст. СПб., 2006. 167–172; *Абрамов М.А.* Шотландская философия века Просвещения. М., 2000.

³ *Игнатьев С.В.* Лорды Хайленда и Шотландская Корона в первой трети XV в. // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы двенадцатой международной конференции молодых ученых 27–30 декабря 2001 г. СПб., 2001. С. 467–476; *Он же.* Шотландия и Англия в первой половине XV в.: высокая политика и региональные

что хронологически работы относятся к более раннему периоду, они позволяют ознакомиться с причинами, особенностями и традициями значительной политической независимости вождей и магнатов Горного Края и таким образом существенно дополняют наши представления об особенностях клановых отношений в Хайленде в конце XVII — первой половине XVIII в.

Виктор Юрьевич Апрыщенко дает довольно ясную картину взаимоотношений Эдинбурга и Горной Шотландии в XVI — начале XVII в., мероприятий, с помощью которых центральная власть стремилась воспитать в вождях и магнатах лояльность Короне. Раскрытие этих проблем позволяет глубже понять события, происходившие в Горной Стране в конце XVII — первой половине XVIII в. и раскрываемые автором в контексте истории британского военного присутствия в Хайленде¹.

Апрыщенко также автор первого и пока единственного в отечественной историографии исследования становления шотландской национальной идентичности в XVIII — первой половине XIX в. в контексте истории Англо-шотландской унии и последовавшей модернизации Шотландии, в том числе Горной Страны². Некоторые аспекты этой работы представляют особый интерес для предпринятого нами исследования.

Во-первых, это тема шотландского якобитизма, ангажированная непростыми отношениями Лондона и Эдинбурга в свете деволуции Соединенного Королевства. Оговариваются противоречивые мотивы поддержки изгнанных

амбиции. СПб., 2011; Апрыщенко В.Ю. Клановая система Горной Шотландии в период раннего нового времени: характерные черты и особенности развития: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002; Он же. Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д, 2006.

¹ Малкин С.Г. «Мятежный край Его Величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.

² Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII — первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008.

Стюартов, характерные для вождей и магнатов Горной Страны, что с точки зрения понимания особенностей взаимодействия правительственных чинов и представителей местных элит имеет большое значение.

Во-вторых, представляется весьма перспективной высказанная автором мысль о модернизации как функции унии в Шотландии, вполне применимая и к характеристике ситуации в Горной Стране. Одной из важнейших составляющих интеллектуальной колонизации края в ходе решения «Хайлендской проблемы» являлось представление о неоспоримом модернизационном потенциале британского присутствия на гэльской окраине.

В-третьих, важен раздел, характеризующий реакцию горцев на усилия властей по умиротворению и модернизации Горного Края, в котором раскрывается конфликт между теоретическими построениями реформаторов и реалиями Хайленда.

Вместе с тем к истории решения «Хайлендской проблемы» до подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг. автор практически не обращается. Что касается мер, принятых правительством в отношении Горной Страны после 1745 г., то среди них Апрыщенко упоминает относящиеся к политической и социально-экономической истории, но не затрагивает связанные с приобретением и расширением колониального знания, необходимого для умиротворения и модернизации гэльской окраины.

Автор уделяет значительное внимание идеологическому «присвоению» Горной Шотландии в XVIII в. Однако, во-первых, речь в основном идет о публичном пространстве, в то время как для нас особый интерес представляет позиция официальных властей и их агентов в Хайленде. Во-вторых, в работе акцент сделан на проблеме восприятия англо-шотландской унии 1707 г., а для данного исследования особый интерес представляют взгляды современников на решение «Хайлендской проблемы».

Имея в виду тесную связь данной темы со многими вопросами внешней и внутренней политики Великобритании, существенную помощь в более основательном

изучении исторических процессов в Горной Стране оказали отечественные исследования по общим темам британской истории раннего Нового времени. Прежде всего это работы Н.А. Ерофеева, М.П. Айзенштат, А.Б. Соколова, А.А. Киселева¹.

В частности, Марина Павловна Айзенштат уделяет внимание политической истории Британии конца XVII — первой половины XVIII в. обстоятельно разбираются такие вопросы, как соотношение прерогатив Короны и парламента, возможности и полномочия королевских министров, роль патронажа, оформление парламентских группировок, развитие парламентаризма и формирование кабинетной системы правления.

С точки зрения более глубокого понимания особенностей принятия политических решений в Соединенном Королевстве, характера и логики политической полемики в парламенте и на уровне министров и ведомств эти сюжеты представляются для предпринятого нами исследования крайне существенными. Понимание различных аспектов механики политической власти в Британии раннего Нового времени способствует более точному анализу риторических и политических стратегий реформаторов Горной Страны в процессе интеллектуальной колонизации гэльской окраины и решения «Хайлендской проблемы».

Андрей Борисович Соколов и Александр Александрович Киселев затрагивают ту же проблематику применительно к внешней, колониальной политике Лондона в XVII–XVIII вв. Их исследования великолепно дополняют друг друга, позволяя сопоставить отношение и поведение представителей политической нации Великобритании по отношению к этим вопросам на различных уровнях

---

¹ *Ерофеев Н.А.* Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. М., 1964; *Он же.* Англо-шотландская уния 1707 г. // ННИ. 1975. № 6; *Соколов А.Б.* «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996; *Айзенштат М.П.* Великобритания в новое время: политическая история. М., 2002; *Киселев А.А.* Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII–XVIII вв. Волгоград, 2012.

власти — как в парламенте и публичной сфере, чему особое внимание уделяет Соколов, так и в правительственных кругах, о чем пишет Киселев. При этом проблемы управления империей занимают в их работах особое место.

Авторы обращаются к таким актуальным вопросам из области современных имперских исследований, как механизмы принятия решений в колониальной политике, особенности функционирования административного аппарата империи, пути и способы обмена информацией между периферией и центром, способы ее получения и обработки как на институциональном, так и на персональном уровне отдельных королевских чиновников. Значительное внимание уделяется роли патронажа, коррупции и родственных связей в колониальной политике Британской империи, при этом по-новому интерпретируются эти традиционные для Британии XVII–XVIII вв. формы социального взаимодействия и политической практики как в метрополии, так и в колониях.

Вместе с тем, анализируя интеграцию новых владений в состав Британской империи и дебаты по этому поводу, Соколов и Киселев в качестве объектов колониальной политики Лондона традиционно для отечественной историографии рассматривают исключительно заокеанские владения. Такая интерпретация имперской географии оставляет за рамками исследования опыт внутренней колонизации, приобретенный метрополией в Ирландии и Горной Шотландии в XVII–XVIII вв. Необходимо учитывать, что с момента провозглашения в 1707 г. Британской колониальной империи на смену Английской и вплоть до конца 1750-х гг. Горная Страна являлась самой близкой и опасной лабораторией по испытанию различных проектов формирования, укрепления и расширения лояльности Лондону в условиях перманентных мятежей и угрозы вторжения иностранной державы.

При этом приобретенный в Хайленде опыт вместе с участвовавшими в умиротворении края военными и гражданскими чинами в результате административных назначений переносился в заморские владения Британской империи.

Последствия таких кадровых решений Лондона вновь ставят вопрос об особенностях функционирования внутренних механизмов ее управления. Преувеличивать влияние опыта решения «Хайлендской проблемы» на колониальную политику не стоит. Но игнорировать его также не следует, учитывая географию административных назначений британских офицеров, участвовавших в умиротворении и реформировании Горного Края (Северная Америка, Мэнорка, Гибралтар, Ирландия).

Таким образом, несмотря на давнюю и богатую историографическую традицию британских исследований, в целом отечественная историческая наука пока не обнаружила должного внимания к общему британскому прошлому Англии и Шотландии в Горной Стране, в том числе в контексте ее интеллектуальной колонизации в ходе решения «Хайлендской проблемы». Тема британского присутствия в Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. в отечественной историографии требует в настоящее время не просто разработки новых подходов, но исследования концептуального характера, которое позволило бы заполнить эту лауну в отечественной традиции британских исследований и определить характер, формы, направления, логику, роль и значение интеллектуальной колонизации в решении «Хайлендской проблемы» в данный период.

Такая историографическая ситуация в России и за рубежом оставляет открытыми ряд вопросов, не менее значимых, чем разбираемые при изучении традиционных сюжетов британской истории. Формирование социально-экономического, политического, культурного пространства Соединенного Королевства — это не только вопрос шотландского «сепаратизма» якобитов, противоречий Унии или сложных, запутанных отношений между Коронной, ее институтами и шотландскими подданными.

Помимо и во многом ради решения этих проблем новым традициям, заложенным Славной революцией, Англо-шотландской унией и сменой династии на британском престоле, еще предстояло укрепиться в Горной

Шотландии. Необходимым условием стало расширение присутствия Лондона в Горной Стране, а одним из важнейших способов практической реализации этого направления в политике властей — интеллектуальная колонизация края и решение «Хайлендской проблемы».

Данная работа представляет собой первое в отечественной и зарубежной историографии исследование интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в процессе решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в., которая рассматривается как целостное историческое явление в своей теоретической и практической эволюции. В этой связи формирование представлений британских чинов об основных проявлениях «Хайлендской проблемы», накопление необходимых для ее решения сведений и их использование в полемике по поводу колониальной и окраинной политики Великобритании рассматриваются не столько как локализованный в пространстве и во времени исторический факт, сколько как составная часть общей тенденции к расширению присутствия Лондона в Горной Стране в конце XVII — первой половине XVIII в.

Глава 1

ОПРЕДЕЛЯЯ ГРАНИЦЫ: ГЕОГРАФИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

Историография якобитского движения и умиротворения Горной Шотландии, несомненно, обширна. Вместе с тем о географическом воображении британцев в контексте решения «Хайлендской проблемы» исследований значительно меньше. И практически отсутствуют работы, в которых этот аспект интеллектуальной истории окраинной политики Соединенного Королевства был бы изучен в качестве не только идеологической формы, но и аналитического инструмента интеграции и модернизации Горной Страны. Возвращение к традиционным сюжетам британской истории с географической и картографической точек зрения одновременно позволяет обнаружить скрытый смысл взаимосвязанных мер по сбору, систематизации, комментированию и применению сведений о физической, социально-экономической, политической, культурной географии Горного Края в процессе расширения британского присутствия и решения «Хайлендской проблемы».

В изучении воображаемой географии и истории картографии в Европе раннего Нового времени отношения между центром и периферией государства в процессе консолидации власти на беспокойных окраинах занимают такое же важное место, что и в трудах, посвященных формированию этого института вообще. Мишель Фуко, Эдвард Вади Саид, Джозеф Митчел, Бруно Латур и другие, приравняв знание к власти на методологическом уровне, заложили основы концепции интеллектуального

завоевания, объединившей «научный» империализм и проект Просвещения¹.

Одним из первых среди историков картографии на этот методологический вызов откликнулся Дж.Б. Харли. В 1988 г. в эссе «Карты, знание и власть» он замечает, что научное географическое знание под маской объективности, точности и достоверности скрывало политические интересы. Математически точная (позиционируемая как объективная) карта дегуманизирует территорию, которую она представляет, замалчивая реалии сопротивления на периферии центральным властям². Призыв Харли проверить высказанные им идеи в конкретных исторических обстоятельствах был услышан, и с тех пор появилось значительное количество работ, в которых исследуется роль картографии в колониальных предприятиях Лондона как в домашних водах, в Ирландии, так и за океаном, в Америке³.

С другой стороны, как справедливо замечает в этой связи Валери Кивельсон, «как результат любого радикального пересмотра идея о том, что карты служат государственной власти, несмотря на свою полезность, пренебрегает нюансами истории»⁴. Дж. Эндрюс шутливо заметил

---

¹ Чаще всего упоминают работы двух первых по времени и по вкладу в изучение данной проблематики авторов: *Foucault M. The Archaeology of Knowledge. London, 1974* [рус. пер.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996]; *Idem. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. London, 1977* [рус. пер.: Он же. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999]; *Said E.W. Orientalism. New York, 1978* [рус. пер.: Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006]; *Idem. Culture and Imperialism. London, 1993* [рус. пер.: Он же. Культура и империализм. СПб., 2012].

² *Harley J.B. Maps, Knowledge and Power // The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments / Ed. by D. Cosgrove and S. Daniels. Cambridge, 1988. P. 282–284.*

³ См., напр.: *Boelhower W. Inventing America: A Model of Cartographic Semiotics // Word and Image. 4.2 (1988). P. 475–497; Representing Ireland: Literature and the Origins of Conflict, 1534–1660 / Ed. by B. Bradshaw, A. Hadfield and W. Maley. Cambridge, 1993.*

⁴ *Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 54.*

по этому поводу: «Как я и думал: еще одно прославление государственной мощи»¹. Как показывают современные исследования, отношения между центром и периферией в централизуемых государствах Европы раннего Нового времени, метрополиями и колониями и окраинами в первый век глобальных империй представляли собой двусторонний процесс и были в той же мере компромиссными, в какой и навязываемыми.

Географическое воображение и картографирование периферии, несомненно, служило интересам центральных властей. Однако, как показывает изучение опыта решения (в том числе) «Хайлендской проблемы», речь должна идти не только о забвении идентичностей и различий, опасных для властей и реализуемых государством проектов. Скорее следует говорить о вовлечении заинтересованных сторон в центре и на местах в диалог, о расширении пространства их взаимодействия и формировании общепринятых понятий, тематики обсуждения и вектора возможных дискуссий.

С практической точки зрения вряд ли было возможно вообразить далекую, слабо контролируемую центральными властями окраину и составить ее карту, игнорируя возможности сотрудничества с местными носителями необходимого знания. Как напоминает Питер Барбер, «только [местные жители] могли предоставить местные документы, назвать людей, способных отвести топографа на местные высоты... указать местные ориентиры»².

---

¹ *Andrews J.H.* Introduction // *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography* / Ed. by J.B. Harley and P. Laxton. Baltimore and London, 2001. P. 31–32. Подробнее о критике такого буквального прочтения концепций власти-знания и ориентализма в изучении истории картографии см. также: *Edwards J.* How to Read an Early Modern Map: Between the Particular and the General, the Material and the Abstract, Words and Mathematics // *EMLS*. 9.1 (May, 2003): 6.1–58 [URL:<http://purl.oclc.org/emls/09-1/edwamaps.html>].

² Цит. по: *Кивельсон В.* Указ. соч. С. 54 (*Barber P.* Maps and Monarchs in Europe 1550–1800 // *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe: Essays in Memory of Ragnhild Hatton* / Ed. by G.C. Gibbs, R. Oresko, H.M. Scott. Cambridge, 1997).

Таким образом, вооружившись современными методами изучения ментальной географии и картографии и имея в виду ограничения, накладываемые ими на процесс исторического познания, можно по-новому сформулировать основные вопросы, связанные с решением «Хайлендской проблемы» в процессе воображения ее географических границ и создания картографических образов.

Во-первых, необходимо понять, как соотносились между собой параллельные процессы формирования региональной и национальной идентичности в Великобритании в конце XVII — первой половине XVIII в. Речь идет о гэльской окраине как внутреннем «Другом», о намеренном позиционировании края как отличавшегося от остального королевства и противостоявшего нормам и ценностям британского юнионизма.

Особый исследовательский интерес представляет то, как такая воображаемая география и отражавшая и/или, наоборот, игнорировавшая ее картография проявлялись в связанных процессах национально-государственного и имперского строительства в британских владениях. При этом целесообразно уяснить, в какой мере такое «отстающее» пространство формировалось через противопоставление «модернизирующейся» в целом стране, а в какой мере формирование национальной и имперской идентичностей шло обратным путем — задаваясь оппозицией с регионом, «отклоняющимся» от провозглашенных Англо-шотландской унией норм¹.

---

¹ Подробнее о современных подходах к изучению конструирования региональных и национальных идентичностей в рамках концепций внутреннего колониализма и внутреннего ориентализма см., напр.: Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 107–125; Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012; *Shein L. Gender and internal orientalism in China // Modern China. 1997. Vol. 23. No. 1. P. 69–98; Jansson D.R. Internal orientalism in America: W.J. Cash's «The Mind of the South» and the spatial construction of American national identity //*

Во-вторых, необходимо пересмотреть традиционное представление о картографических практиках раннего Нового времени как действиях, связанных с накоплением географических знаний. Новую историю картографии, рассматривающую картографические труды как дискурсы доминирования или как поле конкурентной борьбы между сторонниками различных интерпретаций оспариваемого ими пространства, следует дополнить исследованием таких актуальных в процессе умиротворения Горной Страны и решения «Хайлендской проблемы» аспектов картографирования, как сбор агентурных сведений, в том числе этнографического свойства.

Если читать карты Хайленда не только как отражения географической реальности и/или проекции пропаганды властей, но и как результат совместных усилий «шотландских» чинов и их местных агентов по географическому воображению гэльской окраины, можно выявить неочевидные в ином случае связи между расширением британского присутствия в крае и его интеллектуальной колонизацией, ростом политического контроля и участия в этом процессе заинтересованных представителей местных элит¹.

Political Geography. 2003. Vol. 22. No. 3. P. 293–316; *Idem*. Racialization and «Southern» identities of resistance: A psychogeography of internal orientalism in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. 2010. Vol. 100. No. 1. P. 202–221.

¹ Социальная история картографии в этом смысле является весьма перспективной отправной точкой подобных исследований. См., напр.: *Pedley M.* Maps, War, and Commerce Business Correspondence with the London Map Firm of Thomas Jefferys and William Faden // *IM*. Vol. 48 (1996). P. 161–173; *Heinz M.* A Programme for Map Publishing: The Homann Firm in the Eighteenth Century // *IM*. Vol. 49 (1997). P. 104–115; *Ritter M.* Seutter, Probst and Lotter. An Eighteenth-Century Map Publishing House in Germany // *IM*, Vol. 53 (2001). P. 130–135. Среди работ такого рода, связанных с историей картографирования Шотландии, см., напр.: *Withers C.W.J.* Reporting, Mapping, Trusting: Making Geographical Knowledge in the Late Seventeenth Century // *Isis*. Vol. 90. No. 3 (Sep., 1999). P. 497–521; *Idem*. The Social Nature of Map Making in the Scottish Enlightenment, c. 1682 — c. 1832 // *IM*. Vol. 54 (2002). P. 46–66.

§ 1. Театр войны: топография Хайленда

Границы мятежа, или «Хайлендский рубеж»

Едва ли не важнейшей задачей информаторов правительства о положении в Горной Стране являлось определение ее границ: и не столько географических, сколько культурных, политических, религиозных, этнических. Отсутствие в Лондоне четкого, ясного и непротиворечивого образа Горного Края на фоне мятежного характера ее обитателей привело к тому, что изложение географических, исторических, политико-экономических, этнографических сведений не только стало наиболее распространенным способом представить край министрам, но и определило набор тем, в рамках которых формировались первые и самые устойчивые представления о положении в крае и политика королевства в отношении гэльской окраины. Эти комментарии можно рассматривать еще и как типичную для эпохи продолжавшихся географических открытий и отражавших их хорографических сочинений разновидность «карт» этого мятежного края: аналитическая литература была своеобразной энциклопедией Хайленда.

Современники ясно осознавали энциклопедическую природу картографии в век Просвещения. Так, «Энциклопедия» Ж.Л. Д'Аламбера и Д. Дидро, например, сама понималась как дорожная карта Просвещения, а слово *parterre* (карта мира) являлось ключевой метафорой в их описании собственной работы¹. Д'Аламбер при этом описывал «Энциклопедию» как «своего рода карту земных полушарий, которая должна показать главные стороны, их положение и взаимную зависимость и дорогу, разделяющую их, в виде прямой линии; дорогу, часто прерывающуюся тысячью препятствий, которые могут быть в каждой стране известны только местному населению или путешественникам и которые могли бы быть указаны

---

¹ Дарнтон Р. Великое кошацье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 229.

только на специальных, очень подробных картах. Этими специальными картами и будут различные статьи “Энциклопедии”, а древо или наглядная система — картой земного шара»¹.

В XVIII в. — во время завоеваний и открытий при разделенности научных дисциплин — география вполне могла включать всевозможные описания и комментарии и была тесно связана с «наукой подчинения», устанавливая соотношения Великобритании с ее гэльской периферией в частности и Европы с остальным миром вообще. Перефразируя Л. Вульфа, начиная с атласов и заканчивая энциклопедиями, география устанавливала границы «просвещенной» Европы и наносила ее карту в сознании эпохи Просвещения². Как и обычные карты, сочинения «о положении в Горной Стране» были призваны упорядочить другие отрасли знания помимо географии — по истории, этнографии и политэкономии Горного Края, — содействуя его интеллектуальному освоению и военно-политическому подчинению.

При этом потребности военного времени (мятежи якобитов в 1689–1691, 1715–1716, 1719, 1745–1746 гг.) актуализировали стремление Лондона описать Горный Край, то есть, при сложившихся обстоятельствах, еще и составить надлежащую карту предстоящих военных кампаний. Расширение британского присутствия в Горной Шотландии и активная внешняя политика Лондона за океанами, сообщавшая особое военно-стратегическое значение гэльским окраинам, на протяжении «долгого» XVIII в. обеспечивали картографам постоянную занятость, делая географию неотъемлемой частью любого сочинения «о положении в Горной Стране».

Составление отчетов и описаний Хайленда оказывалось необходимой практикой политизации географического пространства Горного Края, где политика всегда

---

¹ Цит. по: Дарнтон Р. Указ. соч. С. 229.

² Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 289.

была геополитикой, а географическая (топографическая, этнографическая) карта становилась языком этой геополитики, дискурсом, в котором властные отношения — это еще и отношения пространственные. При этом географическое воображение британских комментаторов в этом процессе играло особую роль, сопрягая в сознании ответственных за умиротворение Горного Края чинов колониальный опыт королевства, образы неочевидного британского единства в контексте заключенной в 1707 г. Англией и Шотландией унии и потребности Лондона в понимании, определении и сокращении границ «Хайлендской проблемы».

Естественные отличия Хайленда от пасторальных пейзажей Англии и Нижней Шотландии уже формировали ощущение географической особости Горного Края. Форт Уильям, например (сейчас небольшой городок), располагается в 9 м над уровнем моря, в то время как гора Бен-Невис возвышается на 1343 м, хотя их и разделяли всего 6 км; температура при этом понижается на 6 градусов через каждую 1000 м в сочетании с частыми в этих краях осадками и порывистым ветром. Суровая и неприветливая природа Горной Страны, казалось, предполагала те же характеристики и для социальной и политической природы этого края.

Между тем, хотя географическая, социальная, экономическая, политическая, культурная карты Шотландии во многом определялись разделявшим Верхнюю и Нижнюю Шотландию «Хайлендским рубежом» Грэмпианских вершин, сам Хайленд длительное время сопротивлялся географической локализации и никогда не был просто географическим объектом на политической карте, демонстрируя характерную текучесть военно-политической, социально-экономической и этнокультурной географии Горного Края¹.

---

¹ О социальной истории «Хайлендского рубежа» как пограничного края в раннее Новое время см. подробнее: *Johnson-Smith Douglas-James. On the edge of the «savagery»: the anatomy of a community on the Highland-Lowland divide, c. 1600–1800. PhD Thesis. Glasgow, 2002.*

Даже употреблявшееся британскими чинами название края, Хайленд (Highlands), не передавало содержания гэльского термина «Гэйлтэхд» (Gaidhealtachd). Последний означал лингвистическое и культурное родство, первый характеризовал географию края. Гэльское понятие «Гэлдэхд» (Galldachd) также не являлось эквивалентом англоязычного обозначения шотландских низин, Лоуленда (Lowlands)¹. Двухязычие, характерное для графств, включавших округа в Нижней и Верхней Шотландии, делало процесс географического определения Горной Страны еще менее однозначным. Около 30% шотландцев в конце XVII в. владели гэльским языком². Но не все из них проживали в Горном Крае и употребляли его повседневно.

Вместе с тем в аналитических комментариях в зависимости от контекста Хайленд очень быстро перешел из ряда исключительно географической категории в категорию с культурным, лингвистическим, этнографическим, политическим, социально-экономическим содержанием, подразумевая бинарную оппозицию Лоуленду. Хотя в памяти горцев сохранилось представление о более широкой географии родного языка, включавшей когда-то ряд округов и в Лоуленде, что отразилось в различении «гойлов» (Goill), лоулендеров, и «сасеннахов» (Sasannaich), англичан³.

Этот факт подтверждает, что географическое изображение британских комментаторов, разделяя Шотландию на Верхнюю и Нижнюю, Хайленд и Лоуленд, решало не только картографические задачи, но и политические, укрепляя юнионистское видение Соединенного Королевства. Особенно заметен этот факт на фоне того обстоятельства, что сами горцы и в середине XVIII в., употребляя

---

¹ *Murdoch S. Language Politics in Scotland*. Aberdeen, 1995. P. 5; *Withers C.J.W. The Historical Creation of the Scottish Highlands // The Manufacture of Scottish History / Ed. by I. Donnachie and C. Whatley. Edinburgh, 1992. P. 144.*

² *Withers C.W.J. Gaelic in Scotland 1698–1981: the Geographical History of a Language. Edinburgh, 1984. P. 30–31.*

³ *Withers C.J.W. The Historical Creation of the Scottish Highlands... P. 144.*

понятие «Хайленд», имели в виду географию, а не языковые и культурные практики¹.

При этом уже в конце XIV в. хронист из Эбердина, Джон из Фордана, писал о том, что нравы и обычаи шотландцев различаются в зависимости от того, на каком языке они говорят: «Два языка у них приняты, шотландский и тевтонский; последний из них это язык тех, кто занимает побережье и равнины, в то время как племя говорящих на шотландском занимает нагорье и прилегающие острова. Люди на побережье живут оседлым и цивилизованным образом... Горцы и островитяне, с другой стороны, суть дикий и бунташный народ...»². Три века спустя топография «Хайлендского рубежа» по-прежнему связана с географией языкового поведения шотландцев. Ответственные за умиротворение Горной Шотландии чины и агенты правительства между 1689 и 1759 гг. достаточно четко описывали границы этого мятежного края в лингвистических терминах.

В качестве примера воспользуемся характерными и весьма показательными сочинениями середины XVIII в. Впечатляющее первоначальной ничтожностью средств, грандиозностью замысла и широтой размаха восстание сторонников изгнанных Стюартов в 1745–1746 гг. вызвало к жизни наибольшее количество аналитической литературы, посвященной умиротворению Хайленда. Вместе с тем пределы мятежа и культурные рубежи виделись авторам там же, где прежде: «То, что зовется Горной Страной Шотландии, является гористой местностью к северу от Форта и Тэя, где говорят на ирландском языке... Примечательно, что в некоторых пограничных с Хайлендом округах, где... говорили на ирландском языке, носили

¹ Как сообщал в 1749 г. инспектор конфискованных имений в Хайленде, «Все эти земли, а именно Кнойдэрт, Два Морриса, Мойдэрт и Эрисэйг, являются самыми гористыми и трудноодолимыми частями во всей Горной Шотландии и обычно зовутся жителями соседних земель Хайлендом Хайленда [the Highlands of the Highlands]»: THS. P. 67.

² Цит. по: *Smout T.C. A History of the Scottish People, 1560–1830.* New York, 1969. P. 42.

горское платье и были привычны к оружию, под влиянием... внедрения промышленности ирландский язык и горское платье уступили разновидности английского языка и лоулендской одежде; жители взяли вместо оружия плуг и, разоруженные таким образом не по акту парламента, такие же теперь, как и их соседи с Равнин»¹.

Практически так же, как лорд-президент Сессионного суда Шотландии Форбс из Каллодена, границы Горного Края представлял себе и обычный, однако весьма проницательный и информированный лэрд на «Хайлендском рубеже» Грэм из Гэртмора, в 1747 г. предложивший ответственным за умиротворение гэльской окраины чинам свое видение «Хайлендской проблемы» и ее географии: «Под Горной Страной Шотландии понимают не только гористые местности, простирающиеся от берегов Лохломонда в Стирлингшир, Дамбэртоншир, к северу Сазерленда; но также Западные острова и те области, что лежат в изголовье Ангуса, Меарнса и Эбердиншира... Общение на ирландском языке в большей части страны, на языке, отличном от того, на котором говорит все остальное королевство, имеет большую тенденцию к их объединению; но отделяет их от остальных подданных бесполезной враждой, происходящей от различий в обычаях, что является естественным следствием разницы в языке...»².

Таким образом, географическое воображение комментаторов представляло Горную Шотландию в свете этнокультурных особенностей ее обитателей. С этой точки зрения остальной текст сочинений «о положении в Горной Стране» можно рассматривать как расширенный комментарий к лингвистической, этнической, культурной, социально-экономической географии края, понимавшейся как география «Хайлендской проблемы». Границы мятежа,

---

¹ Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland [авторство записки, по мнению издателя, принадлежит Форбсу из Каллодена младшему, рукой которого она написана и среди фамильных бумаг которого она обнаружена; предположительно 1746 г.] // CP. P. 297, 301.

² *Graham N. Op. cit.* P. 363.

источником которого Хайленд считали в остальном Со-единенном Королевстве до окончательной ликвидации военной угрозы якобитизма в 1759 г., определялись, следовательно, в том числе как пределы распространения насильственных практик — кража скота главным образом и вымогательство — «подъем» (lifting) и «черная рента» (blackmail) в более снисходительном к подобным проявлениям шотландском варианте английского языка.

Таким образом, понятным Короне и ее правительствам и принятым в холлах Вестминстера языком авторы рекомендаций по умиротворению Горной Страны отстаивали собственное представление о пространственных пределах ее мятежности и способах сокращения этих опасных для королевства границ. Опыт службы в Северной Британии в сочетании с политической школой «шотландских» чинов порождал компромисс между политической риторикой и реальностью края, способствуя воображению Хайленда в аналитических сочинениях конца XVII — первой половины XVIII в. в рамках культурной географии и этнической картографии.

При этом картограф, как показывают исследования по географии раннего Нового времени, не всегда являлся отличным географом¹. Увидеть и запечатлеть в сочинениях «о положении в Горной Стране» и/или на картах этой окраины политический ландшафт — вот основная задача, которую предстояло решить участникам интеллектуальной колонизации Горного Края, поскольку описать и локализовать этнокультурные особенности Хайленда на бумаге всегда было проще, чем в сфере политической практики.

¹ В контексте истории картографии гэльских окраин см.: Klein B. The Lie of the Land. English Surveyors, Irish Rebels and «The Faerie Queene» // *Irish University Review*. Vol. 26. No. 2. Special Issue: Spenser in Ireland: «The Faerie Queene» 1596-1996 (Autumn-Winter, 1996). P. 207-225; Andrews J.H. John Norden's Maps of Ireland // *PRIA*. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature. Vol. 100C. No. 5 (2000). P. 167-171, 173-204; Withers C.J.W. Geography, science and national identity: Scotland since 1520. Cambridge, 2001. P. 56-95; 142-157; Withers C.J.W. The Social Nature of Map Making in the Scottish Enlightenment, c. 1682 — c. 1832 // *IM*. Vol. 52 (2002). P. 50-52; 55-59.

Таким образом, географическая точность не являлась единственной целью картографа. Карты — словесные и визуальные — не просто отражали пространство; часто они его создавали. Причем конструирование военного пространства не являлось таким очевидным приоритетом «шотландских» чинов, как это может показаться на первый взгляд при знакомстве с тематикой составленных по их указаниям карт¹. Культурная география и этническая картография, основанные на географическом воображении и полевых исследованиях и способствовавшие составлению карты лояльностей и укреплению идеи британской политической нации, являлись такими же важными интеллектуальными компонентами умиротворения Горной Шотландии, на взгляд чинов и агентов правительства, как и военная топография этого края.

На фоне такой подвижности, проницаемости и сложности границ, проходивших не только по земле, но и в сознании и сфере интересов самих же хайлендеров, представление об умиротворении Горной Страны как об «осаде» горных «крепостей», характерное для многих военных и штатских чинов, предлагавших военное решение «Хайлендской проблемы», выглядит отчаянной попыткой придать картам Хайленда хоть какую-нибудь определенность². Горцы, однако, многократно пересекавшие «Хайлендский рубеж», ставили под сомнение такую логику воображения границ Горного Края.

Классический пример в этом смысле — Роберт Мак-Грегор (Кэмпбелл), более известный, конечно, как Роб Рой. Принадлежа к клану, еще с 1560-х гг. известному

---

¹ *Anderson C.J. Constructing the Military Landscape. The Board of Ordnance Maps and Plans of Scotland, 1689–1815. PhD Thesis. Vol. 2: Index of Maps and Supplementary Appendices. Edinburgh, 2009.*

² Среди карт, планов и схем, составленных Артиллерийской палатой в 1689–1759 гг. и имевших отношение к Горной Шотландии, планы фортов и казарм значительно превышают количество карт военных маршрутов и схем сражений с якобитами (48% в 1689–1709 гг., 83% в 1710–1719 гг., 74% в 1720–1729 гг., 74% в 1730–1739 гг., 57% в 1740–1749 гг., 84% в 1750–1759 гг.): *Anderson C.J. Op. cit. Vol. 1. P. 87–89.*

непростыми отношениями с законами королевства, Роберт МакГрегор уже в первой половине XVIII в. поддержал репутацию предков¹. Обвиненный в 1712 г. в неисполнении обязательств по выплатам с перепродажи скота, Роб Рой успешно скрывался от судебных преследований, успев выкрасть вместе с собранной рентой управляющего своего самого настойчивого кредитора (Джеймса Грэма, 1-го герцога Монтроза), не единожды бежать из плена, сочинив насмешливый вызов одному из своих неудачливых пленителей (с которым, разумеется, и не думал встречаться), а в 1735 г. спокойно отошел в мир иной в собственном доме, оставив наследникам завещание, законами королевства уже не оспариваемое².

Как образно сообщает об этой особенности жизни в шотландских горах Уолтер Скотт, «Эддисон или Поуп, по всей вероятности, сильно удивились бы, узнав, что на одном

¹ В соответствии с актом Тайного совета Шотландии от 22 сентября 1563 г. предводители кланов и лорды королевства получили право преследовать клан Грегор «огнем и мечом»: *Gregory D. Inquiry into the Earlier History of the Clan Gregor, with a view to ascertain the causes which led to their proscription in 1603* [read to the Society 22d march 1830] // *PSAS. 1857. Vol. 4. P. 142–145; Memoirs of the Jacobites of 1715 and 1745. Vol. II / Ed. by K. Thomson. London, 1845–1846. P. 157.*

² *Campbell R. [Robert MacGregor, Rob Roy]. Obligation to James, Duke of Montrose. Glasgow, December 27, 1711 // Notice of an Original Letter of King James II to Macdonell of Keppoch, after the Battle of Killiecrankie; three letters of General Monck; also some documents relating to Rob Roy Macgregor, and to Simon, Lord Lovat / By J.A. Smith // PSAS. 1866–1868. Vol. 7. P. 252–254; Advertisement for Apprehension of Rob Roy (from the Edinburgh Evening Courant, June 18 to June 21, A.D. 1712. No. 1058); Mr. Grahame of Killearn to —. Chappellarroch, Nov. 19th, 1716; Duke of Montrose respecting Rob Roy's arrest of Mr. Grahame of Killearn to — [perhaps to the King's Advocate for the time]. Glasgow, the 21st November, 1716; Duke of Montrose to —. 28th Nov. 1716. Glasgow, 28th Nov. 1716 // *Scott W. Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor. Glasgow and London, 1893. P. 211–219.* Среди наиболее красочных описаний одного из побегов Робоя: *Reverend Mr. Murray to the Reverend Colin Campbell, Minister of Ardchattan. Comrie Manse, July 2, 1717 / Communicated by W. Scott // PSAS. 1831. Vol. 3. P. 296–297; Campbell R. [Robert MacGregor, Rob Roy]. Letter to ain hie and mighty Prince, James Duke of Montrose, April 16, 1719 // Scott W. Op. cit. P. 220–221; Campbell R. [Robert MacGregor, Rob Roy]. Will. Confirmed 6th February, 1735 // NAS. CC6/5/24.**

с ними острове живет личность, подобная Роб Рою, — столь странного нрава и занятий. Эта резкая противоположность между утонченной, цивилизованной жизнью по одну сторону границы Горной Страны и незаконными, дикими похождениями, какие спокойно замышлял и совершал человек, проживавший по другую сторону этого воображаемого рубежа, создавала живой интерес вокруг его имени». «Своей славой, — поясняет чуть ранее автор, — он был в значительной мере обязан тому обстоятельству, что проживал у самой границы Горной Страны и в начале восемнадцатого столетия разыгрывал такие штуки, какие приписывают обычно Робин Гуду в Средние века, — и это в сорока милях от Глазго, большого торгового города с почтенным университетом!»¹ До Лондона было еще дальше, и это, несомненно, прибавляло неизвестности.

Впрочем, возможностью вести подобный образ жизни этот легендарный горец был обязан не только тому, что всегда мог укрыться в горах малодоступного Хайленда, но и тому весьма примечательному и характерному обстоятельству, что с 1725 г. состоял на агентурной службе командующего королевскими войсками в Северной Британии генерала Уэйда².

Между тем описание наиболее распространенного механизма пересечения горцами «Хайлендского рубежа» обнаруживаем так же у Скотта (и его заочного информатора лэрда Гэртмора, сведения которого через сто лет послужили целям литературного свойства): «Скот, главный предмет торговли в горных местностях, пригоняли на ярмарки в пограничной полосе Нижней Шотландии отряды бряцавших оружием горцев»³. Причем торговые

---

¹ *Scott W. Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor. Glasgow and London, 1893. P. 116.*

² См., напр.: *Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 194–222.*

³ *Scott W. op. cit. P. 136; Graham N. Op. cit. P. 348–350. См. подробнее: Koufopoulos A.J. The cattle trades of Scotland, 1603–1745. PhD Thesis. Edinburgh, 2005.*

предприятия этого рода не прекращались ни до, ни после якобитских мятежей, и одни и те же жители Горного Края могли, еще вчера поддерживая своими палашами изгнанных Стюартов, назавтра вести оживленную торговлю со сторонниками дома Ганноверов.

Несомненно, существовало промежуточное пространство между историческим передним краем вторжения британской культурной традиции (в широком смысле слова) и задним планом отступления феодально-клановых отношений в Хайленде. В результате между запиравшими горные перевалы фортами и местным окружением возникали длительные связи и взаимодействия. Сохранялось и определенное недоверие с обеих сторон. Зажатые между часто противоположными интересами Лондона–Эдинбурга и собственных лордов, жители «Хайлендского рубежа» как в Верхней, так и в Нижней Шотландии изо всех сил старались сохранить нейтралитет, заверяя обе стороны в своем дружественном к ним отношении и при этом поддерживая силой оружия, влиянием или материально и тех и других¹.

---

¹ Двусмысленное поведение Роберта МакГрегора во время мятежа якобитов в 1715–1716 гг. служит ярким и во многом типичным примером, иллюстрирующим эту пограничную логику. В шотландской балладе о битве при Шериффмуре 13 ноября 1715 г. высмеивается поведение «шотландского лиходея», возглавившего отряд МакГрегоров и МакФерсонов:

Роб Рой на горе
Стоит в стороне —
Караулит добычу, известно,
Закончился бой,
А наш-то Роб Рой —
Он так и не двинулся с места.

Цит. по: Scott W. Op. cit. P. 161 (перевод дан по изданию: Scott W. Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 33).

В 1725 г. в письме командующему королевскими войсками в Шотландии генералу Уэйду с просьбой о помиловании Роб Рой в свое оправдание замечает, что он не только избегал выступать против войск короля, но, напротив, доставлял им время от времени полезные сведения. В подтверждение собственных слов он изъясил готовность сослаться на герцога Аргайла: Campbell R. [Robert MacGregor, Rob Roy]. Letter of Submission to His Majesty [1725 г.] // Burt E. Op. cit. P. 333–335.

Война и мир в привычном понимании переставали существовать уже у подножия Грэмпианских гор, приобретая на рубежах Горной Страны, еще слабо и нестабильно в первой половине XVIII в. контролировавшейся Лондоном, локальный характер. Вожди, губернаторы фортов и такие добровольные агенты правительства в крае, как, например, Джеймс Грэм, маркиз Монтроз, крупный магнат на «Хайлендском рубеже», порой самостоятельно решали вопросы войны и мира с соседями (как, например, в случае с противостоянием маркиза Монтроза и Роб Роя).

При этом одни и те же поступки по одну сторону Грэмпианских гор трактовались как рейды за добычей, право наследственной юрисдикции, вооруженные выступления за «доброе дело» изгнанных Стюартов, а по другую рассматривались как набеги и воровство, «предательское возмущение против законного короля, правительства и истинной веры». Такое двойственное положение вещей являлось источником дополнительных трудностей в определении географии «Хайлендской проблемы». Несмотря на попытки картографировать военно-политические реалии Хайленда, безопасные маршруты и топографические ориентиры являлись таковыми часто лишь на карте. Для горцев не представляло труда оставаться за пределами географического знания ответственных чинов и вне сферы их политического влияния.

География законности на британских окраинах позволяет шире взглянуть на ситуацию в Горной Стране между 1689 и 1759 гг. Так, к началу XV в. чинами, ответственными за ирландскую политику Лондона, в официальной документации все чаще употребляются такие понятия, как «земля мира» (*the land of peace*) и «земля войны» (*the land of war*)¹. Причем, как известно, военное пограничье

---

¹ *Ellis S.G. Frontiers and Identities in the Historiography of the British Isles // Frontiers and identities: exploring the research area / Ed. by Lud'a Klusakova and Steven G. Ellis. Pisa, 2006. P. 69; Morgan R., Power G. Enduring Borderlands: the Marches of Ireland and Wales in the Early Modern Period // Frontiers, regions and identities in Europe / Ed. by S.G. Ellis, R. Eber, J.-F. Berdah and M. Reznik. Pisa, 2009. P. 106.*

здесь накладывалось на другие рубежи — культурные, религиозные, этнические. Колониальный опыт за пределами Британских островов также способствовал формированию у британцев представления о разделенной юрисдикции. Области права и насилия в британской Атлантике в XVIII в., о которых пишет Элайджа Гоулд, вполне соответствовали той географии законности, которую воображали и с которой сталкивались британские администраторы в Хайленде: «Очевидный хаос на периферии Британской империи отражал имперскую слабость и силу, предотвращая или санкционируя такое поведение людей, которое встретило бы жесткую реакцию дома»¹.

В этом смысле географическая неопределенность в установлении границ «Хайлендской проблемы» представляла собой типичный колониальный случай. Картографы и комментаторы были вынуждены активно воображать эту сложную и с трудом поддававшуюся упрощению на письме и карте реальность: «Законы здесь никогда не применялись, никогда споры не решались властью судьи. Судебный исполнитель не смеет и не может выполнять здесь свои обязанности, и многие селения лежат милях в тридцати от местожительства людей, облеченных законной властью. Короче говоря, здесь нет порядка, нет власти, нет правительства!»² В результате чины как в центре, так и на периферии королевства представляли границы края не только как культурно и этнически определяемый «Хайлендский рубеж», но и как границу правоприменительных практик (наследственная юрисдикция магнатов и вождей отменена актом парламента только в 1747 г.³).

Благодаря такой логике географического воображения и администрирования они получали, несомненно, большее пространство для маневра и дополнительное время

---

¹ *Gould E.H. Zones of Law, Zones of Violence. The Legal Geography of the British Atlantic, circa 1772 // WMQ. Third Series. Vol. 60. No. 3 (Jul., 2003). P. 509.*

² *Graham N. Op. cit. P. 344.*

³ *Act for the abolition heritable jurisdictions in Scotland, 1747 // EHD. P. 662–664.*

для забвения или решения «Хайлендской проблемы». Признавая наличие разделенной юрисдикции в королевстве, зафиксированной в договоре об Унии и привязанной к географии Горного Края, Лондон вплоть до последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. выстраивал отношения с гэльской окраиной не на унификации и принуждении. Напротив, интеграционные процессы до определенного момента базировались на признании и принятии уникального правового статуса Хайленда, который не только подтверждал наличие «Хайлендской проблемы», но и позволял точнее определить ее географию, а следовательно, и пути ее решения.

Между тем в той же мере, в какой биография Роб Роя иллюстрирует выводы британских комментаторов о «Хайлендском рубеже» в первой трети XVIII в., незавидная участь его сыновей может рассматриваться в качестве свидетельства постепенного исчезновения этой вообразимой границы в середине XVIII в. как в сознании авторов сочинений об умиротворении Горной Страны, так и в повседневной юридической практике. 13 июля 1752 г., 15 января 1753 г. и 24 декабря 1753 г. в Эдинбурге состоялись судебные процессы над Джеймсом, Данканом и Робинсом Ойгом (младшим) МакГрегорами. Всех троих обвиняли в «вооруженном вторжении» и «насильственном похищении» из собственного дома в ночь на 3 декабря 1750 г. некой Джин Кей (или Райт) в качестве невесты для последнего.

При этом если средний из братьев, Данкан, был оправдан, а старший, Джеймс, оправдан частично, что изымало дело из разряда тяжких преступлений, каравшихся смертью, то Робин Ойг был приговорен закончить дни на виселице, что с ним и случилось 14 февраля 1754 г.¹ Печальная участь младшего сына Роб Роя наводит на резонный вопрос: что же восторжествовало на судебном процессе 24 декабря 1753 г. — сила права, на чем настаивало обвинение и чему не особенно противилась защита, или право

---

¹ Scott W. Op. cit. P. 190–210.

силы, о чем еще долго говорили в родных МакГрегорам горах Балкуиддера?¹

Случай с МакГрегорами можно, конечно, рассматривать как обычный пример из истории шотландского правосудия середины XVIII в. Анализ ситуации при таком подходе сразу подскажет ответ, выводы о виновности Робина — а факт похищения молодой вдовы действительно имел место — будут аргументированны и, на первый взгляд, бесспорны. На первый взгляд, потому что при ближайшем рассмотрении окажется, что в самом важном вопросе ясности нет — о каком, вернее, о чьем правосудии идет речь? Истец, представитель Короны по причине гибели Джин Кей (то ли от переживаний, то ли от оспы) и ответчик принадлежали к разным правовым традициям — принятым в Англии и Нижней Шотландии, с одной стороны, и постепенно сдававшим позиции в Горном Крае, с другой.

Методологический ключ к изучению подобных проблем изготовить несложно. Речь идет о разделенной юрисдикции и неразделенной любви. С поправкой на реалии Северной Британии середины XVIII в. можно сказать, что дело о похищении Джин Кей решалось при формальном наличии и фактическом отсутствии общего для всех участников судебного процесса правового пространства. Тот весьма примечательный факт, что при рассмотрении дела инициатора похищения, Джеймса, присяжные оказались почти все сплошь МакГрегорами и с чем таким же образом не повезло Робину Ойгу, служит лучшим тому подтверждением.

Однако такой подход не будет решением поставленной свидетельствами прошлого проблемы. Более основательное понимание контекстов судебных разбирательств по делам МакГрегоров требует повышенного внимания не только к трактовке этой истории, но и к способу

---

¹ The Trials of James, Duncan, and Robert M'Gregor, three sons of the Celebrated Rob Roy, before the High Court of Justiciary, in the Years 1752, 1753, and 1754. To which is prefixed A Memoir relating to the Highlands, with Anecdotes of Rob Roy and his Family. Edinburgh, 1818.

исторического познания. Путь к ответу на поставленный вопрос пролегает через целенаправленное и последовательное соотнесение текста (протоколы судебных заседаний) с контекстами этих судебных процессов — историческим, биографическим, традиционным (речь о культурной традиции). Сама формулировка обвинений при игнорировании ряда выбивавшихся из целостной картины обвинения фактов указывает не только на сосуществование двух правовых традиций в Шотландии в середине XVIII в., но и на постепенное исчезновение этого явления, в том числе как следствие разгрома якобитов, а вместе с ними и военной основы исключительного правового статуса вождей и магнатов Горной Страны — ее кланов — 16 апреля 1746 г. под Каллоденом.

«Хайлендский рубеж» в этом смысле становился все менее очевидным, а рука британского правосудия в Горном Крае — все более цепкой (хотя по-прежнему во многом избирательной). В этой связи вооруженность горцев оценивалась скорее в зависимости от характера ее проявления — суд совершенно не задавался вопросом, почему вождь МакГрегоров Гленгайл может бродить по горам с «сотней молодцов», но обратил внимание на показания Джин Кей о том, что «Гленгайл не такой человек, чтобы пойти на это беззаконие», то есть «насильственное похищение» этой несчастной девушки¹. В этом смысле, как часто бывает в таких случаях, гораздо важнее не столько то, о чем говорят протоколы, столько то, о чем они умалчивают, соотношение явных и скрытых свидетельств на этом судебном процессе. Таких, например, как упоминание о бряцавших оружием горцах Гленгайла.

В качестве инструмента окраинной политики и решения «Хайлендской проблемы» картография Горной Страны, таким образом, не могла быть лишь военно-политической. В диалоге власти и знания в деле определения

---

¹ Declaration emitted by the deceased Jean Key, which was openly read in Court before the Judges, Pannel, and Assize // The Trials of James, Duncan, and Robert M'Gregor... P. 16.

«Хайлендского рубежа» военные и политические карты края дополнялись сведениями о культурной географии, этнической картографии и географии законности, отражавших распространение «цивилизации» и устанавливавших региональное единство и специфику этого края. В этой связи представляется весьма примечательным то обстоятельство, что практически во всех записках и отчетах ответственных чинов политические, экономические и социокультурные границы Горного Края на бумаге, как правило, совпадали географически с отделявшими Верхнюю Шотландию от Нижней горными кряжами, а хронологически — с уже миновавшей остальное Соединенное Королевство эпохой «тирании и варварства» (культурная география подразумевала такой темпоральный аспект), образуя «Хайлендский рубеж».

Скорейшее стирание этих границ являлось для британцев, живших к югу от этой воображаемой черты, одним из непеременимых условий окончательного объединения Англии и Шотландии и, следовательно, окончательного определения карты Великобритании. На языке сторонников реформирования Горного Края этот процесс сопровождался призывом «завершить унию». На языке географов он соответствовал призыву «завершить европейскую географию». Попытки Великобритании провести интеллектуальную колонизацию гэльских окраин в этом смысле вполне соответствовали более общей тенденции просвещенных европейских держав картографически подчинить «варварскую» периферию в контексте интеграционных проектов.

Так, лишенные помощи Константинополя в картографической съемке балканских провинций Османской империи, многие западноевропейские картографы испытывали разочарование, откровенно выраженное в «Atlas Universel» Джайлса Робера де Вогонди и его сына Дидье Робера де Вогонди в 1757 г.: «Мы желали бы с большим успехом завершить европейскую географию; однако доступ в эти страны затруднителен для просвещенных людей, не позволяя надеяться, что они будут когда-либо удовлетворительно освещены в географии; поскольку

получаемые нами от путешественников отзывы недостаточны, чтобы подтвердить топографические детали посещаемых ими стран. Для этого путешественникам пришлось бы изучить математику»¹.

В том же атласе упоминается «Общая карта Шотландии и прилежащих Островов...», опубликованная в Лондоне в 1750 г. Джеймсом Дорретом: «Доррет, гравёр герцога Аргайла», составил эту карту «по приказу и за счет герцога, одного из самых богатых, любознательных и образованных нобилей Англии», и «он [герцог] полагался [в получении доступа к картографической и топографической информации] на инженеров»².

Судя по всему, речь идет о том, что герцог Аргайл мог обеспечить Доррету возможность консультироваться с инженерами, вовлеченными в составление военного обозрения Хайленда 1747–1755 гг. — первой масштабной картографической съемки гэльской окраины³. Вместе с тем этот пассаж Роберов де Вогонди, контрастируя с жалобой на невнимание османских властей, на интересующем нас шотландском примере и в общеевропейском контексте показывал потенциальным читателям, каких картографических и политических успехов можно добиться, расширяя географическое знание о мятежном крае и одновременно содействуя «завершению унии»⁴.

Необходимо отметить, что в том же 1750 г. в самой Франции к топографической съемке королевства присту-

---

¹ Цит. по: Вульф Л. Указ. соч. С. 232.

² The Early Maps of Scotland to 1850. Vol. I / Ed. by Donald Grant Moir, Harry R.G. Inglis. Edinburgh, 1973. P. 91–92.

³ Ibid. P. 92.

⁴ О происхождении, социальном положении и профессиональной принадлежности подписчиков первого издания атласа (1757 г.) см.: Pedley M.S. The Subscription List of the 1757 Atlas Universel. A Study in Cartographic Dissemination // IM. Vol. 31 (1979), P. 66–77. Карта Шотландии Доррета, кроме того, вероятно, являлась одним из источников соответствующей информации для составления атласа, о которых его авторы упоминают во введении: Pedley M.S. New Light on an Old Atlas Documents concerning the Publication of the Atlas Universel (1757) // IM. Vol. 36 (1984). P. 48–63.

пает Цезарь Франсуа Кассини, и этот общеевропейский контекст картографической оптимизации государственного управления составителями «Atlas Universel», безусловно, учитывался¹. В этом же ряду стоят и другие аналогичные картографические проекты современных европейских держав, реализованные, например, во владениях Габсбургов или в Российской империи (особый интерес в этом случае представляет картографирование мятежных окраин, Венгерского королевства и земель Украины) и призванные упорядочить знания о стране в интересах более эффективного администрирования². Что же касается самой Великобритании, преследовавшей в процессе картографирования Горной Страны исключительно военно-политические

---

¹ Триангуляция и картографирование французских провинций продолжатся до 1818 г.: *Pedley M.S. The Subscription List of the 1757 Atlas Universel...* P. 77. Более того, опыт картографической съемки Шотландии 1747–1755 гг. стал в некотором роде основой для международного франко-британского проекта по уточнению топографических ориентиров между обсерваториями в Гринвиче и Париже, инициированного Кассини в 1783 г. и завершенного в 1788 г. при непосредственном участии с британской стороны автора «Военного обозрения Шотландии» Уильяма Роя: *Roy W. An Account of the Measurement of a Base on Hounslow-Heath // PTRSL. Vol. 75 (1785). P. 385–480; Idem. An Account of the Mode Proposed to be Followed in Determining the Relative Situation of the Royal Observatories of Greenwich and Paris // PTRSL. Vol. 77 (1787). P. 188–469; Idem. An Account of the Trigonometrical Operation, whereby the Distance between the Meridians of the Royal Observatories of Greenwich and Paris has been determined // PTRSL. Vol. 53 (1790). P. 111–364; Close C. The Two-Hundredth Anniversary of the Birth of General Roy // TGJ. Vol. 69. No. 4 (Apr., 1927). P. 351; Irwin B. St G. The Ordnance Survey. Roy's Legacy // TGJ. Vol. 143. No. 1 (Mar., 1977). P. 15.*

² См., напр., по землям Габсбургов: *Nischer-Falkenhof E., von. The Survey by the Austrian General Staff under the Empress Maria Theresa and the Emperor Joseph II, and the Subsequent Initial Surveys of Neighbouring Territories during the Years 1749–1854 // IM. Vol. 2 (1937). P. 83–88; Raisz E. Colonel Stefan Lutsch von Luchsenstein 1710–1792 // IM, Vol. 10 (1953). P. 122; Dickson P.G.M. Joseph II's Hungarian Land Survey // EHR. Vol. 106. No. 420 (Jul., 1991). P. 611–634; по Российской империи: *Bagrow L. Ivan Kirilov, Compiler of the First Russian Atlas, 1689–1737 // IM. Vol. 2 (1937). P. 78–82; Galkovich B.G. Russian Manuscript Maps of the Dnieper Area, 1730–1760. 1981 // IM. Vol. 33 (1981). P. 72–81; Postnikov A.V. The Russian Navy as Chartmaker in the Eighteenth Century // IM. Vol. 52 (2000). P. 79–95.**

цели, то кроме «Военного обозрения Шотландии» 1747–1755 гг. речь должна идти еще и о соответствующих топографических съемках Ирландии, предпринятых Лондоном во многом с теми же целями во второй половине XVIII и в первой половине XIX в.¹

Между тем в дополнение к политическим и культурным затруднениям, с которыми сталкивались географы, стремление «завершить европейскую географию» привлекало их внимание также к проблеме границ между

---

¹ Как заметил по этому поводу автор «Военного обозрения Шотландии» генерал-майор Уильям Рой, созданный под его началом картографический труд «следует рассматривать скорее как великолепный военный набросок, чем принимать за достоверную карту страны»: Roy W. *An Account of the Measurement of a Base on Hounslow-Heath...* P. 386–387; «Военное обозрение Шотландии» см., напр., в альбомном издании: *The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755.* William Roy. With introductory essays by Yolande Hodson, Chris Tabraham and Charles Withers. Edinburgh, 2007. При этом картографирование Горной Страны было завершено в 1752 г., а картографирование Низин осуществлено между 1752 и 1755 гг.: Fleet C., Kowal K.C. *Roy Military Survey map of Scotland (1747–1755): mosaicing, geo-referencing, and web delivery // e-Perimtron. Vol. 2. No. 4. Autumn 2007. P. 197.* Подробнее об инициированном Лондоном картографировании Ирландии во второй половине XVII–XVIII в. см.: *Surveys of Irish fortifications carried out by the English military surveyor, Thomas Phillips (1635?–1693) / Compiled by E.M. Kirwan, L. Walsworth-Bell, A.-C. Mc Govern. National Library of Ireland. 2008–2009; Brennan K. Mountjoy Cradle of the Irish Ordnance Survey // Dublin Historical Record. Vol. 36. No. 3 (Jun., 1983). P. 82–89; Andrews J.H. Charles Vallancey and the Map of Ireland // TGJ. Vol. 132. No. 1 (Mar., 1966). P. 48–61.* В 1800 г., едва подавив восстание «объединенных ирландцев», британские власти вновь организовали топографическую съемку «Изумрудного острова», подразумевая успешный опыт «Военного обозрения Шотландии» — упоминаемая во введении к соответствующему отчету и генерала Роя и «его хорошо известную операцию», и маркиза Корнуоллиса, приказы которого военным инженерам предстояло привести в исполнение: *Mudge W. An Account of the Trigonometrical Survey, Carried on in the Years 1797, 1798, and 1799, by Order of Marquis Cornwallis, Master-General of the Ordnance // PTRSL. Vol. 90 (1800). P. 541.* Сама институционализация картографирования Горного Края осуществлялась, как отмечалось ранее, в рамках Артиллерийской палаты. Подробнее об истории этого учреждения см., напр.: *Marshall D.W. Military Maps of the Eighteenth-Century and the Tower of London Drawing Room // IM. Vol. 32 (1980). P. 21–44.*

Европой и Азией¹. Что касается интересовавшихся географией Горной Страны сторонников «завершения унии», то так же, как англичане и многие жители Низин, сами горцы порой также использовали своих соседей-хайлендеров, предлагая официальным чинам свой вариант границы «цивилизации» на островах. Они выставляли шотландских «ирландцев» в роли общего «Другого» не только для подданных Соединенного Королевства к югу от Грэмпианских вершин, но и для разделявших новые британские ценности к северу от воображаемого «Хайлендского рубежа».

Причем особенно остро этот вопрос встал в Шотландии во время умиротворения Хайленда и искоренения якобитизма после окончательного разгрома мятежников 16 апреля 1746 г. под Каллоденом, когда претензия на «цивизованность» была призвана обеспечить защиту от террора королевской армии и право на самооборону в связи с враждебным, «варварским» окружением кланов, поддержавших изгнанных Стюартов².

«Истинная и настоящая Каледония», или Воображаемый Гэйлтэхд

Как замечает Л. Вульф, «международные отношения эпохи Просвещения были основаны на математически выверенном балансе сил, так что монархам и государственным мужам приходилось как следует изучать

¹ Вульф Л. Указ. соч. С. 236.

² Memorial of the Justices of the Peace, Deputy Lieutenants and others Proprietors in Argyleshire, conven'd at Inveraray, August 20, 1746 // AP. P. 222–224; Memorial of the county of Ross. The Representation of the Barons and Free-Holders of the County of Ross to the Right Honourable the Earl of Albemarle Commander in Chief of His Majesty's Forces [in Scotland]. November 15, 1746 // Ibid. P. 313–315. О восприятии горцев в Нижней Шотландии см. подробнее: Miorun Mòr nan Gall. «The great ill-will of the Lowlander»? Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern / Ed. by D. Broun and M. MacGregor. Glasgow, 2007.

географию, чтобы сохранить его в ходе взаимно оговоренных расширений своих владений»¹. Однако в том, что касалось мятежных внутренних окраин Соединенного Королевства, комментаторы осознанно занимались не только их картографической съемкой, но и географическим воображением. Конструирование Хайленда не только как культурного региона, но и как геополитического пространства порождало конфликт его интерпретаций между сторонниками изгнанных Стюартов и их противниками².

С одной стороны, риторические стратегии и приемы, применявшиеся Джоном Грэмом из Клэверхауза, 1-м виконтом Данди, командовавшим армией Якова Стюарта в Шотландии в 1688–1689 гг., в корреспонденции с сувереном были направлены на «создание» региона, сражающегося за «законную» династию и всегда бывшего ей лояльным и преданным. В такой интерпретации географического пространства Горная Шотландия занимала центральное геостратегическое положение для якобитов. Собственно, именно Хайленд и представлялся как «настоящая» Шотландия, верная своему королю. Речь в данном случае шла о попытке представить регион таким образом, чтобы к краю, к которому принадлежит сам пишущий (как сражающийся там полководец) и в котором он не обладает наибольшей военно-политической властью (что характерно для его сторонников-якобитов в этот период в Ирландии), было привлечено самое пристальное внимание со стороны короля Якова Стюарта. Клэверхауз

---

¹ Вульф Л. Указ. соч. С. 235. Первый международный договор, в котором карта являлась его неотъемлемой частью, был заключен в 1718 г.: Biggs M. Putting the State on the Map. Cartography, Territory, and European State Formation // CSSH. Vol. 41. No. 2 (Apr., 1999). P. 388.

² Построение регионов, по мнению И. Нойманна, происходит во многом по тому же принципу, что и построение наций у Б. Андерсона: «...реальность в пространстве свидетельствуется территорией, реальность во времени — вопрос «добывания» себе истории»: Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 158.

считал основным фронтом в войне с вильямитами свою родную Шотландию¹.

Яков Стюарт полагал, что решающий бой Вильгельму Оранскому нужно дать все же в Ирландии, а потому помощь виконту Данди ограничил отрядом полковника Александра Кэннона в 500 человек². В этом смысле Клэверхаузу было проще найти общий язык с режимом Реставрации Карла II Стюарта. «Веселый король» усмотрел в ковенантерах Гэллоуэя, видимо, большую опасность, нежели его брат и наследник в вильямитах в Шотландии, открыв сезон «убийственных времен», чья атмосфера очень точно передана сэром Уолтером Скоттом в «Пуританах» и самим виконтом Данди в его эпистолярном наследии³.

С другой стороны, Хайленд как «избыток Ирландии» — в этнокультурном смысле во многом продолжение Изумрудного острова — это риторический прием в дискурсивной практике британских чинов, призванный помочь избежать объяснений и обвинений по поводу того обстоятельства, что почти половина Шотландии являлась частью королевства лишь формально. Этот факт

¹ Виконт Данди рассчитывал на «5000 или 6000» солдат из Ирландии (во всяком случае, убеждая в том своих реальных и потенциальных сторонников) — см., напр.: Viscount of Dandee to the Earle of Melfort. May in Lochaber, June 27, 1689 // Grahame J. Letters of John Grahame of Claverhouse, viscount of Dundee, with illustrative documents. Edinburgh, 1826. P. 51.

² CP. P. VII; Account of loss, My Lord Forbes lands sustained by the Robberies and depredations of the Highlanders, Anno [16]89 and [16]90 // HPJP. Vol. 1. P. XIV–XVI.

³ «Шотландский бард» при этом подчеркнул, что проблему ковенантеров для Карла II во многом решали именно горцы: «Мортон, кроме того, заметил и несколько сильных отрядов горцев, спустившихся со своих гор из районов близ границ Нижней Шотландии и... в такой же мере ненавидевших западных виггов, в какой последние ненавидели и презирали их. Они выступили под предводительством своих вождей и составляли особое подразделение этого грозного войска»: *Скотт В.* Пуритане. М., 1990. С. 308. Подробнее об участии горцев в этих событиях см.: *Elder J.R.* The Highland Host of 1678. Aberdeen, 1914; *Stewart R.* The Savage as Peacemaker: the Highland Host of 1678 // *Scottish Tradition*. Vol. XX (1995). P. 30–43.

становится более очевидным, учитывая, что параллельно с этой культурной исключительностью утверждалась принципиальная возможность и необходимость культурного и политического объединения англичан и шотландцев в рамках заключенной Англией и Шотландией унии¹.

В широком политическом контексте обе партии находились в поисках Британии. Ее конкурирующие образы были представлены «Тремя Королевствами» Стюартов и «Соединенным Королевством Великобритании и Ирландии» Ганноверов. В первом случае в качестве важнейшего принципа географического воображения выступала лояльность «законной» династии, во втором — протестантское престолонаследие и «цивилизованность» (общие религиозные, политические и культурные принципы).

Гэльская периферия интерпретировалась, таким образом, в Лондоне как регион, который не только в географическом, но и в культурном и социально-экономическом отношении примыкал к остальной части подвластных Короне земель, определяя границу между «цивилизацией» и «варварством». Речь шла о двух Ирландиях и двух

---

¹ Ирландская и хайлендская политика Лондона предполагала альтернативную интерпретацию культурной географии Британских островов, при которой подчеркивался временный характер этнокультурного, военно-политического и социально-экономического разделения. По мнению генерал-прокурора Ирландии при Якове I (VI) Стюарте, сэра Джона Дэвиса, разделявшемуся многими участниками колонизации «Изумрудного острова», Ирландия и Англия (после унии корон 1603 г. и Шотландия) в процессе «цивилизации» первой (как интеграции) станут практически единым целым: «Мы можем полагать и надеяться, что следующее поколение [ирландцев] станет по языку и в сердце и во всем остальном англичанами; так что не будет различий или отличий, но только Ирландское море между нами»: *Davies J. A Discourse of the True Causes Why Ireland Was Never Entirely Subdued, nor Brought under Obedience of the Crowne of England, until the Beginning of His Majesties Happie Raigne // Ireland under Elizabeth and James the First described by Edmund Spenser by Sir John Davies Attorney-General for Ireland under James the First and by Fynes Moryson Secretary to the Lord Mountjoy, Lord Deputy / Ed. by H. Morley. London, Glasgow, Manchester, and New York, 1890. P. 335–336. См. также: Murphy A. But the Irish Sea Betwixt Us: Ireland, Colonialism, and Renaissance Literature. Irish Literature, History, and Culture. Lexington, 1999.*

Шотландиях: гэлоговорящие Ирландия и Горная Страна стояли за Стюартов; протестантская Ирландия и шотландские Равнины — за Вильгельма Оранского, а затем за Ганноверский дом. При этом в свете ожидавшейся зарубежной поддержки мятежников гэльские окраины воспринимались как «ворота» в Англию и Нижнюю Шотландию.

Хайленд в отчетах чинов и агентов правительства конца XVII — первой половины XVIII в. — пример трансформации стратегии регионального господства в целях соответствия новым требованиям и обстоятельствам расширения британского присутствия в Горной Стране. При этом дискурс официальных властей выступал как дискурс культурный и геополитический. С одной стороны, фоном для описаний гэльской Ирландии и гэльской Шотландии был интенсивный процесс самоидентификации англичан и шотландцев в процессе формирования новой британской идентичности. С другой стороны, разговор об этих окраинах был связан с угрозой иностранного вторжения. В результате для правительственных комментаторов эти области являлись в культурном и политическом смысле частью единого целого. Этот факт подтверждается эффективным использованием языка в качестве аналитического критерия при конструировании внутренне однородного ареала: ирландский язык оказывался структурообразующей этнокультурной особенностью гэльской Ирландии и Горной Шотландии¹.

---

¹ См., напр.: *Macdonald F.A. Ireland and Scotland, 1560–1760: the historical perspective on the Gaelic dimension. PhD Thesis. Glasgow, 1995; McLeod W.C. Divided Gaels. Gaelic Scotland and Gaelic Ireland, 1200–1650: perceptions and connections. PhD Thesis. Edinburgh, 2000.* Томас Пеннант, один из самых известных натуралистов Великобритании второй половины XVIII в., составляя «Карту Шотландии» (1777 г.), все еще подумывал, не обозначить ли «Хайлендский рубеж» исходя из особенностей лингвистической географии, подразумевая границы распространения ирландского языка: *Walters G. Thomas Pennant's Map of Scotland, 1777: A Study in Sources, and an Introduction to George Paton's Role in the History of Scottish Cartography // IM. Vol. 28 (1976). P. 124.* Подробнее о роли языка в этнографических изысканиях британских комментаторов реалий Хайленда в «долгом» XVIII в. см. главу 2.

Однако не одни языковые и культурные особенности придавали гэльским окраинам целостность. Они почти точно совпадали с театром якобитских войн Вильгельма Оранского (первых, в длинной их череде между 1689 и 1759 гг.) и, соответственно, с эпистолярным пространством его комментаторов в Горной Стране, администраторов и генералов. Война не только приковывала внимание к отдельным местностям и географическим названиям, но также устанавливала связи и соотношения между ними (и вместе с тем была одним из способов поддержать и навязать сопернику свое определение региона). Якобитские войны 1689–1691 гг. превратили в единый театр военных действий почти всю Ирландию и Горную Шотландию, поместив их на одну военную карту — география войны также способствовала формированию неразделенного представления о гэльских окраинах.

География «Горной войны» командующего королевскими войсками в Шотландии генерала Маккея с самого начала включала и карту Ирландии (как и его «Война в Ирландии» неизменно затрагивала и Горный Край)¹. По мнению М. Фуко, «некоторые пространственные метафоры являются одновременно географическими и стратегическими, и это вполне естественно, ибо география выросла в тени войск. Между географическим и стратегическим дискурсом наблюдается круговращение понятий. Регион географов — это военный регион (от *regere* — править)»². О том же в определенном смысле пишет Пьер Бурдьё, когда утверждает, что конкуренция географических образов «конституируется борьбой за определение «региональной» или «этнической» идентичности»³. В этом смысле, перефразируя известное выражение Карла фон

¹ Mackay H. *Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690.* By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833.

² Цит. по: Нойманн И.Б. Указ. соч. С. 160.

³ Бурдьё П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio.* 2002. № 3. С. 45–60 (впервые работа опубликована в 1980 г.).

Клаузевица, можно сказать, что география — это продолжение политики другими средствами.

Северный канал и Ирландское море, таким образом, скорее объединяли, чем разделяли ирландский и хайлендский берега не только в экономической, политической, культурной реальности, более характерной для XVI — первой половины XVII в., но и в репрезентациях конца XVII — первой половины XVIII в. От шотландского Кинтэйра до ирландского Энтрима — чуть больше 24 км, и такая географическая близость на фоне подтверждаемых этнографией выводов провоцировала восприятие Горной Страны как части гэльской Ирландии. Не исключено, что такое игнорирование или преувеличение было следствием несовершенства картографических приемов и методов этнографического анализа, но в контексте борьбы с якобитами такая картографическая условность приобретала политический смысл.

Еще в 1698 г. парламентарии Англии обсуждали невероятную «вероятность» прибытия из Ирландии в Хайленд Александра МакДонелла, 3-го графа Энтрима, и «подъема» им «20 000 имени или клана МакДонелл» в Горной Стране против Короны¹. При этом примеры такой «интернациональной» помощи современникам уже были знакомы и еще встретятся позже (как ирландская «бригада» Эллэсдэйра Макколы под началом «Великого Маркиза» Монтроза в Хайленде в 1644–1645 гг. или ирландская бригада под началом лорда Джона Драммонда на стороне «милого принца Чарли» под Каллоденом 16 апреля 1746 г., как будто подтверждающая единство ирландских и шотландских гэлов в мятежах и восстаниях)².

Для географического воображения британцев такое «смешение стилей», впрочем, не являлось чем-то

¹ The Journal of the House of Commons. London, 1802. Vol. 12. P. 184–188.

² См., напр.: Dawson E.A. The Politics of Religion in the Age of Mary, Queen of Scots. The Earl of Argyll and the Struggle for Britain and Ireland. Edinburgh, 2004; Reid S. The Campaigns of Montrose: A Military History of the Civil War in Scotland 1639 to 1646. Edinburgh, 1990.

совершенно особенным. Так, например, в 1708 г. в Лондоне хорошо известный британской публике картограф Герман Молл наряду с картой Шотландии (ставшей основой для «Новой карты Шотландии» Саттона Николса 1710 г.) издал карту «Московии, Польши, малой Татарии и Черного моря»¹. Подобное сочетание различных земель не вполне соответствовало географической традиции, однако события Северной войны сделали такую карту и необходимой, и возможной.

При этом картографический интерес британской читающей публики служил хорошим финансовым стимулом для подобных проектов². В 1712 г., год спустя после окончательного поражения венгерского мятежа Ференца Ракоци, Молл напечатал карту, посвященную «Его Милости Джону, герцогу Мальборо, князю Миндлхейму», представлявшую «страны, принадлежащие Австрийскому Дому», то есть «Новую карту Германии, Венгрии, Трансильвании и Швейцарии». Однако это была не просто новая карта, но новый способ составлять карты: соединив в одном названии Венгрию и Германию, она воспевала триумф Габсбургов и поражение Ракоци, носившего еще и титул князя Трансильванского³.

¹ The Early Maps of Scotland... Vol. I. P. 83–85.

² С момента создания в 1731 г. и до смерти первого издателя в 1754 г. «Журнал джентльмена», «несомненно, самое выдающееся и влиятельное периодическое издание на английском языке в XVIII в.», по мнению Дональда Грина (2000–3000 копий в начале 1730-х гг., 5000–6000 копий в 1740-х гг.), опубликовал пятьдесят различных карт, связанных с военными или колониальными предприятиями Британской империи. В том числе четыре карты иллюстрировали ход мятежа якобитов 1745–1746 гг.: *Reitan E.A. Expanding Horizons: Maps in the «Gentleman's Magazine», 1731–1754 // IM. Vol. 37 (1985). P. 54, 61–62.* Еще одним характерным примером издательской инициативы в этом смысле служит публикация карты некоторых шотландских графств, изображающей «различные передвижения мятежников и их стоянки в этих графствах»: *Adair J. A Compleat and Exact Map of the Lothians Containing the Shires of Edinburgh, Haddington, and Linlithgow; with a View of the Country from Stirlingshire to Berwickshire: In which is mark'd out the different Marches of the Rebels and their Encampments in these Countries: Being the fullest and most particular of any Map yet Extant. London, 1745 // BL. Maps K.Top.48.48.a.*

³ Вульф Л. Указ. соч. С. 242, 247.

В 1714 г. Молл вновь издал карту Шотландии, ставшую основой для «Новой карты Шотландии» Томаса Тэйлора 1715 г.¹ Маршруты мятежных горцев в 1715–1716 гг. многие могли проследить именно по этим изданиям, представлявшим Шотландию страной, разделенной не «Хайлендским рубежом», а границами графств². Впрочем, эта альтернативная интерпретация шотландской географии отражала скорее перспективное будущее, чем реалии настоящего в прямом и переносном смысле слова, «поскольку карты графств Шотландии, составленные Моллом, — как заметил в 1743 г. картограф Артиллерийской палаты Уильям Эдгар, — не только недостаточны, но также зачастую ошибочны во многих местах»³. География Хайленда все еще оставалась предметом не только политических, но и академических споров⁴.

Возвращаясь к примерам из истории географического воображения Восточной Европы, заметим, что в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера венгерский язык объявлялся разновидностью славянского. Эта характерная для европейского сознания эпохи Просвещения ошибка показывает не только наличие погрешностей

¹ The Early Maps of Scotland... Vol. I. P. 85.

² К началу XVIII в. 21 из 23 шерифств в Шотландии являлось наследственным, а два оставшихся контролировались магнатами, едва ли сочувствовавшими интересам далекого Лондона. Вместе с тем Майрон Нункестер замечает по этому поводу, что разделение страны на графства отражало в сознании англичан, а затем и британцев, в особенности на кельтских окраинах и в заморских колониях, не только привычный административный порядок, но и пространство общего права, подразумевая гарантию определенных политических и экономических прав и свобод, и эта идея картографом, ориентированным на емкий лондонский рынок, вероятно, учитывалась: Noonkester M.C. The Third British Empire: Transplanting the English Shire to Wales, Scotland, Ireland, and America // JBS. Vol. 36. No. 3 (Jul., 1997). P. 251–284.

³ Edgar W. A New and Correct Map of Loch-Lomond, with the Country Circumjacent being Part of Dumbarton-Shire, Argyle-Shire and Stirling-Shire, 1743 // BL. Maps K.Top.48.47.

⁴ См. подробнее: The Early Maps of Scotland... Vol. I. P. 87–89; Withers C.J.W. The Social Nature of Map Making in the Scottish Enlightenment... P. 50–52, 55–59.

в «Энциклопедии», но и интеллектуальную притягательность концепции Восточной Европы. Одной страны было вполне достаточно, чтобы вызвать в воображении образ всего региона. Венгрия в «Энциклопедии» была географически неотделима от Болгарии с Валахией и лингвистически сливалась с Богемией, Польшей, Россией. Связь между Венгрией и Польшей становилась еще очевиднее, когда речь зашла о политическом устройстве и социальной структуре: «Некогда в Венгрии существовало самоуправление, как сейчас в Польше; она выбирала своих королей и свой сейм»¹. Этот же принцип географического воображения обнаруживаем и при картографировании Горного Края.

Как заметил Э. Хобсбаум, некоторые регионы — скорее область политики, чем географии, скорее область политических программ, чем реальности. Другое дело, что сконструированные регионы не перестают от этого обладать меньшей реальностью. Связывая общими характеристиками Ирландию и Горную Шотландию, вильямиты и ганноверцы переводили карту современных им войн на язык региональных обобщений. При этом в глазах современников Девятилетняя война 1689–1697 гг. (составной частью которой оказалась война с якобитами в 1689–1691 гг.) воспринималась как Война за английское наследство, так что картографам теперь приходилось иметь дело с войной в говорящей на «ирландском» языке Горной Стране — против шотландцев — за Англию — с культурной и политической географией Британских островов одновременно. Регионы могут конструироваться культурными и геополитическими факторами, обозначаясь культурными границами или геополитическими рубежами. В 1689–1759 гг. Хайленд интерпретировали с обеих точек зрения одновременно².

---

¹ Цит. по: Вульф Л. Указ. соч. С. 279.

² О моделировании географических образов см. подробнее: Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.

Горная Шотландия в этом смысле создавалась как некое содержательно пустое пространство, культурно заполняемое метрополией ее ведущими образами (как в политической, так и в интеллектуальной борьбе). В якобитских войнах два культурных начала Британских островов столкнулись лицом к лицу не только на полях сражений, но и в сознании британского «экспертного общества». Прежде чем появиться на карте, они родились в головах комментаторов, вновь подтверждая, что география может не только устанавливать границы, но и стирать их. Воображаемый не значит менее реальный. Чтобы понять специфику репрезентаций Горной Страны как составной части охватившей оба берега Северного канала гэльской культуры Ирландии, нужно вынести за скобки (по крайней мере на время) вопрос о том, действительно ли (и до какой степени) шотландские горцы были ирландцами¹.

Сходства остаются, различия отбрасываются (интеграция и исключение — две стороны одного и того же процесса конструирования «ирландской» идентичности) в целях презентации «естественности» построенного региона. В результате выводились общие черты в отношении всех кланов, между всеми горцами и всеми ирландцами. Вместе с тем культурные различия не обязательно сами по себе несут различие (инаковость). Они могут играть дифференцирующую роль только тогда, когда политически обработаны и, следовательно, нагружены политическим значением. Ирландия и Горная Шотландия были объединены в сознании и письме комментаторов как две области, в которых волнения и мятежи бросали вызов Лондону. Объединяя их общей историей и родством,

---

¹ Достижения в имагологии (в том числе применительно к историческому анализу) позволяют по-новому взглянуть на процесс начертания этнографической карты Горной Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. в рамках решения «Хайлендской проблемы». Ментальное картографирование «чужого» пространства, как показывают многочисленные исследования, сопровождается его активной доместикацией (речь идет, в том числе, и о его социальном пространстве).

авторы отчетов прочили Горному Краю в конце XVII — первой половине XVIII в. судьбу Ирландии в конце XVI — начале XVII в., и две «Десятилетние войны» (1594–1603 гг. и 1689–1697 гг.), казалось, подтверждали эти выводы.

Для Лондона гэльская Ирландия и гэльская Шотландия были так тесно связаны друг с другом, что оказывались почти взаимозаменяемы. На этих окраинах действовали разные принципы организации власти, осложняя политику Лондона. Однако общий «ирландский» характер местных реалий, подтверждавшийся «ирландским» языком гэлов по обе стороны Северного канала, придавал всему этому многообразию известную долю определенности. Представление новой, хайлендской угрозы как версии известной прежде, ирландской позволяло приглушить страх перед новой угрозой (внося необходимую ясность относительно ее содержания), сохранить привычные ценности и представления (применяя прежний риторический инструментарий), осуществлять контроль (в том числе военно-политический) над ситуацией в крае. Из сферы «Чужого» Хайленд был перенесен в сферу хорошо известного по Ирландии колониального пространства королевства.

Вместе с тем удобство представления Горной Страны как «избытка Ирландии» для анализа и описания представлений Лондона о Хайленде, несомненно, упрощает исторические реалии. Такие исторические понятия, как «Горная война» — суть «Шотландской войны», параллельно которой велась еще и «Ирландская война», убеждают в том, что комментаторы Лондона в Горной Стране воспринимали последнюю как не только географически, но и экономически, политически и социально цельный регион с собственной логикой социально-экономического, политического, культурного развития — Хайленд Шотландии¹. Речь, таким образом, должна идти о конкретных примерах и хронологических рамках актуализации этого взгляда на край — о традиции, подкрепленной попыткой вооруженным путем поддержать претензии

---

¹ Mackay H. Op. cit. P. 3, 110–117, 127, 221–356.

Якова Стюарта в 1689–1691 гг., когда комбинированная «ирландская» угроза (из Ирландии и Горной Шотландии) казалась более чем вероятной.

Такая вариативность географического воображения Хайленда отражала не только ту степень неопределенности, с какой многие «шотландские» чины, их агенты и информаторы сталкивались в Горной Стране (как правило, те из них, что являлись в крае чужаками). Воображаемая география соответствовала поворотам хайлендской политики Лондона, по-своему отражая процесс интеграции этой гэльской окраины как на уровне конкуренции образов Хайленда, так и в восприятии его «цивилизации» британской читающей публикой. Характерными в данном случае являются сочинения одного из самых известных на литературном поприще агентов правительства в Шотландии начала XVIII в., Даниэля Дефо. Его «Путешествие через весь остров Великобритания» — пример в этом смысле весьма показательный. Дефо дополняет, исправляет и переписывает образы Горного Края¹. И это несмотря на наличие многих других описаний, некоторые из которых принадлежат его же перу: поэма «Каледония» (1706 г.), «История унии» (1709 г.), «Шотландский лиходей» (1723 г.), отдельный шотландский том «Путешествия...» (примечательное совпадение — издан в том же 1723 г.)².

Социально-политическим контекстом «Путешествия через весь остров Великобритания» являлась первая серьезная попытка правительства Соединенного Королевства умиротворить Горный Край. И если говорить о ее интеллектуальной традиции, о формировании определенного корпуса текстов, комментировавших реалии Хайленда, то в первую очередь подразумеваются, конечно,

¹ *Defoe D.* Tour Through the whole Island of Great Britain: In II Vols. London; New York, 1962.

² *Defoe D.* Caledonia. A poem in honour of Scotland, and the Scots nation. In three parts. Edinburgh, 1706 [London, 1707]; *Idem.* The History of the Union of Great Britain. Edinburgh, 1709; *Idem.* A Journey through Scotland. London, 1723; *Idem.* Adventures of the Highland Rogue. London, 1723.

аналитические сочинения британских чинов «о состоянии Хайленда». Прежде всего рапорты генерала Уэйда 1724, 1726 и 1727 гг.¹ — время составления и публикации «Путешествия...», в том числе письма № XIII, интересующего нас более прочих, — посвященного северу Шотландии, на котором Д. Дефо и обнаружил ее Горный Край².

Для более глубокого понимания значения этого своеобразного агентурного военно-политического контекста необходимо, конечно, учитывать и тот факт, что в свое время сам Д. Дефо находился на тайной службе у государственного секретаря Северного департамента Роберта Харли, 1-го графа Оксфорда и Мортимера³. Собранные автором сведения и стали основой для его путеводителя (именно в этом популярном жанре и написано «Путешествие...»). Поездки в рамках этой службы в Шотландию были при этом в основном связаны с заключением Унии⁴.

¹ *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–149; Idem. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. P. 289–316; Idem. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 150–165.*

² *Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 362–431.*

³ Об агентурной деятельности Дефо см., напр.: *Downie J.A. Daniel Defoe and the General Election of 1708 in Scotland // ECS. 1975. Vol. 8. No. 3. P. 315–328; Idem. Secret Service Payments to Daniel Defoe, 1710–1714 // The Review of English Studies. New Series. 1979. Vol. 30. No. 120. P. 437–441; Rogers P. Defoe's Distribution Agents and Robert Harley // EHR. 2006. Vol. CXXI. No. 40. P. 146–152.*

⁴ Д. Дефо был в Шотландии в 1706–1707 гг. в целях выяснения настроений относительно заключения унии с Англией: *Ерофеев Н.А. Англо-шотландская уния 1707 г. // НИИ. 1975. № 6. С. 55–67; в 1708 г., во время первых генеральных выборов в Шотландии в парламент Соединенного Королевства: Downie J.A. Daniel Defoe and the General Election of 1708 in Scotland... P. 315–328; в 1710–1711 и 1712 гг. по причине в том числе непростых отношений патрона Дефо по секретной службе, графа Оксфорда, и его «партнеров» в Шотландии, в частности Джеймса Дугласа, 4-го герцога Хэмпилтона, одного из 16 пэров, представлявших Шотландию в британском парламенте: Downie J.A. Secret Service Payments to Daniel Defoe... P. 437–441; Holms G.S. The Hamilton Affair of 1711–1712: A Crisis in Anglo-Scottish Relations // EHR. 1962. Vol. 77. No. 303. P. 257–282.*

В связи с этим вопрос о том, стоит ли удивляться пробританскому взгляду автора на наблюдаемую в Северной Британии реальность, можно считать вполне риторическим.

Важно также отметить, что, строго говоря, «Путешествие...» — это не травелог в чистом виде. Речь идет не о записях дорожных наблюдений, а о компиляции воспоминаний о поездках по стране с тайными миссиями (с целью выявления и формирования общественных настроений относительно унии). В результате о Горной Шотландии Дефо писал, сидя в Лондоне. Таким образом, «Путешествие...» — это, конечно, путеводитель, но вот вопрос: в каком именно смысле? При том, что в некоторых из описанных мест автор, вероятно, вообще никогда не бывал.

Зато в этих местах «побывал» мистер Кэмден, частые отсылки к которому обнаруживают еще один возможный срез политико-литературного контекста¹. «Британия» Уильяма Кэмдена впервые вышла в Лондоне в 1586 г. С тех пор, однако, в своей шотландской части она с успехом выполняла функцию справочника и в первые десятилетия XVIII в. Любопытно, что очередной (после 1695 г.) английский перевод этого написанного на латыни хорографического сочинения появился на свет всего за год до публикации отдельного «шотландского» тома «Путешествия...» Дефо, в 1722 г.² Одна из причин, на которую часто указывают, состоит в явно недостаточном количестве надежной информации о Шотландии, опубликованной в Англии³. Не вдаваясь в детальное обсуждение этого вопроса, заметим, что в данном случае большее любопытство вызывает другое: готовность всегда щепетильного

¹ *Defoe D.* Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 395, 402, 411, 416, 423.

² *Camden W.* Britannia: or a Chorographical Description of Great Britain and Ireland, together with the Adjacent Lands. Written in Latin and translated into English, with Additions and Improvements [by Edmund Gibson]. London, 1722.

³ *Нап.: Rackwitz M.* Travels to Terra Incognita: The Scottish Highlands and Hebrides in Early Modern Travellers' Accounts. C. 1600 to 1800. Münster, 2007. P. 17–19.

в отношении достоверности сообщаемой им информации бывшего агента правительства опираться на сведения более чем столетней давности (в свою очередь, почерпнутые из еще более архаичных источников).

Весь этот многослойный контекст путеводителя нашел отражение уже в названиях его томов: для Англии и Уэльса (определенных во всех отношениях) — «Путешествие и объезд», для Шотландии и ее с трудом определяемой Горной Страны — более репрессивное «Описание и подсчет»¹. В этом смысле стоит ли удивляться, что с первой же фразой введения к шотландскому тому мы узнаем, что иностранец способен поведать о Шотландии больше, чем сами шотландцы, разделенные «скандальной» враждой². Что в данном случае особенно важно, так это то, что перед нами не столько «черная легенда» Шотландии, откровенно политически ангажированная пропаганда расширения присутствия Лондона на севере острова. Скорее мы имеем дело с определенным видением предмета (при этом агентурную деятельность Дефо, вероятно, оставил еще в 1718 г.³).

В результате в тексте вполне отчетливо проступает соответствующий и уже упоминавшийся пробританский взгляд на предмет описания, которое строится в доминирующей и присваивающей перспективе — из Лондона. Культурно и политически Горная Страна оказывается гораздо ближе к столице Великобритании, чем к столице Шотландии. Инвернесс, неформальная «столица» Горного Края, подается как возможная новая столица Шотландии,

¹ *Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland...* P. 5, 279, 362.

² *Ibid.* P. 279.

³ Во всяком случае, на фоне несомненного коммерческого успеха вышедшего в 1719 г. «Робинзона Крузо» именно так возможно интерпретировать письмо автора от 26 апреля 1718 г. со ссылками на некую «секретную службу», о которой он отзывается как о пройденной: *Defoe D. Letter to Delafaye. April 26, 1718 // SPD. Vol. 139. P. 142–144*; респондент письма — Чарльз Делафей, курировавший агентурную деятельность правительства Соединенного Королевства в 1715–1745 гг.: *Fritz P.S. The Anti-Jacobite Intelligence System of the English Ministers, 1715–1745 // THJ. 1973. Vol. 16. No. 2. P. 265–289.*

поскольку в культурном плане (в том числе в вопросе соотношения гэльского языка и английского) он ближе к Лондону, чем даже Эдинбург — не встречая ожидаемого, автор и его потенциальные читатели наблюдают желаемое — британское присутствие в «столице» Хайленда.

Своеобразная ретроспектива Дефо — исторический экскурс во времена Оливера Кромвеля, с которого и началась англизация (как цивилизация) Инвернесса, — противостоит в данном случае перспективе рапортов генерала Уэйда, утверждавшего, что расширение британского присутствия в 1725 г. еще только начнется и центрами такой цивилизации края станет не древняя «столица» Хайленда, а новые форты (в том числе и форт Джордж в Инвернессе)¹. Впрочем, решая различные задачи, оба комментатора демонстрируют общее понимание цели хайлендской политики Лондона — цивилизации края как его британизации. И хотя Дефо открыто подразумевает под британизацией края его англизацию, не стоит воспринимать его пассажи по этому поводу слишком буквально. Шотландские сторонники Унии с готовностью поддерживали такую языковую (и, в определенных границах, культурную) основу британской, то есть политической, нации, не отказываясь от принадлежности к гражданской нации, то есть к шотландской².

¹ «Английские солдаты [гарнизон Кромвеля в Инвернессе, учрежденный лордом-протектором “сохранять в стране мир и держать Горную Страну в благоговении”] поселились в этой... части страны, и два момента усматриваются как последствия этого: ...как солдаты Кромвеля приобщили их [местное окружение] к искусству и прилежанию в хозяйстве, точно так же они оставили им английский язык над их языками, что сохраняется до настоящего дня... Среди них живет много близких английскому образу жизни» (*Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 407–408; Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 162*).

² Лэрд Каллоден, например, являясь одним из наиболее верных (очень немногочисленных и очень значимых) сторонников Ганноверской династии в Горной Стране во время якобитских мятежей, в то же время неизменно демонстрировал патриотизм северного британца, стремясь к смягчению и адресному характеру наказаний для своих соотечественников, напр.: *Duncan Forbes of Culloden to Sir Robert Walpole [most likely in August 1716; a copy is extant (from which the present is taken)*

В результате Горная Страна помещается в британскую систему координат: в пределах одного и того же абзаца о. Скай на морских «выселках» Хайленда (северо-запад о. Британия) «уравновешивается» о. Уайт вблизи вполне цивилизованного и мирного Саутгемптона (юго-восток о. Британия), вместе с Шетландскими островами на севере о. Британия обозначая границы «доминионов Великобритании», и география, таким образом, плавно переходит в политику. В пределах этих границ — пространство между «Парадизом и Диким краем» (в прежней перспективе с юга на север, из Лондона) этого «христианского острова». Указание на необходимость деятельности Общества пропаганды христианского знания среди горцев при этом ясно дает понять, где на севере Шотландии искать «Дикий край»¹.

Впрочем, еще раньше, вероятно для облегчения этого поиска, автор путеводителя разделяет Шотландию на юго-восток с Эдинбургом, юго-запад с Глазго и север с Инвернессом. Этот север Шотландии и есть «действительная Каледония», о чем Дефо и сообщает в первом же предложении письма № XIII, уверяя воображаемого корреспондента: «Сэр, теперь я вступаю в действительную и настоящую Каледонию». Далее, однако, выясняется, что действительный «север Шотландии — это северный Хайленд». Из чего недвусмысленно следует, что «действительная Каледония» — это северный Хайленд. Напрашивается предположение о существовании южного Хайленда... И совершенно напрасно: Горная Страна, как нам сообщают, делится на северный и западный Хайленд. При этом вскоре мы узнаем, что западный Хайленд, в свою очередь, некогда называли «королевством Аргайл»².

---

in the President's hand-writing]; *Forbes D.* Opinion relative to Attainders [In the President's hand-writing [Perhaps June 1746]; *Idem.* [Detached ideas briefly recorded as they occurred; with the intention of their being afterwards digested, and laid before Ministers, 1746] // CP. P. 61–65; 282–285.

¹ *Defoe D.* Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 281, 414, 419.

² *Ibid.* P. 362, 408, 425.

Северный и западный Хайленд, «истинная Каледония» и «королевство Аргайл» — древняя (античная в случае с «Каледонией» и вполне средневековая в случае с «королевством Аргайл») и новая география смещаются во времени и пространстве, и нас (как и читателей «Путешествия...» во времена Дефо) уже не удивляет, что первые Георги из дома Ганноверов на британском престоле в первой половине XVIII в. оказываются прямыми продолжателями римской цивилизации Шотландии, начало которой было положено за семнадцать веков до того. Концепция идеологического наследства оказалась чрезвычайно популярной в эпоху Просвещения по обе стороны Ла-Манша, подразумевая продолжение римской «цивилизаторской» миссии в Хайленде. Однако если охваченные революционными идеями французы в конце XVIII в. заимствовали римский опыт, то британцы (в том числе с легкой руки Дефо) в начале столетия его, безусловно, «наследовали». Речь, таким образом, в «Путешествии...» шла не о сравнении, а о «преемственности».

В этой связи обратим внимание на некоторые наиболее показательные и характерные примеры такого отношения современников к британскому присутствию в Горной Стране и смешению представлений об исторической географии и картографированию истории Британии в связи с именами генералов Уэйда и Роя. Когда было завершено строительство моста через реку Тэй в 1733 г., один из важных этапов строительства военных дорог в Хайленде, по приказу генерала Уэйда рядом установили памятный камень. На нем — две идентичные надписи на английском языке и латыни, прославляющие усилия короля Георга и генерала Уэйда по обеспечению «безопасности жизни и облегчению связи между Хайлендом и торговыми городами в Низинах»¹. Вполне в духе попыток самого Рима цивилизовать варваров Британии, приучив их к новому образу и качеству жизни взаимной торговлей.

После кончины генерала в 1748 г. его друг и протеже Ральф Аллен воздвиг в имении Уэйда Прайор-Парк в Бате

---

¹ Taylor W. The Military Roads in Scotland. Exeter, 1996. P. 23.

статую генерала в облачении древнеримского воина. Постамент украшали барельефы, изображающие британских солдат за строительством военной дороги в Горной Стране, форт и мост в Эберфилди, недвусмысленно отсылая к знаменитой колонне Траяна, прославлявшей военные подвиги этого римского императора¹.

Что касается генерала Роя, автора топографического шедевра «Военное обозрение Шотландии», то известно, что работа над ним позволила ему проявить антикварный интерес к римским древностям в полной мере, картографируя стоянки и лагеря римских легионов в Шотландии². Не случайно и характерно, что «шотландские» карты римской Британии появлялись «из-под пера» генерала Роя одновременно с военными картами современной Шотландии, между 1747 и 1755 гг., позволяя наглядно запечатлеть процесс «цивилизации» Британии с римских времен и вплоть до современности, топографически точно отразив эту историю³.

¹ *Chantrey D.* George Wade, 1673–1748. Torrs Park; Ilfracombe; Devon, 2009. P. 132–133, 253.

² Три года спустя после кончины Уильяма Роя Лондонское общество антиквариетов, к которому с 1776 г. принадлежал и сам генерал, опубликовало плоды его топографических и археологических штудий: *Roy W.* Military Antiquities of the Romans in North Britain. London, 1793. Подробнее об антикварном наследии генерала Роя см.: *Rankin D.R.* Report of a recent examination of the Roman Camp at Cleghorn, Lanarkshire, styled «Agricola's Camp», with notices of General Roy and his family // *PSAS*. 1. Part 2 (1853–1854). P. 145–148; *Chkistison D.* Account of the Excavation of the Roman Station of Camelon, near Falkirk, Stirlingshire, undertaken by the Society in 1900 // *PSAS*. 35 (1900). P. 332–334; *Macdonald G.* General William Roy and his «Military Antiquities of the Romans in North Britain» // *Archaeologia*. LXVIII (1917). P. 161–228; *Gardiner R.A.* William Roy, Surveyor and Antiquary // *TGJ*. Vol. 143. No. 3 (Nov., 1977). P. 439–450; *Harley J.B., Walters G.* William Roy's Maps, Mathematical Instruments and Library: The Christie's Sale of 1790 // *IM*. Vol. 29 (1977). P. 19–20; *Breeze D.J.* Agricola in the Highlands? // *PSAS*. 120 (1990). P. 58.

³ Напр.: *Roy W.* Plan of the Roman Post at Birrens near Middleby Kirk in Annandale, 1750 // *BL*. Maps K.Top.49.52.2; *Idem.* Plan of Burnswark Hill in Annandale with the Camps and Posts adjoining to it supposed to be the Castra Exploratorum of the Romans, 1755 // *BL*. Maps K.Top.49.54.3;

При этом в комментарии к «Военному обозрению Шотландии» Уильям Рой поясняет причины своего особого интереса к римским древностям в Шотландии: «Очевидно, что то, что, сообразуясь с ситуацией, представляло удобную стоянку [для военного лагеря], когда римляне осуществляли свои военные операции в Британии, должно, во всех существенных чертах, по-прежнему быть пригодным и посейчас»¹. Связь времен и преемственность цивилизующей миссии в Хайленде от Древнего Рима к современному Лондону представляли, таким образом, как на словах, так и на деле.

Хотя для Агриколы в I в. «варвары» Горной Страны были «бесполезны» и враждебны в той же мере, в какой британские короли в XVIII в. стремились приблизить к себе этот «дикий народ»². Как замечает Дефо, «Наши географы столь же безуспешно пытались описать северную часть Шотландии, как римляне — ее покорить, однако они постарались наполнить ее холмами и горами, как поступают в отношении внутренних частей

Idem. Plan of the Roman Camps and Posts near Ardoch in Strathallan, 1755 // *VL. Maps K.Top.50.79.2.a.* Показательно, что, например, картографическая съемка Антонинова вала была завершена Роем летом 1755 г., то есть в том же году, что и съемка Шотландии, с которой картографы Артиллерийской палаты управились в мае. При этом карта этого величественного сооружения была выполнена в том же масштабе, что и карты «Военного обозрения Шотландии»: *Hodson Y. William Roy and the Military Survey of Scotland // The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755... P. 14.*

¹ Цит. по: *Tabraham C. The Military Context of the Military Survey // The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755... P. 35.*

² «Устье Тэя было самым дальним рубежом Римской империи в Британии. Хотя Юлий Агрикола, лучший из генералов при худшем из императоров, Домициане, прорвался дальше и по суше проник в самое сердце Горной Страны, но, так и не увидев пределов варварской страны и никакой пользы от захвата нескольких варваров-горцев, отбыл обратно и утвердил Римские орлы... сделав Тэй своею границей... Теперь мы находим войска короля Георга марширующими в самые отдаленные уголки [Горного Края]... Однако сейчас он [король] не иностранец и захватчик, но суверен» (*Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 394, 425.*)

Африки с львами и слонами, не зная, что еще можно там поместить»¹.

Римлянам, видимо, не хватало власти/политической воли — да и как могло быть иначе, когда «лучшему из генералов», Агриколе, приходилось действовать «при худшем из императоров», Домициане? — и потому им не хватало знания о «Каледонии»². И именно поэтому «варвары» этого «Дикого края» были для римлян «бесполезны». Следующей эпохе не хватало, как видим, знания, чтобы понять, как превратить «королевство Аргайл» в западный Хайленд «единой и неделимой» Шотландии, и потому отсутствовала политическая власть³.

---

¹ *Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland...* P. 410–411. В том же веке и примерно в тех же терминах другой британец, Джозеф Маршалл, описывал земли другого «глухого» края Европы, Украину: «...наши географы, издающие свои работы каждый день, столь рабски повторяют друг друга, и факты, относящиеся к 1578 г., преподносятся как единственные сведения, доступные нам в 1769 г. Я встретил это в просмотренных мною работах по всеобщей географии» (*Вульф Л. Указ. соч. С. 230*). Впрочем, Дефо в обращении со знанием елизаветинских географов был не столь привередлив. Однако более примечательный факт состоит в том, что жалоба на пробелы в географическом знании о Хайленде фактически воспроизводит риторику другого известного географа Горного Края, Мартина Мартина, уроженца Горной Страны, сотрудиничавшего с королевским географом Робертом Сиббалдом: «...многие из живущих на юге Шотландии знают о Западных островах не более, чем уроженцы Италии» (*Martin A. A Description of the Western Isles of Scotland. London, 1716* [первое издание: Лондон, 1703 г.]. P. ii). Спустя почти двадцать лет после заключения унии Лондон не продвинулся за «Хайлендский рубеж» дальше, чем Эдинбург.

² Римский полководец Юлий Агрикола совершил в 80-х гг. н.э. несколько успешных походов против британских племен, которым (вероятно, ввиду их бесполезности для империи) положил конец император Флавий Домициан (см.: *Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981. С. 123*). Последний отнюдь не был «худшим» из императоров, хотя память о нем и подверглась осуждению со стороны сената после того, как он был убит в результате заговора приближенных.

³ В действительности даже после ликвидации Лордства Островов вакуум власти в этой части Горной Шотландии был заполнен местными вождями и магнатами, самыми деятельными и влиятельными среди которых оказались предводители многочисленного клана

Во времена Дефо сам автор повествует о наконец свершившемся (на самом деле это было только начало) счастливым сочетании в руках британских королей и власти, и знания: «Там, где прошли маршем армии, безусловно могут следовать и частные путники»¹. И они могут теперь описать свой маршрут, ибо география и картография зависимы от путешествий (путешественник находился в зависимости от доступных ему карт, картограф зависел от тех наблюдений, которые ему предоставляли путешественники). Впрочем, верно и обратное: «путешествие» генерала Уэйда по Хайленду в 1724 г. (инспекционная поездка с разведывательными целями) сделало возможным присутствие в крае в 1725 г. «красных мундиров» регулярных британских полков. В свою очередь, вслед за этими полками (на самом деле, как мы помним, намного раньше самого генерала Уэйда) в Горную Страну пожаловал Дефо.

Это своеобразное приглашение к завоеванию, или, если угодно, очередное приглашение знания к власти составить ему достойную пару, менее чем через 20 лет было услышано: подавив в 1746 г. очередной мятеж якобитов в Горной Шотландии, армия Георга II Ганновера осталась там навсегда. А уже в 1747–1755 гг. создана самая точная к тому времени карта Шотландии, составленная подполковником Дэвидом Уотсоном, генерал-квартирмейстером королевской армии в Северной Британии в 1740–1750-е гг. и военным инженером и картографом Уильямом Роем.

Начало этому большому и амбициозному картографическому проекту положил командовавший королевскими войсками в Шотландии принц Уильям Август, герцог Камберленд². Собственно, так она и называется — «карта

Кэмпбеллов. Эдинбург участвовал в перераспределении власти в крае настолько, насколько это позволяли ограниченные ресурсы шотландской монархии, а не недостаток информации об этой окраине.

¹ *Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland...* P. 395.

² *Black J. Culloden and the 45'. London, 1990. P. 189; Kanken D.R. Notices of Major-General William Roy, from the Parish Registers of Carluke and other sources // PSAS. 1870–1872. Vol. 9. P. 562–566.*

Шотландии герцога Камберленда» — как право на собственность. Любопытно, что этот уникальный картографический документ современники называли то «картой Камберленда», то «картой Уотсона», то «картой Роя», тем самым подчеркивая присваивающий характер географического воображения Хайленда, свойственный картографам и комментаторам Лондона¹.

Любопытным примером такой присваивающей перспективы военных инженеров, картографов и граверов Артиллерийской палаты в Горной Стране служат ростовые портреты генералов Уэйда и Уотсона, написанные Джоном ван Дьестом около 1731 г. и Андреа Солди, завершившим свою работу в 1762 г. (после кончины заказчика, который изображен в возрасте примерно сорока четырех лет, как полагает Йоланд Ходсон, то есть условно в 1757 г.)². На портрете командующий королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 гг. предстает на фоне Корриярэксского прохода на пути от форта Август к казармам правительственного гарнизона в Развене и группы солдат, занятых строительством этой военной дороги (сцена, запечатленная позже и на одном из барельефов упоминавшегося выше памятника генералу Уэйду).

Задний план графикой, цветовой гаммой, манерой письма и взаимной перспективой изображенных объектов (мост через горную реку и петляющая в горах военная дорога) на портрете напоминает пока еще далекие от совершенства военные карты Хайленда первой четверти XVIII в., хотя в том же 1731 г. была создана едва

¹ *Walters G. Op. cit. P. 126.* Если верить брату Давида Уотсона Джону Уотсону, то первый, осуществляя общее руководство картографированием Шотландии в 1747–1755 гг., за восемь с половиной лет реализации проекта потратил около 5000 ф. ст., из собственного кармана покрывая ежедневные расходы, связанные с составлением «Военного обозрения Шотландии». И в этом финансовом смысле уместно вести речь именно о «карте Уотсона»: *The Early Maps of Scotland... Vol. I. P. 105–106; Hodson Y. Op. cit. P. 10.*

² *Diest J. van. Major-General George Wade [1731] // Scottish National Portrait Gallery. Accession No. PG 2416; Soldie A. General David Watson [17...–1762] Blaikie Collection. 9.15; Hodson Y. Op. cit. P. 16.*

ли не самая точная до появления «Военного обозрения Шотландии» карта Хайленда, составленная по заказу генерала Клементом Лемприером¹. Впрочем, она скорее представляла собой визуальное отображение программы умиротворения Горной Страны, предложенной и реализуемой командующим с 1725 г.² Неудивительно, что для того, чтобы представить реальную географию Горного Края, Уэйду пока еще требуется подзорная труба, которую он и держит в левой руке, указывая направление военной дороги для строительной партии «красных мундиров».

Иначе организовано внутреннее пространство портрета генерала Уотсона. Инициатор, руководитель, соисполнитель, вынужденный спонсор топографической съемки Шотландии предстает в рабочем кабинете, сжимая в руке карту, призванную, вероятно, символизировать «Военное обозрение Шотландии» 1747–1755 гг. — *Opus Magnum* генерал-квартирмейстера. Двадцать шесть лет между 1731 и 1757 гг. предстают в этой мини-галерее временем решительной трансформации географического воображения Хайленда и географии «Хайлендской проблемы» — от эмпирического познания местных реалий к их научно выверенной фиксации на военной топографической карте. Хотя, как заметил один из авторов «Военного обозрения Шотландии» генерал Рой, созданный им под руководством генерала Уотсона картографический труд «следует рассматривать скорее как великолепный

¹ См., напр., для сравнения: *Johnson R. Plan of Fort William with the country adjacent, 1710 // NLS. Ms 1646 Z.02/24a; Lemprière C. A Description of the Highlands of Scotland. The Situation of the several Clans and the Number of Men able to bear Arms, as also ye Forts lately Erected and Roads of Communication or Military Ways carried on by his Majesty's command, with the Seats of the most considerable Nobility in the Low Country, 1731 // NLS. Acc.11104. Map Rol.a.42.*

² Само название карты Лемприера, обещавшее показать «расположение кланов и число людей, способных держать оружие, а также недавно построенные форты и дороги», вполне соответствовало основным положениям отчета генерала Уэйда от 1724 г. (*Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–149.*)

военный набросок, чем принимать за достоверную карту страны»¹.

Решение «Хайлендской проблемы» и после подавления последнего восстания якобитов 1745–1746 гг. с точки зрения картографирования мятежной гэльской окраины по-прежнему содержало топографические допущения. В 1757 г. не меньшее значение для спокойствия в Горной Шотландии играло принятое Лондоном в том же году решение об активном привлечении горцев на военную службу в свете разгоревшейся Семилетней войны 1756–1763 гг. и возросших потребностей в расширении британского военного присутствия на театре военных действий в Америке.

Возвращаясь к Дефо как фокусу предпринятого анализа, необходимо заметить, что он пишет о Хайленде как об области, имеющей особый, отличный от остальной Шотландии культурно-исторический облик. «Северная Британия» находилась в состоянии острой конкурентной борьбы с «Каледонией», вытесняя ее за «Хайлендский рубеж» и стремясь к полному замещению того, что до 1707 г. являлось «королевством Шотландия». В споре с географическим фактом в итоге победил факт культуры, в том числе политической. Само название «Каледония» пришло из античной истории². «Северная Британия» была скорее

---

¹ Roy W. An Account of the Measurement of a Base on Hounslow-Heath... P. 386–387.

² Так, номенклатура содержания популярного атласа Шотландии Жана Блю 1654 г. представлена в соответствии с римской картографией Британии, и один из разделов описания принадлежит «каледонцам» («The Caledonii»): The Blaeu Atlas of Scotland (Scotland from Theatrum Orbis Terrarum Sive Atlas Novus Pars Quinta. Published by Joan Blaeu. Amsterdam, 1654). Edinburgh, 2006. Карты европейских стран Виллема и Джона Блю были основаны на исторической традиции (с выделением исторических регионов), отражая общее восприятие границ государственного влияния. Региональная природа многих первых европейских карт раннего Нового времени отражала слабость политических институтов и центральных властей. Более современное разграничение с помощью обозначения не только внешних, но и внутренних границ, показывающих разницу между государствами и провинциями,

изобретением XVIII в. в сфере политической идеологии, которому следовало распространиться на сферу политической географии и политэкономии¹.

При этом «Каледония» в действительности не всегда включала Нижнюю Шотландию у самих античных географов, а «Северная Британия» еще очень долго на практике не включала Шотландию Верхнюю. Древность и современность помещались автором на одной карте, и тогда сам регион располагался где-то между древностью и современным миром, где-то между «варварством» и «цивилизацией»².

Так, под пером Дефо Горная Страна обретает не только географические пределы: «Северный Хайленд» (области Брэдалбейн, Этолл, Лохэбер, Бьюкен, Мар, Сазерленд, Росс, Стрэтнавер, Кейтнесс и остров Скай) и «Западный Хайленд» (Данбэртон, Леннокс, Бьют, Аргайл, Лорн и Кэнтайр). Один из отцов-основателей секретной службы Соединенного Королевства проводит в Шотландии и культурные рубежи. Упоминая о «доме Аргайлов, или, если точнее, фамилии или клане Кэмпбелл, вождем которого является герцог Аргайл», Дефо отмечает, что «люди этих областей [«Западный Хайленд, главным образом принадлежащий

появляется в XVIII в. (как, например, на карте Европы Джиллема Делисли, напечатанной в Париже в 1724 г.), см. подробнее: *Akerman J.R. The Structuring of Political Territory in Early Printed Atlases // IM. Vol. 47 (1995). P. 138–154.*

¹ По мнению Ричарда Дж. Финлэя, начало англо-шотландской унии как подлинного единства британских королевств, по сути, уместнее отсчитывать не с 1707 г., когда она была подписана, а с 1746 г., когда поражение якобитов показало, что англичане и шотландцы в основном разделяют общие ценности, провозглашенные в Акте об Унии. Он же при этом предупреждает, что в случае с «северобританским экспериментом» предстоит уточнить, была ли британская идентичность национальной или разделявшейся только элитой (*Finlay R.J. Caledonia or North Britain? Scottish Identity in the Eighteenth Century // Image and Identity. The making and Re-making of Scotland Through the Ages / Ed. by D. Brown, R.J. Finlay and M. Lynch. Edinburgh, 1998. P. 147*).

² Такой интерпретацией географических образов автор обязан выводам Ларри Вульфа: *Вульф Л. Указ. соч. С. 421–483.*

клану Кэмпбеллов”] несколько более цивилизованны, чем их собратья-горцы на севере»¹.

Горная Страна, таким образом, была пограничным, амбивалентным краем не только потому, что находилась в состоянии перехода от «варварства» к «цивилизации», но и потому, что пространственно вмещала весь этот процесс во всей его неоднородности. Это выстроенное вдоль шкалы исторического прогресса и наполненное задором философии эпохи Просвещения и «улучшений», оригинальной шотландской рецепцией этих общеевропейских идей, представление о культурной географии Хайленда, в свою очередь, способствовало начертанию этнографической карты лояльностей горцев, ставшей особенно актуальной во время последнего и самого крупного, в воображении современников, мятежа якобитов 1745–1746 гг.

§ 2. Пределы страны: картография Хайленда

Агентурная деятельность, или Полевые исследования

Ограниченное представление о географии «Горной войны» генерала Маккея было сфокусировано на решении «Хайлендской проблемы» как разгроме мятежников в Горной Шотландии. Географическое знание, не имевшее прямого отношения к особенностям военной кампании в крае, имело, таким образом, второстепенное значение. Однако в соответствии с решениями Короны и правительства, принятыми в 1724 г., хайлендские штудии должны были обеспечить эффективный военно-политический контроль Лондона в Горной Стране на постоянной основе².

¹ Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 362, 424–426.

² Именно с этой целью Лондон затребовал от военных и штатских «шотландских» чинов и лояльных представителей местной элиты в Хайленде обстоятельные комментарии «о состоянии Горной

Следовательно, привлечение информации о географических, этнографических, социально-экономических, политических, культурных особенностях Горной Шотландии, определявших, как считали комментаторы, социально-экономическую, политическую и культурную географию края, а также содействовавших его этнической картографии и составлению карты лояльностей, было призвано помочь пересмотреть взгляд на борьбу с якобитами в Хайленде. Если «Горная война» предшествовала попыткам постичь особенности горской культуры, то теперь, наоборот, этнографический анализ должен был предшествовать умиротворению Горной Шотландии. Результатом такого поворота событий стало широкое применение «шотландскими» чинами практики полевых исследований в этнической картографии и, шире, административной этнографии мятежного края¹.

Шотландии» в 1724 г.: *Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 32–34.*

¹ Происхождение понятия «полевые исследования» (инвариант «полевая работа») в этом смысле весьма примечательно. Связанное с военными действиями, поскольку «быть в поле» значило быть на поле сражения, оно вполне соответствовало характеру деятельности ответственных за умиротворение Горного Края чинов и их агентов в Хайленде, бывшем для них и полем борьбы, и полем аналитической деятельности. В близком к современному значению понятия «полевой дневник» и «полевая работа» появляются в 1616 и 1767 гг. соответственно, заимствуя смысл и содержание у естественных наук, имея в виду в том числе географию. Допуская определенную модернизацию в применении понятия «полевые исследования», необходимо отметить, что, как со многими достижениями в области научных исследований, военные, политические и экономические цели государства в данном случае точно так же предполагали составление географических обзоров и этнографических карт (*O' Cadhla S. Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824–1842: Ethnography, Cartography, Translation. Dublin, 2007. P. 62*). При этом за полевыми исследованиями в изучении географии Шотландии в конце XVII — первой половине XVIII в. стоит богатая хорографическая традиция. Королевские географы и их корреспонденты и агенты в Шотландии на рубеже XVII–XVIII вв. при составлении хорографических обзоров, являвшихся неотъемлемой частью серьезного картографического проекта того времени, собирали соответствующую информацию с помощью опросных листов. Например, Роберт Вудроу, библиотекарь Университета

В отличие от кабинетных исследований авторов памфлетов, мемориалов и рапортов королю и министрам, представлявших теоретическое осмысление хайлендской политики Лондона, полевые исследования отражали пионерские попытки перевода местных реалий *ad hoc* (как в случае с генералом Маккеем) и синтез вариантов такого перевода в процессе аргументации и систематизации полученных сведений.

География и этнография «Хайлендской проблемы» не только обеспечивали власти материалом для воображения их владений и подданных в Горной Шотландии. Полевые исследования в рамках ее этнической картографии представляли на практике скорее диалог с горцем, чем его таксономию, скорее попытку культурного перевода, чем просвещенческий шаблон хайлендского «варварства». При этом ответственные за умиротворение края чины и их агенты в Хайленде рассматривали местных информаторов как отдельные примеры, способные представить целую группу¹.

Глазго с 1697 г. и приходской священник с 1703 г., поддерживавший корреспондентскую связь с сэром Робертом Сиббалдом, королевским географом с 1682 г., составил «Вопросы и дела, которые надлежит решить в западном Хайленде» и разослал их священникам Церкви Шотландии, резонно рассчитывая получить искомые ответы. Сам Сиббалд также активно полагался на местных информаторов, одним из которых был Мартин Мартин, автор знаменитого «Описания Западных островов Шотландии», опубликованного в 1703 г.: *Withers C.W.J. Reporting, Mapping, Trusting: Making Geographical Knowledge in the Late Seventeenth Century // Isis. Vol. 90. No. 3 (Sep., 1999). P. 497–521.* О более поздней практике применения опросных листов в процессе картографирования Шотландии см.: *Walters G. Thomas Pennant's Map of Scotland, 1777: A Study in Sources, and an Introduction to George Paton's Role in the History of Scottish Cartography // IM. Vol. 28 (1976). P. 121, 125–126.* О месте хорографии в дисциплинарной истории географии в Великобритании в конце XVII — первой половине XVIII в. см.: *Charles C.W.J., Mayhew R.J. Rethinking «Disciplinary» History. Geography in British Universities, c. 1580–1887 // TIBG. New Series. Vol. 27. No. 1 (2002). P. 11–29.*

¹ Рассматривая аналогичный ирландский пример, Стифэн О'Кэдла интерпретирует такое обобщение различий, употребляя понятие «кельтицизм» и наделяя его чертами, характерными для ориентализма в понимании Э.В. Саида: *O' Cadhla S. Op. cit. P. 47, 56, 77, 83, 89, 124, 142, 178, 233.*

Такой подход неизбежно вел к обобщениям. Вопрос, таким образом, состоит не в наличии или отсутствии искажения географической и этнографической информации, но в характере ее искажения. В этой связи отправным пунктом рассуждений о практической составляющей в административной этнографии и этнической картографии горца является вопрос об источниках соответствующей информации.

Последние занимали в структуре управления Шотландии ответственные административные посты. Так, в 1689–1759 гг. основными, хотя и не единственными источниками сведений о положении в Горной Шотландии для правительства выступали последовательно 2-й Данкан Форбс из Каллодена, провост в Инвернесе в 1680–1690 гг.; сэр Джордж МакКензи, 1-й граф Кромэрти, один из основных участников переговоров с вождями горцев армии Клэверхауза, в 1692–1696 гг. — лорд-клерк Сессионного суда Шотландии, в 1702–1704 гг. — государственный секретарь по делам Шотландии, в 1705–1710 гг. — вновь лорд-клерк; Уильям Форбс, 13-й барон Форбс, тайный советник короля Вильгельма Оранского и королевы Анны в Шотландии, с 1715 г. лорд-лейтенант Эбердиншира и Кинкардиншира; Колин Кэмпбелл, 1-й барон Килбрайд, член Тайного совета Шотландии с 1690 г., в 1690–1702 гг. представлял графство Перт в шотландском парламенте¹.

При этом еще четыре фигуры в ряду информаторов Короны и ее правительств в Горной Шотландии имели совершенно особенное значение: лорд Ловэт; генерал Уэйд, командующий королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 и 1745 гг.; Джеймс Эрскин, лорд-клерк Сессионного суда Шотландии, лорд Грэндж; 3-й Данкан Форбс

¹ CP. P. V–VII; *Balfour J.P.* The Scots peerage; containing an historical and genealogical account of the nobility of that kingdom: In IX Vols. Edinburgh, 1906. Vol. III. P. 74–75; His Majesties Warrant to George Viscount Tarbat to Treat with the Highlanders. Whithall, March 25, 1690 // LMP. P. 428–429; HPJP. Vol. I. P. XIX; *Shaw J.S.* The management of Scottish Society, 1707–1764: Power, Nobles, Lawyers, Edinburgh Agents and English Influences. Edinburgh, 1983. P. 194.

из Каллодена, лорд-адвокат, а затем лорд-президент Сессионного суда Шотландии, один из наиболее ценных агентов правительства в Горной Стране.

Лорды Ловэт и Грэндж и генерал Уэйд представили в Лондон в 1724–1725 гг. развернутые хорографические описания состояния Горного Края, оказавшиеся в своем роде единственными доступными Короне и правительствам при определении основных направлений хайлендской политики вплоть до начала последнего мятежа якобитов в 1745 г.¹ Лэрд Каллоден благодаря своему положению и влиянию в крае являлся едва ли не самым надежным и информированным агентом правительства в Хайленде в первой половине XVIII в.² При этом на практике власти имели дело по большей части с рапортами

---

¹ *Fraser S. Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh, Glasgow and London, 1822. P. 254–268; Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–146; Idem. Shame deliver'd to the King in April, 1725 // HPJP. Vol. I. P. 146–149; Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724; Idem. A Continuation of the Account of the Highlanders and Highlands. Edr., 2 Jan., 1725; Idem. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc. 1 [2,3]. Edr., 14 [21,25] Jan., 1725 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1–2; GD 124/15/1264/1 [2,4].*

² Так, опираясь на свое положение и влияние в горношотландской среде, лорд-президент только с августа 1745 г. по апрель 1746 г. мобилизовал в свою корреспондентную группу около полусотни информаторов и агентов в Горной Шотландии, благодаря чему Лондон имел значительно более ясную картину событий в Северной Британии во время мятежа якобитов 1745–1746 гг. (СР. P. 203–277, 370–474). Подробнее об агентурной деятельности лэрда Каллодена см.: *Малкин С.Г. «Тайные советники»: корреспонденты Данкана Форбса из Каллодена и умиротворение Горной Шотландии в 1715–1745 гг. // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д, 2008. Вып. 5. С. 81–89; Он же. «Тайные советники»: корреспонденты Данкана Форбса из Каллодена и умиротворение Горной Шотландии в 1715–1745 гг. // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / Отв. ред. Л.П. Репина / Общество интеллектуальной истории, Южный федеральный университет. СПб., 2010. С. 293–299.*

генерала Уэйда, которому было приказано перепроверить достоверность приведенных лордом Ловэтом сведений и предпринять необходимые меры к «успокоению... верных подданных и доброму устройению этой части королевства», и мемориалами лорда Грэнджа, призванными уравновесить влияние рапортов командующего на мнение Короны и правительства в Лондоне, так как решение «Хайлендской проблемы» стоило слишком дорого (четыре раза со времени установления протестантского престолонаследия власти расплачивались подавлением мятежей якобитов), чтобы доверять его одному, и только военному человеку¹.

Сбор, анализ и учет этнографических сведений в крае с прибытием в Горную Страну генерала Уэйда в 1724 г. и назначением Форбса из Каллодена лордом-адвокатом Шотландии в 1725 г. были поставлены на широкую ногу, причем деятельность последнего служит образцовым примером организации и проведения полевых исследований в ходе этнического картографирования «Хайлендской проблемы». Во всяком случае, в сравнении со спорадическим этнографическим интересом военных и штатских чинов в предыдущий период. Цепь передачи информации при этом представляла собой, по сути, каналы передачи разведанных, а сами полевые исследования в Горном Крае едва ли отличались от сбора агентурных сведений. Быть здесь агентом, информатором, комментатором означало на практике необходимость быть еще и географом и этнографом (как в случае с занятием административной должности, связанной с умиротворением Хайленда).

---

¹ Тем не менее новая инициатива властей в хайлендской политике, обозначенная активным сбором и анализом информации о состоянии Горного Края в 1724 г., с 1725 г. и почти до начала последнего мятежа якобитов в 1745 г. опиралась на деятельность и мероприятия генерала Уэйда, которому и доверили в конечном итоге умиротворение Горного Края (*Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. P. 289–316; Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 150–165*).

Итак, полевые исследования штатских чинов с 1725 г. и до кончины в 1748 г. во многом направлялись лэрдом Каллоденом. Принадлежа к крепкой вигскими традициями семье и занимая в структуре управления Шотландией ключевые посты (лорд-адвокат (с 1725 г.) и лорд-президент (с 1737 г.) Сессионного суда Шотландии), он являлся весьма информированным и влиятельным агентом Лондона в Горной Стране¹. Деятельность Форбса основывалась на таком близком понимании ее действительности, которого добились немногие информаторы Короны и правительства в Хайленде².

С упразднением в 1708 г. Тайного совета Шотландии вся правительственная корреспонденция в этой части Соединенного Королевства проходила через руки лорда-адвоката Шотландии, должность которого наряду с должностью лорда-президента стала главной в системе «шотландских» постов³. Разумеется, этот факт наряду с положением и влиянием Форбса, жившего у самого рубежа Горной Страны, учитывался в Лондоне⁴. Более того,

¹ EHD. P. 963.

² Первые Форбсы прибыли в Инвернессшир в 1560 г. и с тех пор благодаря личным качествам и успешному ведению дел обзавелись широким кругом полезных знакомств и дружеских привязанностей в пограничной среде местного общества: так, известия о высадке близ шотландского побережья «младшего Претендента» лэрд Каллоден получил от Нормана МакЛеода, 19-го вождя клана МакЛеодов, располагавшего обширными владениями на Гебридах и рассматривавшегося якобитами в качестве желанного и ожидаемого сторонника: *MacLeod N. Letter to the Lord President. Dunvegan, August 3, 1745 // CP. P. 203–204; Murrey J. Instructions for Mr. Alexander Macleod, Advocate. Holyrood-House, September 24, 1745 // Home J. The History of the Rebellion in the year 1745. London, 1802. P. 324; Youngson A.J. The Prince and the Pretender. A Study in the Writing of History. Worcester, 1985. P. 72.*

³ *Simpson J.M. Who Steered the Gravy Train, 1707–1766? // Scotland in the Age of Improvement... P. 50; EHD. P. 963.*

⁴ Семейная биография Форбсов из Каллодена демонстрирует верность принципам Славной революции, в подготовке которой в Шотландии они активно участвовали; так, имя Джона Форбса из Каллодена, отца 3-го Данкана Форбса из Каллодена, в период Реставрации содержалось в «Списке исключенных из Акта о прощении», и ему не раз грозила смертная казнь (CP. P. IV, VI).

со смещением Джона Керра, 1-го герцога Роксбурга, с поста государственного секретаря по делам Шотландии в августе 1725 г. обязанности по информированию правительства о ситуации в Горном Крае легли, хотя и без введения в должность секретаря, на плечи нового лорда-адвоката Шотландии.

Чтобы оценить истинное значение такой кадровой рокировки, достаточно упомянуть, что именно с августа 1725 г. берет начало реализация «второй волны» умиротворения Горной Шотландии. С августа же 1725 г. к Форбсу стали поступать указания о необходимости регулярного отслеживания военно-политической ситуации в Горной Стране¹.

Даже когда пост государственного секретаря по делам Шотландии в феврале 1742 г. перестал быть вакантным, знания и опыт Форбса были востребованы — теперь от имени Джона Хэя, 4-го маркиза Туиддейла, нового государственного секретаря по делам Шотландии в феврале 1742 — январе 1746 г.² Сами противники Форбса в Горной Стране — агенты изгнанных Стюартов — признавали его деятельность весьма эффективной³.

Уникальное положение лэрда Каллодена отражено в самой организации его корреспонденции. Для министров правительства он был фигурой местного масштаба, для корреспондентов в Горной Стране представлял передний край британского присутствия. Лондон и самая беспокойная в 1689–1759 гг. из его гэльских окраин сообщались между собой во многом пером лэрда Каллодена. На концах почтовых маршрутов в Северной Британии, по которым к Форбсу доставлялись агентурные сведения, находились корреспонденты, которые делали пребывание лэрда Каллодена в Горной Стране для Лондона

---

¹ Pelham to the Lord Advocate. Whitehall, August 24, 1725 // CP. P. 94.

² Напр.: Hay J. Letter to the Lord President. Whitehall, August 24, 1742 // CP. P. 184.

³ Напр.: George Lockhart to the King. May 24, 1725 // LP. P. 159.

незаменимым. Некоторые из этих тайных советников, расположившихся между рампой и кулисами хайлендской политики, неизвестны, так как переписку с Форбсом вели анонимно, а содержание писем предполагает различные варианты их авторства¹. Другие, напротив, хорошо видны в перспективе сразу нескольких планов.

При этом среди многочисленных корреспондентов лэрда Каллодена по военно-политическим вопросам несколько человек составляли устойчивую корреспондентную группу: Джон Форбс из Каллодена, старший брат Данкана Форбса из Каллодена, парламентарий; Джон Кэмпбелл, 2-й герцог Аргайл, одна из крупнейших политических фигур Шотландии и Великобритании в этот период; лорд Ловэт, вождь клана Фрэзер, едва ли не самый большой и вместе с тем самый ненадежный в политических пристрастиях друг Данкана Форбса из Каллодена; Чарльз Делафей, заместитель государственного секретаря Южного департамента, курировавший агентурную деятельность правительств Соединенного Королевства; Томас Пелхэм, 1-й герцог Ньюкасл, государственный секретарь Южного департамента в 1724–1746 гг.; сэр Роберт Уолпол, первый министр в 1721–1742 гг.²

Кроме того, активную переписку с Данканом Форбсом в 1716–1719 гг., во время разоружения кланов, конфискации имений мятежников и введения запрета на пребывание в королевстве самых рьяных сторонников изгнанных Стюартов, вели мистер Джон Хоссэк, провост в Инвернесе, и преподобный Роберт Бэйли, священник из Инвернесса, выполнявший, видимо, обязанности капеллана в армии разоружавшего кланы Горной Шотландии в феврале–апреле 1716 г. генерала Уильяма Кэдогэна, 1-го барона Ридинга и 1-го графа Кэдогэна (с 1717 г.)³.

¹ Напр.: Anonimous to Duncan Forbes. Coll, August 28, 1714 // CP. P. 29–30.

² Напр.: CP. P. 41–77, 94–151, 184–188, 354–369; Fritz P.S. The Anti-Jacobite Intelligence System of the English Ministers, 1715–1745 // THJ. Vol. 16. No. 2 (Jun., 1973). P. 265–289.

³ CP. P. 43, 44, 46–47, 49, 51–52, 56, 73.

Преподобный Роберт Бэйли являлся основным и наиболее содержательным источником информации для Форбса из Каллодена о проводимом генералом Кэдогэном разоружении горцев весной 1716 г.¹ С середины 1720-х гг. надежным корреспондентом лорда-адвоката стал генерал Уэйд, командующий в Северной Британии в 1725–1740 и 1745 гг. и руководивший умиротворением Горной Шотландии (военное строительство, военное сотрудничество, агентурная деятельность), а в первой половине 1740-х гг. — маркиз Туиддейл, государственный секретарь по делам Шотландии в феврале 1742 — январе 1746 г.²

Опираясь на свое влияние в местной среде, лорд-президент с августа 1745 г. по апрель 1746 г. мобилизовал в свою корреспондентную группу более полусотни информаторов и агентов в Хайленде (в свою очередь, имевших собственных осведомителей), благодаря чему Лондон имел значительно более ясную картину событий в Северной Британии в течение почти всего периода возмущения якобитов 1745–1746 гг.³

Начало полевым исследованиям военных «шотландских» чинов положил генерал Уэйд. В первом же и программном рапорте суверену он поясняет, как именно собирал и отбирал так необходимые правительству сведения о мятежном Хайленде: «На следующий день после того, как я получил инструкции Вашего Величества, я отправился в путь и проследовал через обширнейшие и наиболее нецивилизованные части Горной Страны в Шотландии; и покорнейше представляю Вашему Величеству следующий рапорт, который я составил как на основе моих собственных наблюдений, со всей честностью

¹ Численность, вооружение королевских войск в Горной Стране весной 1716 г., маршруты их передвижения, результаты разоружения, размещение гарнизонов, общая ситуация в крае: *Baillie R. Letter. Inverness, March 23, 1716; Idem. Inverness, March 30, 1716; Idem. Inverness, April 6, 1716 // СР. Р. 43–45, 47.*

² СР. Р. 109, 184–186, 356, 359, 364–369.

³ *Ibid.* Р. 203–277, 370–474.

и беспристрастием, так и с опорой на лучшие сведения, которые я смог собрать во время моего пребывания в этой части страны»¹.

Между тем «собственные наблюдения» генерала Уэйда были во многом поверхностны. В 1724 г., когда он прибыл в край с целью выяснить политическое состояние Хайленда под прикрытием инспекции расквартированных в Шотландии войск короля, в 1725 г., когда вернулся умиротворять Горную Страну уже в должности командующего королевскими войсками в Северной Британии, и далее вплоть до 1740 г., когда навещался в Горную Шотландию по долгу службы, генерал Уэйд имел дело не столько с реалиями края вообще, сколько с реалиями британского (прежде всего военного) присутствия. Опыт включенного наблюдения, напротив, оказался более информативен, хотя не приобретен непосредственно, а заимствован из «лучших сведений», представленных командующему его агентами в Хайленде. Некоторые из них проявили глубокий этнографический интерес к комментируемой ими реальности, и хорошо известные примеры такого сотрудничества позволяют предметнее представить, о чем идет речь.

Так, тот же Форбс, взаимодействуя с генералом Уэйдом в деле умиротворения Горной Шотландии, ставил на службу Короне и правительству в крае указанные выше обширные связи фамилии в Горной Стране. Критический анализ состояния Горного Края был основан на близости лэрда Каллодена к располагавшимся по ту сторону Хайлендского рубежа «взбунтовавшимся» горцам.

Лорд Ловэт в известной мере определил порядок такого административного этнографического анализа, нашедший отражение в структуре рапорта командующего, призванного, помимо прочего, «проинформировать Ваше Величество... о том, как далеко мемориал, переданный Вашему Величеству Саймоном, лордом Ловэтом, и его

---

¹ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–132.

замечания в нем основаны на фактах и действительных поступках этих людей [горцев Шотландии]»¹.

Роберт МакГрегор не только позволял генералу Уэйд-ду держать руку на пульсе мятежной активности якобитов в крае, являясь едва ли не самым информированным двойным агентом правительства в Хайленде². Раскрываемые этим ловким и вместе с тем чрезвычайно осторожным проводником командующего в край якобитов враждебные Лондону политические контакты одновременно отражали и характерные для Горной Страны социальные (феодално-клановые) связи и, таким образом, важную с точки зрения «шотландских» чинов местную этнографическую специфику, позволявшую наполнить конкретным содержанием политическую географию Горного Края.

МакГрегор при этом еще при жизни сам стал объектом этнографического интереса в качестве хрестоматийного примера социального бандитизма в Горной Шотландии в сочинениях капитана Эдуарда Барта, интенданта в крае при генерале Уэйде, и Грэма из Гэртмора, лэрда на Хайлендском рубеже, в графстве Пертшир³. Именно записи капитана Барта, по долгу службы пересекавшего Горный Край, сживая на приемах у вождей и ночуя порой в полузаброшенных хижинах, наблюдая клан шотландских горцев изнутри, хотя и оставаясь в позиции чужестранца, и попутно познакомившись с формировавшимся фольклорным образом Роберта МакГрегора, стали вероятной фактологической основой для «Хайлендского лиходея», первой биографии Роб Роя, опубликованной в Лондоне в 1723 г.

¹ Ibid. P. 131.

² См., напр.: *Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 194–222.*

³ *The Highland Rogue: or, the Memorable Actions of the Celebrated Robert Mac-gregor, Commonly called Rob Roy. London, 1723; Graham N. An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 347–352. Подробнее об авторстве «Хайлендского лиходея» см.: *Stevenson D. Op. cit. P. 189–190.**

Характерно и закономерно, что на ту же местную сеть информаторов и комментаторов военные и штатские чины опирались и после окончательного разгрома якобитов в 1746 г. Предложения по умиротворению края, изложенные командующим королевскими войсками в Шотландии в 1746–1747 гг. генералом Кеппелом, в основной своей части, по мнению некоторых коллег, повторяли идеи заместителя шерифа Аргайлшира Арчибальда Кэмпбелла из Стоунфилда¹. Командующий королевскими войсками в Шотландии в 1747–1749 и 1753–1756 гг. генерал Блэнд представил герцогу Ньюкаслу «Предложения к цивилизации Хайленда» совместно с лордом-клерком Сессионного суда Шотландии лордом Милтоном².

Несмотря на возражения герцога Камберленда, в отношении Форбса из Каллодена полагавшего, что не стоит брать в расчет соображения «этой рыдающей женщины» (командующего не устраивал более мягкий — избирательный — подход лорда-президента к мятежникам), мемориалы последнего по-прежнему циркулировали в правительственных кругах королевства³. То же можно сказать о рапортах генерала Уэйда и мемориалах лорда Грэнджа, представившего еще в 1724 г. штатский взгляд на «Хайлендскую проблему», к середине XVIII в. не утративший своей актуальности⁴.

¹ HPJP. Vol. II. P. LXXI; Memorial of the Justices of the Peace, Deputy Lieutenants and others Proprietors in Argyleshire, conven'd at Inveraray the 20th day of August, 1746 [вложено в: Keppel A.W. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, September 9, 1746] // HPJP. Vol. II. P. 222–224.

² Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [вложено в: Fletcher A. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // AP. P. 491.

³ Нап.: Forbes D. Memorial touching the Bill now depending for Disarming the Highlands. 1746; *Idem*. Memorial on Highland Bill. 1746; Description of the Highlanders in the Scotch Acts of Parliament // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,049. P. 253–261, 263; *Idem*. Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland. 1747 // BL. NP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 160–164.

⁴ Нап.: Erskine J. Scroll of a Paper sent to Speake of the House of Commons on the Bill concerning the Highland Forfeitures for the Rebellion 1745; *Idem*. Memorial concerning the Highlands of Scotland, and the Borders of South and North Britain. Oct. 1746; *Idem*. Memorial. How Scotland may

В 1725 г. к агентам правительства вновь добавились отдельные роты из горцев на службе Короны («Черная Стража») и управляющие конфискованными имениями якобитов в 1746 г., которым вменялось в обязанность реформировать социально-экономические практики и изменять политические предпочтения горцев во вверенных их попечению владениях¹. Средством к достижению поставленных задач было признано «цивилизующее» влияние британского присутствия в Хайленде. Соответственно, управляющим, так же как и военным, было необходимо иметь четкое представление об особенностях и состоянии социальных отношений в Горной Шотландии.

В этом смысле «улучшения» (как королевские чины и шотландские *literati* определяли модернизацию Горной Шотландии) предполагали сбор и анализ сведений вполне этнографического свойства. 27 обязательных к заполнению пунктов «Отчета комиссаров королю об управлении конфискованными имениями в Шотландии» в 1755 г. включали, в числе других, сведения о распространении протестантской религии и английского языка, соблюдении запрета на ношение оружия и горского

---

be brought, and the inhabitants thereof, now on the suppression of the Rebellion, to a just, advantageous and right settlement for the whole United Kingdom [1746–1747]; *idem*. Remarks on the Bill for taking away the heritable jurisdictions in Scotland. April, 1747; *Idem*. Letter to Lord Chancellor. April, 1753 [improvements for the Highlands, Rannoch and Mr. Ramsay as King's factor on that estate]; *Idem*. Letter to Sir George Lytton, a Lord of Treasury. 1753 [concerning improvements to the Highlands] // NAS. MKP. GD 124/15/1561; GD 124/15/1569/1 [2–4]; GD 124/15/1570; GD 124/15/1577; GD 124/15/1614; GD 124/15/1615.

¹ Report to the King by the Commissioners for managing the Annexed Estates in Scotland. Edinburgh, November 5, 1755 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,050. P. 433–440; Hints towards a Settlement of the Forfeited Estates in the Highlands of Scotland. London, January, 1753 // BL. NP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 96–97. Одним из членов Палаты по делам конфискованных имений, курировавшим их статистический обзор после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг., был подполковник Уотсон, инициатор, руководитель, один из исполнителей первой масштабной топографической съемки Шотландии и составления «Военного обозрения Шотландии» в 1747–1755 гг.

платья (любопытная бюрократическая тавтология, так как правительственные чины считали оружие неотъемлемой частью традиционного наряда шотландского горца), искоренении грабежей и феодально-клановых отношений, даже о структуре питания¹. «Предложения по учреждению конфискованных владений в Горной Шотландии» в 1753 г. по большей части касались соответствия управляющих непростым условиям включенного наблюдения в крае и реформаторским задачам проводимых ими полевых исследований в Горной Стране².

Таким образом, анализ особенностей организации ответственными чинами полевых исследований в политически значимой области административной этнографии и этнической картографии Хайленда позволяет прийти к двум важным предварительным выводам.

Во-первых, в своей практической деятельности в рамках хайлендской политики «шотландские» чины руководствовались представлением о «взбунтовавшемся» горце, сформированном скорее под влиянием местных комментаторов, в процессе обмена информацией с отдельными представителями горских сообществ и шотландского общества в целом. Сформированный шотландским Просвещением универсальный образ хайлендского «варварства» определял скорее риторическую и идеологическую форму, чем конкретное содержание этого диалога культур.

Во-вторых, столь же заметным представляется доминирование тем, связанных с военно-политической и криминогенной обстановкой в Горной Шотландии, одна составляющая которой, по мысли чинов и их местных агентов, взаимно предполагала другую. В конечном итоге правительство, часто проявляя нетерпение и узкое понимание «Хайлендской проблемы», доверило

---

¹ Report to the King by the Commissioners for managing the Annexed Estates... P. 439–440.

² Hints towards a Settlement of the Forfeited Estates in the Highlands... P. 96–97.

умиротворение Горного Края военным¹. Тот факт, что вопросы социально-экономической «цивилизации» Горной Страны в конце концов вошли в повестку хайлендской политики Лондона, парадоксальным на первый взгляд образом связан с идейной солидарностью командующих королевскими войсками в Шотландии со своими штатскими коллегами, вызванной пониманием невозможности обеспечения военно-политической стабильности британского присутствия в крае при сохранении постепенно распадавшихся, но все еще существовавших феодально-клановых отношений².

Соответственно в рапортах и мемориалах достаточно четко обозначились темы, составившие основное содержание административной этнографии и направления этнической картографии Хайленда.

Во-первых, понимавшаяся этнографически специфика «Горной войны» и набеговой практики, сопровождавшейся шантажом и/или покражей скота («подъем» (lifting) и «черная рента» (blackmail) в более снисходительном к подобным проявлениям шотландском варианте английского языка) и связанные с этими проявлениями социального бандитизма проблемы и трудности регулярной армии в условиях Горной Шотландии.

---

¹ Эту тенденцию в хайлендской политике Лондона не следует интерпретировать буквально. С одной стороны, такой подход определялся логикой фискально-военного государства раннего Нового времени и особой ролью, которую оно отводило военным в имперском строительстве и колониальной и окраинной политике европейских держав. С другой стороны, «Хайлендская проблема» лишь после якобитского мятежа 1745–1746 гг. была осознана и признана на правительственном уровне как не только военно-политическая, но и социально-экономическая и морально-этическая проблема, положив начало дискуссиям о внутренней колонизации шотландского гэльского края (Johnsson F.A. *The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760–1830*. PhD Thesis. The University of Chicago, 2005).

² В качестве показательного примера можно вновь упомянуть о влиянии идей лорда-президента Сессионного суда Шотландии на принятие решений командующими в Шотландии на протяжении всей второй четверти XVIII в. (до и после восстания якобитов 1745–1746 гг.).

Во-вторых, это варианты социальной инженерии в Горной Стране в связи с этнографическими особенностями реформирования гэльской окраины. При этом в обоих случаях аналитические комментарии выстраивались вокруг категории «взбунтовавшегося» горца и карты лояльностей Горного Края, которую эта категория позволяла составить.

Между тем один из наиболее информированных и заинтересованных (проживая у самого рубежа беспокойного Хайленда) комментаторов, лэрд Гэртмор, удивлялся в 1747 г.: «Особенно странно, что возмущение 1715 г. не пробудило в администрации людей, способных предпринять шаги к цивилизации Горной Страны ради собственной безопасности в будущем. Безрадостное состояние края от 1715 до 1745 г. было результатом этого небрежения... произвело беспорядки в 1745 г.»¹. В связи с тем, что вопросы социальной инженерии в Хайленде ближе реформаторским проектам, чем модели познания местных реалий в рамках этнической картографии, этот аспект интеллектуальной колонизации края целесообразно рассмотреть в отдельной главе. Здесь же более предметно следует остановиться на методах, способах и инструментах полевых исследований в крае в процессе определения этнокультурных границ «Хайлендской проблемы».

«Джентльмены на севере Шотландии», или Военные и преподобные в Хайленде

Если выше речь шла об общих основаниях и логике организации полевых исследований в Горной Стране, то теперь целесообразно обратить внимание на более частные случаи административно-этнографических штудий и попытаться реконструировать сам процесс начертания этнографической карты Хайленда. Следуя до некоторой

---

¹ *Graham N. Op. cit.* P. 347.

степени обоснованным сентенциям Грэма из Гэртмора, традициям источниковедческого анализа и утвердившейся в первой половине XVIII в. активной корпоративной позиции армейских чинов в решении окраинных и колониальных вопросов, анализ формирования этнической картографии в данном случае будет сфокусирован на сведениях, собранных в Горном Крае капитаном Эдуардом Бартом и капитаном Джоном Барлоу (в соответствии с характером и организацией полевых исследований до и после последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг.)¹.

Кроме того, в качестве частного примера общей практики активного участия церковнослужителей в этническом картографировании мятежного Хайленда мы проанализируем в этом же ключе мемориал преподобного Александра Макбиэна, по мнению У. Блэйки являвшегося агентом правительства в Горной Стране, инспектировавшим в 1749 г. имения в Хайленде и составившим самое обстоятельное хорографическое описание Горного Края в середине XVIII в. как среди военных, так и среди гражданских чинов². Эти исходные позиции формируют региональный, историографический и институциональный аспекты изучаемой темы (одновременно первый и последний задают необходимые шотландский и британский контексты анализа).

«Письма джентльмена с севера Шотландии» капитана Барта считаются одним из немногих подробных

¹ *Burt E.* Op. cit. 1876; Copy of Captain Barlow's Report. To Lieut.-Gen. Churchill. 30 June, 1753; Report from Captain Barlow of the Buffs, giving a Description of the Western Isles of Scotland, where the parties under his command were employed on Outpost Duty Summer 1753. Edinburgh, 1 January, 1754 // BL. NP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 5–8, 23–25.

² *Macbean A.* Memorial concerning the Highlands. Inverness, October 10, 1746 // *Origins of the Forty-Five and other papers relating to that Rising* / Ed. by W.B. Blaikie / PSHS. Edinburgh, 1916. Vol. II. P. 68–92. Об авторстве «Мемориала касательно Хайленда» 1746 г. и «Горной Шотландии в 1750 г.» см. подробнее: *Origins of the Forty-Five...* P. liiii; THS. P. vii; 2-й параграф 3-й главы.

свидетельств очевидца о нравах и обычаях горцев между крупнейшими выступлениями якобитов в 1715–1716 и 1745–1746 гг.¹ В первом же из 26 пространных писем автор поставил себе благородной целью знакомство своего анонимного столичного приятеля не с «предрассудками» и расхожими мифами о Горной Стране, а с известными ему в силу служебных обязанностей сторонами хайлендского общества².

Таким образом, познавательные возможности этого единственного в своем роде источника первой половины XVIII в. о состоянии Хайленда и «Хайлендской проблемы» в передаче восприятия британским агентом реалий и фактов повседневной жизни умиротворяемого края (не таким высоким военным чином, как генерал Уэйд, но, несомненно, более свободным в суждениях от условностей официальных бумаг) очень значительны.

Сложность работы с этим крайне примечательным документом эпохи заключается в том, что определить его значение в качестве репрезентативного образчика описания полевого исследования в рамках административной этнографии и в ходе начертания этнографической карты Хайленда весьма затруднительно. С одной стороны, капитан Барт предстает одним из наиболее деятельных и расторопных офицеров генерала Уэйда в Горной

---

¹ Название «Писем» представляет собой своеобразный парафраз введений к многочисленным и популярным у читающей британской публики в XVIII в. тревелогам. Так, автор одного из них, Томас Наджент, полагая, что «древний и благородный обычай путешествовать» помогает «воспитать истинного джентльмена», издал в 1738 г. описание маршрута, которого традиционно придерживались британские туристы, под названием «Большое путешествие, или Вояж через Нидерланды, Германию, Италию, и Францию». К 1756 г., когда книга была переиздана, это заглавие все еще сохраняло свою актуальность, но любозпытные читатели уже имели возможность сравнить изложенный в ней опыт с описаниями и переживаниями капитана Эдуарда Барта, опубликованными в «Письмах» в 1754 г. и переизданными в 1755 г. (цит. по: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 65).

² Burt E. Letter I // Burt E. Op. cit. 1876. P. 10.

Шотландии¹. С другой стороны, большая часть достоверных сведений о капитане связана с «Письмами». История и обстоятельства их создания и последующих публикаций — это во многом и есть документально подтвержденная история капитана Эдуарда Барта. Биография (как источниковедческий анализ) в данном случае оказывается едва ли не единственным проверяемым решением данной проблемы.

Учитывая изрядное количество почти дословных совпадений в пассажах рапорта командующего королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 и 1745 гг. генерала Уэйда и письмах капитана Барта, особое значение в определении взаимных интеллектуальных влияний, места и роли комментариев этих офицеров в свете полевых исследований в рамках административной этнографии и этнической картографии приобретает датировка «Писем джентльмена с севера Шотландии».

В последнем из них содержатся сведения, позволяющие установить приблизительное время его написания: «Эти новые дороги [военные дороги, проложенные в Горной Стране генералом Уэйдом] начали в 1726 г. и продолжали около одиннадцати лет...» Чуть раньше в том же письме капитан Барт указывает: «Миновало около восьми лет с тех пор, как я отправил тебе заключительную часть своего замысловатого отчета о Хайленде...»² Арифметический расчет показывает, что заключительное, 26-е письмо написано не ранее 1737 г., а предыдущее, 25-е, составлено не ранее 1729 г.

¹ В связи с деятельностью командующего королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 гг. в Горной Стране в документах эпохи чаще цитируется только имя майора Уильяма Коулфилда, главного инспектора военных дорог в Хайленде при генерале Уэйде, продолжившего его начинания на этом поприще и при последующих командующих в Шотландии (Roads and Bridges in the Scottish Highlands: the route between Dunkeld and Inverness, 1725–1925 / By G.R. Curtis // PSAS. 1978–1980. Vol. 110. P. 482–495).

² Burt E. Letter XXVI. Concerning the New Roads, &c., 173— // Burt E. Op. cit. 1876. P. 284–285.

Из корреспонденции Джона Стюарта, бэйли и купца в Инвернесе, занимавшегося продовольственным снабжением и доставкой солдат и военного имущества в гарнизоны расквартированной в Шотландии королевской армии в 1716–1740-е гг., известно, что связанный с ним по роду деятельности капитан Эдуард Барт исполнял поручения генерала Уэйда в Горной Стране не только в 1729 г., но и в 1727 г.¹ В третьем письме капитан сообщает о начале строительства форта Джордж в Инвернесе летом 1726 г., имея в виду реконструкцию «форта Кромвеля», завершившуюся летом 1727 г.²

В процессе комментирования издатели писем не всегда обращались к архивным источникам. Между тем в собрании приказов генерала Уэйда хранится чрезвычайно важное для решения поставленной задачи письмо от 8 октября 1725 г., в котором командующий приказывает полковнику Джасперу Клэйтону предоставить военный отряд в помощь «Эдмунду Барту, эсквайру, печатью Шотландии утвержденному главным сборщиком и взыскателем с непроданных конфискованных имений в Северной Британии»³. В инструкциях от 1 июня 1725 г., данных королем генералу Уэйду в связи с его миссией в Хайленде, указано: «...поскольку Эдмунд Барт назначен агентом в имениях прежнего графа Сифорта, и Гленморрисона, не проданных прежними комиссионерами, вам надлежит обеспечить ему всякое законное содействие»⁴. Наконец,

¹ James Stuart to General Siebourg [Governor of Fort William]. January 17, 1727; same to Mr. Edmond Burt. Inverness, March 8, 1729 // Steuart J. Letter-Book of Bailie John Steuart of Inverness, 1715–1752 / Ed. by W. Mackay // PSHS. Vol. IX. Edinburgh, 1915. P. 267; 313.

² Burt E. Letter III // Burt E. Op. cit. 1876. P. 36–37.

³ Wade G. Letter to the Honble Col Jasper [Clayton]. Inverness, October 8, 1725 // NLS. Marshal Wade Orders. Ms. 7187. P. 45.

⁴ Instructions to our trusty and well-beloved George Wade, Esquire, Major-General of our Forces, whom we have appointed to take upon him the Command of our Forces, Castles, Forts and Barracks in North Britain, given at our Court of St James, the 1st day of June 1725, in the eleventh year of our reign // Mackenzie K.S. General George Wade and His Roads. Inverness, 1897. P. 50.

в письме генерала Уэйда к герцогу Ньюкаслу от 27 октября 1725 г. указано, что «мистер Барт назначен Его Величеством опекать имение Сифорта и те [имения], которые не были проданы на благо общества»¹.

Если, вслед за Д. Стивенсоном, обоснованно предположить, что инициалы «Е.В.» под предисловием к «Хайлендскому лиходею», популярному жизнеописанию знаменитого Роб Роя, подразумевают авторство Эдуарда Барта (положение которого в Горной Стране идеально подходило для собирания преданий о Роб Рое), а не Элиаса Брокетта, малоизвестного автора работ на самые различные темы, и не Даниэля Дефо, также работавшего в этом жанре, то первые два письма и этнографические материалы для следующих могли быть написаны и обработаны между 1723 (или ранее) и 1725 гг. Таким образом, можно справедливо утверждать, что основной корпус писем (23 из 26) написан между (предположительно) июнем 1725 и мартом 1729 г. (возможно, несколько позже), первые два письма — вероятно, между 1723 (или ранее) и 1725 гг., а последнее письмо появилось не раньше 1737 г.

Итак, полевые исследования капитана Барта вполне могли стать идейной и содержательной основой некоторых положений рапортов генерала Уэйда, хотя и не влияли на публичное обсуждение «Хайлендской проблемы» в Великобритании по крайней мере до 1754 г. Кончина капитана сопровождалась следующими выражениями («Scots Magazine», 1755): «4 января 1755 г. в Лондоне, Эдмунд Барт, эсквайр, некогда агент генерала Уэйда, главный инспектор во время строительства дорог через Хайленд и автор Писем о Шотландии»². Последние были опубликованы в 1754 г. и переизданы в 1755 и 1759 гг., видимо, не случайно совпав по времени с подъемом очередной волны общественных страхов в связи с международной активностью якобитов и угрозой поддержки

¹ Wade to the Duke of Newcastle. Sterling, 27th October, 1725 // TNA. SP 54.16 (59A/302).

² The Scots Magazine. Edinburgh, 1755. Vol. XVII. P. 52.

французского десанта в шотландских горах в свете Семи-летней войны¹.

Вместе с тем этнографические штудии капитана Барта обладали определенным административным значением и сами по себе. Во всяком случае, в той мере, в какой они касались его служебных обязанностей в Горной Стране. Границы Горного Края традиционно определялись комментаторами Лондона через пределы распространения социокультурных практик жителей Хайленда, основанных, как полагали, на взаимосвязанных клановой и феодальной системах, формировавших социально-экономический и политический облик гэльской окраины. Конкретизация характерных особенностей их функционирования считалась надежным способом уточнения политической географии и этнокультурной картографии Горной Шотландии. В таком случае сочинения капитана оказываются едва ли не единственным в своем роде примером производства такого колониального знания о Хайленде на уровне первичных наблюдений и выводов. При этом особое значение в вопросе о роли полевых исследований британских чинов в Горной Стране в рамках географического видения «Хайлендской проблемы» приобретает избравшийся агентом-этнографом аналитический метод.

В первом же письме капитан Барт уверяет: «Я не буду придерживаться порядка или метода, но примусь за параграфы так, как ляжет рука, за исключением тех случаев, когда один факт или обзор естественно произрастает из другого»². Однако при внимательном прочтении писем XIX–XXV, специально посвященных Горной Стране, в них обнаруживается воспроизведение (не копирование, скорее наоборот, если говорить о взаимном влиянии) той же

---

¹ «Письма джентльмена с севера Шотландии» переиздавали в 1755, 1759, 1815, 1818, 1822, 1876, 1974, 1998 гг., и всегда как факсимильное издание публикации 1754 г. Такой интерес только подтверждает уникальность источника, автор которого, несмотря на свое положение в Горной Стране, близко подобрался к пониманию социально-экономической специфики хайлендского клана.

² *Burt E. Letter I // Burt E. Op. cit. 1876. P. 9.*

последовательности, стилистики и риторики описания местных реалий, которая отличает цельный и строгий по форме рапорт генерала Уэйда от 1724 г. (клановая система, кровная месть, военное дело у горцев, «черная рента» и даже перечисление «кланов, особенно вовлеченных в грабеж»)¹.

Следовательно, несмотря на вполне однозначное заявление самого автора, имеются все основания утверждать наличие определенного метода и у полевых исследований капитана Барта (в том числе, по описанной Саидом логике взаимного цитирования, характерной для текстов, составляющих тот или иной «колониальный архив»)². Три черты в организации этнографического материала в «Письмах» привлекают в этой связи особое внимание. Автор, во-первых, достаточно ясно определяет пределы познания местных реалий. Реалии, во-вторых, неизменно объясняются традицией. Традиция, в-третьих, иллюстрируется сценой из повседневной жизни в Хайленде, замыкая анализ и возвращая читателя к начальному пункту.

Рамки полевых исследований капитана ограничивались в первую очередь языковым барьером и трудностями культурного перевода: «Очень часто, если ты задаешь вопросы обычным людям здесь или поблизости, они отвечают тебе *Haniel Sasson Uggit*, т.е. что они не владеют, не говорят на саксонском (или английском). Так они поступают, чтобы избежать проблем, давая... ответы»³. Продолжая рефлексировать как профессиональный этнограф, капитан добавляет: «Таким образом, я приступаю к самому трудному заданию, поскольку нравы и обычаи горцев

¹ Ср. рапорт генерала Уэйда 1724 г. и построения фраз в письмах капитана Барта: *Burt E. Letter XIX, XXIII, XXIV // Burt E. Op. cit. 1876. P. 105–106, 109, 113–114, 222, 225, 239–240, 242.*

² Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 40–41.

³ *Burt E. Letter VI // Burt E. Op. cit. 1876. P. 115.* Нежелание отвечать, вероятнее всего, было одним из способов противодействия поимке скрывавшихся в шотландских горах якобитов, в противном случае означая смертельный риск не только для мятежников, но и для тех, кто их выдал.

представляют для меня проблему не многим меньшую, чем перевод». Причем в данном случае речь идет о трудностях именно культурного перевода, так как «благодаря словам мы можем получить представление лишь о тех неизвестных объектах, которые обладают неким подобием тому, что мы видели прежде»¹.

Отсутствие эффективного книжного знания в качестве возможного аналитического ориентира предстает в письмах капитана Барта еще одной труднопреодолимой интеллектуальной границей. Если иметь в виду те немногие упомянутые автором «Писем» опубликованные и попавшие к нему в руки травелоги («Описание Западных островов Шотландии» М. Мартина 1703 г. и «Путешествие через Шотландию» Д. Дефо 1723 г.), то, вновь предполагая, что «Хайлендский лиходея» принадлежит перу капитана, «джентльмен на севере Шотландии» мог предложить почтенной публике сведения не менее достоверные и, несомненно, более увлекательные². Неудивительно, что, по мнению Барта, более подходящим названием для упомянутого сочинения Дефо было бы «Путешествие к геральдической службе и резиденциям знати и джентри Северной Британии»³.

Капитан Барт, как видно, старательно избегал сбора этнографических данных по зависимой переменной и искажения местных реалий собственными ожиданиями, предварительно сформированным образом Горного Края. То, что ряд важных положений рапортов генерала Уэйда совпадает с аналогичным рядом выводов в «Письмах», в этом смысле перспективнее рассматривать не как отражение стереотипов в сочинениях британских комментаторов о Хайленде, а скорее как результат долгой, тесной совместной работы и неизбежного обмена

¹ *Burt E. Letter XV // Burt E. Op. cit. 1876. P. 27.*

² *Martin M. A Description of the Western Islands of Scotland. Edinburgh, 1703; Defoe D. A Journey through Scotland. London, 1723.* Капитан Барт упоминает эти работы в обратном порядке: *Burt E. Letter I, XXV // Burt E. Op. cit. 1876. P. 6, 276–277.*

³ *Burt E. Letter I // Burt E. Op. cit. 1876. P. 6.*

мнениями в «шотландском гарнизоне», в сплоченной армейской среде¹.

С другой стороны, традиция, под которой автор подразумевает нравы и обычаи горцев, на практике оказывалась скорее категорией анализа, чем описываемым в письмах феноменом, скорее концентрированным выражением местной культуры, чем одним из ее аспектов в шотландских горах. Так, феодально-клановая система отношений объясняется в рамках этой аналитической категории. Местные традиции, фольклор и система верований подаются как отдельные статичные этнографические факты, а сам этнограф, таким образом, выступает как творец данной реальности, из многоголосия информаторов, комментируемых им перспектив и этнографических ситуаций выводящий единственно верную интерпретацию той или иной обнаруженной в Горном Крае традиции.

Конструирование этнографических ситуаций в «Письмах», однако, являлось следствием не только привилегированной позиции автора, позволявшей ему представлять, воображать, перемещать в пространстве и времени горцев, Горную Страну и себя в окружении вождей и их клансменов в Хайленде. Имея в виду рамки полевых исследований капитана, «джентльмен на севере Шотландии» общался лишь с горцами, готовыми вступить с ним в диалог лишь о том, о чем они были готовы ему сообщить².

---

¹ При этом сфера обращения представлений о горцах (и «туземцах» вообще) благодаря географии службы квартировавших в Хайленде полков, в особенности стараниями герцога Камберленда, охватывала всю Британскую империю в целом (*Plank G. Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006*). О ротации полков в британской армии между Шотландией, Англией, Ирландией, Меноркой, Гибралтаром, Западными Индиями, Северной Америкой в 1726–1776 гг. см.: *Houlding G.A. Fit for Service: The Training of the British Army. 1715–1795. Oxford, 1981. P. 409–414.*

² Почти все упомянутые в «Письмах» информаторы капитана в Горной Стране принадлежали либо к вождям и их окружению, либо к контрактантам британской армии в Хайленде, либо к ее офицерам или местным официальным чинам («юный приверженец», «старый лэрд», «джентльмен-горец», «один из вождей», «капитан одной

При этом переэкзотизация, поиск привычных аналогий и перевод собранных таким образом сведений отражают не только особенности колониального мышления автора. Речь идет о пронизывающей весь корпус «Писем» упорядочивающей логике государства раннего Нового времени, при которой определяемое полевыми исследованиями видение края позволяло соотносить эмпирические наблюдения и предварительные гипотезы о правильном начертании этнографической карты Хайленда с глубинными, структурными изменениями в крае по мере его умиротворения и «цивилизации» (теоретически они реконструировались на более высоком административном уровне решения «Хайлендской проблемы», в том числе в рапортах командующего королевскими войсками в Шотландии).

Когда малочисленные гарнизоны армии генерала Уэйда в Горной Шотландии сменила оккупационная армия герцога Камберленда, а правительство, после того как мятежники остановились в декабре 1745 г. в 60 км от Лондона, решительно приступило к умиротворению и «цивилизации» Горного Края, практика полевых исследований также претерпела изменения. Рапорт капитана 3-го пешего полка (знаменитые «Буйволодые шкуры») Джона Бэрлоу от 30 июня 1753 г. о состоянии Западных островов Шотландии (вот где итинерарий М. Мартина, вероятно, пришелся бы к месту) генералу Блэнду, переписавшему в начале 1754 г. предпринятое капитаном описание набело для административных нужд герцогов Ньюкасла и Камберленда, весьма красноречиво иллюстрирует эту тенденцию¹.

из хайлендских рот», «священник», «некоторые офицеры... шотландцы и англичане», «сборщик пошлин в Сторноуэе, на острове Льюис») (*Burt E. Letter III, XI // Burt E. Op. cit. 1876. P. 48, 236; Idem. Letter XIX, XXI, XXII, XXIV... P. 107, 125, 168, 182, 264*).

¹ Copy of Captain Barlow's Report. To Lieut.-Gen. Churchill. 30 June, 1753... P. 5–8; Report from Captain Barlow of the Buffs, giving a Description of the Western Isles... P. 23–25; Lieut.-Gen. H. Bland to the Duke of Newcastle. Edinburgh, 14 February, 1754 [copy of the Report of Captain Barlow enclosed, p. 29–34] // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 26.

Неочевидная и скрытая в «Письмах» (однако отчетливо читаемая в рапорте генерала Уэйда) логика регулярного государства на уровне первичных комментариев теперь проступает со всей очевидностью. Как генерал Блэнд доверительно пишет герцогу Ньюкаслу, «Когда он [капитан Бэрлоу] прибыл туда, я запросил информацию об их [обитателей Западных островов] состоянии, численности, религии, принадлежности этих островов [по праву владения] и о том, каким образом они управляются, или, выражаясь точнее, не управляются, вместе с его комментариями»¹.

Строго следуя инструкциям командующего, капитан Бэрлоу перебирается от одного острова к другому, последовательно помещая их (Сторноуэй, Хэррис, Северный Юст, Бенбекьюла, Гэнн, Рам) со всеми молчаливыми (под пером комментатора) островитянами этой части Хайленда в предложенную генералом Блэндом систему координат этнического картографирования и, шире, административно-этнографического анализа «Хайлендской проблемы». И для ее разрешения горцам, кажется, было вовсе не обязательно иметь свой собственный голос.

Действительность, впрочем, оказалась, несомненно, сложнее: «Люди пребывают в страхе [перед местным вождем], опасаясь рассказывать правду»². Незримая языковая преграда в форме банального и безопасного «*Haniel Sasson Uggit*» отделяла горцев от капитана Бэрлоу точно так же, как прежде и от капитана Барта. Пределы познания географически существенно расширились вместе с военным присутствием Лондона в Горной Стране после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., однако социальные и культурные границы допустимого с помощью местных информаторов знания о Хайленде продвигались значительно медленнее маршировавших по ущельям Горного Края «красных мундиров».

¹ Lieut.-Gen. H. Bland to the Duke of Newcastle. Edinburgh, 14 February, 1754... P. 26.

² Captain John Barlow to Colonel Holmes. Uala, North Uist, Oct. 9, 1753 // BL. NP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 19.

Правда, традиция, многое объяснявшая, по убеждению некоторых комментаторов, и после разгрома мятежников в битве при Каллодене 16 апреля 1746 г., в рапорте капитана Бэрлоу уступила место влиянию окружения («тираны»-вожди и «паписты»-священники) и стечению удачных обстоятельств (близость морских путей, плодородность земель, торговые связи, реформаторский энтузиазм просвещенных вождей)¹. Конструирование этнографических ситуаций, призванных помочь в воссоздании повседневных практик клансменов Западных островов, вообще утратило былую актуальность в процессе тотального описания горцев по стандартным параметрам (таким, например, как указанные генералом Блэндом).

Составленный капитаном Бэрлоу обзор Западных островов при этом необходимо рассматривать в более широком контексте. Рапорт не только описывал их в интересах задуманной Лондоном масштабной социальной инженерии в Горной Стране. Благодаря посредничеству генерала Блэнда он одновременно вписывал эту часть шотландского Хайленда в новый, технически и политически совершенный по меркам эпохи картографический проект герцога Камберленда («Военное обозрение Шотландии», 1747–1755 гг.): «Я передал копию рапорта капитана Бэрлоу на представление Его Королевскому Высочеству, чтобы, когда он будет распределять отряды для службы летом на дорогах, в фортах и дальних постах в Горном Крае и на островах, те, что на Льюисе и Длинных островах [т.е. Внешние Гебриды или Западные острова], также могли быть ими охвачены»².

Рапорт капитана Бэрлоу, таким образом, не только был одним из многих, представленных офицерами военных партий, участвовавших в составлении «Военного

---

¹ Report from Captain Barlow of the Buffs, giving a Description of the Western Isles... P. 23–25.

² Lieut.-Gen. H. Bland to the Duke of Newcastle. Edinburgh, 14 February, 1754... P. 26.

обозрения Шотландии»¹. Этот великолепный образец военной хорографии «Хайлендской проблемы» еще и содержал описание новых маршрутов топографической съемки Горной Страны и своеобразного этнографического контроля в Хайленде, поскольку военные партии расквартированных в крае полков были призваны еще и следить за соблюдением введенного правительством в 1746 г. запрета на ношение «горского платья»². Военное строительство и гарнизонная служба, отображенные на картах генерала Уэйда, теперь нашли графическое воплощение и на «Карте Шотландии герцога Камберленда»³.

При этом иначе был решен вопрос о роли полевых исследований в начертании этнографической карты Хайленда. Весьма избирательно собранные капитанами Бартом и Бэрлоу сведения в рамках общей логики их сочинений (и не во всем разделяемых методов) обозначали лишь

---

¹ Напр.: Archer J. A Survey of the Road made by the Detachments of Col. Battereau's, Genl. Guise's, and Col. Rich's Regiments between Fort William and King-Loch Levan, 1748 and 1750 // BL. Maps K.Top.48.66; *Idem*. A Survey of the Road made by the Detachmt. Of Genl. Guise's Regt. In Brae Marr; beginning where Genl. Blakeney's left off; and Continue'd to the Spittle of Glen-Shee, 1749 // NLS. MS 1649 Z.03/32a; Morrison G. Survey of Part of the Road from Sterling to Fort William; Made by the Party of Genl. Pultney's Regiment in 1749 // NLS. MS 1649 Z.03/39a; *Idem*. Remarks on the Country Adjacent to part of the Road from Sterling to Fort William, made by the Party of Genl. Pultney's Regiment, from part of Loch Lubinich to the beginning of Larigilay. Eight Miles and Forty five Yards, 1749 // NLS. MS 1649 Z.03/39c; *Idem*. A Survey of the different Parts of the Road joined betwixt Blair Gowrie and Braemar, made by a detachment of one hundred men of Lord Viscount Bury's regiment of foot, in the year 1750 // BL. Maps K.Top.48.67; Gordon H. Plan of Part of the Road from Perth to Fort George between Braemar and Corgraff Barracks, made by 4 Companys of Col. Holmes's, 2 of Lord George Beauclerk's, and 1 of Lieut.-Gen. Skelton's Regiments of Foot, in Summer of 1753 // BL. Maps K.Top.48.74; *Idem*. A Plan of a Part of the New Road from Perth to Fort George, done by five Companies of Lord Charles Hay's Regiment, in Summer of 1754 // BL. Maps K.Top.48.75.

² Highland Reports, 1749–1750 // HPJP. Vol. II. P. 513–584.

³ Речь идет о «Военном обозрении Шотландии» (1747–1755 гг.): The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755. William Roy. With introductory essays by Yolande Hodson, Chris Tabraham and Charles Withers. Edinburgh, 2007.

контуры той идеальной Горной Шотландии, которую еще предстояло создать в результате масштабных реформ. Выявление пределов познания горцев и Горной Страны, обнаружение (изобретение) традиций и конструирование этнографических ситуаций делали эмпирические наблюдения более конкретными с точки зрения административного воображения и способствовали переходу картографирования гэльской окраины на качественно новый, этнографический уровень колониального знания. А этническая картография в хорографических сочинениях, таким образом, объединяла военно-политическую географию и административную этнографию «Хайлендской проблемы».

Переходя к анализу особенностей полевых исследований преподобных в процессе описания Хайленда, следует заметить, что осенью 1746 г., к тому времени, когда преподобный Александр Макбиэн составил «Мемориал касательно Горного Края», Горная Шотландия являла собой неприглядное зрелище¹. Несмотря на усилия тринадцатитысячной армии герцога Камберленда, подавлявшего выступление якобитов 1745–1746 гг., в горах тлело неугасшее желание сопротивляться, так что пытавшимся вернуть корону Стюартам было на кого положиться (даже с учетом военной катастрофы под Каллоденом 16 апреля 1746 г.), а Ганноверам было кого ловить в Горной Стране². Оставалось найти тех, с кем в этом деле можно было сотрудничать.

---

¹ Macbean A. Op. cit. P. 68–92.

² Houlding G.A. Op. cit. P. 34; показательный пример, если речь идет о масштабах якобитской угрозы, как они виделись из Лондона: 21 марта 1746 г. герцог Камберленд получил письмо от государственного секретаря Южного департамента в 1724–1754 гг. герцога Ньюкасла, заверявшего Его «Королевское Высочество» в том, что у того есть «право делать все, что он сочтет необходимым, чтобы подавить это восстание» (*Speck W.A. The Butcher: The Duke of Cumberland and the Suppression of the 45'. Oxford, 1981. P. 127*); правительство также удовлетворяло почти все финансовые запросы графа Эбемарла, сменившего на посту командующего королевскими войсками в Шотландии в 1746–1747 гг. герцога Камберленда, напр.: *Keppel A.W. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, October 27, 1746; same to same. Edinburgh, November 25, 1746 // AP. P. 295–298, 321–324.*

Среди информаторов умиротворявших Хайленд чинов агенты «в сутане», священники, всегда занимали особое место. Наличие приемлемого объяснения свободного перемещения по Горному Краю, приверженность «церкви и государству нашего установления» (то есть протестантской церкви и протестантскому престолонаследию), знание и в ряде случаев хорошее понимание собственной паствы и, наконец, образование, позволявшее составить грамотный отчет, — все это, несомненно, делало сотрудничество со священнослужителями желательным для ответственных за умиротворение края военных и штатских чинов¹.

При этом биография преподобного Макбиэна способствовала верной оценке ситуации в Горной Стране больше многих коллег по службе за кафедрой и в Шотландских горах. Александр Макбиэн родился в Инвернессшире, в землях МакИнтошей — иными словами, собственно, в Горной Стране. С 1701 по 1709 г. преподавал в школе при форте Уильям, построенном в землях Кэмеронов как раз для того, чтобы сдерживать буйный нрав этого традиционно лояльного Стюартам клана в Западном Хайленде.

Еще одна важная веха — 1712–1714 гг. — служба в одном из приходов Росшира, покинутая из-за слишком епископальных настроений его прихожан (и, вероятно,

---

¹ Например, при реализации акта о разоружении Хайленда в 1716 г. одним из немногих информаторов едва ли не самого ценного агента правительств в Горной Стране, Форбса из Каллодена, значился преподобный Роберт Бэйли, также священник в Инвернессе (СР. Р. 43, 44, 47, 51, 56); среди лиц, информировавших правительственных чинов о реальных противоборства между королевскими войсками и мятежниками-якобитами в 1745–1746 гг., можно обнаружить наряду с мистером Макбиэном и, например, преподобного Дэниэла Манро, приходского священника в Тэйне в 1745–1748 гг., знавшего, как и некоторые другие агенты «в сутане», гэльский язык — язык мятежа в Горной Стране, и других представителей протестантских церквей Шотландии (*Blaikie W.B. Introduction // Origins of the Forty-Five... P. iv–lviii*). Сам Александр Макбиэн в мемориале упоминает некоторых из своих информаторов в кругу преподобных («преподобный Джеймс Джилкрайст, священник в Тарсо», «некоторые священники Кейтнесса», «преподобные в Стипенде, Мэнсе и Глебе», «преподобный Александр Кэмпбелл, священник в Инверэри») (*Macbean A. Op. cit. P. 72, 78, 85*).

решительной позиции самого преподобного, «Джона Нокса Севера», как его называет издатель мемориала). После ряда жизненных перипетий Макбиэн в 1720 г. вернулся в Горный Край, чтобы более его не покидать, и продолжил служить священником в Инвернесе, в 1727 г. став священником первого ряда и прослужив в этом сане до 1762 г.¹

Итак, преподобный Макбиэн — уроженец именно того беспокойного Горного Края, который и оказался предметом его литературно-агентурного творчества. Это обстоятельство, редкое среди британских комментаторов вообще, но чаще встречавшееся среди преподобных (в особенности некоторое знание гэльского языка), позволило ему по-своему установить этнографические координаты «Хайлендской проблемы». Как священнослужитель, он был особенно чувствителен к религиозным различиям в крае, где выбор веры к тому же часто представлял собой политический акт. В результате преподобному Макбиэну удалось составить этнографическую карту Хайленда, прибегнув к хорографии и воспользовавшись системой отсчета, основанной на языке и религии, которым он уделял такое внимание².

Эта система координат, как и та, которую предлагали военные, быстро стала привычной для воображения Горной Шотландии, границы которой с трудом поддавались четкому определению, поскольку «Хайлендский рубеж» благодаря деятельности местных социальных бандитов был очень подвижным. Картографические правила,

---

¹ Macbean A. Op. cit. P. liii–lv.

² Интересно, что сын преподобного, Форбс Макбиэн, прославленный армейский офицер, участвовавший в сражениях при Фонтенуа (1745 г.) и Миндене (1759 г.), генерал-инспектор португальской артиллерии (1765–1769 гг.), впоследствии служивший в Канаде (1769–1773 и 1778–1780 гг.), являлся выпускником Королевской военной академии в Вулвиче, в которой будущих офицеров впервые целенаправленно обучали современным приемам картографической съемки, с помощью которых было составлено «Военное обозрение Шотландии», к которому генералы Уотсон и Рой приступят через несколько месяцев после составления мемориала преподобного А. Макбиэна (Ibid. P. liv–lv).

основанные на этнографии, позволяли отразить сложную социально-экономическую и политическую картину жизни в Горной Стране сразу после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., избегая ограничений, налагаемых требованиями традиционной картографической практики. Подчеркивая языковую и религиозную подоплеку этничности, культурной идентичности и политических предпочтений в Хайленде, отчет преподобного предлагал более практичный с административной точки зрения подход к картографированию гэльской окраины, основанный на особенностях социокультурной географии Горного Края.

Проживая на самом рубеже полувоенной активности горцев и их религиозной враждебности (конечно, ощущавшейся не всеми в том же Россшире), занимая ответственный (в том числе за протестантскую евангелизацию Хайленда) пост в церковной иерархии Шотландии, преподобный Макбиэн составил отчет о путешествии по Горному Краю с целью прояснить степень лояльности горцев того или иного клана Ганноверам и составить единую карту лояльности и враждебности новой династии в Горной Стране. Он выделял экономические, военно-административные, цивилизационные критерии описания края, делил его в мемориале на клановые земли и, разумеется, по церковным приходам¹.

При этом священник, предлагая разные «карты» Хайленда, не диктует порядок их прочтения и совмещения. Приходская картография не является приоритетной, а лоялистами могут оказаться даже паписты². Есть набор

¹ Macbean A. Op. cit. P. 68–92.

² Как заметил в этой связи о политических пристрастиях МакДоналдов преподобный Макбиэн, «Если они не смогут найти себе Претендента, они найдут какой-нибудь предлог для войны и грабежа» (Macbean A. Op. cit. P. 79). Среди католиков, лояльных правительству, в мемориале упоминается, например, граф Сифорт (лорд Фортроуз, номинально 6-й граф Сифорт, в то время как наследным графом Сифортом являлся Кеннет Маккензи), хотя предыдущие были мятежниками (так, Уильям Маккензи, 5-й граф Сифорт, отец Кеннета Маккензи, принял участие в восстаниях 1715–1716 и 1719 гг., хотя и был

фактов, но нет логической связи, которую привычно ожидать от сочинений подобного рода¹. Между тем в сочинениях авторов рангом повыше логическая связь между той или иной религиозной принадлежностью и верностью тому или иному монаршему дому присутствует. Возьмем наиболее примечательный пример — «Предложения к цивилизации Горной Страны» генерала Блэнда и лорда Милтона от 4 декабря 1747 г.: «Вожди, которые осознавали последствия распространения знания среди простого народа, способного однажды ослабить, если не уничтожить их зависимость от них... никого, кроме папистских епископов и священников... не поощряли,

---

королевским патентом от 1726 г. избавлен от угрозы заключения под стражу и/или смертной казни, а актом парламента в 1736 г. освобожден от всех прочих ограничений по «Акту об изгнании» 1716 г. (George Lockhart to the King. July 7, 1726; Lockhart to Lord Inverness. July 20, 1726 // LP. P. 229, 306; *Balfour J.P.* The Scots peerage; containing an historical and genealogical account of the nobility of that kingdom: In IX Vols. Edinburgh, 1910. Vol. VII. P. 511–512). Обратный пример: МакЛейны из Эрднэмарчена, Стюарты из Эппина, МакДоналды из Гленко, Кэмероны из Лохила, МакИнтоши из Стрэтнэйрна, Стрэтдирна и Бэде-ноха, например, мятежники, но протестанты. При этом, определяя религиозные взгляды горцев, преподобный часто пишет о «смешении папистов и протестантов», предполагая нерелигиозную трактовку политического выбора в Горной Стране. Вообще в мемориале прямая, очевидная связь между религией и мятежом прослеживается автором только в случае с приверженцами епископальной церкви Шотландии. Так, например, Кэмероны, МакЛэхлэны и МакЛеаны из Эрднэмарчена и Морвена «во многом склонны к епископству, и, следовательно, [они] якобиты» (*Macbean A.* Op. cit. P. 84, 86, 89, 91). Вероятную причину такой особой неприязни к «епископалам», возможно, следует искать скорее в обстоятельствах биографии Александра Макбиэна, а не в особом взгляде на роль религии в возбуждении мятежного духа в Хайленде (в 1714 г. преподобным была оставлена служба в одном из приходов Росшира из-за слишком епископальных настроений его прихожан).

¹ Вместо многочисленных аналитических сочинений, указывающих на связь между «папизмом» и мятежом, приведем справедливости ради другие, подобные в анализе политических последствий религиозной принадлежности мемориалу мистера Макбиэна — отчеты командующего королевскими войсками в Северной Британии в 1725–1740 и 1745 гг. генерала Уэйда: *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // *HPJP*. Vol. I. P. 132–149; и др.

и никого, кроме... епископальных священников, которые поддерживают многие папистские принципы и которые были невыразимо усердны во введении народа в заблуждение, внушая доктрины наследственного неотъемлемого права и то, что ничто не может быть более... противоестественным, чем оспаривание желаний вождя»¹. Или, иными словами, только протестантизм означает преданность Ганноверам; католицизм или, того хуже, епископальная вера (не что иное, как плохо скрывааемый католицизм) означают «слепую» преданность вождю и тому, на кого вождь укажет как на «истинного» монарха.

Между таким акцентом и его отсутствием в сочинении преподобного Макбиэна — большая разница в смыслах, а следовательно, и в назначении. Сравнивая записки о положении в Горной Шотландии рядового клирика, пусть и «первого ряда», и государственных мужей на «шотландских» должностях высшего ранга, можно обоснованно предположить, что прямая связь между религией и мятежом (или лояльностью) — это скорее стереотип британской политической культуры. От преподобного требовался точный и адекватный расклад проякобитских и проганноверских сил в Хайленде — комментарий для ответственных за умиротворение Горного Края чинов². От лорда Милтона и генерала Блэнда требовалась убедительность перед монархом и правительством в Лондоне, чтобы обосновывать и отстаивать предлагаемые ими решения «Хайлендской проблемы».

¹ *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands (enclosure) // Lord Justice-Clerk for Scotland to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747 // AP. Op. cit. P. 482.*

² Отдавая должное довольно любопытным и перспективным начинаниям ростовской школы исторической антропологии, заметим, что штудии, связанные с темой человека «второго плана», оказали вполне определенное влияние на тот подход к восприятию преподобного А. Макбиэна, который избрал в данном случае автор. См., напр.: Человек второго плана в истории. Вып. 1. Ростов н/Д, 2004; Человек второго плана в истории. Вып. 2. Ростов н/Д, 2005; Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов н/Д, 2006.

Перевод реалий Горной Шотландии на язык политической культуры Соединенного Королевства в XVIII в., таким образом, предстает в данном случае как процесс от начала (случай преподобного Макбиэна) и до конца (случай лорда Милтона и генерала Блэнда). При этом расклад политических сил в Хайленде, основанный на феодално-клановых отношениях, «черной ренте», разбое и, напротив, соблюдении законности, предстает в этом свете более предпочтительным аналитическим методом в выявлении лояльностей в Горном Крае в процессе решения «Хайлендской проблемы». Традиционный, стереотипный взгляд на связь между языком, религией и мятежом в Горной Шотландии оказывался на порядок менее информативным.

Культурная география Хайленда, казалось, подтверждала эти выводы, и пограничные с Низинами и союзные Короне кланы (Кэмпбеллы, например, или Фрэзеры) служили тому ярким примером. Вместе с тем им явно противоречила лояльная Ганноверам позиция Сазерлендов, Россов, Манро, обитавших на севере Горной Страны и имевших соседями таких же горцев, как они сами. В 1745 г. станет ясно, что и признанные союзными кланы не всегда готовы поддержать интересы Короны в Горной Стране. А горцы, промышлявшие грабежом всю первую половину XVIII в. (МакГрегоры, например, или Кэмероны), никак не желали жить в мире по примеру своих более «цивилизованных» соседей и в горах, и на равнинах¹.

Именно поэтому культурную географию пределов мятежа информаторы Короны в Горном Крае предпочитали дополнять картами лояльностей Хайленда в надежде обрести большую точность в сообщавшихся сведениях

---

¹ Так, наиболее активно с предложениями по «цивилизации» Кэмеронов выступали их соседи в Горной Стране (с помощью как новых земельных отношений, так и мер принуждения): *Cregeen E.* Op. cit. P. 14–23; *Campbell D.* A Scheme for Civilizing Lochiel's Country [вложено в: Duke of Albemarle to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 6, 1746] // AP. P. 327–328.

(преподобный Макбиэн заканчивает мемориал списком «верных» и «взбунтовавшихся» кланов)¹.

При этом стремление перевести ситуацию в Горном Крае в британские понятия о законности в королевстве и лояльности трону не означало подмену информаторами верного по сути анализа военно-политического противостояния, конфликта лояльностей в Хайленде и полувоенной активности на его рубежах привычными в Соединенном Королевстве представлениями. Эти принятые на вооружение ответственными за решение «Хайлендской проблемы» чинами формулы речи позволяли понятным Короне и правительству и принятым в холлах Вестминстера языком защищать свои предложения по умиротворению Горного Края². Таким образом достигался определенный компромисс между опытом службы в Северной Британии и политической школой «шотландских» чинов.

Сравнительный анализ мемориалов, отчетов и рапортов, составленных авторами, занимавшими очень разные по полномочиям и обязанностям ступени в административной иерархии чинов, ответственных за умиротворение Хайленда, позволяет прийти к еще одному заключению. Если религия как сочетание смыслов не являлась непременным условием лояльности горцев тому или иному монарху, то церковь как вполне земная организация служила важным инструментом в деле умиротворения Горного Края. И в том смысле, в каком это проповедует преподобный Макбиэн (с ним вместе генерал Блэнд, лорд Милтон и почти все остальные чины), представляя приходы как центры религиозно-политической пропаганды

¹ Напр.: «The Underwritten Clans belong to Superiors well affected His Majesty» и «The Clans Underwritten were in the late Rebellion, and are still supposed to be disaffected to his Majesty's Government» // Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 144.

² Дольше всех занимавшие пост командующего королевскими войсками в Шотландии генерал Джордж Карпентер (1716–1724 гг.) и генерал-майор Джордж Уэйд (1725–1740 и 1745 гг.), например, заседали в то же самое время в парламенте: Карпентер в 1717–1727 гг. от Морпета, Уэйд в 1715–1722 гг. от Хиндона и в 1722–1748 гг. от Бата (*Judd G.P. Members of Parliament. 1734–1832. Hamden, 1972. P. 144, 366*).

и резидентуры, и в том смысле, в каком перед нами предстает сам автор мемориала — агент и комментатор правительства в Горной Стране.

«Расположение различных кланов», или Карта лояльностей Хайленда

Полевые исследования чинов и агентов правительства в процессе определения социокультурных границ «Хайлендской проблемы» являлись важной составляющей в процессе начертания этнографической карты мятежного Хайленда. Вместе с тем техническая сторона этого вопроса (приемы, методы, способы составления карт) также заслуживает изучения в широком контексте интеллектуальной колонизации Горной Страны. Важным аспектом централизации государства в Европе раннего Нового времени являлось приумножение и уточнение этнографических знаний и сведений о народах страны. Расширение британского присутствия в Горной Шотландии влекло за собой географическое изучение и картографирование гэльской окраины. Представлявшие для Лондона «Хайлендскую проблему» кланы Горного Края заняли прочное место не только в умах ответственных за его умиротворение чинов, но и, следовательно, в картографических трудах сотрудников Артиллерийской палаты в лондонском Тауэре¹.

Несмотря на порой достаточно высокую степень информативности описательной географии вообще и хорографии Горной Шотландии в частности, «хорошая карта стоит тысячи слов, — говорят картографы, и они правы: потому что она создает тысячу слов: она порождает сомнения, идеи. Она ставит новые вопросы и заставляет искать новые ответы»². И хотя Франко Моретти («Атлас европейского романа, 1800–1900», 1998) в этом пассаже подразумевал

---

¹ Anderson C.J. Op. cit. Vols. 1–2.

² Цит. по: Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 17.

проблемы филологии, он очень точно отразил характер отношений, в которых состояли между собой нарративная и визуальная картографии «Хайлендской проблемы».

Составленные агентами правительства описания Горной Страны в конечном счете часто оказывались составной частью более масштабных картографических проектов (таких, как «Большая карта» Шотландии герцога Камберленда — «Военное обозрение Шотландии» 1747–1755 гг.)¹. Таким образом, военные и штатские «шотландские» чины получали возможность в емкой и образной форме эффектно (и эффективно именно по этой причине) отчитываться перед Коронай и правительством в Лондоне и оперативно реагировать на обстановку в мятежном крае, умиротворяя и «цивилизуя» Хайленд.

Вместе с тем среди карт Горной Шотландии, составленных в ходе решения «Хайлендской проблемы», только одна может считаться этнографической в полном смысле слова — составленная гравером и картографом Артиллерийской палаты в Тауэре Клементом Лемприером карта кланов Хайленда 1731 г. — «Описание Горной Страны Шотландии. Расположение различных кланов и число людей, способных держать оружие, а также недавно воздвигнутые форты и пути сообщения, или военные дороги, проложенные по приказу Его Величества, вместе с резиденциями наиболее влиятельных знатных особ на Равнинах»². Горцы, разумеется, фигурируют и на других картах Горного Края, но только Лемприер так определенно и смело представил Горную Шотландию краем кланов, вождей и магнатов³.

¹ The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755...

² *Lemprière C.* A Description of the Highlands of Scotland. The Situation of the several Clans and the Number of Men able to bear Arms, as also ye Forts lately Erected and Roads of Communication or Military Ways carried on by his Majesty's command, with the Seats of the most considerable Nobility in the Low Country, 1731 // NLS. Acc.11104. Map Rol.a.42.

³ Среди карт, составленных в ходе решения «Хайлендской проблемы», горцы, как правило, присутствуют только на планах сражений с якобитами. Их фигурные изображения вообще представлены только на плане битвы при Гленшиле 10 июня 1719 г. и имеют очевидную пропагандистскую цель — вытеснить мятежных обитателей Горного Края

Уникальный характер этого источника в этом смысле не поддается сомнению. Вопрос возникает в связи с его репрезентативностью. В какой мере труд Лемприера отражал распространенное среди ответственных за умиротворение Горной Страны чинов и правительства в Лондоне представление об этнографической карте Хайленда? Соответствовала ли практика решения «Хайлендской проблемы» карте лояльностей края, нашедшей отражение в географии «верных» и «взбунтовавшихся» кланов, вождей и феодальных властителей? Иными словами, можно ли рассматривать «Описание Горной Страны» Лемприера в качестве показательного примера составления и прочтения этнографической карты Горного Края, выразившихся в сочетании пропаганды и реальной политики — ожидаемого решения «Хайлендской проблемы» и ее состояния в 1731 г.?

Прежде всего необходимо определиться с тем, какое значение сами современники придавали труду Лемприера. Незадолго до вступления в Шотландию в декабре 1745 г. преследовавший якобитов генерал-майор Генри Хоули, командующий королевскими войсками в Великобритании до герцога Камберленда, жаловался в одном из писем: «Я иду во тьме, поскольку маршал Уэйд не пожелал, чтобы я владел его картой!»¹ Вероятнее всего, генерал Хоули имел в виду как раз «Описание Горной Страны» Лемприера

за пределы географического воображения ответственных за его умиротворение чинов, что и происходит на карте, за края которой горцы пытаются спастись от войск под началом генерала Джозефа Уайтмена: *Bastide J.H.* A Plan of the Field of Battle that was fought on ye 10th June 1719, at the Pass of Glenshiels in Kintail North Britain with ye Disposition of his Majtys Forces under ye Command of Majr. Genl. Wightman, and of those of ye Rebels. 1719 // NLS. MS 1648 Z.03/22a. О вытеснении/включении местных жителей за/в пределы географии их обитания как о картографических стратегиях колониальной и окраинной политики европейских держав раннего Нового времени см.: *Кивельсон В.* Указ. соч. С. 236–244.

¹ Цит. по: *Tabraham C.* The Military Context of the Military Survey // *The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755...* P. 26. О тех же трудностях, сопряженных с отсутствием надежных карт мятежного края, писал в мае 1746 г. генерал-майор Джон Кэмпбелл: «Следуя карте страны, представляется, что пересечь ее из Эппина близ окраины Лисмора в направлении Стронтиана очень быстро и легко. Я обнаружил,

1731 г., составленное по распоряжению генерала Уэйда¹. Когда в королевстве разразился последний мятеж якобитов 1745–1746 гг., этот картографический шедевр оказался единственной пригодной для военных нужд крупномасштабной картой Шотландии в распоряжении чинов — при этом не отпечатанной и составленной лишь в двух экземплярах.

Отпечатанная карта Шотландии, составленная военным инженером и коллегой Лемприера по Артиллерийской палате Джоном Элфинстоном (зачислен практикантом в Корпус королевских инженеров в 1744 г.), была доступна генералам, и ею действительно пользовались, однако масштаб (13 миль на дюйм против 6 миль на дюйм у Лемприера) был слишком велик для ее использования в военном планировании². Другие составленные граверами и картографами Артиллерийской палаты карты Горной Страны и военной инфраструктуры края, созданной под началом генерала Уэйда, касались отдельных областей и представляли Хайленд фрагментарно³.

что это невозможно с практической точки зрения по каждому пункту...» (цит. по: *Hodson Y. William Roy and the Military Survey of Scotland // The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755... P. 8.*)

¹ Предположение Д.Г. Мойра и Х.Р.Дж. Инглиса: *The Early Maps of Scotland... Vol. I. P. 104.*

² При этом даже наносившиеся типографским способом элементы карты, например расположение городов, реки и побережье, их долгота и широта, были подвержены колебаниям, поскольку к середине XVIII в. картография Горного Края еще не выработала его признаваемого всеми описания и начертания. Так, в той же карте Элфинстона Большая Долина (*Great Glen*) — важнейший географический объект, разделяющий Хайленд с юго-запада на северо-восток, — в 1745 г. по-прежнему изображена изгибающейся, хотя Лемприер еще в 1731 г. совершенно верно изобразил ее прямой линией прерывающихся шотландских озер: *The Early Maps of Scotland... Vol. 1. P. 104.* См. также: *Elphinstone J. A New and Correct Mercator's Map of North Britain. London, 1745 // BL. Maps K.Top.48.17; Lemprière C. Op. cit.*

³ Даже самые масштабные из них не могли дать представление о Горной Стране целиком, касаясь лишь маршрутов военных дорог: *An Exact Plan of His Majesty's Great Roads through the Highlands of Scotland. 1740 // BL. Maps K.Top.48.52; Wade G., Cooper R. A Map of the Kings Roads made by His Excellency General Wade in the Highlands of Scotland. 1742 // BL. Maps K.Top.48.54.a.*

До появления «Военного обозрения Шотландии» 1747–1755 гг. «Описание Горной Страны» 1731 г. являлось, пожалуй, единственным в своем роде картографическим памятником трудам военных инженеров в лондонском Тауэре, позволявшим с математической точностью (если верить представленной карте) буквально в красках вообразить географию «Хайлендской проблемы» во всем ее величии и сложности от военных дорог и фортов в шотландских горах до границ влияния обитавших там кланов.

Далее, важно понять, кому адресовано составленное Лемприером «Описание Горной Страны» — каковы конечные цели создания этой этнографической карты. Эндерсон справедливо отмечает, что труд Лемприера представляет собой наглядное пособие к программному рапорту генерала Уэйда 1724 г.¹ «Описание Горной Страны» отражает основные направления предложенной им Короне и правительству хайлендской политики: строительство фортов и военных дорог, разоружение «взбунтовавшихся» горцев и сотрудничество с «верными» Лондону кланами, вождями, магнатами². План умиротворения Горной Шотландии, предложенный командующим, как известно, получил высочайшее одобрение, и весной 1725 г. военные и штатские «шотландские» чины приступили к его исполнению³.

Следовательно, картографический шедевр Лемприера в данном случае следует рассматривать как своеобразный отчет генерала Уэйда о предварительных результатах решения «Хайлендской проблемы»: шесть лет спустя после составления первого рапорта командующего о состоянии Горного Края Лемприер почти дословно процитировал

¹ *Anderson C.J. Op. cit. Vol. 1. P. 79.*

² *Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–146.*

³ На самом деле летом, так как весной возмущение налоговой политикой Лондона в Шотландии вынудило командующего прежде намеренным разоружением кланов Хайленда обеспечить этому мероприятию надежный тыл в Лоуленде (*Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 289–302).*

его в «Описании Горной Страны». Косвенным подтверждением этого предположения является ростовой портрет самого генерала, написанный Джоном ван Дьестом предположительно в том же 1731 г. и также свидетельствовавший об успешном усердии Уэйда в Хайленде (фоном художник избрал шотландские горы, оживленные партией «красных мундиров», занятых строительством военной дороги через Корриярэксский проход)¹.

Таким образом, анализируя символику, образы, практики чтения карт в контексте связанных с ними документов эпохи, можно попробовать дешифровать визуальные коды двух взаимосвязанных процессов в Европе раннего Нового времени: централизации государственной власти на окраинах и (дез)интеграции периферии. «Описание Горной Страны» Лемприера и рапорты Уэйда «о состоянии Горного Края» предоставляют в этом смысле уникальную возможность исследовать формирование и особенности географического воображения решения «Хайлендской проблемы» по обе стороны Грэмпианских вершин одновременно.

Название, выбранное Лемприером для составленного им в 1731 г. «Описания Горной Страны», обозначает сразу несколько тем, поднимаемых в современных исследованиях того, каким образом сотрудники Артиллерийской палаты пытались поместить Хайленд на карту в рамках предпринятых Лондоном мер по умиротворению гэльской окраины. Корона представлена в Горной Шотландии «недавно воздвигнутыми фортами» и «военными дорогами» посреди «различных кланов», в каждом из которых имелось определенное генералом Уэйдом и подтвержденное легендой «Описания Горной Страны» число людей, «способных держать оружие»².

При этом «взбунтовавшийся» горец воспринимался как угроза британскому присутствию в крае еще и потому, что он прекрасно ориентировался на местности

¹ Diest J. van. Major-General George Wade [1731] // Scottish National Portrait Gallery. Accession No. PG 2416.

² Lemprière C. Op. cit.

(лучше «красных мундиров» и многих «шотландских» чинов), используя это знание если не для стратегических, то для тактических преимуществ, описанных еще в 1690 г. генералом Маккеем¹. Соответственно хайлендеры могли обретаться за пределами географического воображения чинов и агентов правительства — за пределами влияния британских властей. Учитывая, что Горный Край представлял местом географической неопределенности и вооруженного сопротивления, ответом Лондона на политические, социально-экономические, культурные вопросы его «цивилизации» являлось в том числе и последовательное картографирование гэльской окраины.

Труд Лемприера наглядно демонстрирует, как был реализован этот план. Четко очерченные терракотовые линии военных дорог, проложенных сквозь дымчатые зубья сгрудившихся шотландских нагорий, и аккуратные красные ромбики фортов и укрепленных казарм, связанных новыми маршрутами в единую «систему поддержания мира в Горной Стране», отражали идеальный сценарий решения «Хайлендской проблемы», в котором границы британского присутствия были предельно ясны, а хайлендская политика центральных властей вписана в местный ландшафт². При этом разительный контраст между основательным, строгим британским порядком на составленных сотрудниками Артиллерийской палаты картах Хайленда и преступным беспорядком, царившим всего в нескольких милях от расквартированных в Горной Стране гарнизонов, отчетливо иллюстрирует противоречивый характер картографического видения умиротворения Горной Шотландии и географического воображения «Хайлендской проблемы»³.

---

¹ См. подробнее 2-й параграф 2-й главы.

² *Lemprière C. Op. cit.*

³ Криминальная история клана Кэмерон, занимавшего земли вблизи форта Уильям, представляется в этом смысле весьма показательной. Так, генерал Уэйд упоминает, как всего за полгода до его прибытия в Хайленд, в декабре 1723 г., одни замешанные в краже скота члены клана повесили другого прямо у порога собственного дома, решив, что тот за деньги выдал местонахождение добычи: *Wade G.*

При описании колониальной политики существует тенденция характеризовать картографию как орудие имперских властей, поскольку она позволяла утверждать определенную точку зрения администраторов и комментаторов в колониях, на окраинах и в метрополии, превращая противоречия и трудности имперского контроля в простые линии на карте¹. Между тем неуверенность Лондона в надежности британского присутствия в Горной Шотландии являлась важным мотивом составления многих планов и карт, касавшихся хайлендской политики².

Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 135–136. Уже после прибытия командующего в край и якобы состоявшегося разоружения кланов на землях МакМartiнов (ветвь клана Кэмерон) в трех милях к северу от форта Уильям арендаторы законного владельца этих угодий герцога Гордона не могли там долго продержаться, вынужденные спастись с семьей за стенами форта Уильям от притязавших на их арендную плату МакМartiнов, считавших себя единственными законными владельцами этих земель (THS. P. 91–93).

¹ Среди классических работ, методологически восходящих к идеям Фуко и Саида, см.: *Harley J.B. Silences and Secrecy. The Hidden Agenda of Cartography in Early Modern Europe // IM. Vol. 40 (1988). P. 57–76; Idem. Deconstructing the Map // Cartographica. Vol. 26. No. 2 (1989). P. 1–20; Stone J.C. Imperialism, Colonialism and Cartography // TIBG. New Series. Vol. 13. No. 1 (1988). P. 57–64; Godlewska A. Map, Text and Image. The Mentality of Enlightened Conquerors A New Look at the Description de l'Egypte // TIBG. New Series. Vol. 20. No. 1 (1995). P. 5–28. Об историографии проблемы см.: *Кивельсон В. Указ. соч. С. 22–26; Edney M.H. Theory and the History of Cartography // IM. Vol. 48 (1996). P. 185–191; Smith C.D. Why Theory in the History of Cartography // IM. Vol. 48 (1996). P. 198–203; Campbell T., Fletcher D., Kadmon N., Kain R.J.P., Reinhartz D. Why Theory in the History of Cartography?: Discussion // IM. Vol. 48 (1996). P. 203–205; Agnew J. Jeremy Black, Maps and Politics; Jeremy Black, Maps and History: Constructing Images of the Past; Jerry Brotton, Trading Territories: Mapping the Early Modern World // The Journal of Modern History. Vol. 71. No. 4 (December 1999). P. 916–919. Среди недавних работ, написанных в этом методологическом ключе и исследующих колониальную природу картографии Великобритании в XVIII в., см., напр.: *Barrow I.J. Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, c. 1756–1905. New Delhi, 2003.***

² Историография картографии Ирландии раннего Нового времени способствовала такому пониманию картографии Хайленда: *Grenfell J.W. Significant Spaces in Edmund Spenser's View of the Present State of Ireland // EMLS 4.2/Special Issue 3 (September, 1998): 6:1–21; Klein B. Partial Views: Shakespeare and the Map of Ireland // EMLS. 4.2/Special*

В 1689–1759 гг. лояльность многих вождей и магнатов была скорее номинальной, чем фактической, и именно это обстоятельство отражено в «Описании Горной Страны» Лемприера.

Пока существовала якобитская угроза, карты Горного Края задумывались властями с военно-политическими целями. Однако в действительности они не всегда отличались географической точностью и последовательностью картографической съемки. Наиболее важная часть большинства проектов умиротворения гэльской окраины, форт, часто картографировалась в большем масштабе, чем окружавшее его пространство враждебного Хайленда. В левом верхнем углу «Описания Горной Страны» Лемприера, прямо под названием карты, изображены детальные планы всех трех фортов — звеньев знаменитой «цепи» («Chain» или «Line» в документах эпохи) укреплений, запиравших основные маршруты из одной части Хайленда в другую¹.

Картографический труд Лемприера предлагает официальный взгляд на решение «Хайлендской проблемы». Вместе с тем он демонстрирует, что составленные картографами Артиллерийской палаты карты Горной Шотландии не ограничивались единственной, фиксированной перспективой. Символическая функция этих укрепленных мест британского присутствия в крае ясна. Преобладание красного цвета, которым военные инженеры королевской армии в XVIII в. отмечали завершенные участки крепостей, было призвано убедить Лондон в том, что форты Уильям, Август и Джордж уже в состоянии играть роль центров «цивилизации», политического контроля

Issue 3 (September, 1998): 5:1–20; *Idem*. The Lie of the Land. English Surveyors, Irish Rebels and «The Faerie Queene» // IUR. Vol. 26. No. 2. Special Issue: Spenser in Ireland: «The Faerie Queene» 1596–1996 (Autumn–Winter, 1996). P. 207–225.

¹ О такой «линии» пишет капитан Барт: *Burt E.* Op. cit. 1876. P. 322. Планы фортов представляют собой копии планов фортов Уильям, Август и Джордж, составленных Лемприером также в 1731 г.: *Lemprière C.* Fort Augustus, Fort George, Fort William. 1731 // BL. Maps K.Top.48.12.

и военного сотрудничества с лояльными Короне и правительству кланами¹.

Накладываясь на этническую карту Горной Страны, сеть алых гарнизонов и терракотовых военных дорог демонстрировала способность «шотландских» чинов читать ее, понимать и перекраивать. Военные корабли, курсирующие вдоль шотландского побережья, и глубокая историческая ретроспектива (от римских времен, память о которых вычерчена контурами остатков укрепленного лагеря легионеров в Эрдохе, до эпохи Ганноверов, отмеченной местами поражений якобитских восстаний) наглядно убеждали в надежности британского присутствия на мятежной гэльской окраине².

Вместе с тем такая презентация фортов имела значение и с практической точки зрения тоже. Во-первых, больший масштаб позволял лучше представить, как их можно укрепить, реконструировать, расширить. Детальное картографирование должно было привлечь внимание

---

¹ О цветовых конвенциях военных инженеров и картографов в XVIII в., работавших над составлением военных планов и карт, имевших отношение к Горной Стране, см. подробнее: *Anderson C.J. Op. cit. Vol. I. P. 130–135.*

² География — это «око истории», как образно заметил Эбрэхэм Ортелий, выразив мнение большинства европейских картографов раннего Нового времени. В сознании сотрудников Артиллерийской палаты в лондонском Тауэре определенные области Хайленда также оказались прочно связаны с важными историческими событиями, память о которых стала фактором военно-стратегического планирования. Трансфер политической власти, зафиксированный в королевских названиях фортов Уильям, Август и Джордж (при этом, для сравнения, названия фортов Губернатор и Протектор в Ирландии в XVI в. еще откровеннее отражали если не их назначение, то по крайней мере устремления и притязания Лондона), победные комментарии к местам сражений с якобитами даже там, где королевские войска были биты (при Килликрэнки в 1689 г.), и десяток однопалубных военных кораблей, курсировавших вдоль шотландского побережья, наглядно — картографически — отражают эту характерную особенность географического воображения «шотландских» чинов, их агентов и правительства в Лондоне, с подавлением последнего якобитского мятежа в 1746 г. ставшего актуальной реальностью (*Lemprière C. A Description of the Highlands of Scotland...*).

к разделявшейся в том числе, разумеется, и генералом Уэйдом идее о принципиальной необходимости фортов и укрепленных казарм в Горном Крае в рамках решения «Хайлендской проблемы»¹. Закрепленность в пространстве по-прежнему оставалась стержнем хайлендской политики². Во-вторых, они были призваны визуально уменьшить негативный эффект от легенды карты, представленной в ее верхнем правом углу, — «Кланы, численность которых указана красными цифрами, присоединились к мятежу в 1715 г.» — на том же уровне и на тех же правах, на которых левый угол «Описания Горной Страны» Лемприера украшали изображения фортов Уильям, Август и Джордж.

Символическое и практическое (на)значения их изображений напоминают, что картография и колониальное письмо не всегда и не во всем следуют пропагандистским устремлениям центральных властей (и власти экспертного знания). Выражая идеи в пространственных образах, они оперируют и на функциональном уровне тоже. Что же касается легенды «Описания Горной Страны», то она также представляла собой символическую проекцию карты (ее этнографической нагрузки) и в еще большей мере была обусловлена реалиями хайлендской политики.

В картографическом воображении ответственных за умиротворение Горного Края чинов география Горной Шотландии представляла собой благодаря Лемприеру множество служебных этнографических образов (клановые

¹ Общее место в сочинениях о состоянии и способах решения «Хайлендской проблемы».

² Из 48 карт Шотландии, составленных в 1689–1709 гг. в связи с решением «Хайлендской проблемы», 48% — планы замков, фортов и казарм, 52% — карты военных маршрутов; 88 карт в 1710–1719 гг.: 8% — схемы сражений, 9% — военные дороги, 83% — казармы и форты; 43 карты в 1720–1729 гг.: 26% — военные дороги, 74% — казармы и форты; 27 карт в 1730–1739 гг.: 26% — военные дороги, 74% — казармы и форты; 262 карты в 1740–1749 гг.: 15% — схемы сражений, 28% — военные дороги, 57% — казармы и форты; 141 карта в 1750–1759 гг.: 16% — военные дороги, 84% — казармы и форты (Anderson C.J. Op. cit. Vol. 1. P. 88).

земли), формируя пространственный взгляд британских властей на решение «Хайлендской проблемы».

Во-первых, читатель уже при первом приближении понимал, что якобиты могли искать вооруженную поддержку только среди кланов Горной Страны. «Хайлендский рубеж» отчетливо разделял Верхнюю и Нижнюю Шотландию не только с географической, но и с этнографической и политической точек зрения одновременно, обозначая географические и этнографические границы «Хайлендской проблемы».

Во-вторых, сами шотландские горцы были представлены в «Описании Горной Страны» разделенными на занимавшие лишённые четких границ области «верных» Короне и правительству и «взбунтовавшихся» кланов. Причем в отношении первых указывалось, что «в 1725 г. бунташные кланы по приказу его Величества были побуждаемы сдать оружие генерал-лейтенанту Уэйду, что было исполнено, и они [“верные” кланы] продолжают соблюдать акт о разоружении». Вторые на карте лояльностей, каковой представал взору ответственного читателя труд Лемприера, были выделены красным цветом, чтобы можно было легко соотнести «кланы, численность которых указана красными цифрами» («присоединились к мятежу в 1715 г.») с их местоположением на карте (тот же красный цвет, что и в легенде)¹.

В-третьих, таким образом можно было наглядно представить Короне и правительству в Лондоне, в каком враждебном окружении находились новые форты, в какой сложной социокультурной среде приходилось распространять британское присутствие в Хайленде.

Представление правительства о закреплённости британского присутствия в осваиваемом пространстве, таким образом, распространялось не только на институты государственной власти, представленной в «Описании Горной Страны» военной инфраструктурой. Оно имело и этнографическое измерение. Такие категории анализа

¹ *Lemprière C. A Description of the Highlands of Scotland...*

«Хайлендской проблемы», как «клан» и «край» (в котором проживает тот или иной клан, например «край МакГрегоров»), оказывались взаимозаменяемы, что и происходит на картах, так же как в нарративных источниках¹.

Социальная, политическая, культурная идентичности горцев были вписаны в пространство, которое они населяли. Определенные при помощи картографических инструментов и географического воображения, клановые земли на карте Лемприера «создавали» подданных Соединенного Королевства, в то время как совокупность таких заселенных картографом мест «создавала» Хайленд и наполняла «Хайлендскую проблему» конкретным этнографическим содержанием².

И здесь картографический анализ хайлендской политики Лондона на новом, этнографическом уровне возвращает нас к вопросу о том, как сочетались стремление Короны и правительства к централизации власти на окраинах и попытки представителей местных элит направлять этот процесс в выгодном для себя направлении. Как напоминают Джеймс Скотт и Кивельсон, реформирование благодаря описанию никогда не происходит так гладко и односторонне, как рассчитывают правительство, ответственные чины на местах и агенты: «Мы должны помнить не только о способности государства при помощи упрощений трансформировать мир, но также и о способности общества модифицировать, разрушать, блокировать и даже ниспровергать устанавливаемые для него категории»³. Инициированное властями картографирование Горной

---

¹ В области этнической картографии см., напр.: *Lemprière C. A Description of the Highlands of Scotland...*; в области нарративной географии см., напр.: THS.

² Таким представлением о логике картографического воображения «Хайлендской проблемы» в «Описании Горной Страны» Лемприера автор обязан тонким методологическим наблюдениям В. Кивельсон, охарактеризовавшей Московское царство в свете его сибирской политики «империей другого рода», в которой «политически и экономически москвиты строили свое видение империи из партикуляристских кубиков» (*Кивельсон В. Указ. соч. С. 253–257*).

³ Там же. С. 41.

Шотландии неизбежно предполагало широкое привлечение местных информаторов и, следовательно, способствовало формированию хайлендской политики и решению «Хайлендской проблемы» во многом на основе представлений и интересов местных сообществ.

Картограф Артиллерийской палаты Клемент Лемприер составил «Описание Горной Страны» на основании сведений, представленных в рапорте командующего королевскими войсками в Шотландии генерала Уэйда. Командующий, как отмечалось, составил рапорт не только на основе собственных наблюдений, но и «с опорой на лучшие сведения», которые он смог собрать «во время пребывания в этой части страны»¹. Речь идет об опоре на агентурную сеть, в которую входили в том числе такие весьма информированные представители шотландского общества, как лэрд Каллоден и лорд Ловэт. Эти последние, в свою очередь, получали сведения от многочисленных агентов из числа своих вассалов и/или клансменов, друзей, клиентов и патронов в Горной Стране и на Равнинах. Полевые исследования в случае с картографическими проектами британского присутствия в Горной Стране представляли собой агентурную деятельность, так же как и в случае с описательной географией Хайленда.

Не отказываясь от представлений о картографии как инструменте в руках централизующегося государства в Европе раннего Нового времени, к которому власти прибегали в своей окраинной и колониальной политике, в данном случае мы имеем дело с менее однозначной историей взаимодействия ответственных за умиротворение Горного Края чинов, картографов и местных агентов правительства².

¹ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–132.

² Подробнее о такой интерпретации взаимоотношений картографии и государства в Европе раннего Нового времени в компаративном ключе: Кивельсон В. Указ. соч. С. 53–138; Kivelson V.A. Cartography, Autocracy and State Powerlessness. The Uses of Maps in Early Modern Russia // IM. Vol. 51 (1999). P. 83–105; в британском колониальном

Так, например, в случае с вождем Фрэзеров речь идет не о разрастании государственного контроля, позволявшего Лондону при помощи карт обозревать каждый уголок гэльской окраины, склоняя отдельных представителей местных элит к сотрудничеству и совместной борьбе с якобитским движением. Скорее имели место определенная растерянность, робость и лень властей, оказавшихся перед необходимостью, вызванной якобитской угрозой, в обозримые сроки превратить контроль над далекой и «варварской» Горной Шотландией из номинального в реальный¹.

В этой связи неудивительно, что в «Описании Горной Страны» Лемприера владетельные права лорда Ловэта в Инвернессшире не вызывают сомнений, хотя первые годы после подавления мятежа якобитов 1715–1716 гг. прошли для Саймона Фрэзера под знаком борьбы и судебной тяжбы с прежним владельцем наследных имений Александром МакКензи из Фрэзердэйла, поддержавшим якобитский мятеж.

контексте: *Vorsej L. de, Jr. Maps in Colonial Promotion James Edward Oglethorpe's Use of Maps in «Selling» the Georgia Scheme // IM. Vol. 38 (1986). P. 35–45; Schmidt B. Mapping an Empire. Cartographic and Colonial Rivalry in Seventeenth-Century Dutch and English North America // WMQ. Third Series. Vol. 54. No. 3 (Jul., 1997). P. 549–578; Pedley M. Map Wars: The Role of Maps in the Nova Scotia Acadia Boundary Disputes of 1750 // IM, Vol. 50 (1998). P. 96–104; Gronim S.S. Geography and Persuasion: Maps in British Colonial New York // WMQ. Third Series. Vol. 58. No. 2 (Apr., 2001). P. 373–402.*

¹ Как справедливо замечает по этому поводу Р. Митчисон, «интерес в Лондоне к тому, что происходило [в Горной Стране], не поддержался и года [после 1725 г., на который намечались основные мероприятия, изложенные в рапорте командующего 1724 г.]; правительству казалось, что оно побеждает» (*Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement... P. 35*). Именно по этой причине руководством к действию Лондон счел рапорт генерала Уэйда, оказавшийся более ориентированным на зримое присутствие Лондона в крае, чем записка вождя Фрэзеров, и вместе с тем значительно менее радикальным, чем соображения лорда Грэнджа (в сочинении генерала не говорится о ликвидации наследственной юрисдикции и феодальных держаний и других мероприятиях, на которые Лондон пока не решался). По характеру предлагаемых мер рапорт командующего включал набор именно таких рекомендаций, к которым правительство тогда было готово прислушаться.

При этом лорд Ловэт впервые поставил себя вне закона еще в 1696 г., так что «преданность» Стюартам пришлось очень кстати после бегства из Шотландии во Францию в 1702 г., где он предложил свои услуги «старому Претенденту». В надежде ускорить возвращение на родину вождь Фрэзеров отозвал своих клансменов из лагеря якобитов буквально накануне решающего сражения в Шотландии, при Шериффмуре 13 ноября 1715 г.

Этот поступок вернул ему не только монаршее прощение, но и наследные владения, которые, как указывалось, еще долгое время служили яблоком раздора между новым владельцем и прежним. Очень скоро вождь Фрэзеров определил для себя новые приоритеты: решение застарелого наследственного земельного спора и политическая карьера в Шотландии уже при Ганноверах¹.

Составленные картографами Артиллерийской палаты карты Горного Края, соответственно, использовались для локализации представителей местных элит и как агентов правительства, и/или как мятежников. В деле решения «Хайлендской проблемы» были возможны и необходимы оба варианта прочтения «Описания Горной Страны» Лемприера. Показательно, что в легенде карты кланы разделены не лояльностью изгнанным Стюартам или Ганноверам, а в зависимости от того, приняли они участие в мятеже или же воздержались. Даже информация о том, что «взбунтовавшиеся» кланы сложили оружие, помещена в той части легенды, которая содержит список кланов, не поддержавших мятеж. А список «взбунтовавшихся» кланов завершается примечанием: «Люди Этола [Этолла] и Бродалбина [Брэдалбейна] вовлеклись в мятеж без их предводителей»².

¹ *Fraser J. Major Fraser's Manuscript. His Adventures in Scotland and England; his Mission to, and Travels in, France in Search of his Chief; his Services in the Rebellion (and his Quarrels) with Simon Fraser, Lord Lovat. 1696–1737. Vol. I / Ed. by A. Fergusson. Edinburgh, 1889. P. 72–73, 103–136; Trial of Simon, Lord Lovat of the '45 / Ed. by D.N. Mackay. Edinburgh and Glasgow, 1911. P. 208–209.*

² *Lemprière C. A Description of the Highlands of Scotland...*

В Великобритании первой половины XVIII в., как и в других европейских странах, составление карт, таким образом, служило местным интересам не менее эффективно, чем интересам центральных властей. Неудивительно, что взаимодействие между центральными и местными силами и интересами в Хайленде наиболее явно демонстрирует именно этническая картография (хотя крайне редкая в полном смысле слова), а не планы фортов и карты военных дорог. Сам факт представления Горной Шотландии на карте, предназначенной в том числе для демонстрации успехов командующего королевскими войсками в Северной Британии в Лондоне, как территории, пространство которой организовано исключительно по клановому принципу, многое говорит о способности представителей местных элит навязать ответственным за умиротворение Горной Страны чинам и их агентам наиболее привлекательный и выгодный для них образ мятежного края¹.

Хайленд кланов, вождей и феодальных властителей был не только признан таковым юридически Актом об Унии Англии и Шотландии 1707 г., сохранявшей наследственные юрисдикцию и службы в Шотландии². В этом

---

¹ В действительности социально-экономическое устройство Горной Шотландии и связанная с ним военная организация горцев были далеки от идеального соответствия феодально-клановым принципам. Коммерциализация активно проникала за «Хайлендский рубеж» еще в XVII в., так что военно-мобилизационные возможности феодально-клановых отношений стали весьма ограниченными задолго до актов о разоружении горцев 1716, 1725 и 1747 гг. Так, по списку способных носить оружие в Блэйр-Этолле и Глен-Тилте в 1702 г. только 46% имели какое-либо оружие и только один из пяти был вооружен палашом и мушкетом (MacKillop A. «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000. P. 7). Влияние рынка и стремление магнатов и вождей Горной Страны пополнить ряды британской элиты вели к сокращению насилия в Хайленде, что особенно заметно на фоне распрей Короны и ковенантеров в Лоуленде, и усиливали желание видеть рядовых горцев скорее платежеспособными арендаторами, чем на сельцами военных держаний (MacInnes A.I. Repression and Conciliation: The Highland Dimension 1660–1688 // SHR. Vol. 55. 1986. P. 168–172).

² A Source Book of Scottish History. Vol. III. 1567 to 1707 / Ed. by W.C. Dickinson, G. Donaldson. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Johannesburg; Toronto and New York, 1961. P. 486.

качестве гэльская окраина продолжала рассматриваться в прямом и переносном смысле слова, благодаря труду Лемприера, и четверть века спустя. Закрепленность горцев в пространстве границами клановых земель и феодальных владений, таким образом, наглядно подтверждала наличие в Соединенном Королевстве разделенной юрисдикции и дифференциации права.

До решительных попыток реформировать Горную Страну после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. Лондон поддерживал курс на интеграцию края не через ассимиляцию и принуждение. Вместо этого ответственные за умиротворение Хайленда чины и их агенты способствовали признанию особого характера социально-экономических отношений и политической культуры гэльской окраины.

Этот факт из истории внутренней колонизации королевства, в свою очередь, позволяет усомниться в традиционном представлении о политике Великобритании первой половины XVIII в. в колониях и на окраинах как основанной в основном на стремлении к унификации и централизации¹. Кроме того, обнаруженные обстоятельства позволяют предположить, что британские чины и их агенты отводили этнографическому осмыслению «Хайлендской проблемы» в ее решении особую роль, раз горцы на картах Горной Шотландии благодаря техническим способностям картографов и политическим талантам генералов обосновались всерьез и надолго.

---

¹ Ограничительное законодательство, поражавшее в правах католиков в Ирландии на протяжении большей части XVIII в., и изгнание франкоязычного католического населения из Акадии в 1755 г. представляют собой одни из самых известных примеров такого подхода к окраинной и колониальной политике в деятельности британских властей.

Глава 2

НАСЕЛЯ ОКРАИНЫ: ЭТНОГРАФИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

Неослабевающее внимание и интерес, проявляемые историками к служебной, административной этнографии европейских империй Нового времени, сформировали за последние полвека (первые полвека постколониальных исследований) настоящую академическую традицию¹. В соответствии с достигнутыми ею результатами этнография рассматривается как научная дисциплина, формулировавшая и формировавшая не только модели описания и восприятия туземцев колониальной администрацией и имперскими службами, но и модели взаимодействия с местными сообществами, одновременно решая идеологические и практические задачи.

О «культурном повороте» речь в XVIII в., конечно, не шла². Функциональный характер этнографического

---

¹ В широком смысле начало новому направлению исследований характера колониального знания европейских держав положила известная работа Э.В. Саида об ориентализме западноевропейских колониальных империй: *Said E.W. Orientalism*. New York, 1978. Специальные постколониальные исследования, рассматривающие этнографию как колониальную практику, появились еще раньше. См., напр.: *Anthropology and the Colonial Encounter* / Ed. by T. Asad. New York, 1973. Подробнее о становлении и развитии такого подхода в исследованиях см., напр.: *Goh D.P.S. States of Ethnography: Colonialism, Resistance, and Cultural Transcription in Malaya and the Philippines, 1890s–1930s* // *Comparative Studies in Society and History*. 2007:41(1). P. 109–142.

² В этом смысле своеобразный ренессанс такой колониальной этнографии и антропологии, призванный решить актуальные военно-политические задачи современных держав в странах «третьего мира», рассматриваются некоторыми неравнодушными гуманитариями как

знания, предназначенного для оптимизации управления колониальными приобретениями, вовлеченным в процесс современникам был очевиден. Рождение этнографии как научной дисциплины не случайно совпало по времени с первым веком глобальных империй. Этнографы, этнологи и антропологи имперских окраин были еще и колониальными чиновниками, на практике подтверждавшими тесную, хотя и не всегда очевидную связь между властью и знанием в рамках колониальной и окраинной политики. При этом их звучавшие рефреном комментарии придавали колониальному знанию «объективный» характер, способствуя выработке универсальной модели этнографического анализа — важного инструмента интеллектуальной колонизации имперских окраин.

В этом смысле этнография как научная дисциплина именно потому таковой и является, что занимается дисциплинированием окружающего, в том числе колониального, пространства научными методами — вполне в духе века Разума и Просвещения, имея в виду взаимообусловленное сочетание экспансии имперского порядка, нового научного знания и секулярных представлений о происхождении и природе всего человечества.

Между тем британский случай обращения к этнографии как колониальной практике по-прежнему связывают с политикой империи за океанами. Даже изучение ирландской политики Лондона составляет весьма примечательное исключение из этого правила¹. Хотя такой исследовательский

«культурный разворот» в сторону «наемнической антропологии», благодаря которой новый полевой устав армии США FM 3-24 «читается как руководство по непрямому колониальному правлению» (*Gonzalez R. Towards mercenary anthropology? US Counterinsurgency Field Manual 3-24 and the military-anthropology complex // Anthropology Today. 23 (3), 2007. P. 16–17*). «Этнографическое [знание] становится полем военной стратегии» (*Stoler A.L., Bond D. Refractions off Empire: untimely comparisons in harsh times // Radical History Review. 95, 2006. P. 98*).

¹ При этом внимание профессиональных историков чаще сосредоточено на эпохе активной колонизации «Изумрудного острова» при поздних Тюдорах и первых Стюартах, анализируется скорее идеологическое, чем практическое содержание описаний ирландцев. См.,

подход к событиям в Горной Шотландии в 1689–1759 гг. имеет принципиальное значение для понимания истории Великой Британии в целом. Необходимо учитывать, что с момента возникновения в 1707 г. Британской колониальной империи на смену Английской и вплоть до конца 1750-х гг. Горная Страна являлась самой близкой и опасной этнографической лабораторией по испытанию различных проектов формирования, укрепления и расширения лояльности Короне и правительству в Лондоне в условиях перманентных мятежей и угрозы вторжения иностранной державы.

При этом приобретенный в Хайленде опыт вместе с участвовавшими в умиротворении края военными и гражданскими чинами в результате новых административных назначений переносился в заморские владения Британской империи¹. Последствия таких кадровых решений Лондона не только в очередной раз ставят вопрос об особенностях функционирования внутренних механизмов ее управления.

Применительно к этнографии «Хайлендской проблемы» необходимо по-новому подойти к той роли, которую

напр.: *Hadfield A.* Briton and Scythian. Tudor Representations of Irish Origins // *Irish Historical Studies*. Vol. 28. No. 112 (Nov., 1993). P. 390–408; *Murphy A.* But the Irish Sea Betwixt Us: Ireland, Colonialism, and Renaissance Literature. Lexington, 1999. P. 11–96; *Canny N.* Making Ireland British, 1580–1650. Oxford, 2001. P. 121–134, 187–205, 432–455; *Connolly S.J.* Contested Island. Ireland, 1460–1630. Oxford, 2007. P. 397–403. Классический пример «фигуры умолчания» вместо возможного анализа этнографической колониальной практики в ирландской политике Лондона: *Bartlett T.* «This famous island set in a Virginian sea»: Ireland in the British Empire, 1690–1801 // *The Oxford History of the British Empire*. Vol. II. The Eighteenth Century / Ed. by P.J. Marshall. Oxford, 2009 [впервые опубликована в 1998 г.]. P. 253–275.

¹ См., напр.: *Starkey A.* European and Native American Warfare 1675–1815. London, 1998. P. 46–56; *Plank G.* An Unsettled Conquest: The British Campaign against the Peoples of Acadia. Philadelphia, 2001; *Murdoch A.* James Glen and the Indians // *Military Governors and Imperial Frontiers c. 1600–1800. A Study of Scotland and Empires* / Ed. by A. MacKillop, S. Murdoch. Brill; Leiden; Boston, 2003. P. 141–160; *Mackillop A.* Fashioning a «British» Empire: Sir Archibald Campbell of Inverneil and Madras, 1785–9 // *Military Governors and Imperial Frontiers...* P. 205–232; *Plank G.* Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006. P. 103–191.

она играла в процессе интеллектуальной колонизации Горной Шотландии. Предметом исторического анализа в данном случае должен стать не только и не столько набор стереотипов восприятия горцев в Великобритании в 1689–1759 гг., но также их формирование и функционирование в процессе реализации окраинной политики британского государства раннего Нового времени.

Этнографические описания ответственных за умиротворение Горного Края чинов необходимо прочесть как процесс не только языкового, но и культурного перевода местных реалий в понятия и нормы, принятые к югу от Грэмпианских вершин. К образу «варвара»-горца стоит подойти не только как к примеру этнографической мысли в век Просвещения, но и как к конституирующему «Другому» в процессе формирования новой британской, юнионистской и имперской, идентичности в рамках заключенной в 1707 г. Англией и Шотландией унии.

Описание и анализ реформ, предполагавшихся в Горной Стране, представляют исследовательский интерес не только сами по себе, но и как набор характеристик «идеального» британца, необходимых, на взгляд официальных властей и политической нации в целом, в процессе расширения британского присутствия на имперских окраинах.

Раскрытие этих сюжетов, в свою очередь, поможет дать ответы на вопросы более общего свойства: о соотношении формирования британской нации и создания Британской империи, о значении интеллектуальной колонизации Хайленда для имперского строительства за океанами, о роли гуманитарного знания в век Разума, Просвещения и глобальных империй.

§ 1. Варвары в Хайленде: шотландский «ирландец»

К 1724 г. правительство Великобритании вновь обратило внимание на состояние дел в Горной Шотландии. В 1722 г. в Англии был раскрыт заговор якобитов во главе

с Фрэнсисом Эттербери, епископом Рочестерским¹. В это же время ходили упорные слухи о наличии подобных договоренностей между бригадиром Уильямом МакИнтошем из Борлама (попытки схватить его долгое время не могли увенчаться успехом, а когда бригадира все же поймали, горцы освободили его из заточения в казармах в Развене уже в октябре 1724 г.), Доналдом Кэмероном из Лохила, XIX вождем клана Кэмерон, и Александром МакДоналдом, «юным Гленгэрри» МакДоналдов из Мойдэрта. При этом все трое не пребывали в изгнании, как многие именитые якобиты, предпочитая, напротив, скрываться на родине, в Горной Стране². Имелись сведения о тайном хождении в Хайленде простюартовской корреспонденции бежавшего во Францию графа Мара...³

7 марта 1723 г. в одном из рупоров вигской печати, газете «Flying Post», было высказано поддержанное многими мнение о том, что, несмотря на предпринятые правительством усилия, жители Хайленда по-прежнему вооружены и представляют собой «удобный инструмент» давления на Соединенное Королевство в руках иностранных держав⁴.

¹ Лучшее свидетельство серьезности заговора — имена адресатов епископа: Bishop of Rochester to Sir. August 15, 1717; same to the Earl of Mar. December 14, 1717 // Atterbury F. Letters of Francis Atterbury, Bishop of Rochester to the Chevalier de St. George and some of the adherents of the House of Stuart / The Stuart Papers. Printed from the Originals in Her Majesty's Possession. Correspondence. London, 1847. Vol. I. P. 1–2, 11.

² E. Harris to General G. Wade. Ruthven, October 7, 1724; G. Wade to [Viscount Townshend]. October 12, 1724 // SPD. P. 252–254; *Mitchison R.* Op. cit. P. 32. Эти признанные якобиты и после «реализации» «Акта о разоружении» кланов Горной Шотландии от 1 июня 1725 г. не оставили агентурную деятельность в интересах изгнанных Стюартов: Letter to General George Wade from Sir Dunkan Campbell, Capt. Of one of the Highland Companys. Edinburgh, May 2, 1727; *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727* // HPJP. Vol. I. P. 154, 159.

³ *Keltie J.S. History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan and an Assay on Highland Scenery by J. Wilson.* Vols. I–II. Edinburgh and London, 1875. P. 494.

⁴ *Black J. Culloden and the 45'.* London, 1990. P. 36.

Под влиянием такого угрожающего стечения обстоятельств Лондон обнаружил более предметный интерес к решению «Хайлендской проблемы», в том числе к этнографии «мятежного» горца. Долго он не продержался, однако неожиданно удачные кадровые решения, принятые в 1724 г., обеспечили хайлендской политике властей преемственность и последовательность вплоть до окончательного умиротворения Горного Края к концу 1750-х гг. Сочинения генерала Уэйда и лорда Грэнджа, лорда-клерка Сессионного суда Шотландии (третий по значению пост в судебной системе Шотландии после должностей лорда-президента и лорда-адвоката Сессионного суда), не только сформировали в Лондоне первые после Славной революции целостные представления о Горной Стране (фокусируя общественно-политические взгляды на решении «Хайлендской проблемы»), но и сформулировали политику правительства в крае на десятилетия вперед вплоть до конца 1750-х гг.¹

---

¹ Так, майор Уильям Коулфилд, перенявший в качестве инспектора военных дорог в Шотландии руководство их строительством у генерала Уэйда в 1743 г., продолжал курировать эту часть программы умиротворения Горной Страны и после мятежа 1745–1746 гг., под началом других командующих королевскими войсками в Шотландии, вплоть до своей смерти в 1767 г. (Roads and Bridges in the Scottish Highlands: the route between Dunkeld and Inverness, 1725–1925 / By G.R. Curtis // PSAS. 1978–1980. Vol. 110. P. 476, 482). Что касается подходов к «цивилизации» края, то после подавления последнего мятежа якобитов в 1746 г. генерал Уэйд и лорд Грэндж вновь представили правительству свои соображения по реформированию Хайленда: Memorandum relating to the present state of Scotland [предположительно составлен генералом Уэйдом, 1748–1749 гг.]; Memorandum concerning the heads of the bill intended to be brought in for civilizing the Highlands; 16 Jan. 1748/9 [предположительно составлен генералом Уэйдом, 1748–1749 гг.]; Memorandum for the Disarming and Subjugation of the Highlands, 1749 // HL. Correspondence of Henry Pelham (1696–1754), Scottish Affairs, NeC 2,024; Proposal relating to the Highlands [предположительно составлен генералом Уэйдом, 1748–1749 гг.]; Erskine J. Memorial. How Scotland may be brought, and the inhabitants thereof, now on the suppression of the Rebellion, to a just, advantageous and right settlement for the whole United Kingdom [1746-1747]; Remarks by James Erskine of Grange on

В этом смысле, несмотря на распространенное представление о восприятии Горной Шотландии в Великобритании в первой половине XVIII в., в отчетах чинов и агентов правительства информация о Горной Стране носила вполне практический характер, превращая этнографическое знание в составную часть военно-политической и социально-экономической деятельности правительства в крае. Не случайно одно из наиболее популярных описаний Хайленда в публичном пространстве в это время оставил бывший агент Лондона в Шотландии Д. Дефо¹. В связи с особым характером, содержанием и (на)значением миссии и аналитических сочинений ответственных за умиротворение Горного Края чинов некоторые аспекты этнографического «прочтения» ими местных реалий вызывают особый интерес.

Во-первых, необходимо выяснить, в какой мере этнографическое «чтение» являлось лишь характерной чертой имперского дискурса в рамках интеллектуальной колонизации Горной Шотландии, а в какой мере это был сложный процесс культурного перевода местных реалий на язык британских понятий, категорий и норм, связанный с реакцией сообществ на политику официальных властей. Выявить истинное содержание, значение и адекватность такого перевода этнографических особенностей Хайленда по отношению к доминировавшим в Соединенном Королевстве нормам и традициям затруднительно. Практически отсутствуют другие варианты культурных переводов, кроме представленных в виде окончательных,

---

a proposed rectification of the Scots superiorities and heritable jurisdictions [1746–1747]; William Ramsay to James Erskine of Grange. Edinburgh, February 25, 1752 [предложение к лорду Грэнджу напомнить лорду-адвокату о своих мемориалах о реформировании Хайленда]; Letter to Hay from Grange, in Edinburgh. Dec. 16–17, 1746 [рассуждения о реформировании феодально-клановой системы в Шотландии] // NAS. MKP. GD 124/15/1570; GD 124/15/1571; GD 124/15/1608; GD 124/15/1262/2.

¹ Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland // Defoe D. Tour... P. 362–431.

результатирующих описаний Горной Страны (на теоретическом уровне) и конкретных мероприятий Лондона в хайлендской политике (на уровне практики).

Однако можно попробовать реконструировать этот процесс. Необходимо перечитать этнографические разделы и отдельные пассажи мемориалов, отчетов и рапортов не как приписывание властями местным реалиям привычных и удобных наименований, а как предложения возможных британских эквивалентов для гэльских терминов, описывавших устои Горной Шотландии. Поскольку предлагавшиеся аналоги можно было оспорить, культурный перевод провоцировал споры о «корректной» этнографической репрезентации. Противопоставляя и сравнивая эту терминологическую конкуренцию и реакцию горцев на британское присутствие в Горной Стране, можно попробовать обнаружить практическое (на)значение такого культурного перевода и, в частности, этнографических разделов в аналитических сочинениях британских чинов и их агентов в Хайленде.

Во-вторых, требуется внимательно и последовательно проанализировать характер связей между этнографическим дискурсом официальных властей и британским государством в личности (и должности) самого переводчика — чиновника и этнографа в Горной Стране одновременно. Таким образом можно попробовать выявить соотношение соображений, вызванных вовлеченностью в колониальную практику, и идей, привнесенных извне. И то и другое можно представить как движение этнографической мысли от «чтения» и «перевода» местных реалий к аналитическому описанию в процессе расширения британского присутствия в Горной Шотландии, как трансформацию субъективных отношений между этнографами и их информаторами в местной среде в аналитическую объективность сравнительной этнографии. Из курьезных, занимательных и устрашающих персонажей памфлетной литературы и абстрактных юридических фигур королевских и парламентских указов и актов горцы превращались в формализованный

объект этнографического анализа мемориалов, отчетов и рапортов¹.

Наконец, в-третьих, целесообразно отдельно рассмотреть рамки культурного перевода британскими чинами реалий Горного Края, определявшие контекст в том числе их этнографических изысканий (стадиальная теория исторического развития, сравнительная филология этнического различия и популярные учения о социальных иерархиях из области естествознания). Таким образом можно попробовать выявить герменевтический ключ, при помощи которого ответственные за умиротворение края чины постигали реалии Хайленда в XVIII в.

---

¹ Пределы допустимости следования правовой традиции Шотландского королевства в вопросах поддержания мира, спокойствия и законности в Горной Стране соотносились многими комментаторами с современной им этнографией «мятежного» горца, создавая исторический и юридический контекст, придававший практическому «народоведению» в Хайленде большую объективность, предметность и цельность. См., напр.: *Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution* // CP. P. 14–15; *Fraser S. Op. cit. P. 260–265*; *Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724* // HPJP. Vol. I. P. 137; *Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724*; *Idem. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.: of Scotland. Edr., 21 Jan.: 1725. 2* // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1. P. 3; GD 124/15/1264/2; *Description of the Highlanders in the Scotch Acts of Parliament* // BL. NP. Vol. XX. *Correspondence of the Duke of Newcastle. Aug.–Sept. 1745. Add. Ms. 33,049*; *Some Reflections relating to the State of North Britain and particularly to that of the Highlands* // BL. HP. *Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 122–126, 131–134*; *Cross W. Some Considerations by way of Essay, upon the means of civilizing the Highlands and extinguishing Jacobitism in Scotland. The author William Cross. Professor of Civil Law at Glasgow and afterwards Sheriff of Lanark. 1748. To Lieut.-General Bland, Commander in Chief of all his Majesty's Forces in Scotland. 1748* // NAS. Ms. 5201. P. 30–38. В отношении памфлетной литературы характерен пример «Хайлендского лиходея» 1723 г. Если довериться аргументированным соображениям Д. Стивенсона, то авторство этой известной на книжном рынке Лондона в первой половине XVIII в. брошюры принадлежит не Д. Дефо, как считается, а капитану Эдуарду Барту, автору одного из наиболее подробных этнографических описаний шотландских горцев и агенту генерала Уэйда в Хайленде (*Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 189–190*).

Применительно к истории решения «Хайлендской проблемы» в процессе интеллектуальной колонизации Горной Шотландии речь идет о вариативном характере этнографического содержания понятия «мятеж» как категории аналитической и дискурсивной.

Раскрытие основных аспектов этнографического «прочтения» правительством, его чинами и агентами в Горном Крае местных реалий в интересах предпринятого исследования логично производить в обратном порядке — от формы процесса, определяемой рамками культурного перевода, к его содержанию как сочетанию познавательных и административных практик в хайлендской политике и (на)значению в качестве модели интеллектуальной колонизации мятежной окраины.

«Кланы, или племена»: стадияльная теория и сравнительная этнография Хайленда

Итак, прежде всего официальным чинам и их агентам в Горной Стране следовало определиться с системой координат изучения объекта их военно-политического интереса. Поскольку в центре известных прежде рассуждений о мятежном потенциале Хайленда и опыта взаимодействия с ним Эдинбурга и Лондона находилась социальная организация горцев, в своей неделимой, изначальной основе представленная понятием «клан», то анализ этой категории осуществлялся в контексте современных комментаторам представлений об организации человеческих сообществ, выраженных понятиями «племя», «нация», «раса» и служивших просвещенной Европе универсальными аналитическими инструментами изучения и описания всего человечества¹. Вопрос в данном случае состоит

¹ См. подробнее: *Slezkine Y. Naturalists Versus Nations. Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations. No. 47. Special Issue: National Cultures before Nationalism (Summer, 1994). P. 170–195; Hudson N. From Nation to Race. The Origin of Racial Classification in Eighteenth-Century Thought // ECS. Vol. 29. No. 3 (Spring,*

в том, как соотносились друг с другом изложенные выше понятия.

Ни один словарь в Европе в XVIII в. не определял расу в современном значении этого слова, подразумевая различие человеческих видов в зависимости от определенного набора внешних наследственных признаков¹. С одной стороны, в узком, первичном ее понимании речь шла скорее о семейных, родственных связях. В первом издании «Словаря английского языка» знаменитого доктора Сэмюэля Джонсона (1755 г.) понятие «раса» включает в себя единство семейного происхождения и наследования². При этом дефиниции доктора Джонсона вполне сопоставимы с приведенными в «Словаре французского и английского языков» Рэндла Котгрэйва (1611 г.) и «Всеобщем этимологическом словаре» Натана Бэйли (1721 г.)³.

С другой стороны, в расширенном толковании, понятие «раса» по значению и смыслу очень тесно примыкало к понятию «нация». Движение идей и усложнение пред-

---

1996). P. 247–264; *Jacques T.C.* From Savages and Barbarians to Primitives. Africa, Social Typologies, and History in Eighteenth-Century French Philosophy // *History and Theory*. Vol. 36. No. 2 (May, 1997). P. 190–215; *Nash R.* Wild Enlightenment: The Borders of Human Identity in the Eighteenth Century. Charlottesville, 2003; *Kugler E.M.N.* Representations of Race and Romance in Eighteenth-Century Britain. PhD Thesis. University of California, 2007. P. 12–93; *Galloway C.G.* White People, Indians and Highlanders. Oxford, 2008; *Vermeulen H.F.* Early History of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment: Anthropological Discourse in Europe and Asia, 1710–1808. PhD Thesis. University of Leiden. 2008. P. 271–286; *British Narratives of Exploration. Case studies of the Self and Other* / Ed. by F. Regard. London, 2009. P. 63–118.

¹ *Hudson N.* Op. cit. P. 247.

² *Hudson N.* Op. cit. P. 259; *Johnson S.* A Dictionary of the English Language. Vol. II. London, 1755 [нумерация страниц отсутствует, см. вторую колонку первой страницы под литерами «РА»].

³ *Hudson N.* Op. cit. P. 259; *Bailey N.* An Universal Etymological English Dictionary. London, 1736 [нумерация страниц отсутствует, см. вторую колонку первой страницы под литерами «РА»]. Причем в последующих изданиях «семейное» значение понятия «раса» сохраняется: *Idem.* An Universal Etymological English Dictionary. London, 1770 [нумерация страниц отсутствует, см. вторую колонку первой страницы под литерами «РА»].

ставлений о различиях между народами в первый век глобальных империй шли интенсивно, и во второй половине XVIII в. разграничение «расы» и «нации» приобретает более четкие контуры. Для первой половины столетия, однако, характерной чертой являлась известная синонимичность этих понятий. В середине XVIII в. доктор Джонсон по-прежнему с трудом различает «расу» и «нацию»: «Нация, строго говоря, означает великое множество семей одной крови, рожденных в одной стране и проживающих под началом одного правительства»¹. Идея политического единства при этом с тем же успехом выражалась не только понятием «нация», но и ее приемлемым в эпоху Просвещения аналогом — «раса», связанным с представлением об «общих семье и происхождении».

Европейский империализм способствовал постепенному превращению «расы» в основную категорию этнографического и антропологического анализа. «Нация», в свою очередь, приобретала особую роль в определении и описании политических и социальных различий. При этом одно из первых употреблений понятия «нация» в значении такого особого гражданского состояния датируется 1694 г. В «Словаре Французской академии» пояснялось, что это «все жители одного государства, одной страны, живущие по одним законам, использующие общий язык, и т.д.»². В Англии в то же время и примерно в тех же выражениях свое определение нации дал Джон Локк³.

Однако в целом в XVIII в. характеристики человеческих сообществ в представлении современников колебались между биологическими и социальными (культурно-историческими) различиями. В эпоху Просвещения человек пребывал на вершине «*scala naturae*», научное знание о нем еще только выходило за границы естественной

¹ Цит. по: Hudson N. Op. cit. P. 260.

² Ibid. P. 256.

³ Локк Дж. Два трактата о правлении [Книга вторая. Глава VII. О политическом или гражданском обществе] // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М., 1988. С. 311.

истории, так что аргументы Карла Линнея и Дэвида Юма в определении национально-расовых различий пользовались равным успехом и авторитетом¹. «Раса» и «нация» скорее обозначали изменчивые социальные границы сообществ, чем подразумевали коренные и неизменные биологические причины различий.

Между тем для «нецивилизованных», «варварских» окраин Европы (на континенте и за океанами) этот растянувшийся на целое столетие терминологический спор имел вполне определенные последствия. По мере расширения колонизации и представлений об окружающем мире становилась очевидной ограниченность принятой этнографической терминологии. Как быть с народами, живущими по праву и под началом властей, отличающихся, однако, от «цивилизованных» европейских стандартов? В этом случае применялось понятие «племя», заменявшее в случае с «варварскими» народами категорию «нация»².

Доктор Джонсон в своем «Словаре» в 1755 г. отмечает, что «племя» — это понятие, часто используемое в негативном контексте, как, например, «племя бумагомарателей» с Граб-стрит³. Девять лет спустя после подавления последнего мятежа якобитов оказалось возможным использовать этот этнографический термин, применявшийся британскими чинами в процессе умиротворения Горной Шотландии, в совершенно безопасном, карикатурном значении. Однако в целом до тех пор, пока Горная Страна воспринималась в Лондоне как источник угрозы, чиновники и генералы были, несомненно, более

¹ Имеются в виду прежде всего «Общая система природы» Карла Линнея (1735 г.) и «О национальных характерах» Дэвида Юма (1748 г.): *Linnaei C. Systema naturæ sive regna tria naturæ systematice proposita per classes, ordines, genera, & species*. Leyden, 1735; Юм Д. О национальных характерах / Пер. с англ. Е. С. Лагутина // Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 703–720.

² Hudson N. Op. cit. P. 248, 257.

³ Johnson S. A Dictionary... Vol. II. [нумерация страниц отсутствует, см. вторую колонку первой страницы под литерами «TR»].

осмотрительны и не позволяли себе в обращении с краем подобных терминологических вольностей.

Многое при этом зависело от степени сопротивления местного населения проникновению и присутствию европейских держав. Хотя их жители и полагали, как правило, что различия между ними важнее и сложнее, чем между ними и «варварами» за пределами просвещенной Европы, в каждом отдельном случае унификация этнографических различий приобретала свой особый характер. Там и тогда, где и когда речь шла об этнографии сопротивления и мятежа, комментаторы европейских империй эпохи раннего Нового времени были более внимательны к различиям¹.

¹ Несмотря на то что индейцы Северной Америки, например, с точки зрения европейцев XVIII в., делились на «племена», будучи «варварами», одно из них, ирокезы, составляло, по мысли комментаторов, «Лигу пяти наций» под началом «королей». Как необходимые в «лесной войне» и многочисленные и влиятельные в местной среде союзники, ирокезы этнографически были более детально представлены в комментариях британских колониальных чинов и агентов, чем племена, менее надежные с точки зрения стратегических интересов Британской империи. См., напр.: *Hinderaker E. The Four Indian Kings and the Imaginative Construction of the First British Empire // WMQ. Third Series. Vol. 53. No. 3. Indians and Others in Early America (Jul., 1996). P. 487–526; Milobar D. Aboriginal Peoples and the British Press, 1720–1763 // Hanoverian Britain and Empire: Essays in Memory of Philip Lawson. Woodbridge, 1998. P. 65–81; Bickham T. Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain. Oxford, 2005. P. 64. По этой логике составлялись и описания кланов Горной Шотландии. Так, «преступные» деяния и «проявление мятежного духа» одного из самых беспокойных и известных своей разбойной деятельностью кланов, МакГрегоров, во многих документах отложились в таком количестве, что Шотландская архивная служба (сейчас Национальные архивы Шотландии) даже выпустила отдельным томом путеводитель по источникам со сведениями о самом известном представителе этого клана Роберте МакГрегоре, более известном как Роб Рой: *The Real Rob Roy: A Guide to the Sources in the Scottish Record Office. Edinburgh, 1995. К середине XVIII в., когда вопрос о мятежном настрое горцев и их военном потенциале приобрел особую актуальность в связи с намерением правительства раз и навсегда решить «Хайлендскую проблему», один из наиболее информированных агентов Лондона в Горной Стране насчитывал в крае в 1750 г. 58 кланов вместе с их септами (ветвями), подробнее останавливаясь на кланах и септах МакКензи, МакДоналдов, Кэмеронов, Кэмпбеллов, Фрэзеров, решительным образом участвовавших в мятежах якобитов на стороне правительства и/или Претендентов числом больше многих других (THS. P. 23–30, 38–43, 48–57, 59–72, 77–110, 114–120, 131–138).**

Самый очевидный и частый пример такой терминологической осмотрительности в отчетах и мемориалах о состоянии Горного Края, составленных по указанию Короны и правительства между 1689 и 1759 гг., нашел выражение в неоднозначном употреблении понятий «племя» и «клан». С одной стороны, представление о племенной организации горских сообществ, казалось бы, подтверждало установленное прежде хайлендское «варварство», относя горцев к категории «диких» народов европейских окраин. С другой стороны, понятие «клан» постоянно сообщало комментариям некоторую неопределенность. Лорд Ловэт, генерал Уэйд, лорд Грэндж, лэрд Каллоден и многие другие чины и агенты правительства в Хайленде жонглировали «племенами» и «кланами», представляя их то как взаимозаменяемые, синонимичные термины («клан, или племя»), то в качестве однопорядковых, однако самостоятельных этнографических понятий («кланы и племена»).

Командующий королевскими войсками в Шотландии, пытаясь прояснить ситуацию с подходящими определениями, только усиливал путаницу: «Горцы делятся на племена, или кланы, под началом лэрдов, или младших вождей (как их называют по законам Шотландии), каждое племя или клан подразделяется на несколько малых ветвей, произросших от общего корня, которые также имеют над собою вождей, и от них происходят еще меньшие ветви в пятьдесят или шестьдесят человек, возводящих свое происхождение от них и на них полагающихся как на своих защитников и покровителей»¹. Терминология эпохи Просвещения («племена» и «вожди») соседствовала с оригинальным, местным названием одной из важнейших социальных категорий Горной Страны («кланы») и шотландским социально-экономическим понятием, неизвестным в английской традиции («лэрды»).

Лорд Грэндж смещал акценты и логическую связь между племенами и нациями: «Обладание значительным

---

¹ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 133.

расположением и влиянием в Хайленде в их [вождей и магнатов] сердцах имеет то же значение, что власть и правление в Европе в сердцах некоторых королей и государств». А предварительно проделывал то же с кланами и племенами: «Практически все они разделены на племена или кланы и каждый клан имеет вождя, представляющего исконный род, от которого произошел, как они полагают, весь клан... Когда клан становится многочисленным и сильным и один из него основывает собственный род... то он становится вождем этой ветви клана, и она носит его имя, чтобы отличать себя от остального племени. Вместе с тем она все еще часть старого изначального клана»¹.

Предшественник герцога Камберленда на посту командующего королевскими войсками в Шотландии в 1746–1747 гг. граф Эбемарл также сообщал государственному секретарю Южного департамента Томасу Пелэму-Холлесу, 1-му герцогу Ньюкаслу-на-Тайне, в «Мемориале касательно мятежного Хайленда», что «много ветвей произошло от влиятельных родов»². «В каждом клане, — замечал по окончании мятежа якобитов в 1746 г. лэрд Каллоден, — имеется несколько младших племен, зависимых от своего непосредственного вождя». Эти «младшие вожди» [«Chieftains»], как указывали в своем совместном отчете генерал Блэнд, командующий королевскими войсками в Шотландии в 1747–1749 и 1753–1756 гг., и Эндрю Флэтчер из Сэлтана, лорд-клерк Сессионного суда Шотландии, лорд Милтон, «управляют и командуют племенем под началом вождя»³.

В действительности британские военные и гражданские чины, непосредственно занятые умиротворением Хайленда, были прекрасно осведомлены о структуре

¹ *Lord Grange. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland* / Edr: 29 Decr 1724 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1. P. 2, 4.

² *Anne W. Memorial Concerning the Disaffected Highlands* [вложено в: Duke of Albemarle to the Duke of Newcastle. Edinburgh, November 15, 1746] // AP. P. 305.

³ *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands* [вложено в: Lord-Justice Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // AP. P. 491.

и функционировании клана как особой формы социальной организации, принятой в Горной Шотландии. Клан как юридическая категория несколько веков фигурировал в официальных документах Шотландского королевства, войдя в этом качестве и в новую, британскую традицию правового регулирования отношений в Горной Стране, в некоторых существенных чертах до 1746 г. незначительно отличавшуюся от прежней шотландской¹.

Комментарии Форбсов из Каллодена к военно-политической повестке правительств в Хайленде наглядно иллюстрируют неизменность описательной формулы, применявшейся чинами к кланам Горной Шотландии в 1689–1759 гг. В конце XVII в. старший Данкан Форбс из Каллодена полагал, что «сила в Шотландском королевстве издревле покоилась на власти магнатов над своими вассалами и вождей над их кланами»².

Из составленного им мемориала королевские министры могли почерпнуть общие сведения о феодально-клановой основе социальной и политической организации в Горной Стране, не утруждаясь терминологической конкретизацией самих понятий «феодализм» или «клан», которые определялись на первых порах скорее содержательно, чем нормативно.

---

¹ Фактически многие традиционные нормы правового регулирования в Хайленде к концу XVII — началу XVIII в. уже изживали себя, так что вожди и магнаты были вынуждены, собирая феодально-клановые ополчения, угрожать своим клансменам и арендаторам в случае отказа вооружиться «огнем и мечом», а власти в Эдинбурге и Лондоне — угрожать этой мерой самим вождям и магнатам в случае нарушения законов королевства их клансменами и арендаторами — в надежде переложить поддержание законности и порядка в Хайленде на представителей местной элиты, уповая на их влияние и сохраняя наследственную юрисдикцию в Горной Стране вплоть до ее отмены актом парламента в 1746 г. (Report of the Committie anent the Peace off the Highlands, 1699 // HPJP. Vol. I. P. 1–3; Signature and Warrant Under His Majesties hand For a New Commission of Justiciary in the Highlands. Edinburgh, 1701. Подробнее см., напр.: Macinnes A.I. Repression and Conciliation: The Highland Dimention 1660–1688 // SHR. 1986. Vol. 55. P. 168–172).

² Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution // CP. P. 14.

В середине XVIII в. младший Данкан Форбс из Каллодена, в сущности, так же, но конкретнее (имея в виду более реальную и близкую перспективу реформирования края) определял клан через характер отношений между его членами: «Клан в Горной Стране — это круг людей, носящих общее имя и считающих друг друга сородичами, связанными общим происхождением»¹.

В контексте интеллектуальной истории расширения британского присутствия в Хайленде лорд-президент Сессионного суда Шотландии являет собой связующее звено между пониманием этой этнографической категории во времена генерала Уэйда и герцога Камберленда. Следуя примеру Дж. Плэнка, одного из ведущих специалистов по изучению истории британской армии как институционального агента империи в Горной Шотландии в первой половине XVIII в., в вооруженном умиротворении Горной Страны можно действительно выделить три условных периода: 1689–1724, 1724–1745 и 1746–1759 гг.²

Для первых двух периодов общим рубежом окажется не очередное восстание сторонников изгнанных Стюартов, но новое осмысление прежних мятежей в свете очередных якобитских угроз и необходимости адекватных ответов правительства³. Второй и третий, в свою очередь, различаются скорее подходами к решению «Хайлендской проблемы» (определявшимися обстоятельствами и их влиянием на доступные ответственным

¹ *Forbes D.* Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland [авторство записки, по мнению издателя, принадлежит Данкану Форбсу из Каллодена младшему, рукой которого написан представленный текст и среди фамильных бумаг которого он обнаружен; предположительно 1746 г.] // СР. Р. 298.

² *Plank G.* Op. cit. P. 16.

³ С точки зрения численности армии, ее целей, задач и возможностей по решению «Хайлендской проблемы» слабое военное присутствие Лондона в Горной Стране во время мятежей 1689–1691, 1715–1716, 1719 гг. продемонстрировано совершенно отчетливо: *Millae A.H.* The Battle of Glenshiel, 10th June 1719. Note upon an unpublished document in the possession of His Grace the Duke of Marlborough // PSAS. 1882–1883. Vol. 17. P. 57–75.

за умиротворение края чинам возможности реализации задуманных идей).

При этом сторонник компромиссной хайлендской политики генерал Уэйд и предлагавший ввести в Горном Крае режим военного права герцог Камберленд оперировали этнографическими сведениями одного и того же порядка. Дружеские и одновременно служебные отношения в первом случае и активный поиск властями лучшего (окончательного) решения «Хайлендской проблемы» во втором надежно обеспечили интеллектуальное присутствие лэрда Каллодена как в рапортах генерала Уэйда, так и среди предложений, направлявшихся правительству при герцоге Камберленде и его преемниках на посту командующего королевскими войсками в Шотландии¹.

---

¹ Старший брат Данкана Форбса из Каллодена, Джон Форбс, 4-й лэрд Каллоден, дружил с генералом Уэйдом и за известное хлебо-солство получил шутовское прозвище «кружка-Джон»; такие же тесные отношения сложились с командующим и у лорда-президента Сессионного суда Шотландии, приобретая в непростых условиях умиротворения Горной Страны особую значимость (СР. Р. xvii, xx–xxi, xxxvi; *Burt E. Op. cit.* P. 132–155). Герцог Камберленд и его преемник граф Эбемарл к соображениям «этой рыдающей женщины», как Уильям Август именовал 5-го лэрда Каллодена, относились неприязненно (Форбс убеждал военных соблюдать закон и применять насилие в Хайленде выборочно), однако в том, что касалось предложений по решению «Хайлендской проблемы», его мемориалы близки аналогичным сочинениям и графа Эбемарла, и генерала Блэнда, и даже герцога Камберленда. Неудивительно, что сочинения лэрда Каллодена отложились и в бумагах герцога Ньюкасла, и в бумагах графа Хардвика, возглавлявших правительство: *A short Description of the Nature of the Jurisdictions to be abolished.* 1746 [источник обнаружен среди подписанных Форбсом и составлен одной с ними рукой]; *Some Hints of Amendments and Additions fit to be made to the Scots Jurisdiction Bill* [источник атрибутирован указанным выше образом]; *Memorial touching the Bill now depending for Disarming the High Lands.* 1746 [источник атрибутирован указанным выше образом]; *Forbes D. Memorial on Highland Bill.* 1746; *Idem. Description of the Highlanders in the Scotch Acts of Parliament* // BL. NP. *Correspondence of the Duke of Newcastle.* Add. Ms. 33,049. P. 228–229, 232–236, 253–261, 263; *Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland.* 1747 // BL. NP. *Relating to Scotland.* 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 160–164 [текст мемориала практически полностью совпадает с опубликованным в СР. Р. 297–301].

Клан в представлении чинов и агентов правительства в Горной Стране в 1689–1759 гг., таким образом, являл собой шотландский вариант известного научному знанию эпохи Просвещения племенного строя «варваров» на окраинах империй Европы раннего Нового времени. Жонглирование этнографическими терминами («племя» и «клан») устанавливало и подтверждало их терминологическое равенство и содержательное тождество, помогая вписать реалии Хайленда в общую модель человеческого развития.

Кроме того, видимость некоторой терминологической неопределенности была вызвана не только стремлением с опорой на популярные социологические теории эпохи Просвещения придать большую объективность сообщаемым сведениям, но также самим фактом становления этнографии в XVIII в. в качестве самостоятельной научной дисциплины и, как результат, конфликтом этнографических интерпретаций в вопросах выбора понятийного аппарата и категорий анализа¹.

Одна из основных проблем осмысления реалий Горного Края для комментаторов заключалась в том, что он не являлся отдельной, фактически и юридически четко вычленяемой колонией в составе Британской империи (будучи при этом частью «владений Британской империи в Европе» вообще)². Горная Страна представляла собой своеобразное

---

¹ Термин «этнография» утвердился в научном мире Европы только во второй половине XVIII в.: *Vermeulen H.F.* Op. cit. P. 271–286.

² О таком понимании Британской империи в англоязычном мире Атлантики в первой половине XVIII в. см. подробнее: *Harris B.* «American Idols»: Empire, War and the Middling Ranks in Mid-Eighteenth-Century Britain // *Past & Present*. No. 150 (Feb., 1996). P. 126–131; *Armitage D.* The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge, 2000. P. 170–198; *Canny N.* David Armitage, The Ideological Origins of the British Empire // *The Journal of Modern History*. Vol. 74. No. 3 (September 2002). P. 630–632; *Aebel I.J.* Constructing Empire. John Oldmixon, The British Empire in America and Adventures in the History of Book. MaD Thesis. Southern Illinois University Edwardsville, 2005. P. 8–34, 61–63, 80–86; *Elliott J.H.* Empires of the Atlantic World. Britain and Spain in America, 1492–1830. New Haven; London, 2006. P. 221–223. Причем

альтер эго Нижней Шотландии и, шире, всей Великобритании в процессе конструирования единой британской нации¹. Вместе с тем Горная Шотландия была «частью остальной [британской] нации», о чем «шотландские» чины и их агенты в крае не забывали напоминать друг другу и правительству в Лондоне². Если «племя» вообще — это «дикая» нация, то «кланы» («кланы, или племена») — это «дикая» часть британской нации в целом.

В рамках популярной в эпоху Просвещения теории стадияльного развития народов за горами резервировали право и возможность прогресса, однако альтернативой являлось их исчезновение как результат пребывания в состоянии «варварства», а вектор прогресса при этом был известен заранее. В этом смысле этнографические изыскания военных и гражданских комментаторов

представление о якобитской угрозе, объединявшее в сознании колонистов Америки и жителей Великобритании ирландских и шотландских гэлов и североамериканских индейцев на идеологическом и этнографическом уровнях, укрепляло такое видение Британских островов, Западных Индий и колоний в Америке; см., напр.: *Stanwood O. The Protestant Moment: Antipopery, the Revolution of 1688–1689, and the Making of an Anglo-American Empire // JBS. Vol. 46. No. 3 (July 2007). P. 481–508; Parrish D.B. For King and Colony. Jacobitism and the Atlantic World. PhD Thesis. University of Arkansas, 2008.*

¹ Процесс конструирования британской идентичности в XVIII в. предполагал использование в качестве «Другого» еще и североамериканских индейцев, при этом в рамках описательной модели, очень близкой к риторическим приемам этнографических штудий о шотландских горцах: *Bickham T. Op. cit.; Fulford T. Romantic Indians. Native Americans, British Literature and Transatlantic Culture, 1756–1830. Oxford, 2006.*

² См., напр., памфлеты, уже самим своим названием подчеркивавшие эту идею: *A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland, concerning The Slavish Dependencies, which a great Part of that Nation is still kept under, by Superiorities, Wards, Reliefs, and other Remains of the Feudal Law, and by Clanship. Containing Very good Hints for reforming the Highlands, and preventing Rebellion for the future. First printed at Edinburgh in 1721. London, 1746; An Ample Disquisition Into the Nature of Regalities, and other Heritable Jurisdictions, In that Part of Great Britain called Scotland, as now under the Consideration of Parliament. Addressed to the Consideration of his Fellow Subjects of Scotland. By an English Gentleman. London, 1747.*

предполагали для Горной Шотландии сценарий внутренней колонизации, в гораздо большей мере напоминающий традиционные имперские практики континентальных европейских современных держав, чем собственно британские, принятые за океанами и, как часто считается, отражавшие особый характер колониальной политики этой «морской» империи¹.

**«До нашего дня менее цивилизованный,
чем другие части Шотландии»:
Хайленд на шкале исторического прогресса**

Многомерность имперского пространства (а Соединенное Королевство можно рассматривать как Британскую империю в миниатюре), кроме того, предполагает перемещение в пространстве как путешествие во времени. Горная Шотландия, таким образом, репрезентировалась по отношению к остальной части Северной Британии и Англии как явление пограничное не только в пространственном, но и во временном отношении. При этом путешествии в Горную Страну на протяжении большей части XVIII в. являлось, по сути, путешествием в прошлое Англии и Нижней Шотландии (аналогичные примеры воображаемой географии представляют отзывы Ш.Л. Монтескье о Венгрии в 1728 г. или Г.Л. де Боплана об Украине

---

¹ Особое внимание на заимствование камералистского опыта внутренней колонизации государств континентальной Европы (Швеция, Дания, Российская империя, Пруссия) в процессе реформирования и «цивилизации» Горной Шотландии в XVIII в. обратил Ф.Э. Джонсон: *Johnsson F.A. The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonisation in the Scottish Enlightenment, 1760–1830. PhD Thesis. The University of Chicago, 2005. P. 43–47.* В современной русистике трансферы идей и опыта из области администрирования в истории Российской империи по-прежнему при этом рассматриваются, как правило, в перспективе запад–восток (в сторону Петербурга); см., напр.: *Imperium inter Pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М., 2010.*

в 1651 г., переиздававшиеся и в XVIII в., не утратив былой актуальности)¹.

Таким образом, отношения, в которых горцы состояли с остальными жителями Соединенного Королевства, характеризовались как отсталость, с другими «варварскими» краями — как сходство, со своими древними предками — как полная вневременная преемственность². Шкала относительной (пространства и времени) цивилизованности при этом выглядела так: «варварство» — «отсталость» — «цивилизованность». В результате отчетливо выделяются два контекста темпоральности гэльской окраины: внешний (динамика стадиального развития) и внутренний («безвременье» Хайленда) — цикличность и стадиальность в историческом времени этого края.

Такая стадиальная схема развития между тем находилась в полном соответствии с общепринятой картиной распространения «цивилизации» на Британских островах с римских времен: «Устье Тэя было самым дальним рубежом Римской империи в Британии. Хотя Юлий Агрикола, лучший из генералов при худшем из императоров, Домициане, прорвался дальше и по суше проник в самое сердце Горной Страны, но, так и не увидев пределов варварской страны и никакой пользы от захвата нескольких варваров-горцев, отбыл обратно и утвердил Римские орлы... сделав Тэй своею границей... Теперь мы находим войска короля Георга марширующими в самые отдаленные уголки [Горного Края]... Однако сейчас он [король] не иностранец и захватчик, но суверен»³.

¹ Ш.Л. Монтескье: «Я хотел увидеть Венгрию, все европейские государства некогда были то, что Венгрия сейчас, и я хотел познакомиться с нравами наших предков»; Г.Л. де Боплан: «...если бы не появление пороха, мы могли смело принять современных казаков за древних русских» (цит. по: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 308, 446 (оригинал см.: Боплан Г.Л. де. Описание Украины. М.: Древলেখранилище, 2004)).

² Любопытные аналогии в этом смысле см., напр.: Franco V. From Scotland to Russia: An Eighteenth-Century Debate on Feudalism, in Great Britain and Russia in the Eighteenth Century // Contacts and Comparisons / Ed. by A. Cross. Newtonville, 1979.

³ Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland // Defoe D. Tour... P. 394.

При этом постепенный ход «цивилизации» явственно зрим, например, в том, что горцы «также имеют традицию, бывшую в Нижней Шотландии в давние времена, — наследие предков, — считать себя в праве совершать беспорядки [на Равнинах] всегда, когда это в их силах» (что являло собой разительный контраст с образом жизни, теперь уже привычным в Нижней Шотландии)¹. Поэтому «несомненно, для правительства будет большим счастьем, когда не только жители Равнин, но и сами горцы, вся Шотландия будут в равной степени цивилизованы, а горцы будут управляться с той же простотой и спокойствием, что и вся остальная Шотландия»².

В этом смысле примечательна этнокультурная история пограничного с Горной Страной района Инвернесса: «Английские солдаты [гарнизон Оливера Кромвеля в Инвернессе, призванный “держать Горную Страну в благоговении”] поселились в этой... части страны, и два момента усматриваются как последствия этого: ...как солдаты Кромвеля приобщили их [местное окружение] к искусству и прилежанию в хозяйстве, точно так же они оставили им английский язык над их языками, что сохраняется до настоящего дня... Среди них живет много близких английскому образу жизни»³.

При таком понимании прогресса существование Горного Края одновременно на разных стадиях развития не удивительно. Кроме того, сам прогресс в крае может сменяться регрессом — возвращением в прошлое. В изложении практически всех комментаторов (по большей

---

¹ Напр.: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands*, December 10, 1724 // *HPJP. Vol. I. P. 133*; *Wodrow R. The State of Scotland in 1724* [содержится в: *Analecta: or Materials for a History of Remarkable Providences mostly relating to Scotch Ministers and Christians*] // *The Early Hanoverian Age. 1714–1760. Commentaries of an Era / Ed. by A.F. Scott. London, 1980. P. 148.*

² *Fraser S. Op. cit. P. 257.*

³ *Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland...* P. 407–408.

части шотландцев), к мнению которых в правительстве прислушивались, Горная Страна предстает «имеющей слабые связи с Равнинами, практически недоступной всем, кроме ее собственных жителей, чей язык [“диалект ирландского, понятный лишь им самим”] и платье совершенно отличны от принятых на Равнинах, до нашего дня менее цивилизованной, чем другие части Шотландии, отчего происходит множество неудобств для подданных Его Величества и даже для самого правительства»¹.

Последний комментарий важен особо, так как в географических, исторических и культурных особенностях развития Горной Страны естественным образом, как полагали комментаторы, скрыты причины мятежного состояния Горного Края. В этом случае уместно процитировать лэрда Каллодена: «Сила в Шотландском королевстве издревле покоилась на власти властителей над своими вассалами и вождей над их кланами, что в мирное время всегда было тяжким бременем для короля и королевства, поскольку эти могущественные властители и вожди, возгордясь, действовали очень высокомерно и оскорбительно, не управляясь ни королем, ни законом; во времена войны их могущество вредило и более». Последние же монархи из дома Стюартов сами ослабили власть Короны в Горной Стране, «снеся укрепления, построенные среди кланов Горной Страны... и вернув их к прежнему варварству»².

В результате к началу XVIII в. власть в Горном Крае по-прежнему была главным образом властью вождей кланов, а право — их наследственной юрисдикцией. Горцы, «принадлежа к одному из племен, полагают себя под защитой вождя», который «обладает огромной властью на ними, совершенно независимой от любой законной силы; в ряде случаев сохраняя ее... после того, как земли, на которых

---

¹ *Fraser S. Op. cit. P. 254–255.*

² *Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution // CP. P. 14.*

они живут, были отчуждены от вождей, которым они служат»¹.

Такой реванш «варварства», таким образом, отбрасывал Хайленд на полвека назад, если при расчетах в решении этого уравнения «цивилизации» оперировать датами представления лордом Ловэтом мемориала «О состоянии Горной Страны» в 1724 г. Георгу II Ганноверу (того самого, который должен был перепроверить генерал Уэйд) и началом периода Реставрации Стюартов в 1660 г. Актуализация представлений об утраченном для цивилизации крае через апелляцию к ее границам в прошлом играла при этом особую роль в обосновании претензий на британский престол представителей дома Ганноверов. Политическая история Горной Страны выступала в данном случае как свидетельство достоинств или недостатков правителя, как доказательство законности и закономерности власти новой династии.

Учитывая, что ответственные за умиротворение Горного Края чины либо являлись участниками ирландского колониального эксперимента в силу своего происхождения, либо просто предлагали этот опыт использовать, целесообразно привести сравнительный пример аналогичной модели восприятия в Великобритании гэльской Ирландии². В том же 1724 г. в Дублине вышла «Ирландская историческая библиотека», составленная лордом-епископом

---

¹ Fraser S. Op. cit. P. 255. Иллюстрацией к таким отношениям служит обращение глав ветвей клана Кэмерон к лэрду МакЛейну из Колла с просьбой защитить их родственника от угрозы кровной мести: Cameron Chieftains. Letter of Recommendation / Protection for Ewen Cameron addressed to the Laird of Coll. March 11, 1737 // <http://www.lochiel.net/archives/arch170.html>.

² Так, генерал Уэйд родился в Ирландии в семье офицера Джерома Уэйда из Килэвэлли, сына одного из английских солдат, высадившихся на «Изумрудном острове» вместе с Оливером Кромвелем и получивших небольшие владения на Эйре. А генерал Блэнд, например, был ирландским протестантом твердых религиозных принципов и предлагал применить опыт «цивилизации» ирландских гэлов к гэлам шотландским: Plank G. Op. cit. 113–118

Дерри¹. Она в первую очередь предназначалась, как следовало из текста обложки, для составителей общей истории «Изумрудного острова» и включала обстоятельные комментарии к сочинениям, которые могли бы быть полезными в этом нелегком труде.

При этом при написании истории Ирландии автор в первой половине XVIII в. предлагал ориентироваться на сочинения конца XVI–XVII в. «Цивилизованный» взгляд на ирландское «варварство» Э. Спенсера, Р. Стэнхерста, Дж. Дэвиса, У. Петти, самым непосредственным образом участвовавших в колонизации острова, представлялся епископу Дерри и его читателям весьма актуальным для понимания не только прошлого, но и нынешнего состояния Ирландии². Протестантская община настаивала в таких сочинениях на своем особом праве представлять «Изумрудный остров» в отношении с Лондоном, но в силу специфики своего положения среди враждебно настроенного и потенциально мятежного католического большинства поддерживала проект общей британской нации, институционализированный заключением в 1707 г. Англией и Шотландией унии.

Ну а если иметь в виду более отдаленную ретроспективу, то в отношении Ирландии было «хорошо известно», что ее история — это история завоеваний. Однако британское присутствие благотворно сказывается на «цивилизации» ирландцев, как замечали комментаторы уже середины столетия³. В конце XVIII в., впрочем, и в Ирландии «варварство» попыталось взять исторический реванш, подняв знамя «противоестественного» мятежа. Как и в случае с Горной Страной, чей недавний исторический опыт служил подтверждением соображений британских

---

¹ The Irish Historical Library. Pointing at most of the Authors and Records in Print and Manuscript, which may be serviceable to the Compilers of a General History of Ireland. By William, Lord Bishop of Derry. Dublin, 1724.

² The Irish Historical Library... P. 4–16.

³ Angel J. A General History of Ireland in its Ancient and Modern State. On a New and Concise Plan. Dublin, 1781. Vol. I. P. 3–25.

чинов, орудием «цивилизации» ирландцев (в 1798 г. в действительности не одних только гэлов) должна была выступить уния¹. Как и в случае с Горной Шотландией, варварство этой гэльской окраины также имело вполне определенные характеристики, включая политэкономия «папизма» и «предательскую» связь с иностранной державой (с наполеоновской Францией).

С одной стороны, такая стадияльная интерпретация исторического развития воспроизводила одну из распространенных историописательных моделей просвещенной Европы XVIII в. — универсализм. Универсалистская точка зрения была представлена сочинениями об историческом времени и социальном развитии (Монтескье, Руссо, Вольтер), объединяемыми в жанр «историй человеческого духа». Как правило, их авторы основывались на двух типах источников — на сочинениях античных и средневековых авторов и описаниях современных путешественников. В этих работах Европа в эпоху Просвещения (ее просвещенная часть) предстает единым культурным пространством, проживающим общее время. Гэльские окраины сочинений XVIII в. как «Европа за пределами Европы» — такой же «классический» пример универсализма, как и сочинения Монтескье, Руссо и Вольтера.

Неудивительно, что наибольшее развитие теория стадияльного развития получила именно в рамках шотландского Просвещения². Участники этого интеллектуального проекта имели возможность воочию, в пределах одной и той же страны и на протяжении жизни одного поколения (если в центр этого хронологического отрезка

---

¹ См., напр.: *An Impartial View of the Causes leading this Country to the Necessity of an Union...* Dublin, 1799.

² Подробнее см., напр.: *Микешин М.И.* Социальная философия шотландского Просвещения. СПб., 2005. С. 87–147; *Amoh Y.* The ancient–modern controversy in the Scottish Enlightenment // *The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment* / Ed. by T. Sakamoto, H. Tanaka. London; New York, 2005. P. 69–85; *Koyanagi K.* Civilization and history in Lord Kames and William Robertson // *The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment...* P. 150–162.

поместить последний мятеж якобитов 1745–1746 гг.), наблюдать на примере своих соотечественников-горцев процесс перехода от «племенного» строя к «национальному».

С другой стороны, в том, что касалось отчетов ответственных за умиротворение Горного Края «шотландских» чинов, дело в данном случае не ограничивалось лишь фиксацией положения Хайленда относительно остальной части Великобритании на единой шкале человеческого прогресса. На практике переход от «варварства» к «цивилизации», от «бунтующего» подданного к «верноподданному» представлял собой теорию, актуальную скорее для просвещенных шотландских интеллектуалов-literati, стремившихся обосновать англо-шотландский договор 1707 г. о заключении унии между двумя королевствами ссылками на открываемые им перспективы развития Северной Британии вместе со всем Соединенным Королевством в рамках Британской империи, чем для военных и штатских чинов, озабоченных поиском этнографической формулы «мятежного» горца. Вопрос о конкретных путях такой модернизации, таким образом, оставался открытым.

Literati и легалисты по обе стороны англо-шотландской границы полагали, что модернизация в Горной Шотландии возможна только при условии скорейшего искоренения местных социально-экономических, политических и культурных практик и распространения в крае британского образа жизни (в той версии, некоторые основные черты которой были представлены в аналитических сочинениях, памфлетной литературе и периодических печатных изданиях королевства). Ответственные за умиротворение Горной Страны чины и их агенты, разделяя такое британское, юнионистское представление о конечном результате их усилий в Хайленде, считали временное сохранение и использование феодально-клановой системы вполне возможным альтернативным путем британизации — вместо всеобъемлющей унификации в рамках «завершения Унии».

Аналитические рамки теории стадияльного развития, однако, оказались в достаточной мере гибкими, чтобы

поддерживать сосуществование двух взглядов на цивилизационный потенциал шотландских горцев, предполагавший, между прочим, и два различных подхода к хайлендской политике Лондона. В действительности они сочетались и пересекались в зависимости от конкретных обстоятельств, так что этнография мятежа не противоречила политэкономии его подавления.

Имея в виду широкие, как казалось, и перспективные, как порой и являлось, возможности военно-политического сотрудничества с частью местной элиты, власти вплоть до начала последнего выступления якобитов в 1745 г. считали терпимую к «племенному» строю консервативную этнографию «шотландских» чинов более уместной, чем поддержанную комментаторами-легалистами и исключавшую культурный компромисс радикальную, наглядным подтверждением чему может служить выбор Лондоном хайлендской политики, предложенной генералом Уэйдом.

При этом даже весьма умеренные по сравнению с модернизационным запалом лорда Грэнджа предложения командующего в некоторых случаях казались правительству слишком масштабными¹. Хотя на самом деле после подавления восстания в 1746 г. апелляция к клановой системе в Горной Шотландии еще долгое время оставалась веским аргументом в руках правительства и многих представителей местной элиты, нуждавшихся во взаимной поддержке и искавших общую выгоду в рамках институтов британского фискально-военного государства раннего Нового времени².

---

¹ Так, предложения по правовому регулированию и отправлению правосудия в Горной Стране (назначение шерифов, их заместителей, мировых судей и констеблей в Хайленде, финансирование расходов на судебные издержки и ежеквартальные судебные сессии) так и остались на бумаге: *Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 142.*

² См., напр.: *MacKillop A. «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000; Dziennik M.P. The Fatal Land: War, Empire and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vols. I–II. PhD Thesis. Edinburgh University, 2010.*

Переход шотландских горцев от клановой социальной организации и идентичности к включению в общебританский национальный проект предполагал временное измерение этого исторического процесса в Горной Стране. В результате даже исторические сведения прочитывались этнографически, порождая стандартный британский, юнионистский нарратив в истории этой гэльской окраины. Вопрос состоял не столько в необходимости описать горцев в качестве этнографического объекта анализа, определяемого особенностями нравов и обычаев, принятых в местной среде, сколько в том, чтобы наделить их историей, позволявшей рационально постичь особенности их нынешнего состояния и предугадать их развитие в будущем.

В результате исторические комментарии часто замещали собой историю Горного Края как историю, обладавшую собственным смыслом, логикой и внутренней связностью. Неудивительно, что самое значительное в этом новоизобретенном прошлом горцев было связано с Эдинбургом и Лондоном. В известном смысле сам Хайленд существовал постольку, поскольку об этом было написано в сочинениях британских чинов и агентов¹. История гэльской окраины представляла лишь частью истории Великобритании. Комментаторы восполняли историю Горной Шотландии как цепь событий из истории, вершившейся в Эдинбурге и Лондоне.

Таким методичным, хотя и не всегда последовательным образом велась интеллектуальная колонизация Горной Страны, при которой знание о регионе сообщало власть над ним, и верно обратное. В результате британское присутствие в крае подкреплялось историческими аргументами, а оценка местных реалий становилась менее противоречивой. И чем шире Лондон распространял свою

---

¹ Горная Страна в мемориале старшего Данкана Форбса из Каллодена, например, служит хорошей иллюстрацией такого упрощения: четыре страницы текста представляют сжатый очерк нескольких сот лет истории Горного Края и этнографические заметки обо всем населении Хайленда: *Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution // CP. P. 14–18.*

власть в шотландских горах, тем подробнее изучался Хайленд. Процесс интеллектуальной колонизации гэльских окраин Соединенного Королевства, формализованный выявленными «ирландскими» и «шотландскими» чинами и принятыми британскими властями этнографическими характеристиками гэлов Горной Страны и «Изумрудного острова», в итоге подчинялся политической и экономической прагматике правительства и в риторической, и в практической части.

Контрастность темпорального дискурса в то же время позволяет глубже понять природу исторической памяти британцев в XVIII в., а напряжение протекавших параллельно (в пределах одного региона) времен представить как проблему межкультурной коммуникации на гэльских окраинах.

Один такой пример, подтверждающий живучесть темпоральных представлений эпохи якобитских мятежей и во второй половине XVIII в., весьма показательно представлен тремя временами «Путешествия к Западным островам Шотландии» знаменитого доктора С. Джонсона (и его не менее известного компаньона Дж. Босуэлла): то, которое было «не так уж давно» (восстание якобитов 1745–1746 гг.); то, в котором живет автор; то, в котором пока еще живут многие жители Горного Края. Для современников события, связанные с походом «доброго принца Чарли» на Лондон осенью 1745 г., и к 1773 г. не стали частью исключительно прошлого. 1745–1746 гг. — это отправная точка «улучшений», наблюдаемых в крае доктором Джонсоном. Наконец, время, которое проживают пока еще многие горцы, — время «до 1745 г.», маркируемое «сохранением некоторых из прежних альянсов», приверженностью клану, вождю и некоторым обычаям «прежнего образа жизни»¹.

В этом смысле впечатления доктора Покока от путешествия в Ирландию в середине XVIII в. мало отличались от

---

¹ Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland. London, 1791. P. 72, 92–104, 127, 143–148, 175–210, 258–263, 267, 310–314.

испытанных в Горной Шотландии доктором Джонсоном. Последствия деяний лорда Маунтджоя и Кромвеля в конце XVI — первой половине XVII в. являются частым фоном описания «Изумрудного острова» и сто лет спустя¹. А ученики благотворительных протестантских школ, обучавших основам «истинной» религии и английскому языку, должны были по окончании обучения вести более «цивилизованный» образ жизни, чем их сверстники-католики, пребывавшие в связи с таким религиозным выбором в состоянии «варварства»².

При этом если дорога в Горный Край оказывалась для путешественников дорогой в их собственное историческое прошлое, неудивительно, что временная продолжительность этих маршрутов не являлась прямой функцией их геометрической протяженности. Ранней весной 1716 г. Джон Кэмпбелл, 2-й герцог Аргайл, возглавлявший королевские войска в Шотландии в период вспыхнувшего в королевстве мятежа, распорядился об устройстве сменных лошадей между Эдинбургом и Инвернессом в надежде на своевременный обмен распоряжениями и сообщениями с пришедшим в Хайленд усмирять якобитов генералом Уильямом Кэдогэном, 1-м бароном Ридингом и 1-м графом Кэдогэном (с 1717 г.). Однако с уходом генерала из Горной Страны и эта непрочная связь тут же оборвалась, почтовое сообщение за пределами горношотландского рубежа было свернуто³.

Тот день, когда «эхо Бен-Невиса тоже будет потревожено, но не боевым рогом воинственного вождя клана, а почтовым рожком», для Горной Шотландии в первой половине XVIII в. еще не настал⁴. При этом сейчас от Лондона до крайней северной точки Шотландии, Терсо,

---

¹ Pocock R. *Pococke's Tour in Ireland in 1752*. London, 1891. P. 105–106.

² Ibid. P. 136.

³ Chambers R. *Domestic Annals of Scotland. From the Revolution to the Rebellion of 1745*. Edinburgh and London, 1861. Vol. III. P. 401.

⁴ Скотт В. Эдинбургская темница // Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 5. С. 8.

не более 16 часов автомобильной езды¹. По меткому замечанию П. Шоню, к началу XVIII в. «Англия оставила Шотландию... в другой эре транспортной географии»². Игры со временем начинались уже на пути в Горный Край.

К тому же перемещение во времени ощущалось не только в дороге, но и во время постоя. Не только британская философия и политическая теория Просвещения, но и британские вкусы, характерные для этой яркой эпохи, определяли стандарты цивилизации, которыми измерялась дистанция между Горной Страной и остальным Соединенным Королевством. И эти стандарты также осмысливались в категориях времени³.

«Их язык является диалектом ирландского»: сравнительная филология империи в Хайленде

Категории из области языкознания и сравнительной филологии в эпоху Просвещения также занимали особое место в этнографических исследованиях. Лингвистический поворот в сторону историзма, впервые целюно изложенный И.Г. Лейбницем в 1691 г., предполагал, что ключ к установлению этнографической и исторической истины в отношении того или иного народа содержится в языке изучаемого: «Гармония языков есть лучший путь к определению происхождения народов»⁴.

Особенно важным при этом представляется то обстоятельство, что если биологические особенности человечества были, как заметил Ю. Слезкин, по сути, статичны,

¹ Брайсон Б. Остров Ее Величества. Маленькая Британия большого мира. М.; СПб., 2008. С. 327.

² Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 264.

³ Напр.: Johnson S. Op. cit.; Defoe D. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland // Defoe D. Tour... P. 362–430; Robertson J. Tour through some of the Western Islands, etc., of Scotland in 1768 / By A. Mitchell // PSAS. 1897–1898. Vol. 32. P. 11–19.

⁴ Цит. по: Vermeulen H.F. Op. cit. P. 280.

то языковые, напротив, позволяли проследить его историческую эволюцию, выявить связи между современными и древними народами и, опираясь на полученные таким образом факты, лучше понимать, как полагали в эпоху Просвещения, настоящее и по мере возможности, прогнозировать будущее¹. В этнографических изысканиях «шотландских» чинов сравнительная филология была сосредоточена на познавательных возможностях изучения ирландского языка в качестве общего культурно-исторического наследия шотландских и ирландских гэлов Великобритании в XVIII в.

Итак, «варвар» к началу и на протяжении первой половины XVIII в. постепенно сменяет католика-«паписта» «Трех Королевств» (Англия, Шотландия, Ирландия) в содержании концепта «Другой»². Вместе с тем представление о «варварстве» и «отсталости» в Соединенном Королевстве в XVIII в. сохраняло религиозные коннотации, и этот факт позволяет приблизиться к пониманию (на) значения «политики истории», проводимой британскими комментаторами на гэльских окраинах.

Понятие «протестантизм» в первой половине XVIII в. по-прежнему употреблялось как синоним понятия «антикатолицизм»³. Учитывая, что языком шотландских горцев

¹ Slezkine Y. Op. cit. P. 187.

² Об этом плавном отходе от религиозной составляющей в понимании «Другого», о роли религии в британской политике в первой половине XVIII в. (в отношении «папизма» и «деспотизма» «римско-католической» Франции в первую очередь) см., напр.: Colley L. Britons: Forging the Nation 1701–1837. London, 1992; Kidd C. Integration: Patriotism and Nationalism // A Companion to Eighteenth-Century Britain / Ed. by H.T. Dickinson. Oxford, 2002. P. 369–379; Стецкевич М.С. Протестантизм, антикатолицизм и британское национальное самосознание Нового времени // Христианская культура на пороге третьего тысячелетия. Материалы научной конференции. 12–14 июня 2000 г. Серия «Symposium», выпуск 5. СПб., 2000. С. 35–41; пример такого замещения в западноевропейских представлениях об отношениях между Австрией, Турцией и Венгрией с начала XVIII в. см., напр.: Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 76–89.

³ Стецкевич М.С. Указ. соч. С. 35–41.

полагали ирландский, а религиозным символом якобитизма (предполагавшего реставрацию изгнанных в 1688 г. Стюартов) — католицизм (бывший в Ирландии, как известно, знаменем сопротивления протестантскому Лондону), то «дикость» и «мятежность» Горной Страны легко находили свое «подтверждение» и таким еще образом. Протестантский и англоязычный «образовательный» дискурс не должен вызывать удивления: католицизм в Ирландии, с точки зрения Лондона (и его информаторов), был не просто религией, но конституцией ирландца¹.

Впрочем, генерал Уэйд, например, в своих рапортах изредка упоминает религиозные пристрастия горцев, и из них явствует, что к поддержке «Претендента» они, в отличие от феодально-клановой системы и отсутствия эффективного присутствия Лондона в Горной Стране, прямого отношения не имеют². К 1720-м гг. католицизм в крае практиковался главным образом в традиционных областях его распространения (на Гебридских островах и районах к западу от Инвернесса), и когда Карл Эдуард Стюарт в 1745 г. достиг наконец Горного Края, то престарелый епископ Хью МакДоналд, апостольский викарий Хайленда, был среди первых, пытавшихся убедить принца отплыть обратно во Францию³.

---

¹ При этом ирландский язык считали языком шотландских горцев во всех «Трех Королевствах»: по ту сторону Ирландского моря, в Ольстере, протестантская церковь Ирландии в начале XVIII в. озабочилась привлечением говорящих на ирландском священников в целях проповеди среди иммигрантов из Горной Шотландии, принадлежавших к епископальной церкви, но знакомых лишь с гэльским: *Connolly S.J. Divided Kingdom: Ireland 1630–1800. Oxford; New York, 2008. P. 334.*

² Этот аспект «Хайлендской проблемы» появляется единожды в первом рапорте генерала Уэйда о состоянии Горной Страны в небольшом разделе «Roman Catholics in the Highlands»: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724... P. 145.*

³ *Lenman B. The Scottish Episcopal Clergy and the Ideology of Jacobitism // Ideology and Conspiracy: Aspects of Jacobitism, 1689–1759 / Ed. by E. Cruickshanks. Edinburgh, 1982. P. 37;* о той же степени распространения католицизма в Хайленде см.: *Blundell O. The Catholic Highlands of Scotland. Vols. I–II. Edinburgh; London, 1909–1917.*

Однако пока явление конструируется как пограничное, оно будет считаться опасным. Шотландский горец — почти ирландец (помимо прочего, говорит на «ирландском»), и потому он, конечно же, «варвар». Он «варвар» и, значит, почти ирландец. Ирландский фактор служил незаменимым этнографическим индикатором «варварства» в Великобритании. Угрожавший завоеваниям Славной революции 1688 г. «враг» говорил «по-ирландски».

При этом сама формулировка «ирландской» угрозы, несомненно, отвечала идеологическим потребностям появившегося в 1707 г. британского государства. Единство Англии и Шотландии (внутреннее единство самой Шотландии) после заключения Унии было столь шатким и неочевидным, что его необходимо было укрепить¹. Вооруженная угроза со стороны «ирландского» варварства в Горной Стране начала играть свою роль в укреплении британского единства задолго до эпохи Наполеоновских войн².

Конструирование идентичности включает в себя не только определение того, кем некто является, но и того, кем он не является. Сходство подчеркивается, а различия ретушируются (и наоборот). Как и почти с любым другим знаком или концептом, невозможно понять смысл

---

¹ Заключенная в 1707 г. Англией и Шотландией уния первый серьезный кризис пережила уже в 1713 г., когда палата лордов британского парламента обеспечила ее сохранение перевесом лишь в четыре голоса «за»: *Murdoch A. Scotland and the Union // A Companion to Eighteenth-Century Britain / Ed. by H.T. Dickinson. Oxford, 2002. P. 382*; в то же время предложения об унии как инкорпорации «Изумрудного острова» с Англией, поступавшие из Ирландии в 1698, 1703, 1707, 1709 гг., были отвергнуты в Лондоне, вызывая сомнения в перспективах интеграции «Трех Королевств»: *Kidd C. Integration: Patriotism and Nationalism // A Companion... P. 370*.

² На особое значение Наполеоновских войн в формировании британской идентичности в Горной Стране в современной британской историографии обращают пристальное внимание, напр.: *Colley L. Op. cit.*; *MacKillop A. Op. cit.*; *Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000. P. 15–41*; *McNeil K. Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860. Columbus, 2007*.

понятия «горец» вне контекста изучаемой темы. Так, этноним «сасеннах», например, шотландские горцы применяли и к англичанам, и к соотечественникам-шотландцам с Равнин. Вопрос достоверности информации, таким образом, уступает место вопросам о характере информации, характере ее организации, трансляции, авторстве, целях. Возникает вопрос, едва ли предполагающий однозначный ответ: с чем мы имеем дело — с «ирландскостью» («Irishry») или версиями «ирландскости» («Irishness») в Горной Стране?

Нивелированные общностью ирландского языка, этнографические границы гэльских окраин включали коренных ирландцев-католиков, которые после разгрома якобитов в битве на реке Бойн 12 июля 1689 г. населяли «скрытую Ирландию» Дэниэла Коркери («скрытую», конечно, лишь от моноглотов-англичан, не знавших ирландского); «старых англичан»-католиков, «обырландившихся» потомков англо-нормандских завоевателей «Изумрудного острова»; роялистов, которых Кромвель еще в 1649 г., при взятии Дрохеды (обороняемой и англичанами), определил как «ирландцев»; и горцев, «ирландскость» которых определялась этнографически (общностью занятий, быта, исторического развития) и лингвистически¹. Может быть, «ирландцы» — это все жители «Изумрудного острова» в принципе?²

---

¹ *Corkery D. The Hidden Ireland. A Study of Gaelic Munster in the Eighteenth Century. Dublin, 1925; Cunnane D.W. Catastrophic Dimensions: The Rupture of English and Irish Identities in Early Modern Ireland, 1534–1615 // Essays in History. Vol. 41. 1999* (концептуальная статья о превращении «старых англичан»-католиков в Ирландии в борьбе с «новыми англичанами»-протестантами, повторно колонизировавшими остров в XVI в., в «ирландцев»); *Stevenson D. Cromwell, Scotland and Ireland // Cromwell and the Interregnum. The Essential Readings / Ed. by D.L. Smith. Bodmin, 2003. P. 192.*

² Уильям Мулинекс, например, автор патриотического памфлета «Дело Ирландии связано принятыми актами английского парламента» (1698 г.), писал, что «большая часть нынешних обитателей Ирландии представляет собой потомство англичан и британцев, время от времени прибывавших извне в это королевство, где в наши

При этом этнографическое (и географическое) определение (и разграничение) Ирландии и Горной Страны всегда было делом в известной степени неоднозначным: «Ирландия»/«Гибберния», «ирландец»/«скотт»; Даларайде, «Нагорная Страна», в Ирландии (горные области Энтрима) и Аргайл («Гэльский Берег») в Горной Шотландии, некогда вообще имевшие одного короля на два берега. Тем не менее до середины IX в. «Скотия» всегда, а до конца X в. — как правило означала Ирландию, а «скотт» — ирландца. И даже в XII в. консервативный епископ Кейтнесса жаловался, что «Альба ныне неправильно зовется Шотландией». В течение следующих двух веков такое понимание местной истории все еще сохранялось: «Скотты... вышли из Ирландии, которая и есть родная страна скоттов» (Ральф Хигден. Полихроникон. Тревизский список, около 1385 г.)¹.

Однако уже в 1380 г. хронист из Эбердина Джон из Фордана писал о «шотландском» (Хайленд) и «тевтонском» (Лоулэнд) языках, тем самым определяя лингвистические границы «нравов и обычаев» в пределах одного королевства². Впоследствии Джон Мэйджор в своей версии британской истории писал о «диких скоттах» и «хозяйственных скоттах», отмечая сходство в языке, одежде и обычаях этих «диких скоттов» и ирландцев и разделяя таким образом жителей формально единой Шотландии³. Т.С. Смаут применительно к XVI–XVII вв. пишет об «ирландцах»

дни исконных ирландцев остается едва ли горсть и, я могу сказать, не более одного на тысячу» (*Connolly S.J. Op. cit. P. 210*); так же (хотя и с другим отношением к «исконным» ирландцам) в 1709 г. Джонатан Свифт в «Письмах суконщика» обращался «ко всему народу Ирландии»: *Свифт Дж. Первое письмо суконщика // Свифт Дж. Избранное. М., 1987. С. 337.*

¹ Мак-Кензи А. Кельтская Шотландия. М., 2006. С. 59–60, 67.

² *Smout T.C. A History of the Scottish People, 1560–1830. New York, 1969. P. 42.*

³ *Major J. A History of Greater Britain as well England as Scotland compiled from the ancient authorities by John Major, by name indeed a Scot, but by profession a theologian, 1521 / PSHS. Edinburgh, 1892. Vol. X. P. 40–54.*

и «скоттах»¹. Между тем его комментарий нуждается в дополнительном уточнении и прояснении: почему именно «ирландцы», а не те же «дикие скотты»? Какой смысл вкладывался в это этнографическое определение в XVIII в.?

Горная Шотландия действительно имела тесные связи с Ирландией. В 1698 г. члены парламента Англии обсуждали невероятную «вероятность» прибытия из Ирландии в Хайленд Александра МакДонелла, 3-го графа Энтрима, и «подъема... 20 000 имени или клана МакДонелл» в Горной Стране против Короны². При этом подразумевалась не только военно-политическая, но и духовная, культурная угроза из Ирландии для Англии и для Шотландии: под защитой тех же МакДонеллов из Энтрима католические священники проповедовали и в Горной Шотландии, конкурируя с протестантской миссией Кэмпбеллов (в том числе и в Ирландии, в Ольстере)³.

При этом в самой Ирландии имелась своя «шотландская колония» пресвитериан, иммигрировавших из Равнинной Шотландии (в основном с ковенантерского юго-запада) в Ольстер. Яков I (VI) Стюарт в начале XVII в. так определил их характерные особенности: «...шотландцы обладают средним темпераментом между английским мягким воспитанием и ирландским грубым воспитанием...» К 1707 г. история этой протестантской колонии (около 100 000 шотландцев к 1640 г.; около 50 000 человек прибыло только в 1690–1700 гг.) Ольстера насчитывала сотню лет, делая возможным разговор об особой ольстерской идентичности. При этом для первопоселенцев британских колоний в Северной Америке эмигранты из Ольстера и в XVIII в. являлись «ирландцами», что еще раз

¹ Smout T.C. Ibid. P. 43.

² The Journal of the House of Commons. London, 1802. Vol. 12. P. 184–188.

³ Canny N. Irish, Scottish and Welsh responses to centralisation, c. 1530 — c. 1640 A comparative perspective // Uniting the Kingdom? The making of British History / Ed. by A. Grant and K.J. Stringer. London and New York, 2003. P. 155 (цит. по: Dowson J. Calvinism and the Gaidhealtachd in Scotland // Calvinism in Europe. Cambridge, 1994).

напоминает о значении контекста для определения действительного содержания этого термина.

По мнению Х. Тревора-Рупера, воспользовавшегося концепцией «изобретенной традиции» Э. Хобсбаума, создание отдельного культурного поля на протяжении второй половины XVIII в., когда военно-политическая угроза со стороны Горной Страны была практически ликвидирована, а необходимость в скорейшей интеграции края (способного к тому же поставлять рекрутов для второй «Столетней войны» 1689–1815 гг. с Францией) усилилась, создание мифа о шотландском горце, отполированного в викторианский период, началось с трех шагов: с культурной революции и переворачивания связи «потребитель–производитель»: теперь Горная Шотландия должна была выступать в качестве колыбели «кельтскости», а не культурной провинции; с изобретения «древних и исконных» горских традиций (касавшихся и «традиционного» облика шотландского горца); с распространения изобретенных традиций на остальную Шотландию¹.

Для первой половины XVIII в. верен и обратный процесс, при котором жителя Горного Края вполне осознанно превращали в «ирландца». Как заметил в одном из программных мемориалов о положении Хайленда, составленных по указанию правительства в 1724 г., лорд Грэндж, «житель равнин, который отправляется расположиться в тех местах, в той же мере готов превратиться в обычного горца, в какой английская семья, проживающая среди коренных ирландцев, становится настоящей ирландской»².

По окончании последнего якобитского мятежа в 1746 г. культурные рубежи в Шотландии виделись ее «цивилизованным» жителям во многом так же, как прежде: «Примечательно, что в некоторых пограничных с Горной Страной округах, где... говорили на ирландском языке, носили горское платье и были привычны к оружию, под влиянием

¹ Trevor-Roper H. Op. cit. P. 15–41; McNeil K. Op. cit.

² Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1. P. 2.

случайного внедрения промышленности ирландский язык и горское платье уступили разновидности английского языка и нижнешотландской одежде; жители взяли вместо оружия плуг и, разоруженные таким образом не по акту парламента, такие же теперь, как и их соседи с Равнин»¹.

Так же как лорду-президенту Сессионного суда Шотландии, реалии Горной Страны представлялись и обычному, хотя весьма проникательному жителю «Хайлендского рубежа» лэрду Гэртмору: «Общение на ирландском языке в большей части страны, на языке, отличном от того, на котором говорит все остальное королевство, имеет большую тенденцию к их объединению; но отделяет их от остальных подданных бесполезной враждой, происходящей от различий в обычаях, что является естественным следствием разницы в языке»².

И если взгляды обоих информаторов предвзяты (дело, разумеется, обстояло именно так), то, во всяком случае, можно сказать, что они были характерной чертой представлений самих шотландцев (в данном случае ближайших соседей хайлендеров, смотревших на них взглядом и государственного служащего, как Форбс, и обычного лэрда на «Хайлендском рубеже», как Грэм из Гэртмора) о Горной Стране в первой половине XVIII в.

Добавим, что даже предложения по умиротворению края, изложенные командующим королевскими войсками в Шотландии в 1746–1747 гг. графом Эбемарлом, в основной своей части, по мнению некоторых исследователей, имеют автором также шотландца — заместителя шерифа Аргайлшира Арчибальда Кэмпбелла из Стоунфилда³.

¹ *Forbes D.* Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland [1746 г.] // CP. P. 297, 301.

² *Graham N.* An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, 1747 // Burt E. Op. cit. P. 363.

³ HPJP. Vol. II. P. LXXI; Memorial of the Justices of the Peace, Deputy Lieutenants and others Proprietors in Argyleshire, conven'd at Inveraray the 20th day of August, 1746 [вложено в: Duke of Albemarle to the Duke of Newcastle. Edinburgh, September 9, 1746] // HPJP. Vol. II. P. 222–224.

Представление об этнографии в данном случае скорее опосредованно транслировалось в столицу представителями местной элиты, чем навязывалось назначенными Лондоном чинами в качестве идеологической составляющей хайлендской политики.

Последние, сами того не подозревая, воспроизводили на риторическом уровне культурную инаковость Горного Края, представленную министрам заинтересованными шотландскими подданными британской Короны. Лейтенант-полковник Джеймс Уолф, например, будущий герой Британской империи, завоевавший в 1759 г. французский Квебек, а в 1750–1757 гг. командовавший полком в Инвернесе, поддерживая закон и порядок в Горной Шотландии, спустя пять лет напряженной гарнизонной службы на севере Соединенного Королевства выражал опасения «превратиться в туземца». Как полагает Ф. Маклинн, то был не просто страх перед привычкой к «дикой» и «варварской» жизни в горах. «В течение длительного времени исполняя обязанности абсолютного правителя, похоже, он сам начал превращаться в дикаря», пользуясь фактическим положением военного времени¹.

Изрядно нагруженный ассоциациями «ирландский» характер шотландских горцев, таким образом, проглядывал во всем: в языке, одежде, быте, архитектуре, не говоря о феодально-клановой организации. С большой долей уверенности можно предположить, что правительственными комментаторами в Горной Стране на вооружение был взят риторический арсенал описаний Ирландии, применявшийся Лондоном столетием ранее². За текстами

---

¹ Цит. по: Маклинн Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М., 2009. С. 318.

² Наиболее яркие и влиятельные (в контексте формирования нарративной традиции) «ирландские» сочинения: Spenser E. A View of the State of Ireland: written dialogue-wise between Eudoxus and Ireneus, 1596. Dublin, 1833; Davies J. A Discovery of the True Causes why Ireland was never entirely Subdued nor Brought under Obedience of the Crown of England until the Beginning of His Majesty's Happy Reign, 1612 // Ireland under Elizabeth and James the First described by Edmund Spenser by Sir John Davies Attorney-General for Ireland under James the First and by Fynes

о Горной Стране обнаруживается давняя историческая и историографическая традиция. Описания Ирландии формировали последовательную и цельную нарративную традицию расширения присутствия Лондона на «Изумрудном острове» при поздних Тюдорах и ранних Стюартах. И в том же качестве выступают описания Горной Шотландии при первых Ганноверах.

Литературная власть «Другого» оказывалась в данном случае его же «черной легендой». На Британских островах можно было спокойно говорить об ирландском языке, ирландской одежде, ирландском способе производства, ирландском способе ведения войны, ирландской политической культуре, ирландской религии, ирландской человеческой природе и т.д. и при этом рассчитывать на понимание. И точно так же дело обстояло в тех случаях, когда речь шла о хайлендской специфике¹.

Сходства оставались, различия отбрасывались (интеграция и исключение выступали как две стороны одного и того же процесса конструирования ирландской идентичности) в целях презентации «естественности» построенного региона². Этот процесс последовательных обобщений

Moryson Secretary to the Lord Mountjoy, Lord Deputy / Ed. by H. Morley. London; Glasgow; Manchester, and New York, 1890. P. 213–342; *Moryson F. The Description of Ireland // Illustrations of Irish History and Topography, mainly of the seventeenth century* / Ed. by C.L. Falkner. London, 1904. P. 214–232; самые обстоятельные комментарии в генеалогии работ о состоянии Горного Края, отсылающие к «ирландским» корням его жителей, см., напр.: *Graham N. Op. cit.* P. 338–370; *Forbes D. Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland [1746 г.] // CP.* P. 297–301.

¹ Один из самых примечательных примеров: введенное генералом Маккеем понятие «Горной войны», имевшее не только географическое, но и этнографическое значение: *Mackay H. General Remarks upon the Scots Wars in the Years 1689 and 1690, with the occasions of the Beginnings, increasing and continuation of the Rebellion against their Majesties Government // Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833.* P. 110–117, 221–356.

² Подробнее о конструировании воображаемого региона в процессе политической репрезентации см., напр.: *Нойманн И.Б. Указ. соч.* С. 25–213.

заклучался в том, что выводились общие черты в отношении *всех* кланов, между *всеми* горцами и *всеми* ирландцами.

Путешественники, посещавшие гэльские окраины в XVIII в., испытывали определенное хронологическое смещение, делая историю «варварских племен» фоном для своих современных впечатлений. И это были скорее научные по форме и восприятию выводы, чем литературный прием для передачи ощущения варварства, хотя граница между литературным образом и этнографическим исследованием была довольно размытой. Категории античной и средневековой истории еще только входили в научный аппарат формировавшейся тогда новой общественной науки — этнографии, а «ирландский» язык уже стал центральным элементом современных представлений о горцах в целом, и ему принадлежала особая роль в сопряжении прошлого и настоящего Британских островов «между цивилизацией и варварством, между древней историей и современностью»¹.

Этот же язык, понимаемый как культурный код, являлся в аналитических сочинениях ответственных за умиротворение Горного Края чинов и их агентов одной из наиболее общих и ценных этнографических характеристик. Этот факт подтверждается эффективным использованием языка в качестве аналитического критерия при конструировании внутренне однородного ареала: ирландский язык оказывался структурообразующей особенностью этнографии мятежного края.

Переосмыслив историю как историю «обычаев и нравов», европейская философия XVIII в. наметила путь от истории к этнографии. При этом нравы использовались как индикатор, позволявший отличать «цивилизацию» от «варварства». Такая культурная антропология была характерной чертой и шотландского Просвещения. Воспользовавшись проницательной формулировкой Вульфа, отметим, что, вплетая в повествование и ирландцев, и горцев, и американских индейцев, этнография XVIII в. пыталась сформировать целостное представление о варварстве.

---

¹ Вульф Л. Указ. соч. С. 421–483.

XVIII в. все больше интересовался «дикими» народами и «картой человечества»¹.

При этом следует иметь в виду, что воображаемый не значит менее реальный. Антропология XX в. позволяет по-новому взглянуть на этнографию Горной Шотландии конца XVII — первой половины XVIII в. Так, рассматривая колдовскую практику племени азанзе, Питер Винч пришел к выводу, что для того, чтобы изучить социальную жизнь азанзе, вращающуюся вокруг репрезентаций колдовства, антрополог должен вынести за скобки вопрос о том, существуют ли ведьмы «реально»². Для того чтобы понять специфику репрезентаций Горной Страны как составной части охватившей оба берега Северного канала «Ирландии», нужно вынести за скобки (по крайней мере на время) вопрос о том, действительно ли (и до какой степени) шотландские горцы в XVIII в. были ирландцами.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что «варварство» гэльских окраин на протяжении XVIII в. было призвано содействовать решению различных задач. Укрепление унии между Англией и Шотландией и сотрудничества между протестантской элитой Ирландии и Лондоном были только одними из них. Во второй половине XVIII в. «отсталость» шотландских горцев в развитии оправдывала почти непрерывный процесс их рекрутирования в хайлендские полки. В контексте вспыхнувшего в 1798 г. восстания в Ирландии представление о «варварстве» гэлов «Изумрудного острова» должно было скрыть тот опасный и оттого особенно неприятный для Лондона факт, что мятеж далеко не везде на острове носил этнорелигиозный характер³.

¹ Там же. С. 462, 466.

² Нойманн И.Б. Указ. соч. С. 274.

³ В донесениях парламенту Великобритании о военно-политической ситуации в Ирландии накануне восстания Объединенных ирландцев в 1798 г. члены Секретного комитета палаты общин, например, сообщали, что эмансипация католиков является ширмой для достижения политических целей (отделение Ирландии), а население «Изумрудного острова» разделяется скорее по принципу политической лояльности, чем религиозных предпочтений (The Report from the Secret Committee of the House of Commons, with an Appendix. Dublin, 1798. P. 3–85).

Любопытно, что уже в XIX в. такой сконструированный образ мятежа будет использован католическим ирландским национализмом и сыграет свою роль в укреплении также и протестантского ирландского национализма, что уже в XX в., в свою очередь, придаст процессу отделения Ирландии от Великобритании форму гражданской войны.

Таким образом, к началу XVIII в. наука и литература уже провели «первичную подготовку» для последующей «цивилизации» Горного Края, изображая его жителей такими же «дикарями» и «варварами», какими в свое время (в том числе в XVIII в.) представлялись ирландцы (еще раньше — валлийцы, но с другим идейным подтекстом), и подкрепляя мысль о цивилизующей миссии Соединенного Королевства в Горной Стране¹.

Успех той или иной интерпретации во многом зависит от ее совместимости с другими репрезентациями. В модель англоязычного протестантского дискурса о «цивилизации» Британских островов с самого начала был встроена определенный «гэлизм» (и в этом смысле параллели уместны между шотландскими и ирландскими гэлами), аналогичный в сущностных чертах (возьмем наиболее примечательный в последние десятилетия пример) ориентализму Европы Нового времени, как его понимал в своем широко известном исследовании Э.В. Саид².

Наблюдается своеобразная коннотация исторических образов: изображаемый комментаторами горец времен

---

¹ Среди аналитических сочинений об умиротворении Горного Края конца XVII — первой половины XVIII в., являвшихся и продуктом научной деятельности (изучение географии, истории, этнографии, экономики края), и источником литературных упражнений современников (так, первое жизнеописание Роберта МакГрегора — «Шотландский лиходея» — появилось еще при его жизни: *Scott W. Op. cit.* P. 176–177; а уже в 1737 г. ему и другим подобным «героям» уделили внимание в поэме, посвященной военным дорогам в Горной Стране: *Chambers R. Op. cit.* P. 470), ни одно не преминуло упомянуть о «цивилизации» Хайленда как непременном условии решения этой задачи.

² Саид Э.В. Указ. соч. См. также: *Said E. Culture and Imperialism.* London, 1993.

первых Ганноверов очень похож на ирландца времен поздних Тюдоров (при том, что XVII в. не стал пробелом в этой традиции: достаточно упомянуть сообщения об «избиении» протестантов в Ирландии в 1641 г. и страх повторения этих событий в 1689–1691 гг. и значительно позже¹). «Описание Ирландии» Файнса Морисона, составленное еще при Елизавете и вновь опубликованное в 1735 г. (не подобные ли штудиям вождя Фрэзеров и генерала Уэйда сочинения сообщили «Описанию...» в первой половине XVIII в. новую актуальность?), — показательный пример для сравнения². Это одновременно и напоминание о том, как важен порой дискурсивный контекст: тексты не могут со временем оставаться «теми же самыми» (хотя, разумеется, существует определенная преемственность их восприятия).

Таким образом, сформировался определенный исследовательский менталитет. Так как британские власти вполне разделяли с учеными и путешественниками принятые

---

¹ Подробнее о формировании и бытовании в Великобритании представлений о «резне», устроенной «ирландскими папистами» в 1641 г., как о ключевом событии в истории Ирландии XVII в. см.: *Fitzpatrick T.* The Bloody Bridge and other Papers relating to the Insurrection of 1641 (Sir Phelim O'Neill's Rebellion). Dublin, 1903. Исторические сочинения об «Ирландском мятеже», повествующие об учиненной ирландцами-католиками «кровавой резне», в конце XVII — первой половине XVIII в. издавались с завидной регулярностью, причем некоторые из них, как, например, труд сэра Дж. Тэмпла, вышли в свет еще во второй половине XVII в.: *Manley R.* The History of the Rebellions in England, Scotland and Ireland... and etc. London, 1691; *Temple J.* The Irish Rebellion: Or, an History of the Beginnings and first Progress the General Rebellion raised within the Kingdom of Ireland, Upon the Three and twentieth Day of October, in the Year 1641. Together with the Barbarous Cruelties and Bloody Massacres which ensued thereupon. Dublin, 1713 [1716, 1724, 1746]; *Borlase E.* The History of the Irish Rebellion. Dublin, 1743; *Curry J.* Historical Memoirs of the Irish Rebellion In the Year, 1641. London, 1758. Стоит отметить, что публикации сочинений сэра Джона Темпла, видимо, не случайно в трех из четырех приведенных здесь случаев совпали с важными вехами в истории мятежного Горного Края (подавление мятежей якобитов в 1716 и 1746 гг. и прибытие в Горную Страну в 1724 г. генерала Уэйда на фоне роста опасений подготовки очередного восстания).

² *Moryson F.* Op. cit. P. 214–232.

в их среде образы «отсталости» и «варварства» гэлов (и ирландцев, и горцев, чей язык именовали «ирландским» еще в первой половине XVIII в.), этот «гэльский» словарь социальной лексики комментариев к состоянию Горного Края, видимо, изрядно поспособствовал доведению соображений их авторов до Лондона.

В борьбе с ганноверским Лондоном якобитизм принял интерпретацию, навязанную противником, — военно-политическое противостояние на почве столкновения «варварства» и «цивилизации». И хотя их соотношение сторонники изгнанных Стюартов трактовали как оппозицию шотландских традиций англизации Северной Британии (в смысле подчинения одной страны и культуры другой), категория «горец» оказалась политизированной, и это обстоятельство было началом конца политического якобитизма¹.

С одной стороны, комментарии «шотландских» чинов и агентов правительства порой противоречили друг другу в выборе оптимальной стратегии «цивилизации» Горного Края, порождая конфликт этнографических интерпретаций, особенно очевидный при сопоставлении

---

¹ На многочисленных карикатурных изображениях и сатирических гравюрах британской печатной продукции младший Претендент в наряде горца, например, противопоставлялся благородной натуре герцога Камберленда («The Royal British Hero») в военном мундире, и этот «варварский» облик Карла Эдуарда Стюарта («The Frightened Italian Bravo») недвусмысленно подразумевал, что визуализированные таким образом этнографические особенности Горной Страны, ее феодально-клановая система и делади возможными в Соединенном Королевстве мятежи якобитов; см., напр.: Walker A. The True Contrast. London, 1749 / Blaikie Collection. Scottish National Portrait Gallery. 9.15 // <http://digital.nls.uk/75240848>. Якобитизм был едва ли не основным содержанием политической культуры протеста официальному Лондону на гэльских окраинах. Само ограничительное законодательство в Ирландии (время его появления) подтверждает этот факт. С другой стороны, якобитизм в тот период привлекал представителей самых различных политических и религиозных партий, как своеобразная страховка или форма выражения политической оппозиции (разумеется, крайне опасная). Таким образом, на практике якобитизм, конечно, не являлся уникальной характеристикой гэлов как в Ирландии, так и в Шотландии.

официальных аналитических сочинений о состоянии Горной Страны, имевших открытое хождение в публичном пространстве Соединенного Королевства в 1689–1759 гг.¹

С другой стороны, идеи Просвещения были универсальным эквивалентом обмена этнографическим знанием между комментаторами. Другими словами, народы, населявшие окраины европейских империй, рассматривались в качестве релевантных друг другу на основе упрощения их отличительных этнографических характеристик в рамках культурного перевода местных реалий ответственными за умиротворение и «цивилизацию» этой «дикой» периферии чинами (стадиальная теория исторического развития, сравнительная филология этнического различия и популярные учения о социальных иерархиях в области естествознания). Разница же в переводах на практике зависела не только от интеллектуального контекста этнографических репрезентаций, но и от форм и методов сопротивления горцев в Хайленде, в том числе от конкретных военно-политических обстоятельств.

При этом все комментаторы соглашались, что «завершение Унии», как модернизация Горной Шотландии, является конечным результатом хайлендской политики Лондона. Идеальный вариант заключался в исчезновении самого предмета их этнографических штудий — говорившего на «ирландском» языке «варвара» в Хайленде. Стадия варварства, зарезервированная за шотландскими горцами, таким образом, предполагала, что источник цивилизации — Лондон, а дальнейший вектор социальной эволюции края — исчезновение феодально-клановых отношений и кланов.

Такая форма этнографического «прочтения» правительством, его чинами и агентами в Горном Крае местных реалий, определяемого известными рамками культурного перевода, предполагала, что содержание этого процесса будет представлять собой вполне определенное сочетание

---

¹ См. подробнее 2-й параграф 3-й главы.

познавательных и административных практик в хайлендской политике Лондона. Именно эта практическая этнография «полевых исследований» была призвана стать связующим звеном между теоретическим определением и практической реализацией модели интеллектуальной колонизации Горной Страны и расширения британского присутствия в крае вообще.

§ 2. Мятежники в королевстве: «взбунтовавшийся» горец

Проекция власти британского государства в Горной Шотландии в эпоху раннего Нового времени в процессе интеллектуальной колонизации края при помощи административной этнографии с самого начала и с переменным успехом решала две взаимосвязанные задачи. Первая состояла в том, чтобы наполнить необходимым этнографическим содержанием образ «взбунтовавшегося» шотландского горца.

Аналитические категории естествознания, политэкономии, сравнительной филологии эпохи Просвещения и первого века глобальных империй позволили ответственным за умиротворение Горной Страны чинам и их агентам в Хайленде вообразить шотландского «ирландца» как британский вариант ирландского гэла, отличавшийся от собратьев с «Изумрудного острова» скорее расположением на универсальной шкале исторического прогресса, чем какими-то особыми этнографическими признаками.

Ловко жонглируя региональными и историко-культурными категориями этнографического анализа, комментаторы объединяли разнообразие побудительные мотивы поддержки в крае дела изгнанных Стюартов. Мятежный характер горца, таким образом, колебался вдоль этих различий, что позволяло объединять весь их спектр в сознании и письме британских чинов при помощи этнографических признаков.

Родство шотландских и ирландских гэлов оказалось для Лондона политически и идеологически значимым фактором. «Ирландец» в Горном Крае в качестве объединяющей военно-политической и культурной угрозы был призван помочь остальным подданным Соединенного Королевства объявиться «британцами», внося ощутимую лепту в конструирование этой юнионистской и имперской идентичности.

Вторая задача носила более практический характер и состояла в выявлении и применении этнографической формулы «мятежного» горца в процессе умиротворения и «цивилизации» Хайленда (в обоих случаях недвусмысленно подразумевая искоренение якобитизма).

Таким образом, если в первом случае речь шла скорее о риторической модели конструирования британской нации, то во втором случае настоятельно требовалась деконструкция воображенной Лондоном в шотландских горах этнической группы (шотландский «ирландец»), ее конкретизация и упрощение до категории «мятежного» горца, чтобы определить и преодолеть специфические местные факторы возмущения в Горной Шотландии.

Это примечательное обстоятельство, в свою очередь, вновь подтверждает упускаемый многими из виду факт, что такая административная этнография Горной Страны выступала в качестве культурной технологии окраинной политики Великобритании в Хайленде в 1689–1759 гг.¹

---

¹ Большинство современных историков, касающихся восприятия шотландских горцев в Великобритании в «долгом» XVIII в., по-прежнему исходят из того, что их этнографические особенности в сочинениях современников представляли собой в основном набор стереотипов и заданные идеями Просвещения формулы речи. Практическое назначение этнографического знания о горцах определяется в контексте формирования британской и шотландской национальных идентичностей, а также идеологического сопровождения реформирования Горной Страны. См., напр.: *Womack P. Improvement and Romance. Constructing the Myth of the Highlands.* London, 1989; *Withers C.W.J. The Historical Creation of the Scottish Highlands // The Manufacture of Scottish History / Ed. by I. Donnachie and C. Whatley.* Edinburgh, 1992. P. 148; *Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig historians and the creation of an Anglo-British Identity, 1689–1830.*

Следовательно, различные уровни этнографического знания, на которые распадался внешне цельный и непротиворечивый образ шотландского горца британских «шотландских» чинов, предполагали возможность их применения соответственно на различных уровнях хайлендской политики Лондона.

Их можно условно разделить на стратегический (предотвращение иностранного вторжения и социальная инженерия в крае), операционный (использование противоречий между вождями, магнатами, кланами), тактический (соотнесение решений и действий властей с особенностями местной военной, политической и социально-экономической культур).

В соответствии с логикой расширения британского присутствия в Горной Шотландии и соответствовавшей ей последовательностью этнографического прочтения правительством, чинами и их агентами в Горной Стране местных реалий эти уровни этнографического знания (и хайлендской политики), так же как в случае с формированием образа шотландского «ирландца», целесообразно проанализировать в обратном порядке — от предварительных соображений «по случаю» о характере военно-политического противостояния в Хайленде к целенаправленному сбору и анализу этнографических сведений о «взбунтовавшемся» горце в интересах его «цивилизации».

Особый этнографический интерес в этом смысле у авторов мемориалов, рапортов и отчетов о состоянии Горного Края и способах решения «Хайлендской проблемы» вызывали категория «горского наряда», служившего для ответственных за умиротворение края британских чинов самоочевидным визуальным этнографическим признаком «мятежности» в Горной Шотландии, и категория

Cambridge, 1993; *Clyde R.D.* From Rebel to Hero: The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton, 1998; *MacLeod A.M.* The Idea of Antiquity in Visual Images of the Highlands and Islands, 1700–1880. PhD Thesis. Glasgow, 2006; *McNeil K.* Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860. Columbus, 2007.

«Горной войны», в которой «шотландские» чины усматривали необходимую конкретизирующую и военно-практическую модель этнографического анализа этой «мятежности».

«Горский наряд как род военного платья»: как опознать «мятежного» горца

Прежде всего внимание авторов первых обстоятельных мемориалов и рапортов «о состоянии Горной Страны» привлекал этнотип «мятежного» горца. А поскольку современная культура восприятия «Другого» и, шире, видения открываемого и изучаемого европейскими империями мира предполагала визуальный ряд аналитически более значимым, чем текстовый, то внешние признаки «взбунтовавшегося» горца, зримо проявившиеся во время якобитских восстаний в их колоритном облике и в туземных особенностях военного дела, представлялись комментаторам особенно важными. «Поколение эпохи Просвещения видело в визуальном образе устойчивый медиум, через который реальность являла себя для понимания... Узнать человека значило прежде всего увидеть его... В XVIII в. этнографическое знание рождалось из визуальных наблюдений и последующих расспросов. Соответственно, оно упаковывалось в “картинку” и “этнографическое письмо”»¹.

Первый же официальный отчет о состоянии Горной Шотландии, в котором обращалось внимание на военно-практическое назначение «горского платья», мемориал лорда Ловэта 1724 г., наглядно подтверждает вышесказанное: «Люди одеваются на старинный манер, пригодно для их странствий по холмам и долам и особенного образа жизни, который приучает их ко всем видам лишений. Их язык, будучи диалектом ирландского, никому, кроме

¹ Цит. по: Вишленкова Е.А. Тело для народа, или «Увидеть русского дано не каждому» // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 72.

них, непонятен; они очень невежественны, безграмотны и постоянно носят оружие, которое очень подходит к их манере его применения, и очень стремительны, выступая маршем с места на место»¹.

О том же, тогда же и примерно в том же контексте и тех же выражениях пишет генерал Уэйд, продолжая пассаж о клановой системе Горного Края: «Оружие, используемое ими на войне, включает мушкет, палаш и щит, пистоль и нож или кинжал, переброшенные за спину вместе с пороховым рожком и сумкой для припасов»².

В первом же рапорте Георгу II Ганноверу в 1727 г. командующий королевскими войсками в Шотландии весьма оптимистично выражает надежду, что благодаря его мероприятиям «горцы за несколько лет забудут про ношение оружия, которое во все века они полагали своей величайшей славой и гордостью в такой степени, что было невозможно увидеть горца без мушкета, палаша, пистоли и ножа. По давнему обычаю сие считалось частью их платья и по моем первом прибытии в Хайленд носилось ничтожнейшими его обитателями, даже в их церквах, на ярмарках и рынках, которые выглядели скорее как плац-парады для солдат, чем собрания для молитвы или другие места встреч гражданских сообществ»³.

В 1724 г. эту же картину живописал в мемориале государственному секретарю Северного департамента Чарльзу Тауншенду, 2-му виконту Тауншенду, лорд Грэндж: «Люди стойкие и способны вынести любые лишения, довольствуясь самой жалкой и скудной пищей и нося так мало одежд, что обычно они полунагие, хотя со столь

---

¹ *Fraser S. Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh; Glasgow and London, 1822. P. 254.*

² *Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 133.*

³ *Ibid. P. 160.*

непотребной поддержкой сильны и активны. Мода, по которой скроен их наряд, подходит как для мира, так и для войны, включая оружие... Горец не желает покидать свой дом безоружным и снаряжается, по обыкновению, словно на битву, как джентльмен в других местах полагается на свою шпагу, когда отправляется за границу»¹.

Незадолго до последнего мятежа якобитов, в 1742 г., лэрд Каллоден заметит, что «отряд дисциплинированных горцев, одетых в платье и говорящих на языке [Горной] страны», способен поддерживать закон и порядок в крае, опираясь на форты «красных мундиров»².

Таким образом, этнографические особенности шотландских горцев были приписаны не жителям Хайленда, а тому наряду («Highland Dress»), с которым они неизбежно ассоциировались. Костюм указывал на социальный статус, «племенную» принадлежность, интеллектуальное и нравственное содержание клансмена. В этом смысле не случайно описание «традиционного» горского платья, как правило, помещалось комментаторами в своих отчетах где-то между изложением характерных особенностей феодально-клановой системы и местных военных обычаев, располагаясь часто во вводной части мемориалов и рапортов и являясь определенной интеллектуальной провокацией потенциальных читателей в Лондоне (задавая в некотором роде структурную основу для восприятия дальнейших комментариев)³. Именно одеяние горца рассматривалось ответственными за умиротворение края чинами как воплощение мятежного духа хайлендеров, а «взбунтовавшийся» горец в результате выступал как

¹ *Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland / Edr: 29 Decr 1724 / The Scroll of one sent of the above Duke to the Viscount of Townshend, Secretary of State // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1. P. 1.*

² *Forbes D. Letter to General Clayton [вероятно, конец 1742 г.] // CP. P. 362.*

³ Таким доходчивым образом структурировали свои аналитические сочинения и военные, и гражданские «шотландские» чины. См. напр.: *Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 133–134; Erskine J. Op. cit. P. 1–2.*

центральный элемент этнографического портрета Горной Шотландии.

Новый наряд, как считали, менял идентичность, а вместе с ней и лояльность¹. Отсюда внимание властей к смене гардероба шотландского горца после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. Не только генерал Уэйд и лорд Грэндж (лорд Ловэт в 1747 г. казнен по обвинению в государственной измене, так что его мнение в этом вопросе в расчет уже не принималось) подтвердили свою

---

¹ Хайлендская политика Великобритании не являлась исключительным случаем. Аналогичным образом в Российской империи запорожских казаков переименовали в черноморских, ликвидировав, как административную аномалию и очаг нестабильности, в 1775 г. Новую Сечь. Более близкий не только по сути, но и по форме пример связан с окраинной политикой Австрии. В империи Габсбургов венгры переходили на службу Вене, надевая установленный регламентом военный мундир, сочетавший, как в случае с утвержденной уставами униформой горских шотландских полков, общевойсковой покрой и элементы традиционного местного платья уже в первой половине XVIII в. Старейший регулярный венгерский пеший полк (графа Франца Гюлая) в составе австрийской армии был сформирован в год начала продолжительного восстания Ференца Ракоци в Венгрии (1702 г.), а в 1749 г. отделанная галунами куртка венгерских пеших полков была заменена белым мундиром, а меховая/мягкая шапка — треуголкой; от традиционного костюма венгры сохранили долман вместо камзола и рейтузы с низкими ботинками. Для «кроатов» или «пандуров» австрийской Военной границы регламентированная униформа была введена в 1744 г., а белый мундир, соответствовавший мундиру венгерских полков, и венгерские ботинки вместо опанок ввели в 1760 г. Здесь же отметим, что австрийские граничары и горцы первого набранного в Горной Стране регулярного пешего полка «Черная стража», носившие килт и после введенного в 1746 г. запрета на «горское платье», впервые приняли участие в военных действиях за пределами Военной границы и Хайленда в ходе Войны за австрийское наследство 1739–1748 гг.: *Костяшов Ю.В.* Сербия в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997. С. 87; *Он же.* Сербские граничары // *ВИ.* № 5. 1997. С. 140–145; *Канник П.* Униформа армий мира, 1506–1804. М., 2001. С. 44, 59–60; *Функен Ф.* Европа XVIII век: Франция — Великобритания — Пруссия: Кавалерия — Артиллерия. Армии европейских стран. М., 2003. С. 90–93; *Knötel R.* Die Grosse Uniformkunde Band X. Berlin, 1890. Pl. 45 [Band XV. Pl. 54–56]; *Haythornthwaite P., Younghusband B.* The Austrian Army, 1740–80: (2) Infantry. London, 1994. P. 28–31; *Idem.* The Austrian Army, 1740–80: (3) Specialist Troops. London, 1995. P. 13–14, 29–32; *Kühn A.* The Imperial Hussars and Hungarian Infantry during the War of the Spanish Succession / Revised by R. Hall. London, 2004. P. 6–27.

приверженность прежнему взгляду на «мятежного» горца как на горца вооруженного и носящего килт.

Такой же подход по-прежнему выказывало и правительство в Лондоне, последовательно и регулярно принимая и подтверждая запрет на ношение оружия и «горского платья», рассматривавшегося властями в качестве «военной униформы», как волынка в качестве «орудия войны» («Highland Habit as a sort of Military Dress»), а потом делая исключение только для отдельных рот из горцев и горских полков¹.

Примечательно, что в соответствующих коронных актах вопросы разоружения находились в неразрывной связи с «модным приговором», вынесенным прижившемуся — с подачи промышлявшего рудным делом в Инвергэрри англичанина Томаса Роулинсона (состоявшего по этому поводу в переписке с лэрдом Каллоденом) — с конца 1720-х гг. в Горной Стране килту, или филибегу (*philibeg*), и, несомненно, более традиционному поясному пледу, или брекэну (*breacan*)². «Мушкет, палаш, щит, нож и кинжал»

¹ An Act for the more effectual Disarming the Highlands of Scotland; and for the more effectually securing the peace of the said Highlands; and for restraining the use of the Highland Dress; and for futher indemnifying such Persons as have acted in Defence of His Majesty's Person and Government, during the unnatural Rebellion; and for indemnifying the Judges and other Officials of the Court of Justiciary in Scotland, for not performing the Northern Circuit in May 1746; and for obliging the Masters aon Teachers of Private Schools in Scotland, and Chaplains, Tutors and Governors of children or Youth, to take the Oath to His Majesty, His Heirs and Successors, and to register the same. London, 1746; Anno Regni Georgii II. Regis Magnae Britanniae, Franciae, and Hiberniae. Vicesimo Primo. At the Parliament begun and holden at Westminster, the Tenth Day of November, Anno Dom. 1747, in the Twenty first Year of the Reign of our Sovereign Lord George the Second, by the Grace of God, of Great Britain, France, and Ireland, King, Defender of the Faith, and etc. being the First Session of this present Parliament. London, 1748. P. 951. Акт 1746 г. о разоружении горцев и запрете на ношение «горского платья» и подтверждавший и расширявший его значение и применение акт 1748 г. утратили силу закона лишь в 1782 г.

² *Rawlinson M. T.* Letter to the Lord Advocate. Invergary, 24 May, 1728 // СР. P. 103. См. подробнее: *Trevor-Roper H.* The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // *The Invention of Tradition* / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000. P. 21–22.

воспринимались и представлялись как органичная часть наряда шотландского горца¹.

Логика подсказывала, что платье хайлендера, в свою очередь, само по себе представляло военный наряд. В Горном Крае объявляться в униформе было позволено только «красным мундирам», и на последних возложили неблагодарную задачу прививать местному населению репрессивными мерами (штраф, арест, отправка в колонии) вкус и привычку к одеждам мирного и лояльного подданного (по моде Англии и Нижней Шотландии)².

Рапорты патрулей в Горной Стране пестрят сообщениями подобного рода. В качестве характерного примера приведем подборку таких донесений за 1749–1750 гг.,

---

¹ Много лет спустя после подавления последнего мятежа якобитов доктор С. Джонсон, делая этнографические зарисовки для знаменитого «Путешествия к Западным островам Шотландии» (1773 г.), к традиционному наряду горца продолжал относить двуручный меч (клэймор), палаш, фактически меч с традиционной с первой половины XVIII в. гардой-корзинкой (клэйбер), переименованный со временем в упоминавшийся клэймор, небольшой круглый щит и кинжал (дирк). Доктор Джонсон при этом указывал, что «закон, обязавший горцев переменить форму одежды, совершенно исполнен во всех местах, которые мы посетили. Я видел только одного джентльмена, полностью одетого в соответствии с древним обычаем, и он был так одет только по случаю и без какого-то особого умысла. Простые люди не считают себя связанными законом в ношении платья, поскольку они говорят, что закон против пледов был введен лордом Хардвиком и имел силу только при его жизни: но сама бедность затруднила им смену одежды, удерживая их и теперь от ее изменения снова. Филибег... все еще широко распространен», но их нынешний образ жизни способствует «результату, задуманному законом, отменяющим различия в облике между горцами и другими жителями Британии; и если допустить, что платье имеет значительное влияние, он усиливает их связь с соотечественниками» (*Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland. London, 1791. P. 207–209; Idem. A Journey to the Western Islands of Scotland, 1773 // To the Hebrides. Samuel Johnson's Journey to the Western Islands of Scotland and James Boswell's Journal of a Tour to the Hebrides. Edinburgh, 2007. P. 119–120.*)

² Поимка с оружием или его обнаружение в доме в первый раз — штраф от 15 до 100 ф. ст. и тюремное заключение до его уплаты, в случае отказа или отсутствия денег — шесть месяцев заключения или отправка солдатом в Америку, во второй раз — семилетняя ссылка в колонии.

представленную в быстро ставшем библиографической редкостью издании источников по истории якобитского движения полковника Дж. Элэрдайса¹. Рутинная гарнизонная жизнь и патрулирование в шотландских горах с целью поддержания закона и порядка в 1749 и 1750 гг. вблизи казарм в Браэмаре и Инверснейде (в рапортах капитанов Скота и Поуэлла) двигалась по заданному генералом Блэндом в качестве командующего королевскими войсками в Шотландии ритму, который, в свою очередь, задавали кражи скота, поиск виновных и контроль за исполнением актов о запрете на оружие и «горское платье»².

Такая весьма упрощенная версия этнографического костюма шотландского горца имела, между прочим, и обратную содержательную перспективу, в некотором роде идеологическую и практическую инверсию. Если горец был «варваром» постольку, поскольку предпочитал «традиционный» горский наряд, то политический и культурный дресс-код, введенный Лондоном в Хайленде, вполне мог приручить мятежника, поставив завидные природные качества «благородного дикаря» на службу империи. Коллебаясь между негативной и позитивной интерпретацией собственной «дикости», даже «взбунтовавшийся» горец в действительности почти всегда имел возможность выбора: упорствовать в поддержке изгнанных Стюартов или принять (формально и/или реально) сторону дома Ганноверов. «Хайлендская проблема» была слишком серьезной для политической стабильности, сложной для разрешения и малопривлекательной для упражнений в области администрирования, чтобы ответственные за умиротворение края чины лишали себя пространства маневра. Сотрудничество с лояльными кланами приветствовалось,

¹ Highland Reports, 1749–1750 // HPJP. Vol. II. P. 513–584.

² См., напр.: Powell, Capt. of Lord Ancram's Regiment. Inversnade Barracks. July 23, 1749; Scot, Capt. of Gen. Guises' Regiment. Bramaer Barracks. Report. July 23, 1749; Ball, Capt. of Col. Bockland's Regiment. Barrack of Inversnaide. Report. June 4, 1750; Edhouse, Capt. of Gen. Pulteney's Regiment. Brae Mar Barrack. June 3, 1750 // Highland Reports, 1749–1750... P. 516–517, 542–544.

за редкими исключениями, на всем протяжении существования якобитской угрозы между 1689 и 1759 гг.

Что же касается использования «природного» потенциала мятежных горцев, то эта идея впервые явственно прозвучала буквально накануне прихода в Горный Край генерала Уэйда и начала новой волны его умиротворения. В 1723 г. в Лондоне отдельным изданием вышел «шотландский» том весьма популярного «Путешествия через весь остров Великобритания» Д. Дефо¹. Помимо основных для этого сочинения сюжетов из области политической экономии внимание автора привлекли и перспективы организации военной службы горцев британской Короне: «Трудно переоценить жителей Горной Страны, являющихся лучшими солдатами. Иностранцы приписывают это северянам, как более стойким и рослым; но я не решусь оспаривать это противоречивое суждение, равно как по причине того, что они очень хорошие солдаты и во всем мире им рады, так и по причине того, что им нет равных в любой из тех частей света, где я побывал, если они сами формируют полки, не мешаясь с другими народами»².

По результатам своей миссии в Хайленде в 1724 г. новый командующий королевскими войсками в Шотландии генерал Уэйд первым же пунктом высказал предложение, «чтобы роты из горцев, преданных правительству Его Величества, были учреждены под надлежащим руководством и командованием офицеров, говорящих на языке страны, подчинены военному праву и инспекции и приказам губернаторов Форты Уильям и Инвернесса и офицера, командующего войсками Его Величества в этих краях»³.

Уже после подавления последнего мятежа якобитов, в 1747 г., генерал Блэнд и лорд Милтон в «Предложениях по цивилизации Хайленда» заявляли, что «как только

¹ Defoe D. A Journey through Scotland. London, 1723.

² *Idem*. Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland // Defoe D. Tour Through the whole Island of Great Britain: In II Vols. London; New York, 1962. P. 395, 408, 421, 427.

³ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 140.

они [горцы] освобождаются от бедности и рабской зависимости от своих вождей, записываясь на службу Его Величеству в хайлендские полки, то ни один рядовой в армии не является более рассудительным и ответственным в казармах, более послушным своим офицерам и более исполнительным, а также более верным, когда служит гвардейцем или когда проявляет себя в день сражения; и когда кто-либо из них [горцев] располагается или привлекается к службе в других частях Британии, удаленных от их варварской Горной Страны, или где-нибудь на плантациях, никто другой не преуспел лучше и не встретил большего поощрения. И потому очень жаль, что их естественный гений, который при надлежащей заботе мог бы быть направлен на пользу Британии, должен, по несчастью, вследствие безрадостного их положения и скудного образования быть извращен на погибель им самим и их стране»¹.

При этом генерал Блэнд, автор едва ли не самого популярного в англоязычном мире в XVIII в. военно-полевого устава, выдержавшего несколько изданий (1727, 1734, 1740, 1743, 1746, 1753, 1756, 1759, 1762, 1776 гг.) по обе стороны Атлантики (во время войны с американскими колониями использовался и в армии Джорджа Вашингтона), и вместе с тем сторонник активного реформирования Хайленда, несомненно, придавал дисциплинированию горцев с помощью воинской службы особый смысл². Одной из его обязанностей на посту командующего королевскими войсками в Шотландии являлась подготовка рекрутов-горцев к отправке в Америку в составе новых хайлендских полков, вполне согласовывавшаяся с представлениями генерала о способах решения «Хайлендской

¹ *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands* [вложено в: Lord-Justice Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // AP. P. 490.

² *Powers S.L. Studying the Art of War: Military Books Known to American Officers and Their French Counterparts in the second Half of the Eighteenth Century* // *The Journal of Military History*. Vol. 70. No. 3 (Jul., 2006). P. 781–814.

проблемы»¹. Первый министр Уильям Питт отчаянно нуждался в войсках для борьбы с Францией за океанами и потому согласился на эту меру, которую в конце концов одобрил даже герцог Камберленд, когда спустя десять лет после разгрома последнего мятежа якобитов оказалось, что единственная альтернатива переброске британских войск в Америку из привлекавшей все его внимание Фландрии — это набор хайлендских полков².

Таким образом, в качестве одного из основных модернизирующих и «цивилизующих» институтов в деле использования демографического потенциала Горной Страны регулярное британское государство рассматривало королевскую армию, а инструментами смены лояльностей горцев должны были стать военная дисциплина и надлежащий военно-административный контроль. «Горский наряд» в таком случае не только не запрещался, но, напротив, резервировался за хайлендскими полками и отдельными ротами из горцев, направляя приписываемые им этнографические особенности в нужное правительству русло и подтверждая таким образом преступный или привилегированный статус «традиционного» платья хайлендера.

В условиях запрета на ношение, хранение и применение оружия жителями Горного Края возможность на законных основаниях демонстрировать окружающим «горский наряд» повышала социальный статус завербовавшегося в армию горца, обозначая таким странным (в особенности учитывая социальный состав британской армии в XVIII в.) для остальных жителей Соединенного Королевства образом более высокое общественное положение по сравнению с прочими членами горского общества³.

---

¹ *Plank G. Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006. P. 176.*

² *MacKillop A. «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000. P. 45–47.*

³ Примечательно, что, например, А.В.Б. Норман, говоря о «горском платье» в XVIII в., ведет речь исключительно о форме хайлендских полков: *Norman A.V.B. A Note on Highland Dress after the '45 // PSAS. 1972–1974. Vol. 105. P. 316–318; Prebble J. Mutiny. Highland regiments in revolt, 1743–1804. London, 1975. P. 29–30.*

Такая «модная» политика отражала представления о возможности империи контролировать социальный порядок через контроль над «горским костюмом» и подтверждала современный характер британского государства раннего Нового времени¹. В таком утилитарном смысле визуализация «Хайлендской проблемы» оказывалась гибкой и удобной как для властей в Лондоне и «шотландских» чинов, так и для многих представителей местных элит (чего нельзя сказать с той же степенью определенности относительно рядовых жителей мятежного края).

Даниэль Рош, основоположник выросшей из «школы Анналов» истории культур и культурной истории моды, заметил, что «манера одеваться отражала определенные социальные коды», «условности выбора костюма подчеркивали иерархию внешних образов: каждый должен был казаться тем, кем он и являлся». Он же подчеркивал, что «в XVIII в. ситуация меняется кардинальным образом: теперь каждый может казаться тем, кем он хочет быть, и даже тем, кем он быть пытается». Знаковая система одежды размывается,

---

¹ Как заметил М. Фуко, властные отношения не сводятся к государству и механизмам его функционирования. Они охватывают и формируют воспитание, семейные отношения, процесс познания, предполагая дисциплинирование социального пространства, в том числе при помощи военного мундира и казармы. На рубеже XVII–XVIII вв. складывается система власти, которая «выражает себя не через право, а через определенную технику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата» (цит. по: Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001. С. 58. См. также: *Batterberry A., Batterberry M. Fashion: The Mirror of History.* New York, 1982. P. 49–50; *Arthur L.B. Introduction: Dress and the social control of the body // Religion, Dress, and the Body / Ed. by L.B. Arthur.* Oxford, 1999. P. 1–7; *Crane D. Fashion and Its Social Agendas.* London and New York, 2000. P. 3–4). Сопоставимые примеры регулирования военного и гражданского платья как способа модернизации (европеизации) государственного аппарата и поддержания социального контроля в XVIII в. продемонстрировали Российская и Османская империи. История с обрубанием бород Петром I является хрестоматийной. О «модной» политике султанов см.: *Quataert D. Clothing Laws, State, and Society in the Ottoman Empire, 1720–1829 // International Journal of Middle East Studies, Vol. 29. No. 3 (Aug., 1997).* P. 403–425.

и в этой динамике «отражается такое важнейшее событие, как рождение общества потребления, служащего переходным этапом от неподвижного государства — идеала христианской политической экономии — к обществу развивающемуся, в котором царит обмен и поощряется движение вперед»¹.

В этой связи представляется весьма примечательным, что эти описанные французским историком реалии века Просвещения на окраинах просвещенных монархий вступали в конфликт с реалиями первого века глобальных империй, связанными, как в Хайленде, с описанием, классификацией, иерархией и административным приписыванием и переписыванием идентичностей, в том числе через «горский наряд».

От колониальных чиновников требовалась скорейшая интеграция периферии, поэтому на окраинах и в колониях европейских империй в эпоху раннего Нового времени отличавшая просвещенные метрополии свобода видимой смены идентичностей и социальных статусов благодаря обновленному гардеробу уступала место их унификации в интересах консолидации власти и ресурсов в руках государства.

В этом смысле судьбы шотландских горцев, вынужденных записываться на военную службу и/или эмигрировать в результате проводимых правительством мер после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., по сути, не многим отличались от участи почти семи тысяч жителей французской Акадии (Новая Шотландия после завоевания британцами в 1710 г.), высланных британцами в южные североамериканские колонии в 1755 г. в связи с провалом почти полувековых попыток интеграции акадийцев в британское колониальное сообщество, подразумевавшей лояльность суверену в Лондоне

---

¹ Цит. по: Рош Д. От социальной истории к истории культур: эпоха Просвещения // История продолжается. Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого / Сост. и отв. ред. С.Я. Карп. М.; СПб., 2001. С. 280–281.

и готовность противостоять колониальным притязаниям соседей-французов¹.

При этом необходимо отметить, что административная этнография не столько фиксировала, сколько создавала своим особым письмом «колониальные ситуации», представлявшие интерес для ответственных за умиротворение Горного Края чинов, их агентов и подчиненных в качестве «идеальных» типичных случаев проявлений местной культуры². Комментатор помещал образ «взбунтовавшегося» горца в заранее определенный им контекст ландшафта, культуры, социальных отношений Хайленда, часто ограниченных категориями «Горной войны» и «горского платья».

В результате созданный таким образом этнотип воспринимался сквозь заданную автором аналитическую призму, побуждая читателя к реконструкции и интерпретации представлений комментатора. Отсутствие в мемуариалах и рапортах указаний на конкретные детали «горского наряда» способствовало видению края как единого целого, облегчая этнографическое сравнение горцев и других «варварских» народов и проведение культурных, политических, экономических и социальных границ в британских владениях.

В глазах современников одним из таких ближайших этнографических примеров для сравнения в масштабах империи после католиков-гэлов Ирландии служили индейцы Америки. На фронтисписе опубликованного в 1745 г. в Лондоне «Собрания вояжей и путешествий»

---

¹ *Plank G.* The culture of conquest. The British colonists and Nova Scotia, 1690–1759 (Vols. I–II). PhD Thesis. Princeton University, 1994. P. 361–395; *Idem.* An Unsettled Conquest. The British campaign against the Peoples of Acadia. Philadelphia, 2001. P. 140–157.

² Понятием «колониальная ситуация» автор обязан Стиффэну О'Кадле, в схожем значении употреблявшему понятие «этнографический случай» применительно к «колониальной науке» Орднансового описания Ирландии в первой половине XIX в.: *O'Cadhla S.* Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824–1842: Ethnography, Cartography, Translation. Dublin, 2007. P. 92, 171, 190.

читателям предлагалось «описание одежд большинства стран мира». Издание содержало изображения «традиционных» нарядов «китайцев, моголов, персов, турок, поляков, московитов, лапландцев, венгров, голландцев, испанцев, готтентотов, негров, мавров и мексиканцев»¹. При этом шотландские горцы, изображенные в даже чрезмерно полном «горском платье», делили страницу с изображенными парно индейцами Вирджинии и Флориды².

По сведениям процитированного многими британскими печатными изданиями отчета «джентльмена, недавно прибывшего» из Нью-Йорка, когда полк «Черная стража» прибыл в Америку в начале Семилетней войны, индейцы «сбежались со всех концов» посмотреть на них, «и по причине удивительного сходства в их манере одеваться и говорить индейцы заключили, что они были в далеком прошлом одним народом, и самым сердечным образом приняли их как братьев»³.

Джон Кэмпбелл, 4-й граф Лоадон, командующий королевскими войсками в Америке в 1755–1757 гг. и участник подавления мятежа якобитов в Хайленде в 1745–1746 гг. во главе сформированного по примеру «Черной стражи» 64-го полка горцев Лоадона, заметил, что горцы этого полка («Черная стража») «в большей мере, чем другие войска, способны договориться с ними [индейцами], поскольку индейцы придерживаются мнения, что они [«Черная стража»] являются в некотором роде индейцами»⁴.

В 1755 г. в «Журнале Лондона» появилось изображение графа Лоадона в связи с назначением на пост командующего королевскими войсками в Америке в военном

¹ Osborne T. A Collection of Voyages and Travels of the Most Countries of the World from the curious and valuable Library of the late Earl of Oxford: In II vols. London, 1745.

² Ibid.

³ См., напр.: Scots Magazine. 18 (Oct. 1756). P. 520.

⁴ Campbell J. Letter to Cumberland. Albany, November 22, 1756; concluded at New York, December 26, 1756 // Military Affairs in North America, 1748–1765: Selected Papers from the Cumberland Papers in Windsor Castle / Ed. by S. Pargellis. New York, 1936. P. 264.

мундире горского полка, созданное на основе портрета, написанного в 1747 г., в бытность его командующим хайлендским полком. При этом граф никогда не называл себя горцем и, с его собственных слов, «очень хотел надеть бриджи» в 1740-е гг. и не носил килт в 1750-е гг.¹

«Племенной» строй американских индейцев, их «воинственный» дух, манера одеваться способствовали тому, что сами жители Горной Страны позволяли себе сравнения подобного рода. В 1753 г. Манго Кэмпбелл, юрист в Эдинбурге, был назначен управляющим конфискованным имением Доналда Кэмерона из Лохила, XIX вождя клана Кэмерон, после того как его предшественник на этом посту, его дядя Колин Кэмпбелл из Гленара, был убит в знаменитом Леттерморском лесу годом ранее при попытке конфисковать земли другого известного своими проякобитскими симпатиями вождя, Джеймса Стюарта из Эрдишила (история этого политического убийства послужила сюжетной основой для известного романа Р.Л. Стивенсона «Похищенный»). Четыре года изнурительной службы среди мятежных арендаторов в Западном Хайленде привели Манго Кэмпбелла к мысли сменить карьеру и записаться на военную службу, о чем он и заявил в письме к лорду Милтону в 1757 г.: «Я достаточно долго прожил в Лохэбере, чтобы меня считали способным воевать против индейцев»².

При этом на практике отвечавшие за соблюдение запрета на ношение «горского платья» солдаты и офицеры расквартированной в Горной Шотландии британской армии по необходимости приобрели определенные знания в хайлендской моде, различая, а порой и путая в донесениях «килт» (или «филибег»), «трузы» (или «тартановые трузы», «тартановое одеяние»), «плед» (или «горский

¹ Plank G. *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia, 2006. P. 10–11.

² Цит. по: Galloway C.G. *White People, Indians and Highlanders*. Oxford, 2008. P. 98. Подробнее о Манго Кэмпбелле и «Эппинском убийстве» см.: Hunter J. *Culloden and the Last Clansman*. Edinburgh and London, 2001. P. 133, 137, 141–144, 153–154, 156, 161, 189–190.

плед», «килтовый плед»), а также различные варианты их ношения¹.

Характерно, что приверженность традиционной одежде в действительности часто объяснялась бедностью горцев, отсутствием материальной возможности обновить гардероб в соответствии с требованиями репрессивных актов правительства, на языке которых эта сугубо экономическая причина предпочтения «горского наряда» прочитывалась как политическая. Однако «горское платье», однажды войдя в таком неразделимом описании и представлении в визуальную культуру Великобритании, превратилось со временем в нормативное знание о «мятежном» горце и народах империи в целом².

В дальнейшем комментаторы не пересматривали созданные предшественниками костюмные этнографические

---

¹ Highland Reports, 1749–1750 // HPJP. Vol. II. P. 513–584.

² На индивидуальном уровне восприятия визуальных этнографических особенностей шотландских горцев уместно вновь вспомнить позитивные ожидания командующего королевскими войсками в Америке графа Лоадона от взаимодействия солдат и офицеров «Черной стражи» с индейцами. На институциональном уровне привлекает внимание деятельность Шотландского общества распространения христианского знания, образованного в 1709 г. Миссионерская деятельность этой организации в соответствии с хартией охватывала не только «Горную Страну, острова и удаленные уголки» Шотландии, но и «папистские и языческие части мира» вообще. Несмотря на то что, например, толерантная языковая политика в отношении индейцев Северной Америки отличалась от неприятия гэльского языка в Хайленде на протяжении большей части XVIII в., руководители общества относили горцев к той «значительной части» человечества, которая пребывает «в варварстве и невежестве», и ношение «горского наряда» играло здесь не последнюю роль: *Plank G.* Op. cit. P. 13. Подробнее о миссионерской деятельности общества в Северной Америке см.: *Edwards J.* An Account of the Life of the Late Reverend Mr. David Brainerd. Boston, 1749; *Memoirs of Rev. David Brainerd, Missionary to the Indians of North America. Based on the Life of Brainerd prepared by Jonathan Edwards, D.D., and afterwards revised and enlarged by Sereno E. Dwight, D.D.* / Ed. by J.M. Sherwood. New York, 1891. В проектах по «цивилизации» индейцев, напоминавших планы «цивилизации» Хайленда, также предусматривался их переход к «необходимой одежде»: *Hammerer J.D.* An Account of a Plan for civilizing the North American Indians [1730–1740]. Brooklyn, 1890. P. 26.

зарисовки, идя по пути восполнения недостающего этнографического материала. Таковым является и представленная в донесениях патрулей детализация «горского платья». Таким образом, признанный аутентичным и неизменным (учитывая возможные инварианты) «горский костюм» комментаторов стал «эталонным образцом для этнической идентификации и одновременно выполнял роль знаковой системы» в этнографическом описании «мятежного» горца¹.

Кроме того, этнографическое понятие «взбунтовавшийся» горец обогащалось новыми смыслами, полученными в результате стереотипизации образов повседневности Хайленда. Благодаря тиражированию представлений о социокультурных практиках жителей Горного Края среди современников утвердилось некое согласие относительно того, участники каких действий и занятий должны опознаваться как шотландские горцы вообще и их «мятежные» представители в частности. Внести определенную ясность в этот вопрос была призвана политэкономия «Хайлендской проблемы». В контексте административной этнографии Горной Шотландии эта задача решалась с помощью категорий «горского наряда» и «Горной войны».

«Горная война» генерала Маккея: в поисках настоящего Хайленда

«Если бы Данди и его сторонники осознавали свои преимущества так же хорошо... как во время войны... король, очевидно, столкнулся бы со значительным сопротивлением установлению своего правления... что нарушило бы другие его великие замыслы и вызвало бы беспорядки в других частях его владений» — так в деликатной и вместе с тем деловитой форме военного рапорта генерал Маккей определил особый характер

---

¹ Цит. по: Вишленкова Е.А. Указ. соч. С. 77.

умиротворения Горной Страны, впервые охваченной мятежом якобитов¹.

В «Общих замечаниях о Шотландских войнах 1689 и 1690 гг.» генерал Маккей недвусмысленно поясняет, какие преимущества он имеет в виду — «преимущества горцев»². Важнейшие из них автор выделяет особо. При этом «Общие замечания...» большей частью представляют собой, по сути, их расширенный комментарий. Пять из шести приведенных в рапорте «преимуществ горцев» обусловлены их этнографическими особенностями. «Образ жизни», «среда обитания», «манера одевания» и сформированные этими факторами специфические военные навыки горцев означали, по мнению генерала, что единственный верный способ привести Хайленд к покорности — разместить гарнизоны «посреди их страны»³.

Отличительные этнографические черты наиболее стойких и враждебных Лондону сторонников изгнанных Стюартов, таким образом, с самого начала оказались связаны с движением якобитов, наполнив содержание «Хайлендской проблемы» важными этнографическими подробностями. Их выявление, понимание и осмысление предполагало расширение британского присутствия в Горной Шотландии, а этнографическое знание, в свою очередь, выступало в качестве культурной технологии британского империализма на этой мятежной гэльской окраине.

При этом чинам и их агентам приходилось часто преодолевать трудности культурного перевода, обусловленные не только и не столько спецификой гэльской грамматики

---

¹ Mackay H. General Remarks upon the Scots Wars in the years 1689 and 1690, with the Occasions of the Beginnings, Increasing and Continuation of the Rebellion against their Majesties Government // Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833. P. 111.

² «Ist [IIId, IIIId, IV, V, VI] Advantage of the Highlanders» // Mackay H. P. 114–116.

³ Mackay H. General Remarks upon the Scots Wars... P. 116.

и фонетики, сколько проблемами перевода социальной, экономической и политической реальности Хайленда в термины и категории, понятные и принятые в остальном королевстве.

Один из наиболее примечательных и ранних примеров такого перевода реалий Горного Края на язык «революционной» власти — категория «Горной войны» («Highland War»), введенная в оборот в 1689 г. все тем же генералом Маккеем и объединившая отмеченные им «преимущества горцев»¹.

Учитывая, что основной формой взаимодействия Лондона с горцами в 1689–1691 гг. являлось противостояние в «Горной войне», военный нарратив преобладал в сведениях генерала Маккея о крае. Хайленд для командующего — это вполне определенно его военный опыт в Хайленде. «Горная война», таким образом, оказывалась основной осью повествования генерала о его пребывании в крае. Война с якобитами в Горной Шотландии оказывала влияние на видение им всего региона сквозь призму рапортов, планов и карт (более спокойный, «энциклопедический» подход к восприятию и описанию Горной Страны придет к администраторам во второй половине XVIII в., когда Великобритания уже будет избавлена от сверкавшей на палашах шотландских горцев якобитской угрозы)².

Этнографические характеристики «Горной войны» выступали при этом в воспоминаниях и рапортах генерала

---

¹ Генерал Маккей впервые употребил это понятие, судя по всему, в воспоминаниях о войне против якобитов в Шотландии, указав, что «пики в этих Горных войнах бесполезны»: *Memoirs touching the Scots War carried on for their Majesties, by Major General Mackay, against the Viscount of Dundee, and after him Cannon, and at last Major-General Buchan, for the late King James 1689 // Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland... P. 80.*

² Подробнее о перемене не только в восприятии Хайленда, но и в характере его интеллектуальной колонизации см., напр.: *Womack P. Improvement and Romance. Constructing the Myth of the Highlands. London, 1989; Clyde R.D. From Rebel to Hero: The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton, 1998; McNeil K. Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860. Columbus, 2007.*

в роли единой дискурсивной суперструктуры, призванной объяснить Горный Край (хотя, безусловно, не представлявшей в реальности регион и его обитателей). Этнографические «преимущества горцев», такие, например, как приписываемые им генералом умение скрываться в горах от преследований, способность совершать маршевые переходы в два раза быстрее регулярных войск короля и природное физическое превосходство над большей частью солдат-новобранцев, придавали категории «Горной войны» зримые очертания и превращали ее в актуальную военно-политическую реальность¹.

Между тем, учитывая различную мотивацию кланов Горной Шотландии к участию в якобитском движении, при «втором приближении» можно заметить, что на практике феномен «Горной войны» был лишен внутреннего единства и приобрел внешнюю цельность во многом исключительно благодаря его территориальной, политической и этнографической локализации в поддержавших Якова Стюарта округах Горной Страны. В понимании такого горского якобитизма показательны причины поддержки «младшего Претендента» некоторыми вождями кланов во время последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., мало чем отличавшиеся от побудительных мотивов, которыми вожди и магнаты руководствовались во время выступления сторонников изгнанных Стюартов в 1689–1691 гг.

Джордж Маккензи, 3-й граф Кромэрти, например, был банкротом, однако поддерживаемое «Претендентами» право наследственной юрисдикции защищало его от судебных преследований². Лорд Ловэт просто «дышал воздухом интриг», как образно заметила Р. Митчисон³.

¹ Mackay H. General Remarks upon the Scots Wars... P. 114–116.

² Mitchison R. Lordship to Patronage, 1603–1745. London, 1983. P. 165.

³ Ibid. P. 165. Саймон Фрззер, ангажируемый сторонниками Якова Стюарта с середины 1720-х гг., вновь к середине 1730-х гг. переметнулся на сторону якобитов (хотя лояльность лорда Ловэта, видимо, никогда не распространялась дальше его собственной персоны и интересов), так что в его случае верность Короне вытеснялась еще

Эван Макферсон из Клани был готов оказать вооруженную поддержку любому, кто предложит за нее приемлемое вознаграждение и гарантирует безопасность его владениям и неприкосновенность его права собственности¹.

Яснее многих в этом смысле выразился Уильям Бойд, 4-й граф Килмарнок. Когда этот знатный шотландец вступил во владение своим родовым именем, то оказалось, что оно обременено долгами, а значительная его часть заложена или продана (на рубеже XVII–XVIII вв. типичная ситуация для владений многих вождей Горного Края)². На суде, накануне казни за участие в мятеже 1745–1746 гг., граф откровенно заявил: «Я не знал, права которого из двух королей преобладают, но я умирал с голоду, и, Бог мне свидетель, если бы Магомет водрузил свой штандарт в Горной Стране, я бы за кусок хлеба стал

и скрытой враждебностью новой династии: Hay of Kinnoul, Earl of Inverness [титул дарован Яковом III (VIII) Стюартом] to the King. July 20, 1726 // LP. P. 307. Подробнее о соображениях личного, корыстного характера, двигавших Саймоном Фрээрером во время мятежа якобитов 1745–1746 гг., в представлении властей и самого обвиняемого, см. протоколы судебного следствия по его делу о государственной измене: Trial of Simon, Lord Lovat of the 45' / Ed. by D.N. Mackay. Edinburgh and Glasgow, 1911.

¹ *Mitchison R.* Lordship to Patronage, 1603–1745. London, 1983. P. 165.

² Когда в 1725 г. были подведены итоги деятельности комиссаров по конфискации за участие в мятеже 1715–1716 гг. имений в Шотландии, то оказалось, что из 411 082 ф. ст., вырученных от продажи конфискованных владений, 303 955 ф. ст. необходимо вернуть кредиторам (*Craik H.* A Century of Scottish History. From the days before the '45 to those within living memory. Vol. I. Edinburgh and London, 1901. P. 102). И можно справедливо полагать, что большая часть долгов приходилась на собственников Горной Страны: *Watt D.* «The laberinth of thir difficulties»: The Influence of Debt on the Highland Elite c. 1550–1700 // SHR. 2006. Vol. 85. No. 1. P. 28–51. Перепечатанный 5 октября 1745 г. в «Журнале Ньюкасла» материал «Каледонского Меркурия» гласил, что «годовой доход кланов, приведших 4000 горцев в Пертшир, не превышает 1500 ф. ст., что, разделяя поровну между ними, составляет лишь 7 шилл. и 6 пенсов каждому в год, ни фартинга в день» (цит. по: *Speck W.A.* The Butcher: The Duke of Cumberland and the Suppression of the 45'. Oxford, 1981. P. 184).

правоверным мусульманином и примкнул бы к нему, потому что мне нужно есть»¹.

Первые этнографические штрихи к «Хайлендской проблеме» — обнаруженные опытным путем и учтенные генералом «преимущества горцев» — служили, таким образом, основной характеристикой категории «Горной войны» в силу наибольшей репрезентативности среди образцов мятежей якобитов в Горной Шотландии².

Именно этнографические данные, собранные и приведенные командующим, в конечном итоге и сформировали цельный образ Горной Страны, являвший облеченным официальными должностями читателям в Эдинбурге и Лондоне Хайленд³. Изначально виртуальный образ

¹ Цит. по: *Petrie C. The Jacobite movement. The Last Phase. 1716–1807. London, 1950. P. 121.*

² При этом сведения генерала Маккея как надежный источник информации о Хайленде на первый взгляд сомнительны по причине затруднительной проверки ее достоверности. Даже беглый анализ корреспонденции генерала показывает, что единственным облеченным официальными полномочиями лицом, способным подтвердить или опровергнуть сообщаемые им во время военной кампании против якобитов в Горной Стране сведения, был часто он сам. Среди мест отправления писем значатся такие «медвежьи углы» Горной Шотландии, как «изголовье Стрэтспея», «Баденох, в миле от лагеря мятежников», «[военный] лагерь близ Колнэкейлла», «Мойлинос, между Блэром и Данкеллом», замки магнатов и вождей Блэйр в Этолле (замок герцога Этолла) и Брэхэн (замок вождя клана Маккензи), Стрэйтбогги, Стрэйтхардил и Брантилэнд. Даже расположенный в Горной Стране гарнизон в Инверлохи уже воспринимался как очаг цивилизации (*Letters relative to Military Affairs in Scotland in the Years 1689 and 1690 // Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland... P. 226, 231, 235, 262, 270, 274, 326–328, 331, 333*).

³ Блестящая военная карьера до и после Славной революции, успешный опыт подавления мятежа старшего бастарда Карла II Стюарта Джеймса Скотта, герцога Монмута, в 1685 г., а также доверие монарха — назначение генерала Маккея на пост командующего королевскими войсками в охваченной мятежом Шотландии и членство в ее Тайном совете — все это наряду с практической невозможностью во время войны проверить достоверность многих из сообщавшихся генералом сведений побуждало сановников полагаться на его видение «Горной войны» (*Mackay J. The Life of Lieut. General Hugh Mackay of Scoury, Commander in Chief of the Forces in Scotland, 1689 and 1690, Colonel Commandant of the Scottish Brigade, in the Service of the States General, and a Privy-Counsellor in Scotland. Edinburgh; London; Glasgow, 1836. P. 4–16, 125–131*).

замещал собою реальный, обнаруживая в текстах генерала своеобразный имперский язык, формирующийся, как правило, во время захватов и характеризующийся попытками применения традиционного для метрополии категориального аппарата при объяснении туземных реалий. При этом использование генералом при описании «Горной войны» таких категорий, как «хайлендский», «шотландский», «английский», «мятежный», «правительственный», «католический», «протестантский», в качестве отправной и конечной точки аналитического комментария приводило к поляризации различия: «горец» становился еще большим «горцем», «англичанин» или «шотландец» — еще большим «англичанином» или «шотландцем»¹.

Однако могли ли комментаторы на рубеже XVII–XVIII вв. более многословно писать о Горной Шотландии? Иными словами, накопил ли их век достаточный набор аналитических инструментов для обращения с данным предметом (создавая впечатление, будто познать Горную Страну принципиально возможно)?

Авторы мемуаров и отчетов о состоянии Горного Края, появившихся вслед за первым мятежом якобитов в 1689–1691 гг., сумели, конечно, подметить некоторые наиболее очевидные черты горского общества. К потенциально мятежным этнографическим характеристикам были практически бесспорно отнесены клановая система («удерживавшая горцев во власти вождей»), патриархальные обычаи («подменявшие в крае закон»), приверженность «папизму» (препятствовавшая «истинной евангелизации Хайленда»)². Нетрудно заметить, что эти

¹ В том смысле, который подразумевал Э.В. Саид, рассуждая об использовании клишированных описаний как способе различения Востока и Запада (Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 71–72).

² Mackay H. General Remarks upon the Scots Wars... P. 110–117; Forbes D. Memoir of a Plan for Preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution [The Original is in the hand-writing of Duncan Forbes, of Culloden, the President's father; and every part of his plan

черты вполне соотносились (единство противоположностей) с привычной для писавших британской действительностью. Об этом свидетельствует само преобладание британской терминологии. Хайлендские термины либо дополняли ее, либо сопровождали.

Уже генерал Маккей предпослал своим «преимуществам горцев» обстоятельное изложение «революционной» версии политического конфликта в Шотландии, звоном палашей и залпами мушкетов отозвавшегося и в Горной Стране (указанные генералом «преимущества горцев» в таком контексте служили скорее пояснением к затруднениям революционного устройства в Шотландии, нежели полноценной этнографической зарисовкой)¹.

Сложнее дела обстояли в том случае, когда объект описания не имел соответствия в опыте автора. В таком случае местные термины появлялись в тексте как оригинальные самостоятельные единицы («клан», например, или «вождь»)². Понятийно-терминологическая система, сформированная иной социальной средой, неизбежно отражала реалии горского общества неточно и неполно, но в данном случае особенно важно другое. Рапорт командующего (как и мемориалы и отчеты его современни-

---

seems to have been closely followed, in every point of any consequence] // CP. P. 14–18; Mackenzie G., Forbes W., Campbell C. Report of the Committee anent the Peace off the Highlands, 1699 // HPJP. Vol. I. P. 1–3; Mackenzie G. A Short Account of the First Causes of Scotland's Divisions, 1703 // Letters relating to Scotland in the reign of Queen Anne by James Ogilvy, First Earl of Seafield, and others / Ed. by P.H. Brown. Publications of the Scottish History Society. Second Series. Vol. XI. November 1915. Edinburgh, 1915. P. 129–133; A Memorial concerning the Disorders of the Highlands, especially the Northern Parts thereof, and the Isles of Scotland. With an Account of Some Means by which the same may be redressed and prevented. Edinburgh, 1703.

¹ Mackay H. General Remarks upon the Scots Wars... P. 110–114.

² Несмотря на официальный характер военной корреспонденции генерала Маккея в 1689–1690 гг., она полна таких этнографических понятий, позволявших командующему королевскими войсками в Шотландии кратко и емко излагать членам Тайного совета положение дел в Горной Стране (Letters relative to Military Affairs in Scotland in the Years 1689 and 1690 // Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland... P. 221–356).

ков) наглядно демонстрирует особенности этнографических изысканий чинов и агентов Лондона в Горном Крае на раннем этапе решения «Хайлендской проблемы».

Эти первые этнографические описания охваченной мятежом якобитов Горной Шотландии, видимо, и не преследовали цели адекватного отражения горских реалий. Задача, как представляется, заключалась в другом — поместить эти реалии в британские рамки (сначала — текстуально, затем — политически, экономически, социально, культурно), отбросив все, что в них поместить не получается. Этнографическое упрощение позволяло свести естественные отличия горцев к некоторым особенностям их военного дела, а образ жизни в горах — к яркой и запоминающейся иллюстрации верности выбранного британскими королевствами после Славной революции курса и вполне определенных предложений по его корректировке — укреплению позиций тех или иных политических «партий»¹.

Этнография «Хайлендской проблемы» в этот период, таким образом, вполне соответствовала общему курсу правительства в отношении Горной Страны. Договориться с вождями и магнатами края, сделав наиболее лояльных и влиятельных из них пенсионариями Лондона, и так поддерживать мир в Горной Шотландии на расстоянии — «благотворное пренебрежение», опробованное не только в Северной Америке и, как и в британских колониях по ту сторону Атлантического океана, вызвавшее в крае вооруженный мятеж. Интеллектуальная колонизация Хайленда вполне соответствовала такой робкой политике. Этнографические сведения о «взбунтовавшемся» горце не только

¹ Пока правительство не решилось на масштабное реформирование социальных, экономических, политических, культурных отношений в Горной Стране (подавив в 1746 г. последний мятеж якобитов), комментаторы не упускали случая использовать сведения о военном потенциале кланов как наиболее веский аргумент в борьбе за влияние как между отдельными вождями и магнатами в Хайленде, так и между участвовавшими в умиротворении Горного Края чинами и их агентами в Лондоне. Среди наиболее известных примеров см.: *Fraser S. Op. cit.* P. 254–267; *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands*, December 10, 1724 // *HPJP. Vol. I.* P. 132–149.

собирались, но и использовались по случаю (до поры крайне редко, поскольку власти полагали возможным снять «Хайлендскую проблему» с повестки дня с помощью выплаты пенсий).

Осенью 1715 г. обе стратегии (и интеллектуальная, и политическая) потерпели сокрушительное поражение, когда горцы примкнули к поднявшему штандарт Якова Стюарта графу Мару, перешли англо-шотландскую границу и двинулись маршем на Лондон¹. Непонимание прагматики чужой культуры приводило к порождению фиктивной событийности в описаниях реалий Горного Края, превращая этнографические комментарии в сложно устроенный компаративный дискурс, представлявший «взбунтовавшегося» горца скорее интуитивно и опосредованно.

Неспособность властей понимать и принимать реалии Горной Страны приводила к плачевным последствиям. Категория «Горной войны», вероятно, могла бы открыть перед военными и гражданскими чинами широкие познавательные возможности в качестве своеобразной этнографической основы дальнейших поисков решения «Хайлендской проблемы». Однако генерал Маккей, едва обозначив искомые «преимущества горцев», уже в 1690 г. покинул Шотландию и отбыл в Ирландию, с «Шотландских войн» на «Ирландскую» (при этом необходимо отметить, что «Горная война» подразумевала не только географию, но и этнографию конфликта, в то время как «Шотландские войны» и «Ирландская война» определяли исключительно театры военных действий

---

¹ Исследования некоторых шотландских коллег показывают, что потенциальный масштаб мятежа 1715–1716 гг. был намного значительнее того восстания, с которым правительству пришлось иметь дело в 1745–1746 гг., как с точки зрения мобилизационных возможностей руководителей мятежей, так и с точки зрения количества людей, собравшихся под штандартом изгнанных Стюартов: *Macinnes A. Clanship, Commerce and the House of Stuart*. East Linton, 1996. P. 163, 182; *Szechi D. 1715: The Great Jacobite Rebellion*. New Haven, 2006. P. 119–125; *Pittock M. The Myth of the Jacobite Clans. The Jacobite Army in 1745*. Edinburgh, 2009. P. 55–58, 77–78, 187–194.

в 1689–1691 гг.)¹. «Общие замечания...» теперь уже бывшего командующего были правительством лишь приняты к сведению.

Революционные власти, конечно, учитывали особый характер социальной, экономической, политической природы противника в шотландских горах. Соглашение о прекращении военных действий в Хайленде от 30 июня 1691 г. (до октября 1691 г.) учитывало позиции не только уполномоченных представителей Якова Стюарта и Вильгельма Оранского, но и вождей горных кланов². Присяга

¹ Memoires ecrites par Monsieur Hugh de Mackay Lieutenant General a fa Majeste Britanique touchant la Derniere Campagne D'Irlande // Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland... P. 125–128; Mackay J. Op. cit. P. 108–127. Примечательно, что завершение «Ирландской войны» в 1691 г., положившее конец организованному сопротивлению Лондону на «Изумрудном острове», положило начало долгой традиции подпольного сопротивления в Ирландии (социальный бандитизм раппари и аграрная борьба «белых парней» в XVIII в., движение фениев в XIX в., Англо-ирландская война 1919–1921 гг. и «беспорядки» в Северной Ирландии в 1968–1998 гг.), что позволяет некоторым современным авторам вкладывать в понятие «Ирландская война» во многом тот же этнографический смысл, который генерал Маккей вкладывал в понятие «Горная война» (Geraghty T. The Irish War. The Military History of a Domestic Conflict. London, 2000). Применительно к событиям Гражданской войны в Ирландии середины XVII в. в дальнейшем (в том числе в XVIII в.) в схожем значении применялось понятие «Ирландский мятеж», акцентировавшее внимание на влиянии «традиционного ирландского варварства» и «папизма» на поведение и характер бунтовщиков (хотя этнография в этом случае служила скорее укреплению ирландской протестантской идентичности, чем постижению «обычаев и нравов» ирландцев) (Temple J. The Irish Rebellion: Or, an History of the Beginnings and first Progress of the General Rebellion raised within the Kingdom of Ireland Upon the Three and twentieth Day of October, in the Year 1641. Together with the Barbarous Cruelties and Bloody Massacres which ensued thereupon. Parts I–III. London [Dublin], 1713 [1716, 1724, 1746]; Gillespie R. Temple's fate: reading *The Irish Rebellion* in late seventeenth-century Ireland // British Interventions in Early Modern Ireland. Cambridge, 2004. P. 315–333. О связи социального бандитизма и якобитского движения в Ирландии см. подробнее: O' Ciardha E. Ireland and the Jacobite Cause, 1685–1766. A fatal attachment. Dublin, 2004 [2001]).

² Cessation of Hostilities for a Stated Time. Jun. 30, 1691 // Papers illustrative of the Political Condition of the Highlands of Scotland, 1689–96. Glasgow, 1845. P. 21–22.

на верность протестантскому престолонаследию как условие амнистии должна была приноситься каждым вождем в отдельности и за весь клан целиком. Организованное властями истребление МакДоналдов из Гленко 13 февраля 1692 г., вождь которых «не успел» в отведенный срок присягнуть на верность новому королю, также подтверждает, что правительство намеревалось разговаривать с горцами на «свойственном» Горной Стране, как полагали в Эдинбурге и Лондоне, языке репрессалий¹.

Однако если под интеграцией Горного Края иметь в виду его модернизацию и «цивилизацию», необходимо признать, что долгое время этнографические сведения использовались правительством скорее с целью более эффективного подкупа местных вождей и магнатов и патронажа.

Генералы, подумывавшие о политической карьере, и политики, вынужденные порой примерить военный мундир, желали хоть какого-то подобия привычной европейской войны. Так, генерал Маккей, ведя переговоры с якобитами, старался придать им типичный характер соглашений между командующими регулярными армиями, желая, видимо, как можно скорее окончить «умиротворение» Хайленда. Вильгельм Оранский рассматривал события в Горной Шотландии как досадную помеху своей военно-политической активности на континенте во время Десятилетней войны 1689–1697 гг. и также желал скорейшего «умиротворения» края, настаивая на военном решении (хотя бы временном устранении) «Хайлендской проблемы».

В результате в условиях крайне схематичной, набросками, разработки аналитической категории «Горная война»

---

¹ Warrant to Commission for Inquiring into the Slaughter of the M'donalds of Glencoe, April 1695 // PSAS. 1862–1864. Vol. 5. P. 59–60; Report of the Commission into the Slaughter of the men of Glencoe // Documents on British Political History. Book One. 1688–1815 / Ed. by J. Wroughton. Edinburgh; London, 1971. P. 23; R. Duncanson to Captain Robert Campbell of Glenlyon. February 12, 1692 // A Source Book of Scottish History. Vol. III. 1567 to 1707 / Ed. by W.C. Dickinson, G. Donaldson. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Johannesburg; Toronto and New York, 1961. P. 223; Papers illustrative of the Political Condition of the Highlands of Scotland... P. 65–76.

это желание приводило к опасным решениям. Военная машина европейского государства эпохи раннего Нового времени, созданная «Великой огнестрельной революцией» и рассчитанная на нанесение противнику ущерба, достаточного для принятия им политического решения, не могла в местных условиях добиться успеха шаблонно. Пестрота политической карты Хайленда приводила к тому, что для вооруженного умиротворения Горной Страны британское военное присутствие потребовалось бы в каждом ущелье. Лояльность горцев определялась, как правило, вождями и магнатами, что неизбежно дробило вторгавшуюся в Горный Край регулярную армию¹. В Лондоне, однако, на горцев долгое время смотрели как на обычных мятежников, и потому нетрафаретные поступки последних часто ставили правительство в тупик.

Последствия ждать себя не заставили. Уже 27 июля 1689 г. в битве при Килликрэнки возглавивший проякобитские кланы виконт Данди наголову разгромил войска генерала Маккея. Как и во времена Джеймса Грэма, «Великого маркиза Монтроза», в 1644–1645 гг., Клэверхауз собирал войско под штандарт «истинного короля», разжигая

---

¹ Несмотря на формально единое командование, поддерживавшие якобитов вожди Горной Страны сохраняли значительную долю самостоятельности в своем политическом выборе, вполне соответствуя полуфеодальному характеру армии Претендентов в Горной Шотландии. В результате их отсутствие или бегство руководителей мятежей якобитов в Хайленде, как правило, не совпадало с прекращением сопротивления горцев, вынуждая командующих королевскими войсками в Шотландии после и 1691, и 1716, и 1746 г. принуждать к лояльности Ганноверам на словах и/или на деле, разоружая один клан за другим (*Малкин С.Г. Мятежный край Его Величества: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг.* СПб., 2011. С. 72–94). О сопротивлении горцев новому монарху во времена генерала Маккея можно сказать, что после подавления поднятого виконтом Данди восстания многие из его приверженцев продолжали «на свой лад» бороться за дело изгнанных Стюартов, полагая, видимо, что грабежи признанных сторонников Вильгельма Оранского или тех, в ком им угодно было видеть таковых, особенно успешно способствуют возвращению «законной» династии (*Account of loss, My Lord Forbes lands sustained by the Robberies and depredations of the Highlanders, Anno [16]89 and [16]90 // HP. P. 16–18*).

давнюю и глубоко укоренившуюся вражду кланов Западного Хайленда к дому Аргайл и всему клану Кэмпбелл вообще¹. А отличавшее его, как и маркиза Монтроза ранее, глубокое знание гэльской культуры позволяло достаточно широко использовать подмеченные генералом Маккеем «преимущества горцев» (прежде всего способность к стремительным маршам по горам и долинам Хайленда).

Хотя для самого виконта Данди необходимость скорее одержать решительную победу, обусловленная иррегулярным характером его всегда готового дезертировать войска, и необходимость следовать гэльской военной традиции, предполагавшей личное участие военачальника в битве, закончились смертельным ранением при Килликрэнки и обретением романтического ореола, созданного бардами и участниками схватки с дрогнувшими войсками генерала Маккея 27 июля 1689 г.²

Первым при Ганноверах, кто испытал на себе тяжелые последствия игнорирования этнографических и географических особенностей «Горной войны», оказался герцог Аргайл. Военный опыт и придворные интриги привели его к назначению на незавидный пост командующего королевскими войсками в Шотландии в то самое время, когда граф Мар поднял в Браэмаре в сентябре 1715 г. штандарт изгнанных Стюартов. «Рыжий Джон Сражений», как прозвали герцога Кэмпбеллы, оказался «нужным человеком

---

¹ Прямое следствие давней (с конца XV — начала XVI в.) и энергичной земельной и политической экспансии дома графов и герцогов Аргайлов и клана Кэмпбелл вообще за счет менее расторопных соседей в Западном Хайленде (*Macleod R.C. The Western Highlands in the Eighteenth Century // SHR. 1922. Vol. 19. P. 33–48; Dawson J.E.A. Two Kingdoms or Three?: Ireland in Anglo-Scottish Relations in the Middle of the Sixteenth Century // Scotland and England 1286–1815 / Ed. by R.A. Mason. Edinburgh, 1987. P. 120–131; Idem. The Politics of Religion in the Age of Mary, Queen of Scots. The Earl of Argyll and the Struggle for Britain and Ireland. Cambridge, 2004. P. 48–85, 209–219).*

² *Philip J. The Grameid. An Heroic Poem descriptive of the Campaign of Viscount Dundee in 1689 and other pieces. 1691 / Ed. by A.D. Murdoch. PSHS. Vol. III. Edinburgh, 1888; Killiecrankie described by an Eye-Witness / Ed. by A.H. Millar // SHR. Glasgow, 1906. Vol. Third. P. 63–70.*

в нужном месте и в нужное время», сумев, располагая изначально силами всего в 1600 человек, сдержать продвижение почти 12 000 мятежников¹.

Накануне решающего, хотя и нерешительного сражения при Шериффмуре 13 ноября 1715 г. за имевшие стратегическое значение переправы через реку Форт, открывавшие основной армии якобитов путь на равнины южной Шотландии, к Эдинбургу, и в Англию, к Лондону, герцог отправил одному из своих сторонников в британском парламенте, эсквайру Уильяму Стюарту, весьма любопытное в этом смысле письмо.

Отправившись напрямиком из столицы на охваченный мятежом север Британии, новоиспеченный командующий обнаружил по прибытии характерные исторические параллели между событиями в Шотландии и недавней историей мятежных окраин некоторых европейских держав, особо отметив (графически), что «мятежники в Венгрии совсем недавно потребовали привлечения свыше сорока тысяч войск Императора вместе с несколькими его лучшими офицерами в течение нескольких лет и что Камизары вынудили короля Франции отправить против них трех разных маршалов и значительное число войск, монсеньор Виллар и герцог Бервик были среди них, и монсеньор Виллар покончил наконец с мятежом, заключив договор»².

Начало XVIII в. для ведущих европейских держав ознаменовалось мятежами и волнениями на внутренних окраинах. В 1703 г. в Верхней Венгрии вспыхнуло антигабсбургское восстание под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци и Имре Тёкёли, завершившееся

¹ Цит. по: *Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 97.* В примечаниях Стивенсон поясняет, что в данном случае он перефразировал выражение Чарльза Петри о графе Маре как «неподходящем человеке в неподходящем месте и в неподходящее время» (*Stevenson D. Op. cit. P. 310*).

² Copy of a letter from John Duke of Argyll to William Stuart, esq., Member of Parliament. Written from Scotland in 1715 a little before the Battle of Dunblane // BL. NP. Historical Collections. 1567–1720. Add. Ms. 35,838. P. 390.

в 1711 г.¹ На юге Франции, в Севеннах, в 1702–1704 гг. поднялись камизары (название, как полагают, происходит от «камзола», одежды восставших, или от «camisade» — «ночное нападение врасплох»), возмущенные отменой Нантского эдикта о веротерпимости в 1685 г. и репрессивными мерами королевского интенданта Бавиля². В российских пределах взбунтовалось казачество, поддержавшее Кондратия Булавина в 1708 г., выступление гетмана Ивана Степановича Мазепы в 1709 г. и «бунташные» настроения в Запорожской Сечи³. Несмотря на завершивший Войну за испанское наследство Утрехтский мир 1713 г., каталонцы отказались сложить оружие, что привело к короткой, но кровопролитной военной кампании французской и испанской корон в 1713–1714 гг., чтобы вернуть Каталонию Мадриду.

Великобритания, едва появившись на политической карте, столкнулась с очередной попыткой поддержанного в Горной Шотландии якобитского заговора в 1708 г., целью которого являлось возвращение на престол изгнанных в ходе Славной революции Стюартов. При этом следующий якобитский мятеж с опорой во многом на горные кланы вспыхнул уже в 1715 г., а затем еще один в 1719 г. Последнее вооруженное выступление сторонников «короля за морем» на британской земле произошло в 1745–1746 гг.

---

¹ В 1711 г. Сатмарский мир с Веной, не признанный Ференцем Ракоци, заключил генерал мятежников Шандор Каройи (*Хаванова О.В.* Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов. 1746–1784. СПб., 2006. С. 97).

² В мае 1704 г. маршал Франции Клод Луи Эктор де Виллар, маркиз, позже герцог Виллар, вступил в переговоры с одним из предводителей камизаров Жаном Кавалье (изолировав и вскоре казнив двух других, Пьера Лапорта и Адьяля Мореля, «Ролянда» и «Катину»), который сложил оружие в обмен на патент полковника и пенсию в 1200 ливров (*Птифис Ж.-К.* Людовик XIV. Слава и испытания. СПб., 2008. С. 279–281; *Ладюри Э. ле Р.* История регионов Франции. Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. М., 2005. С. 353–354).

³ Среди недавних исследований на эту тему см.: *Шкваров А.Г.* Петр I и казаки. СПб., 2010. С. 62–77, 95–270; *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в перечисленных случаях речь идет об относительно недавно инкорпорированной периферии, по-прежнему заметно отличавшейся от центра «нравами и обычаями», одними из основных критериев «цивилизованности» в эпоху Просвещения и пока еще непобежденного на европейских окраинах «варварства». Компаративный анализ представляется логичным методологическим решением поставленной проблемы. Однако это перспектива отдельного, самостоятельного комплексного исследования. Для нас же особый интерес представляют примеры, к которым в письме обращается герцог Аргайл.

Пристальное внимание к событиям в Венгрии, Франции и Шотландии в начале XVIII в. позволяет не только сопоставить характерные черты, особенности окраинной политики Вены, Парижа и Лондона. Речь идет о возможности составить определенное представление о том, как облеченные официальными должностями подданные британской Короны воспринимали события в Европе в свете мятежей якобитов, один из которых вспыхнул всего четыре года спустя после заключения Сатмарского мира 1711 г., положившего конец восстанию Ракоци. Представление британских чинов о мятежах в Венгрии и Франции и рецепция опыта умиротворения королевства св. Стефана и французской политики в Севернах во время восстания якобитов открывают интересные возможности для анализа восприятия ими окраинной политики европейских держав.

Итак, перед нами, казалось бы, сюжет из области военно-политической истории Европы, и герцог сам призывает знать меру в сравнениях «как в том, что касается численности мятежников, так и в значимости их вожаков», не желая выступать провозвестником того удручающего для Лондона факта, что значительная часть шотландских подданных Георга I Ганновера не хотела видеть его своим королем¹.

---

¹ Copy of a letter from John Duke of Argyll to William Stuart... from Scotland in 1715... P. 390.

Однако компаративный контекст, в который автор помещает свой рассказ, позволяет заключить, что ко двору и парламенту (через письмо к Уильяму Стюарту) обращался не столько командующий королевскими войсками в Шотландии, сколько вождь и магнат в Горной Стране, понимавший, что само существование армии якобитов напрямую связано с тем, насколько решительную позицию займут британские власти. Клан Кэмпбелл служил отличной иллюстрацией такого положения вещей. Джон Кэмпбелл из Гленорхи, 7-й граф Кейтнесс, 1-й граф Брэдалбейн и Холлэнд, уже поднялся на мятеж. Еще два влиятельных младших вождя в клане, Джеймс Кэмпбелл, 5-й баронет Эхинбрек, и сэр Данкан Кэмпбелл, 7-й лэрд Лохнелл, едва не примкнули к якобитам, переменяв решение в последний момент¹.

С точки зрения сравнительной и взаимосвязанной истории империй этот франко-венгерский сюжет не только подтверждает, что схожие ситуации на окраинах порождали схожие практики центра и/или их прямые трансферы как в «континентальных», так и в «заморских» империях (приобретавшие, разумеется, своеобразие и новое качество под влиянием местной специфики), но и показывает, в каком контексте ответственные за умиротворение Горного Края чины видели, интерпретировали и оценивали «Хайлендскую проблему» в первой половине XVIII в.

С точки зрения формирования и развития этнографии в Европе раннего Нового времени и ее применения на практике в политических целях, а также в контексте восприятия современниками особенностей мятежей в Венгрии и Северных в начале XVIII в. представляется весьма любопытным, как тот же маршал Виллар поддразнивал в письмах генерал-лейтенанта Пьера Дезаллэра, представлявшего Людовика XIV в лагере Ракоци, удивляясь, «как человек, прошедший службу в пехоте, приспособляется к этим маленьким татарским войнам»².

---

¹ Stevenson D. Op. cit. P. 107–108.

² Цит. по: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 246.

При этом маршал Франции подразумевал, что у восставших нет регулярной военной организации, и писал о «различиях между германцами и гуннами» (вполне в духе эпохи смешивая древнюю историю и современную этнографию) в том же смысле, что и анонимный автор памфлета в Великобритании в 1746 г. в отношении британских подданных в Горной Стране: «Важнейшее различие между регулярными и иррегулярными войсками во все века и у всех народов — это различие, обнаруживаемое здесь, между горцами и британскими солдатами»¹.

Ну а с точки зрения состояния административной этнографии «Хайлендской проблемы» можно констатировать, что, когда в 1715 г. вспыхнул очередной якобитский мятеж, впервые завершившийся вторжением горцев из Шотландии в Англию, власти, привыкшие купировать якобитизм в Горной Стране выплатой пенсий, так же слабо представляли себе врагов Славной революции в Хайленде, как и во время зарождения якобитизма в крае в 1689 г. Герцог Аргайл, являя собой исключительный случай, подтверждал это общее правило.

«Здесь никто не может позабыть надуманный замысел, затеянный генералом Кэдогэном в начале минувшего февраля, благодаря которому он убедил двор в возможности преследовать мятежников в их же горах, — прокомментировал усилия командующего королевскими войсками в Шотландии генерала Уильяма Кэдогэна, сменившего на этом посту герцога Аргайла, по умиротворению Горной Страны весной 1716 г. Данкан Форбс из Каллодена. — Никто не может позабыть, как тот же генерал, под различными предложениями откладывая экспедицию до апреля, затем ее предпринял, полагаться на успех не имея возможности»².

¹ Seasonable Considerations on the Present War in Scotland, against the Rebels: In which the Situation of the Highlands are truly describ'd; the Force of their Inhabitants fairly computed; And the Advantages of the King's Troops, in Point of Discipline and Manner of Fighting, fully demonstrated. In a Letter to a Person of Distinction. London, 1746. P. 6.

² Forbes D. Letter to Sir Robert Walpole [most likely in August 1716; a copy is extant (from which the present is taken) in the President's handwriting] // CP. P. 64–65.

Излагая соратникам летом 1716 г. свою версию описанных Форбсом событий, Джон Кэмерон из Лохила, XVIII вождь клана Кэмерон, указывал, что о маршрутах войск генерала Кэдогэна знал заранее, сопротивление прекратил лишь в свете решения других вождей мятежа затаиться в горах, а клансменам советовал не терять присутствия духа и быть готовыми выступить за дело «законного суверена», — ни то ни другое британская армия в Горном Крае выявить и вытравить не в состоянии¹.

Иными словами, вождь одного из самых многочисленных, влиятельных и беспокойных кланов на стороне изгнанных Стюартов подвел итог первым шагам отдельных чинов и агентов правительства в этнографии «Хайлендской проблемы» — в хайлендской политике Лондона таковая почти не присутствовала. Взбунтовавшихся подданных в крае еще предстояло узнать, вычислив этнографическую формулу «мятежного» горца.

Представляется весьма показательным, что даже сам генерал Маккей, ветеран регулярной армии и участник полупартизанской войны в шотландских горах, видимо, не придавал приобретенному им опыту «Горной войны» особенного значения. Во всяком случае, в составленных им в 1693 г., незадолго до гибели во время осады Штейкирка в Нидерландах, «Правилах войны...» о «преимуществах горцев» нет ни единого слова². «Правила войны...»

---

¹ The Camerons in the Rising of 1715: A Vindication of their Leader, John Cameron, Younger of Lochiel [в оригинале: Cameron of Lochiel, XVIII Chief of Clan Cameron, to the Gentlemen of Clan Cameron. June 24, 1716] / Ed. by W. Mackay // Transactions of the Gaelic Society of Inverness, 1904. Vol. XXVI. P. 60–80. О том же сообщает его брат, Элэн Кэмерон из Лохила, одним из последних участников мятежа покинувший летом 1716 г. Шотландию и бежавший во Францию: Allan Cameron's Narrative, February–April, 1716 / Ed. by Professor C.S. Terry // SHR. Glasgow, 1908. Vol. Fifth. P. 137–150.

² Rules of War for the Infantry, ordered to be observed by their Majesties' subjects, encountering with the Enemy upon the day of Battel. Written by Lieutenant General Mackay, and recommended to all (as well Officers as Soldiers) of the Scots and English Army. In XXII Articles. Published by his Excellency's Secretary. Edinburgh, 1693.

генерала Маккея (более известные как «Книга упражнений короля Вильгельма») переиздавались до 1727 г. включительно. К тому времени генерал Уэйд уже три года пребывал в должности командующего королевскими войсками в Шотландии, умиротворяя Горную Страну и фактически заново открывая этнографические особенности «взбунтовавшихся» горцев.

**«Сухопутная пиратская война»:
«война партизанских отрядов»**

Там, где остановились в своих весьма поверхностных этнографических комментариях генерал Маккей и герцог Аргайл, их начинания с опорой на значительно более основательные полевые исследования продолжили в 1724 г. лорд Ловэт, лорд Грэндж, генерал Уэйд и, несколько позже, лэрд Каллоден, к которым после 1746 г. присоединятся генералы Кеппел, Блэнд, лорд Милтон и, конечно, сам герцог Камберленд. Выработанный ими новый, панорамный и системный взгляд на «Хайлендскую проблему» был, несомненно, шире сугубо утилитарного содержания аналитической категории «Горной войны» и сравнительной перспективы истории сопротивления венгерских и северошотландских мятежников, хотя генерал Уэйд, рассуждая о возможностях регулярной армии в Горной Шотландии, также обратился к сравнительному опыту Парижа в Севеннах¹.

В новых обстоятельствах, связанных с проснувшимся интересом Лондона к своей гэльской окраине, объектами этнографического интереса стали не только особые военные навыки горцев, порожденные «диким» и «варварским» образом жизни в горах. Характерные особенности их участия в мятежах якобитов, связанные с этими «природными» военными навыками, визуализация этнографических различий «мятежных» и «лояльных»

¹ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 139.

горцев, сфокусированная на «горском наряде», и теневая экономика Горной Страны, основанная на «черной ренте» и взаимообусловленная, как полагали, воинственным и мятежным характером местного общества, также попали в поле этнографического зрения ответственных за умиротворение Горного Края чинов («черная рента» являлась объектом пристального изучения комментаторов в контексте анализа политэкономии «Хайлендской проблемы»).

Язык колониального знания и характерный для него стиль этнографического описания социально-экономических и политических реалий Хайленда при этом не должен вводить в заблуждение. Стереотипы, кочевавшие из отчета в отчет, отражали не только стремление комментаторов использовать положение «эксперта по Горной Стране» для решения определенных карьерных задач. По этой же причине такой объективистский подход к постижению местных реалий можно рассматривать и как попытку выявить некое усредненное, универсальное значение социального капитала местных элит и *modus vivendi* сетей обмена им в феодально-клановой системе между вождями, магнатами, клансменами и арендаторами¹.

Таким образом, стереотипы восприятия Горной Шотландии были связаны с «включенным наблюдением» этнографов по роду занятий и администраторов по служебным обязанностям. Целесообразно проанализировать эти аспекты этнографии «Хайлендской проблемы», соответствовавшие уровню этнографического знания

---

¹ Такая терминологическая модернизация представляется уместной и оправданной, имея в виду удачный методологический опыт применения концепций Пьера Бурдьё при анализе экзотического для французской школы социологии социокультурного пространства Кавказа: Дердугьян Г. Адепт Бурдьё на Кавказе. Эскизы к биографии в мировосystemной перспективе. М., 2010. Подробнее о применении понятия «социальный капитал» к анализу социокультурных процессов в Шотландии в исследуемый период см.: Saville R., Auerbach P. Education and social capital in the development of Scotland to 1750. Paper prepared for the Economic History Society Annual Conference, University of Reading, 31 March — 2 April 2006.

британских чинов о Горной Стране, что позволяет реконструировать основные этапы предпринятого ими анализа «Хайлендской проблемы» и, следовательно, глубже вникнуть в особенности функционирования механизма принятия решений по умиротворению и «цивилизации» этой гэльской окраины.

Трудности перевода, с которыми столкнулся в Горной Шотландии еще генерал Маккей, побуждали многих комментаторов сосредоточиться на описании визуальных наблюдений, акцентировать внимание на внелингвистических аспектах местной культуры («горский наряд»). Однако для создания этнографического портрета «мятежного» горца, который более полно и многогранно отражал бы наиболее значимые с практической точки зрения этнографические особенности «Хайлендской проблемы», требовалось иное видение местных реалий, в рамках административной этнографии выразившееся в расширении толкования и значения «Горной войны».

Словарь и стиль этнографического письма применительно к введенному генералом Маккеем понятию обогащались двумя основными путями. Во-первых, комментаторы выясняли влияние клановой системы Хайленда на особенности военной организации горцев. Во-вторых, анализировались возможности регулярной британской армии по решению «Хайлендской проблемы» в непривычном географическом, этнографическом и социокультурном окружении.

Представление о том, что клан являлся еще и полком, с вождем вместо полковника, его ближайшими родственниками (имевшими аристократическое происхождение в том смысле, в каком это часто понималось и принималось только в Горной Стране, и принадлежавшими в иерархии клана к категории так называемых «тэкменов» (tackmen), или «добрых людей» (goodmen), получавших от вождя в аренду землю, сдававшуюся в субаренду остальным членам клана) на должностях офицеров и рядовыми клансменами вместо солдат, отличало восприятие социальных порядков в Горной Шотландии по обе

стороны Грэмпианских вершин и на всем протяжении существования «Хайлендской проблемы» в 1689–1759 гг.¹

Для наглядного примера достаточно обратить внимание на то, в чем, вернее в ком, ответственные за умиротворение края чины и их агенты измеряли мятежный потенциал Горной Страны. Каждый такой отчет представлял собой список вождей и магнатов, а напротив указывалось количество готовых поддержать их с оружием клансменов². Об этом же в мемориале 1724 г. о состоянии Хайленда писал в Лондон лорд Ловэт, излагая в качестве примера мобилизационных возможностей вождей собственную историю участия в событиях 1715–1716 гг. В письме, датированном приблизительно 1730 г., капитан Барт, сборщик налогов с конфискованных за участие в мятеже владений и интендант при генерале Уэйде, сообщает о крайне низкой арендной плате горцев, возмещаемой вождю скотом и прочим имуществом, а также различными службами, в том числе и военной³.

¹ *Graham N.* An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, 1747 // *Burt E.* Op. cit. 1822. P. 339–341; *Dodgshon R.A.* «Pretence of Blude» and «Place of Thair Duelling»: the Nature of Scottish Clans, 1500–1745 // *Scottish Society. 1500–1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White.* Cambridge, 1989. P. 171–188. Мистер Джон Хоум, волонтер войск правительства, плененный якобитами в 1745 г., сообщает такие подробности: каждый клан представлял собой полк (ветви клана — роты полка), в котором «вождь был полковником, старший из представителей клана был подполковником, следующий по старшинству был майором» (*Home J.* The History of the Rebellion in the year 1745. London, 1802. P. 9. См. также: *McLynn F.J.* The Jacobite Army in England, 1745: The Final campaign. Edinburgh, 1983. P. 18).

² В этом смысле нет принципиальной разницы между, например, отчетами 1716 и 1746 гг., за исключением цифр (14 100 против 21 650 человек): *Strachan P.* An Account of the number of Men the highland Chieftains and Superiors of the several Clans can bring to the field to carry arms. [1716–1717] // *NAS. GD 1/616/46*; *Forbes D.* Memoriall Anent the True State of the Highlands as to Their Chieftenries, Followings and Dependances before the Late Rebellion [1746] // *HP. Vol. I. P. 166–176.*

³ *Burt E.* Op. cit. 1876. P. 159–168; *Keltie J.S.* History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan and an Assay on Highland Scenery by J. Wilson. Edinburgh and London, 1875. Vol. II. P. 669.

Когда около 1740 г. у Колла МакДоналда из Кеппоха, промышлявшего тем же, чем и Роб Рой, спросили о доходности его владений, он ответил, что может выставить в поле 500 человек¹. Даже после акта 1747 г. об отмене наследственной юрисдикции и «военных держаний» (Ward Holdings) официальные власти в тесном сотрудничестве с заинтересованными представителями местных элит поддерживали представление о естественных мобилизационных возможностях вождей, облегчавшее с практической, юридической и идеологической сторон набор хайлендских полков².

Таким образом, вскоре после разгрома кланов при Каллодене 16 апреля 1746 г. «племенным» отношениям в Великобритании вновь нашлось достойное место, но уже как идеологическому продукту имперской политики. Потребности армии в рекрутах, продолжавшие стремительно расти на протяжении всего «долгого» XVIII в., определили готовность правительства формировать новые полки из жителей Горной Шотландии.

Представление о клановой преданности горцев вождям позволяло военным и сторонникам активной внешней политики, широко используя эту идеологию, набирать горцев для воинской службы и по возможности игнорировать протесты сторонников политики «улучшений» в Хайленде (социального, экономического, политического, морального и культурного реформирования Горного Края), призванной изжить его «милитаристскую» природу и содействовать «завершению» Унии.

¹ *Home J. Op. cit. P. 20.*

² При этом сам акт об отмене наследственной юрисдикции и военных держаний (как и акт о разоружении и запрете на ношение «горского платья») периодически подтверждался, отражая официальную позицию Лондона по реформированию Хайленда: *Anno Regni Georgii II. Regis Magnae Britanniae, Franciae, and Hiberniae. Tricesimo Primo. At the Parliament begun and holden at Westminster, the Thirty first Day of May, ann Dom. 1754 in the Twenty seventh Year of the reign of our Sovereign Lord George the Second, by the Grace of God, of Great Britain, France, and Ireland, King, defender of the Faith, and etc. And from thence continued by several Prorogations to the First Day of December, 1757, being the Fifth Session of this present Parliament. London, 1758.*

Любопытно, что одни и те же представители элиты Горной Страны охотно поддерживали первую идею, набирая рекрутов за пределами своих владений, и обращались ко второй, сталкиваясь с рекрутированием обязанных им рентой арендаторов на собственных землях¹.

С одной стороны, речь шла об очевидном и естественном стремлении ответственных «шотландских» чинов и правительства учесть в своей практике местную «племенную» специфику, проникающую даже в официальный язык хайлендской политики Лондона.

С другой стороны, издержки имперского мышления такого рода и требования формальной логики регулярно государства эпохи раннего Нового времени нарушали целостность этнографического письма комментаторов и сводили разнообразие переходных форм социальных отношений в Хайленде к категориям клановой и феодальной зависимости. Такой подход отражал стремление не столько постичь Горную Шотландию как культурный регион во всем его своеобразии, сколько сделать ее социокультурное пространство более понятным (универсальным и упорядоченным) для администраторов с целью решения «Хайлендской проблемы».

Чтобы соотнести реалии Горной Страны со структурами и институтами британского государства с целью реформирования края, их следовало привести в соответствие с обнаруженными и описанными комментаторами основными этнографическими признаками «взбунтовавшихся» горцев. В связи с переходным характером социальных отношений в крае на практике это часто означало их упрощение.

С точки зрения наименее затратного решения «Хайлендской проблемы» такая попытка, однако, крайне редко бывала удачной. Не все предположительно лояльные Ганноверам вожди и магнаты удержали своих клансменов

---

¹ MacKillop A. «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000. P. 215–224; Dziennik M. The Fatal Land: War, Empire, and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vol. I. PhD Thesis. University of Edinburgh, 2010. P. 33–37, 52–65.

и арендаторов от выступления в 1745–1746 гг., о чем наиболее ярко свидетельствует печально известный пример лорда Ловэта, ответившего головой за непослушание сына и уведенных им к мятежникам клансменов (версия защиты обвиненного в государственной измене вождя)¹. Не все враждебные короне сторонники изгнанных Стюартов могли поднять свои кланы в полном составе задолго до последнего мятежа якобитов, как видно из часто цитируемого по этому поводу письма возглавлявшего армию якобитов в 1715–1716 гг. графа Мара к своему управляющему, в котором он грозит своим арендаторам уничтожением жилищ и посевов, если они в скором времени не «выступят» с ним в поддержку Якова Стюарта².

В этом смысле весьма примечательно, что на уровне административной этнографии бороться с социальным бандитизмом и якобитизмом в Горной Стране предлагалось вовсе не регулярной королевской армии, а отдельным ротам из «дисциплинированных» горцев на службе правительства, способных, как считалось, верноподданно носить «горский наряд»³. При этом следом и в тех же отчетах основой британского военного присутствия провозглашались военное строительство и гарнизонная служба⁴.

¹ См. подробнее материалы следственного дела лорда Ловэта (ответ вождя на статьи обвинения и заключительное слово): *Trial of Simon, Lord Lovat of the 45' / Ed. by D.N. Mackay. Edinburgh and Glasgow, 1911. P. 24–26, 282–287.*

² *Erskine J. Letter to John Forbes of Inverau, Bailie of Kildrummy, Invercauld. September 9, 1715 // Keltie J.S. Op. cit. P. 428–429.*

³ Британское военное присутствие в Хайленде и до, и после 1745 г. было связано с использованием отдельных рот из горцев на службе Короны: *Wade G. Instructions to the Officers commanding the Highland Companies. Camp at Inverness, September 22, 1725 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 317–321; Watson D. Proposals for cantoning the five Highland additional Companies in the Western Isles and remoter parts of the Highlands. Edinburgh, December 14, 1747 // HP. Vol. II. P. 509–512.*

⁴ Если генерал Уэйд особое место в рапортах и официальной переписке с Лондоном уделял строительству в Горной Стране фортов и военных дорог, то лейтенант-полковник Дэвид Уотсон отразил результаты военного строительства на составленной при его участии топографической карте Хайленда, призванной содействовать королевской

Противоречия административной этнографии «Хайлендской проблемы» способствовали переводу разговора в область политэкономии, в той же мере формировавшей политику Лондона в крае, в какой и универсальный «колониальный архив» Британской империи¹. Этнографическое знание, таким образом, оказывалось обоюдоострым интеллектуальным оружием, обнаруживая двойственную природу хайлендской политики Лондона (между риторикой «цивилизации» и требованиями «цивилизующей» практики).

В свою очередь, сочетание известных этнографических и географических факторов со временем наполнило новым содержанием и значением категорию «Горной войны». В начале 1724 г. лорд Ловэт вписал мятежи якобитов в широкий исторический и социальный контекст «Хайлендской проблемы»: «Такое чрезвычайное состояние

регулярной армии в «умиротворении» края и являвшейся, несомненно, более приоритетной темой военной корреспонденции и рапортов в Горной Шотландии, чем деятельность отдельных рот, набранных из горцев: *Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724; Idem. Scheme deliver'd to the King in April, 1725; Idem. Report, &c, relating to the Highlands, 1727 // HP. Vol. I. P. 141–142, 148–149, 161–165; Idem. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 291–292; 311–316; Idem. Letter to Lord Townshend. Edinburgh, August 9, 1726 // NLS. Marshal Wade Orders. Ms 7187. P. 82; General Wade to Lord Townshend. London, April 10, 1727 // NLS. Marshal Wade Orders. Ms 7187. P. 97; General Wade to Lord Townshend. London, April 10, 1727 // HMC. Eleventh Report, Appendix, Part IV. The Manuscripts of the Marquess Townshend. London, 1887. P. 197–199; Tabraham C., Grove D. Fortress Scotland and the Jacobites. London, 2001 [1995]. P. 100; Hodson Y. William Roy and the Military Survey of Scotland // The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755. William Roy. With Introductory essays by Yoland Hodson, Chris Tabracham and Charles Withers. Edinburgh, 2007. P. 7–24; Tabraham C. The Military Context of the Military Survey // The Great Map... P. 25–35.*

¹ Существование в представлении современников «Британской империи в Европе», «Британской империи в Америке», «Британской империи в Африке» и «Британской империи в Азии» резонно предполагало использование приобретенного в этих британских владениях опыта на взаимной основе, пополняя общую копилку сведений о народах империи и этнографически мотивированных способах управления ее окраинами и колониями: *The Present State of the British Empire in Europe, America, Africa and Asia. London, 1768.*

края во все времена приводило к раздорам и вызывало промеж вождей взаимную зависть, прежде означая беспрестанную сцену гражданской войны; и к настоящему дню сохраняются меж ними личная и наследная вражда и усобицы, оказывающие значительное влияние на все их поступки»¹. Чуть ранее вождь Фрэзеров на конкретных примерах клановой солидарности пояснял эту неразрывную связь между военным и социальным пространствами «Горной войны»².

Читая в декабре 1724 г. рапорт генерала Уэйда, британский монарх мог узнать (не без труда, ведь английский язык так и не стал родным для Георга I Ганновера), каким «варварским» образом одни его подданные («мятежные» горцы) поколачивают других (солдат короля): «Завидев врага, они стремятся расположиться на самом возвышенном месте, предполагая обрушиться на него с большим напором. Обычно они дают залп на расстоянии, затем бросают свое оружие на землю и предпринимают стремительную атаку со своими палашами, но если получают отпор, редко или вовсе не собираются вновь. Они опасаются вступать в столкновения с кавалерией и редко предпринимают попытки спуститься с гор, когда подозревают, что могут быть атакованы ею. В случае внезапной тревоги или когда какой-либо вождь попадает в беду, они извещают об этом свои кланы или находящиеся с ними в союзе, отправляя человека... с ним... письмо, указывающее им, где необходимо собраться... с оружием, амуницией и провизией»³.

Такой, как утверждалось, была в Горной Стране повсеместная практика. И, как и лорд Ловэт, командующий помещал особенности военного дела у горцев в исторический и социальный контекст «Хайлендской проблемы», располагая этот сюжет между пассажирами о феодально-клановых отношениях и практике сбора «черной ренты»

¹ Fraser S. Op. cit. P. 256.

² Ibid. P. 255–256.

³ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 133.

в шотландских горах, цитируя в этой части мемориал лорда Ловэта и отсылая к нему потенциальных читателей в Лондоне: «Осмелюсь также доложить Вашему Величеству, что обычаи и нравы горцев, их образ жизни, крепкая дружба и приверженность тем, кто принадлежит к одному с ними имени, племени или фамилии, их слепое и рабское подчинение приказаниям их предводителей и вождей и незначительное уважение, оказываемое ими законам королевства, в равной мере до и после унии, верно изложены в докладе лорда Ловэта, как и другие обстоятельства, изложенные в указанной бумаге, которую Ваше Величество милостиво указали вложить в мои руки для внимательного рассмотрения и изучения»¹.

Кроме того, это предварительное заключение генерала Уэйда вновь подтверждает, что формирование видения правительством ситуации в Горной Стране в значительной мере определялось местными агентами и информаторами. И к этому весьма показательному и характерному факту, важному с точки зрения выявления и анализа механизмов принятия решений по «Хайлендской проблеме», необходимо подходить взвешенно и осторожно.

Между тем в том, что касается общей теории военного искусства применительно к «Горной войне», об этом правительству в Лондоне поведал лорд Грэндж: «Часто отмечалось, что армия горцев едва ли пригодна для чего-либо большего, нежели стычка. И как это бывало в разное время, в особенности в армии Монтроза во время гражданской войны в дни Карла I: победившие или побежденные, они занимались грабежом и убегали в свои горы с тем, что захватили. В этом отступлении в поисках безопасности они, даже побежденные, не разгромлены полностью и могут длительное время вести вид сухопутной пиратской войны [Piratical War by Land], или, выражаясь точнее, войны партизанских отрядов [War of Partizan Parties]»².

---

¹ Wade G. Report... // HPJP. Vol. I. P. 133–134.

² Lord Grange. Op. cit. P. 1.

Интересно, что лорд Грэндж в этой мастерской этнографической зарисовке соединил, как правило, весьма удаленные друг от друга жанры военного трактата и памфлета. Прославленный маршал Франции Мориц Саксонский в «Размышлениях о военном искусстве», написанных в 1732 г. и опубликованных (в том числе на английском языке) в 1757 г., в одной из глав специально остановился на стратегии и тактике партизанских действий в горах, утверждая, что «отважный партизан с тремя-четырьмя сотнями человек наведет ужасающий беспорядок в войсках и даже сможет атаковать армию»¹.

Отличие от его других более оригинальных идей, «война в горах» графа де Сакса содержала тривиальные выводы. Однако именно их заурядный характер и представляет в данном случае особый интерес, позволяя утверждать, что «война партизанских отрядов» в Хайленде представляла собой утверждавшуюся в языке военных теоретиков фигуру речи культурного перевода местных особенностей военного дела, заимствованную лордом Грэнджем из современного ему языка европейской военной науки.

Понятием «партизанская война» в XVIII в., как известно, обозначали самостоятельные действия отдельных легких отрядов, носивших французское название «partie» (часть, отряд), откуда и обозначения «партизан», «партизанская война». Тогда же получило хождение другое известное обозначение партизанской войны — «малая война» (фр. *petite guerre*, нем. *Kleinkrieg*), термин, обозначающий особую форму ведения боевых действий, при которой малые подвижные отряды нападают на коммуникации, магазины, небольшие укрепленные пункты, транспортные колонны противника и т.д., избегая столкновения с крупными воинскими частями.

Так, командующий королевскими войсками в Шотландии в 1716–1724 гг. генерал Джордж Карпентер, едва

¹ Мориц Саксонский. Размышления о военном искусстве // Теория военного искусства / Мориц Саксонский. Военные принципы Наполеона / Уильям Кейрнс. М., 2009. С. 104.

вступив в эту должность, употребил понятие «малая война» («*petite Guerre*»), характеризуя военно-политическую ситуацию в Горной Стране¹. Совпадая с более поздним по происхождению испанским термином «герилья» (исп. *guerilla*) эпохи Наполеоновских войн, в переводе также означающим «малую войну», это понятие в XVIII в. значительно отличается от «герильи» по содержанию, предполагая (главным образом на европейском театре военных действий) операции регулярных и иррегулярных армейских частей, а не гражданского населения, не считавшегося субъектом военных действий.

Репрессалии в Хайленде в этом свете представляют собой пример исключения из этого правила, широко распространенный на окраинах европейских империй, где основными участниками такой малой, или партизанской, войны в XVIII в. являлись не только регулярная и иррегулярная легкая кавалерия и легкая пехота (драгуны, гусары, в Великобритании — отдельные роты и полки из горцев, в Австрии — кроаты или пандуры, в России — казаки, калмыки, башкиры), но и местное население, едва ли отличимое от комбатантов этой далеко не всегда галантной эпохи².

¹ Geo. Carpenter to Lord Townshend. Edinburgh, Sept. 13, 1716 // TNA. SP 54.12 (174/425). Генералу Карпентеру вскоре предстояло вступить в «малую войну» с «хайлендскими партиями» самого известного возмутителя спокойствия на «Хайлендском рубеже», неуловимого Роб Поя: Geo. Carpenter to Lord Townshend. Edinburgh, Sept. 6, 1716 // TNA. SP 54.12 (160A/372–373); same to same. Edinburgh, September 20, 1716; same to same. Edinburgh, October 2, 1716; same to same. Edinburgh, October 4, 1716; same to same. Edinburgh, October 27, 1716 // TNA. SP 54.12 (188/444–445, 205A/485, 208/498, 226A/574).

² В военной мысли Франции, а следом и остальной Европы понятие «малая война» активно применялось с середины XVIII в. На английском языке см., напр.: *Stevenson R. Military Instructions for Officers detached in the Field containing a scheme for forming a corps of partisans illustrated with plans of the manoeuvres necessary in carrying on the petite guerre*. London, 1770; в «Подробном разъяснении технических терминов и проч.» Джорджа Смита (1779 г.) участники «малой войны» описывались как «партизаны» (*Smith G. An Universal Military Dictionary, A Copious Explanation of the Technical Terms &c.* Ottawa, 1969. P. 202; *Emmerich A. The Partisan in War, of the use of a Corps of Light Troops to an Army*. London, 1789). Подробнее об истории понятий «малая

Куда любопытнее интеллектуальный фон восприятия «сухопутной пиратской войны», а именно «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами» и «Хайлендский лиходея, или Памятные поступки знаменитого Роберта Мак-грегора, известного также как Роб Рой»¹. Оба сочинения были опубликованы в Лондоне незадолго до составления мемориала (в 1724 и 1723 гг. соответственно), оба бесосновательно по-прежнему многими приписываются бойкому перу Д. Дефо, оба относятся к разряду популярных в свое время (впрочем, как и сейчас) изданий о «знаменитых» и «ужасных» разбойниках².

Читательский интерес, подогревавшийся завершением «золотого века» пиратства и недавним близким знакомством британцев с «мятежными» шотландскими горцами (в 1715 г. они без приглашения даже наведались в Англию), в немалой степени способствовал переизданию этих работ в 1725, 1726 и 1734 гг. («Всеобщая история грабежей...») и в 1743 г. («Хайлендский лиходея...»)³.

война» и «партизанская война»: *Schmitt C. The Theory of the Partisan. A Commentary / Remark on the Concept of the Political. East Lansing, 1963. P. 11–52; Selig R.A., Skaggs D.C. The Concept of the Kleiner Krieg in the Context of Warfare in the Age of Absolutism // Ewald Joh. Treatise on Partisan Warfare. Westport, 1991 [1785]. P. 9–12; Grenier J. The First Way of War: American War Making on the Frontier, 1607–1814. Cambridge, 2005. P. 1–11; Heuser B. Small Wars in the Age of Clausewitz: The Watershed Between Partisan War and People's War // The Journal of Strategic Studies. Vol. 33. No. 1. February 2010. P. 139–162.*

¹ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009 [оригинальное название третьего издания 1725 г.: «A General History of the Robberies and Murders of the Most Notorious Pirates»]; The Highland Rogue: or, the Memorable Actions of the Celebrated Robert Macgregor, Commonly called Rob Roy. London, 1723.

² Подробнее об авторстве этих сочинений см.: Кординггли Д. Введение // Джонсон Ч. Указ. соч. С. 10–22; *Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 189–190.*

³ Об изданиях этих сочинений см.: Кординггли Д. Введение // Джонсон Ч. Указ. соч. С. 10–22; *Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 189–190, 192–193.* Заглавие второго издания «Хайлендского лиходея...» (1743 г.) содержало любопытное дополнение, пояснявшее, что Роб Рой «жил нравом старинного Робин Гуда Английского».

А «взбунтовавшийся» горец, таким образом, записывался комментатором в лихую разбойничью команду капитана Эдварда Тича (известного также как «Черная борода»).

Однако такой упрощенный, ироничный и почти литературный подход не мог устроить генерала Уэйда, которому на посту командующего королевскими войсками в Шотландии предстояло умиротворять Горный Край. Как и герцог Аргайл, он обращается к аналогичному опыту европейских держав: «Прежде чем завершить этот отчет, осмелюсь доложить Вашему Величеству о серьезных недостатках регулярных войск, когда они сталкиваются с населяющими горные области. Севенцы во Франции и Каталонцы в Испании всегда будут примером этой истины. При этом Горная Шотландия даже более недоступна в силу отсутствия дорог, мостов и обильных дождей, почти непрерывно идущих в этих краях, что по своей природе и постоянном использовании стало привычным для местных жителей, однако регулярными войсками переносится с трудом. Не знающие горных перевалов, они часто попадают в засады и под выстрелы с горных вершин, на которые они отвечают без результата, как случилось в деле при Гленшиле, когда мятежники потеряли лишь одного человека, в то время как (sic) значительное число в войсках Вашего Величества было ранено или убито»¹. Причем испанский пример генералу был знаком не понаслышке, имея в виду его активное участие в Войне за испанское наследство в 1702–1713 гг.²

---

¹ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HP. Vol. I. P. 139–140.

² В письме к генералу Уэйду, занятому в Лондоне обеспечением снабжения британской армии в Испании и Португалии, генерал Джеймс Стэнхоуп, британский командующий на Пиренейском полуострове и посол Великобритании там же, государственный секретарь Южного департамента в сентябре 1714 — декабре 1716 г., заметил, что «имеются все основания полагать, что герцог Анжу и каталонцы не выйдут из игры, даже если будет заключен мир между нами и Францией» (Stanhope to General Wade. Barcelona, June 9, 1709 // Chantrey D. George Wade, 1673–1748. Torrs Park; Ilfracombe; Devon, 2009. P. 52). Несмотря на Утрехтский мир 1713 г., положивший конец Войне за

Это представление о том, что «красные мундиры» не способны в одиночку, без поддержки лояльных правительству горных кланов, эффективно поддерживать закон и порядок в Хайленде, активно навязывалось отдельными представителями местных элит и было широко распространено среди ответственных за умиротворение Горного Края чинов.

В этом смысле показательны соображения лорда Ловэ-та (и изложенные выше генералом Уэйдом): «После того как был издан акт о разоружении и те [отдельные] роты [из горцев на службе Короны] были распущены, были предприняты... другие меры для сохранения мира в Хайленде. Казармы... построены с большими затратами, и отряды из ближайших полков... отправлены разместиться в них гарнизонами и установить посты в тех местах, которые сочтут наиболее подходящими для подавления беспорядков; но все это не принесло результатов. Регулярные части никогда не применялись для таких маршей, с их обычным оружием и амуницией; были не в состоянии преследовать горцев; сам их мундир был сигналом грабителям избежать с ними встречи; и войска, бывшие чужеземцами до языка и часто полагавшиеся в том на других, никак не могут раздобыть сколько-нибудь полезную

испанское наследство, каталонцы действительно отказались сложить оружие, что привело к короткой, но кровопролитной военной кампании французской и испанской корон в 1713–1714 гг. в Каталонии с тем, чтобы вернуть ее Мадриду. Отличительной чертой Каталонской войны стал ее горный характер. Франция и Испания еще в годы Войны за испанское наследство небезуспешно заимствовали местные традиции партизанской войны, сформировав отряды горных фузилеров, обмундированных, снаряженных и действовавших по образцу каталонских полков горных фузилеров, заимствовавших тактику у каталонских же и руссильонских партизан-микулетов (*miquelets*), противостоявших в этом качестве Мадриду и Версалию еще в середине XVII в. При этом на французской службе горные фузилеры именовались по-разному, неизменно отражая суть формирования: фузилеры Руссильона (1684–1689 гг.), горные фузилеры (1689–1713 гг.), аркебузеры Руссильона (1719–1744 гг.), вновь горные фузилеры (1744–1756 гг.), фузилеры-гиды (1756–1763 гг.) (*Guizard P. Fusiliers et Arquebusiers de Montagne ou du Roussillon // Revue d'histoire militaire. 1951. No. 408. P. 20–27*).

информацию или хотя бы быть достаточно осведомленными о положении в различных частях страны... для преследования грабителей»¹.

Из этого взаимопонимания родилась «система поддержания мира в Горной Стране», отстаиваемая Данканом Форбсом в 1742 г. перед новым командующим королевскими войсками в крае генералом Клэйтоном в связи с отправкой на континент для участия в Войне за австрийское наследство 1739–1748 гг. полка «Черная стража», набранного из горцев специально для службы в Горной Шотландии².

События 1745–1746 гг. поставили было идею и практику такого военного сотрудничества в крае под сомнение, провоцируя новый, радикальный взгляд на специфику «Горной войны»³. В контексте административной этнографии «Хайлендской проблемы» уже названия некоторых сочинений на эту тему звучали весьма многообещающе с точки зрения смены (дис)позиции комментаторов и генералов. Один из памфлетов той поры, специально посвященный критике военного дела у горцев, предлагал читателю не только «подлинное описание положения в Горной Стране», но и «честный подсчет силы его обитателей и преимуществ войск короля с точки зрения дисциплины и манеры ведения боя»⁴.

Сам того не ведая, анонимный автор памфлета завершил полный круг этнографических изысканий «шотландских» чинов от «преимуществ горцев» генерала Маккея к «преимуществам войск короля» под началом герцога Камберленда:

¹ Fraser S. Op. cit. P. 264–265.

² Forbes D. Letter to General Clayton [вероятно, конец 1742 г.] // Culloden Papers. P. 362.

³ Мысль о том, что «войска являются чужестранцами в крае», при этом по-прежнему была представлена в военной среде: J. Stewart to the Lord Harrington. On Board the Catherine Yacht, Feb. 14, 1746 // BL. MFR 620/Box 10/110.

⁴ Seasonable Considerations on the Present War in Scotland, against the Rebels: In which the Situation of the Highlands are truly describ'd; the Force of their Inhabitants fairly computed; And the Advantages of the King's Troops, in Point of Discipline and Manner of Fighting, fully demonstrated. In a Letter to a Person of Distinction. London, 1746.

«С уважением к дисциплине горцев, мы полагаем, что, какой бы она ни являлась, неопровержимо, что они не могут изменять или формировать различные построения из скопления людей, как это делают другие народы, но каждый клан, будь он больше или меньше, это и есть батальон... Далее, совершенно определенно, что они ничего не знают об окапывании, фортификации, заготовке магазинов, или, коротко говоря, о военном искусстве... Важнейшее различие между регулярными и иррегулярными войсками во все века и у всех народов — это различие, обнаруживаемое здесь, между горцами и британскими солдатами»¹.

В армии эту мысль очень точно и по-военному кратко выразил полковник Джозеф Йорк, состоявший при штабе герцога Камберленда еще со времени знаменитого сражения при Фонтенуа 11 мая 1745 г., характеризуя возможности якобитов укрыться в горах от преследований: «Правда относительно всего этого состоит в том, что ничего хорошего у них не выйдет, когда наши красные мундиры появятся в сердце их страны»². Сын лорд-канцлера Филипа Йорка, 1-го графа Хардвика, он писал отцу достаточно часто, так что тот был хорошо осведомлен о событиях в Шотландии и, разумеется, транслировал эти идеи уже в среде гражданских чинов, славивших герцога Камберленда и британскую армию³. Столь же самоуверенно звучало и утверждение генерала Блэнда. В письме к герцогу Ньюкаслу он обещал переловить всех объявленных вне закона мятежников или вынудить их «убраться в их убежища в их ужасных горах, британской Сибири»⁴.

¹ Seasonable Considerations on the Present War in Scotland... P. 5–6.

² Цит. по: Oats J. Sweet William or The Butcher? The duke of Cumberland and the '45. Barnsley, 2008. P. 104.

³ См., напр.: Joseph York to the Duke of Hardwicke. Montrose, Feb. 24, 1746; same to same. March 9, 1746; same to same. Camp of Inverness, April 18, 1746; same to same. Camp of Inverness, May 8, 1746; same to same. Camp of Fort Augustus, July 2, 1746 // BL. HP. Correspondence. Add. Ms. 35,354. P. 196–198, 220, 229, 236.

⁴ Humphrey Bland to the Duke of Newcastle. November 24, 1747 // TNA. SP 54/37/31A.

Суровая действительность мятежного края, едва ли ставшего лояльным после поражения якобитов при Каллодене 16 апреля 1746 г., подсказывала, однако, иное решение «Хайлендской проблемы». С точки зрения правительственной пропаганды способность «красных мундиров» к уставным военным эволюциям, так эффектно представленная на получивших широкое хождение планах сражений 1745–1746 гг., не менее эффективно скрывала за условными обозначениями тот факт, что некоторые из них выиграла не королевская армия, а якобиты¹.

На уровне политической практики власти не прекращали военное сотрудничество с феодально-клановой элитой Горной Шотландии даже во время мятежа якобитов 1745–1746 гг. Более того, масштаб событий способствовал тому, что горцы на службе правительства Его Величества значительно чаще, чем прежде, выступали в роли сдерживающего фактора по отношению к «взбунтовавшимся» горцам, применяя те же методы ведения партизанской войны в горах, что и мятежники.

Отсутствие поддержки со стороны «предположительно лояльных» Короне и правительству кланов, вынудившее генерала сэра Джона Коупа, командовавшего королевскими войсками в Шотландии в 1745 г., отказаться от дальнейшего продвижения в горы и дать мятежникам роковой бой под Прэстонпэнсом (при Глэдсмуре) 21 сентября 1745 г., как и нежелание герцога Камберленда использовать в сражениях с якобитами набранный из горцев полк

---

¹ Anderson C.J. Constructing the Military Landscape: The Board of Ordnance Maps and Plans of Scotland, 1689–1815. PhD Thesis. Edinburgh, 2009. P. 293. Наглядным образом этот картографический прием предстает на составленных сотрудниками Артиллерийской палаты планах сражений при Шериффмуре 13 ноября 1715 г. и Фэлкирке 17 января 1746 г., победу в которых приписали себе обе стороны: *Lascelles T. Plan of Sheriffmuir [1715]* // National Library of Scotland. MS 1649 Z.03/45a; *Order of Battle [of Falkirk], 1746*; *Order of Battle [of Falkirk], 1746* // BL. Additional MS. 35889; *J.M. A Plan of the Victory of Falkirk Muir Fought the Afternoon of January 16 1746. Battle of Preston[pans]:- September 1745; Battle of Clifton Muir, Westmorland on 18th December 1745* // NLS. EMS.s.164.

«Черная стража» были, конечно, основаны на недоверии к союзникам в Горной Стране.

Однако это чувство носило всеобщий характер, распространяясь также на католиков Ирландии, дружественных индейцев Америки, даже на наемников-гессенцев, с которыми герцог Камберленд так и не рискнул перейти «Хайлендский рубеж», двинувшись навстречу «младшему Претенденту» во главе почти исключительно английских и лоулендских полков (за исключением милиции Кэмпбеллов)¹.

С одной стороны, речь идет об общеупотребимой в масштабах всей Британской империи (особенно актуальной в Соединенном Королевстве) риторике 1745–1746 гг., обусловленной сначала страхом и паникой перед лицом неожиданно стремительного продвижения якобитов к Лондону осенью 1745 г., а затем эйфорией от столь же неожиданно быстрого военного успеха королевской армии в Шотландии весной 1746 г. (несмотря на отступление «красных мундиров» в битве при Фэлкирке 17 января 1746 г. и вполне обоснованное ожидание изнурительной партизанской войны, к которой после отступления из Англии призывали перейти многие сторонники Карла Эдуарда Стюарта)².

---

¹ *Duffy C. Hidden Sympathies: The Hessians in Scotland 1746 // Loyalty and Identity. Jacobites at Home and Abroad / Ed. by P. Monod, M. Pittock, D. Szechi. Basingstoke, 2010. P. 120–131.*

² Среди сторонников партизанской войны в шотландских горах был генерал-лейтенант армии Карла Эдуарда Стюарта лорд Джордж Мюррей из Броутона. 22 апреля 1746 г. несколько якобитских вождей (Мюррэй из Броутона, Эвэн МакФерсон из Клани, Доналд Кэмерон из Лохила и Чарльз Стюарт из Эрдшила) подписали так называемую Мюрлэггэнскую резолюцию, в соответствии с которой они договорились собрать верные им войска в горах и координировать дальнейшие действия. 8 мая еще несколько руководителей мятежа поддержали резолюцию, одна из статей которой запрещала сепаратные переговоры с герцогом Камберлендом. О сопротивлении якобитов в шотландских горах после битвы при Каллодене 16 апреля 1746 г. см. подробнее: *Zimmermann D. The Jacobite Movement in Scotland and in Exile, 1749–1759. Basingstoke and New York, 2003. P. 23–38.*

С другой стороны, очевидно, что даже в этот критический момент долговременные стратегии решения «Хайлендской проблемы» (в данном случае военное сотрудничество с «предположительно лояльными» представителями местных элит), отличавшие прерывистый процесс умиротворения Горной Страны на всем протяжении 1689–1759 гг., сохраняли приоритетное значение для Лондона¹.

Весьма показательным в этом смысле является институциональный уровень анализа степени влияния этнографических штудий «шотландских» чинов и их агентов в крае на хайлендскую политику правительства и рациональное отношение к ней военных и штатских властей (иррациональное представление об изначально присутствующем горцам «мятежном духе» в некоторой степени предвосхищало будущий конфликт универсальных идей Просвещения и локализации и национализации различий, свойственной эпохе романтизма).

Возможно, самым показательным и характерным примером в армейской среде в этом смысле явился исход трибунала британской армии, «заседавшего публично в Большой зале казарм Конной гвардии в 1746 г.», с тем чтобы расследовать «руководство, поведение и действия генерал-лейтенанта сэра Джона Коупа, кавалера ордена Бани, полковника Перегрин Лэселлса и бригадного генерала Томаса Фоука от начала мятежа в Северной Британии в 1745 г. до дела при Престонпэнсе включительно»².

Как справедливо подметил Мартин Мэргалис, наверное, нет такого любителя шотландской старины, который

---

¹ См. подробнее следующую главу.

² A Report of the Proceedings and Opinion of the Board of General Officers, on their Examination into the Conduct, Behaviour, and Proceedings of Lieutenant-General Sir John Cope, Knight of the Bath, Colonel Peregrine Lascelles, and Thomas Fowke. From the Time of the breaking out of the Rebellion in North-Britain in the Year 1745, till the Action at Preston-pans inclusive. Taken Publicly in the Great Room at the Horse-Guards in the Year 1746. With a Preface, containing the Reasons for this Publication. Dublin [London], 1749.

бы не слышал об истории незадачливого британского генерала сэра Джона Коупа¹. Благодаря «излишней самоуверенности и некомпетентности» генерал Коуп был «захвачен врасплох» и разгромлен армией принца Карла Эдуарда Стюарта в битве под Престонпэнсом (при Глэдсмуре) 21 сентября 1745 г. — первом крупном сражении в ходе восстания якобитов 1745–1746 гг. Опрокинутый длившимся не более пятнадцати минут (по некоторым данным — не более четырех²) стремительным натиском горцев «младшего Претендента», генерал Коуп собственной персоной принес вести о разгроме королевской армии в Шотландии в гарнизон пограничного с ней г. Бервик³.

Летом 1746 г., когда мятеж сторонников Стюартов уже подавили, было организовано расследование действий генерала Коупа и двух старших офицеров при нем, полковника Перегрин Лэселлса и бригадного генерала Томаса Фоука, в период командования генералом Коупом королевскими войсками в Шотландии летом–осенью 1745 г. Мероприятия подобного рода в Великобритании XVIII в. имели далекоидущие последствия, начиная с вероятных репутационных потерь и заканчивая вполне возможным вынесением смертного приговора. В 1757 г., например,

¹ *Margulies M.B.* Unlucky or Incompetent? History's Verdict on General Sir John Cope // *History Scotland Magazine: Scottish History and Archaeology*. 2002. Vol. 2. No. 2.

² Такие данные приводит «Каледонский Меркурий» за 16 октября 1745 г. (*Black J. Culloden and the 45'*. London, 1990. P. 82).

³ Charles Stuart [Young Pretender] to James Stuart [Old Pretender]. Pinkie house, September 21, 1745 // Petrie C. *The Jacobite movement*. London, 1959. P. 357. Такое распространенное представление об «истории одного поражения», между прочим, хорошо видно на примере широко известной в Соединенном Королевстве шуточной песенки о генерале Коупе и его поражении:

...Эй, Джонни Коуп, ты все еще ждешь,
И твои барабаны по-прежнему бьют?
Ну что ж, если ты ждешь, то и я подожду
Прийти дать тебе взбучку поутру.

Цит. по: *Petrie C.* Op. cit. P. 356.

военный трибунал приговорил адмирала сэра Джона Бинга к расстрелу за то, что он «не сделал все от него зависящее», чтобы предотвратить атаку французского королевского флота на удерживавшийся британцами остров Менорка¹.

Тем не менее в итоговом заключении члены трибунала по делу Коупа, выслушав всех состоявших в означенный период «на службе Вашего Величества в Шотландии» и взвесив все приведенные участниками данного процесса аргументы, «пришли к единогласному мнению, что генерал Коуп предпринял все надлежащие и необходимые меры для снабжения войск», а сам план военной кампании был поддержан всеми старшими офицерами и составлен с учетом поддержки королевской армии со стороны «предположительно лояльных» Короне и правительству кланов². Последние, таким образом, выступали в качестве важного этнографического фактора новой «Горной войны» — и состоятельного аргумента в суде.

Еще более показательным процесс предстает, если учесть, что двое из пяти председателей трибунала в свое время занимали пост командующего королевскими войсками в Шотландии и лучше многих других понимали, с какого рода трудностями столкнулся в Горной Стране их преемник. Генерал Кэдогэн пребывал на этом посту в 1716 г., фельдмаршал Уэйд — в 1725–1740 и 1745 гг.³ Генерал-лейтенант Джон Гайси, также заседавший на процессе, был полковником 6-го пешего полка, участвовавше-

---

¹ Naval biography, or, The history and lives of distinguished characters in the British Navy, from the earliest period of history to the present time. London, 1805. Vol. II. P. 431–434.

² A Report of the Proceedings and Opinion of the Board of General Officers... P. 99–100.

³ Более того, квартирмейстером генерала Коупа в 1745 г. был майор Уильям Коулфилд, являвшийся в 1732–1767 гг. главным инспектором военных дорог в Шотландии, одной из которых, «Корриярэкским проходом», сэр Джон Коуп так и не успел овладеть раньше взбунтовавшихся горцев. Уильям Коулфилд в 1747 г. был назначен еще и исполняющим обязанности губернатора форта Джордж в Инвернессе (*Salmond J.B. Wade in Scotland. Edinburgh, 1938. P. 19*).

го в битве под Престонпэнсом и в подавлении якобитского мятежа 1745–1746 гг.¹

Логично предположить, что оправдательный вердикт в данном случае основывался не только на формальном анализе поведения генерала Коупа (встретили ли роковые решения, например, одобрение офицеров его штаба или носили единоличный характер и противоречили воинскому долгу), но и на этнографических особенностях «Горной войны». При этом протокол трибунала был издан в Лондоне и Дублине в 1749 г., и это обстоятельство вместе с обстоятельным анонимным предисловием к читателю показывает, что когда в воображении британцев эхо мушкетных и пушечных залпов Каллодена стихло, то оказалось, что вопрос о военно-политическом сотрудничестве с представителями местных элит не решен окончательно.

К сказанному остается лишь добавить, что мнения и решения штатских чинов на сей счет свидетельствуют сами за себя. Подавляющее большинство авторов мемуаров поддерживало скорейшее реформирование социальных порядков в Горной Шотландии и вместе с тем призывало использовать феодально-клановую систему в государственных интересах и в самом крае, и в заморских колониях именно потому, что власть вождей и магнатов находила свое подтверждение в процессе теоретического (на полях мемуаров и рапортов) и практического (на полях сражений) постижения административной этнографии «Хайлендской проблемы».

Впрочем, предпринимавшиеся Лондоном и местными элитами попытки использовать феодализм британского капитализма в крае или капитализировать феодально-клановые отношения в рамках весьма своеобразной политэкономии местных традиций представляют собой отдельную тему для изучения, более предметно анализируемую в следующей главе.

---

¹ Wickes H.L. Regiments of Foot. A historical record of all the foot regiments of the British Army. Reading, 1974. P. 9–10.

Глава 3

МОБИЛИЗУЯ ТРАДИЦИИ: ПОЛИТЭКОНОМИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

На политическом языке и Англии, и Шотландии жители Горного Края никогда не переставали быть подданными своего обитавшего в Лондоне суверена. Весьма показательный пример — позиция Короны в отношении избиения МакДоналдов из Гленко 13 февраля 1692 г. Вильгельм Оранский, причастный к этой репрессалии (по крайней мере формально), сам вскоре отдал приказ о расследовании случившегося в целях более успешной репрезентации собственной персоны в Горной Стране и минимизации репутационных потерь Лондона в Хайленде и в Шотландии в целом (всего несколько лет спустя после «Славной революции», многими в горах королевства не принятой)¹.

С другой стороны, даже после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. лояльность многих горцев

---

¹ Warrant to Commission for Inquiring into the Slaughter of the M'donalds of Glencoe, April 1695 // PSAS. 1862–1864. Vol. 5. P. 59–60; Report of the Commission into the Slaughter of the men of Glencoe // Documents on British Political History. Book One. 1688–1815 / Ed. by J. Wroughton. Edinburgh; London, 1971. P. 23; Commissio Pro Inquirendo De Caede De Gliencoe. 1695, Apr. 29; Report of the Commission given by his Majesty, under the Great Seal, 29th April, 1695, for enquiring into the Slaughter of the Men of Glenco, 13th February, 1692. At Halyrudhouse, 20th June, 1695 // Papers illustrative of the political condition of the Highlands of Scotland, from the year M.DC.LXXXIX to M.DC.XCVI. Glasgow, 1845. P. 97–116. Подробнее о расследовании «резни в Гленко» и о том, как монарх и представители шотландской элиты использовали этот процесс в собственных политических интересах, см.: *Hopkins P. Glencoe and the End of the Highland War. Edinburgh, 1998 [1986]. P. 395–435.*

Ганноверам вызывала сомнения. «Долгий» XVIII в. ознаменовался стремительным ростом Британской империи, придав особое звучание и вопросу о подданстве. На лояльность верного подданного можно рассчитывать, даже не имея достаточных возможностей принудить его к этому силой¹. С самого начала вопрос о подданстве в новых владениях Короны состоял в том, как преобразовать окраины империи, чтобы получить идеального подданного (процветающего протестанта, владеющего английским языком и лояльного Лондону). Для Британии «Вторая Столетняя война» началась с участия в Войне Аугсбургской лиги, частью которой явилась Война за английское наследство, в Шотландии обернувшаяся «Горной войной». Таким образом, в Горной Стране, как и в колониях до и после решения «Хайлендской проблемы», власти пытались решить имперскую задачу в полном смысле этого слова.

Небезуспешные попытки участников переговорного процесса в шотландских горах капитализировать сведения и представления о феодально-клановой природе местных сообществ в политических и финансовых целях

---

¹ В этой связи характерна позиция губернатора Гибралтара генерала Блэнда по отношению к проживавшим в «Скале» протестантам, показательная в связи с тем, что он занимал этот пост в перерыве между командованием королевскими войсками в Шотландии в 1747–1749 и 1753–1756 гг. (имперская биография, в которой была еще и служба в американских колониях во время Семилетней войны). Отчитываясь о своей деятельности на этом ответственном имперском посту, генерал счел необходимым указать, что недвижимое имущество следует передавать «только природным протестантским подданным Его Величества», так как они «значительно усиливают гарнизон, поскольку на них можно полагаться в большей мере, чем на папистов, пусть даже здесь рожденных» (An Account of Lieut. Gen. Bland's Conduct during the time he was Governor of Gibraltar; showing the methods he took to establish His Majesty's Revenue the Property of the Inhabitants, and the Civil Police of the Town, in all its Branches; With the Methods taken by him to cultivate a good Understanding with his Neighbours, the Spaniards and Moors. Written by Himself; For the information of those who may succeed to this command // BL. MC, Lansdowne MS 1234. P. 93–95).

означали необходимость поиска новых способов и форм анализа политэкономии «Хайлендской проблемы», которые бы в большей мере отвечали потребностям ответственных за умиротворение Горного Края чинов в вопросах социальной инженерии в Хайленде (понимавшейся в эпоху Просвещения и первый век глобальных империй как совокупность мер, призванных изменить «нравы и обычаи», социально-экономические и политические порядки на периферии, чтобы получить идеального подданного).

В этом смысле следует отметить, что история решения «Хайлендской проблемы» обнаруживает устойчивый интерес властей не только к «политической анатомии» и «политической арифметике» Горной Шотландии¹. Составление мемориалов, рапортов, отчетов, предлагавших числовой анализ «Хайлендской проблемы», отчетливо соотносится с вооруженными вызовами якобитской угрозы в 1689–1759 гг.²

Информация о крае, представленная в этой аналитической литературе, свидетельствует о наличии общих тем и логики их изложения. Почти каждый отчет дает краткое, но содержательное представление о географических, исторических и культурных особенностях развития Горной Страны, причинах ее мятежного состояния и способах ее замирения. Последние во всех без

---

¹ Оба понятия принадлежат автору одноименных сочинений сэру Уильяму Петти, писавшему во второй половине XVII в. работы по политэкономии и составлявшему проекты социальной инженерии сначала для Ирландии, а затем и для всех трех королевств британской монархии, а также американских колоний Лондона, исходя из анализа собранных им статистических данных: *Petty W. An Essay concerning the Multiplication of Mankind: Together with another Essay in Political Arithmetick, concerning the Growth of the City of London: With the Measures, Periods, Causes, and Consequences thereof, 1682; Idem. The Political Anatomy of Ireland. 1672 // Tracts; chiefly relating to Ireland. Containing: I. A Treatise of Taxes and Contributions. II. Essays in Political Arithmetic. III. The Political Anatomy of Ireland. By the late Sir William Petty. Dublin, 1769. P. 89–282, 299–467.*

² См. Приложение 1.

исключения случаях усматриваются в предварительном разоружении Хайленда, наличии постоянной королевской армии в крае (военном строительстве и военном сотрудничестве), развитии торговли и мануфактурного производства¹. Указывалось также на необходимость утверждения в Хайленде общего для всего королевства закона, расширения протестантского образования на английском языке и протестантской религии. И во всех этих случаях к реформаторским проектам прилагались статистические сведения, отражавшие социальные реалии Горного Края.

Таким образом, если «политическая анатомия» «Хайлендской проблемы» раскрывала ее социально-экономическое содержание, то «политическая арифметика» Хайленда предлагала математически выверенный алгоритм решения «Хайлендской проблемы». Представляя собой две стороны одной медали, эти аспекты политэкономию «Хайлендской проблемы» тем не менее целесообразно разобрать по отдельности. Анализ особенностей осмысления и представления феодально-клановых отношений неблагонадежных подданных Короны в Горной Стране и попытки их реформирования с помощью рационализирующего статистического описания с целью получить идеальных подданных на этой гэльской окраине представляли собой основные формы мобилизации местных традиций в рамках интеллектуальной колонизации Горной Шотландии — соответственно «политическую анатомию» и «политическую арифметику» Хайленда.

---

¹ Факт, еще раз подтверждающий наличие в аналитической литературе об умиротворении Хайленда двух разных дискурсов. «Путешествие в Шотландию» Дэвида Лоха (по центрам мануфактурного производства), например, не упоминает о городах Сазерленда, Кейтнесса, областей в западном Хайленде и на Западных островах и тем еще раз ставит под сомнение прямую связь между «цивилизацией» и лояльностью трону, провозглашаемую риторическими отступлениями и опровергаемую в то же время практическими рекомендациями «шотландских» чинов: *Loch D. Tour in Scotland. 1778 / By A. Mitchell // PSAS. 1897–1898. Vol. 32. P. 19–28.*

§ 1. Ненадежный подданный: «политическая анатомия» Хайленда

Феодализм как социально-экономическая и политическая проблема, требующая своевременного осмысления и разрешения, представляет собой на удивление устойчивую и характерную примету эпохи Нового и Новейшего времени. В век глобальных империй многочисленные колониальные случаи и ситуации, с которыми коммерсанты, военные, чиновники, миссионеры и поселенцы сталкивались на территориях, попавших в сферу колониальных интересов европейских держав, неизбежно ставили перед имперскими службами, колониальными чинами вопрос о социально-экономической и политической природе колонизируемых обществ.

Примечательно, что в постколониальную эпоху (понимаемую некоторыми коллегами-гуманитариями как неоколониальная) наиболее активные и предприимчивые игроки на международной арене по-прежнему сталкиваются с проблемами подобного рода¹.

В таком историографическом контексте и в рамках такой интеллектуальной традиции усилия по изучению

---

¹ Современная военная и политическая наука все большее внимание уделяет им в рамках изучения природы асимметричных конфликтов. См., напр.: *Дериглазова Л.В.* Асимметричный конфликт в современной американской политологии // *Международные процессы*. Том 8. № 2 (23). Май–август 2010. С. 51–64; *Арнольд Дж.Р.* Змеиные джунгли. М., 2010; *Cassidy R.* Russia in Afghanistan and Chechnya: military strategic culture and the paradoxes of asymmetric conflict. Carlisle Barracks: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2003; JSCSC Library Bibliography. Research Guide Series. Counterinsurgency (COIN). January, 2008; *Branch D.* Defeating Mau Mau, Creating Kenya: Counterinsurgency, Civil War, and Decolonization. Cambridge, 2009; *Afghanistan: Now You See Me?* LSE IDEAS Strategic Update. London School of Economics and Political Sciences. London, March, 2009; *Kalinovsky A.* The Blind leading the Blind: Soviet Advisors, Counter-Insurgency and Nation-Building in Afghanistan. Cold War International History Project Working Paper No. 60. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C. January, 2010; *Lowther A.B.* Americans and asymmetric conflict: Lebanon, Somalia, and Afghanistan. Westport; London, 2007.

природы и характера феодальных отношений в Горной Шотландии, предпринимавшиеся британскими комментаторами реалий Горной Страны в конце XVII — первой половине XVIII в., представляются необходимой интеллектуальной практикой эпохи. Британские «эксперты» по Горной Стране активно формулировали и формировали модернизационную альтернативу развития Горного Края. Как и их контрагенты в Европе в эпоху Просвещения и глобальных империй, они были заняты активным поиском общей модели человеческого развития, решая частные задачи колониальной/имперской политики¹.

Особый интерес, однако, в данном случае вызывают не только побудительные мотивы интеллектуальной колонизации Хайленда, порой достаточно ясно изложенные ее проводниками в своих сочинениях. В той их части, которая касается политэкономии Горной Шотландии, не менее важными представляются следующие вопросы: как этот последний оплот феодализма на Британских островах (не считая, конечно, острова Сарк) воспринимали в остальном Соединенном Королевстве? И почему именно так? Анализ академической практики как практики имперской, а риторических приемов как инструментов интеллектуальной колонизации позволяет приблизиться к пониманию многих аспектов решения «Хайлендской проблемы».

Поскольку «обсуждение подобных теоретических вопросов зачастую сопряжено с актуальной политической полемикой, они, возможно, покажутся далекими от интересов историков, занимающихся медиевистикой» или

---

¹ Среди классических работ на эту тему: *Said E.W. Orientalism*. New York, 1979 [рус. пер.: *Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб., 2006]; *Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994 [рус. пер.: *Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003]. Среди исследований частных случаев такой административной этнографии и политэкономии см., напр.: *Bickham T. Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain*. Oxford, 2005; *Galloway C.G. White People, Indians and Highlanders*. Oxford, 2008.

проблемами раннего Нового времени¹. Тем не менее они вполне уместны, поскольку обнаруживают, что какой бы общественный строй мы ни взяли, его содержание оказывается сложнее и проблематичнее, чем порой предполагают историки или работающие на правительства аналитики.

Цель данного исследования вместе с тем заключается не в том, чтобы преуменьшить значение присваивающей перспективы в представлениях британских комментаторов о горцах как коллективном «Другом» Соединенного Королевства в деле формирования британской идентичности². Представляется необходимым скорее исследовать вопрос о том, являлось ли изучение феодализма в Горной Шотландии исключительно функцией хайлендской политики Лондона в этот период, или оно само по себе стимулировало ее выработку и обеспечивало ей теоретическое обоснование.

Не менее важно ответить на вопрос о том, какова интеллектуальная традиция презентаций и репрезентаций феодально-клановых отношений в Хайленде, чтобы более независимо от романтической, национальной шотландской и имперской британской историографических традиций изучать этот вопрос и его ангажированные интерпретации в сочинениях современников данной эпохи,

---

¹ Цит. по: *Уайт С.Д.* Переосмыслить насилие: из двухтысячного года в тысячный // Средние века. Вып. 65. М., 2004. С. 46. В этой оригинальной статье, помещенной редакцией журнала, между прочим, в раздел «Переосмысляя феодализм», С.Д. Уайт не единожды обращает внимание на возможность и необходимость компаративного анализа политико-идеологических практик и явлений эпохи Средневековья и Новейшего времени, сообщая особую актуальность и проблеме изучения и восприятия феодализма в разные исторические эпохи и на стыке различных исторических дисциплин. В 2005 г. в рамках семинара по исторической и культурной антропологии ИВИ РАН и Ассамблеи медиевистов при поддержке Отделения исторических и филологических наук РАН был организован круглый стол, также затронувший проблемы бытования феодализма не только как явления, но и как понятия в современном академическом дискурсе: *Уваров П.Ю.* В поисках феодализма // *Одиссей: Человек в истории.* 2006. № 1. С. 5-10.

² Подробнее о формировании «черной легенды» Хайленда в конце XVII — первой половине XVIII в. см., напр.: *Малкин С.Г.* Горная Шотландия конца XVII — первой половины XVIII в. и исторические романы Вальтера Скотта // *НИИ.* 2010. № 2. С. 59–71.

чтобы более предметно (ближе к их мемориалам, отчетам и обзорениям) анализировать отношения между Великобританией и ее шотландской гэльской окраиной.

Пенсионеры Хайленда: сколько стоит договориться с магнатами

Впервые с военно-политическими угрозами феодально-клановых отношений в Горной Стране правительство Соединенного Королевства столкнулось уже менее чем через год после заключения унии. Ранней весной 1708 г. адмирал Джордж Бинг защитил берега Туманного Альбиона от вторжения французского флота (его сын, также адмирал, Джон Бинг печально известен тем, что будет казнен по приговору трибунала за «недостаточную» оборону Менорки)¹. Поскольку объединение интервентов с мятежниками в Горной Стране многим казалось почти свершившимся фактом, уже на четвертый день после провала французского десанта в заливе Ферт-оф-Форт, близ Эдинбурга, 16 марта 1708 г. в палате общин британского парламента обсуждали, как «уберечь кланы Шотландии от влияния их глав в случае восстания или мятежа»². Проблема феодальных и клановых отношений в Хайленде, которая

---

¹ Организаторы этой поддержанной Францией экспедиции рассчитывали на широкое недовольство шотландцев условиями и обстоятельствами заключения Англией и Шотландией унии 1707 г., что представляло еще большую опасность для Лондона, так как едва не вспыхнувший мятеж мог получить не только традиционную поддержку в Хайленде, но и немалое число сторонников в Лоуленде. Д. Дефо, агент правительства в Шотландии, недвусмысленно сообщал об этих обстоятельствах в Лондон, о чем публично заявил в печатной форме уже в следующем году после попытки французского вторжения и антиюнионистских беспорядков в Шотландии (*Defoe D. The History of the Union between England and Scotland, with a Collection of Original Papers relating thereto. London, 1786* [первое издание этого сочинения вышло в свет в 1709 г.]. P. 265–284).

² Цит. по: *Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 308.*

является сегодня исключительно академической, в Великобритании конца XVII — первой половины XVIII в. вызывала вполне определенный резонанс и дискуссии.

Билль, ограничивавший власть вождей, в том числе и как феодальных властителей, встретил, однако, серьезное сопротивление депутатов и был в итоге отвергнут. Исчезновение непосредственной якобитской угрозы умерило полемический задор парламентариев, и, как это уже бывало и будет регулярно с ними происходить вплоть до окончательного решения «Хайлендской проблемы» вслед за подавлением последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., желание заняться масштабной социальной инженерией в Горном Крае уступило место тяге к комфорту политической стабильности и равновесия. Не вдаваясь в подробности содержания клановых и феодальных отношений в Хайленде, Лондон в конце концов счел в данный момент лучшим средством минимизации их военно-политических издержек обычный денежный подкуп¹. Вопрос, однако, состоял в том, с кем, на каких условиях и о какой сумме предстоит договариваться.

В арсенале королевских решений на этот счет имелось два варианта. Оба были опробованы Вильгельмом Оранским и предполагали организацию отдельных рот из представителей лояльных Лондону кланов и/или пенсии вождям и магнатам, стимулируя их лояльность новому королю и протестантскому престолонаследию. История отдельных хайлендских рот берет начало в XVII в.² Имея

---

¹ Весьма распространенный механизм взаимодействия центра со слабо контролируемой периферией европейских империй. В этом смысле политика Петербурга в отношении государственных образований Большого Кавказа в XVIII в. принципиально от политики Лондона в Хайленде в первой половине XVIII в. в некоторых существенных чертах почти ничем не отличалась, так же приобретя формы военного сотрудничества с местными феодальными властителями горцев за счет Российской империи; см., напр.: *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С. 36–41, 74–108; *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 43, 336–338.

² *Raugh H.E.* The Independent Highland Companies, 1603–1760 // *The Journal of Military History.* 1998. Vol. 62. No. 4.

в виду опыт Реставрации, уже в 1667 г. Джон Мюррей, 2-й граф Этолл, получил подписанную монархом комиссию на формирование нескольких отдельных рот из своих клансменов и арендаторов для «стражи на горных хребтах» от залива Морей до Данбартоншира (часть «Хайлендского рубежа», пролежавшая по землям графа Этолла)¹.

В 1678 г. формируются две новые отдельные хайлендские роты, каждая — по 150 рядовых и офицерских чинов, под началом капитанов Джона Кэмпбелла из Гленорхи, 7-го графа Кейтнесса, будущего 1-го графа Брэдалбейна и Холлэнда (креация 1681 г.), и полковника Джеймса Мензиса. Эти роты были распущены в 1681 г. и заменены двумя другими, вошедшими вскоре в состав полка Чарльза Эрскина, 5-го графа Мара².

Отдельные роты из горцев, набранные при Вильгельме Оранском, связаны с именем упомянутого Джона Кэмпбелла из Гленорхи и имеют прямое отношение к отдельным хайлендским ротам генерала Уэйда.

Джон Кэмпбелл был человеком не особенно щепетильным в вопросах преданности и выборе союзников, держа сторону короля Вильгельма потому, что тогда это была сторона победителя. Еще в 1690 г. граф Брэдалбейн начинает рискованную двойную игру, получив от правительства указание замирииться с продолжавшими на свой лад упорствовать в якобитизме вождями кланов Горной Шотландии³. В числе основных мер предлагался и их подкуп.

¹ *Prebble J.* Op. cit. P. 24.

² King's Letter to the Privy Council of Scotland concerning the two Highland Companies to be raised for securing the peace of the Highlands. Whitehall, September 4, 1678; same to same. Windsor, September 5, 1678; same to same. Whitehall, September 27, 1678 // *The Scots army, 1661–1688, with memoirs of the commanders-in-chief* / Ed. by C. Dalton. London, 1909. P. 108.

³ Order by the Earl of Melvill to John Earl of Breadalbane, to Treat with the Highlanders. April 24, 1690; *Campbell J.* Letter to the Earl of Melvill. Cafilie Kilchurn, September 17, 1690 // *LMP*. P. 429, 530; о сопротивлении горцев новому монарху «на свой лад» можно сказать, что после подавления поднятого виконтом Данди восстания многие из его приверженцев продолжали «по-своему» бороться за дело Стюартов, полагая,

Такой своеобразный способ установления мира в Хайленде особых результатов по итогам встречи графа с вождями в Эхэлдере (в Гленорхи), однако, не дал, и некоторые полагают, что дело заключалось в слишком хорошо известной в Горной Стране фамилии этого агента правительства¹. Хотя граф Брэдалбейн и называл себя «другом короля Якова», убеждая собравшихся в том, что присяга на верность Вильгельму Оранскому сейчас — необходимое условие возвращения Якова Стюарта на трон Англии, Шотландии и Ирландии в будущем, его делу это совсем не способствовало².

Тем не менее в следующем, 1692 г. имевший определенный опыт в наборе и организации службы отдельных хайлендских рот в Горном Крае граф Брэдалбейн представляет королю Вильгельму новый план сотрудничества с горцами «в случае восстания дома или вторжения из-за рубежа». Идея заключалась в том, чтобы, располагая суммой в 20 000–25 000 ф. ст., привлечь 4000 горцев под начало «значимого в Горном Крае человека» и поставить их на страже интересов Короны в Горной Стране. Под этим «значимым человеком» Джон Кэмпбелл подразумевал, конечно, себя, видя рядом вторым человеком Джона Кэмерона из Лохила, XVIII вождя клана Кэмерон.

видимо, что грабежи признанных сторонников Вильгельма Оранского или тех, в ком им угодно было видеть таковых, особенно успешно способствуют возвращению «законной» династии; напр.: Account of loss, My Lord Forbes lands sustained by the Robberies and depredations of the Highlanders, Anno [16]89 and [16]90 // HPJP. Vol. I. P. 16–18.

¹ Грубо и резко покинувший собрание Александр МакДоналд из Гленко, например, люди которого вскоре подверглись правительственным репрессалиям не без участия некоторых Кэмпбеллов (Джон Кэмпбелл из Гленорхи знал о предстоявшей карательной акции), считал земли графа Брэдалбейна своим наследным владением, так же как и многие утратившие когда-либо имения под давлением клана Кэмпбелл (*Keltie J.S. Op. cit. P. 395*). «Теплые» чувства к Кэмпбеллам на протяжении уже всей первой половины XVIII в. испытывали и другие кланы, успевшие добавить к давней взаимной вражде расхождения в вопросе престолонаследия.

² *Keltie J.S. Op. cit. Vol. I. P. 395; Cunningham A. The Revolution Government in the Highlands // SHR. 1919. Vol. 16. P. 29–51.*

Предполагалось выпустить 40 патентов на офицерские должности для организации 40 отрядов (3 — по 20, 6 — по 30, 8 — по 50, 11 — по 100, 5 — по 150, 3 — по 200, по одному отряду — в 250, 300, 500 и 800 человек). Платье, оружие и дисциплину было решено принять в соответствии с привычным в Хайленде обычаем¹. При этом сумма, требуемая на формирование и содержание рот, была вполне реальной, учитывая, что к концу 1691 г. Корона готова была заплатить в два раза больше, чем еще год назад (когда правительство намеревалось обойтись при подкупе вождей с помощью 12 000 ф. ст.) — одна только военная кампания 1689–1691 гг. в Горной Стране уже потребовала от правительства 150 000 ф. ст.²

Однако применить предложения графа Брэдалбейна на практике королю Вильгельму показалось, видимо, слишком рискованным. Прежде из горцев сформировали четыре обычных линейных пеших полка, хотя многие из них носили традиционные шотландские голубые береты, а полк лэрда Гранта был полностью вооружен пистолетами. Один из этих полков (отряд капитана Роберта Кэмпбелла из Гленлайона из полка графа Аргайла) был даже задействован в показательной репрессалии против МакДоналдов из Гленко в феврале 1692 г.³ Однако вскоре все четыре полка отправили нести службу во Фландрию в составе «Шотландской бригады»⁴.

¹ *Campbell J.* List of Chieftains named in the Scheme proposed to the king for utilizing the Highlanders in case of any insurrection at home, or invasion from abroad, 1692 // *Keltie J.S.* Op. cit. Vol. I. P. 404–405.

² *James Dalrymple* to the Earl of Breadalbane. December 2, 1691 // *A Source Book of Scottish History*. Vol. III. 1567 to 1707 / Ed. by W.C. Dickinson, G. Donaldson. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Johannesburg; Toronto and New York, 1961. P. 221; *Cunningham A.* Op. cit. P. 33.

³ *R. Duncanson* to Captain Robert Campbell of Glenlyon. February 12, 1692 // *A Source Book of Scottish History... Vol. III.* P. 223.

⁴ *Reid S.* 18th-Century Highlanders. London, 1993. P. 3; *Holden R.M.* The First Highland Regiment. The Argyllshire Highlanders // *SHR*. 1906. Vol. 3. P. 27–40; *Papers Illustrating the History of the Scots Brigade in the service of the United Netherlands 1572–1782*. Vol. I. 1572–1697 / Ed. by J. Ferguson / Publications of the Scottish History Society. 1899. Vol. XXXII. P. 572–575.

Впоследствии правительство, в известной мере руководствуясь предложениями графа Брэдалбейна, все же организовало несколько отдельных хайлендских рот, которые очень символично прекратили свое существование в 1717 г., совпав по времени со смертью самого Джона Кэмпбелла¹. Коррупция (главным образом выпуск пойманных грабителей на свободу за выкуп) и сознательное пренебрежение служебными обязанностями (прежде всего содержание состава рот, половинного от их штатного расписания) вместе с обоснованными и оправдавшимися в ходе мятежа 1715–1716 гг. подозрениями в приверженности многих рядовых и офицеров отдельных рот из горцев делу изгнанных Стюартов послужили тому основными причинами².

Однако не стоит полагать, будто правительство в Лондоне при определении основных направлений хайлендской политики безоговорочно доверялось рекомендациям демонстрировавших лояльность представителей местных элит. К моменту заключения Англией и Шотландией унии в 1707 г. ответственные за умиротворение Хайленда чины имели альтернативные источники формирования определенного представления об особенностях социально-экономических отношений в Горной Шотландии и их политических последствиях в масштабах всего королевства.

---

¹ *Prebble J. Op. cit. P. 25; The Scots army... P. 109.*

² *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HP. Vol. I. P. 137; Prebble J. Op. cit. P. 25;* еще до мятежа якобитов в 1715–1716 гг. ходили слухи о простюартовских настроениях в вольных ротах из горцев: некий Роберт Вудро, пресвитерианский священник в приходе Иствуд, Шотландия, например, писал в октябре 1713 г., что граф Брэдалбейн и все его горцы в горношотландских ротах — сплошь якобиты: *Scottish Diaries and Memoirs, 1550–1746 / Ed. by J.G. Fyfe. Stirling, 1928. P. 382;* что касается других обвинений, то справедливости ради необходимо отметить, что, например, причиной коррупции в вольных ротах являлась не только корысть, но и давление нарушителей закона на служивших Короне, как это, например, произошло с полковником Грантом, капитаном одной из горношотландских рот, в 1711 г., когда вождь МакДонеллов из Гленгарри с помощью связей среди «шотландских» чиновников пытался освободить своих людей, совершенно справедливо между тем обвиненных в краже скота: *Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 28.*

Так, представители почтенного шотландского семейства Форбсов из Каллодена представляли в Эдинбург и Лондон одни из самых ценных и вдумчивых комментариев состояния «Хайлендской проблемы» (хотя и по-своему ангажированных). Форбсы были действительно убежденными протестантами, что важнее — они были «вигами» (в самом широком смысле этого слова), и им и их противникам этого было достаточно¹.

Первым Форбсом из Каллодена стал благодаря приобретению одноименного держания близ Инвернесса в 1624 г. удачливый купец из этой «столицы» Горного Края, мистер Данкан Форбс, сочетавший торговое дело с членством в шотландском парламенте и должностью провоста города Инвернесс. Однако с получением его внуком, также Данканом Форбсом, в наследное владение имения в Каллодене в 1688–1689 гг. новая ветвь Форбсов, Форбсы из Каллодена, оказывается в некотором роде заложницей собственного положения. Движение якобитов в попытке вернуть Стюартам не единожды утраченный ими трон по ряду причин наиболее существенную поддержку находило именно в Хайленде. Это обстоятельство, учитывая известные религиозные и политические принципы Форбсов из Каллодена, их участие в смещении Якова Стюарта и потенциальную роль агентов правительства в Лондоне, которую они могли на себя взять и возьмут в скором будущем, представляло для фамилии большую угрозу.

Тем не менее когда Горная Шотландия стала синонимом якобитской угрозы протестантскому престолунаследию, Форбсы поставили свои обширные связи в крае на службу новым суверенам. Уже в 1689 г., а затем в 1690 г., в ходе первого же якобитского восстания, владения

---

¹ Имя Джона Форбса из Каллодена, например, в период Реставрации содержалось в так называемом «List of persons exempted from the Act of Indemnity», и ему не раз грозила смертная казнь (Culloden Papers. P. IV, VI); при этом, собственно, корреспонденция фамилии (основной и наиболее полный источник по всем ключевым аспектам политической истории фамильной биографии Форбсов из Каллодена, связанным с Горной Страной) приверженность «революционному устройению» подтверждает особым образом.

фамилии в Каллодене (Инвернессшир), а также в Феринтоше (Россшир) были разграблены отрядами полковника Кэннона и генерал-майора Бьюкена, направленных в Горную Страну Яковом Стюартом из Ирландии¹. Между тем основанная еще в 1623–1624 гг. предыдущими владельцами баронии, лэрдами МакИнтошами, укрепленная резиденция Форбсов в Каллодене выдержала осаду и устояла, став одним из немногих центров снабжения правительственных войск генерала Маккея на севере Горной Страны.

Однако наиболее значимым содержанием провильямитской, затем проганноверской политики лэрдов Каллоденов являлась их агентурная деятельность в Горной Шотландии. Край и после подавления мятежа слабо поддавался политическому влиянию новых властей, и для последних представители известной в Хайленде фамилии были одним из немногих, а порой и единственным надежным источником информации о военно-политической ситуации в Горной Стране. Еще в разгар первого восстания якобитов Данкан Форбс из Каллодена, провост Инвернесса (как и его отец Джон и дед Данкан, первый Форбс из Каллодена занимал эту должность благодаря тесным связям семьи с влиятельными лицами города и его интересами), недавно ставший главой этой ветви известной шотландской фамилии, нашел возможность сообщить генералу Маккею точное расположение инсургентов, занявших его земли в Каллодене, а также стратегические выгоды и просчеты удерживаемой ими позиции².

Этот случай, в отношении многих прочих должный рассматриваться как естественное желание избавить собственное владение от разорения или как частное проявление лояльности подданного, у Форбсов из Каллодена становится частью их пока новой семейной традиции — службы

---

¹ CP. P. vii; Account of loss, My Lord Forbes lands sustained by the Robberies and depredations of the Highlanders, Anno [16]89 and [16]90 // HPJP. Vol. I. P. XIV–XVI.

² CP. P. vi–vii.

короне (не в пример тайному и явному, ложному и действительному противостоянию последней в эпоху Реставрации Стюартов).

В сентябре 1690 г. на имя Данкана Форбса из Каллодена выписана охранная грамота, в соответствии с которой все гражданские и военные чины королевства должны были ему на его пути «из этого места [Эдинбург] и до Лондона» всячески помогать и содействовать¹. А уже вскоре лэрд Каллоден представил правительству план мероприятий, необходимых для установления мира в Горной Шотландии и предотвращения якобитской угрозы².

¹ Gorge Earle of Melvill... [Order] to all Livetennants... // CP. P. 12.

² *Forbes D.* Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution // CP. P. 14–18. Семейная история Форбсов из Каллодена знает по меньшей мере 12 подобных проектов и отдельных предложений по умиротворению и цивилизации Горного Края помимо указанного: *Idem.* State of Things in 1696; Y.Z. [авторство аналитической записки, по мнению издателя, принадлежит Данкану Форбсу младшему, рукой которого и среди бумаг которого она написана и обнаружена] to Sir Robert Walpole. August, 1716; same [источник атрибутирован указанным образом] to General Clayton [вероятно, конец 1742 г.]; same to Lord Lyon. Stoney Hill. 31 Decr., 1743; same to the Marquis of Tweeddale. Stoniehill, 1 March 1744; same to same. Edinburgh, 8 August 1745; *Forbes D.* Opinion relative to Attainders. June, 1746; *Idem.* [источник атрибутирован указанным образом]. [Detached ideas briefly recorded as they occurred; with the intention of their being afterwards digested, and laid before ministers. 1746]; *Idem.* Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland. [источник атрибутирован указанным образом; вероятно, 1746 г.] // CP. P. 61–65, 204–205, 282–285, 297–301, 317–333, 360–364, 366–367; *Idem.* Some Considerations on the Present State of the Highlands of Scotland tending to shew what may be expected to happen, if France should think fit to risk a Few Battalions with some Arms and Money and a small quantity of Meal, to feed the Common Highlanders who are starving, to be landed on the Western Coast // *More Culloden Papers* / Ed. by D. Warrand. Vol. V. February 1746 to December 1747. Inverness, 1930. P. 98–103; *Idem.* Memorial Anent to the True State of the Highlands as to Their Chieftains, Followings and Dependances before the Late Rebellion [1745–1746] // *HRJP*. Vol. I. P. 165–175; *Idem* [текст написан той же рукой, что и другие письма Данкана Форбса] Memorial touching the Bill now depending for Disarming the Highlands; *Idem* [источник атрибутирован указанным образом]. Highland Bill. Memorial // *BL. NP*. Vol. XX. Correspondence of the Duke of Newcastle. Aug.–Sept. 1745. Add. Ms. 33,049. P. 253–261, 263.

Из составленного им мемориала королевские министры могли почерпнуть некоторые общие сведения о феодально-клановой основе политики в Горной Стране, не утруждаясь при этом терминологической конкретизацией самих понятий «феодализм» или «клан», которые определялись на первых порах скорее содержательно, чем нормативно. С первыми же строками этого сочинения становилось известно, что «сила в Шотландском королевстве издревле покоилась на власти магнатов над своими вассалами и вождей над их кланами, что в мирное время всегда тяжким бременем ложилось на короля и королевство, поскольку эти могущественные магнаты и вожди, возгордясь, действовали очень высокомерно и оскорбительно, не управляясь ни королем, ни законом; во времена войны их могущество вредило и более»¹.

Более конкретные (хотя столь же оценочные) характеристики феодализм и клановый строй в Горном Крае приобретают сквозь призму религиозной истории Шотландии. Сломить мощь магнатов и вождей, как выяснилось, оказалось возможным «только с помощью Реформации», под влиянием которой «большая часть подданных этого королевства стала управляема не волей своих прежних властителей, но в согласии с божьими и земными законами». Стоит ли упоминать, что при такой интерпретации синонимом феодальных и клановых отношений мог оказаться только «папизм»? Стоило последнему отступить в шотландские горы или вовсе исчезнуть, как «грабежи и разбой прекратились, а вассальные и клановые отношения были разрушены»².

Правление поздних Стюартов предстает как обширная иллюстрация к феодально-клановым отношениям в Хайленде. «Восстанавливая в правах вождей и магнатов, Карл II и Яков II хотели учредить папистскую и неограниченную верховную власть». Угрожая «религии и свободам

¹ *Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution // CP. P. 14.*

² *Ibid.*

народа», первый из них «разрушил укрепления, построенные среди кланов Горной Страны... вернув их к прежнему варварству». Только Вильгельм Оранский «вернул парламентам свободу, восстановил прежнее единство церкви и посадил гарнизоны на шеи этим варварам»¹.

В свете революционных событий 1689–1692 гг., по следам которых и был составлен этот мемориал, автор не оставляет сановному читателю никаких сомнений в том, что феодально-клановые отношения в Горной Шотландии играют на руку лишь якобитам. Власть короля и правительства в Шотландии, таким образом, может быть прочно основана только с помощью «добрых и честных людей» (пресвитериан в своих религиозных и политических предпочтениях), а не с опорой на движимых частными интересами вассалов («папистов» и «епископалов»).

Сам феодализм, таким образом, представляется проблемой скорее религиозно-политической, чем социально-экономической. Во всяком случае, именно политические признаки феодально-клановых отношений в горской среде и политические способы ограничения их распространения (от грабежей в пограничных с Горной Страной округах до мятежей в масштабах всего королевства) занимали после Славной революции умы комментаторов. Набор предлагаемых ими мер показывает, что и решать они были призваны задачи в первую очередь политического характера.

Чем в противном случае руководствовались авторы весьма своеобразного культурного эксперимента по размыванию феодально-клановых отношений с помощью такого института, как представленная в Горном Крае гарнизонами регулярная королевская армия? А ведь предполагалось, что самый крупный форт в Инверлохи станет со временем еще и «центром коммерции и [таким образом] цивилизации Хайленда». В рамках восстановленной (если на то будет воля монарха) Комиссии юстиции «джентльменам, обладающим обширным влиянием

---

¹ Ibid.

в Горной Стране» предлагалось находить общий язык с командирами гарнизонов, предотвращая разбои и грабежи. При этом «губернатор форта в Инверлохи должен обладать особой юрисдикцией над соседними с фортом варварскими областями... избегая каких-либо отношений частного свойства с магнатами или вождями»¹.

Все это создавало положение не только двойственное, но и двусмысленное, если учесть, что, вероятно, именно полковник Джон Хилл, губернатор форта в Инверлохи, предлагал сотрудничать с «влиятельными джентльменами», попутно решая собственные финансовые затруднения².

Как иначе можно объяснить тот факт, что прозвучавшие «спустя короткое время после Революции» предложения в некоторых случаях вместо размещения гарнизонов, экономии ради, довериться местным вождям и магнатам (верным сторонникам Вильгельма Оранского и протестантского престолонаследия) через десять лет (почти на полпути между Славной революцией и 1688 г. и Унией 1707 г.) будут озвучены вновь, только с большим размахом и на более высоком политическом уровне?

При этом теперь речь шла еще и об ответственности вождей и магнатов Горного Края за грабежи и прочие беспорядки, совершаемые их клансменами и вассалами. А само решение было принято по итогам работы «Комитета по поддержанию мира в Хайленде», среди трех председателей которого значились упомянутый Данкан Форбс из Каллодена и Джордж МакКензи из Тарбэта (в скором будущем граф Кромэрти) — участник информационной

---

¹ *Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution // P. 17.*

² В адресованном Вильгельму Оранскому анонимном мемориале о положении дел в Горной Стране, представлявшем характеристики потенциальных союзников короны среди местных вождей и магнатов, содержится предложение назначить 150 ф. ст. в год губернатору форта в Инверлохи, которым и был назначен полковник Джон Хилл. Факт, позволяющий предположить, что губернатор приложил руку к составлению мемориала: *Memoriall to the King. 1692 // Papers illustrative of the Political Condition of the Highlands of Scotland, 1689–96. Glasgow, 1845. P. 80.*

войны за наиболее привлекательный образ хайлендской политики времен королевы Анны Стюарт¹.

Занимавшийся этими вопросами при королеве Анне государственный секретарь Северного департамента, а затем и лорд-казначей Роберт Харли, 1-й граф Оксфорд и Мортимер, даже не пытался повторить в Горной Стране опыт короля Вильгельма, отвергнув предложение государственного секретаря по делам Шотландии графа Кромерти и виконта Тарбета (креация 1703 г.) о наборе среди «вигских кланов» милиции из 6000 человек, чтобы иметь в горах на случай мятежа готовую «армию».

Вместо этого королевский министр предпочел прислушаться к соображениям Эллена Кэмерона из Лохила, младшего сына вождя клана Кэмерон, чей план сводился к выплате пенсий лояльным королеве Анне вождям, которые в случае необходимости призовут свои кланы на защиту ее интересов. При этом представляется весьма характерным и показательным, что эти идеи на самом деле во многом повторяли «пенсионную реформу» графа Брэдалбейна, и в своем окончательном варианте в их реализации найдется место и для отдельных рот Джона Кэмпбелла из Гленорхи².

Самое примечательное обстоятельство, таким образом, заключается в том, что и до, и после заключения Унии представления Лондона о содержании и характере социальных отношений в Хайленде, включая представления о клановой преданности и феодальной зависимости, формировались и формулировались не только признанными агентами британского правительства в Горной Шотландии, но и отдельными представителями местных элит, активно претендовавшими на роль таковых.

Успешно сочетая роли феодальных властителей с правом суда по одну сторону «Хайлендского рубежа» и истинных джентльменов, членов парламента, двора монарха

---

¹ Report of the Committie anent the Peace off the Highlands, 1699 // *HPJP*. Vol. I. P. 1–3.

² *Stevenson D. Op. cit.* P. 72–73.

и даже его Тайного совета по другую, эти люди постоянно пересекали культурные границы внутри Соединенного Королевства, обозначая своими маршрутами то промежуточное пространство, которое существовало между историческим передним краем вторжения британского фискально-военного государства в Горную Страну, с одной стороны, и задним планом постепенного отступления принципов клановой идентичности и феодальных отношений горцев, с другой.

Другой любопытный и весьма показательный факт заключается в том, что граф Брэдалбейн (как отчасти и граф Кромэрти) и Элэн Кэмерон из Лохила, преследуя в диалоге с властью одни и те же задачи приобретения надежного патрона в Лондоне и расширения патронатной базы в Хайленде, определяли военно-политический потенциал феодально-клановой системы в Горном Крае с диаметрально противоположных позиций.

Первый позиционировал себя в роли незаменимого проводника правительственных интересов в Горной Шотландии, акцентируя внимание не только и не столько на своих возможностях в качестве вождя (коим он по отношению ко всему клану Кэмпбелл и не являлся), сколько на своем потенциале в качестве крупного магната, оперирующего в правовом пространстве вассальных отношений и феодальной зависимости.

Не обладая такими возможностями и правами (напротив, скорее принадлежа к коллективной жертве — как клан — территориальной экспансии магнатов из Кэмпбеллов в Горной Стране), второй предельно ясно заявляет, что главным условием верной службы короне является отмена всех форм феодальной зависимости. Свободные от феодальных повинностей, горцы будут обязаны службой только своим вождям и монарху. 10 000 милиционеров, собранных в недельные сроки в случае этого принятия предложения, — отличный результат, если бы он был возможен в реальности.

На практике такая репутация горцев как прирожденных и неукротимых воинов была явным преувеличением,

обозначавшим как степень непонимания реалий их социальных отношений за пределами Хайленда, так и желание магнатов и вождей использовать этот дефицит информации, порождавший удобные обеим сторонам стереотипы, в своих интересах. Возможно, именно поэтому, судя по переписке графа Оксфорда с одним из его агентов в Горной Стране, касавшейся пенсий, предназначенных для поддержания спокойствия в Горном Крае, действительное число горцев, которых их вожди обязались выставить в поле в случае королевской в том надобности, так и осталось невыясненным (при этом явно будучи в два раза меньше заявленного). Однако и стоило такое клановое войско, в отличие от феодального ополчения графа Брэдалбейна (и графа Кромэрти), дешево: всего 4000 ф. ст. в год — менее фунта на каждого милиционера из предположительно лояльных кланов Роберта Харли¹.

Как верно отметил Д. Стивенсон, план графа Кромэрти делал положение графа Оксфорда менее прочным. Учитывая, что лорд-казначей стремился скорее к успокоению Горной Страны, формирование милиции из «вигских кланов» неизбежно толкало остальных в объятия тори, а в условиях Шотландии между ними и якобитами часто смело можно было ставить знак равенства (английские тори, к которым принадлежал и сам министр, вообще могли расценить этот шаг как предательство)².

Кроме того, Роберт Харли не желал ослабления позиций правительства в Горном Крае, почти точно совпадавших с гарнизонами королевской армии в Хайленде, скорее обозначавшими британское присутствие в шотландских горах, нежели служившими его реальным основанием и границами владений лояльных правительству представителей местных элит. В Лондоне, судя по всему, решили, что друзья правительства в Горной Стране и так верны по

¹ The Earl of Kinnoull to [the Earl of Oxford]. 26 August, 1712. Dupplin House // НМС. Report on the Manuscripts of his Grace the Duke of Portland, preserved at Welbeck Abbey. Norwich, 1899. Vol. V. P. 216.

² Stevenson D. Op. cit. P. 72.

доброй воле (в действительности этот вынужденный выбор был обусловлен скорее местными обстоятельствами взаимных притязаний и сотрудничества в отношениях между кланами и магнатами Хайленда), так что пенсии следует распределять среди потенциальных противников (многие из которых были и будут реальными врагами официальных властей), что и предложил Эллен Кэмерон из Лохила — «не будить спящую собаку» (Д. Стивенсон¹), и только.

Вместе с тем мотивы лорда-казначея при выборе стратегии умиротворения Горного Края не исчерпывались одними партийными предпочтениями и раскладом политических сил в королевстве. Если внимательнее присмотреться к более раннему и более представительному по масштабу обсуждаемых проблем мемориалу графа Кромэрти о «первейших причинах разногласий в Шотландии», адресованному королеве Анне в связи с ее восшествием на престол в 1702 г., то нетрудно заметить, что автор имел в виду упомянутые им в предложении Роберту Харли «вигские кланы» по той конъюнктурной причине, что виги тогда, пребывая у власти, казались ему более надежными союзниками протестантского престолонаследия (соответственно, его личного положения в иерархии властных отношений в Соединенном Королевстве, Шотландии, Хайленде)².

Пятью годами ранее, в 1703 г., будущее Славной революции граф также откровенно связывал с тори (учитывая, что только что взошедшая на престол королева Анна симпатизировала этой партии не только в Англии, но и в Шотландии). Что оставалось неизменным, так это предложение использовать особенности феодально-клановой системы Горной Шотландии с учетом особой роли магнатов.

---

¹ *Stevenson D. Op. cit. P. 76.*

² *The First Causes of Scotland's Divisions, by Lord Tarbat, 1703 // PSHS. Vol. XI. November 1915. Letters relating to Scotland in the reign of Queen Anne by James Ogilvy, First Earl of Seafeld, and others / Ed. by P.H. Brown. Edinburgh, 1915. P. 118–133.*

Бухгалтерия милиции в мемориале 1703 г. была еще более прозрачной и выгодной для казны, чем расчеты Эллена Кэмерона из Лохила. Феодализм Горной Страны, представленный в сочинении графа Кромэрти 1703 г., предполагал, что «влиятельные лидеры» 4800 «протестантов» Горного Края (умеренных представителей лагерей тори и вигов, верных протестантской монархии и государственной церкви) всегда смогут выставить 2000 вооруженных милиционеров при условии своевременной выплаты пенсий этим вождям и магнатам в 2000 ф. ст. в год¹. Калькуляция, конечно, уступала более поздним и менее притязательным в финансовом плане запросам младшего сына вождя клана Кэмерон в 1711 г., но, несомненно, предполагала значительную экономию средств по сравнению с более ранними попытками поставить на весьма солидное правительственное довольствие отдельные роты графа Брэдалбейна в 1692 г.

Представляется, что степень лояльности Хайленда переговоры между лордом-казначеем и пенсионерами Эллена Кэмерона из Лохила стали определять вплоть до смены династии на британском престоле в 1714 г. именно потому, что предложения последнего грозили значительно меньшим количеством посредников в лице магнатов при переговорах с правительством, чем стратегии сотрудничества, определенные государственным секретарем по делам Шотландии Джорджем МакКензи.

Граф Кромэрти, конечно, не преминул указать, что «особое обстоятельство, старательно державшееся в тайне от короны в интересах... фанатиков и тех, кто не желал, чтобы монарх знал свою собственную силу в этом королевстве» состоит в том, что «в шотландских горах есть горцы помимо приписываемых герцогу Аргайлу, маркизу Этолу и графу Мару». Арифметика лояльности в мемориале Джорджа МакКензи показывает, что его 4800 «протестантов» — это клансмены, ведомые вождями, а не вассалы, руководимые своими магнатами. Впрочем, обе формы

---

¹ Ibid. P. 132–133.

социальных отношений могут сослужить короне добрую службу. «Вместе с горцами маркиза Этолла, графа Мара, графа Брэдалбейна и лорда Рэя... связанных с королевой иными [не пенсионными] обязательствами... ее Величество может располагать 4000 хорошо вооруженных и известных своей храбростью людей»¹.

Предложение разделять и властвовать в Хайленде, сдерживая с помощью кланов их же магнатов, упразднив феодальную зависимость (в случае с вассалами герцога Аргайла) или молчаливо соглашаясь ее сохранить (в случае с приверженцами маркиза Сифорта), только дополняло общую картину неопределенности социальных отношений в Горной Шотландии в свете продолжавшейся в королевстве межпартийной борьбы. Один из пассажей в мемориале графа Кромэрти 1703 г. можно при этом принять как завершающий штрих: «Граф Брэдалбейн обладает значительной властью, но во многом ограничен, так как Аргайл его вождь»².

Между тем, Элэн Кэмерон также не исключал возможность использовать кланы для сдерживания мятежного настроения магнатов, также вольно интерпретировал мощь своего клана (оба насчитывали в своих рядах по 2000 горцев, выражая мобилизационные возможности других значительно меньшими цифрами)³. Однако в остальном ситуация становилась значительно проще, поскольку предложение о реформировании феодальных отношений лорд-казначей мог попросту проигнорировать (что он и делает), сосредоточившись на том, что устраивало почти всех партнеров по переговорам о мире в Горной Стране, — на распределении пенсий.

Кроме того, если, указывая на практическую невозможность разоружения и арестов в Горном Крае, граф Кромэрти имел в виду магнатов и предлагал обуздать их

---

¹ The First Causes of Scotland's Divisions... P. 132.

² Ibid. P. 130–131.

³ Stevenson D. Op. cit. P. 74; The First Causes of Scotland's Divisions... P. 131.

силами их же собственных вассалов, то сын вождя клана Кэмерон, естественно, имел в виду именно кланы, которые лишить единства одними юридическими решениями не представлялось возможным¹.

Таким образом, феодализм в Горной Шотландии на начальном этапе осмысления и решения «Хайлендской проблемы» представал, благодаря адресованным монархам и их министрам в Лондоне сочинениям комментаторов из Горной Страны, как явление преимущественно политического характера. Пока еще не осознанный значимой частью политического истеблишмента в контексте легализма британского юнионизма, он воспринимался (или старательно маскировался) скорее как специфическое нормативное пространство для политики правительства на одной из окраин Соединенного Королевства, чем как набор весьма своеобразных и разнообразных социально-экономических и политических практик².

¹ Элэн Кэмерон приводил в пример запрещенный и гонимый законами королевства клан Грегор, указывая, что хотя имя клана находилось под запретом, МакГрегори настойчиво прибавляли его к имени того клана, чье покровительство вынуждены были принять. И хотя они разбросаны на значительной территории, в случае надобности все они выступают за вождем из МакГрегоров, а не за теми властителями, на землях которых они проживают (*Stevenson D. Op. cit. P. 74*). В 1724 г. лорд Ловэт, претендуя, как Элэн Кэмерон, на завидную и многообещающую роль посредника между Лондоном и вождями Хайленда, также акцентировал внимание обремененных властью читателей на нерушимой преданности горцев своим наследным вождям (*Fraser S. Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Op. cit. P. 255–256*).

² «Завершить Унию» — таков был призыв активных сторонников Англо-шотландской унии 1707 г., подразумевавший унификацию социально-экономической, политической и культурной жизни королевств: *Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 44*. Именно тогда, когда феодально-клановые отношения Хайленда все больше станут восприниматься в категориях «цивилизации» и «британизации» (с явным английским акцентом), а особенности края в сфере правовых отношений вместо юридического казуса и политической экзотики предстанут как единая политическая и морально-этическая проблема в масштабах всего королевства (и Британской империи), противоречия между легализмом и интерпретациями

Горный Край предстал в мемориалах магнатов и вождей как последнее прибежище политической и социальной архаики, интерпретируясь королевскими министрами как досадная помеха на фоне по-настоящему важных проблем «второй Столетней войны»¹. Известное неприятие присутствия постоянной королевской армии на Британских островах в мирное время и память об относительно недавнем и столь же относительно быстром «разгроме» якобитов в шотландских горах в 1689–1691 гг. с помощью местной милиции (или совсем без нее, как в 1708 г. в Английском проливе) также способствовали тому, что стремление скорее снять с повестки дня вопрос

реалий Горной Страны ее вождями и магнатами приобретут особое политическое звучание. См., напр., некоторые наиболее характерные сочинения лорда Грэнджа, отчетливо маркирующие периоды повышенного внимания Лондона к социальной специфике Горной Шотландии: *Lord Grange. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.* 1 [2,3]. Edr., 14 [21,25] Jan., 1725; *Remarks by James Erskine of Grange on a proposed rectification of the Scots superiorities and heritable jurisdictions* [1746–1747]; *Letter to Ilay from Grange, in Edinburgh* Dec. 16–17 [1746–47, о положении магнатов и вассальных отношениях в Шотландии]; *Letter to Ilay from Grange, in Edinburgh*. Dec. 24 [1746–47, о возможных путях устранения зависимости горцев от вождей и т.п.] // NAS. MKP. GD 124/15/1264/1 [2,4]; 124/15/1571; 124/15/1262/2; 124/15/1262/3. Современники лорда Грэнджа, судя по всему, также отчетливо обнаруживали эту «связь поколений» между спорадическими инициативами правительства в Хайленде: *Letter to James Erskine of Grange from William Ramsay, in Edinburgh, suggesting that Grange should remind the Lord Advocate of his memorials on the Highlands and describing improvements in Rannoch*. February 25, 1752 // NAS. MKP. GD 124/15/1608 [упомянутые выше мемориалы лорда Грэнджа, представленные Чарльзу Тауншенду, 2-му виконту Тауншенду, государственному секретарю Северного департамента, в 1725 г.].

¹ Так, по-видимому, с легкой руки классика теории британского империализма рубежа XIX–XX вв. Дж.Р. Сили стали именовать период более чем векового противостояния Великой Британии и Великой Франции с 1689 (начало Войны за английское наследство) по 1815 (окончание эпохи Наполеоновских войн) г. «Эти войны группируются очень симметрично, и весь период выделяется как век гигантского противостояния между Англией и Францией, нечто вроде второй Столетней войны» (*Сили Дж.Р. Расширение Англии // Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А. Британская империя. М., 2004. С. 35*).

о мятежном потенциале феодально-клановых отношений в Хайленде привело лорда-казначей к решению из трех конкурирующих интерпретаций феодализма в Горной Шотландии — дорогостоящий риск союза с магнатами графа Брэдалбейна, фактор шотландской политики в сложной среде запутанных отношений разделенной зависимости и лояльности, своевременная возможность «умиротворить» Горную Страну с минимальными затратами и гарантированным результатом — выбрать последнюю. И эта предложенная Элзном Кэмероном из Лохила интерпретация была выбрана, таким образом, не потому, что она точнее других соответствовала реалиям Горного Края, а потому, что она в большей мере отвечала политическим задачам, стоявшим перед Робертом Харли.

Показательно, что такая выбранная вождями и магнатами стратегия репрезентации Хайленда носила универсальный характер. Отчитываясь перед Сен-Жерменским двором о своем вояже в Англию и Шотландию в январе 1704 г., лорд Ловэт, например, объяснял желание сторонников королевы Анны в Шотландии убедить его держать их сторону в обмен, с его же собственных слов, на монаршее прощение, возвращение оспариваемого наследного имения, право на формирование полка за счет казны и солидную пенсию тем, что «они знали его силу в Хайленде, которой они опасались, а именно то, что горцы без него ничего делать не будут»¹.

Другие, менее известные и влиятельные агенты изгнанных Стюартов так же настойчиво утверждали, что значительные мобилизационные возможности Горной Страны являются производной ее феодально-клановых

---

¹ A Memorial to the Qween of all that my Lord Lovat did in his Voyage to England and Scotland, by her Majesty's Orders [January, 1704] // Original Papers; containing the Secret History of Great Britain, from the Restoration, to the Accession of the House of Hannover. To which are prefixed extracts from the life of James II. As written by himself. The whole arranged and published by James Macpherson, esq; in two volumes. London, 1775. Vol. I. P. 642–643.

отношений, и воспроизводили в своих мемориалах и донесениях ту же фантастическую цифру, которую в 1704 г. привел и лорд Ловэт, — 20 000 хайлендеров¹. В начале 1720-х гг. граф Мар, находясь в изгнании во Франции после поражения возглавленного им мятежа якобитов 1715–1716 гг., говорил о «15 000 или 16 000 вооруженных и организованных в полки под началом своих вождей горцев». И это, по его мнению, «самая дешевая армия в Европе»: всего 200 ф. ст. в год вождям и магнатам за каждые 500 человек².

Уже через два десятка лет мечта графа Мара о набранных среди горцев полках начнет сбываться, но это будут офицеры и солдаты, которые присягнут на верность Ганноверам, а не Стюартам, и будут защищать и расширять Британскую империю, а не поддерживать Претендентов, обещавших упразднить Англо-шотландскую унию и расплатиться с союзниками за поддержку заморскими владениями британской короны.

В мае 1740 г. при обсуждении возможной поддержки реставрации Стюартов испанским двором речь вновь шла о 16 000 горцев, готовых, по словам Джеймса Батлера, 2-го герцога Ормонда, в любой момент поддержать Якова Стюарта³. В письме к отвечавшему за внешнюю политику Парижа кардиналу Флери в марте 1741 г. один из лидеров диаспоры якобитов во Франции, Уильям МакГрегор (Драммонд), барон Бэлхэлли, убеждал Людовика XV в том, что при наличии вооруженной поддержки и финансового

---

¹ Для начала XVIII в. см., напр.: A Memorial presented by Mr. Fleming to Mr. Chamillart, Minister and Secretary of State to the Most Cristian King [1708] // Hooke N. The Secret History of Colonel Hooke's Negotiations in Scotland in 1707. Including the Original Letters and Papers Which Passed between the Scotch and the Irish Lords and the Courts of Versailles and St. Germain. Never before Published. Written by Himself. With a Translation of Letters, Containing a Narrative of the Pretender's Expedition into Scotland in 1708, and his return to Dunkirk, transmitted to the French Court by the commanding Officers of the Squadron. Edinburgh, 1760. P. 172, 175, 177.

² *Stevenson D.* Op. cit. P. 84.

³ *Black J.* Culloden and the 45'. London, 2010. P. 53.

обеспечения в 20 000 ф. ст. в Горной Стране можно мобилизовать, соответственно, 20 000 хайлендеров...¹

В этом смысле контрагентам британского правительства в Горном Крае ради большей убедительности своих утверждений требовалось соблюдать баланс между ожидаемыми от правительства суммами пенсий и реалистичностью заявленной численности предположительно выставляемой ими милиции. Якобитам во Франции необходимо было совершенно иное — убедить Париж в том, что в случае высадки французского десанта на Британских островах это рискованное предприятие получит необходимую поддержку, достаточную для его успешного завершения.

Нетрудно заметить, что миф о сплошь милитаризованных феодально-клановыми принципами социальных отношениях в Хайленде (как их доминирующей характеристике) был присущ и Бурбонам, и Стюартам, и, позже, Ганноверам. Представление о горцах как всегда способных выставить многочисленную и обученную армию в Горной Шотландии позволяло вождям и магнатам претендовать на особое место в политической системе королевства, правительству в Лондоне — исчерпывающим образом объяснять свою пассивность в весьма дорогостоящем, длительном и рискованном для многих политических карьер деле «умиротворения» и «цивилизации» Горной Страны, а королевским министрам в Париже и Мадриде — строить амбициозные планы вторжения на Британские острова и оправдывать свои внешнеполитические усилия, направленные против Британской империи².

¹ Le Duc de Perth, le Lord Jean Drumond de Perth, my Lord Lovat, Milord Linton, Cameron, Baron de Locheil, le Chevalier Campbell d'Achinbreck, M'Grieger Baron de Balhaldies. Lettre de quelques Seigneurs ecossais au Cardinal de Fleury. a Edimbourg, ce 13eme Mars 1741 // *Origins of the Forty-Five and other papers relating to that Rising* / Ed. by W. B. Laikie / PSHS. Edinburgh, 1916. Second series. Vol. II. P. xxxiv-xxxvii.

² В последний раз Париж предпримет попытку высадить войска на Британских островах «в расчете на поддержку» преданных изгнанным Стюартам кланов Хайленда уже в 1759 г. (*Zimmermann D. The Jacobite Movement in Scotland and in Exile, 1749-1759. Basingstoke and*

Однако поскольку основными комментаторами актуальной реальности Горного Края выступали сами представители местных сообществ, неудивительно, что с точки зрения понимания ее содержания Лондон едва ли продвинулся за «Хайлендский рубеж». Подлинная интеллектуальная колонизация Хайленда началась уже при Ганноверах.

Практическим результатом такой вполне осознанной позиции британского правительства как раз и стала практика выплаты пенсий. Письмо с благодарностями от десяти вождей Горной Шотландии к лорду-казначею от 20 декабря 1711 г. обозначает круг лиц, взятых правительством на содержание: четыре МакДоналда, МакФерсон из Клани, Стюарт из Эппина, МакЛеод, МакДугал из Даннолли, Джон МакКиннон и, разумеется, Джон Кэмерон из Лохила (брат автора мемориала, Эллена Кэмерона из Лохила) — все, как и предполагалось, вожди, не магнаты. Сумма ежегодных выплат также определялась достигнутыми договоренностями — 4000 ф. ст. в год.

Более того, вскоре правительственным пенсионером стал и граф Брэдалбейн. И хотя остальные магнаты по-прежнему были исключены из этой системы, самому Джону Кэмпбеллу даже довелось в итоге играть роль посредника между Лондоном и заинтересованными вождями

New York, 2003. P. 76–81, 120–158). О том, что в действительности министры Людовика XV испытывали серьезные сомнения относительно мобилизационных способностей своих шотландских союзников в конце 1750-х гг., свидетельствует не только то, что «милый принц Чарли», Карл Эдуард Стюарт, знал о планах французов лишь в самых общих чертах, но и численность предназначенных для экспедиции регулярных войск Людовика XV, не оставлявшая никаких сомнений в том, что Париж, намереваясь парировать выпады Британской империи в Индиях в ходе шедшей уже два года Семилетней войны, с самого начала рассчитывал фактически лишь на себя (министр иностранных дел Франции Этьен Франсуа де Стэнвиль, герцог Шуазель заявил по этому поводу: «Если будут разбиты 50 000 солдат в первой экспедиции, король решительно настроен отправить следующее войско такой же численности. И мы не сдадимся, пока во Франции будут оставаться солдаты») (*Маклинн Ф.* 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М., 2009. С. 131–143).

Хайленда¹. Держать в тайне тот весьма компрометирующий факт, что королевский министр фактически платил за лояльность католикам и якобитам, удавалось достаточно долго. Слухи поползли уже на следующий год, но сам скандал разразился только три года спустя.

В 1714 г. герцог Аргайл (политический оппонент графа Оксфорда, фактически исключенный из переговорного процесса по «умиротворению» Горной Страны) обвинил Роберта Харли в палате лордов в том, что, распределяя пенсии среди означенных кланов, он тем самым «поддерживает дух и дисциплину среди друзей Претендента»². Лорд-казначей был оправдан, заявив, что лишь продолжает политику Вильгельма Оранского, платя кланам за то, чтобы те «вели себя тихо»³. Однако через два месяца граф Оксфорд был освобожден от королевской службы и уступил занимаемую им должность сэру Роберту Уолполу, с именем которого и связано первое значительное военно-политическое и интеллектуальное проникновение британского государства в Горный Край после Унии. Очевидно, требовались иные решения «Хайлендской проблемы» и, следовательно, иной масштаб и перспективы ее изучения и осмысления.

Письма власти: о чем (не) пишут в памфлетах и мемориалах

В истории Хайленда 1715 г., как известно, это не 1745 г. Мятельные черты в социальном облике Горной Страны пока еще проступали под лукавым пером заинтересованных резидентов этого самого беспокойного в то время гэльского края, а процесс его планомерной интеллектуальной колонизации военными и гражданскими чинами и агентами

¹ Stevenson D. Op. cit. P. 80.

² Parliamentary History of England / Ed. by W. Cobbett. London, 1810. Vol. VI. P. 1339–1340.

³ Ibid.

правительства еще предстоял¹. Пока же взору сэра Роберта Уолпола, лорда-казначея, первого «первого министра» (с 1721 г.) и лидера палаты общин в британском парламенте, представала мрачная и, казалось, бесперспективная картина всеобщей взаимной феодальной и/или клановой зависимости, опутывавшей архаичными и преступными социальными связями все шотландское общество.

«Рискну предположить, — весьма уверенно заявлял летом 1716 г. в анонимном письме Данкан Форбс из Каллодена, — что во всем королевстве не найдется и 200 джентльменов, не имеющих близких родственников среди тех или иных из мятежников». При этом «среди них нет ни одного, у кого бы не было друзей среди верных подданных короля»². Учитывая крайне низкий уровень военно-политического контроля правительства в Горном Крае в этот период, верность этих предположений, очевидно, не вызывала сомнений. Тот же весьма информированный корреспондент правительства в Хайленде предупреждал: только уважение к королю удерживает его от открытой публикации этого письма, однако в том случае, если получатель скроет его содержимое, автор передаст копию в руки, которые позаботятся о том, чтобы довести содержащуюся в ней информацию до сведения Уайтхолла и Вестминстера. Более того, аноним установил Уолполу твердые сроки: извещение о том, что письмо получено и принято к сведению и рассмотрению, должно было появиться в «Лондонской газете» не позднее 20 сентября 1716 г.³

¹ Среди наиболее популярных при дворе и в правительстве предложений по решению «Хайлендской проблемы», поступавших в Лондон вплоть до мятежа якобитов в 1715–1716 гг., практически все были представлены магнатами и/или вождями; исключение составлял лишь ранний мемориал старшего Данкана Форбса из Каллодена: *Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution* // CP. P. 14–18.

² Y.Z. [авторство письма, по мнению издателя, принадлежит младшему Данкану Форбсу из Каллодена, рукой которого написан сам текст и среди фамильных бумаг которого он обнаружен] to Sir Robert Walpole [August, 1716] // CP. P. 62.

³ Ibid. P. 61, 65.

Свою угрозу Данкан Форбс так и не выполнил (правительство также не исполнило провозглашенных намерений), став в скором времени надежным проводником политики сэра Роберта Уолпола и мероприятий его правительства в Хайленде. Содержание и формы последних, между прочим, определялись в той или иной степени принимаемыми, игнорируемыми, но непременно учитываемыми сведениями и предложениями авторов, решивших проявить свои аналитические способности в письмах власти, так удачно апробированных лэрдом из Каллодена не только как средство политического давления, но и как жанр политического письма.

Большая их часть так и осталась до поры не востребованной (в особенности в том, что касалось реформирования феодально-клановых отношений в Горной Шотландии), однако об успехе интеллектуальных предприятий такого рода лучше судить на расстоянии. Возникновение одновременного общественного и правительственного интереса в 1746 г. (вслед за подавлением последнего мятежа якобитов, вновь нашедшего опору в Горной Стране) к сочинениям комментаторов первой половины 1720-х гг. (первыми изложивших социально-экономическую составляющую «Хайлендской проблемы» не с точки зрения магнатов и/или вождей, но как представленную подготовленному взору чиновника практическую задачу с «профессионально» рассчитанным алгоритмом ее разрешения) служит своеобразным подтверждением того, что их соображения, пусть и с задержкой почти в четверть века, в конечном итоге дошли до предполагаемого ими адресата — официальных властей, решительно настроенных на модернизацию Горного Края в сотрудничестве с компетентными комментаторами местных реалий¹.

---

¹ В рамках публичного дискурса речь идет о памфлете, опубликованном в Эдинбурге в 1721 г. и переизданном в Лондоне в 1746 г.: *A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland, concerning The Slavish Dependencies, which a great Part of that Nation is still kept under, by Superiorities, Wards, Reliefs, and other Remains of the Feudal Law, and by Clanships. Containing Very good Hints for reforming the*

Первым (и единственным в своем роде в публичном пространстве Великобритании до 1745 г.) в этом ряду появилось пространное «Письмо к английскому члену парламента от джентльмена в Шотландии...», опубликованное в 1721 г.¹ К этому времени в Северной Британии уже пять лет действовали комиссары правительства по конфискациям имений мятежников, выступивших против Короны на стороне якобитов в 1715–1716 гг., предвосхищая мероприятия правительства по умиротворению этой части Соединенного Королевства после подавления мятежа 1745–1746 гг.²

Highlands, and preventing Rebellion for the future. First printed at Edinburgh in 1721. London, 1746. В этом смысле характерна издательская деятельность некоего мистера М. Купера, занимавшегося публикацией недорогих шестипенсовых памфлетов «близ Глобуса в Патер-ностер-Роу», о чем сообщалось на титульных листах этих изданий, включая указанное: *A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland...*; *Remarks upon a Letter (Just made Publick) On certain Points of the Last Importance to these Nations. Addressed to His Grace the Duke of Newcastle. In a Letter to the Author of that Pamphlet.* London, 1746; *An Ample Disquisition Into the Nature of Regalities, and other Heritable Jurisdictions, In that Part of Great Britain called Scotland, as now under the Consideration of Parliament. Addressed to the Consideration of his Fellow Subjects of Scotland. By an English Gentleman.* London, 1747. Среди аналитических сочинений, получивших хождение в бюрократическом пространстве королевства, характерный пример представляют мемориалы лорда Грэнджа, представленные в Лондон в 1724–1725 гг. После подавления последнего в Горной Стране мятежа якобитов в 1746 г. он вновь представил правительству свои соображения по реформированию Горного Края, причем не только по собственной инициативе, но и отвечая на просьбы своих единомышленников, напр.: *Lord Grange. Memorial. How Scotland may be brought, and the inhabitants thereof, now on the suppression of the Rebellion, to a just, advantageous and right settlement for the whole United Kingdom* [1746–1747]; *Remarks by James Erskine of Grange on a proposed rectification of the Scots superiorities and heritable jurisdictions* [1746–1747]; *Letter to James Erskine of Grange from William Ramsay, in Edinburgh, suggesting that Grange should remind the Lord Advocate of his memorials on the Highlands and describing improvements in Rannoch.* February 25, 1752; *Letter to Ilay from Grange, in Edinburgh.* Dec. 16–17 [1746–47 гг., о магнатствах и васалитете в Шотландии] // NAS. MKP. GD 124/15/1570; 124/15/1571; 124/15/1608; 124/15/1262/2.

¹ *A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland...*

² *A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers 1715; 1745* / Ed. by A.H. Millar // PSHS. Edinburgh, 1909. Vol. LVII.

Так что когда преподобный Джон Уилсон, автор памфлета, уже на титульном листе кратко обозначил незамысловатым косым типографским набором содержание феодального права и клановых отношений в Горной Стране, а также их связь с мятежом, такая визуализация текста была призвана расставить акценты не только для верного понимания читателями авторской мысли, но и для ее грамотной интерпретации вовлеченными лицами в рамках актуальной шотландской политики.

Из этой увлекательной первой страницы, недвусмысленно ранжировавшей значение положений «Письма...» различными печатными шрифтами, становилось известно, что оно «касается различных форм рабской зависимости, в которых удерживается значительная часть [шотландского] народа как посредством магнатств, военных держаний, права опеки и других остатков феодального права, так и при помощи клановости», а также содержит «замечательные предложения по реформированию Хайленда и предотвращению в будущем мятежа»¹.

Новая стратегия репрезентации феодально-клановых отношений в Горной Шотландии предполагала интеллектуальную атаку на мнение заинтересованных сторон по двум основным направлениям: историческим изысканиям и юридическому анализу. Первые, обозначая угрозу и наполняя ее конкретным фактическим материалом, представляли собой обращение к прецедентам из сферы политической истории; второй, предлагая способы ее устранения, опирался на аргументы из области права.

Свое видение угроз преподобный представил как серию исторических фактов. Цепь опасных событий тянулась из глубины веков: «Заглянувшие в нашу историю обнаружат, что главы кланов часто поднимались на мятеж против наших принцев и часто вели войну друг против друга, нарушая спокойствие народа». Чем ближе к современности, тем более конкретными становились примеры:

---

¹ A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 1.

«Во времена Карла II [Стюарта], когда папизм и рабство замышлялись для нас, армия из 10 000 или 12 000 этих горцев была приведена на запад Шотландии», чтобы сломить оппозицию режиму Реставрации в среде ковенантеров, действуя «как во вражеской стране»¹.

После Славной революции «эти вожди и магнаты причинили изрядное беспокойство Вильгельму Оранскому», разбив войска генерала Маккея в битве при Килликрэнки. При королеве Анне «ежегодные пенсии выплачивались главам как папистских, так и протестантских кланов», что на практике означало «поддержание сторонников Претендента в Горной Стране в состоянии готовности к воинской службе». Не в интересах Короны, надо полагать, и «два мятежа в нашей стране с начала правления его Величества очевидно подтверждают», что сохранение феодального права представляет «для него и для всей королевской семьи большую угрозу»².

Сохранение и закрепление этих магнатств (пассивной хайлендской политикой Лондона и актом об Унии) закладывают основы для содержания постоянной армии в Соединенном Королевстве даже в мирное время: «Вам прекрасно известно, сколь многочисленны наши магнаты и вожди кланов [“150 лендлордов и 34 клана представлены по листам, прикрепленным к записям заседаний седьмого парламента Якова Стюарта”] и каким огромным числом приверженцев они располагают... в Горном Крае»³.

«Хайлендская проблема» была, таким образом, удачно и ловко конвертирована в проблему содержания значительной постоянной армии в Великобритании в мирное время, позволив автору аккумулировать весь идеологический и риторический арсенал инвектив, направленных против одного из важнейших институтов Европы раннего Нового времени в рамках английской, а затем и британской

---

¹ A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 8.

² Ibid. P. 8–9.

³ Ibid. P. 13–14.

традиции, а также выражать опасения, со времен Протектората Кромвеля и его вездесущих майоров связанные с угрозой «узурпации власти» правителем с опорой на «красные мундиры»¹.

При этом, принимая во внимание веяния времени, оказалось возможным проводить четкую грань между постоянной армией под началом паписта и постоянной армией, которая «никогда не сделает британцев рабами», подчиняясь протестантскому королю и сдерживая натиск католической Франции (укрепляя Британскую империю дома, в Горной Шотландии, и расширяя ее за рубежом)². Определяя эту разницу в контексте постижения феодально-клановых отношений в крае, автору, как истинному

¹ Вопрос о необходимости, численности и размещении регулярной королевской армии постоянно присутствовал в британском политическом дискурсе на протяжении XVIII в., вызывая бурные дискуссии и яркие образы «деспотической власти» времен Протектората Кромвеля и Реставрации Стюартов в XVII в.; см., напр.: *The Argument against a Standing Army, Discuss'd. By a True Lover of his Country.* London, 1698; *Reasons against a Standing Army.* London, 1717; *Some Thoughts on the Land Forces, Kept up in this Kingdom.* London, 1739; *A Proper Answer to the By-Stander.* London, 1742; *Seasonable and Affecting Observations on the Mutiny-Bill, Articles of War and Use and Abuse of a Standing Army. In a Letter from a Member of Parliament to a Noble Lord.* London, 1750; *A Consultation On the Subject of a Standing Army, held at the King's-Arms Tavern, On the Twenty-eighth Day of February 1763.* London, 1763; *Consideration on Militias and Standing Armies. By a Member of Parliament.* London, 1782.

² На особую роль гарнизонной службы в Хайленде в изменении отношения к постоянной армии в Великобритании историки впервые обратили внимание в рамках изучения британского фискально-военного государства, прилагая к военному присутствию в крае имперскую проекцию и подчеркивая значение вооруженных сил в политической стабилизации и коммерческом росте европейских государств раннего Нового времени: *Houlding G.A. Fit for Service: The Training of the British Army. 1715–1795.* Oxford, 1981. P. 34–36, 63–64, 409–412; *Brewer J. The Sinews of Power. War, money and the English state, 1688–1783.* Cambridge, 1989. P. 42–45; *Harling P., Mandler P.* From «Fiscal-Military» State to Laissez-Faire State, 1760–1850 // *JBS. Vol. 32. No. 1 (Jan., 1993).* P. 47–52; *Black J. Britain as a Military Power, 1688–1815.* London, 1999. P. 20–34, 44; *MacKillop A. «More Fruitful than the Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands, 1715–1815.* East Linton, 2000. P. 13–40; *Conway S. War, State and Society in Mid-Eighteenth Century Britain.* Oxford, 2006. P. 34–50, 56–82.

легалисту, казалось очень важным отметить, что первая существовала за счет «деспотической власти вождей и магнатов», в то время как вторая «набиралась и содержалась для защиты нации, оплачиваемая общественными налогами, собранными со всего народа... И эти регулярные части единственные, которые король и парламент могут использовать для воинской службы»¹.

Юридическая сторона вопроса включала в себя апелляцию к правовой традиции Англии и правовым основаниям Великобритании, то есть к акту об Унии. В обоих случаях речь шла о необходимости привести британские королевства в общее правовое поле, распространив на Шотландию те свободы от различных форм феодальной зависимости, которыми Англия к моменту заключения Унии, предполагающей юридическое равенство подданных Соединенного Королевства, уже обладала².

В этом смысле Уния становится и критерием определения степени взаимной интеграции Англии и Шотландии и продвижения на пути к созданию единой британской нации. Не мудрствуя лукаво, автор в самом начале памфлета выдает квинтэссенцию своих соображений по этому поводу. Чернильным готическим шрифтом Джон Уилсон дословно цитирует преамбулу к акту парламента Карла II Стюарта от 1672 г., ликвидировавшему рыцарские держания в Англии. Попутно упоминается и Генрих VII Тюдор, «освободивший общины от зависимости от лордов», однако правление «веселого короля» в данном случае представлялось преподобному более подходящим примером приобретения англичанами свободы от норм феодального права, о которой шотландцы могли пока только мечтать³.

При этом, как и в случае с использованием весьма ангажированной и болезненной для Англии темы постоянной королевской армии, автор вновь обращается за рито-

---

¹ A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 25–26.

² Ibid. P. 3–8.

³ Ibid. P. 4–5.

рической и идейной поддержкой к одной из важных и чрезвычайно дискуссионных проблем общественно-политической жизни Соединенного Королевства, куда она перебралась вместе с английским парламентом, — к теме «готской конституции» и соответствующей интерпретации феодализма как явления общеевропейского (что нормализовало социально-экономическую реальность Горной Страны и задавало ей вполне определенный вектор развития) и вместе с тем исторического, переходящего (вполне в духе работ антиквариетов, отражавших процесс «рождения» социального и «открытия» времени)¹.

И если в рамках соответствующих изысканий в XVII в. феодальное право как концепт и аналитическая категория бросало вызов «древней английской конституции» (с переменным успехом), то в начале XVIII в. антиквариет изобрели то, что Д.В.Л. Эрл очень точно назвал «прокрустовым феодализмом», явившимся компромиссным вариантом его восприятия, завершившим войну интерпретаций предыдущего века².

¹ Сумма представлений, определявшая позицию антиквариетов (в том числе в вопросах правовой традиции в Англии и Шотландии), была с легкостью воспринята интеллектуалами-эрудитами Великобритании в XVIII в., включая ракурсы антикварного сознания (среди которых исторический и правовой занимали ведущее место), профессиональную терминологию (делающую исторические исследования похожими на юридические трактаты и наоборот) и характерное отношение к историческому факту (при котором актуальный политический контекст был зачастую важнее). Неудивительно, что «идиоматический словарь» политико-правовых и историко-правовых построений эпохи включал заметную антикварную составляющую. Представляется весьма примечательным то обстоятельство, что, несмотря на то что оригинальная и влиятельная школа историописания сложилась в рамках антикварных штудий на рубеже XVI–XVII вв., в организационном плане Антикварное общество, несмотря на предпринятые ранее усилия, приобрело официальный статус лишь в 1707 г., совпав по времени с заключением Англией и Шотландией унии: Федоров С.Е. Антикварное историописание: история и современность в яковитской Англии. СПб., 2007. С. 4.

² Отрицание или признание роли нормандского завоевания в истории английского права становилось в начале XVII в. своеобразной ментальной установкой, характерной как для короны, так и для парламента: Pocock J. The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge,

Примирение представлений о «древней английской конституции» и о феодальном праве осуществлялось по трем направлениям: поддерживая миф о «готской конституции» (феодализм существовал в Англии до нормандского завоевания — феодальное право преобладало на континенте во времена англосаксов и, следовательно, должно было быть представлено в Англии), отрицая влияние нормандского завоевания и отстаивая равновеликую древность происхождения в Англии феодального и общего права¹.

Во второй половине XVIII в. теория «древней английской конституции» получит второе дыхание в трудах радикалов и сторонников парламентской реформы². В первой половине этого столетия интересам реформирования Горного Края служил миф о «готской конституции», позаимствованный у антиквариев и представленный как доказательство эволюционной неизбежности отмирания феодального права и клановых отношений, тесно связанных с ним практикой военных держаний.

Более проблематичной оказалась антифеодальная интерпретация акта об унии Англии и Шотландии 1707 г.

1987. P. 30–56. Джеймс Тайррелл первым предпринял попытку «прокрустовой» интерпретации феодализма, хотя наиболее влиятельным оказалось сочинение Поля Рэпина де Тойюра, опубликованное в 1725 г. (характерный интеллектуальный фон для первой серьезной попытки британского правительства минимизировать военно-политические издержки хайлендского феодализма, предпринятой под началом командующего королевскими войсками в Шотландии генерал-майора Джорджа Уэйда в том же году). Его «История Англии» в переводе Николаса Тиндела (особенно второе, однотомное издание 1732 г.) была одной из двух наиболее продаваемых работ на английском языке в Великобритании в XVIII в., при этом английский перевод переиздавался на протяжении всего столетия с момента издания в 1725 г.: *Earl D.W.L. Procrustean Feudalism: An Interpretative Dilemma in English Historical Narration, 1700–1725* // THJ. Vol. 19. No. 1 (Mar., 1976). P. 37–39.

¹ *Earl D.W.L. Op. cit.* P. 39–40.

² Сторонники парламентской реформы приписывали «древней конституции» все новые и новые достоинства до тех пор, пока она не уподобилась их собственным политическим проектам в рамках утилитарных интерпретаций истории государства и права в Британии. Подробнее см.: Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008. С. 164–183.

Прочитать его 20-ю статью, сохранявшую в неизменном виде все наследственные службы, права и юрисдикции, как-то иначе не представлялось возможным. Но преподобный прибег к помощи самого документа, обращаясь к 4-й статье акта об Унии, в соответствии с которой «права, привилегии и преимущества должны принадлежать подданным обоих королевств». Примечание к 18-й статье акта об Унии было призвано сделать аргументацию автора еще более основательной: «Любые изменения в законах, касающиеся частного права, вполне допустимы на пользу подданных в Шотландии». В том, что ликвидация феодального права и клановых отношений, основанных как раз на частной юрисдикции, этому поспособствует, сомнений у преподобного, разумеется, не возникало.

Не вдаваясь в подробности юридического содержания «самых несправедливых, абсурдных и варварских магнатств», которым отведена треть памфлета (две трети занимают сюжеты, интерпретирующие хайлендский феодализм как явление исторического и юридического характера, подтверждая приверженность автора легалистской традиции), заметим, что конечный вывод — постоянное нарушение прав собственности, рост долговой зависимости и беззаконие в Горной Шотландии и на границе с Равнинами. Неудивительно, что и наследственная юрисдикция в результате приобретает деспотичный характер, а система феодального права в Горной Стране оборачивается «*Imperia in Imperio*», не оставляя места для присутствия в Горном Крае королевской власти, правительства и британских законов и институтов¹.

При этом необходимо понимать, что интеллектуальная колонизация подразумевала не только встраивание «Хайлендской проблемы» в британскую систему идеологических координат. В равной степени этот процесс предполагал накопление достоверных и адекватно отражавших реалии Горной Шотландии сведений, способных

---

¹ A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 6, 14, 22–30.

обеспечить правительство надежной информацией в процессе реформирования Горной Страны.

В этом смысле весьма примечательно, что правительство Роберта Уолпола, которое часто обоснованно обвиняют в бездействии в Горной Стране, в самом начале хайлендской политики дважды перестраховалось в процессе сбора необходимых сведений о мятежной окраине, не только поручив летом 1724 г. генералу Уэйду, назначенному вскоре командующим королевскими войсками в Шотландии, перепроверить на предмет достоверности отчет лорда Ловэта о состоянии Хайленда от того же 1724 г., но и предложив в том же 1724 г. лорду Грэнджу составить мемориалы на все ту же заданную Лондоном тему о положении в Горной Шотландии¹.

Совершенно функциональное назначение этих мемориалов и рапортов (хотя их авторы, несомненно, шире, чем правительство, представляли себе функции составленных ими аналитических справок, имея в виду и собственные карьерные интересы) определило своеобразный академический подход правительственных комментаторов к проблеме феодализма в Горной Стране. В письме к Чарльзу Тауншенду, 2-му виконту Тауншенду, государственному секретарю Северного департамента в 1721–1730 гг., Джеймс Эрскин, лорд Грэндж, так отозвался о памфлетной публицистике, утверждая «академическую» достоверность собственных штудий: «Я буду рад, если он [«отчет о горах и их стране»] будет означать что угодно, только не забавное развлечение, как шестипенсовый памфлет»².

¹ Fraser S. Op. cit. P. 254–268; Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–146; Lord Grange. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724; *Idem*. A Continuation of the Account of the Highlanders and Highlands. Edr., 2 Jan., 1725; *Idem*. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc. 1 [2,3]. Edr., 14 [21,25] Jan., 1725 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1; 124/15/1263/2; 124/15/1264/1 [2,4].

² Copy. Letter L.G. to Viscount Townshend Secretary of State. Edinburgh, 29 Decbr., 1724 // Ibid. GD 124/15/1263/3.

Итак, во-первых, были четко разграничены феодальная система и клановые отношения в Хайленде, объяснена их взаимосвязь и взаимодействие в крае. Тот же лорд Грэндж отмечал в «Отчете о горцах и Горной Стране Шотландии», отправленном вместе с упомянутым выше письмом к виконту Тауншенду: «Различные племена [кланы], увеличившись... приобрели держания и были пристроены к делу среди других и таким образом оказались под новым влиянием своих лендлордов или властителей. Когда впоследствии были утверждены феодальные обычаи, магнатство и вассалитет привели к иной и сильной зависимости... Магнатство и вассалитет представляют собой военный институт, при котором магнат — это генерал, вассалы — это офицеры, рядовые арендаторы и слуги это солдаты, а сам клан — это армия под началом вождя. При этом горцы больше привязаны к вассалу, являющемуся их повелителем и на земле которого они проживают, чем магнату [сюзерену] этого вассала... Приверженность клану и вождю идет еще дальше»¹.

Сообщенные лордом Ловэтом сведения подтверждали эти выводы. Когда он в качестве вождя, «несмотря на изгнание в течение многих лет», вернулся в 1715 г. в родную Шотландию, то отозвал из лагеря графа Мара под Пертом, «где стояла армия мятежников», большую часть своих клансменов, которые, едва «услышав, что их вождь собирает друзей и людей своего имени в Горной Стране... присоединились к лорду Ловэту»². Другим примером «послужили те из МакЛейнов, управление землями которых за долги было поручено дому Аргайл за 40 лет до этого... однако, несмотря на эти обстоятельства, сэр Джон МакЛейн собрал вместе 400 из них... против войск его Величества, хотя последними и командовал их собственный лендлорд [Джон Кэмпбелл, 2-й герцог Аргайл]»³.

¹ *Lord Grange. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724... P. 3.*

² *Fraser S. Op. cit. P. 255–256.*

³ *Ibid. P. 256.*

Информация, собранная генералом Уэйдом в ходе инспекционной поездки по Горному Краю, в свою очередь, установила, что данные Саймона Фрэзера не противоречат положению вещей, установленному самим командующим королевскими войсками в рамках разведывательной миссии в Хайленде, чей военный потенциал был представлен магнатами и вассалами, а также вождями и кланами, причем вассальная зависимость была обозначена в отношении каждого учтенного «племени»¹.

Во-вторых, юридические тонкости феодально-клановых отношений в Горной Шотландии (формы феодальной зависимости, их правовые основания), оказалось, представляли для правительственных комментаторов значительно меньший интерес, чем для таких легалистов, как преподобный Уилсон и его потенциальные читатели в Эдинбурге в 1721 г., а затем и в Лондоне в 1746 г. Значительно более значимым агентам Лондона виделось влияние феодализма и клановости на политическую жизнь Горной Страны, Шотландии, Соединенного Королевства и Британской империи (имея в виду угрозу вторжения на Британские острова войск враждебных держав в свете глобальной борьбы за колонии — с опорой на горцев).

Для генерала Уэйда феодализм и клановость в Горном Крае представляли собой прежде всего местные механизмы военной мобилизации: «Число людей, способных держать оружие, в Горной Стране (вместе с обитателями Островов) составляет, по приблизительным подсчетам, 22 000 человек, из которых примерно 10 000 являются вассалами преданных правительству Вашего Величества магнатов; большая часть из оставшихся 12 000 были вовлечены в мятеж против Вашего Величества и готовы, когда бы их к этому ни побудили их магнаты или вожди кланов, совершать новые беспорядки и братья за оружие в поддержку Претендента»².

---

¹ Wade G. Op. cit. P. 143–145.

² Ibid. P. 132.

Лорд Ловэт, являясь вождем и потому повторяя при общении с властью по такому щекотливому для него вопросу, как феодально-клановая основа его влияния в крае, соображения графа Брэдалбейна и Эллэна Кэмерона, рассматривал феодально-клановые отношения в первую очередь как пространство патронажных практик по укреплению лояльности Лондону в Хайленде: «...необходимо, чтобы шерифами и лорд-лейтенантами были персоны, обладающие доверием и интересом в графстве, в котором они будут управлять, в противном случае они не будут обладать знаниями о джентльменах и обитателях, необходимыми для отправления долга их службы»¹.

В сочинениях лорда Грэнджа такая архаичная политэкономия Горной Шотландии представляла собой объект масштабного реформирования края, начиная с нарезания новых административных границ и заканчивая формированием новой британской идентичности в Хайленде: «Короче говоря, их [горцев] чувства, нравы и обычаи должны быть изменены, или они по-прежнему будут представлять угрозу для общества и оставаться, как прежде, его бесполезными членами»².

В-третьих, характерно, что привлеченные правительством в 1724 г. комментаторы выступали за практическую возможность и необходимость использования феодально-клановых отношений как организационной основы милиции в Горной Шотландии. И если в отношении генерала Уэйда и лорда Ловэта это вполне очевидно, имея в виду их преимущественно мобилизационное видение феодальной системы и клановости в Горном Крае, то для лорда Грэнджа, призывавшего к радикальному переустройству феодально-клановых отношений в Горной Стране, такая хайлендская политика, несмотря на модернизационный запал его отчетов и мемориалов, в определенной степени также была вполне допустима. Во всяком случае,

---

¹ Fraser S. Op. cit. P. 265.

² Lord Grange. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.: of Scotland. Edr. 14 Janr: 1725. 1... P. 1.

указывалось, что на начальном этапе реформирования Горного Края «преданных и лояльных горцев разоружать не следует», поскольку «лояльный подданный может оказаться без оружия среди врагов»¹.

В действительности почти все авторы в практической части своих отчетов, содержащей конкретные предложения по умиротворению Горной Страны и оптимизации британского военного присутствия в крае, успех военного сотрудничества связывали с опорой именно на клановую организацию горских сообществ как союз с лояльными Короне и правительству кланами². В этом смысле весьма примечательно, что сами авторы аналитических сочинений, настойчиво призывавшие к «цивилизации» Хайленда, в отдельных случаях полагали приемлемым обращаться к возможностям клановой организации в Горной Стране, как это произошло, например, с теми же лордами Грэнджем и Ловэтом, когда первый пожелал избавиться от жены (вероятно, слишком много знавшей о тайных связях мужа с якобитами и готовой использовать эту информацию в случае семейной ссоры публично), а второй ему в этом помог, предоставив, как вождь клана Фрэзер, послушных исполнителей и надежное укрытие в собственных землях³.

¹ *Lord Grange. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.: of Scotland. Edr. 14 Janr: 1725. 1... P. 3.*

² Даже во время и после принятия акта о ликвидации наследственной юрисдикции в 1747 г. («An Act for taking away and abolishing the heritable jurisdictions in that part of Great Britain called Scotland...» // EHD. P. 662–664) компетентные источники информации вопрос сохранения в Горном Крае лояльности Короне и правительству, как прежде, видели, предлагали и предпочитали решать благодаря сотрудничеству с вождями и магнатами Хайленда, полагаясь на их влияние в кланах: *Алле W. Memorial Concerning the Disaffected Highlands* [вложено в: *Duke of Albemarle to the Duke of Newcastle. Edinburgh, November 15, 1746*] // AP. P. 305–311; *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands* [вложено в: *Lord-Justice Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747*] // AP. P. 480–492; *Mackillop A. The Political Culture of the Scottish Highlands from Culloden to Waterloo* // HJC. 2003. Vol. 46. No. 3. P. 511–532.

³ *Laing D. An Episode in the life of Mrs Rachel Erskine, Lady Grange. Detailed by herself in a letter from St Kilda, January 20, 1738, and other original papers* // PSAS. 1874–1876. Vol. 11. P. 595–608.

Таким образом, интеллектуальная колонизация Хайленда представляла собой не только ментальное освоение «чужого» пространства, но и его реальное, фактическое подчинение Лондону благодаря эффективному экспертному знанию (носившему в силу заинтересованности авторов в успехе их аналитического предприятия в некоторой степени субъективный характер) и квалифицированной интерпретации изучаемых фактов (не лишенной определенной ангажированности по указанным выше причинам).

Следовательно, интеллектуальная колонизация представляла собой еще и срез имперского мышления эпохи, отражая определенные модели имперской экспансии (как с точки зрения правительства, так и на взгляд претендовавших на особое место в управлении Горной Шотландией представителей местных сообществ). Первая половина XVIII в. (середина 1720-х — середина 1740-х гг.) представляла собой время немногих лишенных внимания широкой публики сочинителей на поле комментирования реалий Горной Страны. Их мемориалы, памфлеты и рапорты были единичны, привлекали внимание Лондона лишь на короткое время, а в части реализации содержащихся в них предложений по реформированию феодальных отношений в Горной Шотландии неизменно откладывались из-за их радикализма и сложностей исполнения (прежде всего, сочинения лорда Грэнджа) в долгий ящик правительства (как раз до 1745 г.)¹.

Однако именно в это время «специалисты по Хайленду» сумели плодотворно освоить описываемую ими реальность, создав относительно непротиворечивую систему

---

¹ Очень точное описание положения дел в хайлендской политике Лондона с середины 1720-х гг. и вплоть до начала последнего мятежа якобитов в 1745 г. привела в своей по-прежнему пионерской работе о политике правительства в Горной Стране в первой половине XVIII в. Р. Митчисон: «...активный интерес в Лондоне к тому, что происходило [в Хайленде], долго не продлился. Он угас в течение года, хотя дела все еще выглядели хорошо. Правительству казалось, что оно побеждает» (*Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 35*).

знаний об этой мятежной окраине. При этом они не только продемонстрировали приверженность практическому подходу, но и придали ему некоторую степень академической респектабельности, приводя свои соображения в соответствие с формировавшимися в рамках интеллектуальных проектов эпохи Просвещения традициями научного комментирования и описания колоний и окраин европейских держав¹.

Не на всех направлениях интеллектуальной колонизации Хайленда эта задача была решена с равным успехом, но в целом было приобретено колониальное знание, адекватное задачам хайлендской политики. Была создана признанная властями и обществом система легитимации комментирования реалий Горной Шотландии в форме интеллектуальной колонизации в юнионистском и модернизационном ключе с применением практик имперского дискурса, отлажен механизм создания и административного (про)движения таких аналитических текстов, сформулированы основные направления анализа политэкономии «Хайлендской проблемы», включая феномен феодализма, который, по весьма спорному (для современных историков), но от того не менее авторитетному (в глазах британского правительства тех лет) мнению комментаторов, еще крепко держался в шотландских горах².

---

¹ Приемы комментирования реалий Горной Шотландии первой половины XVIII в. обнаруживают универсальный характер, отражая в методах и стиле рациональное сциентистское сознание эпохи Просвещения, заложившее институциональные и интеллектуальные основы современной политэкономии. Подробнее см., напр.: *Sauid Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 100–107, 117–137, 179–190; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 392–400. В этом смысле примечательно, что в следующей половине XVIII в. политэкономическая мысль именно шотландского Просвещения породила «Богатство народов» Адама Смита: *Smith A.* An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vols. I–II. London, 1776.

² Социально-экономическое устройство Горной Шотландии было далеко от идеального соответствия феодальному праву и клановым принципам. Коммерциализация активно проникала за «Хайлендский рубеж» еще в XVII в., так что военно-мобилизационные возможности

В последующие годы (вплоть до 1760-х гг.) британская правительственная и «независимая» аналитика, касавшаяся Горной Шотландии, переживала изменения, связанные и с актуальными обстоятельствами последнего мятежа якобитов, вновь получившего поддержку в Горной Стране, и с формированием значительно более решительного и последовательного курса правительства в отношении реформирования Хайленда (начиная с отмены наследственной юрисдикции и военных держаний и заканчивая формированием новой британской идентичности в крае), но они уже не затрагивали главных принципов и стиля комментирования социально-экономической и политической реальности Горной Шотландии¹.

феодално-клановых отношений, постепенно уступавших позиции в крае под давлением модернизации, пребывали в упадке задолго до актов о разоружении горцев в 1716, 1725 и 1747 гг. Так, по списку способных носить оружие в Блэйр-Этолле и Глен-Тилте в 1702 г. только 46% имели какое-либо оружие, и только один из пяти был вооружен и палашом, и мушкетом (*MacKillop A. Op. cit. P. 7*). Влияние рынка и стремление магнатов и вождей Горной Страны пополнить ряды британской элиты вели к сокращению проявлений насилия в Хайленде, к концу XVII в. заметно уступавших частотой и размахом распрям Короны и ковенантеров в Лоулэнде, и усиливали желание видеть рядовых горцев скорее платежеспособными арендаторами, чем обученными военному делу насельцами военных держаний: *Macinnes A.I. Repression and Conciliation: The Highland Dimension 1660–1688 // SHR. 1986. Vol. 55. P. 168–172.*

¹ Факт неудивительный, учитывая, что в выработке решения «Хайлендской проблемы» после мятежа 1745–1746 гг. активное участие принимали комментаторы реалий Горной Страны, выполнявшие поручения правительства в крае 1720–1730-е гг., как, например, генерал Уэйд или лорд-адвокат Данкан Форбс (*Memorandum relating to the present state of Scotland [предположительно составлен генералом Уэйдом, 1748–1749 гг.]*; *Memorandum concerning the heads of the bill intended to be brought in for civilizing the Highlands*; 16 Jan. 1748/9 [предположительно составлен генералом Уэйдом, 1748–1749 гг.]; *Memorandum for the Disarming and Subjugation of the Highlands, 1749 // HL. Correspondence of Henry Pelham (1696–1754), Scottish Affairs, NeC 2,024*; *Forbes D. Opinion relative to Attainders. June, 1746*; *Idem. Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland* [авторство аналитической записки, по мнению издателя, принадлежит лэрду Каллодену, рукой которого написан представленный текст и среди фамильных бумаг которого он обнаружен; предположительно 1746 г.] // *CP. P. 282–284*;

Кроме того, именно в 1720-е гг. происходит своеобразное смещение центра интеллектуальной колонизации Горного Края от преимущественно вождей и магнатов к преимущественно правительственным чинам и сторонникам «завершения» Унии 1707 г., причем преимущественно из числа самих же шотландцев, активно конструировавших за счет горцев образ коллективного «Другого» по отношению к остальным жителям Соединенного Королевства и формировавших, таким образом, юнионистскую британскую идентичность, одновременно бывшую еще и имперской¹.

Вместе с тем эти комментарии маркируют этапы расширения присутствия Лондона в Горной Стране, учитывая,

---

297–301; *Idem*. Some Considerations on the Present State of the Highlands of Scotland tending to shew what may be expected to happen, if France should think fit to risk a Few Battalions with some Arms and Money and a small quantity of Meal, to feed the Common Highlanders who are starving, to be landed on the Western Coast // *More Culloden Papers* / Ed. by D. Warrand. Vol. V. February 1746 to December 1747. Inverness, 1930. P. 98–103; *Idem*. Memorial Anent to the True State of the Highlands as to Their Chieftains, Followings and Dependances before the Late Rebellion [1745–1746] // *HRJP*. Vol. I. P. 165–175; *Idem* [текст мемориала написан той же рукой, что и другие письма данной эпистолярной коллекции за подписью лэрда Каллодена] *Memorial touching the Bill now depending for Disarming the Highlands*; *idem* [источник атрибутирован указанным образом]. *Highland Bill. Memorial* // *BL. NP. Vol. XX. Correspondence of the Duke of Newcastle*. Aug.–Sept. 1745. Add. Ms. 33,049. P. 253–261, 263).

¹ Якобитизм как сочетание католической и зарубежной угроз Британской империи являлся характерной чертой британской идентичности не только в Соединенном Королевстве, но и в американских колониях, жители которых воспринимали мятежи якобитов в Британии как продолжение колониальных войн с Французской и Испанской империями в Северной Америке, у родных очагов. Показательны ассоциации между шотландскими горцами Претендентов-католиков и привечавшими католические миссии индейскими союзниками французов, испанцев и франко-канадцев, «варварство» которых играло особую роль в укреплении общebritанской имперской идентичности в XVIII в. (*Bergmann M.D. Being the Other: Catholicism, Anglicanism and Constructs of Britishness in Colonial Maryland, 1689–1763*. PhD Thesis. Washington State University, 2004. P. 99–142; *Stanwood O.C. Creating the Common Enemy. Catholics, Indians and the Politics of Fear in Imperial North America, 1678–1700*. PhD Thesis. Northwestern University, 2005; *Plank G. Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia, 2006. P. 77–100).

что процесс интеллектуального освоения Хайленда, сопровождавший и предвосхищавший его активное реформирование после 1746 г., продолжился с переиздания и представления ответственным чинам тех же сочинений, что и в 1724 г.

Характерными чертами публичных и ведомственных дискуссий по проблемам феодализма в Горной Шотландии после подавления в 1746 г. последнего якобитского мятежа, вновь поддержанного в Горной Стране, являлись как продолжение дискурсивных практик предыдущего периода, так и появление периферийных по отношению к доминирующему дискурсу интерпретаций феодально-клановых отношений в Горном Крае. Самым примечательным примером в первом случае представляется издательская деятельность М. Купера, занимавшегося публикацией недорогих шестипенсовых памфлетов «близ Глобуса в Патер-ностер-Роу», о чем сообщалось на титульных листах этих упомянутых выше изданий.

В том же 1746 г., когда Купер переиздал «Письмо к английскому члену парламента от джентльмена в Шотландии...», он опубликовал еще один любопытный (хотя и не такой концептуальный и обстоятельный) образчик политического (по форме и по содержанию) письма: «Примечания к письму, затрагивающему аспекты, недавно важные для этих наций, адресованному Его Светлости герцогу Ньюкаслу...»¹. А в следующем году выпустил «Исследование природы наследственных юрисдикций в этой части Великобритании, что зовется Шотландией», вполне соответствовавшее по форме и содержанию своему неброскому академичному названию и будто отвечавшее на «Письмо к английскому члену парламента от джентльмена в Шотландии...», указав автором обращавшегося к соотечественникам в Шотландии «английского джентльмена»².

---

¹ Remarks upon a Letter (Just made Publick) On certain Points of the Last Importance to these Nations...

² An Ample Disquisition Into the Nature of Regalities, and other Heritable Jurisdictions...

Единый стиль этих работ отражает тот факт, что позиции сторонников «завершения Унии» не претерпели существенных изменений. Напротив, подданные и соотечественники представлялись по-прежнему предпочтительнее вассалов и клансменов, феодальное право по-прежнему воспринималось как первопричина мятежа (с якобитами во главе или без), рядовые горцы считались жертвами установившейся системы социально-экономических отношений в Хайленде, не способными ее изменить самостоятельно, британский парламент и Уния подавались как политический институт и правовая основа с монопольным правом на принятие государственных решений и регулирование правовых отношений во всем Соединенном Королевстве, а магнаты и вожди, эти «лорды манора», так же как и четверть века спустя, все еще стояли «преградой между королем и его подданными» в Горной Шотландии¹.

Сочинения, составленные по заказу правительства, в идеологической части следовали устоявшимся представлениям, уделяя пристальное внимание практическим рекомендациям ликвидации феодализма, клановости и наследственной юрисдикции². В целом они органично дополняли друг друга, формируя общий благоприятный для правительства информационный фон решения «Хайлендской проблемы». Требовалось не только объяснить присутствие Лондона на гэльской окраине, ради укрепления Унии используя образ «чужой» Горной Страны. Для того чтобы последняя в итоге стала «своей», требовались квалифицированные знания, имевшие отношение не только и не столько к идее формировавшейся британской нации,

¹ Напр.: *Remarks upon a Letter (Just made Publick) On certain Points of the Last Importance to these Nations...* P. 6–16, 19–20; *An Ample Disquisition Into the Nature of Regalities, and other Heritable Jurisdictions...* P. 17–20, 24–29.

² Напр.: *Anne W. Memorial Concerning the Disaffected Highlands* [вложено в: *Duke of Albemarle to the Earl of Albemarle. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, November 15, 1746*] // AP. P. 305–311; *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands* [вложено в: *Lord Justice-Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747*] // AP. P. 480–492.

сколько к конкретной социально-экономической и политической практике.

В этом смысле особый интерес вызывает периферийный дискурс доминировавших интерпретаций феодально-клановых отношений в Горном Крае, обнаруживший явное стремление противников отмены наследственной юрисдикции и феодального права предложить правительству такую описательную модель, в которой эти особенности политэкономии Хайленда изымались из числа причин поддержки якобитов в Горной Шотландии¹. Контрнаступление велось на тех же фронтах (штудии в области истории государства и права) и с тем же риторическим инструментарием (аналогии с феодальным правом в Англии, апелляция к Унии, рассуждения на тему «готской конституции» и «британских свобод»).

Ссылаясь на решения королей и парламентов и безусловно осуждая мятеж, комментаторы, однако, настаивали, что феодализм в Горной Стране на деле представляет собой продукт законотворчества монархов и все проблемы и жалобы, проистекающие от этого института, связаны не с феодальным правом, а с ненадлежащим его соблюдением. Вместо радикальных мер, за которые ратовали сторонники «завершения Унии», обладателям наследственной юрисдикции и/или распорядителям феодальных держаний предлагалось назначать на должности бэйли или заместителей (как и в случае с наследными шерифами) людей, «обученных праву и способных нести эту службу». Предполагалось, что в этом случае разница между магнатами по праву наследства и лордами, назначенными на административные или судебные

¹ Напр.: *An Essay upon Feudal Holdings, Superiorities, and Hereditary Jurisdictions, in Scotland*. London, 1747; *Observations upon a Bill, entitled, An Act for taking away, and abolishing the heritable Jurisdictions in that Part of Great Britain, called Scotland...* Edinburgh, 1747; *A Letter to a Noble Lord; containing some Remarks on the Nature and Tendency of Two Acts past Last Session of Last Parliament: namely, An Act for vesting in his Majestie the Estates of certain Traytors, and etc. and An Act for taking away and abolishing the Heritable Jurisdictions in that Part of Great Britain, called Scotland, and etc. And for restoring such Jurisdictions to the Crown, and etc.* London, 1748.

должности королем, перестанет быть столь очевидной, как прежде¹.

Такая нормализация реалий Горного Края была призвана продемонстрировать, что, исправив некоторые недостатки, существующий порядок вещей можно сохранить без ущерба для собственников в Хайленде и политической стабильности в Соединенном Королевстве. Более того, отмена наследственной юрисдикции и феодального права как раз и представлялась сторонникам этой идеи самым верным способом разжечь недовольство правительством и, как следствие, новый мятеж².

Таким образом, поменяв местами причину и следствие, с точки зрения сторонников доминирующей интерпретации, противники радикальной реформы связали якобитизм с реформами правительства в Горной Шотландии, предлагая не играть на руку Стюартам и при этом отстаивая именно те социально-экономические практики края, которые большинством комментаторов связывались с поддержкой Претендентов в Горной Стране.

Тем не менее, несмотря на крамольный характер подобных суждений, в особенности сразу после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг., они не только допускались властями (что любопытно само по себе), но и одним своим наличием сообщали сочинениям, поддерживавшим мероприятия Лондона в Хайленде, дополнительный кредит доверия в глазах правительства. Отношение к феодализму в Горной Шотландии оказывалось критерием лояльности королю и верности правительству в Лондоне.

В памфлетной продукции комментаторы хайлендского феодализма эпохи побеждавшего капитализма пользовались относительной свободой в выборе интеллектуальной позиции, но при этом были обязаны более убедительно и внятно, чем их оппоненты, обосновывать справедливость и истинность своих утверждений, демонстрируя

---

¹ An Essay upon Feudal Holdings, Superiorities, and Hereditary Jurisdictions... P. 19.

² Ibid. P. 4.

лояльность официальному Лондону. В этом случае можно было рассчитывать на определенный успех, доступный правительственным аналитикам. Обязательным условием и для тех, и для других при этом было оснащение своего текста жестким каркасом ссылок на правовые традиции и королевские постановления Шотландии, Англии и (после 1707 г.) Великобритании в обрамлении терминологии прецедентного права в его островном варианте и исторических примеров из британского и общеевропейского прошлого.

Анализ цитирования при этом наглядно показывает, что личность автора памфлета или мемориала (его социально-политический облик) в значительной мере проявлялась в подборе цитат. Кто-то (оспаривая решения королей, полемизируя с сановниками прошедших эпох) ссылался на исторические примеры как наиболее весомые, по мнению комментатора, аргументы в такой заочной полемике (весьма заинтересованно отобранные, несмотря на все заверения авторов в обратной позиции). Кто-то, напротив, предпочитал историческим фактам свидетельства современников и участников недавнего прошлого (мятежей якобитов 1715–1716 и 1745–1746 гг.). Кто-то историческим фактам противопоставлял сведения юридического характера (в их авторском понимании и изложении)¹.

---

¹ Как, например, автор упомянутого выше «Эссе о феодальных держаниях, магнатствах и наследственных юрисдикциях...» 1748 г. («An Essay upon Feudal Holdings, Superiorities, and Hereditary Jurisdictions...») Эндрю Макдоуэлл, лорд Бэнктон. Судья и адвокат в Эдинбурге, по роду деятельности и благодаря родственным связям водивший знакомство с видными представителями якобитов (как Джон Мюррей из Броутона, секретарь принца Карла Эдуарда Стюарта во время мятежа 1745–1746 гг.) и сторонников правительства (как Уильям Грэнт, лорд Прэстонгрэндж, генеральный прокурор (с 1737–1742 гг.) и лорд-адвокат (в 1746–1754 гг.) Шотландии, с 1755 г. — член Комиссии по управлению конфискованными имениями), он же явился автором одного из самых известных и популярных в Великобритании юридических трактатов середины XVIII в. — «Учреждение законов Шотландии»: Macdowell A. An Institute of the Laws of Scotland in Civil Rights: With Observations Upon the Agreement or Diversity Between Them and the Laws of England, In Four Books. After the General Method of the Viscount of Stair's Institutions. Edinburgh, 1751–1753.

Вариации исторических и юридических экскурсов позволяли комментаторам не только относить истоки феодального права в Хайленде к определенным историческим эпохам, но и выстраивать идею преемственности и выявлять типологические параллели с развитием этого института по обе стороны англо-шотландской границы, оперируя обширным комплексом профессиональной юридической и исторической терминологии. В таком прочтении трактовка особенностей социально-экономического развития края представляла собой не только исторический и юридический, но и филологический прием одновременно.

Комментатор, приверженный принципам Славной революции 1688 г. и Унии 1707 г., всегда был готов дать отпор якобитам, но и с единомышленниками, иначе представлявшими себе решение проблемы феодализма в Горной Стране, он полемизировал не менее яростно. Истина, раз и навсегда добытая при помощи правильного методологического инструментария (юридического анализа и правовой оценки с точки зрения весьма влиятельной легалистской традиции) и подтвержденная историческим опытом (на фоне активного развития исторического сознания эпохи Просвещения в Европе и юнионистской исторической традиции в Великобритании), могла быть лишь одной и единственно верной.

Получив одобрение правительства, выраженное принятием соответствующего акта об отмене наследственной юрисдикции и феодальных держаний, такие выводы становились частью бюрократического знания о Горной Стране и хайлендской политики¹. Вполне естественно, что тот, кто

---

¹ Настойчивость, с которой Лондон придерживался курса на реформирование Хайленда после подавления восстания 1745–1746 гг., наглядно явствует из непривычно протяженной для политики правительства в крае законотворческой деятельности, касавшейся отмены наследственной юрисдикции и конфискаций земельных держаний: An Act for taking away and abolishing the heritable jurisdictions in that part of Great Britain, called Scotland... 1747 // EHD. P. 662–664; An Act for annexing certain forfeited estates in Scotland to the Crown unalienably...

покушался на такое уже получившее официальный статус знание, *ipso facto* (как могли бы заметить авторы мемуаров и памфлетов, анализировавшие содержание феодального права и клановых держаний в Шотландии) превращался во врага Соединенного Королевства и лил воду (осознанно или нет, предстояло проверить) на мельницу мятежников и якобитов. Разоблачение таких врагов государства представляло собой своеобразную дискурсивную практику закрепления власти знания о реалиях Горной Страны за Лондоном и поддерживавшими его решения комментаторами.

Однако исход борьбы за доверие и покровительство Уайтхолла и Вестминстера был не всегда предсказуем. Со всем не обязательно в ней побеждал наиболее «профессионально» разбиравшийся в хайлендских реалиях «специалист по Горной Стране» и особенно приверженный принципам Унии автор. Новые интерпретации хайлендских реалий, инициированные Лондоном (с перерывами) начиная с 1720-х гг., предлагали, несомненно, их более детализированные описания.

Однако появление новой информации о крае далеко не всегда означало ее успешную конвертацию в конкретные политические решения. Порой в борьбе за внимание правительства побеждали, казалось бы, далекие от книжных и полевых изысканий британские генералы, командовавшие королевскими войсками в Шотландии¹. Секрет

London, 1752; An Act to enforce and render more effectual an Act made in the twenty fifth year of His present Majesty's reign, intituled, An Act for annexing certain forfeited estates in Scotland to the Crown unalienably... London, 1758.

¹ В том случае, если выдвигаемая комментатором реалий Горной Страны интерпретация «Хайлендской проблемы» значительно отличалась от той, которую поддерживал Лондон, возникал кризис восприятия. Характерный пример — предпочтение правительством соображениям лорда Грэнджа программы умиротворения Горного Края, изложенной командующим королевскими войсками в Шотландии генералом Уэйдом. Подробнее см.: Малкин С.Г. «Мятежный край Его Величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011. С. 60–66, 92–94.

успеха военных у официальных властей представлял собой большую загадку для гражданских чинов. Несмотря на все старания первых Ганноверов на британском престоле, власть сохраняла ореол таинственности, пути ее министров были, во всяком случае, не всегда предсказуемы, придавая процессу принятия решений по Хайленду в Лондоне изрядную долю политической интриги в глазах неискушенных современников (и даже весьма искушенных чинов).

Так или иначе, внимание комментаторов было сосредоточено прежде всего на разрушительных сторонах мятежа и тех обстоятельствах, которые ему предположительно содействовали в Горном Крае, — на феодальном праве, клановых отношениях и наследственной юрисдикции. На языке модернизации мятеж не прочитывался и всегда казался «противоестественным» и даже случайным¹.

Однако не стоит забывать, что и в практической части рапорты, памфлеты и мемориалы, затрагивавшие тему хайлендского феодализма, не оставляли ему иного места, кроме как временного института, способного облегчить процесс мобилизации лояльных Лондону горцев до тех пор, пока изменения в крае не позволят отказаться за ненадобностью от сотрудничества с местными вождями и магнатами.

В сфере идеологии, в отличие от области политической практики (формирование хайлендских полков), в британском государстве первой половины XVIII в. феодально-клановым отношениям, препятствовавшим «завершению Унии» и тем самым нарушавшим целостность новой британской нации, формирование которой являлось еще и имперским проектом, не было места. Готовность правительственных чинов и их агентов мириться с ними объяснялась тактическими соображениями, тем более что последние так или иначе были осведомлены об упадке традиционных форм преданности в Горной Шотландии

---

¹ Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII — первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008. С. 191–220.

и снижении их мобилизационных возможностей под давлением все большей коммерциализации социальных отношений к северу от Грэмпианских вершин.

§ 2. Идеальный подданный: «политическая арифметика» Хайленда

Место политической арифметики в истории решения «Хайлендской проблемы», как и в ряду мер окраинной политики регулярного государства эпохи раннего Нового времени, требует дополнительной конкретизации. С одной стороны, статистические описания Горной Шотландии — арифметическое видение «Хайлендской проблемы» — в виде росписи кланов по числу мужчин, способных «выйти в поле» с оружием за своим вождем или магнатом, представляли собой часть общеевропейской тенденции, отражая континентальное влияние камералистских практик сбора информации в эпоху Просвещения, абсолютизма и первых глобальных империй¹.

---

¹ Наиболее влиятельная немецкая традиция «государственных наук» (Staatwissenschaften) включала в себя, кроме прочего, историческую географию, статистику, общее право, дипломатику, историю. Ее основными методами являлись критическое изучение исторических источников, статистика, сравнение, привлечение вспомогательных дисциплин, таких как дипломатика, генеалогия и хронология. Как и университетские академические дисциплины, эта — внекабинетная и эмпирическая — также способствовала становлению и подготовке бюрократического аппарата. Подробнее о взаимодействии власти и научного знания, параллельных процессах бюрократизации и профессионализации науки в рамках «регулярного» государства эпохи Просвещения см.: *Paes M.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Самара, 2001. С. 48–79; *Смит Р.* История гуманитарных наук. М., 2008. С. 193–196; *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in Germanies and Russia, 1660–1800. New Haven, 1983; *Bodeker H.E.* On the Origins of the «Statistical Gaze»: Modes of Perception, Forms of Knowledge and Ways of Writing in the Early Social Sciences // Little Tools of Knowledge. Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices / Ed. by P. Becker and W. Clark. The University of Michigan Press, 2001. P. 169–171.

Попытки укрепления власти за счет систематического подсчета всех ресурсов страны восходят еще к Макиавелли и развитию «государственного интереса» как принципа правления¹. Энциклопедизм эпохи Просвещения наложил свой особый отпечаток на этот процесс: социальный анализ (включая экономические, политические и культурные аспекты) стал более систематическим, чем когда-либо прежде, и поле его применения было расширено

---

¹ С методологической точки зрения речь идет не только о принципе «рационализации» М. Вебера (на что обращает внимание в этой связи Роберт Дарнтон (*Дарнтон Р.* Великое кошацье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 327)), но и о «дисциплинирующем государстве» М. Фуко. В эпоху Просвещения властные отношения приобретают во многом новый характер. Для его описания французский гуманитарий предложил использовать концепцию «дисциплинирующей власти», которая вполне прилагается к хайлендской политике Лондона в 1689–1759 гг. Отличающее ее «искусство распределений» предстает как искусство управления и в контексте статистических обзоров Хайленда: каждому клану свое место, каждому месту свой клан. При этом единицы статистического учета в крае вполне заменяемы (недостижимый идеал социальной инженерии на гэльской окраине), поскольку определены изменяемыми переменными: местом на этнографической карте, зафиксированными отчетом традициями, схваченным политэкономическим анализом образом жизни. Однако, в отличие от весьма схематичной концепции «дисциплинирующего государства», настоящее исследование истории решения «Хайлендской проблемы» предполагает выяснение того, кто именно представлял собой это государство в каждый конкретный момент умиротворения Горной Страны между 1689 и 1759 гг. В противном случае познавательные возможности идей Фуко будут ограничены выявлением еще одного примера, подтверждающего необоснованную исходную позицию автора о всеисилии государственной власти. См. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 205–216; Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001. С. 57–81. О критике концепции «дисциплинирующего государства» Фуко в связи с чрезмерным значением идеальных моделей анализа и, как следствие, схематизацией исторического процесса и сужением возможностей сравнительных исследований см., напр.: Dupont D., Pearce F. Foucault contra Foucault. Rereading the Governmentality Papers // Theoretical Criminology. 2001. Vol. 5 (2). P. 123–158.

на весь мир¹. И хотя само слово «статистика» попадает в английский язык только в 1770-е гг., а окончательно утверждается только в 1790-х гг., традиция «государственных наук» была хорошо известна в Великобритании, став во второй половине XVIII в. едва ли не важнейшей основой многих реформаторских проектов социально-экономического, политического, культурного переустройства Хайленда².

¹ Один из самых ярких и часто упоминаемых примеров, подтверждающих эту тенденцию, — формирование энциклопедической культуры и энциклопедического стиля мышления, нашедших отражение в соответствующих изданиях — энциклопедиях, предлагавших единым взглядом окинуть «древо познания» человечества, на котором нашлось свое особое место и зарождавшимся социальным наукам. См., напр.: *Дарнтон Р.* Указ. соч. С. 226–249. Применительно к отражению этой тенденции в шотландской книжной культуре см.: *Towsey M.R.M.* Reading the Scottish Enlightenment. Libraries, Readers and Intellectual Culture in Provincial Scotland c.1750 – c.1820. PhD Thesis. University of St Andrews, 2007. О рамках и контексте распространения соответствующей экономической литературы в Великобритании во второй половине XVII — первой половине XVIII в., в том числе сочинений в области политэкономии, связанных с политической арифметикой, см.: *Hoppit J.* The Contexts and Contours of British Economic Literature, 1660–1760 // *TНJ*. Vol. 49. No. 1 (2006). P. 79–110 (автор выражает признательность волгоградскому коллеге Александру Александровичу Киселеву за то, что он обратил его внимание на эту статью).

² См. подробнее: *Peter B.* Seventeenth-Century Political Arithmetic: Civil Strife and Vital Statistics // *Isis*. Vol. 68. No. 1 (Mar., 1977). P. 67–84; *Peter B.* People Who Counted: Political Arithmetic in the Eighteenth Century // *Isis*. Vol. 73. No. 1 (Mar., 1982). P. 28–45; *Stigler S.M.* The History of Statistics. The Measurement of Uncertainty before 1900. Cambridge, 1986; *Hoppit J.* Political Arithmetic in Eighteenth-Century England // *The Economic History Review*. New Series. Vol. 49. No. 3 (Aug., 1996). P. 516–540; *Plackett R.L.* The Old Statistical Account // *Journal of Royal Statistical Society*. A (1986) 149, part 3. P. 247–251; *Leti G.* The birth of statistics and the origins of the new natural science // The speech by Professor Giuseppe Leti, Professor Emeritus of the University of Rome «La Sapienza» and member of the Metron Editorial Committee, given during the ceremony when, upon reaching the age limit, he retired from his teaching career. Rome, 2000. P. 195–203; *Bessant K.C., MacPherson E.D.* Thoughts on the Origins, Concepts, and Pedagogy of Statistics as a Separate Discipline // *The American Statistician*. Vol. 56. No. 1 (Feb., 2002). P. 22–23.

При этом, поскольку «государственные науки» и сопутствующие им дисциплины представляли собой интерпретирующую рабочую рамку для эффективного государственного управления, статистика не являлась только подсчетом численности населения, учитывая различные стороны социальной, экономической, политической, культурной, духовной жизни народа, ставшего предметом анализа в рамках политической арифметики. Традиции (в широком понимании этого слова), обычаи и верования фиксировались комментаторами и рассматривались как важная и неотъемлемая часть картографических проектов, статистических или этнографических обзоров¹. В XVIII в. специализация в области социального анализа не являлась для властей и комментаторов приоритетом. Скорее государственный интерес состоял в установлении категорий описания и анализа особенностей «Хайлендской проблемы».

В результате статистика, этнография и география представляли собой своеобразное «смешение стилей». Хоррографические описания такого рода были призваны продемонстрировать интеграцию Соединенного Королевства (и империи в целом), так что такое комплексное описание реалий Горного Края рассматривалось как вполне подходящий для этой задачи подход в комментировании. Эта операция выглядела настоящим актом вступления в права собственности и своего рода инвентаризацией территории и населения, призванной облегчить задуманное правительством реформирование гэльской окраины.

С другой стороны, комментаторы, чины и агенты правительства в Горной Шотландии, разумеется, учитывали

---

¹ Любопытный сравнительный пример — опыт применения Веней «государственных наук» в контексте административной этнографии, связанный с попытками рационализировать управление имперскими окраинами: *Dickson P.G.M.* Joseph II's Hungarian Land Survey // *EHR*. Vol. 106. No. 420 (Jul., 1991). P. 611–634; *Cappus E.-N.* Imperial Ideologies of Peoplehood in Habsburg — An Alternative Approach to Peoples and Nations in Istria // *Annales. Series of Historical Sociology*. 2002. Vol. 12. No. 2. P. 321–330; *Torok B.Z.* The ethnicity of knowledge: statistics and *Landeskunde* in late eighteenth-century Hungary and Transylvania // *Encountering Otherness. Diversities and Transcultural Experiences in Early Modern European Culture* / Ed. by G. Abbattista. Trieste, 2011. P. 147–162.

не только традиции гёттингенской статистической школы, но и местную британскую традицию ценза социальных феноменов, влияние которой отражалось в характерной комбинации описания и числового анализа. За сто лет до заимствования слова «статистика» английский язык обогатился другим аналитическим термином. В 1672 г. на Британских островах родилась «политическая арифметика», которую многие не без оснований считают предтечей современной политэкономии¹.

Что важнее в контексте изучения истории решения «Хайлендской проблемы» — обстоятельства рождения новой академической дисциплины. Автором политической арифметики был сэр Уильям Петти, в 1652 г. назначенный главным врачом армии Генри Кромвеля в Ирландии, младшего сына Лорда-Протектора, главы военной и гражданской администрации «Изумрудного острова» (вскоре Петти стал исполнять еще и обязанности его секретаря)². До 1654 г. Петти также выступал как организатор, руководитель и автор-составитель описания конфискованных на острове земель, предназначенных для передачи в собственность от «мятежников» солдатам и офицерам, участвовавшим в ирландской кампании Кромвеля, и инвесторам в Лондоне³.

---

¹ *McCormick T. William Petty and the Ambitions of Political Arithmetic. Oxford; New York, 2009. P. 8–9.* Как писал один из наиболее известных протагонистов политической арифметики в Великобритании в XVIII в. Чарльз Дэвенэнт (утверждение, являвшееся в те времена общепринятым мнением), «под политической арифметикой мы понимаем искусство выявления причин в вопросах государственного значения при помощи чисел» (цит. по: *Hoppit J. Political Arithmetic... P. 517*). Подробнее о связи между политической арифметикой и политэкономией в Великобритании в XVIII в., а также о значении этих дисциплин см.: *Petty W. People Who Counted... P. 28–45; Hoppit J. Political Arithmetic... P. 516–540.*

² *McCormick T. Op. cit. P. 3.*

³ Самое детальное описание этой страницы в биографии сэра Уильяма Петти предоставил сам автор «политической арифметики»: *Petty W. The History of the Survey of Ireland, commonly called the Down Survey, by doctor William Petty, a.d. 1655–6 / Ed. by T.A. Larcom, for The Irish Archaeological Society. Dublin, 1851.*

Предметом политической арифметики, следовательно, изначально оказалась «ирландская проблема» в колониальном контексте протестантского землеустройства на «Изумрудном острове» во времена Протектората, Реставрации и Славной революции. А сама политическая арифметика при этом была задумана как универсальный аналитический инструмент социальной инженерии в колониях и на окраинах еще Английской империи, о чем свидетельствуют предложения сэра Уильяма Петти приложить модель описания и статистического анализа, апробированную в Ирландии, к американским колониям, британским королевствам и, отдельно, собственно к Горной Шотландии¹.

Таким образом, если для реформаторских начинаний в Горной Стране во второй половине XVIII в. первоочередной заявленной целью являлись так называемые «улучшения» в крае (в широком социально-экономическом и культурном значении этого слова), а среди моделей и форм статистического анализа особое место отводилось камералистским практикам, то для первой половины XVIII в., точнее до окончательного решения «Хайлендской проблемы» как сочетаемой угрозы мятежа и иностранного вторжения к концу 1750-х гг., основной целью мер

---

¹ *Hardinge W.H.* On an Unpublished Essay on Ireland, by Sir W. Petty, A.D. 1687 // *The Transactions of the Royal Irish Academy*, Vol. 24, *Antiquities* (1873). P. 371–377; *Orpen G.H.* Review on *The Petty Papers. Some Unpublished Writings of Sir William Petty / Ed. from the Bowood Papers by the Marquis of Lansdowne. Two vols. London, 1927* // *The English Historical Review*. Vol. 43. No. 171 (Jul., 1928). P. 430; *McCormick T.* «A Proportionable Mixture»: William Petty, Political Arithmetic, and the Transmutation of the Irish // *Restoration Ireland. Always Settling and Never Settled / Ed. by C.A. Dennehy. Aldershot, 2008.* P. 137–139; *Idem.* The advancement of Policy: Art and Nature in William Petty's Political Arithmetic / This paper was originally delivered at the Annual Meeting of the History of Science Society in Washington, DC, on 3 November 2007, and was written with generous support of 2006–2008 Government of Ireland Postdoctoral Fellowship from the Irish research Council for Humanities and Social Sciences. P. 1–10; *Idem.* William Petty and the Ambitions of Political Arithmetic... P. 9–12; *Knights M.* Review on Ted McCormick, *William Petty and the Ambitions of Political Arithmetic* // *The Journal of Modern History*, Vol. 83. No. 4 (December 2011). P. 886.

в области социальной инженерии, политического, экономического переустройства Горного Края являлось его умиротворение, а основным средством интеллектуальной колонизации Хайленда в той его части, которая касалась политэкономии, выступала политическая арифметика в ее исконном, колониальном значении «ирландского» решения «Хайлендской проблемы» (в действительности во все не забытом к началу XVIII в. на мятежных окраинах, что, помимо прочего, позволяет пересмотреть некоторые взгляды на интеллектуальное и политическое наследие сэра Уильяма Петти)¹.

Политэкономия, вернее предшественница этой дисциплины политическая арифметика, до конца 1750-х гг. еще не уступала свои позиции естественной истории в вопросах, связанных с социально-экономическим реформированием Горной Шотландии, а предшественники Адама Смита — в отличие от него самого — еще громко поднимали в этих спорах свой голос².

---

¹ Характерно, что даже Тед МакКормик, автор наиболее авторитетного исследования интеллектуального наследия сэра Уильяма Петти, пишет о том, что к началу XVIII в. политическая арифметика утратила значение универсальной модели социальной инженерии («агрессивная программа демографической манипуляции») и рассматривалась современниками скорее как островной вариант континентальной статистики («объективный аналитический инструмент») (*McCormick T. William Petty... P. 13* (см. подробнее главу 8 работы)). Более того, если политическая арифметика Ирландии второй половины XVII в. явилась до некоторой степени моделью для статистических обзоров Горной Шотландии в XVIII в., то последние (как и аналогичные описания Шотландии в целом) в той же мере служили моделью для организованного властями описания Ирландии в первой половине XIX в.: *O' Cadhla S. Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824–1842: Ethnography, Cartography, Translation. Dublin, 2007. P. 49–50.*

² Парафраз названия заключительной части диссертации Фредрика Джонссона «Молчание Смита», в которой автор убедительно доказывает, что во второй половине XVIII в. в Великобритании установилось своеобразное разделение труда по вопросу о реформировании внутренних окраин королевства и социальной инженерии в Горной Стране между естественной историей и политэкономией в пользу первой, поскольку экономически отсталые регионы рассматривались как объект изучения и профессиональной экспертизы естественной

Следовательно, анализируя особенности социальной инженерии в Горной Стране, необходимо соотносить ее с теми средствами, которые предлагались для ее реализации. Речь в том числе идет об инструментах интеллектуальной колонизации Горного Края. И если модернизация была «функцией Унии», то интеллектуальная колонизация была функцией самой модернизации в Хайленде¹. Стереотипизация горцев не только являлась отражением традиционных представлений «цивилизованных» британцев о «варварской» Горной Шотландии, но и представляла собой акт интеллектуальной колонизации края. Эволюция восприятия и понимания Горной Страны как эволюция и соотношение жанров ее описания отражает характер и степень проникновения Лондона в край — от вызванной служебной необходимостью военной корреспонденции к пространным травелогам и развернутым статистическим описаниям Хайленда.

Таким образом, основной вопрос состоит не в том, почему к этой части политики знания обращались, и не в том, к каким последствиям и результатам это привело, — оба аспекта достаточно хорошо изучены и представлены в историографии решения «Хайлендской проблемы»². Наш

истории не только с точки зрения их технического и коммерческого развития, но и в части, касавшейся нравов и обычаев местного населения: *Johnsson F.A. The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760–1830. PhD Thesis. The University of Chicago, 2005. P. 291–296.*

¹ Плодотворную идею о модернизации Шотландии, особенно Горной Страны, как о «функции» Унии высказал Виктор Юрьевич Апрыщенко: *Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII — первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008. С. 163.*

² Литература такого рода обширна, наиболее известные и характерные работы этого плана: *Cregeen E. The Changing Role of the House of Argyll in the Scottish Highlands // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 5–23; Smout T.C. The Landowner and the Planned Village in Scotland, 1730–1830 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 73–106; Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic fringe in British national development, 1536–1966. Berkeley and Los*

особый интерес в данном случае заключается в том, чтобы понять, как именно власти пытались умиротворить Горную Шотландию, прибегая к политической арифметике в процессе интеллектуальной колонизации этой мятежной гэльской окраины. Это вопрос о том, как именно формировались, формулировались и принимались решения, которые в итоге должны были изменить социальный ландшафт Горной Страны до неузнаваемости (что вновь возвращает нас к более общему вопросу о механизмах принятия решений в империи в целом).

Отталкиваясь от двойного методологического видения проблемы реформирования Горного Края Кристофера Бэйли («улучшения» как выражение мышления эпохи Просвещения и как практическое движение за социальную инженерию), к анализу политической арифметики Хайленда целесообразно подойти, с одной стороны, как к аналитическому инструменту интеллектуальной колонизации Горной Страны, способу постижения его социальной реальности, а с другой стороны, как к способу, инструменту социальной инженерии в крае, — одновременно как к технике власти и как к процедуре познания¹.

Angeles, 1975; *Withers C.W.J.* Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region. London and New York, 1988; *Devine T.M.* Social Responses to Agrarian «Improvement»: the Highland and Lowland Clearances in Scotland // Scottish Society. 1500–1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989; *Smout T.C.* Problems of Nationalism, Identity and Improvement in Later Eighteenth–Century Scotland // Improvement and Enlightenment. Proceedings of the Scottish Historical Studies Seminar University of Strathclyde, 1987–1988 / Ed. by T.M. Devine. Edinburgh, 1989; *Womack P.* Improvement and Romance. Constructing the Myth of the Highlands. London, 1989; *Macinnes A.* Clanship, Commerce and the House of Stuart. East Linton, 1996; *Clyde R.D.* From Rebel to Hero: The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton, 1998; *McNeil K.* Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860. Columbus, 2007.

¹ *Bayly C.A.* Imperial Meridian: the British Empire and the World 1780–1830. London, 1989. P. 80–81. Кроме того, в рамках этой методологической позиции К. Бэйли в большей мере проявляет интерес к компаративному анализу и с самого начала помещает разговор об особенностях социально-экономических преобразований в Горной Шотландии в широкий имперский контекст британской политики за океанами. Это позволяет яснее представить связь между проектами

«Надлежащее знание края», или Политика знания в Хайленде

В годы войн, мятежей и революционных потрясений шотландские кланы становились предметом многочисленных интеллектуальных спекуляций. Мыслившие гэлистскими (кельтицистскими/ориенталистскими) категориями чины и агенты правительства, ответственные за умиротворение и «цивилизацию» Горной Страны, выстраивали подробные схемы сфер влияния кланов, их наследных вождей и феодальных властителей. Предполагалось, что это поможет выявить скрытые пружины социально-экономических, политических и культурных процессов в Хайленде, постичь механику власти в крае, уяснив его «политическую анатомию» (по сэру Уильяму Петти).

Между тем практическое, а не клишированное, пропагандистское толкование того, как «работают» кланы, предполагало скорее подсчет их социального и культурного капитала, конвертировавшегося в матримониальные связи, наследственные обязательства, военные союзы и патронаж, чем визуализированное картографом генерала Уэйда Лемприером в знаменитом «Описании Горной Страны» 1731 г. представление о неразрывной связи между феодально-клановой системой отношений в Горной Шотландии, распределением предполагаемого контроля над землями в крае между вождями и магнатами и решением «Хайлендской проблемы».

Благодаря мемориалам, рапортам и описаниям «шотландских» чинов и агентов в британском политическом

«улучшений» на гэльских окраинах Соединенного Королевства и колониальными проектами Британской империи в обеих Индиях и на американском континенте. Характеризуя во-многом дуалистические отношения между техникой власти и процедурой познания, я в известном смысле (с учетом критических замечаний, высказанных мной в методологическом разделе введения к представленной книге) опираюсь на идеи М. Фуко, писавшего по этому поводу о «двойных операциях, в которых неразрывно связаны друг с другом два составных элемента: распределение и анализ, контроль и понимание» (Фуко М. Надзирать и наказывать... С. 215–216).

дискуссе и хайлендской политике Лондона получила широкое распространение репрезентация Горной Страны в виде совокупности различных форм социальной архаики — кланов, вожеств и магнатств. Профессиональный комментарий должен был выявлять и отражать совпадение принятых горцами идентичностей, носивших порой расплывчатый, местный и неустойчивый характер, и общенациональных категорий, выработавшихся в рамках британского юнионизма и утверждавшихся фискально-военным государством в своих институтах.

Многомерная природа социального капитала, соответствовавшие его формам модели поведения и практики, посредством которых те или иные формы капитала накапливались, терялись, преобразовывались их обладателями, перемещаясь из одного (социально-экономического, политического, культурного) поля в другое, в сумме как раз и должны были создать аналитическую возможность соотнесения предполагаемых реформ и социальных трансформаций хайлендских сообществ.

В интересах масштабной социальной инженерии в Горной Шотландии требовалось создать достаточно четкий, подробный и в то же время связно-целостный атлас социального мира, с типичными примерами отдельных ситуаций, вписывавшихся в региональную, национальную, государственную и общеисторическую перспективы развития. В этой связи неудивительно, что первая и единственная в своем роде крупная операция по сбору статистических сведений в Горной Стране и их анализ в рамках политической арифметики Хайленда состоялись только после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. Тот факт, что армия «младшего Претендента» остановилась в декабре 1745 г. всего в 60 милях от Лондона, заставил многих в правительстве крепко задуматься над тем, как избежать печального повторения этих опасных событий.

Цифры, отражавшие до некоторой степени расклад военных и политических сил в крае, разумеется, и прежде

присутствовали в поле зрения официальных властей. Однако они имели лукавый характер, начиная с общей численности вооруженных горцев в Хайленде и заканчивая количеством клансменов, которое конкретные вожди и магнаты предположительно могли выставить в поле. Для правительственных чинов и их агентов в этом уравнении власти по-настоящему важен был только один знаменатель — лояльность своему королю. Заявленная численность готовых последовать за вождями и магнатами горцев, выразивших преданность Лондону, служила фактором хайлендской политики сама по себе, не только как вероятное отражение местных реалий. В этом смысле провести четкую грань между стремлением использовать информацию о мобилизационных возможностях горцев и желанием представить правдивый отчет порой весьма затруднительно.

Так, еще в 1714 г., сразу же по восшествии на британский престол Георга I Ганновера, на имя нового монарха поступил любопытный документ — «Адрес одной сотни и двух главных наследников и глав кланов Горной Страны в Шотландии...», — в котором подписанты заверяли суверена в своей верности и поздравляли с занятием королевского трона¹. При этом среди перечисленных в адресе вождей были и выступившие затем против Короны и в 1715–1716, и в 1719, и в 1745–1746 гг.

Можно, конечно, с полным основанием усомниться в подлинности «Адреса», по аналогии с подобным поддельным письмом, якобы составленным вождями Хайленда и адресованным будущему руководителю восстания якобитов в 1715–1716 гг. графу Мару, чтобы он передал его королю (граф, вероятно, надеялся таким оригинальным образом сохранить пошатнувшееся доверие Короны, которое в отношении этого «посредника» из-за «порочащих»

---

¹ Address of One Hundred and Two Chief Heritors and Heads of Clans in the Highlands of Scotland, to King George I on his Accession to the Throne // *Archeologica Scotica: Transactions of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1792. Vol. 1. P. 562–565.

связей с двором Стюартов в изгнании к 1715 г. практически полностью было исчерпано)¹.

Однако в данном случае симптоматичен сам факт появления подобных писем и адресов, отражавший не только желание отдельных представителей элиты Горной Шотландии выступить в роли посредников между Лондоном и его шотландской гэльской окраиной, но и готовность властей к сотрудничеству подобного рода.

Практическое значение дискуссии по проблеме феодално-клановых отношений в Горной Стране после Великого мятежа 1715–1716 гг., когда пенсионные стратегии Вильгельма Оранского и Анны Стюарт по укреплению лояльности протестантскому престолонаследию в крае потерпели полный провал, и вплоть до начала последнего вооруженного выступления якобитов в 1745–1746 гг. приобрели в форме споров, проектов и попыток учреждения для графств Хайленда новых лорд-лейтенантств.

Близкие по форме и содержанию к его политической арифметике в той же мере, что и рекомендации графа Брэдалбейна, графа Кромэрти или Эллена Кэмерона из Лохила, эти комментарии тем не менее наглядно отражают новый этап в истории статистического анализа решения «Хайлендской проблемы» (рапорты и мемориалы «шотландских» чинов) — между весьма ограниченными и малоинформативными сведениями о военно-политическом потенциале пенсионариев в Горном Крае в 1689–1715 гг. (местные информаторы, пытавшиеся вести двойную игру) и развернутым цензом социально-экономических, политических и культурных реалий мятежной гэльской окраины после окончательного разгрома «армии горцев» под Каллоденом 16 апреля 1746 г. (официальные чины и агенты британских властей).

---

¹ *Keltie J.S. History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclachlan and an Essay on Highland Scenery by J. Wilson. Edinburgh and London, 1875. Vols. I–II. P. 422–423.*

Мятежные события 1715–1716 гг., казалось, действительно явили Лондону широкие возможности практического подхода к политической арифметике Хайленда, открывавшиеся благодаря вооруженной поддержке вождей и магнатов Горной Страны.

К северу от Инвернесса находились владения таких признанных сторонников новой династии, как Джон Сазерленд, 15-й граф Сазерленд, Джордж МакКэй, 3-й лорд Рэй, вождь клана МакКэй, сэр Роберт Манро из Фоулиса, вождь клана Манро, представленный своим сыном, полковником Джорджем Манро из Калкейна, Уильям Росс, 12-й граф Росс. Юго-восточнее Инвернесса влиятельны были Гранты (вождь клана — Людовик Грант), Форбсы из Каллодена (до 1734 г. лэрдом¹ из Каллодена был Джон, после — его родной брат Данкан) и Роузы, ведомые Хью Роузом из Килрэвока². Западнее Инвернесса располагались земли Фрэзеров, в ноябре 1715 г. перешедших на сторону Ганноверов вслед за вернувшимся из изгнания вождем клана Саймоном Фрэзером, 11-м лордом Ловэтом³. В южном Хайленде располагались обширные владения Джона Кэмпбелла, 2-го герцога Аргайла⁴.

¹ В документах, начиная с позднего Средневековья, а также в трудах историков последних столетий средние и мелкие дворяне обозначаются общим термином «лэрд» («laird»); это шотландское слово произошло от английского «лорд» («lord»), но получило совсем иной смысл; вместе с тем термин «лорд» был сохранен в Шотландии в его обычном значении крупного землевладельца, барона или магната, а также в качестве почетного титула: Федосов Д.Г. Лорды и лэрды: шотландское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия: Сб. ст. М., 1997. С. 43–45.

² Baynes J. The Jacobite Rising of 1715. London, 1970. P. 155.

³ Fraser S. A List of the Officers of the Name of Fraser as they may be Regimented for his Majesties Service. 1715 or 1716 // Notice of an Original Letter of King James II to Macdonell of Keppoch, after the Battle of Killiecrankie; three letters of General Monck; also some documents relating to Rob Roy Macgregor, and to Simon, Lord Lovat / By J.A. Smith. PSAS. 1866–1868. Vol. 7. P. 254.

⁴ Cregeen E. The Changing Role of the House of Argyll in the Scottish Highlands // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 5–23.

Уже 19 августа 1715 г. в «Лондонской газете» было опубликовано назначение графа Сазерленда лорд-лейтенантом графств Росс и Кромэрти, Морей, Нэйрн, Кейтнесс и Сазерленд. В тот же день стало известно о назначении лорд-лейтенантом для Банффшира и Инвернессшира бригадира Людовика Гранта (клан возглавляли его братья, капитан Джордж Грант и полковник Уильям Грант). Полковник Манро из Фоулиса был назначен комендантом Инвернесса¹. Герцог Аргайл, как известно, во время восстания возглавлял в Шотландии королевскую армию (до февраля 1716 г.). Оставалось подобрать верную формулу политического расчета степени лояльности горцев властям, чтобы превратить эти возможности в явные преимущества.

Освобождение Инвернесса и нарушение сообщения между якобитами на севере Шотландии, а также отпор, данный армией Георга I Ганновера сторонникам Стюартов в 1715–1716 гг. на юге Северной Британии, наконец, участие в разоружении кланов весной 1716 г. со всей очевидностью продемонстрировали правительству выгоды военного сотрудничества с вождями и магнатами Горной Страны².

В представленном «старшему Претенденту» и графу Мару списке враждебных их рискованному предприятию кланов значились: «граф Сазерленд и 800 его вассалов; Грант, 700; Фрэзеры, 500; Россы и Манро, 200; МакКэи, 300; итого 2500; которые, вероятно, не испытывают недостатка в оружии...»³ Джон Бэйнс, автор исследования о восстании якобитов в 1715–1716 гг., приводит не менее

¹ Baynes J. Op. cit. P. 155–157.

² Ibid. P. 159–160; Keltie J.S. Op. cit. P. 457; Anon. Letter to Sir Archibald Steuart Denham. February 8, 1716 // News Letters of 1715–1716 / Ed. by A.F. Steuart. London and Edinburgh, 1910. P. 139–140; Charles G. History of the transactions in the years 1715–16 and 1745–46: containing an impartial account of the occurrences of these years together with an authentic detail of the dangers Prince Charles encountered after the Battle of Culloden, with a short sketch of his life; interspersed with a variety of anecdotes, never before published. Stirling, 1817. Vol. I. P. 416.

³ Sinclair J. Memoirs of the Insurrection in Scotland in 1715. With Notes by W. Scott. Edinburgh, 1843. P. 346–347.

внушительные цифры: на 5 октября 1715 г. сторонники Ганноверов на севере Хайленда насчитывали 200 МакКэев, 900 человек графа Сазерленда, 300 Манро и 180 Россов, еще 120 приверженцев Форбсов из Каллодена и Роузов из Килрэвока¹. Последние, по некоторым данным, вскоре увеличились до 200 (от Форбсов из Каллодена) и 300 (от Роузов из Килрэвока) человек². Даже если предположить, что ополчение, собранное Форбсом из Каллодена в 1715 г., так же как в 1689 г., в боевой выучке заметно уступало своим оппонентам, то, во всяком случае, в отношении остальных дело обстояло совершенно иначе³.

При этом эффективность выставленных союзными правительству вождями и магнатами ополчений определялась прежде всего особенностями их набора в Горной Стране: в отряды лорд-лейтенантов здесь шли, конечно, под давлением арендных обязательств и принуждению закона, как и во всем Соединенном Королевстве. В Англии, например, накануне вторжения якобитов из Шотландии некий сквайр Торрингтон собрал и вооружил 70 человек из числа своих арендаторов; лорд Молтон сформировал роту из своих слуг и зависимых людей; владельцы шелкоткацких мануфактур, преимущественно французы-гугеноты, давно жившие в Англии, выделили для королевской службы 2011 человек из числа своих работников, слуг и других зависимых людей⁴.

¹ Baynes J. Op. cit. P. 157.

² Fraser J. Major Fraser's Manuscript. His Adventures in Scotland and England; his Mission to, and Travels in, France in Search of his Chief; his Services in the Rebellion (and his Quarrels) with Simon Fraser, Lord Lovat. 1696–1737. Vol. II / Ed. by A. Fergusson. Edinburgh, 1889. P. 68–69.

³ Напр.: Mackay J. The Life of Lieut.-General Hugh Mackay, Commander in Chief of the Forces in Scotland, 1689 and 1690. Colonel Commandant of the Scottish Brigade, in the service of the States General, and a Privy-Counsellor in Scotland. Edinburgh, 1836. P. 20–23, 35–38.

⁴ The History of the Rebellion 1745 and 1746. Edinburgh, 1748. P. 70; Speck W.A. The Butcher: The Duke of Cumberland and the Suppression of the 45'. Oxford, 1981. P. 71; Зарницкий Г.С. Расстановка социально-политических сил в Великобритании в период якобитского восстания 1745–1746 гг. // Общественные идеи и социально-политическая борьба в новое и новейшее время. М., 1987. С. 139.

Однако в Горном Крае эти обстоятельства многократно усиливались, как считалось (и иногда подтверждалось), феодальным правом магнатов на вассальную службу за счет военных держаний и клановым родством милиционеров и возглавлявших их командиров¹. Власть здесь, как утверждали многие комментаторы, по-прежнему была главным образом властью вождей кланов, а право — их наследственной юрисдикцией: «Число способных носить оружие в Горной Стране... составляет примерно 22 000 человек, из которых около 10 000 — вассалы преданных правительству Вашего Величества предводителей; большая часть из оставшихся 12 000 [горцев] участвовали в восстании против Вашего Величества и готовы, когда бы к этому ни побудили их предводители или вожди, совершать новые беспорядки и браться за оружие в поддержку Претендента [на британский престол из изгнанных Стюартов]...»²

Характерно, что в данном случае мы встречаем тот же взгляд и ту же риторику относительно цифрового выражения «Хайлендской проблемы», что и у оппонентов Лондона и его чинов на этой мятежной гэльской окраине. Попытки якобитов математически рассчитать потенциал своих сторонников в Горной Стране мало чем, по сути, отличались от политической арифметики командующего

¹ В действительности феодально-клановые отношения в Горной Стране многими их непосредственными участниками к началу XVIII в. рассматривались как обременительные и стеснительные, что вынуждало отдельных магнатов и вождей угрожать вассалам и клансменам за отказ в вооруженной поддержке «огнем и мечом»: *Macinnes A.I. Repression and Conciliation: The Highland Dimension 1660–1688* // SHR. Vol. 55. 1986. P. 168–172. Чаще всего приводимый в этом смысле пример — история с руководителем якобитского мятежа в 1715–1716 гг. графом Маром, отправившим письмо к своему управляющему, в котором он откровенно грозит всем своим арендаторам уничтожением их жилищ и посевов, если они в самом скором времени не «выступят» с ним в поддержку претензий изгнанных Стюартов (*Erskine J. Letter to John Forbes of Inverau, Bailie of Kildrummy, Invercauld. September 9, 1715* // Keltie J.S. Op. cit. P. 428–429).

² *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724* // HPJP. Vol. P. 132.

королевскими войсками в Шотландии (в узком функциональном понимании этого аспекта политэкономики «Хайлендской проблемы»).

Из тех же соображений, например, исходил Данкан Форбс из Каллодена, сокрушаясь в корреспонденции 1745 г. к государственному секретарю по делам Шотландии об отсутствии к началу мятежа Карла Эдуарда Стюарта учреждений для Шотландии Лондоном лорд-лейтенанств. 8 августа 1745 г., вскоре после начала последнего и самого крупного выступления якобитов 1745–1746 гг., Данкан Форбс из Каллодена, лорд-президент Сессионного суда Шотландии и один из важнейших агентов правительств Соединенного Королевства в Горной Шотландии в первой половине XVIII в., писал государственному секретарю по делам Шотландии маркизу Туиддейлу: «Прежде всего, не смотря на то что сейчас у правительства гораздо больше друзей в Горной Стране, чем в 1715 г., я не имею представления о том, есть ли у кого-нибудь здесь в настоящий момент законное право призвать их к действию... В 1715 г. лейтенанства были утверждены во всех графствах [Шотландии]. Если что-либо подобное существует сейчас, то это сверх того, что мне известно»¹.

При этом перед нами — первое письмо, отправленное Форбсом маркизу Туиддейлу после получения известия о высадке «младшего Претендента» в Горной Шотландии, и потому та экспрессивность, с которой он писал об учреждении лейтенанств для Шотландии (прежде всего для графств, простиравшихся в Хайленд), обращает на себя самое пристальное внимание².

Какие преимущества лейтенанств имел в виду лорд-президент, учитывая, что милиционная система, организационной основой которой лейтенанства и являлись,

---

¹ *Forbes D.* Letter to the Marquis of Tweeddale. Edinburgh, August 8, 1745 // *CP*. P. 205.

² Первое надежное сообщение о прибытии в Шотландию принца Карла Эдуарда Стюарта Данкан Форбс из Каллодена получил 3 августа 1745 г.: *Norman MacLeod* to the Lord-President. Dunvegan, August 3, 1745 // *Ibid.* P. 203–204.

в первой половине XVIII в. теряет былое значение и вновь привлечет внимание правительства только в середине 1740-х гг., в связи с очередным якобитским восстанием и особенно угрозой вторжения французского флота в это время и в годы Семилетней войны (и именно как средство против иностранного вторжения прежде всего)?¹

Архаичный к началу XVIII в. для Англии и большей части Нижней Шотландии характер земельных отношений в Горной Стране наряду с клановыми принципами продолжал, хотя и не столь всеобъемлюще, как пытались представить авторы мемориалов и отчетов, поддерживать военную службу горцев своим вождям и магнатам. В этих

---

¹ Сложности в организации милиционных ополчений в Англии перед угрозой вторжения из Шотландии осенью 1745 г. армии Карла Эдуарда Стюарта, «младшего Претендента», как нельзя лучше демонстрируют то небрежение, с которым к милиционной системе относились в первой половине XVIII в.: *Raikes G.A. Historical records of the First Regiment of Militia: or, Third West York Light Infantry. London, 1876. P. 12–18; McLynn F.J. The Jacobite Army in England, 1745: The Final campaign. Edinburgh, 1983. P. 3–6; только с 1763 г. в Соединенном Королевстве стали обязательными 28-дневные ежегодные милиционные сборы, и лишь к 1778–1779 гг., накануне очередной угрозы французского вторжения, милиционное ополчение вновь достигло внушительной цифры — 40 000 человек (*Brewer J. The Sinews of Power. War, money and the English state, 1688–1783. Cambridge, 1989. P. 32–33*). Организация милиции в самой Шотландии, в особенности в Горной Стране, после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. долгое время оставалась предметом дискуссий, войдя в систему обороны Великобритании от иностранного вторжения только в 1759 г. (в связи с изнурительной Семилетней войной, вынуждавшей отправлять линейные полки за пределы Британских островов) с формированием в 1759–1763 гг. ополчения Аргайла (Арчибальд Кэмпбелл, 3-й герцог Аргайл) и полка Сазерленда (Уильям, 18-й граф Сазерленд) (*Reasons for Extend the Militia Acts to the Disarmed Counties of Scotland. Edinburgh, 1760; The Question relating to a Scots Militia considered. In a Letter to the Lords and Gentlemen who have concerted the form of a law for that establishment. By a Freeholder. Edinburgh, 1760; Consideration on Militias and Standing Armies. With Some Observations on the Plan of Defence suggested by the Earl of Shelburne, and some Thoughts on the Propriety of Military Exercises on Sunday, and on the Necessity of a Scotch Militia. By a Member of Parliament. London, 1782. P. 57–70; Dziennik M. The Fatal Land: War, Empire, and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vol. II. PhD Thesis. University of Edinburgh, 2010. P. 356*).*

условиях патронаж Короны, в том числе через распределение лорд-лейтенантств, приобретал в Хайленде особую значимость. Широко известный случай с тремя сотнями Фрэзеров, ушедших из военного лагеря графа Мара по призыву вождя буквально накануне сражения при Шерифф-муре, 13 ноября 1715 г., служит тому хорошим примером¹.

Отряды местной знати в Горной Стране были не вспомогательным дополнением к армии — они и были армией, формируя в 1715–1716, 1719 и 1745–1746 гг. полки по принципу клановой принадлежности или вассальной зависимости. В этих условиях организация лейтенантств в располагавшихся в Горной Шотландии графствах в буквальном смысле означала (в теории) численное сокращение возможных мятежников в обществе, где каждый взрослый мужчина был обязан военной службой тому или иному вождю или магнату и где почти никто из последних не оставался безразличным к поднимавшимся якобитами частым восстаниям².

Итак, что же на практике представляли собой эти упущенные, по мнению лэрда из Каллодена, к 1745 г. возможности, и были ли они обречены оставаться таковыми в течение всего периода умиротворения Горной Шотландии между крупнейшими мятежами якобитов в 1715–1716 и 1745–1746 гг.? Иными словами, в какой мере оказалась приемлемой и оправданной с точки зрения обеспечения

---

¹ Fraser J. Op. cit. Vol. I. P. 74–75; Ibid. Vol. II. P. 44–45.

² На практике, по мнению специалиста по истории взаимодействия британского современного государства и Хайленда в рамках такого института, как армия, Э. МакКиллопа, именно сотрудничество Лондона с местными сообществами в военной сфере (организация вождями отдельных хайлендерских рот для поддержания законности и борьбы с агентурной деятельностью якобитов в Горной Стране) на фоне продолжавшейся демилитаризации Хайленда, вызванной расширявшийся коммерциализацией экономики края, консервировало, по сути, военную природу традиционных социальных отношений в Горной Стране, обеспечивая получившим офицерские патенты властителям возможность поддерживать благодаря ротации службы в отдельных ротах боеготовность своих вассалов и клансменов (MacKillop A. «More Fruitful than the Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands, 1715–1815. East Linton, 2000. P. 7).

военно-политической безопасности королевства формула расчета степени лояльности и/или мятежности горцев, основанная на учреждении лорд-лейтенантств?¹

Мятеж якобитов в 1715–1716 гг. в первый и последний раз предоставил правительству возможность в деле проверить эффективность лорд-лейтенантств в Горной Шотландии. Уже к октябрю 1715 г. численность сторонников правительства на севере Шотландии составила 1580 человек: 900 милиционеров выставил (как владетельный лорд скорее, чем собрал как обычный лорд-лейтенант, что еще раз подтверждает особый характер набора милиции в Горной Стране) граф Сазерленд, 200 человек — лорд Рей, 300 — клан Манро, 180 — граф Росс, а к середине того же месяца в поддержку Короны поднялись еще 500 Грантов и 120 человек от Форбсов из Каллодена и Роузов из Килрэвока².

Таким образом, в самый критичный (накануне решающей, но нерешительной схватки под Шериффмуром 13 ноября 1715 г.) момент Лондон мог рассчитывать примерно

¹ Обязанности лорд-лейтенантов и их возможное значение в вооруженном противостоянии в королевстве в известной мере раскрываются в типовых инструкциях, призванных сопровождать их мобилизационную милиционную деятельность. При этом инструкции, составленные для лорд-лейтенантов в Шотландии весной 1746 г., почти дословно копируют содержание аналогичных документов, выпущенных в 1716 г. И особое внимание уделялось властями лояльности кандидатов новой династии. Отдельно оговаривалось, что «заместители лорд-лейтенантов и офицеры не обязательно должны быть столь же способны [к воинскому умению], как другие, но должны быть особенно преданы нашему наследованию короны, правительству и быть готовы отстоять протестантскую религию и свои же свободы». Малейшее сомнение относительно верности предполагаемых милиционеров и их возможных командиров четко прописывалось в инструкциях строжайшим запретом на их запись в ополчение графства (*Baynes J. Op. cit. P. 156; Instructions to our Right Trusty and Entirely Beloved Cousin, William Earl of Sutherland, whom We have appointed Our Lieutenant of the Shire of Sutherland. Given at our Court at St James the Day... April, 1746 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,049. P. 216–217; Instructions to our ryt trustie and ryt weell beloved Cousen Jo. Earl of Rothess whom Wee have appointed Lord Livtenent of the Shyre of Abd. Court at St. James, Julie 6, 1716 // HPJP. Vol. I. P. 129–130*).

² *MacKillop A. Op. cit. P. 157–158.*

на 2300 опытных (напомним, милиционеры набирались из таких же клансменов, что и сторонники якобитов) воинов в самом тылу у противника и там, где контроль над местностью имел стратегическое значение, — возле Инвернесса (город запирает единственный удобный проход между восточным и западным Хайлендом на севере Горной Страны)¹. И именно 13 ноября 1715 г. гарнизон сэра Джона МакКензи из Коула в Инвернессе был захвачен утренним штурмом Фрэзеров, Манро и Грантов².

Распределение лейтенантств в 1715–1716 гг. оказалось успешным во многом благодаря тесным дружеским и родственным связям между новыми лорд-лейтенантами, а также их высокому положению в местном обществе и в иерархии «шотландских» чинов. Патронируя немногих, Корона порождала общий интерес и единство усилий союзных вождей и магнатов ради достижения мира и стабильности в Горной Шотландии.

Так, например, из 46 подписантов представленного Его Величеству в декабре 1714 г. адреса с просьбой оправдать лорда Ловэта по обвинению в государственной измене и разрешить ему вернуться в Шотландию в графствах Инвернесс, Морей и Нэйрн один был Грантом (Александр Грант, шериф Инвернессшира и член парламента), один — Форбсом (Джон Форбс из Каллодена, член парламента от округа Инвернесс), один — МакКэем (шериф Нейрншира) два — Кэмпбеллами, два — Сазерлендами, два — Фрэзерами и пять — Роузами (в том числе — Хью Роуз из Килрэвока, шериф Россшира, и Хью Роуз из Килрэвока младший).

Из 32 подписантов такого же адреса в графствах Росс и Сазерленд один был Роузом (вновь Хью Роуз из Килрэвока, шериф Россшира), два были Сазерлендами (в том числе Джон Сазерленд, 15-й граф Сазерленд), восемь подписантов происходили из Россов, тринадцать подписантов

---

¹ Напр.: Map to illustrate the Rising of the 1715; Map to illustrate the Rising of the 1745 // Johnston T.B., Robertson J.A. Historical Geography of the Clans of Scotland. Edinburgh and London, 1899.

² Baynes J. Op. cit. P. 159–160.

принадлежали к клану Манро (в том числе сэр Роберт Манро из Фоулиса, вождь клана Манро, и его сын, полковник Джордж Манро из Калкейна)¹.

Как видим, в адресе фигурируют имена тех же людей, которые менее чем через год составят вооруженное ядро проганноверской партии в Шотландии и укрепят пошатнувшийся трон новой династии. Выказывая расположение некоторым представителям горношотландской знати, Корона получала существенную поддержку кланов приближенных ею вождей, вассалов магнатов Горной Страны, и вместе с тем то влияние, которым последние располагали. В петиции содержалось, например, такое указание на причину, которая должна была бы побудить (и побудила в итоге) Корону даровать лорду Ловэту монаршее прощение: «...когда большая опасность окружает нас, благодаря влиянию [лорда Ловэта] на [свой] многочисленный клан... в защите несомненного права Вашего Величества на корону мы особенно сильны, чтобы поддержать [это право]»².

При этом, имея достаточно ясное представление о расстановке общественно-политических сил в Хайленде (достаточно вспомнить таких информированных агентов правительства в крае, как Форбсы из Каллодена, или отдельные хайлендские роты), Лондон, как видно, разумно сэкономил финансовые и политические ресурсы, благоволя кому-либо из своих сторонников в Горной Шотландии и, таким образом, поддерживая всю партию в целом, учитывая частые и крепкие связи между ее приверженцами в Северной Британии. Герцоги Аргайлы и Форбсы из Каллодена, например, постоянно оказывали друг другу взаимную поддержку и покровительство (Данкан Форбс некоторое время был даже управляющим владениями Аргайлов в юго-западном Хайленде), те же герцоги Аргайлы имели фамильные связи и с графами

---

¹ A Petition to his Majesty, in behalf of Lord Lovat [1714] // CP. P. 336–338.

² Ibid. P. 336.

Сазерлендами, графами Лоадонами, графами Кейтнессами и другими влиятельными сторонниками Ганноверов в Горной Стране¹.

В целом Лондон мог рассчитывать — если, разумеется, верить расчетам такого умножения силы и перспективным планам правительства — на значительную вооруженную поддержку в Горной Стране и пограничных с ней округах. Из 38 крупных вождей и земельных магнатов Шотландии, способных выставить в поле от 500 до 6000 вооруженных клансменов и арендаторов, такой влиятельный владелец Горного Края, как лэрд МакЛеод (1000 человек), сохранил во время мятежа 1715–1716 гг. нейтралитет; более двух десятков герцогов, маркизов, графов, лордов и лэрдов поддержали Ганноверов, и наиболее могущественные из них по числу вооруженных приверженцев располагали землями также в Хайленде и на его рубежах: например, герцог Аргайл (4000 человек), граф Сазерленд (1000 человек), граф Роуз (500 человек), лорд Ловэт (около 1000 человек), лорд Росс (500 человек), лорд Рэй (500 человек), сэр Грант (1000 человек)².

С оружием в руках лояльные горцы поддержали Лондон, как известно, значительно меньшим числом, чем на бумагах. Представляется, что в действительности эти данные скорее отражали потенциальный масштаб мятежа в случае ошибочных действий правительства (по мнению

---

¹ CP. P. IX–X; *Shaw J.S. The management of Scottish Society, 1707–1764: Power, Nobles, Lawyers, Edinburgh Agents and English Influences. Edinburgh, 1983. P. 44–46.*

² *A List of the most considerable Chiefs in Scotland, and the Number of Men they can raise, with an Account of their Disposition for or against the Government [in 1715–1716] // Patten R. The History of the Rebellion in the Year 1715. With Original Papers and the Characters of the Principal Noblemen and Gentlemen Concern'd in it. The Third Edition. London, 1745. P. 191–199.* Другие источники дают несколько иные данные о численности вооруженных вассалов и клансменов в крае во время мятежа 1715–1716 гг., однако их содержание также свидетельствует в пользу потенциально значительных мобилизационных возможностей Лондона в Горной Стране: *Strachan P. An Account of the number of Men the Highland Chieftains and superiors of the several Clans can bring to the field to carry arms [1717] // NAS. MKP. GD 1/616/46.*

авторов мемориалов и рапортов, горцы в таком случае могли поддержать якобитов), чем реальные цифры, демонстрировавшие степень лояльности Хайленда¹.

В таком контексте генерал Уэйд в 1724 г. по-прежнему уверенно числит в рядах сторонников Короны в Горной Шотландии герцога Аргайла, лорда Сазерленда и Стрэтнэвера, лорда Ловэта, Грантов, Россов и Манро, Форбса из Каллодена, Росса из Килрэвока, сэра Арчибальда Кэмпбелла из Кланиса, способных вместе выставить «в поле» 8000 своих вооруженных приверженцев². При этом, следуя отчету генерала Уэйда, «преданные правительству Его Величества джентльмены» примерно равным числом располагались главным образом именно в графствах шотландского севера: Мюррей, Нэйрн, Инвернесс, Росс, Кромэрти, Сазерленд, Кейтнесс³.

Учрежденные для Шотландии в 1715 г. лорд-лейтенантства в то же время не отменялись, а с восшествием на престол Георга II в 1727 г. были составлены новые списки претендентов на лейтенантства: хорошо известные своей вооруженной службой Короне Хью Роуз из Килрэвока — для графств Нэйрн и Кромэрти, Чарльз Росс — для Россшира, Александр Броди — для графства Морей, граф Сазерленд — для графств Сазерленд и Кейтнесс, лорд Ловэт — для Инвернессшира⁴.

¹ Дэниел Сзечи в этой связи обращает внимание на то, что потенциальный масштаб мятежа якобитов в 1715–1716 гг. был гораздо больше, чем в 1745–1746 гг., имея в виду в том числе еще относительно недавнее заключение крайне непопулярной в Шотландии Унии и смену династии на британском престоле в 1714 г.: *Szechi D. 1715: The Great Jacobite Rebellion*. New Haven, 2006.

² The Underwritten Clans belong to Superiors well affected to His Majesty [содержится в: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands*, December 10, 1724] // *HPJP*. Vol. I. P. 144.

³ List of the most Considerable gentlemen who are well affected to his Majesty's Government who inhabit and have Estates in the Counties under mentioned [содержится в: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands*, December 10, 1724] // *Ibid*. P. 145–146.

⁴ *Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison*. Edinburgh, 1970. P. 39.

Вместе с тем нет оснований утверждать, что кто-либо из этих сторонников новой династии действительно являлся между 1715 и 1745 гг. в Горной Шотландии лорд-лейтенантом. Накануне выпуска лейтенантских комиссий Лондон засомневался в правильности сделанного выбора, и когда Чарльз Росс отказался от должности лорд-лейтенанта в Россшире, это послужило удобным предлогом к тому, чтобы остановилось все дело. Нет никаких свидетельств того, что составленные комиссии были когда-либо изданы.

Некоторые лорд-лейтенанты Шотландии, получившие назначение в 1715 г., были еще живы к 1745 г. (как, например, Дэвид Эрскин, 2-й граф Бьюкен из Эрскинов, считавший, правда, при этом свое лейтенантство уже недействительным), но ни один из них не являлся лорд-лейтенантом для графств, простиравшихся в Хайленд¹.

Весной 1746 г. были изданы новые комиссии для лорд-лейтенантов, однако эта мера была призвана содействовать умиротворению Горного Края уже после подавления якобитского мятежа, хотя со времени выступления сторонников «старшего Претендента» в 1715–1716 гг. предполагалось, что основная задача лорд-лейтенантств — предотвращение или подавление восстания в самом начале.

Несколько действовавших единовременно причин привели к подобному развитию событий и отказу от такой политической арифметики Хайленда, которая предполагала широкое военно-политическое сотрудничество с местными элитами. Первая и, видимо, основная заключалась в опасениях правительства делегировать обширные полномочия лорд-лейтенантов вождям и магнатам Горной Страны, чьи ограниченные исключительно количеством клансменов и арендаторов возможности по набору милиционных частей получали, таким образом, правовую основу, обоснованно предполагавшую регулярные сборы вооруженных ополченцев из тех самых горцев,

---

¹ *Mitchison R. The Government and the Highlands... P. 39.*

в отношении которых уже дважды принимались акты о разоружении.

Между тем единственным и в условиях Горной Шотландии шатким гарантом их преданности Короне была бы клятва верности, приносимая милиционерами и их командирами Короне при вручении лейтенантской комиссии новому лорд-лейтенанту. При этом лояльность своему вождю была часто единственным побудительным мотивом для «взбунтовавшихся» горцев.

С другой стороны, недоверие к кланам как рекрутской основе милиции в Горной Стране подкреплялось и усиливалось получившей распространение в первой половине XVIII в. в Соединенном Королевстве (в данном случае с заключением в 1707 г. между Англией и Шотландией унии) такой прочной основой общественно-политических взглядов, как легализм. Здесь, как и в случае с разоружением кланов Горной Шотландии, набор милиционных частей также требовал определенного законного сопровождения.

Однако в данном случае противоречия между представлениями легалистов и реалиями Горной Страны коренились гораздо глубже, чем можно было бы ожидать от обычной организации в располагавшихся в Хайленде и пограничных с ним графствах лорд-лейтенантств. Вручение лейтенантств вождям и феодальным властителям Горного Края означало бы поддержание и сохранение практики наследственной юрисдикции в Хайленде, что в корне противоречило представлениям легалистов о том, что такое для Соединенного Королевства «завершение Унии»¹.

Компромисс в этом вопросе был для них невозможен. Если очевидные преимущества использования клановой организации горцев в наборе милиции ставились Лондоном под сомнение в связи со слабым уровнем контроля возможных лорд-лейтенантов в Горной Шотландии, то для сторонников идеи легализма вооруженную

---

¹ Ibid. P. 44.

поддержку вождей невозможно было принять уже потому, что такая милиция была бы образована не поданными Короны, действующими исключительно в рамках утвержденных законами королевства инструкций, но клансменами вождя, руководимыми правом наследственной юрисдикции¹.

В таких обстоятельствах попытки укрепить британское присутствие в Горной Шотландии с помощью возрождения лорд-лейтенантств в 1744 г., накануне последнего восстания якобитов в 1745–1746 гг., особенно примечательны. Обострение военно-политической и криминогенной обстановки в Горной Стране вслед за выводом 43-го хайлендского полка «Черная стража» из Хайленда в 1743 г. со всей очевидностью продемонстрировало необходимость повторного учреждения в крае лорд-лейтенантств.

И в этом смысле показательны риторические вопросы лорд-президента Сессионного суда Шотландии к государственному секретарю по делам Шотландии в отношении одного из возможных кандидатов на должность лорда-лейтенанта: «Как может действовать законно герцог Гордон [Космо Джордж Гордон, 3-й герцог Гордон и 6-й маркиз Гордон из Хантли], когда он еще не лорд-лейтенант или его заместитель, в графстве, где располагается его войско из горцев? Каким влиянием в интересах Короны он может располагать, когда не может вложить оружие в руки

---

¹ См., напр.: A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland, concerning The Slavish Dependencies, which a great Part of that Nation is still kept under, by Superiorities, Wards, Reliefs, and other Remains of the Feudal Law, and by Clanship. Containing Very good Hints for reforming the Highlands, and preventing Rebellion for the future. First printed at Edinburgh in 1721. London, 1746; An Ample Disquisition Into the Nature of Regalities, and other Heritable Jurisdictions, In that Part of Great Britain called Scotland, as now under the Consideration of Parliament. Addressed to the Consideration of his Fellow Subjects of Scotland. By an English Gentleman. London, 1747; *Lord Grange*. Memorial concerning the Highlanders, Sheriffships, Vassalages and etc. 1 [2,3]. Edr., 14 [21,25] Jan., 1725 // NAS. MKP. GD 124/15/1264/1 [2,4]; *Bland H., Fletcher A.* Proposals for Civilizing the Highlands [вложено в: Lord Justice-Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // AP. P. 480–492.

вассалов (теперь разоруженных)? Чем следует предотвратить его вступление на путь, ведущий к его естественной склонности [«фамилия еще папистская и нелояльная»], так это дать ему полк... и полномочия, которые, как видим, сегодня требуют большего»¹.

Вместе с тем, случай с 3-м герцогом Гордоном служит хорошим примером возможных опасений Лондона относительно выбора лорд-лейтенантов для графств, простиравшихся в Хайленд и ему пограничных. «Еще в 1724 г. управляющий герцога, Гордон из Гленлакета, подвергся нападению МакИнтошей, и даже позже, при наборе главой герцогского дома полков, Гордоны часто испытывали непонимание духа своих хайлендеров-арендаторов и соседей [в Горной Стране]»².

Так и не придя в итоге к окончательному решению, государственный секретарь по делам Шотландии маркиз Туиддейл на протяжении 1744 и 1745 гг. (вплоть до сентября) напрасно перебирал имена возможных кандидатов на лорд-лейтенантские должности в попытке выбрать оптимальное сочетание лорд-лейтенанта и подотчетного графства: Данкан Форбс из Каллодена; Космо Джордж Гордон, 3-й герцог Гордон и 6-й маркиз Гордон из Хантли; сэр Джеймс Грант; Джеймс Грэм, 1-й герцог Монтроз; Уильям Гордон, 2-й граф Эбердин; Кеннет МакКензи, номинальный (отец Кеннета, Уильям МакКензи, 5-й граф Сифорт, лишился титула за участие в якобитском восстании 1715–1716 гг.) 6-й граф Сифорт и вполне реальный лорд Фортроуз; Джордж МакКэй, 3-й лорд Рэй; Арчибальд

¹ *Forbes D.* Letter to the Marquis of Tweeddale. Stoniehill, March 1, 1744 // CP. P. 367.

² *Bulloch J.M.* The Caterans of Inveraven // PSAS. 1926–1927. Vol. 61. P. 210. При этом подобное недопонимание между домом Гордонов из Хантли и его арендаторами-горцами возникало и раньше; так, когда Джордж Гордон, 4-й граф Хантли, призвал в 1562 г., как феодальный властитель, своих арендаторов из МакИнтошей взяться за оружие против королевы Шотландии Марии Стюарт, Малколм МакИнтош, 15-й вождь клана МакИнтош, перехватил своих клансменов, как их вождь, и ополчил против самого графа Хантли (*Smout T.C.* A History of the Scottish People, 1560–1830. New York, 1969. P. 45).

Кэмпбелл, 3-й герцог Аргайл; Джордж МакКензи, 3-й граф Кромэрти; кто-нибудь из Россов или Манро...¹

Мотивы такой нерешительности, если не приписывать все складу характера маркиза Туиддейла, можно, как представляется, усмотреть именно в том, что Джон Хэй, не являясь исключением среди британских политиков, так же как и многие из них, не доверял кланам как возможной основе набора милиционных частей, и непрерывный поиск надежных для шотландских графств лорд-лейтенантов — лучшее этому подтверждение.

Наконец, давнее соперничество шотландских магнатов, корнями уходящее в застарелую, но не забытую потомками межклановую вражду, только усиливало сомнения Лондона относительно преданности Короне возможных лорд-лейтенантов в Шотландии². Оспаривавшие первенство в «шотландских» делах партии были представлены в 1715–1745 гг. непримиримыми лидерами: герцогами Аргалами и герцогами Монтрозами, разделявшими преисполненное взаимной вражды общее прошлое бурного XVII в.³

Говоря образным слогом сэра Уолтера Скотта, «борьба между кланами Кэмпбеллов и Грэмов в течение гражданских войн семнадцатого столетия отмечена обоюдными потерями и закоренелой враждой; смерть знаменитого маркиза Монтроза [Джеймс Грэм, “Великий маркиз Монтроз”], с одной стороны, поражение при Инверлохи и жестокий разгром Лорна [область в юго-западном Хайленде, во владениях Аргайлов], с другой, — таковы были взаимные обиды, которые было трудно забыть»⁴.

¹ *Mitchison R. The Government and the Highlands...* P. 40–41.

² Проблема, о которой генерал-майор Джордж Уэйд, командующий всеми королевскими войсками в «Северной Британии», предупредил еще в декабре 1724 г.: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 138.*

³ *Shaw J.S. Op. cit. P. 43–49.*

⁴ *Scott W. Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor. Glasgow and London, 1893. P. 140–141.*

Неудивительно поэтому, что если герцог Аргайл счел, например, возможным предоставить разорителю герцога Монтроза, Роберту МакГрегору, укрытие в своих обширных владениях, то и его противник в «шотландской» политике счел себя вправе уйти в 1715 г. с должности государственного секретаря по делам Шотландии в порыве раздражения от того, что герцог Аргайл получил лорд-лейтенантство в Дамбэртоншире — графстве, наследственным шерифом которого был как раз маркиз Монтроз¹.

Распределение шерифств в Северной Британии, между прочим, позволяет составить наглядное представление о тех лицах, чьими возможностями и правами Корона могла бы (потенциально, но реально ли?) к 1745 г. воспользоваться при организации милиции в Горной Шотландии. В 1745 г. наследственными шерифами в простиравшихся или граничивших с Хайлендом графствах являлись: для Нэйрна — Джон Кэмпбелл из Кэлдера (Коудор), эсквайр; для Кромэрти — Джордж МакКензи, 3-й граф Кромэрти; для Аргайла — Арчибальд Кэмпбелл, 3-й герцог Аргайл; для Банффа — Джеймс Огилви, 5-й граф Финдлтерри; для Дамбэртона — Уильям Грэм, 2-й герцог Монтроз; для Сазерленда — Уильям Сазерленд, 16-й граф Сазерленд; для Кейтнесса — Джон Синклэйр из Улбстера; для Элгина — Джеймс Стюарт, 9-й граф Мюррей (Морей)².

¹ *Shaw J.S.* Op. cit. P. 53; что же касается прибежища Роб Роя, то, «как говорилось среди горцев, герцог Аргайл “предоставил ему лес и воду”, то есть укрытие, какое давали леса и озера его труднодоступного края...» (*Scott W.* Op. cit. P. 140).

² *The Sheriffs in North Britain // Chamberlayne J. Magnae Britanniae Notitia: or, the Present State of Great Britain; With diverse remarks upon The Ancient State thereof. The Thirty-Six Edition of the South Part, called England; and the Fifteenth of the North Part, called Scotland. To which is added a Compleat List of their Royal Highnesses the Prince and Princess of Wales's Household; as also those of their Royal Highnesses the Duke of Cumberland, the Princess Amelia, and the Princess Caroline. Part II. Book III. London, 1745. P. 30; Balfour J.P. The Scots peerage; containing an historical and genealogical account of the nobility of that kingdom. 1906. Vol. III. P. 78–79; Ibid. 1907. Vol. IV. P. 39; Ibid. 1909. Vol. VI. P. 266–267, 325; Ibid. 1911. Vol. VIII. P. 357–358.*

Из этих возможных кандидатов в лорд-лейтенанты Шотландии только граф Кромэрти после некоторых колебаний принял сторону «младшего Претендента», однако расследование по его делу обнаружило «вынужденный» характер принятого им решения (граф оказался обманут в надеждах на формирование отдельной роты из клансменов для своего старшего сына, Джона МакКензи, лорда МакЛеода, а вскоре был пленен якобитами), и 4 октября 1749 г. Джордж МакКензи, 3-й граф Кромэрти, получил монаршее прощение¹.

Прочие же поддержали правительство, а некоторые при этом выказали особое рвение. Герцог Аргайл и граф Сазерленд, например, убедили короля предоставить им лейтенантства в Аргайлшире и Сазерлендшире если и не по королевским комиссиям, то в качестве наследственной службы, поклялись Короне в верности, и в восстании 1745–1746 гг. милиция Кэмпбеллов и горцев графа Сазерленда были единственными значительными милиционными ополчениями Короны в Горной Шотландии от начала и до конца мятежа (характерно, что первые спустя почти 15 лет после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг. милиционные части в Хайленде будут набраны именно этими вождями и магнатами Горного Края)².

Граф Финдлтерри, со своей стороны, активно снабжал продовольствием армию герцога Камберленда, когда тот подавлял мятеж уже в самой Северной Британии³. При этом в ответ на письмо маркиза Туиддейла к генералу Коупу от 1 августа 1745 г., в котором государственный секретарь по делам Шотландии сообщал, что 5000 мушкетов отправлены в Шотландию и, если герцог Аргайл пожелает, часть оружия можно ему передать, последний

---

¹ *Balfour J.P. Op. cit. 1906. Vol. III. P. 79–80.*

² Герцог Аргайл намеревался выставить в поддержку правительства около 3000 клансменов, а граф Сазерленд (вместе с лордом Рэем) — приблизительно 1800–2000 человек (*Зарницкий Г.С. Указ. соч. С. 139–140; Black J. Culloden and the 45'. London, 1990. P. 99, 138; Speck W.A. Op. cit. P. 124–125; Dziennik M. Op. cit. P. 356.*)

³ *Balfour J.P. Op. cit. 1907. Vol. IV. P. 39.*

известил генерала Коупа, что, пока правительство не сделает это законным, он не посмеет защитить даже себя¹. И этот примечательный факт (вместе с другими) обнаруживает не только стремление элиты Хайленда продемонстрировать близость британским идеям и ценностям, в том числе и легализму, но и реальный милиционный мобилизационный потенциал, доступный Лондону в крае в 1745 г.

Среди назначенных Короной для графств Горной Страны (в том числе пограничных с Хайлендом) шерифов на 1745 г. (для Эбердина — Александр Грант из Грантсфилда; для — Инвернесса — лорд Ловэт; для Росса — Джордж Росс, 13-й лорд Росс) только лорд Ловэт, шериф в Инвернессшире, служа себе, помогал уже с середины 1730-х гг. якобитам². Еще в двух графствах края шерифы занимали свои должности пожизненно: для Перта — Джеймс Мюррей, 2-й герцог Этолл; для — Форфара (или Энгаса) — Дэвид Кэрнейдж, 5-й граф Норзеск³. Оба сохранили во время восстания принца Карла Эдуарда Стюарта в 1745–1746 гг. верность Ганноверам.

При этом общее количество милиционеров, которых теоретически могли выставить в поле вышеназванные союзные правительству вожди и магнаты Горной Страны накануне мятежа якобитов 1745–1746 гг., составляло приблизительно 12 950 человек (герцог Аргайл — 5000; герцог Этолл — 3000; герцог Гордон — 300; Гранты — 850; Фрэзеры — 700; лорд Фортроуз — 1000; граф Кромэрти — 1000; сэр Гарри Манро из Фоулиса — 300; лорд Росс — 300; граф Кейтнесс и Джон Синклэйр из Улбстера — 500)

¹ *Johnstone Chevalier de. Memoirs of the rebellion in 1745 and 1745. Containing a narrative of the progress of the Rebellion, from its commencement of the Battle of Culloden; the characters of the principal persons engaged in it, and anecdotes respecting them. London, 1821. P. 21.*

² *The Sheriffs in North Britain // Chamberlayne J. Op. cit. Part II. Book III. P. 30.*

³ *Balfour J.P. Op. cit. Vol. I. 1904. P. 475–485; Ibid. Vol. VI. 1909. P. 502–503; The Sheriffs in North Britain // Chamberlayne J. Op. cit. Part II. Book III. P. 30.*

из 21 650 горцев, готовых к 1745 г. выступить за своими вождями и сюзеренами¹.

Меньшие, но не менее внушительные цифры дают некоторые современные исследователи: 22 клана (9720 человек) — на стороне «Претендента» в 1745–1746 гг., 10 кланов (8350 человек) — на стороне правительства, причем если измерять богатством, то Лондон были (будто бы) готовы поддержать наиболее процветающие кланы Горной Шотландии².

Такая арифметика «Хайлендской проблемы» на практике означала, что исход противостояния правительства и якобитов в Горной Шотландии определялся не столько спецификой края, будто бы полностью охваченного мятежом (к югу от англо-шотландской границы многие полагали, что пределы пожара восстания шире — вся Северная Британия), сколько грамотной или, наоборот, ошибочной хайлендской политикой Лондона.

В действительности такой простой арифметический подсчет способных, но далеко не всегда готовых встать в строй горцев отражал не только сложности, стоявшие перед правительственными чинами в Горной Стране в процессе ее умиротворения и реформирования, но и открывавшиеся перед ними возможности, учитывая, что эти данные не соответствовали количеству горцев, действительно поднявшихся в 1745–1746 гг. на мятеж³.

Между тем, вторя лорду-президенту Сессионного суда Шотландии, Эндрю Флэтчер, лорд-клерк Сессионного

---

¹ *Forbes D. Memorial Anent to the True State of the Highlands as to Their Chieftains, Followings and Dependances before the Late Rebellion [1745–1746] // Historical Papers. Vol. I. P. 165–175.* Для сравнения: в Равнинной Шотландии в первые месяцы восстания якобитов 1745–1746 гг. в поддержку правительства Георга II Ганновера выступило не более 3000 человек (*Home J. The History of the Rebellion in the year 1745. London, 1802. P. 155.*)

² *Speck W.A. Op. cit. P. 184–185.*

³ Показательно, что такого мнения придерживаются исследователи, исходящие в своих вычислениях из различных оценок и соображений: *Pittock M. The Myth of the Jacobite Clans. The Jacobite Army in 1745. Edinburgh, 2009. P. 69–81.*

суда Шотландии, пишет к тому же маркизу Туиддейлу, государственному секретарю по делам Шотландии, в сентябре 1745 г.: «Шотландия может быть разделена на две части: одна вооружена и другая — разоружена. Под первой я имею в виду Хайленд; и под последней — Лоулэнд. Первая порождает хорошую, возможно лучшую в Европе, милицию; последняя (которой мы с вашим Лордством больше привержены) хотя и граничит [с Горной Страной], однако в малой степени привычна к обращению с оружием»¹.

На первый взгляд, перед нами стереотипное восприятие в королевстве Горного Края. Однако более ценные откровения лорда Милтона содержатся дальше. Из письма мы узнаем, что в Горной Стране и после начала мятежа еще есть лояльные кланы (Кэмпбеллы, Гранты, Манро, МакКэи, Сазерленды) — «Whig Clans», говоря языком лорда Милтона; есть также вожди и магнаты, участвовавшие в восстании якобитов 1715–1716 гг., но ныне хранящие верность правительству Ганноверов («герцог Гордон, Сифорт, сэр Александр МакДоналд и лэрд Маклеод из МакЛеодов»).

При этом «за рамками акта о разоружении [1716 г. при явной аналогии с актом о разоружении 1725 г.] было сделано исключение, при котором по приказу Его Величества и из его арсенала народ созывался и вооружался лорд-лейтенантами графств, после чего они [милиционеры] могли законно носить и использовать оружие такое количество дней или времени, какое было бы определено приказом Его Величества. Это ли, предельно ясными словами закона, не ответ на вопрос вашего Лордства о том, какие полномочия я желал бы видеть делегированными [в Шотландию] для наделения преданных [правительству Его Величества] правами законно встать на защиту персоны Его Величества и правительства?.. Очевидно, что мы, как гражданские служащие [«civil officers»], мало

¹ A. Fletcher to the Marquis of Tweeddale. Edinburgh, Sept. 16, 1745 // Home J. Op. cit. P. 301–302.

можем сделать в подобных случаях [вторжение из-за рубежа и мятеж]... только своевременно и надлежащим образом вооруженные войска короля и его верные подданные могут противостоять врагам правительства во время вторжения»¹.

Настойчивое предложение лорда-клерка Сессионного суда Шотландии государственному секретарю по делам Шотландии вооружить лояльные Короне кланы как верный способ скорейшим образом подавить вспыхнувший в королевстве мятеж, не дав ему разгореться, только еще яснее демонстрирует то противоречие мнений в среде ответственных за умиротворение и реформирование края чинов, которое на протяжении всего периода британского присутствия в Хайленде в 1715–1745 гг. окружало болезненный и запутанный вопрос об учреждении в Шотландии (в Горной Стране в первую очередь) лорд-лейтенантств...

Таким образом, выгоды британского присутствия в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. от совмещения в одних и тех же руках проверенных и надежных приверженцев новой династии власти и полномочий клановых вождей, феодальных властителей и лорд-лейтенантов графств в организации многочисленной и опытной милиции, на первый взгляд, бесспорны и математически точны.

Однако не следует забывать о том, что именно опасения по поводу такой концентрации власти служили главным препятствием к распределению в Шотландии (Хайленде прежде всего) лорд-лейтенантств. В условиях, когда союзные кланы еще не так давно оспаривали власть Короны в Горной Стране и, напротив, враждебные командующему королевскими войсками в Северной Британии, как часто наиболее приметному представителю Соединенного Королевства в Хайленде, горцы в том же недалеком прошлом служили трону в Горном Крае опорой, найти надежного лорд-лейтенанта оказалось

---

¹ A. Fletcher to the Marquis of Tweeddale. Edinburgh, Sept. 16, 1745 // Home J. Op. cit. P. 302–306.

делом чрезвычайно затруднительным¹. Самые взвешенные назначения обязательно содержали в себе зерно непредсказуемости, которое в противоречивых условиях умиротворения Горной Шотландии очень быстро могло дать опасные для новой династии всходы.

Кроме того, имея в виду скорее теоретический, чем практический характер политической арифметики Хайленда и, соответственно, рассуждая о нежелании правительств Соединенного Королевства в 1715–1745 гг. выработать твердое решение по такому важному для британского присутствия в Горной Стране вопросу, как учреждение лорд-лейтенантств, необходимо ясно отдавать себе отчет в том, в каком политическом климате рождались и обсуждались предложения по их организации в Шотландии.

Активное неприятие общественно-политическим мнением Великобритании феодально-клановых основ социальной организации горских сообществ в первой половине XVIII в. и, соответственно, основ милиционных ополчений в Горной Стране также оказывало определенное (хотя и меньшее, учитывая близкое знакомство ответственных за умиротворение края чинов с местной спецификой) влияние на решение вопроса по лорд-лейтенантствам для Шотландии.

Более того, такая ситуация позволяла правительственным чинам рассуждать о потенциальных угрозах

---

¹ Характерный пример: «После счастливого возвращения короля Карла [II Стюарта] мой отец [Кэмерон из Лохила, XVII вождь клана Кэмерон] был наиболее активным в поддержании мира в стране, принуждая мятежников и нарушителей закона к послушанию... В мятеже против королевской особы отца Его нынешнего Величества [т.е. против Якова II (VII) Стюарта], когда Аргайл высадился в Шотландии, а мой отец находился в Лондоне, Тайный совет Шотландии обратился к Его Величеству [Якову II (VII) Стюарту] с просьбой направить моего отца в Шотландию и тем помочь подавить мятеж...» (Cameron of Lochiel, XVIII Chief of Clan Cameron, to the Gentlemen of Clan Cameron. June 24, 1716 // Mackay W. The Camerons in the Rising of 1715: A Vindication of their Leader, John Cameron, Younger of Lochiel. Transactions of the Gaelic Society of Inverness. 1904. Vol. XXVI).

и возможностях, открывавшихся перед Лондоном в Хайленде, не опасаясь, что скрывавшие истинные масштабы мятежности края рекомендации по набору милиции в обозримом будущем будут восприняты властями всерьез, а их авторам придется лично отвечать за военное сотрудничество с местными вождями и магнатами, лояльность которых казалась сомнительной.

«Объединяя два разных народа», или Политика населения в Хайленде

Тем не менее, несмотря на репрессии и настоящий террор, обрушившиеся на Горную Шотландию после победы над мятежниками-якобитами армии Вильгельма Августа, герцога Камберленда, под Каллоденом 16 апреля 1746 г., представление о неоднородности политических пристрастий и рода занятий жителей Горной Страны осталось в основном непоколебленным. Так, например, «в промысляющих воровством землях Гленгэрри, Лохэбера и других можно предложить, несмотря на пожелания их обитателей, временным указом заключить последних в их собственных округах под угрозой наказания за тяжкое преступление, если они будут обнаружены в шести милях за определенными им указом границами без разрешения»¹.

В то же время «является большой ошибкой считать, будто все люди, даже среди Кэмеронов и МакДоналдов, сплошь воры; хорошо известно, что хотя примерно половина из них испытывает отвращение к непопулярной [у них] торговле, они не осмеливаются нарушить закон, и большая часть семейных и имеющих чем прокормиться поднялась [на мятеж] с большой неохотой; а среди других племен едва ли один из двадцати взялся за оружие по собственной воле; так они поступили во избежание

---

¹ Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands... // AP. P. 490.

настоящей порухи»¹. «Бедность и рабство принуждают их к грабежу, и их основной мотив к мятежу — их надежды пограбить... Но как только они освобождаются от бедности и рабского служения вождям, записываясь на службу Его Величеству в хайлендские полки, ни один рядовой в армии не является более рассудительным... более исполнительным... и более верным»².

Шотландские горцы обладали значительным потенциалом, с точки зрения ответственных за их умиротворение чинов, Короны и правительства в Лондоне, особенно в свете нужд и потребностей фискально-военного государства и колониальной экспансии³. Однако его еще предстояло раскрыть, измерив надлежащим способом и описав подходящим образом людские ресурсы Горной Страны. Трудноразрешимая и прежде отложенная властями задача

¹ *Forbes D.* [авторство аналитической записки атрибутируется указанным выше образом; сам документ представляет собой отдельные соображения касательно умиротворения Горной Шотландии; предположительно 1746 г.] // *CP*. P. 285; *Allie W. Memorial Concerning the Disaffected Highlands...* // *AP*. P. 307; под «настоящей порухой» имелся в виду такой известный факт: определенная часть горцев пополняла ряды армий «Претендентов» под угрозой разорения имущества, а наиболее часто приводимый пример — письмо графа Мара к своему управляющему, в котором он откровенно грозит всем своим арендаторам уничтожением жилищ и посевов, если они в самом скором времени не «выступят» с ним в поддержку претензий изгнанных Стюартов (*Erskine J. Letter to John Forbes of Inverau, Bailie of Kildrummy, Invercauld. September 9, 1715* // *Keltie J.S. Op. cit.* P. 428–429).

² *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands...* // *AP*. P. 490.

³ С началом Семилетней войны в правительственных кругах Великобритании все чаще стали говорить о необходимости отказа от дискриминационных мер по разоружению Хайленда, связанных с ограничениями для горцев в отношении военной службы (*MacKillop A. «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815.* East Linton, 2000. P. 45–47; *Hints humbly offered by the Lord Justice Clerk, and some considerable well affected Persons in Scotland, For the Consideration of His Majesty's Ministers, on Occasion of the present critical Conjunction. Edinburgh, 17th March, 1756* [Hints Suggested In Relation to the Raising of 4 Independent Companys in the Highlands of Scotland. 17th March, 1756] // *BL. HP. Vol. CI. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. January 1756 — July 1763. Add. MS 35449.* P. 17–18).

по превращению горцев из мятежников в верных подданных своего короля предполагала особую роль социальной инженерии в процессе масштабного реформирования Горного Края, а в основании этих проектов лежала политическая арифметика.

Долгое время возможности ее применения в качестве аналитического инструмента интеллектуальной колонизации гэльской окраины и решения «Хайлендской проблемы» были ограничены простым арифметическим подсчетом лояльных и враждебных правительству кланменов в связи с несостоявшимся учреждением в Горной Шотландии лорд-лейтенанств (к 1745 г.). Но когда дело «младшего Претендента» было проиграно на Каллоденском поле, Лондон решил свести более близкое знакомство с Горной Страной и ее пока еще совсем не «благородными дикарями», накануне угрожавшими единству королевства и даже империи¹.

По возможности наводнив край солдатами, агентами и управляющими, правительство, пожалуй, впервые получало такую возможность (и, прежде всего, выразило такое желание). Результат себя ждать не заставил, и уже три года спустя здесь была проведена первая и единственная в своем роде крупная операция по сбору, систематизации и политэкономическому анализу статистических сведений о горцах — с пером и бумагой в руках составлена

---

¹ Поскольку противостояние «Великой Британии» и «Великой Франции» вовлекло в конфликт и колонии, то проблема якобитизма кланов Горной Шотландии очень быстро обернулась постоянным потенциальным источником кризиса всей Британской империи в целом. Этот факт представляется еще более очевидным, если учесть возможность расторжения англо-шотландской унии 1707 г., определенно читаемую в манифестах Якова III (VIII) Стюарта в 1715 г. и Карла Эдуарда Стюарта в 1745 г. — программных документах обоих восстаний: *Manifesto by the Noblemen, Gentlemen, and others, who dutifully appear at this time in asserting the undoubted rights of their lawful Sovereign, James VII, by the Grace of God, King of Scotland, England, France, and Ireland, Defender of the Faith, etc. September 9, 1715* // Keltie J.S. *Op. cit.* P. 429–431; *Manifesto of James VIII by the Grace of God, King of Scotland, England, France, and Ireland, Defender of the Faith, &c. August 19, 1745* // Keltie J.S. *Op. cit.* P. 523–525.

и представлена в Лондоне «Горная Шотландия в 1750 г.»¹. Интерпретирующие рамки анализа места, роли и значения этого объемного и содержательного сочинения в политической арифметике Хайленда формируют традиционные и тесно связанные друг с другом вопросы об авторстве, источниках информации, способе ее представления, логике прочтения и путях осмысления.

По мнению Э. Лэнга, опубликовавшего «Горную Шотландию» в 1898 г., автором труда был некий «мистер Брюс», чиновник британского правительства, в 1749 г. привлеченный к инспектированию конфискованных имений в Горной Стране. Кроме того, этот таинственный Брюс фигурирует и как «поверенный двора», состоявший на секретной службе Его Величества в Шотландии в 1754 г., откуда он отправлял рапорты о своих приключениях за подписью «Кромвель». Лэнг замечает по этому поводу, что точно такие же форма письма и сантименты представлены в «Горной Шотландии». Эти обстоятельства, по мнению издателя, позволяют предположить, что Брюс и автор статистического обозрения Хайленда в 1750 г. — это одно и то же лицо, «хотя требуется более убедительное подтверждение»².

И если бы Лэнг внимательно ознакомился с бумагами по шотландским делам лорд-канцлера Филипа Йорка, 1-го графа Хардвика, он без труда бы его обнаружил. Корреспонденция министра содержит несколько писем от Дэвида Брюса, эсквайра, одного из инспекторов конфискованных имений в Шотландии, за август 1749 — июнь 1750 г., из которых явственно следует, что с весны 1749 г. до лета 1750 г. он по приказу лорда Хардвика изучал состояние конфискованных у якобитов имений³. Причем

¹ THS.

² Lang A. Preface // THS. P. vii–viii.

³ David Bruce to the Lord Hardwicke. London, 10th Aug., 1749; same to same. Isle of Skye, 3rd Oct., 1749; same to same. London, 10th May, 1750; same to same. London, 11th May, 1750; same to same. London, 1st June, 1750; same to same. 18th June, 1750; same to same. London, 14th March, 1750; Report of David Bruce, Esq., one of the Surveyors of the Forfeited

отчеты инспектора о состоянии конфискованных у мятежников имений в Хайленде практически не отличимы по структуре, стилистике и содержанию от «Горной Шотландии в 1750 г.», по большей части разнясь (уступая) лишь в географии вошедших в обозрение земель и степени детализации предложений по реформированию Горного Края¹.

Более того, в одном из писем к лорду Хардвику обнаруживаем, что по крайней мере к осени 1749 г. Дэвид Брюс уже занимал пост контролера, ответственного за состояние конфискованных имений в Низинах². При этом служебные обязанности управляющего конфискованными имениями в Горной Стране он к лету 1750 г. уже в течение года исполнял отчасти за собственный счет и даже был вынужден обратиться в Лондон с просьбой о причитающейся ему компенсации³. Характер корреспонденции

Estates in Scotland. 1750; // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. January 1749 — July 1753. Add. MS 35447. P. 21, 33, 69, 71, 81, 85, 89–95, 149.

¹ Отчет посвящен в основном конфискованным владениям Роналда МакДоналда из Клэнроналда, в то время как в «Горной Шотландии в 1750 г.» их описание включено в обозрение земель клана МакДоналдов, однако если сравнить структуру, стилистику и содержание поднятых Брюсом вопросов, то необходимо констатировать, что в обеих работах автор применил один и тот же подход, связанный с представлением сведений о численности горцев в указанных пределах, формах хозяйственной деятельности и уровне экономического развития, языковой и религиозной ситуацией, а также с одинаковым и типичным в данном случае набором мер в области социальной инженерии (организация мануфактурного производства, переселенческая политика, распространение английского языка и протестантской религии и т.д.): Bruce D. Report of David Bruce, Esq., one of the Surveyors of the Forfeited Estates in Scotland. 1750 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs... P. 89–95; THS. P. 42–57, 145–160.

² David Bruce to the Lord Hardwicke. Isle of Skye. 3rd Oct., 1749 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs... P. 33.

³ Same to same. London, 10th May, 1750; same to same. London, 11th May, 1750 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs... P. 69, 71.

наводит на мысль, что и в Хайленде Брюс для Лондона выступал в роли генерального инспектора (имея и опыт, и заслуги в отпращивании этой хлопотной должности как на равнинах, так и в горах), рапортуя «в соответствии с приказами и инструкциями, полученными мной касательно Горной Шотландии, где я счел своим делом быть информированным настолько полно, насколько возможно, относительно всего относящегося к конфискованным имениям»¹.

Источники информации, представленной в «Горной Шотландии в 1750 г.», также указывают на Дэвида Брюса как наиболее вероятного автора этого обстоятельного обзора Хайленда. Самый примечательный пример в этом смысле представляет собой «Мемориал касательно Хайленда», составленный преподобным из Инвернесса Александром Макбиэном в 1746 г.² Уильям Блэйки, опубликовавший этот источник в 1916 г., заметил, что детальное сравнение мемориала и «Горной Шотландии» позволяет утверждать, что они написаны одной и той же рукой (идентичны взгляды, суждения, фразеология). Кто бы ни написал сей манускрипт, как полагал издатель, содержащаяся в нем информация поступила от автора «Мемориала касательно Хайленда»³.

Оба сочинения действительно очень похожи и соотносятся друг с другом по объему, содержательности и логике статистической презентации шотландских кланов и магнатств, структурированности и завершенности выводов о перспективах социальной инженерии в Горной Стране как черновой набросок (мемориал преподобного, 1746 г.) и окончательный текст (обозрение инспектора,

¹ Report of David Bruce, Esq., one of the Surveyors of the Forfeited Estates in Scotland. 1750 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs... P. 89.

² Macbean A. Memorial concerning the Highlands. Inverness, October 10, 1746 // Origins of the Forty-Five and other papers relating to that Rising / Ed. by W.B. Blaikie / Publications of the Scottish History Society. Second series. Edinburgh, 1916. Vol. II. P. 68–92.

³ Blaikie W.B. Preface // Origins of the Forty-Five... P. liii.

1750 г.)¹. Как и в случае с установлением авторства «Горной Шотландии», пролить свет на характер агентурных отношений и текстуальных заимствований Дэвида Брюса и Александра Макбиэна помогает шотландская корреспонденция лорда Хардвика.

Одно из писем инспектора конфискованных имений в Горном Крае королевскому министру содержит два мемориала преподобного Джона МакКолея, священника на о. Южный Юст, в которых он описывает трудности эвангелизации мятежной гэльской окраины даже после разгрома якобитов при Каллодене в 1746 г.² Обращает на себя внимание тот факт, что Дэвид Брюс и Джон МакКолей пишут о роли и значении протестантизма в «цивилизации» Хайленда практически в одних и тех же выражениях, с одних и тех же интеллектуальных и моральных позиций³. Учитывая эти обстоятельства, а также особую роль, которую преподобные в Горной Шотландии играли в сборе агентурных сведений в интересах ответственных за умиротворение края чинов и агентов правительства, можно вполне логично и обоснованно предположить, что «Мемориал касательно Хайленда» 1746 г., вероятно, являлся источником информации для инспектора, а сам он, в свою очередь, был автором «Горной Шотландии в 1750 г.»⁴.

¹ Идентичен не только подход к структурированию материала — в обоих случаях он представлен в рамках описания определяемых географически регионов Горного Края и земель, занимаемых кланами; практически идентичны сами выделяемые в этих сочинениях регионы и клановые земли, а также последовательность их расположения в текстах: *Macbean A. Op. cit.; THS.*

² Copy of a Letter from Mr. John McCaulay [the Minister in the South Uist] to David Bruce, Esq., Surveyor of the Forfeited Estates in Scotland. Ormoclet, 2nd February, 1750; Copy of a Letter from Mr. John McCaulay [the Minister in the South Uist] to David Bruce, Esq., Surveyor of the Forfeited Estates in Scotland. Benbecula, 7th February, 1750 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. P. 151–153.

³ Само письмо преподобного вложено как иллюстрация к комментариям инспектора.

⁴ Подробнее о роли преподобных в организации агентурной деятельности в Горной Стране и сборе статистических сведений см., напр.: *Withers C.W.J. Reporting, Mapping, Trusting: Making Geographical*

Итак, суммируем предварительные данные, которыми мы располагаем, для того чтобы иметь возможность проанализировать составленное в середине XVIII в. статистическое обозрение Горной Страны в широком контексте задуманной правительством социальной инженерии и соответствующих возможностей политической арифметики Хайленда.

Во-первых, сопоставление и анализ источников, связанных с этой «Книгой Страшного суда» для Горного Края, позволяют вполне обоснованно утверждать, что автором «Горной Шотландии» был именно Дэвид Брюс, один из инспекторов конфискованных имений в Шотландии. С одной стороны, он был близок к первым лицам королевства (прямая и откровенная переписка с лордом Хардвиком служит хорошим примером) и в этом смысле достаточно типичен, характерен и, с другой стороны, влиятелен (с точки зрения значения текста в процессе формирования, формулирования и принятия решений по «Хайлендской проблеме»).

Во-вторых, источники информации, которыми Брюс располагал, позволяют обозревать Горную Шотландию в 1750 г. главным образом «государевым оком». Вместо отдельных представителей местных элит, живописавших «политическую анатомию» Хайленда, на поле его политической арифметики после подавления последнего мятежа якобитов в 1746 г. доминировали почти исключительно представители Лоуланда, имея в виду то особое место, которое отводилось в процессе умиротворения края социальной инженерии, в особенности ликвидации феодально-клановых отношений.

Таким образом, установив интеллектуальный, политический и административный контекст статистического

Knowledge in the Late Seventeenth Century // *Isis*. Vol. 90. No. 3 (Sep., 1999). P. 497–521; *Withers C.W.J.* The Social Nature of Map Making in the Scottish Enlightenment, c. 1682 — c. 1832 // *IM*. Vol. 52 (2002). P. 46–66; *Anderson M.* Guesses, Estimates and Adjustments: Webster's 1755 «Census» of Scotland revisited again // *Journal of Scottish Historical Studies*. 31.1. 2011. P. 26–45; а также 2-й параграф главы 1.

анализа решения «Хайлендской проблемы», предложенного Дэвидом Брюсом, следует разобраться со способом представления, логикой прочтения и путями осмысления сведений о горцах, представленных в «Горной Шотландии в 1750 г.». Эти направления внутренней критики источника вполне соответствуют основным интеллектуальным операциям «политики населения» в рамках политической арифметики Хайленда: ранжирование горцев и кланов в соответствии с принятыми критериями цивилизации, военно-мобилизационным и экономическим потенциалом и степенью лояльности Лондону (статистический учет как политический контроль); изоляция горцев от «тиранической власти деспотичных вождей» (превращение клансменов в арендаторов и замена завязанной на местные интересы клановой идентичности на твердый и обезличенный социально-экономический статус); встраивание Горной Страны в экономическую и политическую системы Соединенного Королевства и Британской империи (стимулируемые фискально-военным государством милитаризация, эмиграция и внутренняя колонизация Хайленда).

Прежде всего необходимо еще раз отметить, что с точки зрения жанровой принадлежности «Горную Шотландию в 1750 г.» по внутренней структуре и заявленным в преамбуле целям стоит отнести скорее не к литературе путешествий (хотя по форме и способу организации собранной Брюсом информации о состоянии Хайленда это именно травелог), а к рациональной и рационализирующей государственной статистике, предполагавшей наведение порядка (в конфискованных имениях и признанных «гнездах разбоя»), стандартизацию (в вопросах экономических и моральных «улучшений») и систематизацию (как проектирование социальной инженерии в крае).

В этой связи крайне важно, через какие данные давался портрет мятежной гэльской окраины. Составленное инспектором для лорд-канцлера обозрение края можно рассматривать как своеобразное собрание коллективных биографий горцев, «досье» на лояльные и враждебные

Короне шотландские кланы¹. И это обстоятельство, между прочим, само по себе является свидетельством высокой сопротивляемости края «цивилизации», направляемой Лондоном. «Горная Шотландия в 1750 г.», соответственно, в той или иной форме предоставляла право голоса отдельным представителям местных элит, если их самопрезентация совпадала с тем, как они были представлены автором.

Между тем, учитывая социально-профессиональную принадлежность преподобных агентов Дэвида Брюса, организация обозрения Хайленда по церковным приходам, кажется, была бы в этом случае более логичной и естественной. Именно таким образом Александр Уэбстер, также священник (из Эдинбурга), составил «Обозрение численности населения Шотландии в 1755 г.»². По этой же схеме составил «Статистическое обозрение Шотландии» в 1791–1799 гг. сэр Джон Синклэйр из Улбстера³.

Однако через шестьдесят лет после первого мятежа якобитов 1689–1691 гг. Горная Страна по-прежнему воспринималась в тартановом цвете. Из двух конкурировавших моделей организации пространства изучаемой окраины в аналитическом письме Брюс выбрал основанную на коллективных биографиях горцев. Эта разница в восприятии Горного Края отражает разницу в познавательных

---

¹ Эти «досье», разумеется, отличались от клановых историй Шотландии раннего Нового времени, и если последние отражали частный интерес и стремление выделиться, то первые были призваны служить государственным целям и стремлению властей увидеть каждый клан в ряду других подобных ему этнографических единиц описания и анализа. Для сравнения см., напр.: *Buchanan W. A Historical and Genealogical Essay upon the Family and surname of Buchanan. To which is added A Brief Enquiry into the Genealogy and present State of ancient Scottish Surnames; and more particularly of the Highland Clans. Glasgow, 1723.*

² *Webster A. An Account of the Number of People in Scotland In the Year One thousand Seven hundred and Fifty Five by Alexander Webster One of the ministers of Edinburgh // Scottish Population Statistics including Webster's Analysis of Population 1755 / Ed. by J.G. Kyd. Edinburgh, 1952. P. 3–81.*

³ *Sinclair J. The Statistical Account of Scotland. Draws up from the Communications of the Ministers of the Different Parishes: 21 Vols. Edinburgh, 1791–1799.*

стратегиях его описания до и после окончательного исчезновения якобитской угрозы Великобритании к 1759 г.

В середине XVIII в., в отличие от конца столетия (ценз Уэбстера представляет собой переходный пример, фиксируя по приходам не только численность населения Шотландии, но и военно-мобилизационные возможности Северной Британии в свете разгоревшейся Семилетней войны — окончательный вариант ценза составлен им уже после начала конфликта¹), политическая арифметика Хайленда еще сохраняла черты, сформированные сэром Уильямом Петти, являясь скорее интеллектуальным инструментом внутренней колонизации на службе британского юнионизма (обозрение Брюса), чем позаимствованным в арсенале просвещенных современных европейских империй и королевств способом самоколонизации и проявлением раннего шотландского национализма (обозрение Синклэйра).

Изучение людских ресурсов в Горной Стране, следовательно, служило не только административным целям, в интересах более эффективного развития этой окраины, но и военно-политическим (рекрутирование и ликвидация якобитской угрозы) и социально-экономическим (реформы как сокращение мобилизационных возможностей мятежных вождей).

В этом смысле статистическое обозрение инспектора являлось еще и инструментом для управления политическими и экономическими различиями в Хайленде, переведенными в рамках административной этнографии в этнокультурные термины, связанные с его языковой и религиозной неоднородностью. Перепись кланов в «Горной Шотландии в 1750 г.» позволяла оценить успехи и промахи четырех лет, прошедших после подавления

---

¹ Как полагает Майкл Андерсон, именно по этой причине неподобный Уильям Уэбстер указал численность пригодных к военной службе мужчин в каждом приходе, при этом подсчеты численности всего населения в приходах велись таким образом (от 18 до 56 лет), что число боеспособных мужчин составляло, по его подсчетам, одну пятую населения прихода, что не соответствовало действительности (Anderson M. Op. cit. P. 45).

последнего (как выяснится позже) мятежа якобитов 1745–1746 гг.

Ее результаты были своеобразными вехами на пути строительства нового Хайленда, что было особенно важно в момент подготовки и начала реализации первых актов (о ликвидации наследственной юрисдикции и военных держаний), санкционировавших масштабную социальную инженерию в Горной Стране. Статистика позволяла инкорпорировать в достаточно краткий, но емкий отчет целый набор идей и фактов социальной реальности, в результате обозрение Брюса представляло собой одновременно текст и контекст интерпретации содержания «Хайлендской проблемы» и перспектив ее разрешения.

При этом графы собранных на шотландские кланы «досье», отражавшие их политическую ориентацию, религиозные взгляды, уровень социально-экономического и культурного развития, ничего принципиально нового сами по себе не несли. Особенности развития Горной Страны фиксировались на языке местной культуры и современной политэкономии, включая перекрестные ссылки и взаимосвязанные выводы. В «Горной Шотландии в 1750 г.» речь по-прежнему шла о гендерной и возрастной классификации с традиционным акцентом на выявлении в каждом клане числа «людей, способных держать оружие»; о социально-экономическом статусе горцев (арендатор, тэкмен, вождь, вассал и/или магнат) и масштабах «улучшений», также выражавшихся цифрами, отражавшими демографические и мобилизационные возможности того или иного шотландского клана; о девиантном поведении (грабеж и разбой); о культурно-языковых особенностях (включая подсчет говоривших на «ирландском» и английском языках и их вариациях); о религиозной принадлежности горцев с обязательным указанием линий религиозного раскола внутри каждого клана; об их политической ориентации в связи со всеми предыдущими рубриками¹.

---

¹ THS.

Тем не менее перед нами тот редкий случай, когда форма оказывается в определенной степени важнее, чем содержание. Основное различие между обзором инспектора и предыдущими описаниями горцев заключалось не столько в принципах классификации — во всех известных случаях учитывались аспекты языкового родства и религиозного разнообразия, связь между феодально-клановой системой и лояльностью Короне и правительству в Лондоне, — сколько в используемом масштабе представленных сведений, в степени их детализации.

Поскольку теперь социальный портрет Горной Страны представлял собой собрание коллективных биографий хайлендеров, то их характерные черты и особенности, представая в той или иной вариации как индекс каждого отдельного клана, на практике составляли не столько реальное описание конкретных горцев, сколько модель этого описания, шкалу для сравнения, выражавшегося числом «людей, способных держать оружие»¹.

Такое ранжирование, основанное на математическом анализе феодально-клановых отношений по указанным выше критериям, определяло исходное положение горцев на карте предполагавшихся реформ, отдавая предпочтение хозяйственным протестантам по сравнению с далекими от «улучшений» католиками и/или сторонниками епископальной церкви, а также исходя из соображений военно-политической безопасности королевства и провозглашенных Унией принципов. При этом раз социальный статус во многом зависел от клановой принадлежности, в том числе потому, что сами горцы использовали

---

¹ «В Кейтнесе примерно 1500 человек; но по причине необычайных рабства и бедности среди клансменов свыше половины из них являются собой не более чем жалкие полуголодные создания низкого карликового роста, которых чужестранец едва ли почел бы за жителей Великобритании; так что войско, которое они могут составить, едва ли заслуживает внимания или опасений», а, например, «клан МакКензи, если бы соединился со своим вождем, мог бы подняться числом свыше 3000 человек, однако по причине крайней нужды и рабского состояния клансменов... не более 300 человек пригодны к тому, чтобы взять в руки оружие» (THS. P. 7, 40).

культурные критерии как этнический маркер в диалоге с официальными властями, то для комментаторов, в частности для Дэвида Брюса, клановая принадлежность была знаком социального статуса, синонимом места, занимаемого хайлендером в иерархии «идеального» подданства¹.

Особенно любопытно в этой связи, что ожидаемая от задуманных правительством после подавления мятежа 1745–1746 гг. реформ социальная мобильность горцев, которых предполагали избавить от «тиранической власти» вождей, и изменения в области права, связанные главным образом именно с отменой наследственной юрисдикции, подрывали неподвижный, застывший характер этого воображаемого ранжирования кланов.

Политическая арифметика Хайленда, если иметь в виду, что в Горной Шотландии она продолжила свое бытование в сознании и письме комментаторов в значении, определенном сэром Уильямом Петти (не столько статистическое обозрение, сколько программа социальной инженерии сначала в Ирландии, затем в Горной Стране и заморских колониях), позволяет увидеть, как дискриминационная в устах сторонников «завершения унии» категория «клан», ограничивавшая свободу социально-экономического и политического маневра как горцев, так

---

¹ Особую актуальность этот прием приобрел в Шотландии во время умиротворения Хайленда и искоренения якобитизма после окончательного разгрома мятежников 16 апреля 1746 г. под Каллоденом, когда претензия на «цивилизованность» была призвана обеспечить защиту от королевской армии под началом герцога Камберленда и право на самооборону в связи с враждебным окружением «варварских» кланов, поддержавших изгнанных Стюартов (Memorial of the Justices of the Peace, Deputy Lieutenants and others Proprietors in Argyleshire, conven'd at Inveraray, August 20, 1746; Memorial of the county of Ross. The Representation of the Barons and Free-Holders of the County of Ross to the Right Honourable the Earl of Albemarle Commander in Chief of His Majesty's Forces [in Scotland]. November 15, 1746 // AP. P. 222–224, 313–315). Что же касается Брюса, то инспектор не сомневался, что Кэмпбеллы «в основном честные и религиозные люди», а их вожди всегда отличались «большой мудростью», не то что «МакКензи и другие мятежные кланы», такие как Кэмероны — «бандиты на протяжении многих поколений» (THS. P. 23, 90, 154–155).

и ответственных за их умиротворение и «цивилизацию» чинов, была применена к населению Хайленда в качестве исходной для реформаторских проектов различного рода. Осуждаемая на риторическом уровне интеллектуальной колонизации края, с практической точки зрения феодально-клановая система отношений в «Горной Шотландии в 1750 г.» явилась необходимой составляющей формулы вычисления «идеального» подданного.

С одной стороны, такое ранжирование горцев можно легко оценить в духе постколониальных исследований. С другой стороны, критерии определения «идеального» подданного, связанные с уровнем «улучшений» и «цивилизованности», служили для официальных властей своеобразными маркерами: некоторые горцы уже готовы, а некоторые пока не способны принять участие в построении нового Хайленда¹.

Тем не менее в рамках политической арифметики Хайленда и универсализма Просвещения, на стыке интеллектуального наследия колониальных проектов XVII в. и логики социальных реформ XVIII в. членство в воображаемом сообществе «идеальных» подданных в Горной Стране было открыто для всех.

Таким образом, основная задача обозрения коллективных биографий горцев, созданного инспектором Брюсом, заключалась в выявлении особенностей каждого клана в соответствии с потребностями социальной инженерии в Хайленде. Вообще «Горная Шотландия в 1750 г.» демонстрирует, насколько могли сочетаться друг с другом современные методы познания и традиционное восприятие края.

Особое внимание уделялось динамике «цивилизации» Горной Страны, выявление которой должно было позволить прогнозировать и проектировать смену идентичности горцев и, соответственно, их места и роли

---

¹ Прописывая в обращении к читателю задачи, которые Дэвид Брюс ставил перед собой при составлении обозрения, он, в частности, указывал, что «намерен предложить соображения о том, как наиболее подходящим образом цивилизовать варварских горцев и улучшить их край» (THS. P. 3).

в Соединенном Королевстве и Британской империи. Комментаторы, в том числе инспекторы и управляющие конфискованными именьями, отмечали, что сведения о языке, религии и политической ориентации горцев не всегда совпадали¹. Эта информация должна была позволить в первую очередь выявить изменения в балансе «идеальных» и «с изъянами» подданных Короны в Хайленде (экономически эффективных и лояльных сторонников протестантизма и отсталых и мятежных приверженцев «папизма»).

На 1750 г. соотношение складывалось не в пользу Лондона, однако в более широкой перспективе тенденции носили для властей позитивный характер. С одной стороны, среди верных друзей правительства в Горной Шотландии инспектор насчитывал едва ли более 15 000 человек, в то время как численность «папистов» (потенциальных мятежников в интересах изгнанных Стюартов) в крае он измерял числом в 25 000 человек².

С другой стороны, само состояние всегда готовых к бунту горцев (недостаток цивилизованности и искаженное понимание своих прав и обязанностей) вело к тому, что численность «способных держать оружие» во враждебных Лондону кланах лишь падала. Например, «клан МакКензи, если бы соединился со своим вождем, мог бы подняться числом свыше 3000 человек, однако по причине крайней нужды и рабского состояния клансменов...

---

¹ Так, например, с одной стороны, «обычные люди [Мойдэрта и Эрисэга], хотя и паписты, проклинаят вместе своих принца [Карл Эдуард Стюарт] и вождей, так как чувствуют, что всеми своими бедами [после разгрома якобитов при Каллодене 16 апреля 1746 г.] они обязаны им»; с другой стороны, «Кэмероны похваляются своей твердой приверженностью протестантской религии со времен Реформации, и действительно папистские священники и преподобные установленной церкви в равной мере удивлялись их решимости в этом вопросе; однако они выказали столь мало внимания к какой-либо религии на практике, что их приверженность протестантизму, представляется, являлась частью политического плана Претендента» (THS. P. 68–69, 85).

² Ibid. P. 139–140.

не более 300 человек пригодны к тому, чтобы взять в руки оружие»¹. В результате из упомянутых выше 25 000 «папистов» только 4600 человек были «способны держать оружие», а в мятеже якобитов 1745–1746 гг. их участвовало и того меньше — 3600 «взбунтовавшихся» горцев².

Таким образом, опись кланов, составленная Дэвидом Брюсом и представленная им лорду Хардвику в качестве статистического обозрения Горной Страны в 1750 г., позволяла обнаружить и измерить разницу между масштабами «улучшений» и размахом мятежа в крае в ее социокультурном значении. Выявленный в результате зазор представлял собой широкое поле для реализации различных реформаторских проектов в области социально-экономического, нормативно-правового, административного и религиозного переустройства беспокойной гэльской окраины.

Между тем, хотя приведенные инспектором данные по кланам Хайленда впечатляют, эти цифры и комментарии к ним уходят корнями в более широкий контекст статистических репрезентаций Горной Шотландии, их бытования в правительственных кругах и связи с частными интересами собственников на границах Горного Края. Выявленные Брюсом 4600 «способных держать оружие» и потенциально враждебных Короне горцев почти равны 4900 клансменам, которых вожди еще могли поднять на мятеж, вызывая к принципам клановой преданности и солидарности (по подсчетам лэрда Каллодена)³. А 25 000 «папистов» колеблются между 21 650 горцами, которых до отмены наследственной юрисдикции и военных держаний феодально-клановые отношения обязывали взяться за оружие по приказу вождей или магнатов (позитивная динамика реформ в мемориале лэрда Каллодена), и 28 750 «праздными нищобродоми», готовыми

---

¹ THS. P. 40.

² Ibid. P. 140.

³ *Forbes D. Memorial Anent to the True State of the Highlands as to Their Chieftains, Followings and Dependances before the Late Rebellion [1746-47] // HPJP. Vol. I. P. 174.*

взяться за палаш или мушкет и после законодательной реформы в Хайленде (негативная динамика перемен в комментариях Грэма из Гэртмора)¹.

Лэрды Каллоден и Гэртмор при этом являлись одними из наиболее информированных и заинтересованных агентов правительства². Их мемориалы, посвященные решению «Хайлендской проблемы», обнаружены в том числе и среди бумаг лорда Хардвика³. Интеллектуальный авторитет «Горной Шотландии в 1750 г.», таким образом, опирался на два разных подхода к политической арифметике Хайленда.

Форбс, оставаясь в рамках сформировавшейся за полвека традиции комментирования мятежного состояния Горной Страны, выводил сведения о численности «способных держать оружие» горцев с помощью нехитрого подсчета, слагая показатели предполагаемых мобилизационных возможностей вождей и магнатов⁴.

Грэм в этом вопросе выступил как настоящий преемник сэра Уильяма Петти в Хайленде, двигаясь от расчета общей численности горцев (230 000 человек) через анализ их социально-экономического положения (115 000 из них обречены в настоящий момент на бедность и голод) и военно-политического потенциала (мобилизационные

---

¹ См. соответственно: *Forbes D. Op. cit. P. 172; Graham N. An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh; Glasgow and London, 1822. P. 355–356.*

² См. подробнее 2-й параграф главы 1.

³ *Forbes D. Memorial touching the Bill now depending for Disarming the Highlands [1746–47]; idem. [авторство установлено по почерку, идентичному тому, которым написан вышеприведенный документ] Highland Bill. Memorial [1746–47] // BL. HP. Vol. XX. Correspondence of the Duke of Newcastle. Aug.–Sept. 1745. Add. Ms. 33,049. P. 253–261, 263; Graham N. Memorial relating to the State of the Highlands of Scotland, to be annexed to the Enquiry into the causes of the Insurrections there. 1747 // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 147–150.*

⁴ *Forbes D. Memorial Anent to the True State of the Highlands... P. 172, 174.*

возможности края исчисляются в 57 500 человек) к выявлению содержания «Хайлендской проблемы» (28 750 «способных держать оружие» горцев, находящихся под властью своих вождей и предрассудков, лишенных стабильных и легальных источников заработка и в результате обходящихся обворовываемым собственникам, к которым относился и сам лэрд Гэртмор, в 37 000 ф. ст. в год)¹.

Дэвид Брюс в своем обозрении два года спустя после составления Николом Грэмом сочинения о «причинах беспорядочного состояния Горной Страны» в цифрах отразил свершившиеся и ожидаемые перемены на этой гэльской окраине, указав наряду с численностью готовых выйти в поле горцев демографический потенциал каждого клана и соотнеся эти сведения со статистическими данными о населении Шотландии вообще (о его численности, политических и религиозных пристрастиях).

Соответственно, во всех указанных случаях статистика выступала как способ подкрепить рекомендации по поводу социальной инженерии в Хайленде, которые содержали мемориалы Форбса, Грэма и Брюса. В результате достаточно разнообразное по мотивам участия движение якобитов в Горной Стране представлялось в виде некой унифицированной статистической конструкции и в конечном счете культурного явления (ярким тому подтверждением считались верность вождям и «папистским» священникам) и социально-экономического феномена (феодално-клановые отношения).

Однако, прочитанные по-другому, те же цифры обнаруживают серьезные региональные различия. Дело даже не в том, что кланы, разумеется, различались по численности, уровню благосостояния, религиозным и политическим взглядам, что нашло отражение в «досье», собранных и представленных инспектором в «Горной Шотландии в 1750 г.». Источники, на которые Дэвид Брюс мог опираться и которые так или иначе принимались в расчет правительством при знакомстве с его обозрением, в части,

---

¹ *Graham N. Op. cit.* P. 355–356, 359.

относимой к политической арифметике Хайленда, часто отражали скорее личный опыт автора, который переносился на анализ общей ситуации в Горной Стране¹.

При этом полученные в результате усредненные данные вносили немалые искажения в, казалось бы, ясную картину. То, как Никол Грэм из Гэртмора, а вслед за ним и Дэвид Брюс вольно интерпретировали распределение населения в Горном Крае, имело большое значение для характеристики условий, способствовавших социально-экономическим и политическим переменам на мятежной гэльской окраине.

Отталкиваясь от единственной более или менее реальной цифры — общего количества приходов в Шотландии (в Горной Шотландии, в частности), — далее комментаторы откровенно спекулировали по поводу численности населения в каждом приходе². Брюс насчитывал

¹ Так, для владений Никола Грэма из Гэртмора на «Хайлендском рубеже» основную угрозу представляли МакГрегоры; неудивительно, что легендарные, хотя и противозаконные похождения Роб Роя в его «Исследовании причин, которые способствуют подъему и развитию мятежей и восстаний в Горной Шотландии» не только занимают особое место (треть документа), но и выступают в качестве яркого примера общего состояния законности в Горной Стране (*Graham N. Op. cit. P. 347–355*). При этом военная корреспонденция графа Эбемарла, командующего королевскими войсками в Шотландии в 1746–1747 гг., содержит любопытное письмо его преемника на этом посту генерала Блэнда, в то время командовавшего вместе с лордом Семпилом четвертым из военных округов, на которые была разделена Шотландия, включавшим район к югу от Стирлинга, к майору Роперу: «Мистер Грэм из Гэртмора схватил в своей округе известного мятежника и вора, МакГрегора или МакФерсона... Мистер Грэм настойчиво просит разместить отряд из 30 наших людей в Гэртморе (...на входе в Горную Страну, как меня уверяют), заявляя, что он в скором времени уничтожит это гнездо разбойников, которые все еще вооружены и грабят эту часть страны» (*Humphrey Bland to Major Roper. Stirling, 29 August, 1746 // AP. P. 191–192*).

² Майкл Андерсон, например, полагает, что погрешность в сторону увеличения или уменьшения в подсчетах численности населения Шотландии преподобного Уэбстера составляла: 2% для цифр от 1 до 9 человек, 3% — от 10 до 50, 5% — от 50 до 90, 10% — от 100 до 900 (кроме 500), 10% — для 250 и 750, 15% — для 500, 20% — от 1000 до 9000 (*Figure 2. Assumed accuracies for modeling likely population errors in the Account // Anderson M. Op. cit. P. 41*).

в Шотландии «примерно 1000 приходов, каждый из которых может включать примерно 1500 душ, что приближает число душ в Шотландии к 1 500 000, и это, я убежден, усредненные данные; из них 220 000 могут считаться людьми, способными держать оружие»¹. Лэрд Гэртмор вел учет предметнее: «В Горной Стране примерно 230 приходов... В каждом приходе в среднем 1000 душ и, таким образом, в крае их 230 000... Не менее 115 000 бедные люди, и из них 28 750 крепкие мужчины в возрасте от 18 до 66 лет, способные держать оружие»².

Поскольку политическая арифметика была скорее аналитическим инструментом в руках авторов и творцов социальной инженерии в Хайленде, чем способом его статистического описания, круглые цифры, которыми оперировали Форбс, Грэм, Брюс и другие комментаторы местных реалий, не должны вызывать удивления. Даже если предположить, что степень погрешности в данных случаях сопоставима с расчетами, произведенными, например, преподобным Уэбстером, то в любом случае необходимо признать, что рецепт социально-экономической трансформации края, предложенный инспектором, вырабатывался исходя из необходимости положить конец разбойной и мятежной деятельности представителей вполне определенных кланов во вполне определенных местах беспокойной гэльской окраины³.

Лэрд Гэртмор вообще в этом смысле ограничился двумя конкретными примерами Роб Роя (он же Рыжий Роберт, он же Роберт Кэмпбелл, он же Роберт МакГрегор)

---

¹ THS. P. 136–137.

² *Graham N. Op. cit.* P. 355–356.

³ «Во всех краях, в которых я побывал, люди живут собственным хозяйством и трудом и не более привычны к грабежу, чем [люди] на Равнинах, но как только я проследовал на западное побережье, я прибыл в Нойдэрт, первостатейное гнездо воров и разбойников — МакДоналдов из Глэнгэрри, МакДоналдов из Бэррисдэйла, МакДоналдов из Лохгэрри; неудивительно, что местность, в которой располагается Мойдэрт, сами же горцы прозвали “Хайлендом Хайленда”» (THS. P. 59–67).

и Бэррисдэйла (он же Колл МакДонелл или МакДоналд из Кеппоха, он же Колл МакДонелл или МакДоналд из Бэрэс-дайла или Бэррисдэйла), также при этом предлагая реформировать всю Горную Шотландию как таковую — и это был не случайный выбор, а отражение не только объективных обстоятельств, но и прямой материальной заинтересованности автора, владения которого часто страдали от набегов МакГрегоров¹. Пример этих известных «шотландских лиходеев» выдавался, таким образом, за общую практику, что на самом деле было далеко от реальности.

Если цифры и помогают проследить какую-либо стратегию «улучшений» в Горной Стране и укрепления лояльности горцев Ганноверской династии на британском престоле, то прежде всего они указывают на важность целенаправленной, последовательной, активной хайлендской политики Лондона, которая бы создавала условия, необходимые для реализации различных проектов социальной инженерии в Хайленде.

Однако те же цифры не обязательно свидетельствуют о важности администрирования и реформирования теми способами, с помощью которых осуществлялась эта политика. Впрочем, уже тогда было безоговорочно принято, что повсеместно наблюдаемое социально-экономическое расслоение в местной среде и отказ многих вождей и их кланов от открытой поддержки дела изгнанных Стюартов есть определяющие характеристики горцев, вступивших на цивилизующий путь «улучшений».

На практике это означало, что большинство комментаторов утратило понимание многообразия якобитского движения (присутствовало ли таковое когда-либо?), увлекшись обобщениями по поводу хайлендского «варварства», хотя внимательный анализ показывает, что нередко они исходили как раз из данных по отдельным регионам

---

¹ *Graham N. Op. cit.* P. 347–355; Humphrey Bland to Major Roper. Stirling, 29 August, 1746 // *Albemarle Papers.* P. 191–192; Copy of a Letter to Mr Haldane, his Majesty's Solicitor for Scotland, about the Ravages of the McGregors, from Mr N. Graham. Gartmore, June 30th, 1746 // TNA. SP 54.32 (49B/228–229).

края и кланам (именно так обстоит дело с сочинениями Дэвида Брюса и Никола Грэма из Гэртмора).

В социально-экономическом, политическом и культурном отношении шотландские горцы, конечно, не были едины; единство им придавали лишь обобщения (в том числе в области политэкономики гэльской окраины). Вместе с тем именно такой формализованный подход к решению «Хайлендской проблемы» и являлся сутью политической арифметики Горной Страны, предназначавшейся скорее для расчета формулы успешной социальной инженерии в крае, чем для достоверного статистического обозрения.

В этом смысле неудивительно, что сами реформы, предлагавшиеся авторами сочинений подобного рода, так же как и в случае с цифрами, отражавшими «состояние» кланов, представляли собой во многом лишь ожидавшуюся перспективу перемен, заявленных Лондоном¹. Соответственно в основу реформаторских проектов, связанных с социальной инженерией Хайленда, была положена «политика населения», а меры по «улучшению» морали и быта горцев представляли собой форму ее практической реализации.

Традиции камералистики и полицейских практик регулярного государства раннего Нового времени в этом смысле оказались для британских властей гораздо важнее, чем идейные новации эпохи Просвещения². Вырабатывать же

---

¹ Предположительный и рекомендательный характер комментариев к социальной инженерии в Горной Стране — отличительная черта подавляющего большинства мемориалов, посвященных «Хайлендской проблеме».

² Об этом же в более широком ключе пишет Марк Раев, утверждая, что «практика и интеллектуальные предположения характерной для XVII века формы абсолютизма, выразившиеся в камералистском и полицейском законодательстве, сделали более важный (и более ранний по времени) вклад в дело придания динамичного импульса процессу модернизации общества, чем идеи философов XVIII столетия. Придав этим более ранним стимулам новую риторическую форму, Просвещение, как представляется, было лишь реакцией на вступление Европы на современный путь развития, а не предпосылкой этого процесса» (Раев М. Указ. соч. С. 78).

конкретные направления «политики населения» предполагалось как раз при помощи политической арифметики Хайленда.

Комбинируя различные социальные и экономические, религиозные и этнические, политические и правовые критерии, власти пытались найти приемлемое решение «Хайлендской проблемы» в терминах топографии и статистики, административной этнографии, особых правовых отношений и культурной специфики. Возникновение государства современного типа сопровождалось растущим интересом к подсчету численности населения, когда статистика превратилась в средство отображения королевских и/или имперских реалий, а политическая арифметика являлась программой преобразования этих реалий (таким был британский пример и в Ирландии, и в Горной Шотландии).

Все большее распространение получал взгляд на территорию и население как на совокупность единиц, поддающихся исчислению и классификации («досье» на кланы Дэвида Брюса). Как уже было многими замечено, эта тенденция вписывалась в международный контекст. Статистический подход в деятельности современных европейских государств накладывал глубокий отпечаток на используемые ими методы управления. В XVII–XVIII вв. сформировалась и традиция статистической репрезентации населения. Составление мемориалов, рапортов, обозрений было единственной крупной аналитической операцией, которая обеспечивала все эшелоны администрации сведениями о жителях Хайленда¹.

Статистика шотландских кланов приносила ответы на ряд проблем, связанных с ходом продвижения реформ,

---

¹ Одни и те же комментарии представляли Хайленд ответственным чинам на уровне как военной и гражданской администраций в Шотландии, так и правительства в Лондоне, являясь одновременно руководством к действию на местах для управляющих конфискованными именьями и командиров многочисленных военных отрядов, разбросанных по Горной Стране после военного разгрома якобитов в 1746 г.

образовательной и религиозной политикой, демографическим потенциалом тех или иных кланов Хайленда. На местном уровне она служила более конкретным целям, помогая определять объемы финансирования школ с обязательным преподаванием на английском языке, число протестантских священников и управляющих конфискованными имениями¹. При этом помимо информативной эти комментарии играли и правовую роль, так как фиксировали принадлежность горца к тому или иному клану (если речь идет об обозрениях, составленных до принятия в 1747 г. акта об отмене наследственной юрисдикции), к той или иной социальной группе — рядовым

---

¹ Так, например, Дэвид Брюс предлагал определенные суммы финансирования деятельности преподавателей и учителей приходских школ в Хайленде, исходя из необходимого для успешной евангелизации (важной составной части «цивилизации» края) количества этих приходов, которое, в свою очередь, высчитывалось исходя из установленной численности населения гэльской окраины, а также количества частных хозяйств в конфискованных имениях или на землях Короны вблизи от прихода (THS. P. 154–156). О том же, а также о повышении эффективности судебных преследований в крае (выделение новых судебных округов для заседаний Сессионного суда Шотландии в Горной Стране), исходя из данных о численности населения в каждом приходе, писали и более влиятельные персоны — командующие королевскими войсками в Шотландии и видные представители гражданских властей: *Anne W. Memorial Concerning the Disaffected Highlands* [вложено в: Duke of Albemarle to the Duke of Newcastle. Edinburgh, November 15, 1746] // AP. P. 309; *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands* [вложено в: Lord-Justice Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // AP. P. 487–488, 490; *Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.: of Scotland*. Edr. 25 Janr: 1725. 3. *The Scroll of one sent of the above Duke to the Viscount of Townshend Secretary of State* // NAS. MKP. GD 124/15/1264/4. В то же время Никол Грэм из Гэртмора акцентировал внимание в первую очередь на необходимости изменить характер экономического развития Горной Страны и отталкивался от данных социально-экономического анализа «Хайлендской проблемы» (*Graham N. Op. cit.* P. 355–359). Самый широкий подход к применению выявленных благодаря политической арифметике сведений в процессе социальной инженерии в Хайленде демонстрируют отчеты управляющих конфискованными имениями: *Report to the King by the Commissioners for managing the Annexed Estates in Scotland*. Edinburgh, November 5th, 1755 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,050. P. 433–440.

клансменам, тэксменам, вождям и магнатам (если речь идет о мемориалах, составленных после отмены наследственной юрисдикции и ликвидации военных держаний)¹.

Но, кроме того, статистически организованные данные об экономическом уровне, политической ориентации, этнической, культурной и религиозной принадлежности горцев, как в «Горной Шотландии в 1750 г.», способствовали формированию представления о британской нации, основанного еще и на распределении населения в соответствии с тем или иным уровнем его «цивилизованности». Политическая арифметика Хайленда позволяла властям на конкретном и весьма актуальном (с военно-политической и, несколько позже, с колониально-практической точек зрения²) примере уточнять набор характеристик идеально-

¹ Британское государство в этом смысле пребывало в том же состоянии «поисков населения» на имперских окраинах — фиксации его численности, географии расселения, этнических, культурных особенностей — в административных, военных и фискальных целях, что и другие страны Европы: ср., например, с переписями ясачных народов и подготовкой этнографических карт в Российской империи в том же XVIII в.: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М., 2010. С. 31–32; *Петронис В.* Pinge, Divide et Impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в позднеимперской России (вторая половина XIX века) // *Imperium inter Pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст.* / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М., 2010. С. 309–312; *Slezkine Y.* Naturalists Versus Nations. Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Representations*. No. 47. Special Issue: National Cultures before Nationalism (Summer, 1994). P. 170–195; *Vermeulen H.F.* Early History of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment: Anthropological Discourse in Europe and Asia, 1710–1808. PhD Thesis. University of Leiden, 2008. P. 271–286.

² Фредрик Джонссон пишет о том, что во второй половине XVIII в. многие сторонники политики «улучшений» в Хайленде указывали, что властям следует обратить внимание не на далекие заморские колонии, а на Горную Шотландию, способную стать экономически успешной, самодостаточной с точки зрения военной защиты и лояльной внутренней колонией (особенно актуальной такая риторика стала в связи с Войной за независимость американских колоний от британской Короны) (*Johnsson F.A.* Op. cit.). Справедливости ради следует отметить, что в действительности эти идеи высказывались и прежде, хотя и не занимали особого места в дискурсе «Хайлендской проблемы». Так, Данкан

го подданного — британца, которого власти желали бы видеть в метрополии, колониях и на гэльских окраинах¹. Именно такую работу по конкретизации желаемой британ-

---

Форбс из Каллодена после подавления мятежа якобитов в 1746 г. писал о Горной Стране в контексте колониального сравнения с британскими Индиями, а инспектор конфискованных имений в крае Дэвид Брюс задавался в 1750 г. вопросом: «Разве Британия не вкладывает гораздо большие суммы в колонии за океаном, которые и вполнину не так важны, как цивилизация и улучшения этой части Британии, которая сама так долго досаждала и служила укором народу?» (*Forbes D. Memorial Anent to the True State of the Highlands...* P. 175–176; THS. P. 160).

¹ Подробнее о формировании британской идентичности в контексте истории становления Британской империи см.: *Colley L. Britons: Forging the Nation 1701–1837*. London, 1992; *Clark J.C.D. Protestantism, Nationalism, and National Identity, 1660–1832* // THJ. Vol. 43. No. 1 (Mar., 2000). P. 249–276; *Conway S. War and National Identity in the Mid-Eighteenth-Century British Isles* // EHR. Vol. 116. No. 468 (Sep., 2001). P. 863–893; *Steffen L. Defining a British State. Treason and National Identity, 1608–1820*. Basingstoke; New York, 2001. P. 69–98; *Plank G. An Unsettled Conquest: The British Campaign against the Peoples of Acadia*. Philadelphia, 2001; *Kidd C. British Identities before Nationalism. Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. Cambridge, 2004; *Bergmann M.D. Being the Other: Catholicism, Anglicanism and Constructs of Britishness in Colonial Maryland, 1689–1763*. PhD Thesis. Washington State University, 2004; *Stanwood O.C. Creating the Common Enemy. Catholics, Indians and the Politics of Fear in Imperial North America, 1678–1700*. PhD Thesis. Northwestern University, 2005; *Plank G. Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia, 2006; *McNeil K. Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860*. Columbus, 2007; *Muller H.W. An empire of subjects: Unities and disunities in the British Empire, 1760–1790*. PhD Thesis. Princeton University, 2010. О современном академическом и контекстном историческом понимании категории «подданный» в Великобритании в XVIII в. см.: *Baranger D. Dossier: Citizenship II The Eighteenth-Century Citizen* // *European Review of History: Revue europeenne d'histoire*, 7: 2 (2000). P. 251–259. О понимании подданства в Европе в Новое время см., напр.: *Fahrmeir A., Jones H.S. Space and belonging in modern Europe: citizenship(s) in localities, regions, and states* // *European Review of History: Revue europeenne d'histoire*, 15: 3 (2008). P. 243–253. При этом мы оставляем в данном случае за скобками (хотя, разумеется, имеем в виду) поистине огромный историографический пласт литературы, посвященной проблеме формирования британской идентичности в более узком значении островной идентичности в рамках британского юнионизма. Об историографических особенностях изучения этой проблематики см. подробнее: *Апрыщенко В.Ю.* Указ. соч. С. 24–34.

ской идентичности и административному воображению идеального подданного (одновременно как результат и активный участник колониальной экспансии Лондона) вели комментаторы в Горной Стране.

При этом военные и гражданские чины, ответственные за умиротворение и «цивилизацию» края, и заинтересованные представители местных сообществ также внесли свой вклад в это начинание, в полемике мемориалов и рапортов способствуя, в свою очередь, прояснению образа идеального управляющего и претендуя на то, чтобы быть таковым в представлении Лондона. Этот заочный, а иногда и открытый спор между вождями, чинами и генералами о том, кто лучше справится с решением колониальных и окраинных проблем, во многом был спровоцирован значительной ролью, которую военные сыграли в решении «Хайлендской проблемы». Правительству предстояло взглянуть на хайлендскую политику как на политику кадровую.

Глава 4

РЕФОРМИРУЯ ПЕРИФЕРИЮ: РЕШЕНИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

Для «шотландских» чинов, их агентов и информаторов, Короны и правительства в Лондоне умиротворение и «цивилизация» Горной Шотландии являлись в равной мере и практической (военно-политической, социально-экономической), и теоретической (идеологической, морально-нравственной) проблемой. Вопросы, связанные с политэкономией «Хайлендской проблемы», оказывались неотделимы от общего взгляда на строй цивилизации в Горной Стране, в конечном итоге обосновывая претензии заинтересованных сторон на компетентное управление гэльской окраиной.

Неприязнь британских администраторов к феодально-клановой системе объяснялась не только сомнениями в лояльности многих вождей, магнатов и их вооруженных «приверженцев». Вожди и их «дунье-вассалы» олицетворяли собой тот тип управления, который ставил под сомнение цивилизаторские способности ответственных за умиротворение Горного Края чинов и перспективы заключенной в 1707 г. Англией и Шотландией унии.

Кроме того, Лондон, разумеется, не желал мириться с наличием конкуренции государственной власти со стороны института наследственной юрисдикции и баронских судов. Представление о Хайленде кланов как о заповеднике исторически изживших себя «варварских» норм и традиций отчасти было данью эпохе Просвещения и распространенным стереотипам восприятия горцев. Однако нельзя отрицать подпитывавшейся этим соображением

веры администраторов в Горной Шотландии в модернизационный, «цивилизующий» потенциал Великобритании.

Перенесенные в общебританский контекст, эти идеи развивали небесспорное представление о рядовых кланменах как «естественной опоре» Короны, которым руководствовались самопровозглашенные и назначенные таковыми официально эксперты в области социальной инженерии в Хайленде¹. При таком подходе горцы, обретавшие стараниями реформаторов осознание своей независимости от вождей и магнатов, становились «благонадежными», «полезными» и «лояльными» подданными Соединенного Королевства, объектом снисходительной заботы властей².

Перспективной целью ответственных за умиротворение Горного Края чинов было не уничтожение, а пересоздание горской идентичности на британских началах (при этом протестантизм и лоялизм были минимально возможными требованиями). И многие достаточно ясно (в теории, на страницах многочисленных мемориалов, отчетов и рапортов) представляли себе того «идеального» подданного, к появлению которого должна была в будущем привести их политика.

С другой стороны, следует обратить внимание на внутреннюю противоречивость программ «цивилизации» Горной Страны. Предлагая реформировать социальные отношения, они тем не менее рисовали довольно статичную картину горского общества — аграрного по преимуществу,

---

¹ Такой подход получил особое распространение после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., во многом он был связан с переходом властей к решительным шагам в решении «Хайлендской проблемы». Практически все мемориалы, рапорты и обозрения, составленные после разгрома «младшего Претендента» под Каллоденом, отражают это мнение: см. Приложение 1.

² См., напр., мемориал двух самых деятельных реформаторов в Горной Стране во второй половине 1740-х — первой половине 1750-х гг., командующего королевскими войсками в Шотландии генерала Блэнда и лорда-клерка Сессионного суда Шотландии Эндрю Флетчера: *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [1747] // AP. P. 480–492.*

с ограниченным набором развиваемых форм хозяйственной деятельности (рыболовство, скотоводство, земледелие) и без учета последствий взаимосвязи между миграционными процессами (отбытие горцев в Америку в качестве новых колонистов или рядовых и офицеров хайлендских полков) и новым форматом отношений между вождями и их клансменами (превращение первых в обычных ленд-лордов привело к сгону многих арендаторов с земли в результате политики огораживаний). Идея о нерасторжимой связи горцев с клановыми землями получала слишком большой вес в построениях реформаторов, часто игнорируя принцип экономической свободы (от феодально-клановых отношений), за который они же сами и ратовали¹.

При этом не вполне ясным оставалось место, которое отводилось в перспективе вождям. Несмотря на призыв к предельному ограничению традиционного влияния местной элиты, комментаторы не планировали радикального обновления социальной структуры в Горной Стране, устранения из нее вождей, их «дунье-вассалов» (тэкменов) и «младших вождей». Более того, вплоть до последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. они рассматривались властями как представители местной администрации — весьма своеобразной, но вполне эффективной и очень дешевой с точки зрения казенных расходов на ее содержание².

И даже после разгрома «хайлендской армии» «младшего Претендента», когда первоначальный приступ страха

---

¹ См., напр.: *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [1747] // AP. P. 480–492.*

² Вождей и магнатов долгое время пытались либо назначить ответственными за поведение их клансменов и вассалов (такие идеи сохранил, например, «Акт о кланах», принятый в 1715 г. и, по мнению некоторых исследователей, спровоцировавший представителей местных элит поддержать мятеж 1715–1716 гг.), либо возложить на них ответственность за поддержание порядка в Горной Стране через распределение лорд-лейтенантств и сохранение наследственной юрисдикции: *A Memorial from the Commissioners of Enquiry in Scotland to The Right Honourable The Lord Viscount Townshend, one of His Majesty's Principal Secretaries of State. October 5, 1716 // TNA. SP 54.12 (220B/547–550).* См. также 2-й параграф 3-й главы.

за «революционное устройство» (результаты Славной революции 1688 г.) и протестантское престолонаследие отступил от стен Лондона вместе с бежавшими в шотландские горы мятежниками, оказалось, что для ответственных за умиротворение Горного Края чинов одни из самых удобных партнеров по переговорам в деле решения «Хайлендской проблемы» — это вожди¹.

Таким образом, и до, и после грозного «сорок пятого» (последний мятеж якобитов 1745–1746 гг.) гарантом преобразований реформаторам виделась компетентная и энергичная власть, способная направлять устремления местных элит в нужное Короне и правительству русло. Однако сочетание устойчивой заинтересованности Лондона в решении «Хайлендской проблемы» и влиятельных и способных людей на ответственных должностях в Горной Стране являло себя крайне редко вплоть до высадки в Шотландии 23 июля 1745 г. принца Карла Эдуарда Стюарта. Преуспев в правовой, юридической изоляции (как им казалось, благотворной) горцев от их традиционной социальной элиты после разгрома «младшего Претендента» 16 апреля 1746 г., реформаторы еще должны были обеспечить иные, более действенные источники влияния на эту весьма консервативную и замкнутую среду.

Политики и политика «политики знания» в рамках хайлендской политики Лондона (несмотря на каламбурный характер самой этой фразы) в этой связи привлекают особое внимание. В предыдущих главах речь шла о том, какие характер и формы приобрели интеллектуальная колонизация

---

¹ При этом речь идет не только о лояльных представителях местных элит, поддержавших Лондон и содействовавших герцогу Камберленду и его преемникам в Хайленде в умиротворении и «цивилизации» края, но и о тех прежде поддерживавших якобитов вождях, которые охотно включились в финансово выгодное предприятие по набору хайлендских полков для службы на континенте и за океанами всего через десять лет после разгрома «младшего Претендента» под Каллоденом, с самым началом Семилетней войны (*Dziennik M.P. The Fatal Land: War, Empire and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vols. I–II. Unpublished thesis for the degree of Doctor of Philosophy in History. Edinburgh University, 2010*).

Горной Шотландии и, соответственно, британское присутствие в Горной Стране. Самое время выяснить, почему они приобрели в крае именно такие характер и формы, о которых шла речь в разделах, посвященных географии, этнографии и политэкономии «Хайлендской проблемы».

Необходимо проанализировать механизмы и подоплеку этих процессов на уровне принятия решений по умиротворению Горной Страны. Два вопроса при этом имеют особое значение. Первый связан с инверсиями «цивилизации» Хайленда: почему в заочном споре вождей, чинов и генералов (на страницах мемориалов, отчетов и рапортов, отправлявшихся в Лондон) о том, кто лучше справится с решением «Хайлендской проблемы», победу одержали военные? Второй вопрос состоит в том, каким образом командующие королевскими войсками в Шотландии поддерживали административный авторитет армии «красных мундиров» вплоть до окончательного исчезновения вооруженной якобитской угрозы в Горной Стране к концу 1750-х гг.

§ 1. Идеальный управляющий: инверсии «цивилизации» Хайленда

Редкий специалист рассматривал сочинения правительственных информаторов о положении и умиротворении Горной Шотландии как цельные литературные произведения, имевшие свои определенные задачи. Почти никто не попытался ответить на вопрос: что же хотели сказать авторы в своих сочинениях? Представляется, что сейчас важнее постулировать в качестве объекта исследования мемориалы, рапорты и отчеты «сами по себе», а не как источники правдивой или ложной информации о прошлом одной отдельно взятой кельтской окраины.

Применительно к комментариям «шотландских» чинов необходимо попытаться последовательно поместить их сочинения в контекст биографий авторов, в политический контекст расширения британского присутствия в Горной Стране в первой половине XVIII в., в историко-литератур-

ный контекст жанра аналитических записок и отчетов о положении в Горном Крае и, таким образом, выделить жанровые, актуально-политические и биографические пласты их содержания. Иными словами, понять, как и зачем «сделаны» мемориалы и рапорты «о положении в Горной Шотландии»¹.

Ответы на эти вопросы следует искать и в особенностях презентации своих позиций авторами перед облеченными официальными должностями и полномочиями читателями в Лондоне, и в административной логике и кадровой политике Короны и министров в Хайленде.

В истории решения «Хайлендской проблемы», с точки зрения выбора конкретной программы умиротворения Горного Края, два сюжета занимают при этом особое место, отражая одновременно два важнейших этапа и два подхода к расширению британского присутствия в Горной Стране между 1689 и 1759 гг.

Во-первых, это конкуренция мемориалов и рапортов «о положении в Горной Шотландии» в 1724 г., завершившаяся принятием в качестве практического руководства в хайлендской политике Лондона рапорта командующего королевскими войсками в Северной Британии в 1725–1740 гг. генерала Уэйда.

Во-вторых, это конкуренция мемориалов и рапортов «о положении в Горной Шотландии» после 1746 г., проходившая на фоне стремительного роста авторитета армии в Соединенном Королевстве и Британской империи в целом, нашедшая наиболее яркое выражение в аналитическом наследии и деятельности командующего королевскими войсками в Северной Британии в 1747–1749 и 1753–1756 гг. генерала Блэнда.

---

¹ Формулировка методологического выбора при интерпретации исторического источника обязывает автора отдать интеллектуальный долг исследованиям одного из видных специалистов в области средневековой валлийской истории — Кирилла Романовича Кобрин, адресуя читателя в поисках ответа на возможные вопросы прежде всего к его статье: *Кобрин К.Р.* Имперские книги Геральда Камбрийского // Средние века. Вып. 66. М., 2005. С. 40–52.

Вожди, чины и генералы: армия генерала Уэйда в Хайленде

«Информировать Ваше Величество... также о том, насколько мемориал, переданный Вашему Величеству Саймоном [Фрэзером], лордом Ловэтом, и его замечания в нем основаны на фактах и действительных поступках этих людей» — так начинается один из двух наиболее примечательных и характерных источников об умиротворении Горной Шотландии в первой половине XVIII в. Его автор — генерал Уэйд¹. Фигура генерала Уэйда в сложном процессе умиротворения Горного Края совсем не случайна. Его происхождение, особенности продвижения по служебной лестнице, в целом военный и жизненный опыт сформировали именно тот подход к окружавшей действительности, который и обеспечил Уэйду известность при жизни и почетное место в истории решения «Хайлендской проблемы».

Автор другого источника из указанных двух — Саймон Фрэзер, лорд Ловэт, наследный вождь клана Фрэзер, о котором и говорит генерал, уроженец именно того беспокойного Горного Края, который и был тогда объектом интеллектуальной колонизации ответственных чинов Соединенного Королевства, в свое время единственный горец, мнение которого в Лондоне сочли не только любопытным, но и особенно важным².

---

¹ *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. P. 132–149.*

² *Fraser S. Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh; Glasgow and London, 1822. P. 254–267.* При этом в 1727 г., когда на престол взошел Георг II, вождь Фрэзеров повторил попытку, отправив герцогу Ньюкаслу тот же текст, который он представил прежнему монарху в 1724 г. (с одной-единственной поправкой: автор исключил из мемориала рекомендацию назначить себя и своих сторонников мировыми судьями в родном графстве Инвернесс) (*Fraser S. Memorial concerning the Highlands of Scotland by Simon Lord Lovat. 1727 // TNA. SP 55/220–223*).

Применяя к компаративному анализу отчета генерала Уэйда и мемориала лорда Ловэта контекстуальный подход, попытаемся выяснить, какую роль отводили себе авторы этих сочинений в информационном обеспечении расширения британского присутствия в Горной Стране и почему именно отчет генерала Уэйда стал программным для всего процесса умиротворения Горного Края в первой половине XVIII в.

Особое место среди аналитической литературы, посвященной решению «Хайлендской проблемы», по праву занимает составленное и представленное на имя короля в 1724 г. сочинение лорда Ловэта¹. Само авторство уже выделяет в ряду подобных «Мемориал о положении в Горной Шотландии». Саймон Фрэзер — фигура чрезвычайно примечательная. Впервые будущий лорд Ловэт поставил себя вне закона еще в 1696 г., так что «преданность» изгнанным Стюартам пришлось очень кстати после бегства из родной Шотландии во Францию в 1702 г., где он предложил свои услуги «старшему Претенденту».

В результате участия в подавлении якобитского мятежа 1715–1716 гг. Саймон Фрэзер, лояльность которого, вероятно, никогда не распространялась дальше его собственной персоны, в надежде ускорить законное возвращение на родину отозвал, по праву вождя, почти всех Фрэзеров из лагеря восставших буквально накануне решающего сражения в Шотландии при Шериффмуре 13 ноября 1715 г.

Этот поступок вернул лорду Ловэту (окончательно анноблирован в 1730 г.) не только монаршее прощение, но и наследные владения. Последние еще долгое время служили яблоком раздора между своим новым владельцем и прежним — Александром МакКензи из Фрэзердейла, поддержавшим, в свою очередь, якобитский мятеж. Очень скоро вождь Фрэзеров определил для себя новые ориентиры: решение застарелого наследственно-земельного

---

¹ Fraser S. Op. cit. P. 254–267.

спора и политическая карьера в Шотландии уже при Ганноверах¹.

Между тем к 1724 г. правительство Великобритании вновь обратило пристальное внимание на Горную Страну: в 1722 г. в Англии был раскрыт якобитский заговор Фрэнсиса Эттербери, епископа Рочестера². В это же время ходили упорные слухи о наличии подобных договоренностей между бригадиром Уильямом МакИнтошем из Борлама (попытка схватить которого долгое время не могли увенчаться успехом, а когда бригадира все же задержали, то мятежные горцы освободили его из заточения в блокаузе Развен уже в октябре 1724 г.), Доналдом Кэмероном из Лохила, XIX вождем клана Кэмерон, и Александром МакДоналдом, «юным Гленгэрри», при том что все трое находились не в изгнании, как многие якобиты, но непосредственно в Горной Шотландии³. Имелись сведения о тайном хождении в Хайленде простюартовской корреспонденции бежавшего во Францию графа Мара⁴...

¹ *Fraser J. Major Fraser's Manuscript. His Adventures in Scotland and England; his Mission to, and Travels in, France in Search of his Chief; his Services in the Rebellion (and his Quarrels) with Simon Fraser, Lord Lovat. 1696–1737. Vol. I / Ed. by A. Fergusson. Edinburgh, 1889. P. 72–73, 103–136; Trial of Simon, Lord Lovat of the '45 / Ed. by D.N. Mackay. Edinburgh and Glasgow, 1911. P. 208–209.*

² Лучшее свидетельство серьезности этого заговора — имена адресатов корреспонденции епископа Рочестера: Francis Atterbury to Sir. August 15, 1717; same to the Earl of Mar. December 14, 1717 // Atterbury F. Letters of Francis Atterbury, Bishop of Rochester to the Chevalier de St. George and some of the adherents of the House of Stuart / The Stuart Papers. Printed from the Originals in Her Majesty's Possession. Correspondence. London, 1847. Vol. I. P. 1–2, 11.

³ E. Harris to General G. Wade. Ruthven, October 7, 1724; G. Wade to [предположительно] Viscount Townshend. October 12, 1724 // SPD. P. 252–254; *Mitchison R.* Op. cit. P. 32. Эти три якобита и после «реализации» «Акта о разоружении» кланов Горной Шотландии от 1 июня 1725 г. не оставили агентурную деятельность в интересах изгнанных Стюартов: Letter to General George Wade from Sir Duncan Campbell, Capt. Of one of the Highland Companys. Edinburgh, May 2, 1727 [вложено в: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727*] // HPJP. Vol. I. P. 154; *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727* // Ibid. P. 159.

⁴ *Keltie J.S.* Op. cit. P. 494.

7 марта 1723 г. в одном из рупоров вигской печати, газете «Флаинг пост», было высказано мнение о том, что, несмотря на предпринятые правительством усилия, обитатели Горной Шотландии по-прежнему вооружены и представляют «удобный инструмент» влияния на Соединенное Королевство в руках иностранных держав¹. Появление нескольких записок и отчетов «о положении в Горной Шотландии» на имя короля в 1724 г. представляется в этом смысле весьма показательным².

В этих затруднительных для правительства обстоятельствах Саймон Фрэзер, видимо, решил использовать недостаточную осведомленность Лондона о «Северной Британии», свою дружбу с высшими «шотландскими» чинами и представить себя при коронном правительстве как «эксперта по Горной Стране». Происхождение и новое положение лорда Ловэта в горношотландской среде как нельзя лучше способствовали его позиционированию именно в этом качестве. То, что заложивший основы британского присутствия в Горном Крае на весь период его умиротворения вплоть до конца 1750-х гг. рапорт командующего королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 гг. генерал-майора Джорджа Уэйда явился во многом результатом тайной проверки сведений мемориала вождя клана Фрэзер (вообще, конечно, знаковый показатель доверия к местной элите) — лучшее тому подтверждение³.

Уже сам язык этого документа эпохи обращает на себя внимание тем, как Саймон Фрэзер выступал в роли «эксперта». На литературном английском вождь Фрэзеров указывает в том числе на язык своих клансменов как на «диалект ирландского, понятный лишь им самим»⁴. С самого

¹ *Black J.* Culloden and the 45'. London, 1990. P. 36.

² E. Harris to General G. Wade. Ruthven, October 7, 1724; G. Wade to [предположительно] Viscount Townshend. October 12, 1724 // SPD. P. 252–254; *Mitchison R.* Op. cit. P. 32; *Black J.* Op. cit. P. 36.

³ *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // *HPJP*. Vol. I. P. 132–149.

⁴ *Fraser S.* Op. cit. P. 254–255.

начала мемориал оказывается «шифром» к пониманию реалий Горной Страны, а единственным знающим «ключи» к нему — только лорд Ловэт.

Учитывая, что языком хайлендеров действительно полагали ирландский, а религиозным символом якобитизма — католицизм (бывший в Ирландии, как известно, знаменем сопротивления протестантскому Лондону), англоязычный (как и протестантский) дискурс лишь усиливал роль автора мемориала как проводника в «край мятежа», «становившийся» таким в том числе благодаря полученным в этом сочинении характеристикам.

Достаточно было лишь указать на «мятежную» роль языка Горного Края, а распространенное по ту сторону «Хайлендского рубежа» мнение все прилагало само: «Общение [шотландских горцев] на ирландском языке в большей части страны, на языке, отличном от того, на котором говорит все остальное королевство, имеет большую тенденцию к их объединению; но отделяет их от остальных подданных бесполезной враждой, происходящей от различий в обычаях, что является естественным следствием разницы в языке»¹.

Сюжетная композиция и внутренняя логика текста также подчинены игре роли «проводника», которую на себя принял вождь Фрэзеров. Автор направляет читателя от одной из наиболее характерных особенностей Горного Края к другой, которые можно условно объединить в три группы, каждая из которых призвана сформировать определенное видение Горной Страны.

Первая группа определяет географическое, временное и культурное пространства Горной Страны, располагая Горную Область как можно дальше от предполагаемых

---

¹ Это мнение лэрда Гэртмора, жившего у самого «Хайлендского рубежа», было благодаря набегам горцев, конечно, предвзято, но характерно для представлений о Горной Стране за ее пределами, часто формировавшихся в первую очередь ближайшими соседями края: *Graham N. An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, 1747 // Burt E. Op. cit. P. 363.*

читателей мемориала Саймона Фрэзера: край «горист и практически недоступен всем, кроме его собственных обитателей, чьи язык и платье совершенно отличны от тех, что на Равнинах [Нижняя Шотландия], до нашего дня менее цивилизованный, чем другие части Шотландии, отчего множество неудобств происходит для подданных Его Величества и даже для самого управления»¹. Вождь горного клана сам пишет о Хайленде и Лоуленде как различных частях королевства, и очень соблазнительно предположить, что граница этих двух миров — именно там, где характеристиками края ее обозначил лорд Ловэт.

С другой стороны, пограничные столбы на горно-шотландском рубеже никогда не стояли, эта «граница» всегда была довольно зыбкой и проницаемой. Именно поэтому для Фрэзера очень важно было так представить реальность, чтобы не оставалось сомнений в необходимости его знаний и опыта того, как надлежит действовать в «труднодоступной» Горной Шотландии. В «Горной Стране» лорда Ловэта к этому имелись все основания.

Автор мемориала приводит «два удивительных последствия» особого положения вождей в крае, первое из которых заключалось в том, что он, как наследный вождь клана Фрэзер, «несмотря на изгнание в течение многих лет», по прибытии в Шотландию отозвал из лагеря графа Мара под Пертом, «где стояла армия мятежников» [восстание якобитов 1715–1716 гг.], большую часть своих клансменов, которые, «несмотря ни на что, услышав, что их вождь собирает друзей и людей своего имени в Горной Стране... присоединились к лорду Ловэту... Другим примером послужили те из МакЛейнов, земли которых были поручены за долги управлению дома Аргайлов за 40 лет до этого... однако, несмотря на эти обстоятельства, сэр Джон МакЛейн собрал вместе 400 из них... против войск его Величества, хотя последними и командовал их собственный лендлорд [Джон Кэмпбелл, 2-й герцог Аргайл]»².

---

¹ Fraser S. Op. cit. P. 254.

² Ibid. P. 255–256.

Реальный пример из собственной биографии в контексте «Горной Страны» предложенного монарху мемориала сулил вождю большие дивиденды в крае, «практически недоступном всем, кроме его... обитателей»... и их вождей. Если бы между Хайлендом и Лоулендом вообще не было никаких рубежей, ради этого их стоило бы выдумать и описать.

Необходимую Фрэзеру перспективу видения правительством Горной Страны обеспечило бы, однако, только ее распознавание в рамках британской политической культуры. Эту задачу решал второй набор особенностей социальной и политической жизни Хайленда, отраженный в мемориале. Предложенный лордом Ловэтом концепт края вписывался в политическую систему координат, понятную в Лондоне. Виги и тори обнаруживают в сочинении явную параллель с лояльными и враждебными Короне вождями и кланами Горного Края: правительство вигов «стояло на страже» принципов Славной революции от подозреваемых в симпатиях к якобитам тори так же, как лояльная Лондону партия в Горной Стране — от проякобитски настроенных кланов¹.

В это сопоставление закладывается еще один смысл. В то время как «варварство» горцев («тираническая власть вождей» — наследственная юрисдикция и «набеги» — грабежи, которые эта власть поощряла) с первым же выступлением якобитов в Горной Стране в 1689 г., когда «многие вожди... выступили с оружием против... короля Вильгельма, и, позже, в мятеже против Его Величества [Георга I]», трактуется в «Записке...» как «мятеж» и постоянное «зарубежной угрозы» вторжения на Британские острова с поддержкой от горцев, залогом «лояльности» трону в Горной Стране называется «цивилизация» края².

Изменения в образе жизни хайлендеров (достаточно вспомнить о «разъединяющей» роли ирландского языка и интегрирующей — английского — *lingua franca* британ-

---

¹ Fraser S. Op. cit. P. 257.

² Ibid. P. 259.

цев, постепенно считавших себя уже не только англичанами, ирландцами или шотландцами) приравниваются к политической стабильности в крае и всем королевстве. При этом, способствуя «цивилизации» горцев, британское присутствие в Горной Стране органично «вписывается» и в универсалистский дискурс Просвещения о всеобщем прогрессе, и в концепции шотландских *literati* о природе отсталости их родины в прошлом, повлиявшие на восприятие Шотландии в том числе в Англии¹.

Сведения вождя Фрэзеров поддаются в результате пониманию в контекстах культурных традиций предполагаемых читателей и тем, вероятно, призваны повышать доверие к автору. Последнее усиливается своеобразной коннотацией исторических образов, на которую мы уже обращали внимание, проявлявшейся в изображении горца при первых Ганноверах, очень похожего на ирландца при поздних Тюдорах.

Заключительная часть мемориала подсказывает, что делать Короне и ее правительству в условиях постоянной мятежности Горного Края. Саймон Фрэзер предлагает в данном случае вполне конкретный набор мер по ее умиротворению. Лорд Ловэт отмечает, что «после многих безрезультатных попыток привести Хайленд к более спокойному состоянию» Корона организовала из горцев и под началом «преданных и влиятельных в крае джентльменов» несколько отдельных рот: «Они [служившие в отдельных ротах, набранных в 1690-е гг.] одеты... по образу горцев... говорят на их языке... пользуются их же оружием».

Эти исключительные преимущества, которыми не могли обладать «красные мундиры» армии Георгов, в мемориале вождя Фрэзеров были принципиально необходимыми в умиротворении края. Капитаны этих рот получали поддержку жителей края «благодаря влиянию, которое они [капитаны] над ними имели, от всех друзей в крае,

---

¹ Напр.: Абрамов М.А. Шотландская философия века Просвещения. М., 2000.

и офицеры и рядовые везде находили поддержку от своего племени или фамилии»¹.

Аргументация автора строится и на сравнении. При отдельных ротах грабежи прекратились. Однако к 1716 г. «парламент счел целесообразным выпустить акт о разоружении горцев, что в теории, несомненно, являлось мерой полезной и желанной; однако опыт обнаружил плохие последствия этих усилий: владельцы оружия, сражавшиеся за правительство, считая своим долгом исполнение закона, сдали оружие, в то время как незаконные горцы, изрядно послужившие Претенденту, прекрасно сознавая непреодолимые [явная отсылка к тому, как в начале «Записки...» отражены географические и культурные особенности Горного Края] трудности, встававшие перед правительством при реализации этого акта [о разоружении кланов]... сохранили пригодное оружие, выдав только украденное или испорченное», — «с ликвидацией отдельных рот в 1717 г. грабежи стали совершаться беспрепятственно и без малейшего страха»².

При этом лорд Ловэт избегает явного противоречия между «тиранической властью вождей» и тем, что именно ее он называет основным способом формирования отдельных рот из хайлендеров. Вручение патентов на их организацию вождям и феодальным властителям Горного Края означало бы поддержание и сохранение наследственной юрисдикции в Хайленде, что в корне противоречило представлениям легалистов о том, что такое для Соединенного Королевства «завершение Унии».

Автор мемориала, однако, указывает, что обстоятельства требуют немедленного решения, а потому роты из горцев и переназначение лорд-лейтенантов, также способных сдерживать враждебные Лондону силы в Горной Стране, — временные меры, необходимые здесь и сейчас. Позже, когда придет время, мир будет поддерживаться в крае иначе³.

---

¹ Fraser S. Op. cit. P. 260–261.

² Ibid. P. 262–264.

³ Ibid. P. 262.

Между тем, учитывая, что текст мемориала сконструирован вождем Фрэзеров из связанных логической последовательностью особенностей Горного Края, логично предположить, что каждая из них содержит при этом собственную завершенную мысль, которые вместе образуют основную идею сочинения Саймона Фрэзера. Итак, автор только трижды упоминает в мемориале себя — как «лорда Ловэта»: рассуждая об уникальных возможностях вождей в наборе милиции из собственных клансменов, об отрицательных последствиях акта о разоружении кланов, а также призывая к иному распределению лорд-лейтенантств в графствах Горного Края.

Представляется, что именно эти упоминания определяют основную идею мемориала — неизбежную необходимость сотрудничества Короны с вождями и магнатами Горной Страны. На фоне неудачной попытки разоружить кланы выгоды британского присутствия в Горной Шотландии от совмещения в одних и тех же руках проверенных и надежных приверженцев новой династии власти и полномочий вождей кланов и лорд-лейтенантов графств в организации многочисленной и опытной милиции из собственных клансменов и арендаторов должны были показаться бесспорными и очевидными.

Особенно яркое выражение в мемориале именно этой идеи должно было помочь Саймону Фрэзеру стать лорд-лейтенантом в родном графстве Инвернесс (при этом возглавляя и одну из сформированных генералом Уэйдом отдельных рот). «Я не боюсь всех МакКензи на земле, хотя никто не помогал мне против них, кроме моих собственных Фрэзеров и приверженцев» — так лорд Ловэт отозвался о своей давней вражде с МакКензи из Фрэзердейла в письме к лорду-адвокату Шотландии в 1727 г. по поводу очередного конфликта со своими соседями¹. Едва ли не важнейший в полувоенных условиях Горного Края пост в графстве и право открыто содержать вооруженный

---

¹ Simon Fraser to Lord-Advocate. Inverness, March 2, 1727 // CP. P. 101.

отряд в условиях всеобщего (пусть во многом формального) разоружения позволяли решить давний спор и способствовать политической карьере вождя, инструментом которой «Мемориал о положении в Горной Шотландии», видимо, и являлся.

Удивляя окружающих способностями к языкам и манерами, составившими бы честь своему обладателю и при дворе, и при этом позволяя себе грозить членам собственного клана «огнем и мечом» за неповиновение вождю, лорд Ловэт определенно принадлежал и культуре «Британской Шотландии», и еще не ставшей ее частью культуре Горной Страны — обеим пограничным культурам Северной Британии первой половины XVIII в.

Зная родной Горный Край и имея представление о принятых среди предполагаемых читателей в Соединенном Королевстве традициях, Саймон Фрэзер соединил восприятие в Лондоне края с реальной ситуацией в Горной Стране и, учитывая обе стороны медали, предложил такое видение «Хайлендской проблемы», при котором позиционировал себя как способного ее разрешить (надеясь предложить, в отличие от предыдущих сочинений подобного рода, решение, которое бы Лондон устроило¹). Некоторый набор сведений о Горной Стране правительство, безусловно, имело (в том числе благодаря другим мемориалам и рапортам о положении в Горной Шотландии), а потому основу композиционного решения и риторических стратегий, нашедших отражение в мемориале Саймона Фрэзера, составили не только организация пространства ее текста в виде логической последовательности особенностей Горной Страны и равномерное распределение между ними главной идеи мемориала, но также выбор акцентов и их расстановка.

Эта формула общения с Лондоном — нюансирование и акцентуация при описании известного и свойственного

---

¹ В отличие от мемориала лорда Грэнджа в мемориале лорда Ловэта не говорится ни о ликвидации наследственной юрисдикции, ни о ликвидации феодальных держаний, ни о других мероприятиях, к которым Лондон решится приступить только после подавления последнего якобитского мятежа 1745–1746 гг. (*Mitchison R. Op. cit. P. 32–34*).

ответственным чинам королевства набора образов и символов восприятия Горной Страны до того момента, пока ближе к концу XVIII в. «изобретенный» антиквариями Хайленд (новая версия социальной реальности края, не более близкая к действительности, чем принятая во времена лорда Ловэта) не начнет олицетворять собой культуру Шотландии в целом, — позволяет между тем выявить не только характерные стереотипы восприятия Лондоном самой беспокойной в то время из своих кельтских окраин, но и особенности формировавшейся британской политической культуры, нашедшей своеобразное отражение в мемориале вождя.

Между тем, поскольку в конечном итоге в качестве руководства к действию властями был принят все же рапорт генерала Уэйда, далее необходимо выявить риторические приемы и стратегии убеждения в собственной правоте, которые отличали рекомендации командующего по решению «Хайлендской проблемы».

В 1983 г. известный британский историк Эрик Хобсбаум предложил ученому сообществу довольно любопытную и практичную в исследовательском плане формулу интерпретации культурной истории — «изобретение традиции»¹. Сборник статей с одноименным названием открывал материал не менее известного британского историка Хью Тревора-Рупера о принимаемом ныне многими исследователями «изобретении» Горной Шотландии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (в соответствии с политическими и социокультурными запросами британского общества)².

Между тем в действительности Тревор-Рупер обнаружил не факт «изобретения» Горного Края, но лишь один из этапов этого веками шедшего на Британских островах «изобретательного» процесса. То, что этот этап, действительно

---

¹ The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983.

² Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000. P. 15–41.

характерный для второй половины XVIII — первой половины XIX в., далеко не единственный, демонстрирует нарративная традиция описаний Хайленда в конце XVII — первой половине XVIII в. — первое «изобретение» Горной Шотландии в Соединенном (с 1707 г.) Королевстве до ее «изобретения» интеллектуальными героями изысканий Х. Тревора-Рупера¹.

Такое конструирование Хайленда в письме комментаторов при этом носило персональный, а потому очень неоднозначный характер. Это обстоятельство приобретает особый смысл, если учесть, что «цивилизация» Горной Шотландии до подавления восстания якобитов 1745–1746 гг. на практике оказывалась скорее компромиссом противостоявших друг другу в Хайленде сторон, чем его действительным умиротворением. По-своему интерпретируя причины такого положения вещей, «шотландские» чины вольно или невольно знакомили Лондон не столько с реалиями Горной Страны, сколько с версиями наблюдаемой ими в крае реальности. Разумеется, такими «авторскими» комментариями являлись и отчеты о положении в Горной Шотландии генерала Уэйда².

«Ваше Величество соблаговолили повелеть направить меня в Горную Страну Шотландии и продолжить исполнение ряда указов и инструкций, которые были мною получены от Его прежнего Величества» — так генерал Уэйд последовательно оказался на службе у двух королей, двух первых Георгов из дома Ганноверов. В результате рапорты командующего о службе в Шотландии неизбежно представляли собой определенную ревизию собственных усилий, затраченных на умиротворение Горного Края между

¹ Стоит отметить, что эта проблематика шотландской истории в широком смысле уже становилась предметом отдельных исследований, напр.: *McNeil K. Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860. Columbus, 2007; Rackwitz M. Travels to Terra Incognita: The Scottish Highlands and Hebrides in Early Modern Travellers' Accounts. C. 1600 to 1800. Münster, 2007; Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности XVIII — первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008.*

² *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131.*

двумя крупнейшими якобитскими мятежами, в ходе которых армии «Претендентов» на британский престол дважды вторгались походом «на Лондон» из Шотландии в Англию — в 1715–1716 и 1745–1746 гг.

В этой ситуации легко предположить (и, добавим, логично), что если генерал Уэйд желал, чтобы его идеи были услышаны в Лондоне, то ему стоило бы использовать эту возможность представить себя перед ответственными чинами в максимально выгодном свете. И, вероятно, именно поэтому не стоит удивляться, что в рапортах генерала Джорджа Уэйда «О положении в Горной Шотландии» кланы Хайленда «разоружались», набранные среди «лояльных» горцев роты «формировались», форты «строились», а военные дороги «прокладывались»; и именно так, как это предполагалось в его первом же рапорте от 10 декабря 1724 г.¹ В данном случае, однако, особый интерес вызывает другое — то, как генерал Уэйд писал о своих «успехах» и почему он писал о них именно так.

Итак, прежде всего необходимо отметить, что фигура генерала Уэйда в сложном процессе умиротворения Горного Края совсем не случайна. Будущий знаменитый генерал Уэйд родился в Танжере в 1673 г. в семье майора Джерома Уэйда из Килэвэлли, участвовавшего вместе с Оливером Кромвелем в высадке на «Изумрудном острове», за что и получившего позже небольшое ветеранское владение, а в 1661 г. в составе Танжерского полка Генри Мордаунта, графа Петерборо, отплывшего также в майорском чине охранять приданое жены Карла II Стюарта Катарины Браганзы (Екатерины Португальской)².

¹ *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 146–149; Idem. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. P. 289–316; Idem. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 150–165.*

² Джордж Уэйд от рождения был связан с военной и колониальной историей Англии, затем Великобритании, проведя первые десять лет своей жизни в осажденном арабами английском анклаве в Северной Африке (вплоть до эвакуации гарнизона в 1684 г.). Подробнее о танжерском этапе в биографии генерала Уэйда см.: *Chantrey D. George Wade, 1673–1748. Torr's Park; Ilfracombe; Devon, 2009. P. 17–22.*

Джордж рано понял, что единственным институтом, способным ему с его третьестепенными правами на наследование имения — он был третьим и младшим сыном в семье — и скромными размерами последнего предоставить возможность карьерного роста и изменения своего положения в обществе, была армия, в которую он и поступил еще в 1690 г. Личный профессионализм при таком положении дел прежде всего прокладывал путь к карьерным вершинам, и то упорство и быстрота, с какой они брались Уэйдом, — лучшее свидетельство его способности к военному делу. Век войн, начавшийся для стран «британского архипелага» сразу вслед за Славной революцией, несомненно, способствовал быстрому продвижению по служебной лестнице целеустремленных и способных офицеров, и Уэйд здесь не стал исключением, закончив Войну за испанское наследство генерал-майором не только по должности, но и по опыту.

Для такого человека умиротворение Горной Шотландии как первейшей угрозы пребыванию первых Ганноверов на британском престоле было тем шансом с двойным результатом, когда, провалив возложенную монархом ответственную миссию, можно было либо все потерять, либо, напротив, выполнить указание и так утвердиться на достигнутых высотах и, может быть, занять положение рангом выше¹.

---

¹ Карьера генерала Уэйда в Горной Шотландии имела своим результатом членство в Тайном совете короля и звание генерал-лейтенанта с 1742 г., пост фельдмаршала во главе британо-австрийских войск во Фландрии в 1743–1744 гг. и командование королевскими войсками в Англии в острый период вторжения из Шотландии осенью 1745 г. армии «младшего Претендента», прочную заботами о мире в Горном Крае память, наследство в 100 000 ф. ст., упоминание в одной из версий национального гимна «Боже, храни короля» и памятник в Вестминстерском аббатстве (A List of all the Lords and others of His Majesty's most Honourable Privy Council // Chamberlayne J. Magnae Britanniae Notitia: or, the Present State of Great Britain; With diverse remarks upon The Ancient State thereof. The Thirty-Six Edition of the South Part, called England; and the Fifteenth of the North Part, called Scotland. To which is added a Compleat List of their Royal Highnesses the Prince and Princess of Wales's Household; as also those of their Royal Highnesses the Duke of Cumberland, the Princess Amelia, and the Princess Caroline. Part II. Book III. London, 1745. P. 31).

В том выборе, который за Уэйда сделал сам суверен, можно и нужно было полагаться лишь на собственный опыт и знания (основанные на стереотипах, но также еще эмпирические), и именно поэтому рекомендации этого командующего королевскими войсками в Северной Британии представляют в данном случае самый живой интерес. Пристальное внимание к ним важно в то же время уже потому, что именно генерал Уэйд заложил основы британского военного присутствия в Горной Стране на весь период ее умиротворения вплоть до конца 1750-х гг.

Далее привлекает особое внимание тот факт, что и во втором, и в третьем рапортах (1726 и 1727 гг., следовавших вслед за рапортом 1724 г.) генерал Уэйд предстает перед своей целевой аудиторией — теми людьми, которые и определяли политику Лондона в Горной Стране, — как практик, в действии. Его предложения и предположения проходят (на страницах рапортов и донесений командующего) проверку в конкретных условиях мятежа, заговоров и угрозы вторжения на Британские острова иностранной державы. Эти вызовы, ставшие для нового престолонаследия уже традиционно «хайлендерскими», должны были найти самый живой отклик в Лондоне¹. Успешный опыт их нейтрализации означал бы не только укрепление положения командующего королевским войсками в Шотландии, но и оправдание предпринятых мер и мер предстоящих (именно политическая конъюнктура

---

¹ В четырех из пяти выступлений сторонников обездоленной Славной революцией династии Стюартов между 1689 и 1746 гг. горцы Шотландии приняли самое значительное участие: *Leven and Melville papers*; *Baynes J. The Jacobite Rising of 1715. London, 1970. P. 138–152*; *Millae A.H. The Battle of Glenshiel, 10th June 1719. Note upon an unpublished document in the possession of His Grace the Duke of Marlborough // PSAS. 1882–1883. Vol. 17. P. 63*; *Qoeries sent to Mr. Patullo, Muster-Master of the Rebel Army in the Year 1745, with his Answers // Home J. The History of the Rebellion in the year 1745. London, 1802. P. 331*; *McLynn F.J. The Jacobite Army in England, 1745: The Final campaign. Edinburgh, 1983. P. 24–25.*

этих вызовов — в основе всех предложений генерала Уэйда)¹.

Еще одно замечание, необходимое для понимания назначения рапортов генерала (с точки зрения самого Уэйда): значимость и результативность усилий новой администрации оттеняется тем, что командующий не столько продолжает, сколько начинает заново умиротворение Горного Края, говоря о «малой эффективности» мер, принятых правительством при подавлении мятежей якобитов в 1716 и 1719 гг. Это же замечание, по сути, расширяет круг ответственных за умиротворение Хайленда лиц, к которым теперь можно отнести как генералов Уильяма Кэдогэна, Джозефа Сэбайна, Джорджа Карпентера и Джозефа Уайтмена, командовавших королевскими войсками в Шотландии в 1716–1724 гг., так и прежних лидеров вигов, смещенных новым (с 1721 г.) первым министром сэром Робертом Уолполом.

Таким образом, недочеты генерала Уэйда — это в той или иной степени еще и просчеты предшественников; успехи нового командующего — это прежде всего успехи генерала Уэйда². Такую позицию не следует воспринимать исключительно как попытку Джорджа Уэйда скрыться под маской благовидности и обезопасить свою репутацию, подтверждая соответствие занимаемой должности. Построение «успешного» дискурса рапортов служило, вероятно, еще и риторическим приемом, призванным обеспечить идеологической поддержкой реальные цели генерала в умиротворении Горного Края. Три основные, на его взгляд, проблемы присутствуют в каждом

---

¹ Горцы предстают «готовым инструментом» в руках иностранных держав (в большей степени здесь речь о Франции, в меньшей об Испании, косвенно (но все же) о России) во всех отчетах генерала: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands*, December 10, 1724 // *HPJP*. Vol. I. P. 136–137, 146; *Idem. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland*, in 1725. January 31, 1726 // *Burt E. Op. cit.* P. 299–300, 312; *Idem. Report, &c., relating to the Highlands*, 1727 // *HPJP*. Vol. I. P. 152, 158.

² *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands*, December 10, 1724 // *HPJP*. Vol. I. P. 136–137.

из отправленных в Лондон рапортов: разоружение, организация отдельных рот из горцев на службе Короны, военное строительство и гарнизонная служба «красных мундиров».

Итак, относительно темы разоружения в рапортах присутствует явная тематическая прогрессия: что было (к 1724 г.) — что сделано (в 1725–1726 гг.) — что есть (к 1727 г.): «беззаконие» — «разоружение» — «цивилизация». Силу убеждения в правоте автора рапортов призваны обеспечить лукавые цифры: количество лицензий на ношение оружия, выданных в те же 1724–1727 гг. Ежегодно командующий в Шотландии выдавал свыше 200 лицензий на ношение оружия отдельным горцам (в основном гуртовщикам и торговцам) «для самозащиты и охраны собственности»¹.

Между тем эта цифра, например, немногим уступала численности одного из самых беспокойных кланов Горного Края — клана МакГрегор (300 горцев этого имени принимали участие в мятеже 1715–1716 гг.)². На этом фоне своевременное появление в беспокойном крае поддельных лицензий в том же 1725 г. изрядно способствует пониманию «перспектив» акта о разоружении кланов Горной Шотландии (1725 г.) в умиротворении этой гэльской окраины в 1725–1740 гг.³ Что значило разоружение

¹ 230 лицензий на два года (до 1 августа 1727 г.) — в 1725 г., 210 лицензий на три года (до 1 августа 1730 г.) — в 1727 г. и, разумеется, далее: Wade G. The Form of Licence for carrying Arms. Inverness, August 1725 // Burt E. Op. cit. P. 323; *Idem*. Report, &c, relating to the Highlands. December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 161

² Baynes J. Op. cit. P. 59; анонимный автор «The Loch Lomond Expedition with some Short Reflections on the Perth Manifesto. Glasgow, 1715», в которой МакГрегоры приняли самое деятельное участие, также в основном подтверждает эту цифру: Sinclair-Stevenson C. Inglorious rebellion. The Jacobite risings of 1708, 1715 and 1719. London, 1971. P. 199–203.

³ О нарушении положений акта о разоружении поддельными лицензиями на ношение оружия уже в 1726 г. упоминает лорд-адвокат Шотландии: Duncan Forbes to Achnagarn. Edinburgh, December 1, 1726 // CP. P. 98–99.

кланов Горной Стране при таких обстоятельствах, пожалуй, можно полагать вопросом вполне риторическим.

У этой темы разоружения при этом имеется свой особый подтекст: фактически непременным условием разоружения горцев называется амнистия — по сути, соглашение с местными вождями кланов и магнатами, облачаемое генералом в форму «прощения» Коронай их вин (амнистия) и прикрытое генералом теми самыми лукравыми цифрами.

Этот же подтекст сопровождает соображения генерала о наборе рот из лояльных Короне горцев для службы в Горной Стране. Эти роты играют важную роль в умиротворении края в 1725–1727 гг., и без их формирования были бы затруднительны другие успехи. Следовательно, сотрудничество с «проявляющими лояльность» вождями и кланами в этой сфере, по мнению генерала, возможно и необходимо (вновь — компромисс с местной элитой)¹.

Наконец, военное строительство и гарнизонная служба «красных мундиров» в Хайленде. Все рапорты командующего по большей части раскрывают именно этот аспект умиротворения Горного Края. Наблюдается обратная ревизия генералом собственной деятельности в крае: теперь речь идет не о том, что уже сделано, а о том, что еще предстоит выполнить в рамках британского присутствия в Хайленде.

В рапорте 1727 г. генерал Уэйд впервые совершенно четко высказывает мысль о том, что «цивилизация» Горной Страны возможна именно под сенью фортов

---

¹ Понимание перспектив, открывавшихся перед командующим королевскими войсками в Северной Британии в связи с возможностью сотрудничества с вождями, в руках которых и находилась власть над «вооруженными силами» Горного Края (над своими вооруженными клансменами), превратило признание неизбежной необходимости амнистии, прикрытое фразами о военном сотрудничестве, в один из доминирующих дискурсов во всех отчетах генерала Уэйда: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 139; Idem. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. P. 303–305, 312–314; Idem. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 159–160.*

и благодаря военным дорогам — они и «откроют» этот край для заложенных англо-шотландской унией в 1707 г. новых принципов британской идентичности¹. Разоружение при этом создает только условия для «цивилизации» Хайленда. И вне зависимости от того, насколько этот подход утопичен (те же военные дороги, например, в экономическом плане оказались невыгодными) и до какой степени Лондон был готов его реализовывать, именно он составлял суть взглядов генерала Уэйда на логику расширения присутствия Лондона в Горной Стране.

В этом — важнейший итог ревизорской деятельности командующего королевскими войсками в Северной Британии: обеспечение безопасности и преследование проявлявших особую активность якобитов — основные цели усилий генерала в Горной Стране (как они были изложены в рапорте 1724 г.), в рапортах 1726 и 1727 гг. приобрели свою перспективу — в «цивилизации» края, предполагавшей в том числе постоянное присутствие регулярной королевской армии в Хайленде.

При этом генерал Уэйд достаточно четко ограничивает круг своей компетенции. В своих рапортах он почти не касается работы местной гражданской администрации (лорд-лейтенанты, мировые судьи, шерифы), а его поведение в ходе возмущения налоговой политикой Лондона в городах Шотландии в 1725 г. демонстрирует ясное понимание им связи юридических процедур и применения армии при подавлении гражданских беспорядков (что, впрочем, ожидаемо, учитывая, что генерал был еще и членом парламента)². В отчетах присутствует и понимание разных задач королевской армии в Горной Стране и на Равнинах: в Лоуленде армия призвана поддерживать деятельность

---

¹ Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 162.

² Долее всех занимавший пост командующего королевскими войсками в Шотландии генерал Уэйд заседал в парламенте в 1715–1722 гг. от Хиндона и в 1722–1748 гг. от Бата (*Judd G.P. Members of Parliament. 1734–1832. Hamden, 1972. P. 366*).

гражданских чинов, в Хайленде гражданская администрация призвана поддерживать усилия армии¹.

Таким образом, генерал Уэйд вместо того, чтобы признаться в неспособности решить «Хайлендскую проблему» в короткие, приемлемые для Лондона сроки (возникший в 1724 г. интерес властей к событиям в Хайленде продержался не более года), предпочел, разумеется, изложить в рапортах свою версию местных реалий. Вместе с тем именно она доктринально должна была обеспечить ту часть программы умиротворения Горного Края, которая, судя по ее наибольшей детализации в рапортах командующего и дальнейшим мероприятиям в Горной Стране, видимо, представлялась генералу самой существенной.

При этом стремление перевести ситуацию в Хайленде в британские понятия о законности в королевстве и лояльности трону и дому Ганноверов не означало подмену генералом верного по сути анализа военно-политического разделения в крае и полувоенной активности на его рубежах привычными в Соединенном Королевстве представлениями. То, что Северная Британия на не чуждом Уэйду политическом языке Великобритании была «ввергнута» «рабским служением вождям», «грабежами», «разбоями» и, наконец, «мятежом» в «состояние анархии и смятения», отражено в рапортах так же, как и причины этих «недостатков» и способы их «исправления» (пусть и в британских политических терминах).

Понятным Короне и правительству и принятым в холлах Вестминстера языком командующий настойчиво защищал свой порядок решения «Хайлендской проблемы», во многом руководствуясь той же формулой общения

---

¹ Именно этими соображениями о необходимости сопровождения военных операций на территории Соединенного Королевства в мирное время законными актами и руководствовался генерал Уэйд, поддерживая решение о принятии акта о разоружении как легальной основы для вооруженных усилий «красных мундиров» в Горной Шотландии: *Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. P. 290–303. См. также: George Wade to the Provost and Magistrates of the City of Glasgow. Falkirk, 9th July 1725 // TNA. SP 54.14.45B. L. 204.*

с Лондоном, что и лорд Ловэт. И таким образом опыт службы в Северной Британии находил компромисс с политической школой «шотландских» чинов.

Это последнее обстоятельство позволяет, между прочим, утверждать, что особенно важные для Великобритании военно-административные посты в Шотландии, в том числе и пост «командующего всеми королевскими войсками, гарнизонами и фортами в Северной Британии», удерживались людьми, вполне компетентными в содержании британского интереса в Горной Стране. Дальнейшие затруднения (в связи с последним мятежом якобитов 1745–1746 гг.) будут вызваны не столько просчетами «шотландских» чинов, сколько недостатком их влияния на принятие решений относительно хайлендской политики в Лондоне.

Особо необходимо отметить при этом тот факт, что автор не ограничился простым пересказом опыта своих предшественников в Горной Стране в информировании Короны об особенностях службы в горах. Основные положения программы генерала во многом повторяют рекомендации, высказанные еще в 1690-е гг.¹ Уэйд также в основном выражает идею необходимости присутствия постоянной армии в Горной Шотландии, взяв за основу широкое военное строительство и военное сотрудничество в крае.

Однако генерал перетолковал эти представления на свой лад, предложив принципиально иные масштаб задач и способы их разрешения. Речь шла не только о строительстве и укреплении фортов, но также о создании надежной дорожной сети, способной связать форты и блокгаузы Короны в Горной Стране и обеспечить надежный доступ в край королевским полкам; не только о сохранении института отдельных рот из горцев в деле поддержания мира в Хайленде, но и о новых принципах их набора и службы;

---

¹ *Forbes D. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution // CP. P. 14–18; Mackenzie G., Forbes W., Campbell C. Report of the Committe anent the Peace off the Highlands, 1699 // HPJP. Vol. I. P. 1–3.*

не только о распределении «шотландских» должностей верноподданным жителям Горной Шотландии, но и об учете всех проявлений лояльности и Стюартам, и Ганноверам в выстраивании системы британского присутствия в Горной Стране (в данном случае через назначения на ответственные за военную и криминогенную обстановку в крае должности мировых судей и лорд-лейтенантов).

Более того, под влиянием очередного, но гораздо более широкого, чем прежде, выступления горцев на стороне якобитов в 1715–1716 гг. к этому же времени формируется представление о необходимости предварительного разоружения кланов Горной Страны как обязательной основы всех остальных мероприятий по ее умиротворению. Между 1715 и 1745 гг. особенно содержательно и оптимистично шотландские кланы «разоружались» в рапортах все того же генерала Уэйда¹.

Учитывая, что первой официально заявленной задачей командовавшего королевскими войсками в Северной Британии являлась именно эта мера, указанное обстоятельство не вызывает удивления². При этом вновь видна определенная преемственность с прежними планами — своеобразным аналогом вооруженной и верной Короне части подданных в Горной Стране предполагаются отдельные хайлендские роты³.

Можно предположить, что в течение примерно четверти века, с 1689 г., Лондон на практике искал нужные подходы к решению «Хайлендской проблемы» и рапорты генерала Уэйда явились в некотором роде заключением

---

¹ Один из наиболее ярких примеров: «Никакое оружие не находится сейчас в Горной Стране, кроме как по разрешению Вашего Величества» (*Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 159*).

² «Произвести точное и аккуратное расследование эффективности прошлого акта о разоружении горцев и обезопасить лояльных и верных подданных Вашего Величества» (*Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 132*).

³ *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 140*.

к этим поискам, сохраняя актуальность вплоть до окончательного умиротворения Горной Страны к концу 1750 гг.

Итак, выяснив характерные особенности презентации вариантов решения «Хайлендской проблемы», предложенных лордом Ловэтом и генералом Уэйдом, можно вернуться к вопросу об административной логике и кадровой политике Короны и министров в Хайленде — сопоставить мемориал вождя и рапорт командующего для того, чтобы выяснить, почему Лондон принял как руководство к действию (по крайней мере на официальном уровне) программу умиротворения Горной Страны, предложенную генералом Уэйдом.

На заинтересованный характер мемориала лорда Ловэта указывалось уже не единожды. С другой стороны, представление об ангажированности мемориала слабо способствует пониманию того, почему в Лондоне при принятии решений в отношении Горного Края руководствовались рапортом генерала Уэйда. Сам рапорт — всего лишь отражение реалий Горного Края? Версия вождя Фрэзеров, пересказанная британским командующим? Новая «реальность» Горной Страны, отличная от изображенной в мемориале лорда Ловэта? При ответе на эти вопросы имеет практический смысл сравнительный анализ изучаемых текстов. В этих целях в качестве критерия для сравнения целесообразно обратиться к повторяющимся в мемориале и рапорте темам.

Во-первых, это географические, социально-экономические и политические «карты» Горной Страны, предложенные лордом Ловэтом и генералом Уэйдом. Вождь Фрэзеров, определяя географическое, временное и культурное пространства Горной Страны, располагает Горный Край как можно дальше от предполагаемых читателей мемориала (Горная Шотландия рисуется им как самая настоящая «*Terra Incognita*» — труднодоступная географически, чужая и непонятная культурно и лингвистически, а потому опасная уже политически, будучи источником постоянного беспокойства для официальных властей с точки зрения криминогенной обстановки и угрозы восстания).

Между тем в рапорте командующего сообщается не столько о «труднодоступности» Хайленда, сколько о его

конкретных, вполне измеряемых и конечных параметрах¹. В последнем случае уместно говорить о типичном примере присваивающего дискурса. В рапорте совершенно ясно указано на связь между присутствием Короны в Горной Стране и предпринятым генералом «изучением» беспокойного края.

Вторая дублируемая Уэйдом тема — социокультурные практики жителей Хайленда. Акцент в обоих сопоставляемых отчетах сделан на наиболее значимых с точки зрения умиротворения Горного Края характеристиках: «тираническая власть вождей» — наследственная юрисдикция, и «набеги» — грабежи, которые эта власть поощряла. Однако если лорд Ловэт не приводит особой конкретики и в его мемориале это лишь пример, призванный подтвердить прежние выкладки автора, то генерал Уэйд, напротив, излагает особенности грабежа («черная рента») в Горной Стране весьма обстоятельно². Такая обстоятельность, в свою очередь, позволяет прийти к любопытному выводу, о котором, впрочем, открыто не говорится: в воровстве замешаны все жители Горного Края — либо в том, что берут, либо в том, что платят «черную ренту» (в том числе и клан Фрэзер с вождем).

Далее авторы анализируют роль и значение разоружения кланов Горной Шотландии после восстания якобитов в 1715–1716 гг. и деятельность рот, набранных из союзных короне хайлендеров. По мнению лорда Ловэта, «благие намерения обернулись дурными последствиями», так как разоружились только лояльные кланы. Его вывод — необходимо восстановить распущенные в 1717 г. отдельные хайлендские роты³. Генерал Уэйд в этом случае в заочный спор не вступает, а «лишь» уточняет причины роспуска этих рот — коррупция и слабая лояльность Короне, делая вывод о безусловной необходимости нового всеобщего разоружения⁴.

¹ Fraser S. Op. cit. P. 254; Wade G. Op. cit. P. 132–133.

² Fraser S. Op. cit. P. 264; Wade G. Op. cit. P. 133–137.

³ Fraser S. Op. cit. P. 263.

⁴ Wade G. Op. cit. P. 137–138.

Затем информаторы Короны излагают свое видение проблем местного управления в Горной Стране. В мемориале Фрэзер настойчиво убеждает сделать основной фигурой в их решении лорд-лейтенантов¹. Лорд Ловэт исходил из того, что его предложение соединить в руках одних и тех же сторонников новой династии в Хайленде возможности и полномочия вождей кланов и лорд-лейтенантов графств с точки зрения повышения их мобилизационных возможностей по привлечению в милицию своих клансменов и арендаторов на фоне провальных мер по разоружению горцев в предыдущие годы должно быть встречено в Лондоне более чем благосклонно. Рапорт генерала Уэйда предлагает иное решение — расширение возможностей и полномочий мировых судей и военных губернаторов фортов, не связанных с местным окружением Горного Края².

Наконец, авторы рекомендаций обращаются к логике вооруженного сдерживания мятежных кланов и к вопросу эффективности регулярной королевской армии в Горной Стране. В результате предлагаются прямо противоположные решения. Лорд Ловэт видит оппозицию сторонникам Стюартов в Горном Крае в клановой же организации — среди лояльных Ганноверам горцев, мотивируя это предложение неэффективностью «красных мундиров» в специфических условиях Хайленда³. Генерал Уэйд, в свою очередь, предлагает расширить британское присутствие в Горной Стране, повышая эффективность регулярных частей строительством фортов и прокладкой через Горный Край военных дорог⁴.

---

¹ *Fraser S. Op. cit. P. 265–267.*

² *Wade G. Op. cit. P. 138, 143.*

³ *Fraser S. Op. cit. P. 264–265.*

⁴ Вслед за ясно выраженным в отчете осознанием труднодоступности для «красных мундиров» Горного Края командующий королевскими войсками в Северной Британии выдвигает 11 первостепенных «предложений» по умиротворению края, из которых 5 имеют самое непосредственное отношение к военному строительству в Горной Стране; еще 2 — опосредованное, но военные дороги, форты и блокаузы вновь упоминаются как принципиальная необходимость (*Wade G. Op. cit. P. 139–143*).

Сравнение этих повторяющихся тем, таким образом, позволяет понять, как на то, о чем писал в своем мемориале лорд Ловэт, смотрели из Лондона (через призму рапорта генерала Уэйда). Однако вопрос о том, почему Лондон доверился программе умиротворения Хайленда, составленной командующим королевскими войсками, а не местным вождем горного клана, подтвердившим лояльность Короне личным и весьма решительным участием в подавлении мятежа 1715–1716 гг., остается открытым.

Вопрос создания картины — это почти всегда еще и вопрос ее восприятия. В отличие от лорда Ловэта, генерал Уэйд рисует такую картину Горного Края, которая предполагает, что местные лидеры — не единственный возможный источник опоры Короны в Горной Стране. Основой своего присутствия в Горном Крае Лондон может выступить сам — с помощью регулярной королевской армии, опирающейся на военные дороги и форты в Хайленде. В этом свете набранные среди лояльных кланов роты — только поддержка военного присутствия, а не его основа.

Таким образом, командующий королевскими войсками в Северной Британии не предлагает, в отличие от вождя Фрэзеров, довериться ему и «будь что будет» (вероятно, поэтому умиротворение Горной Страны ему и доверили). Напротив, закрашивая на социально-политической «карте» Хайленда и лояльные, и враждебные Лондону силы одним — «тартановым» — цветом, генерал Уэйд советует опереться на британские общественные и государственные институты регулярного, фискально-военного государства Европы первой половины XVIII в., а не на клановые (от использования которых в достижении поставленных целей он, впрочем, не отказывался¹).

В результате рапорт генерала Уэйда предлагал принцип «разделяй и властвуй», за который в своей записке

---

¹ Перечень лояльных и враждебных Короне кланов Горного Края, приведенный в отчете генерала и, очевидно, предполагавший (и предлагавший) использование такой расстановки военно-политических сил в Хайленде Лондоном, служит лучшим тому подтверждением (Wade G. Op. cit. P. 143–146).

ратовал лорд Ловэт, заменить принципом «баланса сил», при котором Лондон имел бы перспективу постепенного, но постоянного усиления и расширения присутствия в Горном Крае, пока оно не станет там доминирующим.

Такая заранее предполагаемая постепенность при этом подтверждается источниками. В рапорте 1724 г. пока еще отсутствовала явная конструктивная составляющая: все рекомендации генерала в основном сводились к мерам по защите лояльных и преследованию враждебных Короне жителей Горного Края. Однако в конкретных условиях 1724 г. (и прежде всего речь идет о степени готовности Лондона к решительным мерам по решению «Хайлендской проблемы») набор мер, предложенный Уэйдом, похоже, был оптимальным — максимум возможного в той ситуации.

Фактически рекомендации командующего в крае явились своеобразным компромиссом между крайностями двух других аналитических сочинений этого рода — лорда Ловэта и лорда Грэнджа, лорда-клерка Сессионного суда Шотландии, предлагавших либо довериться местным обществам (в первом случае), либо пойти на самые решительные шаги, к которым Лондон окажется вынужденно готов только с подавлением последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. По целому ряду причин к этим вариантам решения проблемы мятежности Горной Страны правительство в 1724 г. обращаться не собиралось.

Лорд Грэндж обещал Чарльзу Тауншенду, государственному секретарю Северного департамента в 1721–1730 гг., составить мемориал о положении в Горной Шотландии летом 1724 г., то есть примерно тогда же, когда в Горную Страну с разведывательными целями был отправлен генерал Уэйд. Очевидно, правительство рассчитывало оперировать информацией, полученной из разных источников.

Однако Джеймс Эрскин отправил виконту Тауншенду пространные и пугавшие министров масштабами предлагаемых реформ мемориалы только зимой 1724/25 гг. К этому времени на столе короля уже лежал рапорт фактически назначенного командующим королевскими войсками

в Шотландии генерала Уэйда, практически полностью следовавший инструкциям монарха в порядке сообщаемых сведений (впрочем, составленным во многом исходя из информации, представленной в мемориале лорда Ловэта) и соответствовавший ожиданиям Короны и правительства в Лондоне.

Соответственно мемориалы лорда Грэнджа были несвоевременны вдвойне. С одной стороны, лорд-клерк припозднился и подал сведения тогда, когда государственная машина в деле решения «Хайлендской проблемы» уже была запущена — произведены назначения, определено финансирование, указаны сроки реализации предложений, прописанных в рапорте командующего. С другой стороны, Джеймс Эрскин во многом опередил свое время, так как к его предложениям, познаниям и опыту власти вновь обратятся, но более чем двадцать лет спустя, когда будет подавлен последний якобитский мятеж 1745–1746 гг.¹

Более надежный по набору и характеру предлагаемых мер (менее зависимый от местных интересов), чем мемориал вождя Фрэзеров, и вместе с тем значительно менее

---

¹ Copy. Letter L.G. to Viscount Townshend Secretary of State. Edinburgh, 29 Decbr., 1724; *Lord Grange. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland*. Edr., 29 Decbr., 1724; *Idem. A Continuation of the Account of the Highlanders and Highlands*. Edr., 2 Jan., 1725; *Idem. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.* 1. Edr., 14 Jan., 1725; *Idem. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.* 2. Edr., 21 Jan., 1725; *Idem. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc.* 3. Edr., 25 Jan., 1725; Copy. Letter L.G. to Viscount Townshend Secretary of State. Edinburgh, 14 Jan., 1725; Copy. Letter L.G. to Viscount Townshend Secretary of State. Edinburgh, 30 Jan., 1725; *Lord Grange*. 1. Memorial concerning the Highlands of Scotland, and the Borders of south and North Britain. Oct. 1746; *Idem. Memorial concerning the Highlands of Scotland, and the Borders of south and North Britain*. Nov. 1746; *Idem. Memorial. How Scotland may be brought, and the inhabitants thereof, now on the suppression of the Rebellion, to a just, advantageous and right settlement for the whole United Kingdom [1746–1747]* // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1–3; 124/15/1264/1–5; 124/15/1569/1–4; 124/15/1570; Private, Instructions for Our Trusty and well beloved... [General Wade], whom We have appointed to go into Our Highlands in Scotland, and to examine and report the State thereof. Given at our Court at... the... day of... in the 10th year of our Reign // TNA. SP 54.14.36. L. 326–330.

радикальный (в сочинении генерала Уэйда не говорится ни о ликвидации наследственной юрисдикции, ни о ликвидации феодальных держаний, ни о социальной инженерии, на которые Лондон пока не решался, но к которым призывал в своих мемориалах лорд Грэндж), рапорт командующего оказался набором именно таких рекомендаций, к которым правительство было в свое время готово прислушаться. Подобное соображение представляется тем более верным, если учесть, что «интерес в Лондоне к тому, что происходило [в Хайленде], не продержался и года [после 1725 г., на который намечались основные мероприятия, изложенные в отчете командующего от 1724 г.]; правительству казалось, что оно побеждает»¹.

Дальнейшие рапорты генерала между тем ясно свидетельствуют о том, что перспективу британского присутствия в Горной Стране он представлял себе достаточно ясно — как «цивилизацию» этого беспокойного края². В целом весь «цивилизационный» дискурс рапорта Уэйда также убеждал потенциальных читателей в правоте

---

¹ Розалинд Митчисон, казалось бы, свела на нет всю интригу 1724 г., указав, что выводы генерала Уэйда действительно были приемлемым для Лондона компромиссом между предложениями лорда Ловэта и лорда Грэнджа, а недавнее исследование Сары Фрззер, казалось бы, окончательно расставило все по своим местам в этом вопросе (*Mitchison R. Op. cit. P. 35; Fraser S. The Last Highlander. Scotland's Most Notorious Clan Chief, Rebel and Double Agent. London, 2013. P. 209–222*). Однако проделанный ими анализ не дает возможности ответить на следующие вопросы: являлось ли указанное обстоятельство единственной причиной поддержки Лондоном рапорта генерала Уэйда? Являлось ли оно самой важной причиной из всех? Какие выводы можно сделать о роли и значении Короны в процессе принятия решений по «Хайлендской проблеме», о роли и значении местных информаторов, о значении умиротворения Горного Края для Лондона, о значении победы рапорта генерала Уэйда для решения «Хайлендской проблемы», учитывая, что рапорты генерала Уэйда еще почти на четверть века закрепили представление о Хайленде как о Хайленде кланов (противоречивое интеллектуальное и политическое наследие)?

² *Wade G. Shame delivered to the King. April, 1725 // HPJP. Vol. I. P. 146–149; Idem. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. P. 289–316; Idem. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 150–165.*

командующего королевскими войсками в Северной Британии.

Как уже было отмечено в главе, посвященной административной этнографии «Хайлендской проблемы», в первой четверти XVIII в. наука и литература уже провели первичную подготовку для последующей «цивилизации» Горного Края, изображая его жителей такими же «дикарями» и «варварами», какими в свое время (в том числе и в первой половине XVIII в.) представлялись ирландцы (еще раньше — валлийцы, но с другим идейным подтекстом) и подкрепляя мысль о «цивилизующей» миссии Соединенного Королевства в Горной Стране¹.

В модель англоязычного протестантского образования на Британских островах с самого начала был встроен определенный «гэлизм» (и в этом смысле параллели, конечно, уместны только между ирландцами и хайлендерами), аналогичный в сущностных чертах (возьмем наиболее примечательный в последние десятилетия пример) «ориентализму» Европы Нового времени, как его понимал в своем широко известном исследовании Эдвард Вади Саид².

Наблюдается довольно своеобразная коннотация исторических образов: изображенный лордом Ловэтом горец времен первых Ганноверов очень похож на ирландца времен поздних Тюдоров. «Описание Ирландии» Файнса Морисона, составленное еще при Елизавете и вновь опубликованное в 1735 г. (не подобные ли штудиям вождя

---

¹ Из более ста аналитических сочинений об умиротворении Горного Края конца XVII — первой половины XVIII в., в равной степени являвшихся и продуктом «научной» деятельности (изучение географии, этнографии, политэкономии края), и источником литературных упражнений современников (так, первое жизнеописание Роберта МакГрегора, «Шотландский лиходея», появилось еще при его жизни, а уже в 1737 г. ему и другим подобным героям «Хайлендского рубежа» уделили внимание в одной поэме, посвященной военным дорогам в Горной Стране), ни одно не преминуло упомянуть о «цивилизации» Хайленда как непременном условии решения этой задачи.

² Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

Фрэзеров и генерала Уэйда сочинения сообщили «Описанию...» в первой половине XVIII в. новую актуальность?), — показательный пример для сравнения¹.

Таким образом, сформировался определенный исследовательский менталитет. Так как британские власти вполне разделяли с учеными и путешественниками (а Уэйд примерил сразу две эти роли) принятые в их среде образы «отсталости» и «варварства» гэлов (и ирландцев, и горцев, чей язык именовали «ирландским» еще в первой половине XVIII в.), этот гэльский словарь социальной лексики рапорта генерала, видимо, изрядно поспособствовал доведению его соображений до Лондона.

Справедливости ради необходимо отметить, что и вождь Фрэзеров писал о «цивилизации» горцев, органично вписывая британское присутствие в Горной Стране и в универсалистский дискурс Просвещения о всеобщем «прогессе», и в концепции шотландских *literati* о природе «отсталости» их родины в прошлом, повлиявшие на восприятие Шотландии в том числе в Англии². Сведения Ловэта также поддаются в результате пониманию в контекстах культурных традиций предполагаемых читателей и тем, вероятно, призваны повышать доверие к автору.

Вместе с тем, в отличие от горского вождя, стремившегося вписать положение в Горном Крае прежде всего в ситуацию политического размежевания в Лондоне, в предлагаемом командующим расписании лояльных и враждебных Короне кланов о «вигах» и «тори» речь не идет. Зато упоминаются католики, а основной акцент сделан на границах «цивилизации» в Шотландии, определяя которые (в том числе расписанием кланов) генерал выписывал Хайленд как цельный культурный регион в составе Северной Британии, по отношению к которому лорд Ловэт вместе со всем своим кланом был лишь его частью.

¹ *Moryson F. The Description of Ireland // Illustrations of Irish History and Topography, mainly of the seventeenth century / Ed. by C.L. Falkiner. London, 1904. P. 214–232.*

² Напр.: *Абрамов М.А. Шотландская философия века Просвещения. М., 2000.*

Фактически Уэйд обыграл Ловэта в представлении положения дел в Горной Стране перед Короной и правительством в Лондоне. Информация, как известно, еще не само знание, а вождь Фрэзеров оказался в рапорте генерала пусть важным, но лишь одним из информаторов в Хайленде, помогавших командующему королевскими войсками в Шотландии приобретать новое знание о Горной Стране.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что вопрос о том, насколько построение общего дискурса «Рапорта о положении в Горной Шотландии» в 1724 г. и отбор риторических стратегий осуществлялись генералом Уэйдом целенаправленно, остается открытым. Можно лишь предположить, что предложения конкретных мер по умиротворению края — плод напряженных размышлений, основанных на богатом личном опыте их автора, а вот Хайленд как культурный регион в рапортах вышел бы из-под пера генерала в любом случае — как результат понимания и представления Уэйдом окружавшей его в Горном Крае реальности¹.

Чины, генералы, министры: армия генерала Блэнда в Хайленде

В историографии «Хайлендской проблемы» по-прежнему является весьма распространенным представление о том, что после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг. британское присутствие в Горной Шотландии

---

¹ Служебный опыт командующего в Северной Британии сочетался с пройденной им политической школой: пройдя в 1690–1713 гг. через Войны за английское и испанское наследства, приняв участие в подавлении выступления якобитов в 1715–1745 гг., генерал-майор Джордж Уэйд с тем же постоянством заседал в 1715–1748 гг. в британском парламенте и, таким образом, знал, как понятным Короне и правительству и принятым в холлах Вестминстера языком защищать свой порядок решения «Хайлендской проблемы» (*Judd G.P. Members of Parliament. 1734–1832. Hamden, 1972. P. 366*).

определялось новой стратегией, вполне соответствовавшей нелицеприятному прозвищу Мясник, которое на посту командующего королевскими войсками в Шотландии (одновременно являясь капитан-генералом армии Его Величества) получил герцог Камберленд.

Вместо долгой и далеко не всегда очевидной битвы «за сердца и умы» взбунтовавшихся горцев, характерной для политики умиротворения Горной Страны, проводимой в 1725–1740 гг. генералом Уэйдом, «протестантский герой», как сторонники соответствующего престолонаследия величали герцога Камберленда, решил искоренить мятежный дух и проякобитские симпатии в крае «железом и кровью», одним решительным ударом разрубив гордиев узел «Хайлендской проблемы»¹.

Некоторые современные исследования ставят под сомнение столь однозначное и во многом оценочное толкование хайлендской политики Лондона в первой половине XVIII в. Джонатан Оутс, например, обращает внимание на то, что приказы и действия Уильяма Августа в Горной Шотландии в действительности не выходили за рамки представлений современников о том, как государство должно расправляться с мятежниками, вполне соответствуя законам и обычаям войны, принятым в Европе XVIII в. Сам герцог Камберленд при этом считал, что «военные экзекуции» — меры военного времени — самые первые, но недостаточные. В перспективе речь должна

---

¹ См., напр.: *Lenman B. The Jacobite Risings in Britain 1689–1746.* London, 1980. P. 259–261; *Speck W.A. The Butcher: The Duke of Cumberland and the Suppression of the 45'.* Oxford, 1981. P. 201; *Black J. Culloden and the 45'.* London, 1990 [втор. изд. 2010 г.]. P. 177–178; *McLynn F. Bonnie Prince Charlie.* Oxford, 1991. P. 159–160; *Preston D. The Road to Culloden Moor: Bonnie Prince Charlie and the '45 Rebellion* London, 1995. P. 14; *MacInnes A.I. The Aftermath of the '45 // 1745: Charles Edward Stuart and the Jacobites / Ed. by R.C. Woosnam-Savage.* Edinburgh, 1995. P. 107–108; *Roberts J. The Jacobite Wars.* London, 2002. P. 176–190; *Houston R. The Ten Worst Britons // BBC History Magazine* (Jan., 2006). P. 16–17. Подробнее о формировании и бытовании в исторической литературе образа герцога Камберленда см.: *Oats J. Sweet William or The Butcher? The Duke of Cumberland and the '45.* Barnsley, 2008. P. 1–17.

была идти о масштабной социальной инженерии в Горной Стране¹.

Джоффри Плэнк рассматривает британскую армию в Хайленде скорее как корпоративный институт со своими собственными представлениями о роли и задачах военных не только в умиротворении мятежной гэльской окраины, но и в решении «Хайлендской проблемы». Под пером автора генералы предстают не послушными исполнителями реформаторских проектов правительства, а активными участниками и инициаторами дискуссий на эту тему, сформулировавшими и пытавшимися реализовать на практике перспективу едва ли не ведущей роли армии во взаимосвязанных процессах «цивилизации» и укрепления лояльности трону с целью формирования идеального подданного и, соответственно, дальнейшей интеграции разбросанной по миру Британской империи под власть Короны и парламента в Лондоне².

---

¹ *Oats J.* Op. cit. P. 18–32. Архивные источники, связанные с пребыванием Камберленда в Хайленде, подтверждают это предположение. Герцог не только считал, что «якобитский мятежный принцип так глубоко укоренен в этом народе [шотландцах], что нынешнее поколение должно смениться совершенно, прежде чем эта страна успокоится», но и с первых дней пребывания в Горной Стране активно включился в обсуждение законодательства, которое должно было не только обеспечить правовую поддержку армии в Хайленде, но и создать условия для социально-экономического, политического, культурного реформирования Горного Края (Duke of Cumberland to... Inverness, April 30th [Extracts of His Royal Highness The Duke of Cumberland's Letters, concerning the Regulations to be made in Scotland] // TNA. SP 54.32 (25/111); Duke of Cumberland. Sketch of Regulations, proposed to be made in Scotland. 1746 [вложено в: Duke of Cumberland. Letter to His Grace the Duke of Newcastle. Fort Augustus, June 26, 1746] // TNA. 54.32 (24A/91–95)).

² *Plank G.* *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire.* Philadelphia, 2006. При этом следует отметить, что идея о формировании в специфических условиях особой корпоративной этики в британских частях, расквартированных в колониях и на окраинах империи, высказывалась ранее: *Houlding G.A.* *Fit for Service: The Training of the British Army. 1715–1795.* Oxford, 1981. P. 45–57 («ирландский гарнизон»); *Brumwell S.* *Redcoats. The British Soldier and the War in the Americas, 1755–1763.* Cambridge, 2002 («американская армия»).

Плэнк также обращает внимание на тот примечательный факт, что армия Соединенного Королевства к 1745 г. подобным опытом уже обладала — приобрела в той же Горной Шотландии в 1725–1745 гг. При этом нижним хронологическим рубежом автор считает прибытие в Горную Страну генерала Уэйда и переход нового командующего королевскими войсками в Северной Британии к заметно более активной деятельности на этом посту по сравнению с его предшественниками. Перечислены и ее основные направления: разоружение, военное строительство и военное сотрудничество¹.

Такой ревизионистский подход заставляет по-новому взглянуть на характер и особенности принятия решений по «Хайлендской проблеме» после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг., в особенности если учесть, что в конечном итоге (фактически с 1760 гг.) реформирование социально-экономических отношений и политических практик в Горной Шотландии перешло в руки гражданских чинов и связанных с ними общественных организаций, созданных активными и весьма заинтересованными сторонниками «улучшений» в Горной Стране².

Падение политического авторитета герцога Камберленда, исчезновение якобитской угрозы и кадровые перемещения проявивших реформаторский задор генералов (во второй половине 1750-х гг. практически все идейные сторонники Уильяма Августа из числа его боевых товарищей покинули Хайленд), чей интерес в крае оказался, таким образом, временным, в отличие от деятельных представителей местных элит, разумеется, способствовали

---

¹ *Plank G.* Op. cit. P. 18–19. Однако несколько абзацев во введении к исследованию Плэнка, конечно, не раскрывают тему британского присутствия в Хайленде в 1720–1730-е гг. даже при условии очень любопытных в научном плане замечаний к заявленной теме исследования. Кроме того, за скобками автор оставил такие важные мероприятия по умиротворению Хайленда, как амнистия и попытки учреждения в крае лорд-лейтенанств.

² См. подробнее: *Johnsson F.A.* The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760–1830. PhD Thesis. The University of Chicago, 2005.

такому повороту событий в хайлендской политике Лондона¹.

Следовательно, необходимо более глубокое и основательное изучение некоторых аспектов «Хайлендской проблемы», затронутых современными ревизионистами (в том числе Оутсом и Плэнком).

Во-первых, изменения в позициях и аргументации реформаторов Горной Шотландии необходимо рассматривать в широкой перспективе, обращая пристальное внимание не только на практическое, но и на теоретическое наследие опыта умиротворения Горной Страны, приобретенного к 1745 г., — не только на мероприятия генерала Уэйда, получившие второе дыхание с приходом в Горный Край армии герцога Камберленда, но и на аналитические сочинения лорда Грэнджа о состоянии, путях и способах реформирования мятежной гэльской окраины, опосредованно представленных практически во всех основных программных мемориалах и рапортах о «цивилизации» Хайленда во второй половине 1740-х — 1750-х гг.²

¹ Подробнее о кадровых перемещениях офицеров Камберленда на службе в колониях и на окраинах Соединенного Королевства см.: *Plank G.* Op. cit. P. 103–191; данные о ротациях по отдельным полкам см.: *Annual Charts Illustrating the Distribution and Rotation of the Regiments During Selected Periods* // *Houlding G.A.* Op. cit. P. 409–412, 414.

² Об интеллектуальном реванше лорда Грэнджа свидетельствует не только обилие записок и мемориалов, составленных им после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг., но и требовавшее привлечения его «экспертных» познаний назначение королевским указом на должность заместителя шерифа в графстве Перт, располагавшемся на «Хайлендском рубеже» и вызывавшем большое беспокойство у властей с точки зрения умиротворения Горного Края, а также активное участие в обсуждении билля об отмене наследственной юрисдикции в Лондоне «вместе со спикером палаты общин», генерал-прокурором и лордом-адвокатом Шотландии, которым отправлены «копии приложенных [к биллю] замечаний»: *James Erskine to The Right Honorable The Lord Justice Clerk. Edinburgh, 24th March, 1746* // *TNA. SP 54.38 (48B/266)*; *same to the Lord of Hardwicke. London, 13 March, 1747*; *same to same. London, 4 March, 1747*; *same to same. 24 April, 1747*; *Lord Grange. Remarks on the Bill in the House of Commons for taking away the Heritable Jurisdictions in Scotland. 24 April, 1747* // *BL. HP. Vol. XCVIII. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. 1737–1748. Add. MS 35446. P. 148, 150, 166, 168–177.*

Во-вторых, следует в этой связи последовательно подойти к роли местных информаторов (от безымянных агентов до хорошо известных «экспертов по Горной Шотландии» среди «шотландских» же чинов) в выработке и принятии рекомендаций по решению «Хайлендской проблемы» после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг. При этом особое внимание стоит обратить на то, что масштабы и значение этой информационной поддержки расширения британского присутствия в Горном Крае оказались прямо пропорциональны росту влияния армии в хайлендской политике Лондона после разгрома «младшего Претендента» при Каллодене.

В-третьих, представляет значительный интерес соответственно аргументация сторон, участвовавших в выработке, принятии и реализации решений, связанных с умиротворением, «цивилизацией» Горной Страны и расширением и укреплением британского присутствия на этой гэльской окраине. Плэнк пишет о роли реформаторов, которую присвоили себе генералы армии герцога Камберленда в Шотландии, о позиции и взглядах военных на решение «Хайлендской проблемы». Наша задача в указанном выше контексте — прочесть эту историю скорее между строк, обратить внимание скорее на логику и механизмы отбора и принятия решений по «Хайлендской проблеме» и, таким образом, лучше понять особенности функционирования властных отношений в рамках хайлендской политики Лондона.

Среди командующих королевскими войсками в Шотландии между 1746 и 1759 гг. фигура генерала Блэнда занимает особое место, что позволяет навести на поставленные задачи единый биографический фокус и в результате подойти к их разрешению более предметно и в сопоставимом ключе, имея в виду для сравнения усилия генерала Уэйда.

Хотя «армия Камберленда», предстающая в штудиях Плэнка институтом, спаянным общим пониманием своих имперских задач, корпоративной этикой и протекцией, оказываемой капитан-генералом своим офицерам,

представляет собой продуктивную аналитическую категорию, тем не менее, когда Уильям Август покинул Шотландию в июле 1746 г., командование королевскими войсками в Северной Британии, а следовательно, и окончательное решение «Хайлендской проблемы» было доверено, как и прежде, командующим «шотландским гарнизоном» (между 1746 и 1759 гг. этот ответственный пост последовательно занимали Уильям Энн Кеппел, Хамфри Блэнд, Джордж Черчилль, вновь Хамфри Блэнд и, наконец, Джон Баклерк)¹. При этом среди командующих королевскими войсками в Шотландии в 1689–1759 гг. только генерал Блэнд дважды занимал этот пост (в 1747–1749 и 1753–1756 гг.) и нес службу дольше коллег по хлопотной должности на мятежной гальской окраине в 1746–1759 гг. (пять лет в общей сложности).

Более того, оба раза Хамфри Блэнд был назначен командовать «шотландским гарнизоном» в переломные годы истории решения «Хайлендской проблемы». В 1747 г., после того как была объявлена всеобщая амнистия (для поддержавших мятеж без оружия), а для более успешного завершения Войны за австрийское наследство потребовалось вернуть на континент войска, переброшенные на Британские острова для подавления мятежа якобитов в 1745 г., положение, роль и задачи армии в Горной Шотландии во многом стали напоминать ситуацию 1720–1730-х гг. «Красные мундиры» патрулировали горы, оказывали поддержку гражданским властям и участвовали в военном строительстве².

¹ Лорд Джон Баклерк занимал пост командующего королевскими войсками до 1767 г.

² Один из самых показательных примеров в этом смысле представляет собой новый форт Джордж близ Инвернесса, на мысе Ардесьер, сооружение которого началось в 1749 г. и обошлось государственной казне в 100 000 ф. ст. (сумма, превысившая все военные затраты на строительство и поддержание укреплений Короны в Горной Шотландии за все время пребывания в Горном Крае генерала Уэйда) (*Black J. Op. cit.* 2010. P. 189). Что же касается динамики численности «шотландского гарнизона» до и после мятежа 1745–1746 гг., то в этом вопросе действительно наблюдается любопытная преамбула. Занявшая в начале 1716 г. Шотландию армия Георга I насчитывала целых 12 000 солдат и офицеров — чуть меньше, чем армия

Кроме того, в том же 1747 г. парламент признал незаконными военные держания и отменил наследственную юрисдикцию, что не могло не сказаться на отношениях между военными и гражданскими властями, рядовыми горцами и местной элитой¹. В 1753 г., когда генерал Блэнд вернулся в Горную Страну чтобы вновь занять пост

Георга II весной–летом 1746 г. — 13 000 «красных мундиров». Однако вскоре «шотландский гарнизон» стабилизировался на уровне в среднем шести полков и пробыл в таком составе, немного увеличившись в 1725 г. в связи с мерами генерала Уэйда, до конца 1742 гг. (до вывода из Горной Страны наиболее боеспособных военных частей). После того как герцог Камберленд покинул Хайленд, во второй половине 1740-х и в 1750-е гг., королевские войска в Шотландии насчитывали в среднем восемь полков (*Annual Charts Illustrating the Distribution and Rotation of the Regiments During Selected Periods* // Houlding G.A. Op. cit. P. 34–35, 409–412; *Cannon R. Historical Record of the Twenty-First Regiment, the Royal North British Fusiliers. Containing an account of the formation of the regiment in 1678, and of its subsequent services to 1849.* London, 1849. P. 14–19; *Toogood R. The Royal Scots Fusiliers* // *The Lowland Scots Regiments. Their origin, character and services previous to the Great War of 1914* / Ed. by H. Maxwell. Glasgow, 1918. P. 161–162; *Baynes J.* Op. cit. P. 201; *Cannon R. Historical Record of the Sixteenth, or the Bedfordshire Regiment of Foot; containing an account of the formation of the regiment in 1688, and of its subsequent services to 1848.* London, 1848. P. 16). Для сравнения, 12-тысячный «ирландский гарнизон» выглядел на шотландском фоне гораздо более значимым. XVIII в. был одним из самых спокойных (до восстания «объединенных ирландцев» в 1798 г.) в ирландской истории, и не в последнюю очередь из-за внушительной численности «ирландского гарнизона». Более того, британская королевская армия на «Изумрудном острове» была важным стратегическим резервом на случай надобности в уже сформированных и проверенных в деле полках. Ротационная система королевской армии предполагала возвращение частей в Ирландию после участия в военных кампаниях и роспуск временно на их место набранных; в 1720–1730-е гг. на «Изумрудном острове» находилось 22 маршевых батальона против 10 в Великобритании, а в 1740–1750-е гг. — 25 маршевых батальонов против 11 соответственно (*Houlding G.A.* Op. cit. P. 46–48; *Reid S. King George's Army 1740–1793. Part I.* London, 1995. P. 4–5).

¹ An Act for taking away and abolishing the Heritable Jurisdictions in that Part of Great Britain called Scotland; and for making Satisfaction to the Proprietors thereof; and for restoring such Jurisdictions to the Crown; and for making more effectual Provision for the Administration of Justice throughout that Part of the United Kingdom, by the King's Courts and Judges there; and for obliging all Persons acting as Procurators, Writers or Agents in the Law in Scotland to take the Oaths; and for rendering the Union of the Two Kingdoms more Complete // EHD. P. 662–664.

командующего королевскими войсками в Шотландии, край был взбудоражен принятием в 1752 г. акта о передаче конфискованных имений мятежников под управление Короны, обострившим спор о том, какая из стратегий «цивилизации» Хайленда — основанная на модернизационном потенциале управляемых королевскими чиновниками конфискованных имений или исходившая из представления о гарнизонах королевской армии как очагах и центрах распространения реформ на мятежной гэльской окраине — является более перспективной и состоятельной¹. При этом в обоих случаях предполагалось задействовать войска в процессе того или иного варианта решения «Хайлендской проблемы».

Наконец, Хамфри Блэнд оказался самым большим энтузиастом реформирования социально-экономических отношений и политических практик в Горной Шотландии среди командующих «шотландским гарнизоном» после герцога Камберленда. Как и в случае с генералом Уэйдом, некоторые детали его биографии возвращают нас в имперский контекст этой истории и позволяют понять, насколько генерал Блэнд был компетентен в отборе и принятии рекомендаций по решению «Хайлендской проблемы», отправлявшихся им на рассмотрение в Лондон.

Во-первых, Хамфри Блэнд родился в Ирландии в 1686 г. и, как и Джордж Уэйд, принадлежал к правящему протестантскому классу «Изумрудного острова», а в 1737 г. был даже назначен полковником 36-го пешего полка «ирландского гарнизона». Это обстоятельство скажется на том

---

¹ An Act for annexing certain Forfeited Estates in Scotland to the Crown unalienably; and for making Satisfaction to the Lawful Creditors thereupon; and to establish a Method of managing the same; and applying the Rents and Profits thereof; for the better civilizing and improving the Highlands of Scotland; and preventing Disorders there for the future. London, 1752. См. также: A Bill intituled, An Act for annexing certain Forfeited Estates in Scotland to the Crown unalienably; and for making Satisfaction to the Lawful Creditors thereupon; and to establish a Method of managing the same; and applying the Rents and Profits thereof; for the better civilizing and improving the Highlands of Scotland; and preventing Disorders there for the future. London, 1752.

почтительном внимании, которое генерал уже на посту командующего королевскими войсками в Шотландии уделял образовательной политике в Горной Стране, в особенности опыту организации благотворительных школ на Эйре, поддерживая в этом вопросе ирландское решение «Хайлендской проблемы»¹.

Во-вторых, к 1747 г. он уже сорок три года состоял на военной службе Его Величества и заслужил особое доверие герцога Камберленда как знаток военной дисциплины, автор самого издаваемого военного устава на английском языке по обе стороны Атлантики в XVIII в. (1727, 1734, 1740, 1743, 1746, 1753, 1756, 1759, 1762, 1776 годы издания)². Во время войны с американскими колониями этот устав использовался и в армии Джорджа Вашингтона³. Плэнк при этом обращает внимание на то, что в издании 1743 г. генерал Блэнд, рассуждая о врожденных качествах, отличающих англичан от голландцев в качестве солдат, приходит к выводу, что «[военное] искусство имеет большее значение» по сравнению с «природой» — отражение широко распространенной в эпоху Просвещения философской концепции, которой нашлось применение

---

¹ *Plank G. Op. cit.* P. 111–113. Относительно влияния ирландских благотворительных школ в масштабе всей Британской империи см.: *Plank G. Childhood and the Expansion of the Eighteenth-Century British Empire // The Worlds of Children, 1620–1920 / Ed. by P. Benes. Boston, 2004. P. 93–111.*

² К началу последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. вышло уже пять изданий устава: *Bland H. A Treatise of Military Discipline; In which is Laid down and Explained The Duty of the Officer and Soldier, Thro' the several Branches of the Service. The Fifth Edition. London, 1743.*

³ Для сравнения см., напр.: *A New System of Military Discipline, founded upon Principle. Philadelphia, 1776; Sime's T. The Military Guide, for Young Officers. A large and valuable Compilation from the mod celebrated Military Writers, Marshal Saxe — General Bland — King of Prussia — Prince Ferdinand. Containing the Experience of many Brave Heroes in critical Situations. Including an excellent Military, Historical, and Explanatory Dictionary. Philadelphia, 1776.* См. также: *Powers S.L. Studying the Art of War: Military Books Known to American Officers and Their French Counterparts in the second Half of the Eighteenth Century // The Journal of Military History. Vol. 70. No. 3 (Jul., 2006). P. 781–814.*

и в планах командующего по реформированию гэльской окраины¹.

В-третьих, исполняя обязанности губернатора Гибралтара в 1749–1752 гг., Хамфри Блэнд имел возможность на практике опробовать хайлендский опыт в одном из заморских владений Британской империи, а затем, наоборот, применить опыт службы в «Скале» к ситуации в Горной Стране².

Итак, в феврале 1747 г. генерал Блэнд назначен новым командующим королевскими войсками в Шотландии, а уже в декабре 1747 г. он вместе с лордом-клерком Сессионного суда Шотландии Эндрю Флэтчером отправляет государственному секретарю Южного департамента герцогу Ньюкаслу развернутые «Предложения по цивилизации Хайленда»³.

Двойное авторство разработанного «шотландскими» чинами проекта реформ в Горной Стране само по себе является свидетельством нового разделения взглядов заинтересованных сторон на решение «Хайлендской проблемы». Идейные границы в этом вопросе после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг. разделяли, как правило, не столько военных, гражданских чинов и отдельных представителей местных элит (вождей и/или магнатов), сколько

¹ *Bland H. Op. cit. P. 143; Plank G. Op. cit. P. 114.*

² Рекомендации генерала Блэнда на посту губернатора Гибралтара во многом касались тех же проблем взаимоотношений между военными и гражданскими властями этого владения британской короны, которые занимали его в Горной Стране: *An Account of Lieut. Gen. Bland's Conduct during the time he was Governor of Gibraltar; showing the methods he took to establish His Majesty's Revenue the Property of the Inhabitants, and the Civil Police of the Town, in all its Branches; With the Methods taken by him to cultivate a good Understanding with his Neighbours, the Spaniards and Moors. Written by Himself; For the information of those who may succeed to this command // BL. MC, Lansdowne MS 1234. P. 93–125; Report of Mr Attorney Solicitor Genl.: upon the proposal of Gen. Bland late Gov. of Gibraltar for Enlarging the Power of Judge Advocate of that Garrison to try and Punish marauds assaults and etc. 22 January, 1752 // TNA. PC 1.6.25. Подробнее об этом см.: *Plank G. Op. cit. P. 130–154.**

³ *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [1747] // AP. P. 480–492.*

сторонников и противников активного, ведущего участия армии в «цивилизации» Горной Страны.

«Предложения...» Блэнда и Флэтчера, таким образом, представляют собой не отражение конкуренции мемуаров и рапортов (как сформулированные в рапорте 1724 г. предложения генерала Уэйда), а результат совместной творческой работы ответственных за умиротворение Горного Края чинов: «В исполнение поручений, которые я имел честь получить от вашей Светлости, я оказываю всю возможную в моей власти поддержку генералу Блэнду в исполнении приказов его Величества, и мы часто рассуждаем о том, какие части страны требуют наибольшего внимания и заботы генерала, и о том, каким образом законы (недавно изданные для безопасности правления его Величества и сохранения мира и спокойствия в различных частях Шотландии), в особенности акт о разоружении Горной Страны, могут быть исполнены наиболее действенно... И я имею честь теперь передать вашей Светлости наше скромное и согласованное мнение о том, каким образом мир в этой стране может быть обеспечен, а правление его Величества может быть утверждено на наиболее прочной и долговечной основе»¹.

Майор (подполковник в 1750 г., полковник в 1757 г., генерал-майор в 1759 г.) Джеймс Уолф, герой Британской империи, ценой собственной жизни добывший Лондону Канаду в «чудесном» 1759 г., а в 1748–1753 гг. губернатор форта Джордж в Инвернесе с обязанностями подполковника и командира 20-го пешего полка, в этой связи полагал, что Хамфри Блэнд вполне заслужил репутацию человека, во многом находившегося под влиянием своих новых шотландских друзей².

Роль местных информаторов в умиротворении Горной Шотландии, выработке и принятии рекомендаций

---

¹ The Lord Justice-Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, Decr 4th, 1747 // AP. P. 479.

² James Wolfe to his father. Perth, July 15, 1750 // The Life and Letters of James Wolfe / Ed. by B. Willson. London, 1909. P. 126–127.

по решению «Хайлендской проблемы» действительно заметно возросла после разгрома армии «младшего Претендента» и перехода Лондона к более активным шагам в хайлендской политике. Несмотря на антишотландскую риторику тотального недоверия британских генералов местным властям, элитам, простым жителям Соединенного Королевства севернее Твида, даже Мясник Камберленд, не говоря уже о его преемниках на посту командующего королевскими войсками в Северной Британии, активно контактировал с шотландцами, претендовавшими на знание путей и способов частичного или окончательного решения «Хайлендской проблемы»¹.

Вопрос заключается в том, какое значение этому «экспертному» знанию придавали сами военные, чьи позиции в Горной Стране в 1750 г. были, несомненно, прочнее, чем у их гражданских коллег по умиротворению и «цивилизации» Горного Края².

Представляется, что молодой (19 лет в 1746 г.), неопытный, нетерпеливый и нетерпимый к местным «дикарям» и «варварам» по обе стороны Атлантики майор Джеймс Уолф высказывал свои суждения относительно характера интеллектуального сотрудничества в решении «Хайлендской проблемы», пребывая в плену предрассудков и, что намного важнее, наблюдая на посту губернатора форта

---

¹ В этой связи весьма показательным указанием герцога Камберленда на то, что даже его предложение о депортации некоторых кланов, особенно упорных в поддержке дела изгнанных Стюартов, основано на мнении «верноподданных в Шотландии»: Duke of Cumberland to the Duke of Newcastle. Fort Augustus, June 5th, 1746 // TNA. SP 54.32 (4A/20).

² Дело заключалось не столько в значительно более заметном военном присутствии Лондона в Хайленде — напомним, вскоре после того, как герцог Камберленд покинул край, «шотландский гарнизон» во второй половине 1740-х и в 1750-е гг. насчитывал в среднем восемь полков, и не все из них были расквартированы именно в Горной Стране. В таком развитии событий важнее оказался общеимперский контекст и возросший в результате административный авторитет генералов — все более активная роль армии не только в расширении империи, но и в управлении заокеанскими владениями Короны. См. подробнее: *Plank G. Op. cit.*

Джордж в Инвернесе гораздо меньше, чем разменявший пятый десяток службы в рядах британской армии на посту командующего королевскими войсками в Шотландии и выросший в колониальном обществе Ирландии генерал-лейтенант Хамфри Блэнд в Эдинбурге¹.

С одной стороны, это была ситуация взаимной заинтересованности военных и штатских «шотландских» чинов, вызванная решительной позицией Лондона в вопросе окончательного решения «Хайлендской проблемы», заметно отличавшейся от намерений и интересов Короны и правительства в 1720–1730-е гг. В июне 1746 г., пробыв в Горной Шотландии всего пару месяцев, генерал Блэнд заметил по этому поводу в письме к Генри Пелэму, первому министру, лорду-казначею и лидеру палаты общин в 1743–1754 гг.: «...какие бы законы вы ни приняли для этой страны, если вы полагаете, что они могут быть исполнены только силой гражданских властей, вы будете обмануты, но, хотя я солдат, я не за привлечение к этому исключительно военных; но предоставил бы каждой стороне надлежащую роль в их исполнении»².

Эта позиция вполне согласуется с мнением лорда-клерка Сессионного суда Шотландии Флэтчера, высказанным герцогу Ньюкаслу в декабре 1747 г., о необходимости оказывать всю возможную поддержку генералу Блэнду, в том числе участвуя в дискуссиях о решении «Хайлендской проблемы»³.

---

¹ Хорошо известно, что генерал Уолф использовал хайлендские полки в завоевании Квебека, в то же время активно применяя к французским поселенцам и их союзникам-индейцам тактику выжженной земли («военные экзекуции»), опробованную в Горной Стране после разгрома якобитов 16 апреля 1746 г., и точно на том же основании, что к горцам: канадцы — «варвары» и «дикари» в силу образа жизни и/или религиозные пристрастий («папизм»), не соблюдающие правила обычной войны, предпочитая «малую войну» партизанских отрядов.

² Major-General Hamphrey Bland to Henry Pelham. Fort Augustus, 9 Jun., 1746 // HL. Correspondence of Henry Pelham (1696–1754). Scottish Affairs. NeC 1725.

³ The Lord Justice-Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, Decr 4th, 1747 // AP. P. 479.

С другой стороны, необходимо учитывать, что опыт военного и гражданского администрирования, приобретенный генералом Блэндом в Горной Стране и Гибралтаре к началу второго срока службы на посту командующего королевскими войсками в Шотландии (1753–1756 гг.), возросшая роль «армии Камберленда» во внешней и колониальной политике Великобритании после подавления мятежа якобитов 1745–1746 гг., а также медленный прогресс в деле «восстановления [по сути, установления] законности и порядка» в Хайленде (в чем военные видели свою основную задачу в крае на всем протяжении 1689–1759 гг.) способствовали ужесточению взглядов командующего на перспективы сотрудничества военных и штатских чинов в решении «Хайлендской проблемы»: «Относительно гражданских служащих я обнаружил, что их гораздо труднее призвать к какому-либо регулярному порядку, чем войска... Я сообщил им, что у меня приказ его Величества помогать им военной силой... Тем не менее я буду напоминать им [об этом] время от времени и держать их в поле зрения, чтобы предотвращать нерадивое исполнение долга; если же сие произойдет, я извещу вашу Светлость беспристрастно к любому, невзирая на чины и регалии»¹.

Вместе с тем буквальное прочтение этой фразы, как и других подобных пассажей в письмах командующего начиная с момента его возвращения в Шотландию в ноябре 1753 г., также будет ошибочно. В контексте обострившихся к началу 1750 гг. споров о выборе лучшей стратегии «цивилизации» Горной Страны (с упором на конфискованные имения или форты), во-многом спровоцированных принятием в 1752 г. акта о передаче конфискованных имений под управление Короны, мнение генерала Блэнда отражало не столько превосходство военных «шотландских» чинов над гражданскими

---

¹ Copy of a letter from Lieut. Gen. Bland to His Grace the Duke of Newcastle. Edinburgh 20 Dec. 1753 // BL. HP. Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753–1756. Add. MS 35448. P. 53.

(номинально их юрисдикция по-прежнему была разграничена, хотя четкая и однозначная трактовка ее границ затруднялась обстоятельствами мятежа и ответными мерами правительства по его подавлению), сколько конфликт между сторонниками и противниками акта, перешедший по наследству от командующего королевскими войсками в Шотландии генерал-лейтенанта Джорджа Черчилля к Хамфри Блэнду.

Первые считали, что под началом надлежащим образом отобранных управляющих и при поддержке армии, расквартированной в Горной Стране на постоянной основе, конфискованные имения (с арендаторами, избавленными от «тиранической» власти вождей и/или магнатов) превратятся в полноценную площадку для социально-экономических экспериментов в процессе реформирования, «цивилизации» мятежной гэльской окраины¹.

Вторые опасались, что принятие этого акта создаст условия для превращения королевской власти в «тираническую» из-за чрезмерного влияния армии на решение «Хайлендской проблемы», а инвестиции в конфискованные имения из-за продажности и недостаточной лояльности местных властей на деле окажутся завуалированным финансированием якобитов².

Более того, этот конфликт между участниками споров о путях и способах «цивилизации» Горной Страны не был

---

¹ Среди военных эту идею поддерживал, например, сам Хамфри Блэнд, а среди гражданских «шотландских» чинов ее разделяли многие его корреспонденты, см., напр.: *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [1747] // AP. P. 480–492; William Cross, Professor of Civil Law at Glasgow and afterwards Sheriff of Lanark. Some Considerations by way of Essay, upon the means of civilising the Highlands and extinguishing Jacobitism in Scotland. 1748. To Lieut.-General Bland, Commander in Chief of all His Majesty's Forces in Scotland // NLS. Ms. 5201.*

² Многие военные и штатские чины опасались повторения неудачного опыта конфискации после подавления мятежа якобитов 1715–1716 гг., когда изъятые имения тем или иным внешне вполне легальным способом вернулись к своим прежним владельцам. См. подробнее 2-й параграф 4-й главы.

единственным¹. Он обострил давние противоречия в среде ответственных за решение «Хайлендской проблемы» чинов, связанные как с различным пониманием условий применения военного права при подавлении мятежа, так и с разным представлением о роли и задачах регулярной армии в умиротворении Горного Края. И вот в этом случае, действительно, на одной стороне находились в основном военные «шотландские» чины, а на другой — чины по большей части штатские.

Генералы и их сторонники жаловались на «злоупотребления или небрежение в общем управлении Шотландией с началом мятежа» и обращали особое внимание на то, что «командующий войсками в Шотландии не является мировым судьей для всей Шотландии, каким был маршал Уэйд, когда он здесь командовал», военные не получают поддержки от управляющих имениями и местных властей «в своей службе в Хайленде» и часто беззащитны перед лицом судебных преследований по обвинению в превышении полномочий при подавлении мятежа и умиротворении гэльской окраины².

---

¹ В этом смысле наш подход к анализу принятия решений по «Хайлендской проблеме» глубже, чем предложенный Плэнком, что отчасти связано как с прочтением им источников исключительно с целью развития концепции «армии Камберленда» как корпоративного колониального агента Британской империи, так и с большим познавательным потенциалом новых исследований, позволяющих шире взглянуть на проблематику внутренней колонизации в истории хайлендской политики Лондона. См., напр.: *Johnsson F.A. The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760–1830. PhD Thesis. The University of Chicago, 2005.*

² *Abuses, or Neglects, in the general Management in Scotland, since the Rebellion. 1752 // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 303.* Последняя из трех перечисленных выше претензий, возможно, нагляднее всего отражает наиболее характерные различия между военными и штатскими чинами по поводу умиротворения мятежной гэльской окраины. Ни в одном военном уставе, опубликованном к 1745 г., не пояснялось, каким образом солдаты и офицеры королевской армии должны выстраивать отношения с местным населением на охваченной мятежом территории, между тем как собственная колониальная практика и политика континентальных держав на внутренних окраинах и занятых армией землях были связаны

При этом «меры, предпринятые военными с началом мятежа, и их последствия» сторонниками ведущей роли армии в решении «Хайлендской проблемы» связывались в первую очередь с успешной интеллектуальной колонизацией Горной Страны («относительно края, гения его обитателей, их связей»), и в результате «Его Величество может узнать эту страну гораздо лучше, чем сами ее

с применением военного права, которое генералы считали уместным и в Хайленде, в то время как гражданские чины заявляли о нарушении «прав и свобод подданных Короны в Шотландии». Более того, то, что прямо запрещалось уставом, написанным для обычной, «европейской» войны, в «Горной войне» являлось целью кампаний. Командиры военных отрядов, направлявшихся герцогом Камберлендом и его преемниками в разные области Хайленда после разгрома якобитов под Каллоденом, не стеснялись указывать в числе военных трофеев скот, провиант и иное имущество, захваченное ими у «мятежников». В результате отвечать за недопонимание между военными и штатскими чинами приходилось рядовым и младшим офицерам, обвиненным в превышении своих полномочий при подавлении мятежа и последовавшем затем умиротворении Горного Края: *Case of Captain Charles Hamilton of Lord Cobham's Dragoons. July 23, 1746; Case of Captain Corneill of General Price's Regiment of Foot; Case of Monro of Auchnagarrie, from Earl of Sutherland; Answers for Captain Charles Hamilton of Field Marshal Lord Viscount Cobham's Regiment of Dragoons, to the Petition and Complaint of Thomas Ogilvie of Coull, Merchant in Dundee // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 30, 34, 40–41.* Что же касается армейских уставов (в том числе и устава генерала Блэнда), то, перефразируя российского военного историка Владимира Викентьевича Лапина, при строгом следовании их пунктам весь «шотландский гарнизон» следовало предать трибуналу: *Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 274.* См. подробнее: *The Duty of a Souldier to his King and Country, addressed to the Present Officers and Souldiers of the British Army. Edinburgh, 1715; Bland H. Op. cit.; Rules and Orders for the better Government of His Majesty's Forces employed in Foreign Parts for the Year 1742. London, 1742; Rules for the better Government of His Majesty's Forces by Land, during the present War. Of the Great Use to All Officers, Commanders, and even Common Soldiers. With Submission to His Grace the Duke of Cumberland. London, 1745; The Soldiers pocket companion or the Manual Exercise of a Foot Soldier taken from the Life for the Use of the Gentlemen of the Several Associations. Humbly Inscribed to His Royal Highness The Duke of Cumberland. London, 1746; Rules and Articles for the better Government of His Majesty's Horse and foot Guards, And all Other His Forces in Great Britain and Ireland, Dominions beyond the Seas, and Foreign Parts. London, 1749.*

обитатели»¹. Необходимо особо отметить при этом, что прежде этот аргумент был характерен скорее для реформаторских проектов гражданских чинов².

Эти последние, в свою очередь, указывали на «многочисленные спекуляции по поводу цивилизации Горной Шотландии с 1745 г.», связанные как с ролью армии, так и с перспективами конфискованных имений в реформировании Горной Страны³. В первом случае говорилось о том, что «джентльмены меча размахивают идеями, порожденными их профессией, не дыша ничем, кроме гарнизонов, фортов, казарм и войск», хотя «этот план не только бесполезен [«пример 45'»], но и опасен; он, кроме того, предполагает, что жители Хайленда навечно остаются врагами для остальной части общества»⁴.

Во втором случае опасения были вызваны чрезмерным ростом влияния Короны (если количество избирателей снизится в результате перехода конфискованных имений в разряд коронных земель, а количество мест в парламенте останется прежним), с необоснованной дороговизной капиталовложений в конфискованные имения, с «частным интересом» управляющих, с невозможностью «цивилизации» отдельных районов Горного Края, так как пребывающие в «варварстве» соседи будут тормозить этот процесс⁵.

---

¹ Measures taken by the Military, since the Rebellion, and the Effects thereof. 1752 // BL. NP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 330–331.

² См., напр., мнение лорда Грэнджа о роли составленного им мемориала в умножении необходимого для организации эффективного управления краем знания властей о Горной Стране: «Отчет о горцах и их стране, в особенности в том, что касается религии и управления, является необходимым, поскольку, когда дело известно, можно составить лучшее суждение о целесообразности предложенных мер или других, более подходящих» (Copy. Letter L.G. to Viscount Townshend Secretary of State. Edinburgh, 29 Decbr., 1724 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/3).

³ Some Reflections to the State of North Britain and particularly to that of the Highlands // BL. NP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 118.

⁴ Ibid. P. 118.

⁵ Ibid. P. 119.

Выход виделся, во-первых, в превращении определенной части горцев в «богатых, самодостаточных и, следовательно, независимых йоменов» как от вождей, так и от управляющих; во-вторых, «в переселении всех бедных праздных жителей гэльской окраины в поселения, где они будут привлечены к полезному труду, безопасно управляемы, а их поведение будет под надзором практически каждый день»; в-третьих, в учреждении законов и войска, «пригодных для природы этого края» (можно предположить, что речь шла не о регулярной армии, а об отдельных ротах из горцев), при этом войску надлежит обеспечивать применение этих законов¹.

Если взглянуть на эту ситуацию шире, то, по сути, эти противоречия по поводу того или иного варианта решения «Хайлендской проблемы» отражали еще один, более глубокий и менее однозначный конфликт новоявленных администраторов гэльской окраины — нарождавшийся спор о необходимых и допустимых границах вмешательства Короны и правительства в вопросы социально-экономического и политического развития мятежной гэльской окраины Соединенного Королевства в рамках фискально-военного государства раннего Нового времени.

В свете не вполне определенных итогов Славной революции — юридического и фактического соотношения прерогатив парламента и суверена² — этот щекотливый вопрос приобретет особое значение уже во второй половине XVIII в., когда на фоне популярных либеральных идей Адама Смита Лондон столкнется с мятежом в американских колониях, по мнению некоторых носивших военный мундир современников вызванным недостаточным административным присутствием властей за океаном³.

---

¹ Ibid. P. 148.

² Применительно к правлению Георга I и Георга II см. основательное обсуждение этой проблемы в новом исследовании Эндрю Томсона: *Thomson A. C. George II. King and Elector. New Haven and London, 2012.*

³ Так, в частности, полагал один из генералов «армии Камберленда» Джон Кэмпбелл, 4-й граф Лоадон, назначенный командовать королевскими войсками в Британской Америке с началом Семилетней войны

В контексте хайлендской политики Лондона многие военные и штатские чины, их агенты и информаторы, как раз имея в виду негативный американский пример, будут призывать перейти в Горной Шотландии к камералистским практикам континентальных держав, рассматривая Горную Страну как внутреннюю колонию Великобритании, при этом более перспективную с точки зрения государственных затрат и ожидаемых результатов в связи с управляемым и направляемым властями процессом ее колонизации («цивилизации»)¹.

Таким был интеллектуальный и моральный климат в кругах чинов, ответственных за умиротворение Горного Края, в котором генерал-лейтенанту Хамфри Блэнду, вновь ставшему командующим королевскими войсками в Шотландии в ноябре 1753 г., довелось отстаивать свое видение решения «Хайлендской проблемы». И надо сказать, что он не только принял самое непосредственное участие в спорах по этому поводу, но и стал для правительства первым по значению администратором в крае с точки зрения влияния его рекомендаций на решения, принимавшиеся королевскими министрами в Лондоне — как и генерал Уэйд в свое время, несмотря на жалобы генерала Черчилля или его сторонников в 1752 г.

В сущности, предложения генерала Блэнда не были оригинальны, однако их формулировка, учитывая приве-

---

и уже тогда возмущавшийся той степенью свобод, которая отличала колонии и препятствовала «консолидации власти, гражданской и военной, которая может быть законно ему передана» в соответствии с полномочиями, полученными от Тайного совета: *Plank G. Op. cit. P. 159.*

¹ В 1750 г. генеральный инспектор конфискованных имений в Хайленде Дэвид Брюс завершил свое грандиозное обозрение кланов риторическим вопросом: «Разве Британия не вкладывает гораздо большие суммы в колонии за океаном, которые и вполнину не так важны, как цивилизация и улучшения этой части Британии, которая сама так долго досаждала и служила укором народу? Кроме того, когда страна [Горная Страна] возделана, а торговля и мануфактуры основательно развиты, это воздаст сторицей интерес и затраты, которые ныне отсутствуют» (THS. P. 160). Подробнее см.: *Johnsson F.A. Op. cit. P. 43–47.*

денный выше контекст, способствовала укреплению административного авторитета командующего в глазах его корреспондентов в правительстве. Едва ли не самый показательный пример в этой связи — вопрос о назначении управляющих конфискованными в Хайленде имениями и определении состава Комиссии по управлению конфискованными имениями, в состав которой вошел сам Хамфри Блэнд.

Еще в 1747 г. парламент принял акт, санкционировавший выверку земельных титулов в Горной Шотландии и передачу шотландским баронам казначейства во временное управление конфискованных у якобитов имений. В течение следующих нескольких лет инспекторы собирали сведения о титулах, а также сообщали в своих рапортах о материальном положении, политических и религиозных пристрастиях их обладателей. Кроме того, исследованию подлежало «состояние» их арендаторов. Разумеется, рапорты инспекторов содержали и предложения по «улучшениям», адресованные будущим управляющим конфискованными имениями¹.

В итоге было обследовано 53 имения и 41 из них передано в управление баронам казначейства². Большинство владений было продано в уплату многочисленных долгов их прежних владельцев, так что, когда в 1752 г. вышел акт о передаче конфискованных имений под управление

---

¹ David Bruce to the Lord Hardwicke. London, 10th Aug., 1749; same to same. Isle of Skye, 3rd Oct., 1749; same to same. London, 10th May, 1750; same to same. London, 11th May, 1750; same to same. London, 1st June, 1750; same to same. 18th June, 1750; same to same. London, 14th March, 1750; Report of David Bruce, Esq., one of the Surveyors of the Forfeited Estates in Scotland. 1750; Copy of a Letter from Mr. John McCaulay [the Minister in the South Uist] to David Bruce, Esq., Surveyor of the Forfeited Estates in Scotland. Ormoclet, 2nd February, 1750 Copy of a Letter from Mr. John McCaulay [the Minister in the South Uist] to David Bruce, Esq., Surveyor of the Forfeited Estates in Scotland. Benbecula, 7th February, 1750 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. January 1749 — July 1753. Add. MS 35447. P. 21, 33, 69, 71, 81, 85, 89–95, 149, 151–152–153.

² Plank G. Op. cit. P. 111.

Короны, только 13 владений подлежали его регулированию¹. И даже в этом случае противоречия между чинами, генералами и министрами в Лондоне по поводу путей и способов реформирования Хайленда давали о себе знать. Даже состав Комиссии по управлению конфискованными имениями был определен и утвержден только в 1755 г.²

В этих условиях командующий королевскими войсками в Шотландии, как и в «Мемориале касательно цивилизации Горной Страны» 1747 г., предлагал сдавать конфискованные имения в аренду небольшими участками и на длительный срок, исключить из числа претендентов на должности управляющих имеющих «интерес в Хайленде» (вожди, их родственники или приверженцы),

---

¹ Несмотря на эти обстоятельства, правительство демонстрировало решимость в этом вопросе, уточняя и продлевая затем этот акт: An Act to explain, amend, and continue the Provisions made by Two Acts of Parliament of the Nineteenth and Twenty first Years of His Majesty's Reign, for the more effectual disarming the Highlands in Scotland, and to make Provision for the more speedy ascertaining the lawful Debts or Claims upon the Lands and Hereditaments, that some Time belonged to Alexander Robert son of Strowan, which, with other forfeited Estates, are by an act of the Twenty fifth Year of His Majesty's Reign annexed to the Crown unalienable. London, 1753; Anno Regni Georgii II. Regis Magnae Britanniae, Franciae, and Hiberniae. Tricesimo Primo. At the Parliament begun and holden at Westminster, the Thirty first Day of May, ann Dom. 1754 in the Twenty seventh Year of the reign of our Sovereign Lord George the Second, by the Grace of God, of Great Britain, France, and Ireland, King, defender of the Faith, and etc. And from thence continued by several Prorogations to the First Day of December, 1757, being the Fifth Session of this present Parliament. London, 1758 [An Act to enforce and render more effectual an Act made in the twenty fifth year of His present Majesty's reign, intituled, An Act for annexing certain forfeited estates in Scotland to the Crown unalienably...].

² Та настойчивость, с которой генерал Блэнд предлагал назначить кого-либо из указанных им кандидатур на должность секретаря Комиссии по управлению конфискованными имениями, лучшее тому подтверждение: General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, and etc. etc. Ed., 17th Oct., 1754; same to same. Ed., 26th Oct., 1754; same to same. Ed., 26th Nov., 1754 // BL. HP. Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753–1756. Add. MS 35448. P. 178, 186, 210.

а также — и это соображение было высказано только теперь, после повторного назначения — многих представителей местных властей (членов Сессионного суда) из числа «пламенных шотландских патриотов», «умолявших о пощаде для бедных людей (на деле мятежников)» и во время судов «бывших им скорее советниками, нежели судьями»¹.

Однако это была негативная программа: генерал указывал на тех, кого следовало исключить из участия в реформировании Горного Края, но не давал готовый ответ на вопрос о том, кого в таком случае было необходимо назначать управляющими: «Я зашел слишком далеко, излагая свое мнение в делах такой важности и так далеко отстоящих от моей профессии, я надеюсь, Ваша Светлость скорее отнесете это к моему рвению претворить столь многообещающий план, какой задумала Ваша Светлость, чем на счет моего преувеличенного мнения о собственных способностях, поскольку мои познания в гражданских делах недостаточно широки...»²

Вместе с тем его письма в Лондон по этому вопросу, а также некоторым другим, связанным с организацией военного и гражданского управления гэльской окраиной, содержат некоторые рекомендации, которые проливают свет на то, какое место в процессе решения «Хайлендской проблемы» Хамфри Блэнд отводил военным и гражданским чинам, а также местным информаторам: «Я... придерживаюсь скромного мнения, что разумного англичанина следует назначить секретарем Комиссии [по управлению конфискованными имениями], который не связан с местными партиями. Недостаток знания им этой страны не является препятствием, так как он найдет

¹ General Bland to The Right Honourable The Lord High Chancellor. Ed., 25 Dec., 1753; same to same. Ed., 22 Feb., 1754 // BL. HP. Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753–1756. Add. MS 35448. P. 51, 58.

² General Bland to The Right Honourable The Lord High Chancellor. Ed., 25 Dec., 1753 // BL. HP. Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753–1756. Add. MS 35448. P. 51.

достаточно честных людей здесь, чтобы восполнить этот пробел, если ему прикажут следовать советам тех людей, на которых Ваша Светлость ему укажет»¹.

В схожем ключе генерал Блэнд весьма успешно рекомендовал назначить на пост лорда-адвоката Сессионного суда Шотландии (напомним, это один из высших гражданских постов в Северной Британии) Дандэса из Эрнистона: «Он очень здорово помогает мне в получении информации по поводу Хайленда...» (не говоря уже о том, что его жена — «лояльная подданная, убежденная сторонница вигов и у нее английское сердце»)².

Рекомендуя герцогу Ньюкаслу полковника Джорджа Ховарда, «часто бывшего в этой стране вместе с полком», командующий обращает внимание на то, что тот «не только отлично зарекомендовал себя в своей профессии как солдат; но благодаря разностороннему образованию и хорошим природным качествам способен исполнять обязанности значительно более важного свойства», даже стать преемником генерала Блэнда на посту командующего королевскими войсками в Шотландии в чине генерал-майора, поскольку полковник Ховард «прекрасно подготовлен ко всем происходящим здесь делам и принятию надлежащих мер по их исполнению; что является результатом знания, приобретаемого лишь со временем и опытом, которым он уже обладает; преимущество, которое может быть очень полезно правительству, и, таким образом, оно стоит того, чтобы быть известным Вашей Светлости, поскольку вам может представиться случай привлечь таких подготовленных подданных к королевской службе в будущем»³.

---

¹ General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, and etc. etc. Ed., 26th Nov., 1754 // BL. HP. Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753–1756. Add. MS 35448. P. 210.

² General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, and etc. etc. Ed., 24th Dec., 1754; same to same. Ed., 11th Feb., 1755 // BL. HP. Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753–1756. Add. MS 35448. P. 220, 230.

³ General Bland to His Grace the Duke of Newcastle, and etc. etc. Ed. Edinburgh, 29th Oct., 1754 // BL. NP. Vol. LII. Add. MS. 32737. P. 225.

Между тем характерно, что министры в Лондоне учли мнение генерала о том, кого следует назначить лордом-адвокатом Сессионного суда Шотландии, но проигнорировали его соображение о том, кому после него следует занять пост командующего королевскими войсками в Северной Британии (новым командующим в 1756 г. был назначен не протеже Хамфри Блэнда Джордж Ховард, а Джон Баклерк).

Такое развитие событий позволяет говорить о наличии взаимного контроля среди «шотландских» чинов и двойной (или даже тройной) проверке поступавших из Хайленда сведений, инициированной властями и до, и после последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг.¹

В этой ситуации и генерал Уэйд, и генерал Блэнд (как и их менее известные и деятельные коллеги на посту командующего королевскими войсками в Шотландии) в споре по поводу путей и способов решения «Хайлендской проблемы» были вынуждены представлять свою службу в крае перед лицом правительства в Лондоне таким

---

¹ Так, во времена генерала Уэйда параллельным командующему, его агентам и осведомителям каналом получения информации «о состоянии Хайленда» для правительства был лорд-адвокат, а затем лорд-президент Сессионного суда Шотландии Данкан Форбс из Каллодена, который вел переписку по этому поводу напрямую с герцогом Ньюкаслем, виконтом Тауншендом, сэром Робертом Уолполом и Чарльзом Делафеем, курировавшим агентурную (в том числе антиякобитскую) деятельность правительства, см., напр.: The Lord Advocate to Mr Delafaye. Edinburgh, 29th October 1726; Mr Delafaye to Lord Advocate. Whitehall, November 7th, 1727; The Duke of Newcastle to the Lord Advocate. Kensington, July 25, 1729; The Lord Advocate to the Duke of Newcastle. Inveraray, in Argyllshire, 5th August, 1729; The Lord Advocate to Sir Robert Walpole. Perth, 11th August, 1730; Mr Delafaye to the Lord Advocate. Whitehall, July 10th, 1732 // Culloden Papers. P. 97, 102, 107–108, 116, 123–124; Forbes to Lord Duke. Edinburgh, June 26, 1728; Forbes to Sir Robert Walpole. Inverness, August 23, 1728; Forbes to Lord Duke of Newcastle [Copy sent to Lord Townshend]. Inverery, August 5th, 1729; same to same. Inverness, 5th September, 1729; same to same. Inverness, 26 September, 1729; Forbes to Sir Robert Walpole. Inverness, 26 September, 1729; Forbes to Lord [Duke of Newcastle или Townshend]. Edinburgh, 31 October, 1729 // TNA. SP 54.19 (34/117–118, 44/141–142, 65/309–311, 91/325–326, 97/340, 97/342, 101/351).

образом, чтобы, во-первых, активно претендовать на роль идеального управляющего мятежной гэльской окраиной, а во-вторых, постоянно и аргументированно убеждать министров в том, что предпринимаемые меры являются самыми необходимыми и перспективными.

Таким образом, исследуя особенности принятия решений по «Хайлендской проблеме» во время присутствия в Горной Стране «армии Камберленда», можно отметить, что в контексте тройного идейного конфликта по этому поводу правительство руководствовалось в большей мере рекомендациями военных. Однако, как и во времена Джорджа Уэйда, это обстоятельство было вызвано скорее тем, что генералы лучше отражали намерения и интересы самих властей в рамках хайлендской политики Лондона — весьма ограниченные в 1720–1730-е гг. и, напротив, очень масштабные в 1740–1750-е гг. с точки зрения прямого участия государства в «цивилизации» Горного Края (в особенности с помощью такого института, как королевская регулярная армия).

При этом следует помнить, что при всей самостоятельности командующих в отборе информации, поступавшей к ним от местных информаторов, генералы во многом руководствовались именно ею (по крайней мере как основой для дальнейших размышлений)¹. Объясняется

---

¹ Генерал Уэйд, инспектировавший Хайленд на предмет соответствия действительности сведений, изложенных в мемориале лорда Ловэта (и активно сотрудничавший в этом деле со многими другими вождями и лэрдами), и генерал Блэнд, представивший мемориал о путях и способах «цивилизации» мятежной гэльской окраины в соавторстве с лордом Милтоном, — хрестоматийные примеры этой общей и неизбежной тенденции. Тот факт, что командующие предлагали на должности мировых судей своих офицеров, можно рассматривать как проявление недоверия местным властям в условиях мятежа и умиротворения охваченной им гэльской окраины (уж слишком близко в Горной Стране стояли вопросы разоружения и судебных преследований), а можно и как свидетельство кадрового дефицита, с которым генералы столкнулись в Хайленде и который можно было преодолеть только одним способом — привлекая к сотрудничеству представителей местных элит. В рекомендациях генерала Уэйда по назначению в мировые комиссии «для графств шотландского Хайленда» значились только

это тем, что по целому ряду вопросов они были попросту некомпетентны (в чем сам генерал Блэнд, например, признавался не раз, а генерал Уэйд, напомним, вообще следовал в составлении своего первого рапорта «о состоянии Хайленда» инструкциям, основанным на мемориале вождя), а в некоторых случаях не имели иной возможности перепроверить сведения, поступавшие к ним от отправленных в шотландские горы военных отрядов¹.

военные, однако половина из них — капитаны вновь сформированных в 1725 г. отдельных хайлендских рот, вожди или «младшие вожди» кланов Горного Края. Такое же решение проблемы разоружения предлагали и генералу Блэнду в 1747 г.: List of Governors and other Officers proper to be put into the New Commissions of the Peace for the Highland Countys in Scotland [вложен в письмо: Wade to... Edinburgh, 16 July, 1727] // TNA. SP 54.18 (25B/128). List of Officers of the Army proposed to be added to the Ordinary Lists of the Justices of Peace in all the countys where the Disarming Act takes place [содержится в: Fletcher A. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 15, 1747]; List of persons proposed to be assisting to Lieutenant General Bland in the execution of the Disarming Act [содержится в: Lord-Justice Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 15, 1747] // AP. P. 503–504.

¹ Часто их командиры и их подчиненные были единственными свидетелями сведений, которые они сообщали. Так, политика командующего по умиротворению и «цивилизации» Западных островов в 1750-е гг. была выстроена на основании (подлежащих проверке) сведений одного-единственного, хотя весьма обстоятельного рапорта капитана 3-го пешего полка (знаменитые «Буйволоковые шкуры») Джона Бэрлоу от 30 июня 1753 г. о состоянии Западных островов Шотландии: Copy of Captain Barlow's Report. To Lieut.-Gen. Churchill. 30 June, 1753; Captain John Barlow to Colonel Holmes. Uala, North Uist, Oct. 9, 1753; Report from Captain Barlow of the Buffs, giving a Description of the Western Isles of Scotland, where the parties under his command were employed on Outpost Duty Summer 1753. Edinburgh, 1 January, 1754; Lieut.-Gen. H. Bland to the Duke of Newcastle. Edinburgh, 14 February, 1754 [copy of the Report of Captain Barlow enclosed, p. 29–34] // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 5–8, 19, 23–26; Memorandum relating to the Western Isles of Scotland; General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, Lord Chancellor. Ed., 22 Feb., 1754; General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, and etc. etc. Ed., 6th Jul., 1754; Copy of a Letter from Mr. George McKenzie, lately appointed Factor by Lord Fortrose on his Estate in the Island Of Lewis. To Lieut. Colonel Watson, dated at Brachan Castle, 28th June, 1754 // BL. HP. Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753–1756. Add. MS 35448. P. 49, 57–58, 110, 112.

Чтобы понять, к каким результатам привели сформулированные, отобранные и утвержденные таким образом способы решения «Хайлендской проблемы», необходимо проанализировать конкретные мероприятия командующих королевскими войсками в Шотландии, связанные с широким привлечением местных агентов и информаторов, которые до окончательного исчезновения хайлендской угрозы к концу 1750-х гг. составляли основное практическое содержание хайлендской политики Лондона в этом вопросе: разоружение, амнистию, военное сотрудничество.

§ 2. Успешный командующий: способы «умиротворения» Хайленда

Искусство невозможного: разоружение в Хайленде

13 ноября 1715 г. для сторонников изгнанной династии Стюартов было днем совершенного разочарования: армия якобитов под началом бригадира Уильяма МакИнтоша из Борлама капитулировала под Престоном, в Англии, а основные силы якобитов под началом графа Мара так и не смогли добиться решительного исхода сражения в свою пользу в битве с королевской армией герцога Аргайла при Шериффмуре, в Шотландии¹. Военная активность якобитов еще продолжалась какое-то время на севере Соединенного Королевства, однако к началу 1716 г. поражение восстания якобитов в 1715–1716 гг. основным участникам противостояния было уже очевидно².

---

¹ *Chambers R. History of the Rebellions in Scotland under the Viscount of Dundee and the Earl of Mar in 1689 and 1715. Edinburgh and London, 1829. P. 278–282; Duke of Argyle to Lord Townshend. November 21, 1715; Earl of Mar to the Chevalier de St. George. November 24, 1715 // Baynes J. The Jacobite Rising of 1715. London, 1970. P. 153–154.*

² *Baynes J. Op. cit. P. 155–161; Duke of Argyll to Culloden. Aberdeen, February 17, 1716 // CP. P. 40; Chevalier de St. George to the Duke of Argyle. Montrose, February 4, 1716 // Keltie J.S. History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of*

Вместе с тем важный итог противостояния заключался в том, что если горцы бригадира МакИнтоша и некоторые изъявившие желание быть с ним английские джентльмены были пленены 13 ноября 1715 г., то армия графа Мара, по большей части также состоявшая из жителей Горной Страны, в тот день не была разгромлена, не сдалась врагу и не капитулировала — она растворилась в Хайленде, так что «палаши Стюартов» по-прежнему принадлежали своим ушедшим в горы владельцам¹.

Материальные потери армии графа Мара в битве при Шериффмуре составили 6 пушек и 1000 мушкетов, при том что сама армия якобитов в Шотландии накануне сражения насчитывала в своих рядах, по разным данным, до 12 000 человек и ее общие людские потери исчислялись в 232 человека (до 890 человек, по мнению некоторых исследователей)². Даже при самом благоприятном для Лондона соотношении сил тревожный для правительства факт заключался в том, что как минимум около 11 000 активно нелояльных Короне горцев по-прежнему были организованы (клановой военной структурой и агентурными связями с двором Стюартов в изгнании) и вооружены. Анализ ситуации в дальнейшем покажет еще большее число «недовольных» в Горной Стране³.

---

the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan and an Essay on Highland Scenery by J. Wilson. Edinburgh and London, 1875. Vols. I–II. P. 473–474.

¹ Cameron of Lochiel to the Gentlemen of Clan Cameron. June 24, 1716 // Transactions of the Gaelic Society of Inverness. 1904. Vol. XXVI // <http://www.lochiel.net/archives/arch173.html>; *FitzJames F.* [впоследствии герцог Лириа]. Unpublished Diary of the Duke of Liria [выдержки] // Petrie C. The Jacobite movement. London, 1959. P. 256–260; *Baynes J.* Op. cit. P. 200.

² Напр.: *Keltie J.S.* Op. cit. P. 459; *Baynes J.* Op. cit. P. 152; *Johnston T.B., Robertson J.A.* Historical Geography of the Clans of Scotland. Edinburgh and London, 1899.

³ *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // *HPJP*. Vol. I. P. 143–144.

И именно в это время, в начале 1716 г., выходит первый акт о разоружении кланов Горной Шотландии¹. Причины его появления ясны, удивление вызывает процесс его реализации. 27 февраля 1716 г. командование всеми королевскими войсками в Шотландии принимает от герцога Аргайла генерал Уильям Кэдогэн (получивший титул 1-го барона Ридинга как раз сразу после активного участия в подавлении якобитского мятежа 1715–1716 гг. в Шотландии и реализации акта о разоружении весной 1716 г.)². На него же в соответствии с актом были возложены задачи разоружения кланов Горной Страны.

Разоружение беспокойного Хайленда в феврале–апреле 1716 г. стороннему наблюдателю представлялось предприятием чрезвычайно серьезным³. В конце марта 1716 г. с трех больших военных кораблей Короны на неприветливый, ревущий весенней мелодикой «волынок Стрэт-Дирна» берег Горной Шотландии спустили порох, пушки и мортиры, снаряды и пули, повозки, провизию и прочее военное имущество, призванное обеспечить собиравшуюся встать лагерем 3 апреля 1716 г. в Развене,

---

¹ *Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 31.*

² «Уильям Кэдогэн... произведен в лорды, став лордом Кэдогэном бароном Ридингом, в графстве Беркс» 25 июня 1716 г. (*The Journal of the House of Lords. London, 1802. Vol. 20. P. 394–395; Baynes J. Op. cit. P. 200, 206*).

³ В роли таких «сторонних» (не обладавших профессиональным военным опытом) наблюдателей выступали, например, мистер Роберт Бэйли, священник в г. Инвернесс, выполнявший, видимо, обязанности капеллана в армии разоружавшего кланы Горной Шотландии весной 1716 г. генерала Уильяма Кэдогэна, и мистер Джон Хоссэк, провост г. Инвернесс в данный период, в силу своего положения и обязанностей также располагавший сведениями о пацификационных мероприятиях, проводимых в Горной Стране по «свежим» следам мятежа якобитов в 1715–1716 гг. (СР. P. 43–56; *The Commissariat Record of Inverness. Register of Testaments. 1630–1800 / Ed. by F.J. Grant. Edinburgh, 1897 // http://www.scotsfind.org/inverness_access/inverness.pdf*).

в местности Баденох, армию командовавшего всеми королевскими войсками в Северной Британии Уильяма Кэдогэна¹.

Только вот воинство короля Георга I, призванное в Горную Страну на благо и мир всего королевства, едва ли превышало 3500 «красных мундиров», намеревавшихся между тем разоружить все 11 000 проявивших в 1715–1716 гг. свой мятежный дух горцев². Более того, военные отряды, снаряжавшиеся в лагерях командующего королевскими войсками в Шотландии в экспедиции по разоружению горцев, исчислялись в пределах 200–600 солдат и офицеров, между тем как один только клан МакДоналдов из Клэнрэнэлда выступил за Якова Стюарта в 1715–1716 гг. в составе 565 вооруженных по-прежнему клансменов³.

Генерал Кэдогэн между тем, совершенно не смущаясь, видимо, указанными выше обстоятельствами, еще раньше выпустил приказ, распространенный через приходские церкви в Хайленде, требовавший от

¹ Robert Baillie to [Culloden]. Inverness, March 30, 1716 // CP. P. 44; Cameron A. Allan Cameron's Narrative, February–April, 1716 / Ed. by S. Terry // SHR. 1908. Vol. 5. P. 144.

² Cameron A. Op. cit. P. 142. По другим данным — 2500 военных чинов (Duncan Forbes to the Lord Advocate. Edinburgh, March 20, 1716; Robert Baillie to [Culloden]. Inverness, March 23, 1716; John Hossack to Mr. Duncan Forbes. Inverness, April 6, 1716 // CP. P. 41–43, 47); Чарльз Кэткарт, 8-й барон Кэткарт, служивший волонтером под началом герцога Аргайла при Шериффмуре, в письме к Хью Кэмпбеллу, 3-му графу Лодону, члену Тайного совета Георга I Ганновера и лорд-лейтенанту Эйршира, от 24 марта 1716 г. сообщает даже о 2000 человек с генералом Уильямом Кэдогэном (Schweizer K.W. Neglected Source Materials on the Jacobite Risings // Scottish tradition. 1999. Vol. 24. P. 18).

³ Самый крупный, отряд генерал-майора Джозефа Уайтмена, например, состоял из 400 пеших и 50 конных солдат и офицеров, а также из более чем 100 милиционеров под началом Форбсов из Каллодена и некоего лэрда из Килрэйка (Robert Baillie to [Culloden]. Inverness, March 23, 1716 // CP. P. 43); направленный к Стюартам из Эппина отряд полковника Джаспера Клэйтона, как сообщает Элэн Кэмерон, полковник полка клана Кэмерон и брат Джона Кэмерона, XVIII вождя клана Кэмерон, насчитывал 500 человек (Cameron A. Op. cit. P. 142; Baynes J. Op. cit. P. 59).

«мятежников» сдаться самим и сдать свое оружие в обмен на амнистию¹. Разместившись в местности Блэйр Этолл, в замке мятежного герцога Этолла, затем в Развене, в местности Баденох, после — в Инвернесе, «столице» Горной Страны, командующий намеревался из этих своих резиденций контролировать соседние беспокойные области и, разумеется, процесс сдачи оружия горцами.

При этом разоружение хайлендеров генерал Уильям Кэдогэн уже через два месяца счел в основном завершенным и, переложив должностные обязанности на генерала Джозефа Сэбайна, 27 апреля 1716 г. благополучно отбыл в Лондон². По мнению генерала Кэдогэна, разоружились в крае все, «кроме Сифорта и МакДоналдов с Островов»³. О положении на острове Скай командующий сообщал в Лондон, что «по прибытии войск [полковника Клэйтона] все мятежники там сдались и начали выдавать оружие, и я проинформирован, что те, что на других островах, намерены сделать то же самое. Там сейчас нет ни одного клана, упорствующего в мятеже, и Хайленд в такой степени замирен, что младший офицер с тридцатью людьми может безопасно весь его пересечь»⁴.

Мир в королевстве действительно утверждался очень стремительно. Подчинение желавших подчиниться вождей с готовностью принималось, старое или испорченное оружие охотно сдавалось, передача полномочий на прием оружия местным союзным лидерам, находившимся порой в тесной связи с соседями-якобитами, также

---

¹ Текст приказа см.: *Charles G. History of the transactions in the years 1715–16 and 1745–46: containing an impartial account of the occurrences of these years together with an authentic detail of the dangers Prince Charles encountered after the Battle of Culloden, with a short sketch of his life; interspersed with a variety of anecdotes, never before published.* Stirling, 1817. Vol. I. P. 414–415.

² *Keltie J.S.* Op. cit. P. 479.

³ Cadogan to Sir... Inverness, April 10th 1716 // TNA. SP 54.11 (221/594–595).

⁴ Same to same. Inverness, 24 April, 1716 // TNA. SP 54.11 (236/635).

практиковалась¹. Некий Данкан Кэмпбелл, бывший свидетелем реализации акта о разоружении (в последующем — капитан одной из вольных рот из горцев на службе Короны в Горной Стране), сообщает в письме от 12 апреля 1716 г., что хотя многие кланы принимают участие в сдаче оружия, количество последнего не соответствует числу участвовавших в восстании — действительность, которую можно было бы ожидать².

Между тем причины такого пренебрежения к этой части умиротворения Хайленда отнюдь не очевидны. Труднодоступность Горного Края и недостаток в войсках, на которые часто справедливо ссылаются, сами по себе, на наш взгляд, не служат в этом деле достаточным объяснением³. Если проблема заключалась действительно в этом, то почему генерал Кэдогэн безоговорочно взялся за исполнение акта о разоружении и, более того, рапортовал об успешной его реализации и даже получил титул барона (позже — графа) и новое назначение в качестве губернатора острова Уайт?

В компетентности главнокомандующего ответ мы не найдем. Уильям Кэдогэн, как и генерал Уэйд, родился в Ирландии и был внуком последовавшего на «Изумрудный остров» вслед за Оливером Кромвелем английского солдата, обнаруживая то же правило энергичной военной

---

¹ *Baynes J. Op. cit.* P. 201–202. Стоит отметить, что генерал Кэдогэн порой шел на сотрудничество с горцами даже тогда, когда явно испытывал к ним недоверие, как, например, с Кэмпбеллами из Финнэба, тайно содействовавшими МакГрегорам и участвовавшими в приеме оружия (*Howell H. Highland Constable: the Life and Times of Rob Roy Macgregor. Edinburgh, 1950. P. 62–63*).

² Letter to General George Wade from Sir Duncan Campbell, Capt. Of one of the Highland Companys. Edinburgh, May 2, 1727 [вложено в: *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727*] // *HPJP. Vol. I. P. 154; Baynes J. Op. cit.* P. 202.

³ Напр.: *Baynes J. Op. cit.* P. 201; *Sinclair-Stevenson C. Inglorious rebellion. The Jacobite risings of 1708, 1715 and 1719. London, 1971. P. 185; Lenman B. The Jacobite Cause. Glasgow, 1986. P. 77; Lenman B. The Jacobite Risings... P. 195; Black J. Culloden and the 45'. London, 1990. P. 36.*

службы — правило бедности. К 1716 г. Кэдогэн обрел богатый и ценный опыт управления различными службами в условиях военного времени и среди чужого, порой враждебно настроенного местного населения, выполняя широкие обязанности генерал-квартирмейстера в армии Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо, а затем и под началом Джеймса Батлера, 2-го герцога Ормонда, в Войне за испанское наследство (1702–1713 гг.) с 1702 по 1712 г.

Успешная карьера Кэдогэна, казалось, навсегда оборвалась ветром политических перемен в королевстве — падением, благодаря усилиям торийского правительства королевы Анны, герцога Мальборо и вместе с ним многих из тех, с кем он был дружен. Уильям Кэдогэн также был лишен своих постов и отправлен в отставку.

Однако многое переменялось с восшествием на престол представителей дома Ганноверов. Суверены новой династии и их правительства нуждались в способных и решительных людях, в условиях частых заговоров якобитов и напряженного ожидания очередного мятежа охотно прощая успешных попасть в немилость при прежнем монархе. Поразительное и знаковое совпадение — для генерала Кэдогэна, как позже для генерала Уэйда, кризисное состояние королевства стало залогом их личного успешного будущего. И путь к нему для британцев с таким происхождением и опытом в то время пролегал и через умиротворение беспокойной гэльской окраины.

Между тем можно предположить также, что проблема заключалась в позиции правительства и министров, слишком далеко находившихся и от Горной Страны, и от проблем ее умиротворения. Однако и здесь мы встречаем необходимое сочетание должности и профессионального опыта: кабинет возглавляли генерал Джеймс Стэнхуп, прошедший школу Войны за испанское наследство и тогда же бывший послом Великобритании в Испании, а затем и командующим всеми королевскими войсками в этой стране, государственный секретарь Южного департамента с сентября 1714 г. по декабрь 1716 г., и Чарльз Спенсер, 3-й граф Сандерленд, принимавший активное

участие в продвижении унии между Англией и Шотландией, в 1705 г. — чрезвычайный посланник в Вене, а в 1706–1710 гг. — государственный секретарь Южного департамента, с 1714 по 1717 г. — лорд-лейтенант Ирландии¹.

Другое возможное объяснение «удовлетворения» результатами реализации весной 1716 г. акта о разоружении в Горной Шотландии — стремление министров поскорее снять с себя бремя забот по умиротворению Горной Страны и заняться более важными, в их представлении, государственными делами. Но и здесь мы вновь встречаемся с противоречием: протоколы парламентских заседаний за 1715–1716 гг. (и далее) совершенно ясно свидетельствуют, что одним из самых важных государственных дел считалось обеспечение безопасности Соединенного Королевства в свете угрозы возможного вторжения иностранной державы именно через Шотландию под предлогом поддержки претензий на британский престол «Претендентов» из дома изгнанных Стюартов².

Итак, в чем же действительная причина такого отношения к акту его создателей и исполнителей? Каковы были действительные задачи акта о разоружении кланов Горной Шотландии?

Полнота картины происходившего в Горной Стране в первой половине XVIII в., необходимая для ответа на поставленные вопросы, требует выявления единичности или,

¹ *Gibbs G.C. Parliament and Foreign Policy in the Age of Stanhope and Walpole // EHR. 1962. Vol. 77. No. 302. P. 27; Baynes J. Op. cit. P. 212; EHD. P. 959, 963.*

² Напр.: *King's Speech; The Address [of the House of Commons to the King]; Mr R. Walpole's Motion for an Address to the King, to allow the Oficeron Half-Pay Full Pay; King's Speech relating to an Invasion by the Pretender [содержится в: First Parliament of George I. First session — begins 17.03.1715] // The History and Proceedings of the House of Commons. London, 1742. Vol. 6. P. 9–47.* Еще одним показателем важности фактора якобитской угрозы в политической жизни Соединенного Королевства в первой половине XVIII в. можно считать непрерывную работу направленной во многом именно против этой опасности обширной агентурной сети, курировавшейся на уровне государственных секретарей: *Fritz P.S. The Anti-Jacobite Intelligence System of the English Ministers, 1715–1745 // THJ. 1973. Vol. 16. No. 2. P. 265–289.*

напротив, общности правительственного подхода к реализации актов о разоружении Хайленда за весь данный период. В этом смысле принципиальное значение имеет, конечно, анализ реализации двух других из трех актов о разоружении кланов Горной Шотландии — от 1725 и 1746 гг., ставших необходимой реальностью с началом так называемой «второй волны умиротворения» Горной Страны в 1720–1730-е гг., связанной прежде всего с деятельностью генерала Уэйда, а также с подавлением восстания якобитов 1745–1746 гг.¹

К 10 декабря 1724 г. генерал Уэйд сразу же по окончании своей секретной («под предлогом инспекции расквартированных в Шотландии гарнизонов и войск») миссии в Горный Край подготовил рапорт о состоянии дел в Горной Шотландии². В нем в том числе указывалось на отрицательные моменты в реализации акта о разоружении кланов от 1716 г. Говорилось, например, о получившей распространение «порочной» практике сдачи горцами властям за денежное вознаграждение испорченного оружия, которое они для этих целей специально скрытно закупали в Голландии и, таким образом, к 1725 г. успели получить от правительства 13 000 ф. ст.; о сохранении набеговой практики — кражи скота главным образом и шантажа («подъем» («lifting») и «черная рента» («blackmail») в более снисходительном к подобным

---

¹ «An Act for more effectual disarming the Highlands in that part of Great Britain called Scotland», June 1, 1725 // *Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh; Glasgow and London, 1822. P. 289–290; An Act for more effectual disarming the Highlands in Scotland, 1746 // *Select Statutes, Cases and Documents to Illustrate English Constitutional History, 1660–1832. With Additional Matter on Irish and Canadian Documents (1840–1931) / Ed. by C.G. Robertson. London, 1949. P. 214–221; Plank G. Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006. P. 16; Speck W.A. The Butcher: The Duke of Cumberland and the Suppression of the 45'. Oxford, 1981.**

² Lockhart of Carnwath to the King. May 24, 1725 // LP. P. 159; Wade G. Report, &c, relating to the Highlands. December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–149.

проявлениям шотландском варианте английского языка), — что без оружия было бы невозможно¹.

Подтвердились и сведения, подлежавшие, между прочим, проверке в ходе визита генерала Уэйда в Горную Область (вообще знаковый показатель доверия к местной элите), изложенные в мемориале лорда Ловэта, от того же 1724 г., который, кроме прочего, свидетельствовал: «К этому времени [к 1716 г.] сочли целесообразным, чтобы парламент выпустил акт о разоружении горцев, что в теории, несомненно, являлось мерой полезной и желанной; однако опыт выявил отрицательные последствия этих усилий, заключающиеся в том, что владевшие оружием и сражавшиеся за правительство, считая своим долгом исполнение закона, соответственно сдали свое оружие, однако нарушающие законы горцы, изрядно послужившие своим оружием Претенденту, прекрасно сознавая непреодолимые трудности, встававшие перед правительством при реализации этого акта [о разоружении кланов]... сохранили все свое пригодное оружие, выдав только украденное или уже непригодное; таким образом, в то время как враги Его Величества остаются снаряженными и готовыми ко всем беспорядкам, какие случались и до мятежа [до восстания якобитов 1715–1716 гг.], его [Его Величества] верные подданные... остались... беззащитными, к милости и пощаде своих врагов и признанных противников правительства»².

¹ *Wade G. Report, &c, relating to the Highlands. December 10, 1724...* P. 134–136; уже в 1747 г. лорд-клерк Сессионного суда Шотландии и, напомним, один из основных информаторов правительства Соединенного Королевства о положении в Горной Стране после подавления выступления якобитов 1745–1746 гг., Эндрю Флэтчер из Сэлтоуна, лорд Милтон, между прочим, констатирует: «Они [горцы] знали, как быстро снабдиться [оружием] из-за рубежа...»: *Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands* [вложено в: *Lord Justice-Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747*] // AP. P. 482; *Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726* // *Burt E. Op. cit. 1822. P. 309; Burt E. Op. cit. 1876. P. 225–232.*

² *Fraser S. Memorial Addressed to Ms Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724* // *Burt E. Op. cit. 1822. P. 262–263.*

В результате разоружения кланов Горной Страны весной 1716 г. защиты лишились, действительно, главным образом именно лояльные Ганноверам кланы. Имевшее в крае место домашнее производство оружия, ориентируясь на единичные заказы, понесенные потери, разумеется, покрыть не могло...¹

10 августа 1725 г. уже в качестве командующего королевскими войсками в Шотландии и с новым актом о разоружении генерал Уэйд прибыл в Инвернесс². Правительство Соединенного Королевства в этот период являло собой вполне достаточную для масштабной реализации акта силу. Но было ли намерение прилагать ее именно к акту о разоружении кланов Горной Шотландии? Первый министр, сэр Роберт Уолпол, обладал достаточно прочными позициями и в парламенте, и в правительстве, с тем чтобы провести в жизнь любое исполнимое решение³.

Однако деятельность генерала Уэйда в этой части умиротворения Горной Страны разительно похожа на мероприятия генерала Кэдогэна в Хайленде весной 1716 г. Был так же, через церковные приходы, распространен приказ командующего о сдаче оружия, резиденцией, как и прежде, стал Инвернесс, а сам генерал Уэйд лично руководил этим торжественным действием⁴.

¹ *Maxwell S.* A Highland Pistol by Hector McNeill of Mull, 1733 // PSAS. 1967–1968. Vol. 100. P. 197.

² *Wade G.* Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726... P. 302.

³ Напр.: *Simpson J.M.* Who Steered the Gravy Train, 1707–1766? // Scotland in the Age of Improvement... P. 47–60.

⁴ *Wade G.* The Form of a Summons, as affixed to the several Parish Churches and Head-Boroughs. Inverness, August 16, 1725 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 322–323; *Chambers R.* Domestic Annals of Scotland. From the Revolution to the Rebellion of 1745. Edinburgh and London, 1861. Vol. III. P. 499. О ходе разоружения генерал Уэйд также писал в Лондон в позитивном ключе: George Wade to Lord Townshend. Camp at Inverness, 14th August, 1725; same to same. Inverness, August the 20th, 1725; same to same. Brachan Castle, August the 31st, 1725 // TNA. SP 54.15 (67/326, 70/346–347, 81/379–380).

Процесс сдачи оружия горцами действительно походил на некий спектакль в романтическом стиле: командующий королевскими войсками в Северной Британии во главе 400 «красных мундиров», выстроившихся во фронт перед седой крепостью Брэхэн (как прежде, замок одного из вождей кланов, вовлеченных в восстание 1715–1716 гг., на этот раз замок вождя клана МакКензи), торжественно принимал от горцев оружие и заверения в лояльности британской Короне¹.

А в это время другие горцы, но в той же Горной Стране продолжали совершать вооруженные набеги за добычей (главным образом на своих отвыкших от этого дела соседей в Нижней Шотландии), а в ставших предметом специального рассмотрения (в отчете все того же генерала Уэйда) известных плохо скрываемой непокорностью Лондону владениях бежавшего в верное прибежище якобитов, Францию, Уильяма МакКензи, 5-го графа Сифорта, который получит прощение Короны только в 1726 г., Доналд Марчисон, подполковник в полку графа в бурных событиях 1715–1716 гг., а теперь его управляющий, на совершенно незаконных, но от того не менее реальных основаниях, как и прежде, собирал с формально конфискованных правительством земель ренту и отправлял ее к графу во Францию. Законные сборщики налогов, даже поддержанные воинскими командами, перед

---

¹ Всего в распоряжении генерала Уэйда в лагере под Инвернесом находилось чуть более 2000 человек — в 1722 г., главным образом в связи с якобитской угрозой, численность пеших батальонов в полках британской королевской армии была доведена до 655 человек (до 332 человек в драгунских полках) (*Fortescue J.W. A History of the British Army. London, 1899. Vol. II. P. 16–17*); 2-й пеший полк Пирси Кирка, 10-й пеший полк Генри Гроува и 12-й пеший Восточно-Саффолкский полк Томаса Уэтхэма предоставили три пеших батальона и отряд из 50 драгун (*Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 302; Cannon R. Historical Record of the Twelfth, or the East Suffolk Regiment of Foot, containing an account of the formation of the regiment in 1685, and of its subsequent services to 1847. London, 1848. P. 22; Chambers R. Domestic Annals of Scotland... P. 499*).

вооруженными соратниками Марчисона долгое время предпочитали ретироваться¹.

Более того, по ту сторону противостояния, в среде якобитов, вопрос о сдаче оружия активно обсуждался накануне реализации акта. Первоначальное намерение Якова Стюарта убедить вождей кланов указам командующего королевскими войсками в Северной Британии не подчиняться («старший Претендент» даже отправил не менее 30 писем к вождям Хайленда, сообщая о подготовке очередной экспедиции и необходимости, ожидая ее прибытия, сопротивляться) вскоре сменилось решением (соответствовавшим намерениям вождей) побудить горцев выдать худшую часть оружия, предоставив таким образом формальное свидетельство своей лояльности Лондону. Оставшееся оружие предполагалось спрятать до лучших времен — до очередного восстания².

В результате реализации акта горцами было сдано 2685 единиц различных видов оружия на общую сумму в 2000 ф. ст., что по количеству в известной мере уступало тому, что успел собрать Кэдогэн в 1716 г., зато по качеству предыдущим результатам вполне соответствовало. Уэйд кратко резюмировал итог: «...состояние оружия таково, что оно немногим более ценно, чем груды железа»³.

Такая скорее негативная реакция генерала, выраженная даже в официальном отчете, полностью согласуется с изложенными им ранее данными о вооружении Горной

---

¹ *Graham N.* An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, 1747 // *Burt E.* Op. cit. 1822. P. 356–360; *Chambers R.* Domestic Annals of Scotland... P. 459–464; *Wade G.* Report, &c, relating to the Highlands. December 10, 1724... P. 139.

² *Haile M.* James Francis Edward. The Old Chevalier. London; New York, 1907. P. 307–308; *Lockhart of Carnwath to the King.* May 24, 1725; Same to same. July 25, 1725 // LP. P. 154, 186–187.

³ *George Wade to Sir...* Sterling, 27 Oct. 1725 // TNA. SP 54.16 (58/300); *Wade G.* Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726... P. 309; *Chambers R.* Domestic Annals of Scotland... P. 500; при этом компенсации за выданное оружие на этот раз не предусматривались: *Mitchison R.* Op. cit. P. 35.

Страны: в 1724 г. Уэйд насчитывал только у нелояльных Короне кланов от 5000 до 6000 единиц различных видов оружия, не говоря уже о кланах, союзных правительству¹.

Однако эта же реакция генерала не увязывается с его собственными действиями в Горной Стране накануне и во время реализации акта о разоружении кланов Горной Шотландии. Весной 1725 г. в Горную Страну был направлен доверенный посланник Якова Стюарта, Эллэн Кэмерон, дядя Доналда Кэмерона, XIX вождя клана Кэмерон, с целью дать вождям кланов знать о его, Якова, согласии с демонстрацией сдачи оружия генералу Уэйду². Последний между тем был своевременно об этом проинформирован, однако ничего не сделал (или не смог сделать) для ареста посланника двора Стюартов в изгнании ни в 1725 г., ни в 1726 г., когда тот благополучно отбыл на континент³.

Десятилетие спустя один из агентов двора Стюартов сообщал в 1736 г., что «хотя юные горцы в обращении с оружием менее опытни, чем пожилые, однако гневаются, когда между ними и их предками в этом деле проводится слишком большое различие»⁴.

Ежегодно командующий в Шотландии выдавал свыше 200 лицензий на ношение оружия отдельным горцам, гуртовщикам и торговцам, главным образом «для самозащиты и охраны собственности»⁵. Это, например, немногим

¹ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands. December 10, 1724... P. 137.

² Allan Cameron to George Lockhart. September 10, 1725 // LP. P. 209–210.

³ Lockhart of Carnwarth to Lord Inverness [титул 1-го графа Инвернесса дарован Яковом Стюартом одному из своих ближайших советников и придворных в изгнании, полковнику Джону Хэю из Кинноула (Kinnoul)]. December 18, 1725 // LP. P. 229; Keltie J.S. Op. cit. P. 496.

⁴ Answers to some Queries sent to a Person in Scotland, or some of the People about him. Edinburgh, 7th January 1736 // Home J. The History of the Rebellion in the year 1745. London, 1802. P. 275.

⁵ 230 лицензий на два года (до 1 августа 1727 г.) — в 1725 г., 210 лицензий на три года (до 1 августа 1730 г.) — в 1727 г. и, разумеется, далее: Wade G. The Form of Licence for carrying Arms. Inverness, August 1725 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 323; Wade G. Report, &c, relating to the Highlands. December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 161

уступало численности одного из самых беспокойных кланов горношотландского пограничья — клана МакГрегор (300 клансменов этого имени принимало участие в мятежных событиях 1715–1716 гг.)¹. На этом фоне своевременное появление в беспокойном крае поддельных лицензий на ношение оружия и организация вольных рот из представителей лояльных Короне кланов в том же 1725 г. изрядно способствуют нашему пониманию перспектив двух первых актов о разоружении кланов Горной Шотландии в умиротворении края в 1715–1745 гг.²

Преданность генерала Уэйда Короне при этом не ставится под сомнение, учитывая, что именно он более всех своих предшественников и преемников потрудился для умиротворения Горного Края в первой половине XVIII в., окончательно выработав программу умиротворения Хайленда, которой затем в основном и будут придерживаться. И это вновь побуждает задуматься об истинном назначении актов о разоружении кланов Горной Шотландии.

1746 г. принес Короне окончательную победу в вооруженном противостоянии с якобитами и последний в истории королевства акт о разоружении кланов Горной Шотландии. В качестве руководства к действию была принята прежняя практика, хотя теперь ее результаты оказались значительнее³. Жесткие и жестокие методы замирения Горного Края позволили герцогу Камберленду и его генералам во второй половине 1740-х — 1750-е гг. сделать

---

¹ *Baynes J.* Op. cit. P. 59; анонимный автор «The Loch Lomond Expedition with some Short Reflections on the Perth Manifesto. Glasgow, 1715», в которой МакГрегоры приняли самое деятельное участие, также в основном подтверждает эту цифру: *Sinclair-Stevenson C.* Op. cit. P. 199–203.

² О нарушении положений «Акта о разоружении» поддельными лицензиями на ношение оружия уже в 1726 г. упоминает лорд-адвокат Шотландии: *Duncan Forbes to Achnagarn.* Edinburgh, December 1, 1726 // CP. P. 98–99.

³ *Millar A.H.* Note on the Proclamation for Disarming of the Highlands in 1746 // PSAS. 1895–1896. Vol. 30. P. 210–222.

в Горной Стране британское военное присутствие доминирующим¹.

Примечательно, что суровые меры по ликвидации военной организации кланов, в том числе через их разоружение, с опорой на жестокие методы и раньше считались единственно действенными в обозримые сроки в условиях Хайленда первой половины XVIII в. Еще генерал Карпентер, командующий королевскими войсками в Шотландии в 1716–1724 гг., заявлял, что единственный способ заставить горцев сложить и выдать оружие — принудить их к этому угрозой уничтожения их жилищ, посевов и угона скота².

Вместе с тем командование расквартированной в Горном Краю ганноверской армии и после 1746 г. даже не предполагало возможность полного и окончательного разоружения всех горцев без исключения, озадачивая военные патрули и гарнизонные посты в Хайленде даже в 1749–1750 гг. необходимостью пристального контроля над соблюдением в Горной Стране акта о разоружении, а правительственных чиновников — особой проверкой сообщаемых из Шотландии сведений (тем более что надежды на вооруженную поддержку горцев при очередном вторжении якобиты продолжали питать по крайней мере до конца 1750-х гг.)³.

---

¹ Наиболее полное собрание свидетельств очевидцев, участников и потерпевших от действий армии герцога Камберленда в Горной Шотландии после 16 апреля 1746 г. содержится в: *Forbes R. The Lyon in Mourning or a collection of speeches, letters, journals etc. relative to the affairs of Prince Charles Edward Stuart 1746-1775 // PSHS. 1895. Vol. XX.*

² *Lenman B. The Jacobite Cause. Glasgow, 1986. P. 77.*

³ *Reports of the Captains of the Different Highland Posts, 1749–1750 // HPJP. Vol. II. P. 513–584; Areskine C. Report to the Right Honourable the Earl of Holderness, one of His Majesty's Principal Secretaries of State. November, 1752 // Jacobite Correspondence of the Atholl Family, during the Rebellion 1745–1746. From the Originals in the Possession of J. Erskine of Aberdona. Edinburgh, 1840. P. 244–246, 257–258; Nordmann C. Choiseul and The Last Jacobite Attempt of 1759 // Ideology and Conspiracy: Aspects of Jacobitism, 1689–1759 / Ed. by E. Cruickshanks. Edinburgh, 1982. P. 204; Zimmermann D. The Jacobite movement in Scotland and in exile, 1746–1759. Houndmills; Basingstoke, 2003. P. 120–158.*

Так, например, еще в 1746 г. собравшиеся в родовом замке герцогов Аргайлов, Инверэри, верные Ганноверскому дому мировые судьи, назначенные исполнять обязанности лорд-лейтенантов, и другие лояльные чины Аргайлшира составили и направили к командующему королевскими войсками в Шотландии жалобу, суть которой заключалась в том, что если их обяжут разоружиться, то их симпатии могут качнуться в сторону якобитов, поскольку, памятуя столь ярко изложенные лордом Ловэтом последствия разоружения кланов Горной Страны в 1725 г., это решение неминуемо будет означать для них постоянные разорения от уже «разоренных людей»¹. Справедливость подобных требований не вызывала сомнений даже многие годы спустя и даже среди тех, кто само разоружение кланов как в принципе необходимую меру умиротворения Горной Страны никогда не ставил под сомнение².

Относительно возможности лишить горцев оружия не стоило и обольщаться. Даже в 1773 г. к традиционному оружию хайлендера продолжали относить двуручный меч («клэймор»), горский палаш — меч с традиционной

---

¹ Восстания якобитов привели к появлению в Горной Стране значительного количества так называемых «разоренных людей» («broken men»), лишившихся, по причине вооруженной поддержки Стюартов, имущества и защиты закона; готовых на любое предприятие, обещавшее им хотя бы незначительную компенсацию понесенных ими потерь; напр.: *Burt E. Op. cit. Edinburgh, 1876. P. XXVII–XXVIII, 242–243; Forbes D. Memoriall Anent the true State of the Highlands as to their Chieftanries, Followings and Dependances before the Late Rebellion [1745–1746] // HPJP. Vol. I. P. 170.* В данном случае представляется уместным обратиться к литературному наследию нашего щедрого информатора мистера Грэма из Гэртмора: «...Рассеянные по горам [их] отряды составляют довольно значительную вооруженную силу; это — люди, с детства привыкшие к трудам походной жизни и могущие при случае выступить в качестве войска... До тех пор, пока Горная Страна будет продолжать оставаться в ее нынешнем положении, будут по-прежнему продолжаться восстания, грабежи и разбой...» (*Graham N. Op. cit. P. 345, 369.*)

² Напр.: *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland. London, 1791. P. 207–209;* как явствует из текста, путешествие состоялось в 1773 г.

с первой половины XVIII в. гардой-«корзинкой» («клэйбег», «переименованный» со временем в упоминавшийся «клэймор»), небольшой круглый щит и кинжал («дирк»)¹. Только под Каллоденом после последнего крупного сражения кампании 1745–1746 гг. солдаты Георга II собрали около 5000 единиц различных видов огнестрельного оружия². С большой долей вероятности можно предположить, что среди них были и те, что еще в 1724 г. насчитал и определил как прибывшие в 1719 г. в Хайленд с испанцами, но так и не собрал полностью в 1725 г. генерал Уэйд³.

В 1755 г. до правительства дошли сведения (не подтверждаемые, однако, другими источниками) о том, что вождь МакДоналдов из Клэрэнэлда Роналд МакДоналд в интересах изгнанных Стюартов и с надеждой на очередное восстание укрывает в своих землях 9000 исправных мушкетеров...⁴

Уже вскоре после начала восстания якобитов Эндрю Флэтчер из Сэлтоуна, лорд-клерк Сессионного суда Шотландии, пишет в письме к государственному секретарю по делам Шотландии: «Шотландия может быть [условно] разделена на две части: одна вооружена и другая — разоружена. Под первой я имею в виду Хайленд; и под последней — Лоуленд...»⁵.

¹ Напр.: *Johnson S. Op. cit. P. 264.*

² *Stuart of Dunearn to Stuart of Drumsheuch. Culloden, April 24, 1746 // Historical Papers. Vol. I. P. 314.* Цифры, приведенные Александром Стюартом, капитаном полка драгун лорда Марка Керра, могут показаться завышенными, так как сами якобиты утверждали, что «дело Стюартов» 16 апреля 1746 г. защищало не более 5000 человек (и вряд ли каждый первый бросил ружье): *Queries sent to Mr. Patullo, Muster-Master of the Rebel Army in the Year 1745, with his Answers // Home J. Op. cit. P. 332;* вместе с тем не стоит забывать, что предвзятость была характерной чертой обеих сторон.

³ *Wade G. Report, &c, relating to the Highlands. December 10, 1724... P. 136–137.*

⁴ *Secretary to the Regency to the Lord-Justice Clerk. Whitehall, July 31, 1755 // SHR. 1906. Vol. 3. P. 121–122.*

⁵ *Lord Milton to the Marquis of Tweeddale. Edinburgh, September 16, 1745 // Home J. Op. cit. P. 301.*

Итак, после акта о разоружении 1716 г. — очередное якобитское восстание в 1719 г., после аналогичного акта 1725 г. — самый крупный мятеж якобитов 1745–1746 гг. Имели ли акты о разоружении кланов Горной Шотландии при таком положении дел практический смысл?

Безусловно, да. Хорошо известно, что особые усилия командующие королевскими войсками в Шотландии прилагали не к прямому разоружению горцев, но к военному строительству и военному сотрудничеству в Горном Крае¹. Более того, при генерале Уэйде и его преемниках эти два аспекта британского присутствия в Горной Стране стали доминирующими².

Эффективность этих мероприятий дважды подвергалась проверке на прочность: в событиях 1719 и 1745–1746 гг. Несмотря на значительную разницу в масштабах восстаний, оба мятежа были подавлены при активной помощи жителей Горной Шотландии и, особенно во втором случае, с опорой на форты и проложенные в Хайленде военные дороги генерала Уэйда³. Последние, на что часто

---

¹ В этом плане показательно, что, например, майор Уильям Коулфилд, перенявший в качестве инспектора военных дорог в Шотландии руководство их строительством у генерала Уэйда в 1743 г., продолжал курировать эту часть программы умиротворения Горной Страны и после событий 1745–1746 гг., под началом других командующих королевскими войсками в Шотландии, вплоть до своей смерти в 1767 г. (*Roads and Bridges in the Scottish Highlands: the route between Dunkeld and Inverness, 1725-1925 / By G.R. Curtis // PSAS. 1978–1980. Vol. 110. P. 476, 482*).

² Прямая преемственность хорошо прослеживается, например, между программой умиротворения Горной Страны, изложенной в отчете генерала Уэйда от 10 декабря 1724 г., и мероприятиями по строительству и укреплению фортов в Горной Стране: *The Reconstruction of Braemar and Corgarff Castles, 1746 / By J.M. Bulloch // PSAS. 1962–1963. Vol. 96*; между организацией хайлендских полков и первых отдельных рот из горцев: *Keltie J.S. Op. cit. P. 334–808*.

³ *Letter-Account of the Engagement at Glensheel. June 10, 1719. June 15, 1719 / By A.H. Millar // PSAS. 1884–1885. V. 19. P. 64–66; Millar A.H. The Battle of Glenshiel, 10th June 1719. Note upon an unpublished document in the possession of His Grace the Duke of Marlborough // PSAS. 1882–1883. Vol. 17. P. 62–68; List of Officers of the Independent Companys raised in the North; specifying the dates of delivering to them their Commissions, their Companys being then complete [вложено в: President of the Court*

указывают, способствовали продвижению армии якобитов на юг летом–осенью 1745 г.¹ Однако не стоит забывать, что эти же военные дороги и расквартированные в Горной Стране гарнизоны впервые ставили королевскую армию на значительно более общие с горцами, нежели когда-либо прежде, основания присутствия в крае². Борьба в 1715–1716 гг. и 1745–1746 гг. шла во многом за одни и те же коммуникации, но к середине XVIII в., несомненно, на более выгодных для армии Ганноверов условиях³.

За тридцать лет (1715–1745 гг.) британского военного присутствия в Горной Шотландии тактика высоких военных чинов в крае стала понятной и ясной стратегией, приведшей к окончательной победе над армией якобитов 16 апреля 1746 г. под Каллоденом. Удивляться стоит не только тому, каких успехов добился принц Карл к осени 1745 г., но и тому, какой сокрушительный разгром он после этого потерпел.

При этом важнейшие в рамках британского присутствия программы умиротворения Горной Страны были бы невозможны без их легализации актами о разоружении кланов Горной Шотландии, и именно в этом их основное практическое назначение и военно-политический смысл. Сложность положения для Лондона заключалась в том, что формально не было никакого «британского присутствия в Горной Шотландии». С заключением Англией

---

of Session to Mr. Geo. Ross. Inverness, May 13, 1746] // Culloden Papers. P. 276–277; *Kingsford C.L.* The Highland Forts in the 'Forty-Five // *EHR*. 1922. Vol. 37. No. 147. P. 361–382.

¹ *Tabraham C.* Fortress Highlands. The Military Response to the Jacobite Risings // Inverness Field Club. Lectures 2002–2003 // <http://www.invernessfieldclub.btinternet.co.uk/lectures/2002-03/march.htm>.

² Упорство, с каким горцы армии Карла Эдуарда Стюарта безуспешно пытались в течение двух месяцев овладеть фортом Уильям, — наглядное тому подтверждение: Reports on the Siege of Fort William. March and April, 1746 // *Ascanius, or the Young Adventurer*. London, 1746. P. 85–100.

³ Напр.: Map to Illustrate the Rising of the 1715; Map to Illustrate the Rising of the 1745 // *Johnston T.B., Robertson J.A.* Op. cit. // <http://www.electricscotland.com/webclans/geog/index.htm>

и Шотландией Унии в 1707 г. и образованием Соединенного Королевства этот юридический казус стал очевидным¹. Проведение мероприятий по умиротворению Хайленда в рамках поддержки законного, допустимого и необходимого в условиях мятежа акта о разоружении позволяло преодолеть разрыв между нормами права и действительным положением дел в королевстве². Не случайно многие основные мероприятия по умиротворению Горной Шотландии были предложены генералом Уэйдом на рассмотрение Короны именно в плане разоружения кланов Горной Страны в апреле 1725 г.³

Легализм в Великобритании в первой половине XVIII в. выступал важным фактором политической жизни страны, способным как препятствовать умиротворению Горного Края, так и способствовать⁴. Под прикрытием акта о разоружении борьба с беспорядками в Хайленде представлялась не следствием порожденного принципиально различным пониманием социальных, политических и экономических оснований общественной жизни широкого гражданского конфликта между властью и частью местных сообществ,

---

¹ The Articles of Union // A Source Book of Scottish History. Vol. III. 1567 to 1707 / Ed. by W. C. Dickinson, G. Donaldson. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Johannesburg; Toronto and New York, 1961. P. 480–489.

² Признание членами парламента необходимости подобной связи юридических процедур и мер насильственного характера подтверждается, например, принятием «Акта о мятеже» в 1715 г.: Riot Act // The Eighteenth-Century Constitution, 1688–1815. Document and Commentary / Ed. by E.N. Williams. Cambridge, 1960. P. 414–417.

³ Wade G. Shame delivered to the King. April, 1725 // HJPJ. Vol. I. P. 146–149.

⁴ Препятствия могли выражаться в препонах учреждению в Горной Шотландии лорд-лейтенантств через возражения формированию милиционной системы в Хайленде на основе клановой организации горских сообществ: *Mitchison R.* Op. cit. P. 42–45; в требованиях сократить численность постоянной армии в Соединенном Королевстве, в Шотландии в частности, принимая во внимание в том числе как раз именно «разоружение» Хайленда в 1716 г. и 1725 г. (Mr. Shippen's Speech on Debate concerning the Number of Land-Forces [содержится в: Second Parliament of George I. Third session — begins 12.11.1724] // The History and Proceedings of the House of Commons... Vol. 6. P. 324–349).

а вопросом исключительно полицейских мероприятий и судебных преследований. В этом смысле те мероприятия по умиротворению, которые были действительно способны в реалиях Горной Шотландии первой половины XVIII в. дать определенный эффект, получали оправданную и признанную политическим обществом санкцию¹.

Армия, выполнявшая обязанности по поддержанию законности в Горной Стране, в отличие от армии, решавшей по-разному понимавшиеся парламентариями в связи с отношением к политической роли и, соответственно, численности и размещению армии первых Георгов вопросы политических свобод и внутренних забот королевства внешнеполитические задачи, скорее получала признание со стороны парламентской оппозиции².

Что же касается возможности прямого разоружения горцев с помощью актов, то разрыв между масштабами задач, поставленных перед актами о разоружении, и средствами их осуществления, которые только еще создавались (форты, военные дороги, организация отдельных хайлендских рот и учреждение новых лорд-лейтенантов, формирование агентурной сети британского военного командования в Горной Стране), также позволяет предположить, что в таком буквальном значении задача разоружения горцев перед соответствующими актами никогда и не ставилась³.

---

¹ An Act for the more effectual securing the Peace of The Highlands in Scotland, 21 June 1716 // The Journal of the House of Lords... P. 387–388.

² Debates on Motion for granting 25,348 l. 2s. for Out-Pensioners of Chelsea-Hospital [содержится в: First Parliament of George II. Fifth session (part 2 and 4, from 28.01.1732)] // The History and Proceedings of the House of Commons... Vol. 7. P. 133–159.

³ Еще в 1724 г. будущий командующий королевскими войсками в «Северной Британии» в период ее «разоружения» генерал Уэйд писал, что верным средством, могущим «предотвратить беспорядки и сильно затруднить мятеж с оружием против правительства», является не только лишение горцев оружия, но и даже принуждение «к необходимости скрывать его в земле, где оно будет ржаветь и портиться» (*Wade G. Shame delivered to the King. April, 1725...* P. 146) — очень своеобразный способ разоружения мятежного края, если предположить, что таковое все же задумывалось в самом прямом смысле этого слова.

**«Казнить нельзя помиловать»:
амнистия в Хайленде**

Мерой, призванной поддержать и вместе с тем уско- рить процесс разоружения кланов Горной Шотландии, являлась амнистия. «Казнить нельзя, помиловать» — эта формула без запятой, разделявшей два прямо противоположных решения проблемы мятежности Горной Шотландии, являла собой одну из главных дилемм для Лондона в определении его позиции по отношению к характеру и содержанию британского присутствия на севере Соединенного Королевства в первой половине XVIII в., коль скоро именно армия была призвана обеспечивать все принятые по итогам мятежа в отношении Горного Края решения.

Политика правительства в данном случае первоначально предполагала масштабные судебные преследования и конфискации по примеру того опыта, который был вынесен из подавления якобитского мятежа в конце XVII века в Ирландии¹. Однако в Шотландии специфика региона непреложно означала в этом случае продолжение полномасштабной гражданской войны и в горной ее части, и на Равнинах, что, несомненно, потребовало бы от правительства такой военной оккупации Северной Британии, которая, учитывая размах мятежа якобитов в 1715–1716 гг. и наличие такой естественной «внутренней крепости»

---

¹ Напр.: 2 Ann c. 6, Sec. 7 (1703): «An Act to prevent the further Growth of Popery» о праве протестанта наследовать своему родственнику-католику в первую очередь, основные положения которого раскрываются, скажем, в: *Denys S. A Statement of the Penal Laws, which aggrieve the Catholics of Ireland: with commentaries in two parts. Parts I–II.* Dublin, 1812. P. 40–43; *Moran P.F. The Catholics of Ireland under the Penal Laws in the Eighteenth Century.* London, 1899. P. 1–16, с одной стороны, и, с другой: Geo I (January 1715): «An Act for appointing Commissioners to Enquire of the Estates of Certain Traytors and of Popish Recusants...» // *A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers 1715; 1745* / Ed. by A.H. Millar. PSHS. 1909. Vol. LVII. P. 337–339, по результатам которого принадлежность земельных держаний определяла лояльность Короне (Ганноверскому дому), бывшая в Шотландии к 1715 г., как известно, такой же локализованной, как и протестантизм в Ирландии в это же время и раньше.

всех прошлых, нынешних и грядущих противников режима в Шотландии, как практически недоступная пока Горная Область, превзошла бы по затратам, конечно, даже имевшую место на «Изумрудном острове», в покоренной Ирландии¹.

Осознанием неизбежности такого поворота событий государственные мужи Соединенного Королевства во многом обязаны аналитическим запискам своих преданных и опытных сторонников в Шотландии, среди которых самый яркий образчик — неподписанное и, очевидно, тайное письмо Данкана Форбса из Каллодена к сэру Роберту Уолполу, лидеру оппозиции в британском парламенте, в 1716 г. Масштаб вовлеченности шотландцев в мятежные события 1715–1716 гг. через личное участие и родственные отношения с восставшими («во всем королевстве не найдется и 200 джентльменов, не имеющих близких связей с тем или иным мятежником») означал, по мнению Форбса, необходимость не менее жестких, чем предполагалось, но вместе с тем гораздо более адресных и скорее демонстративных мер насильственного характера². Учитывая крайне низкий уровень военно-политического контроля правительства в Горной Стране в этот период, верность этих предложений, очевидно, не вызывала сомнений.

И действительно, «карающая длань правосудия» применительно к признанным якобитам Хайленда оказалась достаточно легковесной по сравнению с формальной тяжестью совершенных ими преступлений и самого тяжкого среди них — мятежа против Короны. Только около 20 шотландских пэрств (из примерно 43 частных владений в Шотландии, отмеченных в соответствующих бумагах

---

¹ В первой половине XVIII в. между тем едва ли не половина британской армии мирного времени (т.е., во всяком случае, между 1713 и 1739 гг.) располагалась в Ирландии (*Cullen L.M. Scotland and Ireland, 1600–1800: their Role in the Evolution of British Society // Scottish Society. 1500–1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989. P. 230*).

² Y.Z. to Sir Robert Walpole. August, 1716 // CP. P. 61–65.

правительства) подлежали конфискации по обвинению обладателей указанных титулов и имений в государственной измене в соответствии с актом о конфискации от 1716 г.¹ И только семь лордов среди этой категории приговоренных являлись владельцами и в Горном Крае — это Джеймс Огилви, номинальный 4-й граф Айрли; Кеннет Сазерленд, 3-й барон Даффас; Уильям Мюррей, 2-й барон Нэйрн; Джеймс Драммонд, номинальный 2-й герцог и номинальный 5-й граф Перт (Perth); Уильям МакКензи, 5-й граф Сифорт; Джон Синклэйр, номинальный 11-й граф Синклэйр; Джон Эрскин, 6-й граф Мар².

Даже рядовые участники мятежа из Горной Шотландии не особенно пострадали от действий правительства по его окончании — из свыше 700 плененных под Престоном горцев большая часть была депортирована в Америку для работы на плантациях в качестве «белых рабов»³. Однако их первоначальным наказанием полагалась смертная казнь, и из более чем 11 000 мятежных хайлендеров это были единственные, испытавшие на себе всю суровость британского правосудия за участие в безуспешном предприятии Стюартов 1715–1716 гг.

С актом о помиловании 1717 г. практически все якобиты, содержащиеся в заключении, были освобождены (некоторые, бежав из заточения, добыли свободу таким образом самостоятельно), отделавшись определенными финансовыми тратами и проведенным в тюрьмах прави-

---

¹ Abstract of several Surveys of the Forfeited Estate real, lying in Scotland, taken by the Surveyor and his Deputy, upon the Oaths of the several Tenants and Possessors, etc., by Order of the Commissioners of Enquiry in the Years 1716 and 1717, containing the particular Rents, and the Yearly Values thereof // A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers... P. xvi–xxxii; *Petrie C.* Op. cit. P. 266.

² *Balfour J.P.* The Scots peerage; containing an historical and genealogical account of the nobility of that kingdom. Edinburgh, 1904. Vol. I. P. 127; *Ibid.* 1906. Vol. III. P. 212; *Ibid.* 1909. Vol. VI. P. 395; *Ibid.* 1910. Vol. VII. P. 53–54, 511–512, 586–588; *Oxenham W.H.* Notes on dignities in the peerage of Scotland which are dormant or which have been forfeited. London, 1882. P. 36.

³ *Lenman B.* Op. cit. P. 150–179.

тельства временем, — не столь уж дорогая цена за участие в якобитском восстании¹.

Однако причины такой относительной милости Лондона крылись не только в стремлении к скорейшему умиротворению Горного Края². Сознывая благодаря истории с разоружением кланов Горной Шотландии бесперспективность вооруженного воспитания лояльности в Хайленде в обозримо короткие сроки, правительство опрометчиво решило сосредоточить основные усилия на борьбе с финансовой опорой якобитов, выпустив 22 июня 1716 г. «Акт о назначении комиссаров для расследования имений определенных изменников в той части Великобритании, что зовется Шотландией», в соответствии с которым имущества и прочая собственность лиц, признанных виновными до 24 июня 1718 г. в государственной измене, совершенной до 1 июня 1716 г., подлежали конфискации в пользу Короны³.

Комиссары правительства, однако, оказавшиеся по долгу службы в Горной Шотландии, практически с самого начала были вынуждены расстаться с иллюзиями относительно перспектив скорого и последовательного выполнения возложенных на них «Актом о назначении комиссаров» задач. Три проблемы обернулись для них

¹ Ibid. P. 159.

² В данном случае уместным представляется сравнить реакцию Лондона на выступление якобитов в 1715–1716 и 1745–1746 гг.: поражение принца Карла Эдуарда Стюарта обернулось для его сторонников 3400 взятыми под стражу, 3000 судебных дел, 205 смертными приговорами (85 человек сохранили жизнь в соответствии с актом о помиловании 1747 г.), суровыми репрессалиями в Горной Стране и отправкой многих плененных на работы в колонии, очередным запретом на ношение оружия, действительными конфискациями земель признанных якобитов и ликвидацией наследственной юрисдикции в 1747 г. (*Lenman B. The Jacobite Risings. P. 260–282; Petrie C. Op. cit. P. 469; Black J. Op. cit. P. 176–195; Speck W.A. Op. cit. P. 168–182; An act for taking away and abolishing the heritable jurisdictions in that part of Great Britain called Scotland <...>, 1747 // EHD. P. 662–664; Account of the Expences <...> of the Estates forfeited by the Rebellion in the year 1745 from the time of the forfeiture till the 10th October 1757 // A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers... P. 344–353).*

³ *Lenman B. Op. cit. P. 161.*

практически непреодолимым препятствием. Во-первых, спорный юридический статус подлежащих конфискации владений — с этих имений кредиторы сразу же потребовали уплаты долгов, настаивая до той поры на неприкосновенности секвестрированной ими собственности¹. Во-вторых, вооруженное и «налоговое» сопротивление комиссарам². В-третьих, приобретение имений родственниками или друзьями обвиненного в государственной измене владельца, каковыми порой оказывались даже управляющие конфискованными имениями от имени кредиторов, назначенные Сессионным судом Шотландии в данных владениях³.

¹ A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers... Op. cit. P. xv. Когда в 1725 г. были подведены итоги 9-летней деятельности комиссаров в Шотландии, то оказалось, что из 411 082 ф. ст., вырученных от продажи конфискованных владений, 303 955 ф. ст. необходимо вернуть кредиторам: *Craik H. A Century of Scottish History. From the days before the '45 to those within living memory. Edinburgh and London, 1901. Vol. I. P. 102*; и можно справедливо полагать, что большая часть долгов приходилась на собственников Горной Страны (*Watt D. «The laberinth of thir difficulties»: The Influence of Debt on the Highland Elite c. 1550–1700 // SHR. 2006. Vol. 85. No. 1. P. 28–51; Adam M.I. Eighteenth Century Highland Landlords and the Poverty Problem // SHR. 1922. Vol. 19. P. 1–19*).

² Приводя наиболее яркий пример, повторимся: еще в 1724 г. во владениях бежавшего в верное прибежище якобитов, Францию, Уильяма МакКензи, 5-го графа Сифорта, некий Доналд Марчисон, лейтенант-полковник в полку графа в мятежных событиях 1715–1716 гг., а теперь его управляющий, на совершенно незаконных, но от того не менее реальных основаниях, как и прежде, собирал с формально конфискованных правительством земель ренту и отправлял ее графу во Францию; законные сборщики налогов, даже поддержанные воинскими командами, перед вооруженными соратниками Марчисона долгое время предпочитали ретироваться (*Chambers R. Domestic Annals of Scotland... P. 459–464; Wade G. Report, &c, relating to the Highlands. December 10, 1724... P. 139*).

³ Так, например, управляющий конфискованными землями лорда Драммонда, Джордж Драммонд из Кэллендера, был известен не только своим близким знакомством с номинальным 2-м герцогом и номинальным 5-м графом Пертом, но также и тем, что его сын, сражавшийся в рядах якобитов и плененный под Престоном, был вскоре повешен за участие в мятеже, что, разумеется, якобитские симпатии отца только упрочило (*Lenman B. Op. cit. P. 165*).

Между тем в 1716 г. один пожелавший остаться анонимным член британского парламента от Шотландии (как отрекомендовал себя автор) опубликовал некий «меморандум», в котором акцентировал внимание читателей на том факте, что 300–400 знатных шотландцев, разогнанных с подавлением восстания якобитов 1715–1716 гг. по шотландским горам, представляют для режима, вынуждающего их укрываться от правительственных преследований во Франции без надежды вернуться на родину и вернуть конфискованные имения, потенциальную угрозу. Сохраняя связи и влияние в Шотландии, они, по мысли автора «меморандума», будут представлять для существующей власти ту же опасность, что и отправившиеся в изгнание за Стюартами несколько ранее ирландские нобили¹.

Это замечание «парламентария» может показаться вполне обоснованным. Однако в случае с иммигрантами-якобитами из Горной Страны дело обстояло еще сложнее. Проблема для Лондона, в отличие от ирландской якобитской иммиграции, заключалась в том, что даже при нахождении враждебных новому престолонаследию вождей и магнатов Горного Края за рубежом их по-прежнему вооруженная опора находилась, пока еще почти не ограниченная правительственными мерами, как прежде, именно в Соединенном Королевстве, в Хайленде.

Крайне примечательно в этой связи, что инициатором и организатором очередной амнистии мятежникам-якобитам стал генерал Уэйд. Первый же, разведывательный по назначению визит в Горную Шотландию летом 1724 г. привел его к твердому убеждению, что «национальная привязанность... подданных [Вашего Величества] в Северной Британии друг к другу представляет собой большое побуждение для мятежников и лиц, приговоренных к изгнанию и лишению прав, к возвращению домой из изгнания»².

---

¹ Lenman B. Op. cit. P. 179.

² Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724... P. 139.

Вернувшись в Горный Край уже в 1725 г., генерал Уэйд констатировал: «Ничто более не способствовало успеху моих усилий в разоружении Горной Страны и приведении вассалов последнего лорда Сифорта [Уильям МакКензи, 5-й граф Сифорт] к послушанию... нежели дарованная Вашим Величеством мне правомочность принимать прошения о помиловании от лиц, приговоренных к изгнанию и лишению прав по обвинению в государственной измене... Они [приговоренные к изгнанию и лишению прав по обвинению в государственной измене за участие в мятеже якобитов 1715–1716 гг.] были рассеяны по разным частям Горной Страны без малейшей угрозы быть преданными... своими соотечественниками и по причине своей безопасности и защищенности, должно быть, использовали все, что в их силах, чтобы побудить к оружию и заразить умы тех людей, от которых зависела их безопасность. В этой ситуации они служили подходящим инструментом и всегда были готовы вовлечься в содействие интересу Претендента или любой другой иностранной силы, которую они бы сочли способной произвести изменения в том правлении, которое лишило их права на жизнь и от которого они не ждали пощады»¹.

Слабости британского военно-политического контроля в Горной Шотландии командующий решил, таким образом, компенсировать компромиссом с местными мятежными вождями и магнатами, преследуя вполне оправданные и понятные цели — в короткие сроки добиться успеха своей миссии в Горной Стране (в том же точно смысле, в котором это подразумевалось и «разоружением» кланов), держать в поле зрения потенциальных противников существующего правительства и тех, которые с ними в Шотландии связаны (особенно если учесть, что решившим замирииться с властями в обязательном порядке требовались ответственные за них

---

¹ Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726... P. 312.

поручители)¹. Невозможность расправиться с врагом в настоящий момент диктовала необходимость «дружбы» с последним, и Джордж Уэйд от имени Короны готов был ее предложить².

В конце августа — октябре 1725 г. командующий королевскими войсками в Северной Британии получил 11 «писем о подчинении» Его Величеству от лиц, приговоренных к изгнанию и лишению прав по обвинению в государственной измене за участие в мятеже якобитов 1715–1716 гг. Этими первыми «подчинившимися» Короне были: Александр МакКензи из Дэтчмэлаха, Джордж МакКензи из Бэлламаки, Родерик МакКензи из Фэйрберна, Родерик Чисхолм из Стрэтглэсса, Роберт Стюарт из Эппина, Александр МакДоналд из Гленко, Джон Грант из Гленморисона, Джон МакКиннон из МакКиннонов, Джон МакДугал из Лорна, Роберт Кэмпбелл (он же — МакГрегор, более известный как Роб Рой), Джеймс Огилви (номинальный 4-й граф Айрли)³.

¹ Ibid. P. 313.

² При этом командующий королевскими войсками в Северной Британии в известной мере руководствовался уже апробированной в Горной Шотландии ранее практикой дарования Короной амнистии мятежным лордам Горного Края, которая будет применяться и после того, как генерал Уэйд покинет Хайленд (как напишет в 1747 г. новый командующий королевскими войсками в Шотландии генерал Блэнд, амнистия «необходима для восстановления мира и спокойствия в Шотландии», поскольку успешная реализация очередного акта о разоружении мятежного края вызывает сомнения): Cadogan to Sir... Inverness, 10 March, 1716 // TNA. SP 54.11 (173/453–454); George Wade to Sir... Camp near Inverness, April 4th, 1725 // TNA. SP 54.16 (3/27–28); Holles Newcastle to Major-General Wade. Whitehall, October 2nd, 1725 // Ibid. (33/150–151); Holles Newcastle to Wade. Whitehall, 14th Sept., 1725 // Ibid. (12/68); Newcastle to G. Bland. Whitehall, Dec. 8th, 1747 // TNA. SP 54.37 (42A/153–156); Lord Cardross to Lord Melvill. Edinburgh, September 9, 1689; Earl of Craford to Lord Melvill. September 10, 1689; Sir Bruce to Lord Melvill. Edinburgh, September 10, 1689 // LMP. P. 276–281.

³ M'Kenzie A. Letter of Submission to His Majesty. Lochcarn, August 31, 1725; M'Kenzie G. Letter of Submission to His Majesty. Strathpeffer, August 31, 1725; M'Kenzie R. Letter of Submission to His Majesty. Monar, August 30, 1725; Chisholm R. Letter of Submission to His Majesty. Strathglass,

За совершенно естественным исключением командовавшего армией «старшего Претендента» в Соединенном Королевстве в 1715–1716 гг. графа Мара, все остальные пэры Горного Края также получили монаршее прощение. При этом в 1727 г., с восшествием на престол Георга II, вышел еще один акт о помиловании¹.

Кеннет Сазерленд, 3-й барон Даффас, бежал в Швецию, однако вскоре решил добровольно явиться и сдать-ся, о чем известил британского посла в Стокгольме, однако был схвачен по приказу британского резидента в Гамбурге на пути в Англию, но в 1717 г. освобожден без суда из Тауэра; его старший сын и наследник, Эрик Сазерленд, в 1734 г. подал петицию Георгу II, однако конфискованные владения и титул себе не вернул (что, впрочем, не мешало проякобитски настроенным членам клана Сазерленд привычно именовать Кеннета и Эрика лордами)².

Уильям Мюррей, 2-й барон Нэйрн, был пленен под Престоном 14 ноября 1715 г. и заключен вместе с сыном, Джоном Мюрреем, в Тауэр 8 декабря 1715 г.; по приговору суда, заседавшего с 18 января по 19 марта 1716 г., приговорен к смертной казни по обвинению в государственной измене, однако вскоре был прощен в соответствии с актом о помиловании 1717 г.; в 1737 г. вышел акт, даровавший Джону Мюррею, 3-му барону Нэйрну, право владеть имениями в Шотландии³.

August 30, 1725; *Stewart R.* Letter of Submission to His Majesty. August 27, 1725; *M'Donald A.* Letter of Submission to His Majesty [1725 г.]; *Grant J.* Letter of Submission to His Majesty. Glenmorison, September 24, 1725; *M'Kinnon J.* Letter of Submission to His Majesty. September 26, 1725; *M'Dougal J.* Letter of Submission to His Majesty. September 15, 1725; *Campbell (M'Gregor) R.* Letter of Submission to His Majesty [1725 г.]; *Ogilvy J.* Letter of Submission to His Majesty. Stirling, October 23, 1725 // *Burt E.* Op. cit. 1822. P. 323–337.

¹ Indemnity Act, 1727 // *The Eighteenth-Century Constitution, 1688–1815. Document and Commentary* / Ed. by E.N. Williams. Cambridge, 1960. P. 341–343.

² *Balfour J.P.* Op. cit. 1906. Vol. III. P. 212–213.

³ *Ibid.* 1909. Vol. VI. P. 395, 397.

Джеймс Драммонд, номинальный 2-й герцог Перт и номинальный 5-й граф Перт, более не вернулся после бегства от правительственных преследований в Шотландию, однако его сын, также Джеймс Драммонд, в 1734 г. беспрепятственно вступил во владение именьями в Шотландии, не подлежащими конфискации по акту об изгнании 1716 г.¹

Уильям МакКензи, 5-й граф Сифорт, принял участие и в восстании 1719 г., получив ранение в единственном за все его время сражении, под Гленшилом. Однако королевским указом от 1726 г. он был избавлен от угрозы заключения под стражу или смертной казни, а актом парламента в 1736 г. освобожден от всех прочих ограничений по акту об изгнании 1716 г.²

Джон Синклэйр, номинальный 11-й граф Синклэйр, вскоре после мятежа 1715–1716 гг. был прощен, но владения и титул уже не вернул, не оставив в то же время наследников³.

При этом Джон Мюррей, 3-й барон Нэйрн, как и Джеймс Драммонд, 3-й герцог и 6-й граф Перт, присоединился в 1745 г. к «младшему Претенденту» и в 1746 г. вновь и навсегда лишился прав на родине, в Шотландии⁴.

В то же время Эрик Сазерленд, 4-й барон Даффас, в событиях 1745–1746 гг. сохранил верность Ганноверам, снабжая королевскую армию разведывательной информацией. Кеннет Маккензи, наследовав титул в 1740 г., в 1745–1746 гг. также поддержал правительство. Брат Джона Синклэйра, номинального 11-го графа Синклэйра, Джеймс, стал 11-м графом Синклэйром, успешно служа в рядах британской королевской армии

¹ Ibid. 1910. Vol. VII. P. 53–55.

² Lockhart of Carnwarth to the King. July 7, 1726; same to Lord Inverness. July 20, 1726 // Lockhart papers. P. 229, 306; *Balfour J.P.* Op. cit. 1910. Vol. VII. P. 511–512.

³ *Balfour J.P.* Op. cit. 1910. Vol. VII. P. 586–588.

⁴ Ibid. P. 53–55; Ibid. 1909. Vol. VI. P. 395, 397.

всю первую половину XVIII в., 10 марта 1761 г. став полным генералом армии короля Георга III Ганновера¹.

Таким образом, амнистирующие мероприятия правительства в Горной Шотландии, связанные с расширением британского присутствия в крае между мятежами якобитов в первой половине XVIII в., являлись следствием его слабости в начальный период, однако усилиями командующих стали важным залогом прочности присутствия Короны в Горной Стране в результате. Две задачи успешно решались в этом случае одновременно: вместе с «разоружением» кланов и в том же смысле обеспечением законного характера умиротворения Горного Края, с одной стороны, более эффективно и своевременно отслеживались поведение и контакты потенциальных мятежников, с другой. Вопросы же военного сотрудничества в Горной Шотландии британское военное командование в Северной Британии предполагало решать способами совершенно иными — главным образом организуя отдельные роты и полки из горцев на службе британской Короны².

**На службе короля, вождя
и личного спорана:
военное сотрудничество в Хайленде**

В сущности, когда речь идет об отдельных ротах из горцев Шотландии на службе британской Короны в деле умиротворения Хайленда в 1689–1759 гг., прежде всего имеются в виду роты так называемой «Черной стражи», сформированные по приказу и в соответствии с предложениями по умиротворению Горной Страны генерала

---

¹ *Balfour J.P.* Op. cit. 1906. Vol. III. P. 212–213; *Ibid.* 1910. Vol. VII. P. 511–512, 586–588.

² Учреждение лорд-лейтенанств, как показано выше, так и не стало полноценным примером практической реализации этого направления хайлендской политики Лондона.

Уэйда¹. Эти отдельные роты просуществовали как таковые до 1739 г., когда правительство свело их в 43-й, более известный как 42-й (с 1749 г.), Королевский (с 1758 г.) горцев пеший полк «Черная стража»².

Между тем в действительности мы имеем дело с очередной попыткой организации отдельных хайлендских рот, призванных взять на себя функции первых образчиков и при этом избежать по возможности проявления негативных сторон их службы, вынудивших правительство в 1717 г. распустить роты, набранные в конце XVII в.³ Нет сомнения в том, что новые отдельные роты действительно являлись своего рода «Стражей». Но для кого они «сторожили»? Что они «сторожили»? И почему они «сторожили»?

¹ Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 140; происхождение такого названия вольных горношотландских рот — «Черная стража» («Black Watch») — имеет две основные версии: первая связана с одной из их непосредственных функций — с предотвращением незаконной практики «черной ренты» (вымогательства) и грабежей в Горной Стране и на ее рубежах, напр.: Prebble J. Mutiny. Highland regiments in revolt, 1743–1804. London, 1975. P. 27; вторая — с темным цветом принятых в вольных ротах тартанов, напр.: The Scottish Clans and their Tartans with notes nowhere beats the heart so kindly as beneath the tartan plaid / Ed. by W. and A.K. Johnston. Edinburgh and London, 1890. P. 23; существует также еще одна, сколь романтическая, столь и малоосновательная версия, в соответствии с которой роты из горцев обязаны своим необычным названием якобитам, «презрительно» прозывавшим их так за службу Ганноверам (а возможно, всего лишь по черному, вместо принятого среди сторонников Стюартов белого, цвету кокарды).

² Prebble J. Op. cit. P. 35; Функен Ф. Европа XVIII век: Франция: королевская свита и пехота. Великобритания и Пруссия: пехота. М., 2003. С. 112.

³ Вместе с функциями также характерные особенности данных формирований, предельно ясно изложенные вождем клана Фрэзер Саймоном Фрэзером, лордом Ловэтом: «Они [о распущенных отдельных хайлендских ротах графа Брэдалбейна] одеты... по образу горцев... Они говорят на том же языке [что и горцы]... Они пользуются тем же оружием [что и прочие горцы]» (Fraser S. Memorial Addressed to Ms Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 261). Об организации отдельных рот из горцев на службе Короны в конце XVII в. см. подробнее в 1-м параграфе 3-й главы.

В нашем распоряжении имеется документ, формирующий, на наш взгляд, достаточно широкую аналитическую основу заявленным вопросам. В сентябре 1725 г. назначенные генералом Уэйдом капитаны и лейтенанты новых отдельных рот из горцев получили инструкции, определявшие порядок их службы¹. Очевидно, что перед нами — идеальная модель организации службы «Черной стражи» в интересах Короны в Горной Стране. Последовательное сравнение положений инструкции с деятельностью отдельных рот способно прояснить их природу и помочь ответить на более широкий вопрос о том, как в их повседневной практике соотносились между собой интересы короля, вождя и служивших в них горцев.

Итак, в соответствии с инструкциями генерала Уэйда обязанности отдельных хайлендских рот можно объединить в две группы: во-первых, осуществлять надзор за соблюдением акта о разоружении кланов Горной Шотландии от 1 июня 1725 г. лицами сомнительной лояльности (или несомненной враждебности) новой династии на британском престоле, находиться в постоянном оперативном контакте с командующим королевскими войсками в Шотландии или губернаторами фортов Джордж или Уильям в Горной Стране; во-вторых, предотвращать грабежи и разбой на вверенной территории. При этом капитанам и лейтенантам полагалось содержать роты надлежащего штатного расписания и одеяния, поддерживать установленную дисциплину, регулярно и точно производить выплаты личному составу рот за их службу².

В полном соответствии с предложениями генерала Уэйда от 10 декабря 1724 г. и в исполнение принятых по ним парламентских решений к августу 1725 г., то есть как

---

¹ *Wade G. Instructions to the Officers commanding the Highland Companies. Camp at Inverness, September 22, 1725 // Burt E. Op. cit. P. 317–321.*

² Инструкции генерала Уэйда вольным ротам из горцев состояли в оригинале из 12 пунктов: *Wade G. Instructions to the Officers commanding the Highland Companies. Camp at Inverness, September 22, 1725 // Burt E. Op. cit. P. 317–321.*

раз к началу второй в истории Горной Страны крупномасштабной операции по разоружению кланов (после памятного похода в Горный Край генерала Кэдогэна весной 1716 г.), были сформированы шесть новых отдельных рот из горцев: три — по 60–70 человек, еще три — по 30–35 человек в каждой роте¹.

Указания командующего от 15 мая 1725 г. определили имена получивших капитанские и лейтенантские патенты и комиссии на набор данных рот². Первые три роты, вышедшими в апреле 1725 г. приказами генерала Уэйда увеличенные до 114 человек на требуемое разоружению Горной Шотландии время, возглавили полковник Уильям Грант из Бэллендэллоха; Саймон Фрэзер, лорд Ловэт; сэр Данкан Кэмпбелл из Лохнелла³. Другие три роты, по тем же причинам увеличенные до 71 человека каждая, возглавили полковник Александр Кэмпбелл из Финаба, Джон Кэмпбелл из Кэррика и Джордж Манро из Калкейна⁴.

Новые отдельные роты, общим числом составившие к августу 1725 г., несмотря на временно расширенное штатное расписание, 480 человек, представляли собой в Хайленде внушительную силу, учитывая, что прибывшие в распоряжение командующего королевскими войсками в Северной Британии для разоружения кланов регулярные армейские части не превышали 400 «красных мундиров»⁵.

С другой стороны, незначительные результаты реализации акта о разоружении от 1 июня 1725 г., если мы подразумеваем количество и качество сданного горцами генералу Уэйду оружия, ставят под сомнение эффективность

¹ *Wade G. Shame delivered to the King. April, 1725 // HPJP. Vol. I. P. 146–149.*

² *Idem. Instructions to the Officers commanding the Highland Companies. Camp at Inverness, September 22, 1725 // Burt E. Op. cit. P. 320.*

³ *Lenman B. The Jacobite Cause. Glasgow, 1986. P. 83.*

⁴ *Idem. P. 83; Chambers R. Domestic Annals of Scotland. From the Revolution to the Rebellion of 1745. Edinburgh and London, 1861. Vol. III. P. 498.*

⁵ *Chambers R. Domestic Annals of Scotland... Vol. III. P. 480, 499.*

вновь сформированных отдельных хайлендских рот. Но в данном случае такая оценка их деятельности в крае будет несправедливой. Действительные причины во многом демонстративной сдачи оружия горцами лежали вне возможностей отдельных рот по их устранению.

Вместе с тем постоянный поиск скрытого от властей оружия и контроль за соблюдением запрета на его ношение, хранение и использование без особого на то разрешения были важными факторами поддержания относительного спокойствия в Горной Стране. И то, что в этой части усилий отдельных рот коронные службы Соединенного Королевства могли им вполне обоснованно доверять, подтверждается и хорошо объясняется самим составом этих формирований.

Политика правительства, в 1720–1730-е гг. ясно отдававшего себе отчет в необходимости поддержания баланса сил в Горной Стране, в отношении отдельных рот была направлена также на то, чтобы их набор осуществлялся исключительно из рядов уверенно лояльных правительству кланов. Не случайно, что три из шести рот из горцев находились под началом представителей самого заинтересованного в британском присутствии в Горной Шотландии клана Кэмпбелл, материальным благополучием и политическим влиянием в Хайленде обязанного Славной революции¹. В двух других формированиях капитанами

---

¹ Арчибалд Кэмпбелл, 9-й граф Аргайл и признанный глава клана Кэмпбелл, отказавшись подписать так называемый «Тест-Акт» (признание прав на корону за Яковом II (VII) Стюартом), был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни в 1681 г., однако бежал из Эдинбургского замка в Голландию; в 1685 г. принял активное участие в неудачном восстании бастарда Карла II Стюарта, Джеймса Скотта, 1-го герцога Монмута и Баклеу, высадившись в Шотландии, но был схвачен и казнен. Его сын, Джон Кэмпбелл, будущий 2-й герцог Аргайл, также был схвачен, но пощажен и приговорен к изгнанию; владения фамилии подлежали конфискации и вернулись к главе клана Кэмпбелл только с восшествием на престол короля Вильгельма (*Balfour J.P. The Scots peerage; containing an historical and genealogical account of the nobility of that kingdom. Edinburgh, 1904. Vol. I. P. 363–367.*)

были также преданные сторонники правительства¹. Еще одну роту возглавлял близкий друг одного из самых надежных и ценных агентов Короны в Горной Стране, Данкана Форбса из Каллодена, лорд Ловэт².

В то же время клановые интересы направляли действия отдельных рот не в меньшей степени, чем распоряжения командующих королевскими войсками или губернаторов фортов в Горной Стране (чему, безусловно, способствовала сама политика правительства, вынужденно ориентированная в силу некоторых обстоятельств на поддержание равновесия якобитов и сторонников правительства в Горной Стране).

Так, можно с большой долей уверенности предположить, что глава клана Кэмпбелл, герцог Аргайл, с помощью рот компенсировал утрату военной мощи клана в связи с его же экономической политикой в своих обширных

---

¹ Представители кланов Грант и Манро с конца XVII в. определенно рассматривались Короной в качестве необходимой опоры лояльности в Горной Шотландии: еще в 1689 г. Гранты, например, выставили в поддержку Вильгельма Оранского 6 рот милиции (*Chambers R. History of the Rebellions in Scotland under the Viscount of Dundee and the Earl of Mar in 1689 and 1715. Edinburgh and London, 1829. P. 130*); из Грантов и Манро, а также Кэмпбеллов, Мюрреев, Мензисов и Фрзеров набирались вольные роты графа Брэдалбейна, и после их роспуска именно Гранты и Манро вместе с Кэмпбеллами и Фрзерами составили «Черную стражу», при том что, в отличие от двух последних, Гранты и Манро не обладали столь прямым влиянием на распределение комиссий на организацию новых горношотландских рот (*Prebble J. Op. cit. P. 25*); они же указаны в первом отчете генерала Уэйда о положении в Горном Крае как «кланы... преданные Вашему Величеству» (*Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 ... P. 144*); они же в разгар последнего восстания якобитов 1745–1746 гг., осенью 1745 г., были среди получивших патенты на должности капитанов и лейтенантов во вновь формировавшихся вольных ротах из горцев (*List of Officers of the Independent Companys raised in the North; specifying the dates of delivering to them their Commissions, their Companys being then complete [содержится в: President of the Court of Session to Mr. Geo. Ross. Inverness, May 13, 1746] // CP. P. 276*).

² Доверительный и дружеский характер корреспонденции Данкана Форбса и Саймона Фрзера в 1715–1745 гг. — лучшее этому подтверждение: CP. P. 41, 48, 55–56, 70–71, 74–75, 105–106.

владениях, так при этом необходимой по причине враждебных отношений Кэмпбеллов почти со всеми своими соседями¹. Лорд Ловэт, например, использовал исключительное право на содержание вооруженного отряда для более уверенного разрешения земельных споров со своими соседями МакКензи уже весной 1727 г.² И практически все капитаны и лейтенанты вольных рот пользовались преимуществами правительственного покровительства в противоречивых условиях умиротворения Горного Края.

Более того, Саймон Фрэзер, активно ангажируемый сторонниками Якова Стюарта еще с середины 1720-х гг., вновь и окончательно к середине 1730-х гг. переметнулся на сторону якобитов (хотя лояльность лорда Ловэта, видимо, никогда не распространялась дальше его собственной персоны и интересов), так что в его случае верность Короне вытеснялась еще и скрытой враждебностью новой династии³.

Сложно сказать, что двигало лордом Ловэтом больше — стремление к новому титулу герцога, возможно обещанному при дворе Стюартов, или присущая этому беспокойному жителю Горного Края неистребимая страсть к авантюрам⁴. Очевидно, что новым переходом под стандарт изгнанной династии Саймон Фрэзер в который уже

---

¹ Факт, являвшийся прямым следствием давней (с конца XV — начала XVI в.) и энергичной земельной (и политической) экспансии клана Кэмпбелл и дома графов и герцогов Аргайлов за счет менее расторопных кланов и, разумеется, ближайших соседей в Западном Хайленде. См., напр.: *Dawson J.E.A. Two Kingdoms or Three?: Ireland in Anglo-Scottish Relations in the Middle of the Sixteenth Century // Scotland and England 1286–1815 / Ed. by R.A. Mason. Edinburgh, 1987. P. 120–131; Macleod R.C. The Western Highlands in the Eighteenth Century // SHR. 1922. Vol. 19. P. 33–48; об экономической политике герцогов Аргайлов в первой половине XVIII в. и ее последствиях см.: *Cregeen E. The Changing Role of the House of Argyll in the Scottish Highlands // Scotland in the Age of Improvement... P. 5–14.**

² Simon Fraser to the Lord Advocate. Inverness, March 2, 1727 // CP. P. 101.

³ J. Hay to the King. July 20, 1726 // LP. P. 307.

⁴ *Mitchison R. Op. cit. P. 36.*

раз рисковал собственной жизнью и с большим трудом возвращенным после событий 1715–1716 гг. высоким положением в обществе, и, как показали события, в этот последний раз неудачно — 9 апреля 1747 г. лорд Ловэт был казнен по обвинению в государственной измене¹.

Совершенно определено, что на роль ответственного за антиякобитскую разведывательную деятельность в Горной Шотландии лорд Ловэт примерно с 1736 г. уже не подходил, оказавшись для правительства Соединенного Королевства в лице сэра Данкана Форбса самым большим и самым ненадежным другом одновременно².

Хотя стоит отметить, что промахи (и не только сознательные) одних командиров отдельных рот в отслеживании активности якобитов в Горной Стране вместе с тем компенсировались необходимой содержательностью оперативных контактов других капитанов и лейтенантов с командованием королевских войск в этой части Великобритании.

Так, сэр Данкан Кэмпбелл из Лохнелла, капитан одной из трех «больших» рот из горцев, в 1726–1727 гг. выступал для генерала Уэйда настоящим резидентом в горношотландской среде, сообщая командованию уникальную и своевременную разведывательную информацию военно-политического характера (полученную, в свою очередь,

¹ Впервые Саймон Фрэзер поставил себя вне закона еще в 1696 г., так что преданность изгнанным Стюартам пришлась особенно кстати при бегстве из Шотландии во Францию в 1702 г., где будущий лорд Ловэт предложил свои услуги Якову Стюарту (*Fraser J. Major Fraser's Manuscript. His Adventures in Scotland and England; his Mission to, and Travels in, France in Search of his Chief; his Services in the Rebellion (and his Quarrels) with Simon Fraser, Lord Lovat. 1696–1737. Vol. I / Ed. by A. Fergusson. Edinburgh, 1889. P. 103–136; Trial of Simon, Lord Lovat of the '45 / Ed. by D.N. Mackay. Edinburgh and Glasgow, 1911. P. 208–209*).

² Во всяком случае, именно в 1736 г. Саймон Фрэзер помогает бежать из Соединенного Королевства Джону Рою Стюарту, одному из важнейших агентов двора Стюартов в изгнании (*Stuart J. Letter-Book, 1715–1752 / Ed. by W. Mackay // PSHS. 1915. Vol. IX. P. xlv*); с Джоном Стюартом, бэйли и купцом г. Инвернесс, поддерживавшим тесные связи с якобитами, лорд Ловэт после своего возвращения в Шотландию в 1715–1716 гг. вообще не прекращал контактировать (*Ibid. P. xxxviii*).

в том числе и от Роберта МакГрегора, инициалы которого атрибутируются с содержащимися в перехваченных капитаном Кэмпбеллом письмах благодаря характерному содержанию представленных сведений, подписям и, собственно, фактам биографии Роб Роя)¹.

Это, между прочим, позволило предотвратить возможную высадку двенадцатитысячного испанского десанта на Британских островах в 1727 г. и, вполне вероятно, вспыхнувший бы в результате очередной якобитский мятеж². Именно в связи с этой возможной угрозой мятежа при иностранной вооруженной поддержке весной 1727 г. были усилены служившие Короне в Горном Крае военные части, в том числе была увеличена численность отдельных хайлендских рот³. Во всяком случае, Яков Стюарт посчитал необходимым тогда же (и вновь) выразить уверенность в том, что Доналд Кэмерон, сын находившегося в изгнании во Франции Джона Кэмерона, XVIII вождя клана Кэмерон, одного из наиболее преданных «делу Стюартов» кланов Шотландии, продолжит, представляя клан

---

¹ Copy of a Letter from a Roman Catholick employed to procure Intelligence; directed to Sir Duncan Campbell, Capt. of one of the Highland Companys. 14 Febr., 1727; Letter to me [general George Wade] from Sir Duncan Campbell, Capt. of one of the Highland Companys. Edinburgh 2d May 1727; Instructions from Brown to R: R.; Letter to the Laird of Glengary carried by R: R: from Brown; Letter from Brown to the Laird of Keppoch, and the same to the Lairds of McIntosh, Glenco, Clunie, McPherson, McDougal and Sir Hector McLean of Duart; Letter from Brown to R: R: // Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 151–157.

² Copy of a Letter from a Roman Catholick employed to procure Intelligence; directed to Sir Duncan Campbell, Capt. of one of the Highland Companys. 14 Febr., 1727 // Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 151–152. Учитывая, что численность королевской армии в Великобритании в это время не превышала, по данным самого генерала Уэйда, 12 000 человек, угроза иностранного вторжения становится еще более значимой (Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 161).

³ Под началом капитанов — с 60 до 100 человек, под началом лейтенантов — с 30 до 60 человек, «имея возможность в случае надобности составить вместе с офицерами батальон в 525 человек» (Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 152–153).

на родине, и далее «следовать примеру отца и дяди в их лояльности... прилагать усилия к поддержанию того же духа и в клане»¹.

Возможность иностранной поддержки предприятиям якобитов по возвращению короны Стюартам сообщала агентурной деятельности отдельных рот из горцев особую значимость. Например, еще в мае 1726 г. сэръ Джон Грэм, чрезвычайный посол двора «старшего Претендента» в Вене, обратился к Австрии с просьбой о поддержке дела Стюартов шеститысячным десантом на Британских островах; в 1738 г. якобиты обратились с подобным предложением к Испании, настаивая теперь на общей численности экспедиционных сил в 10 000–12 000 человек; в мае 1740 г. герцог Ормонд предоставил военному министру Испании, герцогу Монтимеру, отчет, в котором выразил уверенность в успехе экспедиции численностью в 12 000–15 000 солдат и офицеров для вторжения в Англию и 6000 человек — для высадки в Шотландии, где, как сообщал Ормонд, испанцы встретят активную поддержку 14 000 шотландцев; при этом во всех без исключения проектах Хайленду отводилась роль основной базы рекрутирования войск в армию Якова Стюарта в Шотландии².

Сведения капитана Кэмпбелла из Лохнелла, кроме прочего, побудили военное командование в Шотландии обновить клятвы верности монарху служивших в отдельных ротах из горцев и освободить от службы тех, чья преданность новой династии ставилась под сомнение³. Отдельные хайлендские роты в то же время приняли активное участие в поимке мятежников, имена которых

¹ James Stuart [Яков Стюарт, «старший Претендент»] to Mr. Johnstone, Junior [«юный Лохил», Дональд Кэмерон, XIX вождь клана Кэмерон]. April 11, 1727 // Home J. Op. cit. P. 265; о том же — два года спустя: Allan Cameron to his nephew, Yung Lochell. Albano, October 3, 1729 // Home J. Op. cit. P. 266–270.

² Black J. Culloden and the 45'. London, 1990. P. 39, 47, 49.

³ Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 157.

были указаны в перехваченной капитаном Данканом Кэмпбеллом корреспонденции якобитов, циркулировавшей в Горной Шотландии¹.

Сложнее обстояло дело с предотвращением грабежей в Горной Шотландии, главным образом на беспокойной границе Хайленда с Лоулендом². Достаточное количество оружия, сохранившееся у горцев после «реализации» «Акта о разоружении» летом–осенью 1725 г., и стойкость клановой структуры в организации жизни горских сообществ, слабо поколебленная британским присутствием, являлись существенными препятствиями на пути действительного утверждения в Горной Шотландии законов Соединенного Королевства. Достижения отдельных рот здесь обнаружить гораздо сложнее, чем поражения³.

Достаточно сказать, что между 1715 и 1745 гг. ежегодные потери собственников в Шотландии (главным образом жителей соседних с Хайлендом графств или графств, включавших в себя округа одновременно в Горной Стране и на Равнинах) от разорительных набегов горцев составляли в среднем 37 000 ф. ст., и в иные годы сумма потерь некоторых владений достигала величины годовой ренты

---

¹ Сам капитан Данкан Кэмпбелл из Лохнелла, например, чья рота находилась в западном Хайленде, в сентябре 1727 г. схватил Джеймса Стерлинга из Керра, обвиненного в государственной измене за участие в восстании якобитов еще в 1715 г. (Ibid. P. 159).

² Соседство богатой Низины, или Лоуленда, всегда представляло большой соблазн для набегов, и вся страна оправдывала в те времена мнение, что самыми беспокойными и беззаконными в Горной Стране были округа, непосредственно граничившие с Нижней Шотландией (горные районы графств Перт, Стерлинг и Дамбартон); утверждение тем более верное, если учесть, что данные округа во многом составляли прежде владения преследуемых ныне законом кланов МакГрегор и Кэмерон (*Scott W. Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor. Glasgow and London, 1893. P. 142–143; THS. P. 84–96*).

³ *Dodgshon R.A. «Pretence of Blude» and «Place of Thair Duelling»: the Nature of Scottish Clans, 1500–1745 // Scottish Society. 1500–1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989. P. 169–198.*

с этих земель¹. То, что в исторической памяти сохранились имена наиболее примечательных в совершении беззаконий подобного рода личностей Горной Страны первой половины XVIII в., таких как Роб Рой и Колл Мак-Доналд из Кеппоха/Бэррисдэйла, говорит само за себя².

С другой стороны, как и в случае с «разоружением» хайлендских кланов, ошибочно усматривать в таком положении дел вину отдельных рот. В Горной Шотландии в период ее умиротворения в первой половине XVIII в. и раньше активно действовала и другая «Стража» — «Горская Стража». Здесь можно привести ее характерные особенности, как их рисует Грэм из Гэртмора, — талантливый и проницательный джентльмен, проживавший в той округе, где происходили хищнические набеги горцев, а потому писавший о них со знанием дела и на основании личного опыта³.

Данная им картина очень живо представляет тот разбойный образ деятельности, свойственный, конечно, и вольным ротам графа Брэдалбейна на службе Короны в первые два года умиротворения Горной Страны после якобитского мятежа 1715–1716 гг.: «Смута и беспорядки в стране были так велики, а правительство так мало было этим озабочено, что здравомыслящие люди вынуждены были прибегнуть к позорным и постыдным договорам о “черной ренте”, чтобы до некоторой степени себя обезопасить. С лицом, держащим самую тесную связь с грабителями, заключается договор, в силу которого ему ежегодно выплачивается известная сумма денег, чтобы грабежи

¹ *Graham N. An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, 1747 // Burt E. Op. cit. P. 350, 359.*

² Первое жизнеописание Роберта МакГрегора — «Шотландский лиходея» — появилось при его жизни: *Scott W. Op. cit. P. 176–177*; а уже в 1737 г. обоим «героям» горношотландского пограничья уделили внимание в одной поэме, посвященной, правда, проложенным в Горной Стране военным дорогам: *Chambers R. Domestic Annals of Scotland... Vol. III. P. 470.*

³ *Scott W. Op. cit. P. 150.*

не касались помеченных в договоре земель. Из собранных таким образом средств человек платит одним вора за то, чтобы они возвращали владельцам угнанный скот, а другим — за то, чтобы они воровали, создавая необходимость в соглашениях о “черной ренте”... Главарь грабителей величает себя Капитаном Стражи, а его бандиты именуется Стражей...»¹.

Безусловно, масштабы материальных потерь собственников в Шотландии от разбойной активности промышленявших описанным выше образом жителей Горного Края поражают в течение всего периода умиротворения Хайленда в 1715–1745 гг. Однако, аналогично особенностям «разоружения» кланов Горной Шотландии, в данном случае вновь уместно задаться вопросом: в каком контексте командующим королевскими войсками в «Северной Британии» в 1725–1740 гг. понималась эта задача, поставленная перед отдельными ротами?

Очевидна невозможность силами шести даже расширенных к 25 марта 1727 г. с 60 и 30 человек до 100 и 60 соответственно, составив вместе с офицерами батальон в 525 человек, отдельных хайлендских рот положить предел давно и широко распространившейся набеговой практике горских сообществ².

С другой стороны, возможности осуществления менее гласного, насколько это возможно, контроля за военно-политической ситуацией в Горной Стране, открывавшиеся этой официальной задачей перед отдельными ротами, были значительны, и, даже учитывая богатый опыт Лондона в тайной деятельности в интересах Короны, состояние Горного Края требовало присутствия в нем именно рот «Черной стражи». Речь в данном случае идет об уже упоминавшейся специфике «полевых исследований» в Хайленде.

Привычные и ожидавшиеся от стражей британского порядка в Горной Шотландии поиск угнанного скота

---

¹ *Graham N.* Op. cit. P. 344–345.

² *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, 1727 // *HPJP*. Vol. I. P. 152–153.

и преследование грабителей, никого в крае не удивляя, успешно позволяли регулярно учитывать численность, клановую принадлежность, качество и количество оружия, маршруты передвижения и тайные укрытия лиц, потенциально (и недавний исторический опыт мятежей 1715–1716 и 1719 гг. это уже доказал¹) готовых выступить в поддержку «Претендента» из изгнанных Стюартов.

Представляется, именно эту мысль высказал один из наиболее информированных агентов Короны в Горной Стране, лорд-президент Сессионного суда Шотландии Форбс из Каллодена: «Эти горцы... были первыми отдельными ротами; хотя их платье, язык и поведение способствовали им в охране Равнин от грабежей, сие не являлось их единственным применением; те же качества делали их подходящими для каждой экспедиции, требовавшей секретности и быстроты... ротам и надлежащим образом распределенным по Горной Стране, ничто, обычно сообщаемое и полагаемое горцами не могло быть секретом для их командиров благодаря их близости к людям и общности языка»².

Наконец, о надлежащем порядке содержания отдельных хайлендских рот их капитанами и лейтенантами. Интересы Короны здесь, напомним, были просты: соответствие штатного расписания рот их действительному наличному составу, обеспечение горцев пригодным оружием

---

¹ Напр.: Letter-Account of the Engagement at Glensheel. June 10, 1719. June 15, 1719 / By A.H. Millar // PSAS. 1884–1885. Vol. 19. P. 64–66; *Burt E.* Op. cit. 1876. P. xxvii–xxviii, 242–243; *Forbes D.* Memorials Anent the true State of the Highlands as to their Chieftanries, Followings and Dependances before the Late Rebellion [1745–1746] // HRPJ. Vol. I. P. 170. В данном случае представляется уместным вновь обратиться к литературному наследию нашего щедрого информатора лэрда Гэртмора: «Рассеянные по горам отряды [“Горской стражи”] составляют довольно значительную вооруженную силу; это — люди, с детства привыкшие к трудам походной жизни и могущие при случае выступить в качестве войска... До тех пор, пока Горная Страна будет продолжать оставаться в ее нынешнем положении, будут по-прежнему продолжаться восстания, грабежи и разбой...» (*Graham N.* Op. cit. P. 345, 369).

² Duncan Forbes to General Clayton [предположительно конец 1742 г.] // CP. P. 362.

и отличительным платьем, своевременная оплата их службы. С другой стороны, интересы командиров этих же рот в данном случае, несмотря на их определенную верность правительству Его Величества, имели порой противоположный характер. Возможность существенной экономии финансовых средств на содержание отдельных рот благодаря несоответствию наличного и штатного состава, вероятно, использовалась порой капитанами и лейтенантами этих горских частей. В то же время достоверно нам известен только один зафиксированный случай подобного рода (да и тот связан с тем же самым ненадежным капитаном отдельных рот из горцев Саймоном Фрээрером, лордом Ловэтом)¹.

Гораздо больший интерес в связи с вопросом о наличном составе вызывает социальное происхождение служивших в отдельных хайлендских ротах в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. Здесь — частое пересечение и совпадение интересов Короны, вождей (они же часто — капитаны и лейтенанты) и рядовых рот из горцев. Доверимся сведениям одного из самых информированных современников и непосредственных участников умиротворения Горной Страны в первой половине XVIII в. — капитана Эдуарда Барта. В одном из дружеских писем в Лондон он пишет: «Прежде чем закончить [послание], я должен сообщить тебе, что многие из этих рядовых джентльменов [рядовые отдельных рот] содержат при себе слуг, которые помогают им на квартирах, а во время марша несут их провизию и мушкеты...»²

Действительно, многие в хайлендских ротах имели аристократическое (в том смысле, в каком это часто понималось и принималось только в Горной Стране) происхождение, нередко принадлежа к первой после вождя в клановой иерархии категории так называемых тэкменов («tackmen»), или гудменов («goodmen»), — ближайших родственников и приверженцев вождя, получавших

---

¹ *Lenman B. Op. cit. P. 84.*

² *Burt E. Op. cit. 1876. P. 127.*

от него в аренду землю и сдававших ее в субаренду рядовым членам клана¹. В военной организации клана эти тэкмены занимали офицерские должности².

Нет ничего удивительного, таким образом, в том, что именно они первыми и в заметном количестве записались в отдельные роты из горцев, тем более что особой ценности сельский труд для многих из них никогда не представлял и дохода не приносил³. Порой случалось, что фамильные стратегии роста доходности наследных владений предполагали поступление младшего из сыновей на военную службу⁴. И если к 1730–1740-м гг. путь в полки регулярной королевской армии не казался уже, во всяком случае в ближайшем окружении вождей, чем-то особенным, то служба в «Черной страже», на родине, рядом с собственными владениями, безопасность которых они предпочитали гарантировать лично, тем более должна была казаться горцам привлекательной. При этом вновь особо отметим, что в отдельных ротах эти джентльмены были широко представлены не только офицерским составом, но и рядовыми этих отрядов.

Причины, побуждавшие горцев поступать на службу Короне в отдельные роты, порождались во многом еще и самой

¹ *Graham N.* Op. cit. P. 339–341; *Dodgshon R.A.* Op. cit. P. 171–188.

² Мистер Джон Хоум, волонтер правительственных войск, плененный якобитами в 1745 г., сообщает, например, такие подробности: каждый клан представлял собой полк (ветви клана — роты полка), в котором «вождь был полковником, старший [наиболее значимый после вождя] из представителей клана был подполковником, следующий по старшинству был майором...» (*Home J.* Op. cit. P. 9; *McLynn F.J.* *The Jacobite Army in England, 1745: The Final campaign.* Edinburgh, 1983. P. 18).

³ Когда около 1740 г. упоминавшегося нами Колла МакДоналда из Кеппоха спросили о доходности его владений, он ответил, что может выставить в поле 500 человек (*Home J.* Op. cit. P. 20), — характерное отношение к ценности земли и труда на ней в Горной Стране в 1715–1745 гг.; в письме, датированном приблизительно 1730 г., капитан Барт сообщает о крайне низкой арендной плате горцев, возмещаемой вождю скотом и пр., а также различными службами, в том числе и военной (*Burt E.* Op. cit. 1876. P. 159–168; *Keltie J.S.* Op. cit. P. 669).

⁴ *Nenadic S.* *The Impact of the Military Profession on Highland Gentry Families, c. 1730–1830* // SHR. 2006. Vol. 85. No. 1. P. 75–99.

спецификой политической ситуации в Горной Стране — процессом ее умиротворения. В условиях формального запрета на ношение, хранение и использование оружия жителями Горного Края возможность открыто, на законных основаниях демонстрировать окружающим «полный наряд» горца так же, как это всегда было привычно его славным предкам, естественно, повышала социальный статус служившего в «Черной страже» хайлендера, обозначая таким странным для остальных жителей Соединенного Королевства образом его более высокое общественное положение по сравнению с прочими членами горских сообществ¹.

Анализируя вопрос об эффективности отдельных хайлендских рот на службе Короны в Горной Стране в период ее умиротворения в 1715–1745 гг., необходимо упомянуть еще одно военное формирование на содержании и службе правительства Его Величества, пришедшее на смену распущенным в 1717 г. отдельным хайлендским ротам, — отряды гидов при укреплениях в Инверлохи (будущий форт Уильям), в Киллиуимене (будущий форт Август), в Бернере (в Гленелге) и в Развене (в Бэденохе).

Эти отряды, также именуемые ротами, насчитывали в своих рядах по 30 человек в каждом и выполняли функции проводников и поисковых партий гарнизонов, к которым они были приписаны². Поскольку самостоятельные задачи на них, судя по совершенному молчанию об этом источников, не возлагались, мы обнаруживаем в этом логичное объяснение прямого подчинения этих рот комендантам указанных фортов и укрепленных казарм³. При этом последнее обстоятельство — самое примечательное. Отряды гидов, заменившие отдельные роты из горцев образца

¹ Примечательно, что, например, А.В.Б. Норман, говоря о «горском платье» в XVIII в., ведет речь исключительно о форме горношотландских полков: *Norman A. V. B. A Note on Highland Dress after the '45 // PSAS. 1972–1974. Vol. 105. P. 316–318; Prebble J. Op. cit. P. 29–30.*

² *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 138; Lenman B. The Jacobite Risings in Britain 1689–1746. London, 1980. P. 221.*

³ *Lenman B. The Jacobite Risings... P. 221.*

1690-х гг., предоставили командующим королевскими войсками в Шотландии замечательную возможность сравнить преимущества и недостатки этих двух видов организации жителей Хайленда на службе Короны в сложных решениях и поступках деле умиротворения Горной Страны и выработать наиболее оптимальный вариант военного сотрудничества в Горной Шотландии в будущем.

«Черная Стража» и другие сформированные позже отдельные роты были призваны сочетать «преимущества горцев», перечисленные еще генералом Маккеем, и дисциплину линейных полков (имея в виду четкую организацию их деятельности и более высокую степень контролируемости британским военным командованием в Горной Шотландии)¹.

Однако возвратимся к главному вопросу: чьи интересы сторожили отдельные хайлендские роты? Вероятно, лучшим ответом на этот вопрос будет то, в какой степени такая форма военного сотрудничества удовлетворяла британское военное командование в Горном Крае и правительство Его Величества в Лондоне. Очевидные показатели этой заинтересованности — финансирование отдельных хайлендских рот и изменение их численного состава. Последствия их вывода в составе 43-го пешего полка «Черная стража» в 1743 г. для военно-политической и криминогенной (в рамках правовых представлений Лондона) обстановки в Горной Стране также позволяют пролить свет на эту проблему.

Финансовое обеспечение отдельных рот из горцев не шло проторенным путем. Во-первых, совершенно не годился предшествующий опыт отдельных рот, распущенных в 1717 г. (в то время как система снабжения партий гидов при гарнизонах в Хайленде предполагала меньший масштаб и иную специфику); во-вторых, предложения командующего королевскими войсками в Северной Британии в рапорте от 10 декабря 1724 г., повторенные практически в той же форме в апреле 1725 г., настоятельно требовали

---

¹ *Idem.* The Jacobite Cause... P. 84.

скорейшей организации хайлендских рот в связи с тем, что разоружение Горной Страны предполагалось начать даже не в августе, как это вышло в результате, но сразу же вслед за выпуском акта о разоружении кланов, в июне 1725 г.¹ Такое стремительное развитие событий также ставило под сомнение возможность требуемого финансирования отдельных рот в необходимые скорые сроки.

Между тем решение финансовых проблем армии Его Величества в Шотландии являлось самой насущной потребностью действительного умиротворения Горного Края, поскольку последнее предполагало существенные и регулярные финансовые траты в течение длительного периода (напомним: только в первые два года умиротворения Горного Края, 1725–1726 гг., предполагалось затратить не менее 20 000 ф. ст. на укрепление и расширение британского военного присутствия в Горной Шотландии). Этот же вопрос, как мы уже отмечали, был для генерала Уэйда и его сторонников в британском парламенте едва ли не самым болезненным.

Однако генерал Уэйд, видимо, предполагал возникновение затруднений подобного рода. Богатый опыт многолетней службы в британской армии и работы в британском парламенте, вероятно, подсказал ему необходимость заранее и лично позаботиться об обеспечении возложенных на него обязанностей, и генерал в первом же своем отчете о положении в Горном Крае сам предложил выход из этой затруднительной ситуации: сокращение расквартированных в Шотландии регулярных частей королевской армии, с тем чтобы высвободившиеся таким образом финансовые средства направить на организацию шести отдельных хайлендских рот². Факт этот, уже и сам

---

¹ Возмущение налоговой политикой Лондона в городах Шотландии вынудило генерала Уэйда прежде намеченного разоружения кланов Хайленда обеспечить этому мероприятию надежный тыл в Лоуленде (*Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 289–302*).

² *Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 140.*

по себе многозначительный, еще яснее демонстрирует заинтересованность командующего в отдельных ротах из горцев, если учесть, что численность британской королевской армии в полковом расписании для Горной Страны на знаковый для всего процесса умиротворения Хайленда в 1715–1745 гг. 1725 г. по причине беспорядков в городах Шотландии в связи с налоговой политикой Лондона едва ли превышала 2000 человек¹.

Более того, финансовое планирование государственных расходов на армию уже на 1726 г. включало отдельную строку о 324 служащих отдельных хайлендских рот, которая неизменно будет присутствовать во всех основных решениях государственных мужей Великобритании подобного рода (с 1727 г. с указанием общей численности вольных рот в 555 человек) вплоть до 1739 г., когда отдельные роты из горцев будут организованы в 43-й пеший полк «Черная стража»².

Такое постоянство в решениях британских парламентариев особенно удивляет на фоне явной тенденции

---

¹ В Глазго народное брожение, потребовавшее личного вмешательства генерала Уэйда, привлекло 6-й драгунский полк Джона Далримпла, 2-го графа Стэйра, четыре отряда драгун 2-го драгунского полка Джеймса Кэмпбелла из Лоуэрса, 16-й Бедфордширский пеший полк Генри Скотта, 1-го графа Делорэйна (*Cannon R. Historical Record of the Sixteenth, or the Bedfordshire Regiment of Foot; containing an account of the formation of the regiment in 1688, and of its subsequent services to 1848. London, 1848. P. 39*), и одну отдельную хайлендскую роту сэра Данкана Кэмпбелла, а также четыре пушки и девять мортир; спокойствие в Эдинбурге поддерживалось пятью ротами 14-го Бекингемширского пешего полка Джаспера Клэйтона (*Cannon R. Historical Record of the Fourteenth, or the Buckinghamshire Regiment of Foot: containing an account of the formation of the regiment in 1685, and of its subsequent services to 1845. London, 1845. P. 93–94*), двумя отрядами драгун все того же Джеймса Кэмпбелла из Лоуэрса и еще двумя отдельными горношотландскими ротами (*Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 300*).

² Debate concerning the Number of Land Forces // *The History and Proceedings of the House of Commons... Vol. 6. P. 372–398; Ibid. Vol. 7. P. 15–86; Ibid. Vol. 8. P. 87–159, 251–179; Ibid. Vol. 9. P. 48–73; Ibid. Vol. 10. P. 403–417.*

к снижению объемов финансирования королевской армии Ганноверов с 1727 г. (885 494 ф. ст., 9 шилл. и 4 пенса) по 1739 г. (647 549 ф. ст., 11 шилл. и 3 пенса). При этом на 1727 г. приходится максимальные цифры военного бюджета Соединенного Королевства за весь период существования содержавшихся правительством вольных рот из горцев. И это легко объяснимо обозначившейся именно в 1727 г. угрозой очередного восстания якобитов и возможной высадки десанта союзников изгнанных Стюартов в Англии и Шотландии. Понятно также и сокращение численного состава армии (с 26 383 солдат и офицеров, включая инвалидов военного госпиталя в Челси и не записанных в полки офицеров, в 1727 г. до 17 704 солдат и офицеров в 1739 г.), после того как возможный мятеж перестал столь явно угрожать новому престолонаследию¹.

Однако отдельные хайлендские роты, несмотря ни на что, продолжили службу британской Короне. Это обстоятельство подтверждает наши предположения о том, что от вольных рот требовалась вовсе не прямая вооруженная поддержка правительства в первую очередь (иначе после того, как угроза схлынула, роты можно было бы и распустить, а во время угрозы значительно расширить их численный состав).

В этой связи о средствах на содержание отдельных рот из горцев следует поговорить подробнее. Известно, что жалованье служивших Короне в отдельных ротах из горцев составляло 8 пенсов в день в том случае, если последние были заняты в активных поисковых мероприятиях (розыск хранимого незаконно оружия или угнанного скота) или на военных смотрах королевской армии в Горной Стране².

---

¹ Debate concerning the Number of Land Forces for the Year 1727 [содержится в: Second Parliament of George I. Fifth session — begins 17.1.1727] // The History and Proceedings of the House of Commons... Vol. 6. P. 349–372; Debate concerning the Number of Land Forces for the Year 1739 [содержится в: Second Parliament of George II. Fifth session — begins 14.2.1739] // Ibid. Vol. 10. P. 403–417.

² Prebble J. Op. cit. P. 34.

Однако, с тем чтобы полнее представить конкретные суммы, полагавшиеся на содержание рядовых и офицеров «Черной Стражи», считаем возможным вполне вероятное их определение по аналогии с выплатами, полагававшимися сформированному весной 1745 г. по примеру 43-го пешего полка «Черная Стража» 64-му пешему полку горцев Джона Кэмпбелла, 4-го графа Лоадона¹. Такая аналогия вполне допустима, поскольку речь идет об особых статьях расходов, характерных только для горношотландских частей.

Итак, в 1745 г. личному составу 64-го горношотландского полка лорда Лоадона полагалось: 8 шилл. и 6 пенсов — на «горский» палаш или клэймор (служившему в обычном полку от инфантерии — 5 шилл. на обычный клинок), 6 шилл. и 8 пенсов — на броги (в обычном полку от инфантерии на обувь — 4 шилл.), 3 шилл. — на чулки из сукна «старого образца» особой расцветки (в обычном полку от инфантерии — 1 шилл. и 4 пенса), 1 шилл. — на «шапочку горца» (в обычном полку от инфантерии на головной убор — 3 шилл.)².

Разница в пользу хайлендера составляла, таким образом, примерно 5 шилл. и 10 пенсов, а это, в свою очередь, — двухнедельное жалованье рядового в обычном пешем полку британской королевской армии в данный период³. Любопытный факт: даже в снабжавшейся далеко не самым лучшим образом армии Карла Эдуарда Стюарта недельные выплаты рядовым горцам превышали принятые в армии первых Георгов, составляя 3 шилл. и 6 пенсов в неделю⁴.

---

¹ *Balfour J.P.* Op. cit. Edinburgh, 1908. Vol. V. P. 509–510; *Reid S.* Op. cit. P. 6.

² *Reid S.* Op. cit. P. 11.

³ Regulations for stoppages of dragoons and foot, Miscellaneous Orders, 28th June 1720; Regulations for stoppages of dragoons and foot, Miscellaneous Orders, 27th April 1732 // Fortescue J.W. A History of the British Army. Vol. II. London, 1899. P. 582.

⁴ J. Cameron to the Paymaster of the Jacobite Army, Laurence Oliphant of Gask Regarding Lochiel's Regiment. December 28–30, 1745 // NLS. 82.4.1. P. 71.

Таким образом, жалование в отдельных хайлендских ротах в 1720–1730-х гг. более чем на треть превышало доходы нижних чинов в обычных пеших полках армии Соединенного Королевства в данный период. Годовое содержание 555 служивших в отдельных хайлендских ротах также составляло, сопоставимо с тратами британского военного командования в Шотландии, внушительную сумму — 9146 ф. ст. и 17 шилл. (по данным на 1736 г.; при этом нами не встречено никакого упоминания о сокращении жалования в вольных ротах из горцев в 1727–1739 гг., т.е. именно тогда, когда, напомним, в них было записано 555 человек)¹.

Своеобразным показателем доверия командования ротам «Черной стражи» можно считать практически непрерывный рост их численного состава за весь период существования: вместо предполагавшихся 250–300 горцев по штатному расписанию на 1725 г. — 490 рядовых и офицеров уже к лету 1725 г. на нужды разоружения кланов Горной Страны; 324 человека — в 1726 г. в связи с окончанием процедуры добровольной сдачи оружия горцами генералу Уэйдю к концу 1725 г.; 555 человек — в 1727–1739 гг. по причине роста активности якобитов в Горной Шотландии. Инспекция генерала Уэйда в августе–сентябре 1738 г. показала наличие 402 человек в шести отдельных ротах, за исключением комиссованных офицеров, что, учитывая сохранение прежней численности отдельных рот из горцев в финансовых планах правительства Соединенного Королевства касательно армии и на следующий, 1739 г., подтверждает наши предположения о вполне определенной заинтересованности британского военного командования в Горной Шотландии в «Черной страже»².

---

¹ An Estimate of the Charge of the Guards, Garrisons, and other his Majesty's Land Forces in Great Britain, for the Year 1736 [содержится в: Second Parliament of George II. Second session — begins 29.01.1736] // The History and Proceedings of the House of Commons... Vol. 9. P. I–LIV.

² Wade G. Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 140; Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725. January 31, 1726 // Burt E. Op. cit. 1822. P. 306–309; Lenman B. The Jacobite Risings... P. 222.

Более того, на основе шести отдельных хайлендских рот в 1739 г. (фактически — к маю 1740 г.) формируется целый полк из горцев — знаменитый 43-й пеший полк «Черная стража», вместе с еще четырьмя дополнительно набранными ротами¹ насчитывавший в своих рядах 950 человек². При этом вплоть до своего вывода из Горной Страны весной 1743 г. полк нес службу в Хайленде именно в качестве 10 отдельных хайлендских рот с их специфическими задачами и определенными районами ответственности и размещения, и только после вывода он выступал впредь как обычный линейный пеший полк армии Соединенного Королевства³.

Что при этом, быть может, важнее: прецеденты, созданные отдельными ротами из горцев и первым хайлендским полком. Во время последнего якобитского восстания 1745–1746 гг. было организовано 18 (первоначально предполагалось 20) отдельных хайлендских рот для службы Короне в охваченной мятежом Горной Стране⁴. Тогда же был сформирован еще один полк из горцев — тот же

¹ Рота лорда Ловэта в связи с подозрениями последнего в связях с якобитами была передана его зятю майору Гранту из Калбина, который сразу же несколько обновил состав роты, удалив из нее непригодных к службе в горах (что, между прочим, подтверждает факт нарушения Ловэтом предусмотренных для капитанов и лейтенантов вольных рот из горцев инструкций) (*Prebble J. Op. cit. P. 35–36*).

² Королевский указ о сведении отдельных горношотландских рот «Черная стража» в линейный пеший полк был подписан королем в ноябре 1739 г., однако в качестве полка вольные роты впервые предстали действительно только в мае 1740 г. на берегу реки Тэй, между мостом Тэйбридж и местечком Эберфилди, в Пертшире, где они были проинспектированы и в количестве 950 рядовых и офицерских чинов действительно составили линейный пеший полк «Черная стража» под началом своего первого полковника Джона Линдсея, 20-го графа Кроуфорда, а затем бригадного генерала лорда Семпила (*Grant C. The Black Watch. London, 1970. P. 4; Prebble J. Op. cit. P. 36–37*).

³ *Keltie J.S. Op. cit. P. 327; Prebble J. Op. cit. P. 39.*

⁴ List of Officers of the Independent Companys raised in the North; specifying the dates of delivering to them their Commissions, their Companys being then complete [вложено в: President of the Court of Session to Mr. Geo. Ross. Inverness, May 13, 1746] // CP. P. 276.

64-й пеший полк лорда Лоадона¹. Более того, во второй половине XVIII в. через ряды британской армии пройдет несколько десятков хайлендских пеших полков, набранных в Горной Стране². Из них только сформированный в 1800 г. 93-й Сазерлендский хайлендский полк будет последним набиравшимся номинально в соответствии с принципом клановой принадлежности³.

Рост участия горцев в военных предприятиях империи, начиная с формирования в 1739 г. полка «Черная Стража», шел по нарастающей. В 1739–1756 гг. сформированы 42-й пеший полк «Черная Стража» (1739 г. — по настоящее время) и 64-й пеший полк горцев Лоадона (1745–1748 гг.).

Однако уже во время Семилетней войны 1756–1763 гг. — 2-й пеший батальон «Черной Стражи» (1759–1763 гг.), 77-й (62-й до 1758 г.) пеший полк горцев Монтгомери (1757–1763 гг.), 78-й (63-й до 1758 г.) пеший полк горцев Фрззера (1757–1763 гг.), 87-й пеший полк Кейта (1759–1763 гг.), 88-й пеший полк Кэмпбелла (1759–1763 гг.), 89-й пеший

¹ 64-й пеший полк горцев лорда Лоадона и отдельные хайлендские роты принимали самое активное участие в умиротворении Горной Шотландии в 1745–1746 гг. (A return of Lord Loudon's Regiment and Seventeen Independent Companys station'd at Fort Augustus the First of September 1746; A return of Lord Loudon's Regiment and Two Independent Companys quartered in the Highlands the 6 of October 1746 // AP. P. 207, 277).

² Канник П. Униформа армий мира, 1506–1804. М., 2001. С. 32, 43, 49, 70–71; Функен Ф. Указ. соч. С. 110–112; Keltie J.S. Op. cit. P. 320–802; Prebble J. Op. cit. P. 498–501; MacKillop A. «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000. При этом во второй половине XVIII в. в качестве именно хайлендских частей на военную службу к британской Короне поступило большое число горцев-эмигрантов в Северной Америке (Katcher P. The American Provincial Corps 1775–1784. Reading, 1973).

³ Prebble J. Op. cit. P. 501. Офицерский состав 43-го пешего полка «Черная стража» на момент своего формирования, в 1739 г., насчитывал среди 32 старших и младших офицерских чинов по три представителя клана Грант, по четыре — клана Манро и по шесть — клана Кэмпбелл; в полку Джона Кэмпбелла, лорда Лоадона, на 8 июня 1745 г. (дата выдачи комиссий на формирование 12 рот полка) на офицерских должностях (всего их было в полку 38) находилось, например, целых одиннадцать Кэмпбеллов (Keltie J.S. Op. cit. P. 326, 451).

полк герцога Гордона (1759–1765 гг.), 100-й пеший полк Килберри (1761–1763 гг.), 101-й пеший полк Джонстона (1760–1763 гг.), 105-й пеший Собственный Ее Величества полк королевских горцев (1761–1764 гг.), 114-й пеший полк королевских горских волонтеров (1761–1763 гг.).

Во время войны американских колоний за независимость вчерашние мятежники-якобиты из Хайленда оказывают активную поддержку британской Короне — очередной 2-й пеший батальон «Черной Стражи» (1779–1786 гг.), 71-й пеший полк Фрезера (1776–1784 гг.), 73-й пеший полк горцев лорда МакЛеода (1778–1786 гг.), 74-й пеший полк горцев Аргайла (1778–1783 гг.), 76-й пеший полк Макдоннелла (1778–1784 гг.), 77-й пеший полк горцев герцога Этолла (1778–1783 гг.), 78-й пеший полк лорда Сифорта (1778–1786 гг.), 84-й пеший полк королевских горских эмигрантов (1775–1784 гг.), Северо-британский полк Каледонских волонтеров (1776–1778 гг.).

В самой Горной Стране в связи с восстанием якобитов в 1745–1746 гг., а в дальнейшем в свете угрозы иностранного десанта во время все тех же Семилетней войны и войны в американских колониях были сформированы 18 отдельных хайлендских рот, включая милицию Аргайла (1745–1746 гг.), 30 местных милиционных отрядов общей численностью до 4000 человек (1745–1746 гг.), ополчение Аргайла (1759–1763 гг.), полк Сазерленда (1759–1763 гг.), ополчение Западного Аргайла (1778–1783 гг.), Северное ополчение (Гордона) (1778–1783 гг.)¹.

Представляется, что по ту сторону «горских» палашей и гренадерских штыков, между 1689 и 1759 гг., британское военное присутствие успело пустить в неподатливую почву Горной Шотландии крепкие корни; с 1792 по 1815 г. — время кульминации почти векового изнурительного противостояния Великой Британии и Великой Франции — каждый четвертый житель Горного Края проходил добровольную службу

¹ *Dziennik M.P. The Fatal Land: War, Empire and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vols. I–II. Unpublished thesis for the degree of Doctor of Philosophy in History. Edinburgh University, 2010. P. 352–356.*

в полках под флагом Соединенного Королевства (в абсолютном выражении 75 000 человек из примерно 300 000 населения Горной Шотландии на рубеже XVIII–XIX вв.).

При этом необходимо особо отметить и подчеркнуть тот активно исследуемый британскими коллегами факт, что рост численности такого весьма воинственного участия горцев в имперском строительстве был прямо пропорционален масштабам интеграции Хайленда в британское регулярное государство, успешной колонизации элитой этого «дикого» края институтов Соединенного Королевства и Британской империи¹.

Наконец, показательными (и ожидаемыми для хорошо знакомых с обстановкой в Горной Стране) представляются последствия вывода 43-го пешего полка «Черная Стража» из Хайленда в 1743 г.² для военно-политической и криминальной обстановки в Горном Крае, против чего, между прочим, очень жарко протестовал лорд-президент Сессионного суда Шотландии, усматривая в «Черной Страже» единственный на тот момент значимый фактор военно-политической безопасности королевства в Горной Стране³.

¹ MacKillop A. Op. cit; в особенности его же статья: *Idem*. The Political Culture of the Scottish Highlands from Culloden to Waterloo // The Historical Journal of Cambridge. 2003. Vol. 46. No. 3. P. 511–532; Dziennik M.P. Op. cit.

² В том самом 1743 г., когда «старший Претендент» уже активно обсуждал со своими сторонниками в Шотландии планы вторжения на Британские острова, напр.: James Stuart [Яков Стюарт, «старший Претендент»] to one of his Adherents in Scotland. March 11, 1743 // *Home J.* Op. cit. P. 271–273; тогда, когда усилили и возможности вольных горношотландских рот в перехвате корреспонденции якобитов требовались как никогда; напомним: неудавшееся благодаря шторму и британскому военному флоту вторжение 1744 г. степенью действительного участия иностранных держав (15 000 солдат и офицеров службы короля Франции) превосходило все имевшие место в первой половине XVIII столетия предприятия Стюартов; Дэвид Уэймусс, лорд Элко, сын Джеймса Уэймусса, 4-го графа Уэймусса, сообщает несколько меньшие цифры: 12 000 солдат и офицеров французской службы (*Wemyss D.* A Short Account of the Affairs of Scotland in the Years 1744, 1745, 1746. Edinburgh, 1907. P. 232).

³ Duncan Forbes to General Clayton [предположительно 1742 г.] // CP. P. 360–363.

Почти сразу же вслед за этим событием последовало, например, практически повсеместное восстановление незаконной практики угона скота на границе владений кланов Кэмпбелл и Кэмерон со стороны последних, убрав с «карты» подобных предприятий последнее «белое пятно». Примечательно, что Арчибальд Кэмпбелл, новый, 3-й герцог Аргайл, получив сей славный титул в том же 1743 г., управление владениями начал прежде всего с восстановления военной службы арендаторов в счет значительной части арендной платы с земель¹.

Вообще отряды «Горской Стражи» в это последнее перед восстанием якобитов 1745–1746 гг. время окончательно заменили собой «Черную Стражу», взимая, однако, плату за сохранность имущества с собственников Горной Страны и горношотландского порубежья, а не с правительства и, совершенно очевидно, промышляя, с другой стороны, грабежом. О том, что эти же партии горцев-разбойников являлись потенциальной (и впоследствии реальной) вооруженной силой противников правительства и новой правящей династии, уже говорилось. Утрата важного агентурного звена в лице отдельных рот из горцев резко снижала информированность правительства Соединенного Королевства о положении дел в Горной Шотландии, и это — буквально за два года до самого значительного своим продвижением к Лондону якобитского мятежа. В то же время королевские войска в Шотландии лишались вооруженной поддержки, за исключением, видимо, гидов при фортах и блокгаузах, достаточного количества опытных проводников, хорошо знакомых с местными особенностями предстоявшей войны.

Умиротворение Горной Шотландии в 1689–1759 гг. характеризовалось, таким образом, большой активностью отдельных рот из горцев, занявших в структуре британского присутствия в Хайленде, соответственно, важную и во многом до сих пор не оцененную по достоинству

---

¹ Cregeen E. Op. cit. P. 14–17.

роль¹. Разумеется, необходимо признать достаточно широкое использование вождями и их приверженцами службы в отдельных ротах из горцев ради удовлетворения собственных нужд.

Вместе с тем необходимо также помнить, что их интересы с интересами Короны часто сочетались вполне взаимовыгодным образом. Возможность открыто содержать вооруженный отряд в условиях всеобщего разоружения (пусть во многом формального) и сообщаемый этим престиж службы в хайлендских ротах для горцев, приличное по тем временам (и по меркам Горного Края) жалование и возможность опереться на поддержку правительства Соединенного Королевства активно использовались и коронными службами в Горной Стране.

Регулярный доступ к критически необходимой эффективному присутствию правительства в крае информации о количественном и качественном состоянии нелояльных Лондону сил в Горной Шотландии в 1715–1745 гг., по крайней мере некоторое сдерживание всеобщего распространения «черной ренты» в Хайленде и накопление опыта умиротворения мятежного края такой формой военного присутствия в нем, как набор вооруженных отрядов из местного населения на содержание и службе правительства, были, на наш, взгляд, теми принципиальными преимуществами, которые примиряли в неоднозначной службе отдельных хайлендских рот интересы Короны, вождей и личного споррана состоявших в них горцев.

---

¹ Отдельные хайлендские роты в историографии по-прежнему часто рассматриваются как «проходной» сюжет по сравнению с пристальным изучением движения якобитизма. См., напр.: *McDonald M. and Dobson M. Annotated Bibliography of the Scottish Collection at Cape Breton University*, 2005.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рах Britannica по-прежнему часто рассматривается в качестве эталонного образца государственного строительства имперского типа. Вместе с тем этот величественный образ скорее отражает расцвет могущества Великобритании в XIX в. Два предыдущих столетия рисуют менее однозначную картину колониальной и окраинной политики Лондона. Одним из важнейших достижений историографии Британской империи в последние два десятилетия является преодоление малопродуктивной оппозиции европейских морских и континентальных империй, приводившей к абсолютизации естественных различий между ними. До недавнего времени в качестве аналогов Британской империи рассматривались преимущественно Французская или Испанская колониальные империи. Предметом сопоставления в этом случае являлись заморские владения этих держав, а объектом изучения — колониальная политика за океанами.

Анна Лора Столер и Фредерик Купер в этой связи высказали важное методологическое наблюдение: «Концепции долгого XIX в. в европейской истории слишком сосредоточены на “нации-государстве” и проявляют недостаточно интереса к “империи”»¹. Этот тезис развил Генри Кеймен: «Мы привыкли к мысли о том, что Испания создала свою империю, но полезнее было бы поработать с идеей о том, что империя создала Испанию»².

---

¹ Stoler N.L., Cooper F. *Between Metropole and Colony. Rethinking a Research Agenda // Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World* / Ed. by A.L. Stoler, F. Cooper. Berkeley; Los Angeles, 1997. P. 22.

² Кеймен Г. *Испания: дорога к империи*. М., 2007. С. 10.

Схожую мысль применительно к Британской империи высказала Линда Колли, показав, как много значили имперские успехи в формировании общебританской идентичности в островной метрополии¹. Такая исследовательская перспектива позволяет заметить, что в эпоху Нового времени развивались два параллельных и тесно взаимосвязанных проекта имперского строительства — на Британских островах и за океанами. В отношении гэльских окраин Лондон руководствовался во многом той же логикой, что и континентальные империи в отношении периферии, не отделенной от метрополии огромными морскими пространствами.

При этом если об Ирландии как о первой колонии Англии говорили давно, то о Горной Шотландии в таком ключе впервые заявили только в 1970-е гг.² Об участии шотландских горцев в имперском строительстве за морем активно заговорили в 2000-е гг.³ Джоффри Плэнк первым обратил внимание на то, как британские генералы приобретали колониальный опыт управления в Хайленде, который они применяли в заморских владениях (и верно обратное)⁴. Ранее Джейн Олмейер предложила рассматривать Ирландию как «лабораторию империи», где вырабатывались характерные черты более поздней британской колониальной политики⁵. Между тем применительно к реалиям конца XVII — первой половины

---

¹ Colley L. *Britons: Forging the Nation, 1707–1837*. London, 1992.

² Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. London, 1975.

³ MacKillop A. «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton; East Lothian, 2000; Dziennik M. *The Fatal Land: War, Empire, and the Highland Soldier in British America, 1756–1783*. Vol. I. PhD Thesis, University of Edinburgh, 2010.

⁴ Plank G. *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia, 2006.

⁵ Ohlmeyer J.H. *A Laboratory for Empire?: Early Modern Ireland and English Imperialism // Ireland and the British Empire. The Oxford History of the British Empire. Companion Series / Ed. by K. Kenny. Oxford, 2004. P. 26–60.*

XVIII в. именно Хайленд уместно рассматривать в качестве самой близкой и опасной «лаборатории империи» по испытанию различных проектов формирования, расширения и укрепления лояльности Короне и правительству в Лондоне в условиях угрозы мятежей и вторжения враждебной державы.

Применение такого подхода, масштаба и ракурса в изучении окраинной политики Великобритании в свете различных направлений, форм и способов интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в процессе решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. позволяет обнаружить скрытый смысл взаимосвязанных мер по сбору, комментированию и практическому применению сведений о крае и его мятежных обитателях с целью расширения британского присутствия на этой гэльской окраине.

В книге этот аспект хайлендской политики Соединенного Королевства изучен не только в качестве практики идеологического присвоения «чужого» пространства и аргументации такого решения «Хайлендской проблемы», за которое в тот или иной момент ратовал Лондон. Речь также идет об аналитических аспектах интеграции и модернизации Горной Страны, основанных на воображении и осмыслении географических, этнографических и политико-экономических особенностей «Хайлендской проблемы» в 1689–1759 гг.

Кроме того, возможности использования этого колониального знания в собственных или корпоративных интересах, открывавшиеся перед военными и штатскими чинами в Лондоне и в Горной Шотландии, их агентами, а также заинтересованными представителями местных элит, позволяют говорить об интеллектуальной колонизации Горной Шотландии одновременно как о способе аргументации в политической полемике — как по поводу решения «Хайлендской проблемы», так и в связи с колониальной политикой Великобритании за океанами.

В ходе исследования было установлено, что решение «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине

XVIII в. сопровождалось не только зримым расширением британского военного присутствия в Горной Шотландии, но и менее явным, однако не менее значимым формированием определенного корпуса текстов (мемориалы, рапорты, отчеты, обозрения) в процессе интеллектуальной колонизации Горной Страны, не только отражавших ее восприятие в Великобритании и служивших идеологическим обоснованием хайлендской политики Лондона, но и составивших колониальное знание о гэльской окраине и ее обитателях, призванное облегчить властям понимание местных реалий в процессе умиротворения и реформирования Горного Края.

Важнейшие направления сбора, комментирования и применения сведений о Горной Шотландии и ее обитателях в процессе решения «Хайлендской проблемы» были связаны с попытками властей определить ее географическое, этнографическое и политико-экономическое содержание — установить потенциальные границы мятежа, картографируя «Хайлендский рубеж», определяя границы клановых земель и выявляя социально-экономическую специфику феодально-клановых отношений в Горной Стране.

Изучение характерных особенностей воображения географических границ «Хайлендского рубежа» и создания картографических образов «Хайлендской проблемы» позволило установить, что эти усилия имели прямое отношение к формированию британской идентичности в конце XVII — первой половине XVIII в. Горный Край позиционировался правительственными комментаторами как отличавшийся от остального королевства и противостоявший нормам и ценностям британского юнионизма.

При этом «отстающее» пространство формировалось через противопоставление остальной Шотландии, «модернизирующейся» в рамках Великобритании, и задавалось оппозицией «отклоняющемуся» от провозглашенных англо-шотландской унией норм региону. Таким образом, вариативность географического воображения Хайленда не только отражала неопределенность, с которой многие военные и штатские чины и их агенты сталкивались

в Горной Стране, но и соответствовала поворотам хайлендской политики Лондона, отражая процесс интеграции гэльской окраины в Соединенное Королевство.

Это выстроенное вдоль шкалы исторического прогресса и наполненное задором философии «улучшений», оригинальной шотландской рецепцией идей Просвещения представление о географии Хайленда, в свою очередь, способствовало начертанию этнографической карты лояльностей горцев, особенно актуальной во время мятежей якобитов в 1689–1759 гг. Географическое изображение комментаторов представляло Горную Шотландию в свете этнокультурных особенностей ее обитателей.

Таким образом, границы мятежа, источником которого Хайленд считали в остальном Соединенном Королевстве до окончательной ликвидации военной угрозы якобитизма в 1759 г., определялись через пределы распространения практик насильственного характера (разбой, грабеж и вымогательство). Понятным Короне и правительству и принятым в холлах Вестминстера языком авторы рекомендаций по умиротворению Горной Страны отстаивали собственное представление о пространственных пределах ее мятежности и способах сокращения этих опасных для королевства границ.

Кроме того, в результате обращения к географическому воображению властей доказано, что картографические труды, созданные по заказу чинов шотландской службы, являлись не только отражением конкурентной борьбы сторонников различных интерпретаций оспариваемого ими пространства Горного Края. Одной из важнейших функций картографирования в процессе решения «Хайлендской проблемы» являлся сбор агентурных сведений о мятежной гэльской окраине. Карты Хайленда, составленные по заказу военных и штатских чинов, таким образом, необходимо читать не только как отражения географической реальности и/или идеологические конструкции Лондона, но и как результат совместных усилий британских чинов и их местных агентов по географическому воображению мятежной гэльской окраины.

Именно такой подход позволяет выявить связи между расширением британского присутствия в крае и его интеллектуальной колонизацией, ростом политического контроля и участия в этом процессе заинтересованных представителей местных элит.

Британский случай обращения к этнографии как колониальной практике по-прежнему связывают с политикой империи за океанами. Между тем в ходе работы мы пришли к выводу, что в конце XVII — первой половине XVIII в. Горная Страна являлась самой близкой и опасной лабораторией империи по испытанию различных проектов формирования, укрепления и расширения лояльности Короне и правительству в Лондоне в условиях мятежей и угрозы вторжения иностранной державы, а приобретенный в Хайленде опыт в результате административных назначений переносился в заморские владения Британской империи.

При этом этнографические описания Горного Края представляли собой процесс не только языкового, но и культурного перевода местных реалий в понятия и нормы, принятые в остальном Соединенном Королевстве. Особый этнографический интерес в этом смысле у авторов мемориалов, рапортов и прочих отчетов о состоянии Горного Края и способах решения «Хайлендской проблемы» вызывали категория «горского наряда», служившего для ответственных за умиротворение края британских чинов самоочевидным визуальным этнографическим признаком «мятежности» в Горной Шотландии, и категория «Горной войны», в которой они усматривали необходимую конкретизирующую практическую модель этнографического анализа этой «мятежности».

В целом же образ горца играл роль конституирующего «Другого» в процессе формирования юнионистской и имперской идентичности в рамках заключенной в 1707 г. Англией и Шотландией унии. Его описания в проектах реформирования и «цивилизации» Хайленда представляли собой набор черт «идеального» британца, которые необходимо воспитывать в подданных с целью укрепления присутствия Лондона на имперских окраинах. В рамках

популярной в эпоху Просвещения теории стадияльного развития народов за горцами резервировали право и возможность прогресса, однако альтернативой являлось их исчезновение как результат пребывания в состоянии «варварства».

В этом смысле этнографические штудии правительственных комментаторов предполагали для Горной Страны сценарий внутренней колонизации, в большей мере напоминающий традиционные имперские практики континентальных европейских держав, чем собственно британские, принятые за океанами и, как часто считается, отражавшие особый характер колониальной политики этой «морской» империи.

Проекция власти британского государства в Горной Шотландии в процессе интеллектуальной колонизации этого мятежного края при помощи административных этнографических штудий с самого начала и с переменным успехом решала две взаимосвязанные задачи. Первая состояла в том, чтобы наполнить необходимым этнографическим содержанием образ «взбунтовавшегося» шотландского горца. Аналитические категории естествознания, политэкономии, сравнительной филологии эпохи Просвещения и первого века глобальных империй позволили ответственным за умиротворение Горной Страны чинам и их агентам в Хайленде вообразить шотландского «ирландца» как британский вариант ирландского гэла, отличавшийся от собратьев с «Изумрудного острова» скорее расположением на универсальной шкале исторического прогресса, чем какими-то особыми этнографическими признаками.

Родство шотландских и ирландских гэлов оказалось для Лондона политически и идеологически значимым фактором. «Ирландец» в Горном Крае в качестве объединяющей военно-политической и культурной угрозы был призван помочь остальным подданным Соединенного Королевства объявиться «британцами», внося ощутимую лепту в конструирование этой юнионистской и имперской идентичности.

Вторая из указанных выше задач носила более практический характер и состояла в выявлении и применении этнографической формулы «мятежного» горца в процессе умиротворения и «цивилизации» Хайленда (в обоих случаях недвусмысленно подразумеваемая искоренение якобизма).

Таким образом, если в первом случае решение «Хайлендской проблемы» представляло собой скорее риторическую модель конструирования британской политической нации, то во втором случае настоятельно требовалась деконструкция вообразенной Эдинбургом и Лондоном в шотландских горах этнической группы (шотландский «ирландец»), ее конкретизация и упрощение (до категории «мятежного» горца), чтобы определить и преодолеть специфические горские факторы возмущения в Горной Шотландии.

Это обстоятельство вновь подтверждает, что такая административная этнография Горной Страны выступала в качестве культурной технологии окраинной политики Великобритании в Хайленде в 1689–1759 гг. Следовательно, различные уровни этнографического знания, на которые распадался внешне цельный и непротиворечивый образ шотландского горца, предполагали возможность их применения на различных уровнях хайлендской политики Лондона.

Анализ попыток правительственных комментаторов понять, объяснить и использовать специфику феодально-клановых отношений в Горной Стране нашел свое выражение в том, что «политическая анатомия» Горной Шотландии раскрывала социально-экономическое содержание «Хайлендской проблемы», а «политическая арифметика» Хайленда предлагала математически выверенный алгоритм ее решения.

Анализ особенностей восприятия феодально-клановых отношений неблагонадежных подданных Короны в Горной Стране и попытки их реформирования с помощью рационализирующего статистического описания с целью получить идеальных подданных на гэльской

окраине представляли собой основные формы мобилизации местных традиций в рамках интеллектуальной колонизации Горной Шотландии.

Изучение обращения правительственных комментаторов к «политической анатомии» Хайленда показывает, что в вопросе социально-экономического устройства края их внимание было сосредоточено прежде всего на местных особенностях мобилизации мятежников — феодальном праве, клановых отношениях и наследственной юрисдикции. Аналитические сочинения, затрагивавшие эти темы, не оставляли феодально-клановым отношениям иного места, кроме временного института, способного облегчить процесс мобилизации лояльных Лондону горцев до тех пор, пока изменения в крае не позволят отказаться от сотрудничества с местными вождями и магнатами.

В сфере идеологии, в отличие от области политической практики (формирование отдельных рот и полков из горцев), в британском государстве первой половины XVIII в. феодально-клановым отношениям, препятствовавшим «завершению Унии» и тем самым нарушавшим целостность новой британской нации, формирование которой являлось еще и имперским проектом, не было места. Готовность правительственных чинов и их агентов мириться с ними объяснялась тактическими соображениями, тем более что власти так или иначе были осведомлены об упадке традиционных форм преданности в Горной Шотландии и снижении их мобилизационных возможностей под давлением все большей коммерциализации социальных отношений к северу от Грэмпианских вершин.

Политическая арифметика была задумана как универсальный аналитический инструмент социальной инженерии в колониях и на окраинах Английской империи, о чем свидетельствуют предложения ее автора, сэра Уильяма Петти, приложить модель описания и статистического анализа, апробированную в Ирландии, к американским колониям, британским королевствам и, отдельно, собственно к Горной Шотландии.

Таким образом, если для реформаторских начинаний в Горной Стране во второй половине XVIII в. первоочередной заявленной целью являлись так называемые «улучшения» в крае (в широком социально-экономическом и культурном значении этого слова), а среди моделей и форм статистического анализа особое место отводилось камералистским практикам, то для первой половины XVIII в., точнее до окончательного решения «Хайлендской проблемы» как сочетаемой угрозы мятежа и иностранного вторжения к концу 1750-х гг., основной целью мер в области социальной инженерии, политического, экономического переустройства Горного Края являлось его умиротворение, а основным средством интеллектуальной колонизации Хайленда в части, касавшейся политэкономии, выступала политическая арифметика в ее исконном, колониальном значении «ирландского» решения «Хайлендской проблемы».

В этом смысле она, с одной стороны, представляла собой аналитический инструмент интеллектуальной колонизации Горной Страны, способ постижения социальной реальности, а с другой стороны, являлась способом, инструментом социальной инженерии в крае — одновременно техникой власти и процедурой познания.

Характеризуя меры правительства по решению «Хайлендской проблемы», отражавшие практическое применение британскими чинами колониального знания в собственных целях и корпоративных интересах, можно заключить, что умиротворение Горной Страны в рамках законных, допустимых и необходимых в условиях мятежа актов о разоружении и помиловании позволяло властям преодолеть разрыв между нормами права и действительным положением дел в Хайленде в 1689–1759 гг. В этом их основное практическое назначение и военно-политический смысл.

«Хайлендская проблема» в свете этих юридических процедур представлялась не широким культурным и модернизационным конфликтом властей и ряда местных сообществ в рамках колониальной ситуации на мятежной

гэльской окраине, а вопросом судебных преследований. В результате постоянная королевская армия, призванная поддерживать законность и реформы в Горной Стране, получала поддержку парламента, несмотря на традиционно настороженное отношение к этому институту в Великобритании.

Что касается возможности прямого разоружения горцев с помощью актов, то разрыв между масштабами поставленных ими задач и средствами их осуществления, которые еще создавались (форты, военные дороги, отдельные роты из горцев и новые лорд-лейтенантства, агентурная сеть), также позволяет предположить, что в таком буквальном значении задача разоружения горцев перед «шотландским гарнизоном» никогда и не ставилась.

Изучение военного сотрудничества в процессе решения «Хайлендской проблемы» позволяет утверждать, что умиротворение Горной Шотландии в 1689–1759 гг. характеризовалось большой активностью отдельных рот из горцев, которые играли в структуре британского военного присутствия в Хайленде важную роль. Необходимо признать широкое использование вождями и их приверженцами службы в отдельных ротах для удовлетворения собственных нужд. Вместе с тем необходимо помнить, что их интересы с интересами Короны часто сочетались взаимовыгодным образом.

Возможность законно содержать вооруженный отряд в условиях разоружения (пусть во многом формального) и сообщаемый этим престиж службы в отдельных ротах для горцев, достойное жалованье и возможность опереться на поддержку правительства активно использовались и самими властями. Доступ к необходимой информации о состоянии нелояльных Лондону сил в Горной Стране, по крайней мере некоторое сдерживание всеобщего распространения «черной ренты» в Хайленде и накопление опыта умиротворения мятежного края с помощью набора вооруженных отрядов из местного населения на содержании и службе правительства были теми принципиальными преимуществами, которые примиряли в неоднозначной

службе отдельных хайлендских рот интересы Короны, вождей и состоявших в них горцев.

Следовательно, опыт службы военных и штатских чинов в Горной Шотландии подталкивал их к компромиссу между хорошо знакомой им политической риторикой королевства и реальностью края, способствуя его восприятию в рамках культурной географии, этнической картографии и политэкономии феодально-клановых отношений.

В практической деятельности по решению «Хайлендской проблемы» военные и штатские чины, а также правительство в Лондоне руководствовались представлениями о Горной Стране и горцах, сформированными в тесном взаимодействии с местными агентами и информаторами. Универсальный образ «варварства» определял скорее риторическую и идеологическую форму, чем конкретное содержание интеллектуальной колонизации гэльской окраины и практическое применение приобретенного в результате колониального знания.

В конце XVII — первой половине XVIII в. Лондон поддерживал курс на интеграцию Горного Края не через ассимиляцию и принуждение, а через признание особого характера социально-экономических отношений и политической культуры гэльской окраины. Этот факт расширяет традиционное представление о колониальной и окраинной политике Великобритании эпохи раннего Нового времени и подтверждает, что ответственные за умиротворение Горного Края чины и их агенты отводили в решении этой государственной задачи особую роль географическому воображению, этнографическому осмыслению и политико-экономическому анализу «Хайлендской проблемы».

Обозначая перспективы исследования сформулированной в самом названии книги проблемы, отметим, что ее дальнейшая разработка позволит не только уточнить характерные черты и особенности интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в процессе решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в.

Дальнейшее изучение этой истории поможет разработке необходимых теоретических и методологических условий для более глубокого понимания колониальной и окраинной политики Великобритании в раннее Новое время. Конкретнее, перспективными для изучения проблемы представляются следующие направления исследования:

— комплексное и самостоятельное изучение роли и значения географического воображения и картографии в хайлендской политике Лондона в свете решения «Хайлендской проблемы» на основе исследования картографических памятников Артиллерийской палаты;

— анализ административной этнографии «Хайлендской проблемы» в сравнительной исторической перспективе взаимодействия этой формировавшейся области гуманитарного знания и колониальной и окраинной политики Британской империи и других европейских держав;

— рассмотрение «политической арифметики» Хайленда в контексте политико-экономической мысли Великобритании эпохи Просвещения и глобальных империй в качестве примера применения колониальной практики сэра Уильяма Петти в век экономической теории Адама Смита;

— сравнительно-историческое исследование роли практического применения колониального знания в решении «Хайлендской проблемы» и бюрократических дискуссиях по поводу приоритетов колониальной экспансии до и после окончательной ликвидации якобитской угрозы к концу 1750-х гг.;

— изучение роли и значения опыта интеллектуальной колонизации Горной Шотландии в процессе решения «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в. в колониальной и окраинной политике Великобритании эпохи раннего Нового времени.

ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Письменные материалы

The National Archives, Kew

Secretaries of State: State Papers Scotland Series II

SP 54.11

SP 54.12

SP 54.13

SP 54.14

SP 54.15

SP 54.16

SP 54.17

SP 54.18

SP 54.19

SP 54.32

SP 54.37

SP 54.38

SP 54.39

SP 54.40

SP 54.41

SP 54.43

SP 54.44

SP 54.45

Privy Council Papers

PC 1.6.25

British Library, London

Newcastle Papers.

Correspondence of the Duke of Newcastle

Vol. XX. Add. Ms. 32,705

Vol. XXI. Add. Ms. 32,706; 32,707; 32,810; 33,049; 33,050

Vol. LII. Add. MS. 32,737

*Hardwicke Papers.**Military Correspondence of Sir J. York. 1742–1748*

Add. Ms. 35,431

*Hardwicke Papers.**Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs.*

1737–1763

Vol. XCVIII. Add. MS 35,446

Vol. XCIX. Add. MS 35,447

Vol. C. Add. MS 35,448

Vol. CI. Add. MS 35,449

*Hardwicke Papers.**Correspondence*

Add. Ms. 35,354

Hardwicke Papers

Add. Ms. 35,889

*Hardwicke Papers.**Relating to Scotland. 1745–1760*

Add. Ms. 35,890

Add. Ms. 35,891

*Hardwicke Papers.**J. York's Orderly Book. 1746*

Add. Ms. 36,257

*Hardwicke Papers.**Historical Collections. 1567–1720*

Add. Ms. 35,838

*Hardwicke Papers.**Correspondence of the 2nd Lord Hardwicke and Lord Glenorchy. 1745–1780*

Add. Ms. 35,451

Letters and Papers of Sir Robert Walpole

Add Ms. 74066

Kings Manuscripts
MS 102

Cumberland Papers
MFR 620/Box 10/110

MC, Lansdowne
MS 1234

Hallward Library, Nottingham University, Nottingham
Newcastle of Clumber Manuscripts.
Correspondence of Henry Pelham (1696–1754). Scottish Affairs
NeC 2024
NeC 1725

National Archives of Scotland, Edinburgh

Mar and Kellie Papers

GD 1/616

GD 124/15/1263

GD 124/15/1264

GD 124/15/1288

GD 124/15/1561

GD 124/15/1569

GD 124/15/1570

GD 124/15/1574

GD 124/15/1573

GD 124/15/1571

GD 124/15/1572

GD 124/15/1577

GD 124/15/1262

GD 124/15/1582

GD 124/15/1605

GD 124/15/1608

GD 124/15/1614

GD 124/15/1615

GD 124/15/208

GD 124/15/231

GD 124/15/762

GD 1/609/2

GD 1/609/3

Campbell and Stonefield Papers

GD 14/81

GD 14/142

National Library of Scotland, Edinburgh

Marshal Wade Orders

Ms. 7187

Wade letters and papers

Acc. 6666

Wade Papers. Vols. 1–2.

Collected and Arranged by G.B. Salmond in 1930–1934

Ms. 7188 (A)

Ms. 7188 (B)

Letter-Book of Gen. Bland. 1747–1754

Ms. 304

Soc. Ant. Scot. Miscellaneous

Ms. 2200

Erskine-Murray Papers

Correspondence. 1747–1751

Ms. 5076

Erskine-Murray Papers

Official Papers

Ms. 5127

Miscellaneous letters and documents

Ms. 98

William Cross, Professor of Civil Law at Glasgow and afterwards Sheriff of Lanark. Some Considerations by way of Essay,

upon the means of civilising the Highlands and extinguishing Jacobitism in Scotland. 1748. To Lieut.-General Bland, Commander in Chief of all His Majesty's Forces in Scotland
Ms. 5201

Изобразительные материалы

The National Archives, Kew

MPD 1/61

MPF 1/241

MPF 1/247

MPH 1/224

MPH 1/239

MPH 1/589

MPHH 1/36

MPHH 1/38

MPHH 1/288

MR 1/479

MR 1/491–498

MR 1/952

British Library, London

Add MS. 33231 H1

Add. MS. 33632

Maps K.Top.48.12

Maps K.Top.48.17–22

Maps K.Top.48.25

Maps K.Top.48.38

Maps K.Top.48.46–48

Maps K.Top.48.52

Maps K.Top.48.54

Maps K.Top.48.56

Maps K.Top.48.58–59

Maps K.Top.48.60–75

Maps K.Top.48.69

Maps K.Top.48.78

Maps K.Top.49.25–28

Maps K.Top.49.52
Maps K.Top.49.54
Maps K.Top.50.1–4
Maps K.Top.50.22–23
Maps K.Top.50.37
Maps K.Top.50.42
Maps K.Top.50.45
Maps K.Top.50.72
Maps K.Top.50.79–80
Maps K.Top.50.83
Maps K.Top.50.99
Maps 175.t.3
Maps 175.t.3
MS. 33231 F

National Library of Scotland, Edinburgh

Additional MS. 35889
Acc.10497 Wade.58
Acc.11104. Map Rol.a.42
EMS.b.6.5.(23)
EMS.s.164
MS 1646 Z.02/24
MS 1647 Z.02/67
MS 1647 Z.02/76
MS 1647 Z.03/07
MS 1647 Z.03/08
MS 1648 Z.03/13
MS 1648 Z.03/14
MS 1648 Z.03/15
MS 1648 Z.03/21
MS 1648 Z.03/22–23
MS 1648 Z.03/32
MS 1648 Z.03/39
MS 1648 Z.03/41
MS 1649 Z.03/35
MS 1649 Z.03/39
MS 1649 Z.03/45
Newman 1152(1)

National Archives of Scotland, Edinburgh
RHP 13610

Scottish National Portrait Gallery, Edinburgh
Accession No. PG 2416
Blaikie Collection. 9.15

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Письменные материалы

I. Государственно-правовые акты

1. An Act for annexing certain Forfeited Estates in Scotland to the Crown unalienably; and for making Satisfaction to the Lawful Creditors thereupon; and to establish a Method of managing the same; and applying the Rents and Profits thereof; for the better civilizing and improving the Highlands of Scotland; and preventing Disorders there for the future. London, 1752.

2. An Act for the more effectual Disarming the Highlands of Scotland; and for the more effectually securing the peace of the said Highlands; and for restraining the use of the Highland Dress; and for futher indemnifying such Persons as have acted in Defence of His Majesty's Person and Government, during the unnatural Rebellion; and for indemnifying the Judges and other Officials of the Court of Justiciary in Scotland, for not performing the Northern Circuit in May 1746; and for obliging the Masters and Teachers of Private Schools in Scotland, and Chaplains, Tutors and Governors of children or Youth, to take the Oath to His Majesty, His Heirs and Successors, and to register the same. London, 1746.

3. An Act to explain, amend, and continue the Provisions made by Two Acts of Parliament of the Nineteenth and Twenty first Years of His Majesty's Reign, for the more effectual disarming the Highlands in Scotland, and to make Provision for the more speedy ascertaining the lawful Debts or Claims upon the Lands and Hereditaments, that some Time belonged to

Alexander Robert son of Strowan, which, with other forfeited Estates, are by an act of the Twenty fifth Year of His Majesty's Reign annexed to the Crown unalienable. London, 1753.

4. Anno Regni Georgii II. Regis Magnae Britanniae, Franciae, and Hiberniae. Vicesimo Primo. At the Parliament begun and holden at Westminster, the Tenth Day of November, Anno Dom. 1747, in the Twenty first Year of the Reign of our Sovereign Lord George the Second, by the Grace of God, of Great Britain, France, and Ireland, King, Defender of the Faith, and etc. being the First Session of this present Parliament. London, 1748 [An Act to enforce and render more effectual an Act made in the nineteenth year of His present Majesty's reign, intituled, An Act for the more effectual Disarming the Highlands of Scotland; and for the more effectually securing the peace of the said Highlands; and for restraining the use of the Highland Dress...].

5. Anno Regni Georgii II. Regis Magnae Britanniae, Franciae, and Hiberniae. Tricesimo Primo. At the Parliament begun and holden at Westminster, the Thirty first Day of May, ann Dom. 1754 in the Twenty seventh Year of the reign of our Sovereign Lord George the Second, by the Grace of God, of Great Britain, France, and Ireland, King, defender of the Faith, and etc. And from thence continued by several Prorogations to the First Day of December, 1757, being the Fifth Session of this present Parliament. London, 1758 [An Act to enforce and render more effectual an Act made in the twenty fifth year of His present Majesty's reign, intituled, An Act for annexing certain forfeited estates in Scotland to the Crown unalienably...].

6. A Bill intituled, An Act for annexing certain Forfeited Estates in Scotland to the Crown unalienably; and for making Satisfaction to the Lawful Creditors thereupon; and to establish a Method of managing the same; and applying the Rents and Profits thereof; for the better civilizing and improving the Highlands of Scotland; and preventing Disorders there for the future. London, 1752.

7. A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers 1715; 1745 / Ed. by A.H. Millar // PSHS. 1909. Vol. LVII.

8. Documents on British Political History. Book One. 1688–1815 / Ed. by J. Wroughton. Edinburgh; London, 1971.

9. Instructions to our trusty and well-beloved George Wade, Esquire, Major-General of our Forces, whom we have appointed to take upon him the Command of our Forces, Castles, Forts and Barracks in North Britain, given at our Court of St James, the 1st day of June 1725, in the eleventh year of our reign // MacKenzie K.S. *General George Wade and His Roads*. Inverness, 1897.

10. *Select Statutes, Cases and Documents to Illustrate English Constitutional History, 1660–1832. With Additional Matter on Irish and Canadian Documents (1840–1931)* / Ed. by C.G. Robertson. London, 1949.

11. *Signature and Warrant Under His Majesties hand For a New Commission of Justiciary in the Highlands*. Edinburgh, 1701.

12. *The Eighteenth-Century Constitution, 1688–1815. Document and Commentary* / Ed. by E.N. Williams. Cambridge, 1960.

13. *The 6th Statute of the Statutes of Icolmkil (Iona), 1609* // Donald J. *Gaelic in Scotland 1698–1981* / J. Donald. Edinburgh, 1983.

14. *Warrant to Commission for Inquiring into the Slaughter of the M'donalds of Glencoe, April 1695* // PSAS. 1862–1864. Vol. 5.

II. Парламентские документы

15. *Parliamentary History of England* / Ed. by W. Cobbett. Vol. VI. London, 1810.

16. *The History and Proceedings of the House of Commons: In 10 Vols. Vols. 4–10*. London, 1742.

17. *The Journal of the House of Commons: In 12 Vols. Vol. 12*. London, 1802.

18. *The Journal of the House of Lords: In 20 Vols. Vol. 20*. London, 1802.

19. *The Report from the Secret Committee of the House of Commons, with an Appendix*. Dublin, 1798.

III. Манифесты, резолюции и прокламации

20. *Address from the Chiefs to Charles, after the Battle of Falkirk, advising a retreat to the North*. Falkirk, 29th January 1746 // Home J. *Op. cit.*

21. Address of One Hundred and Two Chief Heritors and Heads of Clans in the Highlands of Scotland, to King George I on his Accession to the Throne // *Archeologica Scotica: transactions of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1792. Vol. 1.

22. Manifesto by the Noblemen, Gentlemen, and others, who dutifully appear at this time in asserting the undoubted rights of their lawful Sovereign, James the Eighth, by the Grace of God, King of Scotland, England, France, and Ireland, Defender of the Faith, etc. September 9, 1715 // Keltie S.J. *Op. cit.*

23. Manifesto of James VIII by the Grace of God, King of Scotland, England, France, and Ireland, Defender of the Faith, &c. August 19, 1745 // Keltie S.J. *Op. cit.*

24. Proclamation in honour of James VIII. Braemar, September 9, 1715 // Petrie C. *The Jacobite movement*. London, 1959.

IV. Следственные материалы

25. A Report of the Proceedings and Opinion of the Board of General Officers, on their Examination into the Conduct, Behaviour, and Proceedings of Lieutenant-General Sir John Cope, Knight of the Bath, Colonel Peregrine Lascelles, and Thomas Fowke. From the Time of the breaking out of the Rebellion in North-Britain in the Year 1745, till the Action at Preston-pans inclusive. Taken Publicly in the Great Room at the Horse-Guards in the Year 1746. With a Preface, containing the Reasons for this Publication. Dublin, London, 1749.

26. The official records of the mutiny in the Black Watch: a London incident of the year 1743 / Ed. by H.D. Macwilliam. London, 1910.

27. The Trials of James, Duncan, and Robert M'Gregor, three sons of the Celebrated Rob Roy, before the High Court of Justiciary, in the Years 1752, 1753, and 1754. To which is prefixed A Memoir relating to the Highlands, with Anecdotes of Rob Roy and his Family. Edinburgh, 1818.

28. Trial of Simon, Lord Lovat of the 45' / Ed. by D.N. Mac-kay. Edinburgh and Glasgow, 1911.

V. Отчеты, рапорты и обзоры

29. Allan Cameron's Narrative, February–April, 1716 / Ed. by Professor C.S. Terry // SHR. Vol. Fifth. Glasgow, 1908.

30. Ane Account of the Engagement at Glensheel. June 10, 1719. June 15, 1719 / By A.H. Millar // PSAS. 1884–1885. Vol. 19.

31. A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers. 1715; 1745 / Ed. from the Original Documents, with Introduction and Appendices by A.H. Millar. Edinburgh, 1909.

32. Chamberlayne J. Magnae Britanniae Notitia: or, the Present State of Great Britain; With diverse remarks upon The Ancient State thereof. The Thirty-Six Edition of the South Part, called England; and the Fifteenth of the North Part, called Scotland. To which is added a Compleat List of their Royal Highnesses the Prince and Princess of Wales's Household; as also those of their Royal Highnesses the Duke of Cumberland, the Princess Amelia, and the Princess Caroline: In Two Parts. London, 1745.

33. Hammerer J.D. An Account of a Plan for civilizing the North American Indians [1730–1740]. Brooklyn, 1890.

34. Ireland under Elizabeth and James the First described by Edmund Spenser by Sir John Davies Attorney-General for Ireland under James the First and by Fynes Moryson Secretary to the Lord Mountjoy, Lord Deputy / Ed. by H. Morley. London; Glasgow; Manchester and New York, 1890.

35. Mudge W. An Account of the Trigonometrical Survey, Carried on in the Years 1797, 1798, and 1799, by Order of Marquis Cornwallis, Master-General of the Ordnance // PTRSL. Vol. 90 (1800).

36. Reports on the Annexed Estates 1755–1769 / Ed. by V. Wills. Edinburgh, 1973.

37. Roy W. An Account of the Measurement of a Base on Hounslow-Heath // PTRSL. Vol. 75 (1785).

38. Roy W. An Account of the Mode Proposed to be Followed in Determining the Relative Situation of the Royal Observatories of Greenwich and Paris // PTRSL. Vol. 77 (1787).

39. Roy W. An Account of the Trigonometrical Operation, whereby the Distance between the Meridians of the Royal

Observatories of Greenwich and Paris has been determined // PTRSL. Vol. 53 (1790).

40. Martin A. A Description of the Western Isles of Scotland. London, 1716 [London, 1707].

41. Moryson F. The Description of Ireland // Illustrations of Irish History and Topography, mainly of the seventeenth century / Ed. by C.L. Falkiner. London, 1904.

42. Sinclair J. The Statistical Account of Scotland. Draws up from the Communications of the Ministers of the Different Parishes: In 21 Vols. Edinburgh, 1791–1799.

43. The Highlands of Scotland in the 1750. From Manuscript 104 in the King's Library, British Museum. With an Introduction by A. Lang. Edinburgh and London, 1898.

44. The Irish Historical Library. Pointing at most of the Authors and Records in Print and Manuscript, which may be serviceable to the Compilers of a General History of Ireland. By William, Lord Bishop of Derry. Dublin, 1724.

45. The Present State of the British Empire in Europe, America, Africa and Asia. London, 1768.

46. Webster A. An Account of the Number of People in Scotland In the Year One thousand Seven hundred and Fifty Five by Alexander Webster One of the ministers of Edinburgh // Scottish Population Statistics including Webster's Analysis of Population 1755 / Ed. by J.G. Kyd. Edinburgh, 1952.

VI. Корреспонденция

47. Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746–1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746–1748 / Ed. by C.S. Terry. Vols. I–II. Aberdeen, 1902.

48. Amyand C. to the Lord Justice Clerk. Whitehall, July 31, 1755 // SHR. 1906. Vol. 3.

49. Answers to some Queries sent to a Person in Scotland, or some of the People about him, Edinburgh, January 7, 1736 // Home J. The History of the Rebellion in the year 1745. London, 1802.

50. Atterbury F. Letters of Francis Atterbury, Bishop of Rochester to the Chevalier de St. George and some of the adherents of the House of Stuart // The Stuart Papers. Printed from the Originals in Her Majesty's Possession. Correspondence. Vol. I. London, 1847.

51. Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh, Glasgow and London, 1822.

52. Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With an Introduction by R. Jamieson. Vols. I–II. Edinburgh, 1876.

53. Cameron A. Allan Cameron's Narrative, February–April, 1716 / Ed. by S. Terry // SHR. 1908. Volume 5.

54. Cameron A. Memorial Concerning the Locharkaig Treasure, circa 1750 // Stuart Papers. Vol. 300. No. 80 / Ed. by M.F. Hamilton. Miscellany of the Scottish History Society. 1941. Vol. 7.

55. Cameron A. to Yung Lochell. Albano, October 3, 1729 // Home J. Op. cit.

56. Cameron Chieftains. Letter of Recommendation/Protection for Ewen Cameron addressed to the Laird of Coll. March 11, 1737 // Boswell J. Journal of a Tour to the Hebrides. London, 1785.

57. Cameron D. to Prince Charles Edward Stuart. March 20, 1746 // Scots Magazine. March 1746.

58. Cameron D. to Cluny MacPherson. March 20, 1746 // Transactions of the Gaelic Society of Inverness. Vol. XXI.

59. Cameron J. to the Gentlemen of Clan Cameron. Wist, June 24, 1716 // The Camerons in the Rising of 1715: A Vindication of their Leader, John Cameron, Younger of Lochiel / Ed. by W. Mackay. Transactions of the Gaelic Society of Inverness. 1904. Vol. XXVI.

60. Campbell J. List of Chieftains named in the Scheme proposed to the king for utilizing the Highlanders in case of any insurrection at home, or invasion from abroad, 1692 //

Keltie S.J. History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan, and an Essay on Highland Scenery by J. Wilson. Vols. I–II. Edinburgh and London, 1875.

61. Campbell R. [Robert MacGregor, Rob Roy] to James, Duke of Montrose. April 16, 1719 // Scott W. Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor. Glasgow and London, 1893.

62. Correspondence between the Marquis of Tweeddale, Secretary of State, and Lord Milton, Justice Clerk, from the first time of a Rebellion. 1745 // Home J. Op. cit.

63. Culloden Papers: comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. London, 1815.

64. Erskine J. to John Forbes of Inverau, Bailie of Kildrummy, Invercauld. September 9, 1715 // Keltie S.J. Op. cit.

65. Graham J. Letter to — [to the King's Advocate for the time]. Glasgow, November 21, 1716 // Scott W. Op. cit.

66. Graham J. Letter to —. Glasgow, November 28, 1716 // Scott W. Op. cit.

67. Grahame J. Letters of John Grahame of Claverhouse, viscount of Dundee, with illustrative documents. Edinburgh, 1826.

68. Grahame of Killearn. Letter. Chappellarroch, Nov. 19th, 1716 // Scott W. Op. cit.

69. Jacobite Correspondence of the Atholl Family, during the Rebellion 1745–1746. From the Originals in the Possession of J. Erskine of Aberdona. Edinburgh, 1840.

70. Letter-Account of the Engagement at Glensheel. June 10, 1719. June 15, 1719 / By A.H. Millar // PSAS. 1884–1885. Vol. 19.

71. Letters relating to Scotland in the reign of Queen Anne by James Ogilvy, First Earl of Seafield, and others / Ed. by P.H. Brown. PSHS. Second Series. Vol. XI. November 1915. Edinburgh, 1915.

72. Leven and Melville papers. Letters and State Papers chiefly addressed to George Earl of Melville, Secretary of State for Scotland, 1689–1691. Edinburgh, 1843.

73. Lockhart papers: containing memoirs and commentaries upon the affairs of Scotland from 1702 to 1715, by George Lockhart, Esq. of Carnwath, his secret correspondence with the son of King James the Second from 1718 to 1728, and his other political writings; also, journals and memoirs of the Young Pretender's expedition in 1745: In II Vols. Vol. II. London, 1817.

74. Mackay H. Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833.

75. Military Affairs in North America, 1748–1765: Selected Papers from the Cumberland Papers in Windsor Castle / Ed. by S. Pargellis. New York, 1936.

76. Molloy, Sergeant. Report to General Cope about the attack on the Ruthven Barracks. Ruthven Redoubt, August 30, 1745 // Reid S. 1745: A Military History of the Last Jacobite Uprising. New York, 1966.

77. More Culloden Papers. Vol. I. 1626–1704 / Ed. by d. Warrand. Inverness, 1923.

78. More Culloden Papers. Vol. II. 1704–1725 / Ed. by d. Warrand. Inverness, 1925.

79. More Culloden Papers. Vol. III. 1725–1745 / Ed. by d. Warrand. Inverness, 1927.

80. More Culloden Papers. Vol. IV. February 1744 — February 1746 / Ed. by d. Warrand. Inverness, 1929.

81. More Culloden Papers. Vol. V. February 1746 — December 1747 / Ed. by d. Warrand. Inverness, 1930.

82. Murray J. Instructions for Mr. Alexander Macleod, Advocate. Holyrood-House, September 24, 1745 // Home J. Op. cit.

83. News Letters of 1715–1716 / Ed. by A.F. Steuart. London and Edinburgh, 1910.

84. Notes of a Charter by Charles I to James, Lord Carnegy, 1641, constituting him keeper of the Abbey of Aberbrothock;

and of an order by Mr John Garden, factor on the Panmure Estates (1746), calling the tenantry of Edzell and Navar to be armed and ready to repel a Highland Raid / By J. Stuart // PSAS. 1874–1876. Vol. 11.

85. Notice of an Original Letter of King James II to Macdonell of Keppoch, after the Battle of Killiecrankie; three letters of General Monck; also some documents relating to Rob Roy Macgregor, and to Simon, Lord Lovat / By J. Alexander Smith // PSAS. 1866–1868. Vol. 7.

86. Papers illustrative of the Political Condition of the Highlands of Scotland, 1689–96. Glasgow, 1845.

87. Queries sent to Mr. Patullo, Muster-Master of the Rebel Army in the Year 1745, with his Answers // Home J. Op. cit.

88. Rev. Murray to the Reverend Colin Campbell, Minister of Ardchattan. Comrie Manse, July 2, 1717 / Communicated by W. Scott // PSAS. 1831. Vol. 3.

89. Stafford J., Attorney, Macclesfield. Letter to Sir — December 2, 1745 // The Scottish Historical Review. 1908. Vol. 5.

90. Stanhope J. Letter to General Wade. Barcelona, June 9, 1709 // Chantrey D. George Wade, 1673–1748. Torrs Park; Ilfracombe; Devon, 2009.

91. Steuart J. Letter-Book of Bailie John Steuart of Inverness, 1715–1752 / Ed. by W. Mackay // PSHS. Vol. IX. Edinburgh, 1915.

92. Stuart J. to Mr. Johnstone, Junior. April 11, 1727 // Home J. Op. cit.

93. Stuart J. to one of his Adherents in Scotland. March 11, 1743 // Home J. Op. cit.

94. The Life and Letters of James Wolfe / Ed. by B. Willson. London, 1909.

VII. Мемуары и воспоминания

95. Edwards J. An Account of the Life of the Late Reverend Mr. David Brainerd. Boston, 1749.

96. Ascanius, or the Young Adventurer. London, 1746.

97. Cameron D. «The Gentle Lochiel», XIX Chief of Clan Cameron. Mémoire d'un Ecossais. April, 1747 // Archives of

the Ministre des Affaires Etrangeres, Paris. MD Angleterre. Vol. 82 // <http://www.lochiel.net/archives/arch050.html>.

98. Fraser J. Major Fraser's Manuscript. His Adventures in Scotland and England; his Mission to, and Travels in, France in Search of his Chief; his Services in the Rebellion (and his Quarrels) with Simon Fraser, Lord Lovat. 1696–1737. Vols. I–II / Ed. by A. Fergusson. Edinburgh, 1889.

99. Home J. The History of the Rebellion in the year 1745. London, 1802.

100. Hooke N. The History of Colonel Hooke's Negotiations in Scotland in Favour of the Pretender; in 1707. Including the Original Letters and Papers between the Scotch and Irish Lords and the Courts of Versailles and St. Germain. With a Translation of Letters, talking a Narrative of the Pretender's Expedition into Scotland in 1708, and his Return to Dunkirk, transmitted to the French Court by the commanding Officers of the Squadron. London, 1760.

101. Johnstone, Chevalier de. Memoirs of the rebellion in 1745 and 1745. Containing a narrative of the progress of the Rebellion, from its commencement of the Battle of Culloden; the characters of the principal persons engaged in it, and anecdotes respecting them. London, 1821.

102. Lockhart G. Memoirs Concerning the Affairs of Scotland from Queen Anne's Accession to the Throne, to the Commencement of the Union of the Two Kingdoms of Scotland and England, In March, 1707. With an Account of the Origine and Progress of the Design'd Invasion from France, in March, 1708. And some Reflections on the Ancient State of Scotland. London, 1714.

103. Mackay H. General Remarks upon the Scots Wars in the years 1689 and 1690, with the Occasions of the Beginnings, Increasing and Continuation of the Rebellion against their Majesties Government // Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833.

104. Mackay H. Memoires ecrites par Monsieur Hugh de Mackay Lieutenant General a fa Majeste Britanique touchant la Derniere Campagne D'Irlande // Memoirs of the

War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833.

105. Scottish Diaries and Memoirs, 1550–1746 / Ed. by J.G. Fyfe. Stirling, 1928.

106. Sinclair J. Memoirs of the Insurrection in Scotland in 1715. Edinburgh, 1858.

107. Wemyss D. A Short Account of the Affairs of Scotland in the Years 1744, 1745, 1746. Edinburgh, 1907.

VIII. Путевые заметки, дорожные дневники

108. Дашкова Е.Р. Небольшое путешествие в Горную Шотландию. 1777 // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995.

109. Buchan, Earl of. Letter to the Secretary, giving an Account of a Tour through Aberdeenshire, in 1789 [Read to the Society, 15th of December 1789, and 12th of January 1790] // PSAS. 1831. Vol. 3.

110. Defoe D. A Journey through Scotland. London, 1723.

111. Defoe D. Tour Through the whole Island of Great Britain / Introductions by G.D.H. Cole and D.C. Brawning: In II Vols. London; New York, 1962.

112. Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland. London, 1791.

113. Loch D. Tour in Scotland. 1778 / By A. Mitchell // PSAS. 1897–98. Vol. 32.

114. Osborne T. A Collection of Voyages and Travels of the Most Countries of the World from the curious and valuable Library of the late Earl of Oxford: In II vols. London, 1745.

115. Pennant T. Tour in Scotland. Chester, 1771.

116. Pockocke R. Tours in Scotland 1747, 1750, 1760 / Ed. by D.W. Kemp // Publications of Scottish History Society. 1887. Vol. I.

117. Robertson J. Tour through some of the Western Islands, etc., of Scotland in 1768 / By A. Mitchell // PSAS. 1897–1898. Vol. 32.

118. To the Hebrides. Samuel Johnson's Journey to the Western Islands of Scotland and James Boswell's Journal of a Tour to the Hebrides. Edinburgh, 2007.

IX. Памфлеты, публицистика и проза

119. Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009.

120. Свифт Дж. Первое письмо суконщика // Свифт Дж. Избранное. М., 1987.

121. Смоллет Т. Путешествие Хамфри Клинкера. М., 1983.

122. A Consultation On the Subject of a Standing Army, held at the King's-Arms Tavern, On the Twenty-eighth Day of February 1763. London, 1763.

123. A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland, concerning The Slavish Dependencies, which a great Part of that Nation is still kept under, by Superiorities, Wards, Reliefs, and other Remains of the Feudal Law, and by Clanships. Containing Very good Hints for reforming the Highlands, and preventing Rebellion for the future. First printed at Edinburgh in 1721. London, 1746.

124. A Letter to a Noble Lord; containing some Remarks on the Nature and Tendency of Two Acts past Last Session of Last Parliament: namely, An Act for vesting in his Majestie the Estates of certain Traytors, and etc. and An Act for taking away and abolishing the Heritable Jurisdictions in that Part of Great Britain, called Scotland, and etc. And for restoring such Jurisdictions to the Crown, and etc. London, 1748.

125. A Memorial concerning the Disorders of the Highlands, especially the Northern Parts thereof, and the Isles of Scotland. With an Account of Some Means by which the same may be redressed and prevented. Edinburgh, 1703.

126. An Ample Disquisition Into the Nature of Regalities, and other Heritable Jurisdictions, In that Part of Great Britain called Scotland, as now under the Consideration of Parliament. Addressed to the Consideration of his Fellow Subjects of Scotland. By an English Gentleman. London, 1747.

127. An Essay upon Feudal Holdings, Superiorities, and Hereditary Jurisdictions, in Scotland. London, 1747.

128. An Impartial View of the Causes leading this Country to the Necessity of an Union... Dublin, 1799.

129. A Proper Answer to the By-Stander. London, 1742.

130. Campbell J. A Full and Particular Description of the Highlands of Scotland. London, 1752.

131. Consideration on Militias and Standing Armies. With Some Observations on the Plan of Defence suggested by the Earl of Shelburne, and some Thoughts on the Propriety of Military Exercises on Sunday, and on the Necessity of a Scotch Militia. By a Member of Parliament. London, 1782.

132. Fletcher A. Two discourses concerning the affairs of Scotland, written in the year 1698. Edinburgh, 1698.

133. Mackintosh W. A Short Scheme: Whereby is proposed, by the help of the Military Road, Made by the Honourable Lieutenant-General Wade, And now extended by the Honourable Lieutenant-General Clayton, effectivly to stop depredations and Theft, so frequently committed in, and so destructive to the Northern Counties of Scotland. Edinburgh, 1742.

134. Observations upon a Bill, entitled, An Act for taking away, and abolishing the heritable Jurisdictions in that Part of Great Britain, called Scotland... Edinburgh, 1747.

135. Oldmixon J. Memoirs of North-Britain, taken from authentick writings, as well manuscript as printed. In which it is prov'd, that the Scots nation have always been zealous in the defence of the Protestant religion and liberty. London, 1715.

136. Reasons against a Standing Army. London, 1717.

137. Reasons for Extend the Militia Acts to the Disarmed Counties of Scotland. Edinburgh, 1760.

138. Remarks upon a Letter (Just made Publick) On certain Points of the Last Importance to these Nations. Addressed to His Grace the Duke of Newcastle. In a Letter to the Author of that Pamphlet. London, 1746.

139. Seasonable and Affecting Observations on the Mutiny-Bill, Articles of War and Use and Abuse of a Standing Army. In a Letter from a Member of Parliament to a Noble Lord. London, 1750.

140. Seasonable Considerations on the Present War in Scotland, against the Rebels: In which the Situation of the Highlands are truly describ'd; the Force of their Inhabitants fairly computed; And the Advantages of the King's Troops, in Point

of Discipline and Manner of Fighting, fully demonstrated. In a Letter to a Person of Distinction. London, 1746.

141. Some Thoughts on the Land Forces, Kept up in this Kingdom. London, 1739.

142. Spenser E. A View of the State of Ireland: written dialogue-wise between Eudoxus and Ireneus, 1596. Dublin, 1833.

143. The Argument against a Standing Army, Discuss'd. By a True Lover of his Country. London, 1698.

144. The Highland Rogue: or, the Memorable Actions of the Celebrated Robert Mac-gregor, Commonly called Rob Roy. London, 1723.

145. The Question relating to a Scots Militia considered. In a Letter to the Lords and Gentlemen who have concerted the form of a law for that establishment. By a Freeholder. Edinburgh, 1760.

Х. Трактаты

146. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М., 1988.

147. Мориц Саксонский. Размышления о военном искусстве // Теория военного искусства / Мориц Саксонский. Военные принципы Наполеона / Уильям Кейрнс. М., 2009.

148. Юм Д. О национальных характерах / Пер. с англ. Е.С. Лагутина // Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1965.

149. Macdowell A. An Institute of the Laws of Scotland in Civil Rights: With Observations Upon the Agreement or Diversity Between Them and the Laws of England, In Four Books. After the General Method of the Viscount of Stair's Institutions. Edinburgh, 1751–1753.

150. Angel J. A General History of Ireland in its Ancient and Modern State. On a New and Concise Plan. Vol. I. Dublin, 1781.

151. Bailey N. An Universal Etymological English Dictionary. London, 1736 [1770].

152. Borlase E. The History of the Irish Rebellion. Dublin, 1743.

153. Buchanan W. A Historical and Genealogical Essay upon the Family and surname of Buchanan. To which is added

A Brief Enquiry into the Genealogy and present State of ancient Scottish Surnames; and more particularly of the Highland Clans. Glasgow, 1723.

154. Camden W. Britannia: or a Chorographical Description of Great Britain and Ireland, together with the Adjacent Lands. Written in Latin and translated into English, with Additions and Improvements [by Edmund Gibson]. London, 1722.

155. Defoe D. The History of the Union of Great Britain. Edinburgh, 1709.

156. Curry J. Historical Memoirs of the Irish Rebellion In the Year, 1641. London, 1758.

157. Johnson S. A Dictionary of the English Language. Vols. I-II. London, 1755.

158. Linnaei C. Systema naturae sive regna tria naturæ systematice proposita per classes, ordines, genera, & species. Leyden, 1735.

159. Macdowell A. An Institute of the Laws of Scotland in Civil Rights: With Observations Upon the Agreement or Diversity Between Them and the Laws of England, In Four Books. After the General Method of the Viscount of Stair's Institutions. Edinburgh, 1751-1753.

160. Major J. A History of Greater Britain as well England as Scotland compiled from the ancient authorities by John Major, by name indeed a Scot, but by profession a theologian, 1521 / Publications of the Scottish History Society. Vol. X. Edinburgh, 1892.

161. Manley R. The History of the Rebellions in England, Scotland and Ireland... and etc. London, 1691.

162. Patten R. The History of the Rebellion in the Year 1715. With Original Papers and the Characters of the Principal Noblemen and Gentlemen Concern'd in it. The Third Edition. London, 1745.

163. Petty W. An Essay concerning the Multiplication of Mankind: Together with another Essay in Political Arithmetick, concerning the Growth of the City of London: With the Measures, Periods, Causes, and Consequences thereof, 1682 // Tracts; chiefly relating to Ireland. Containing: I. A Treatise of Taxes and Contributions. II. Essays in Political

Arithmetic. III. The Political Anatomy of Ireland. By the late Sir William Petty. Dublin, 1769.

164. Petty W. The History of the Survey of Ireland, commonly called the Down Survey, by doctor William Petty, a.d. 1655–6 / Ed. by T.A. Larcom, for The Irish Archaeological Society. Dublin, 1851.

165. Petty W. The Political Anatomy of Ireland. 1672 // Tracts; chiefly relating to Ireland. Containing: I. A Treatise of Taxes and Contributions. II. Essays in Political Arithmetic. III. The Political Anatomy of Ireland. By the late Sir William Petty. Dublin, 1769.

166. Roy W. Military Antiquities of the Romans in North Britain. Edinburgh, 1793.

167. Smith A. An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vols. I–II. London, 1776.

168. Smith G. An Universal Military Dictionary, A Copious Explanation of the Technical Terms &c. [1779] Ottawa, 1969.

169. Spenser E. A View of the State of Ireland: written dialogue-wise between Eudoxus and Ireneus, 1596. Dublin, 1833.

170. Temple J. The Irish Rebellion: Or, an History of the Beginnings and first Progress the General Rebellion raised within the Kingdom of Ireland, Upon the Three and twentieth Day of October, in the Year 1641. Together with the Barbarous Cruelties and Bloody Massacres which ensued thereupon. Dublin, 1713 [1716, 1724, 1746].

171. The History of the Rebellion 1745 and 1746. Edinburgh, 1748.

XI. Оды, поэмы и проповеди

172. Albania: a Poem, addressed to the Genius of Scotland. Dedicated to General Wade, Commander in Chief of his Majesty's Forces in North Britain. London, 1737.

173. Barker J. A Sermon occasioned by the Victory obtained over the Rebels in Scotland, on the 16th of April, 1746. By His Majesty's Army under the Command of His Royal Highness the Duke of Cumberland. London, 1746.

174. Defoe D. Caledonia. A poem in honour of Scotland, and the Scots nation. In three parts. Edinburgh, 1706 [London, 1707].

175. Philip J., of Almericlose. The Grameid. An Heroic Poem descriptive of the Campaign of Viscount Dundee in 1689 and other pieces. 1691 / Ed. by A.D. Murdoch. PSHS. Vol. III. Edinburgh, 1888.

176. Killiecrankie described by an Eye-Witness / Ed. by A.H. Millar // The Scottish Historical Review. Vol. Third. Glasgow, 1906.

177. The Happy Life. An Epistle to the Honourable Lieutenant General Wade. London, 1733.

178. The Highlander: A poem: in six Cantos. London, 1758.

179. Withers J. The Perjury and Folly of the Late Rebellion Display'd: In a Sermon Preach'd at Exon, June the 7th 1716. Being the Day appointed for a Publick Thanksgiving, For the Success of His Majeties Forces against the Rebels, at Preston, Dumblain, and Perth. London, 1716.

XII. Военные уставы и наставления

180. A New System of Military Discipline, founded upon Principle. Philadelphia, 1776.

181. Bland H. A Treatise of Military Discipline; In which is Laid down and Explained The Duty of the Officer and Soldier, Thro' the several Branches of the Service. The Fifth Edition. London, 1743.

182. Emmerich A. The Partisan in War, of the use of a Corps of Light Troops to an Army. London, 1789.

183. Ewald Joh. Treatise on Partisan Warfare. Westport, 1991 [1785].

184. Rules and Articles for the better Government of His Majesty's Horse and foot Guards, And all Other His Forces in Great Britain and Ireland, Dominions beyond the Seas, and Foreign Parts. London, 1749.

185. Rules and Orders for the better Government of His Majesty's Forces employed in Foreign Parts for the Year 1742. London, 1742.

186. Rules for the better Government of His Majesty's Forces by Land, during the present War. Of the Great Use to All Officers, Commanders, and even Common Soldiers. With Submission to His Grace the Duke of Cumberland. London, 1745.

187. Rules of War for the Infantry, ordered to be observed by their Majesties' subjects, encountering with the Enemy upon the day of Battel. Written by Lieutenant General Mackay, and recommended to all (as well Officers as Soldiers) of the Scots and English Army. In XXII Articles. Published by his Excellency's Secretary. Edinburgh, 1693.

188. Simes T. The Military Guide, for Young Officers. A large and valuable Compilation from the mod celebrated Military Writers, Marshal Saxe — General Bland — King of Prussia — Prince Ferdinand. Containing the Experience of many Brave Heroes in critical Situations. Including an excellent Military, Historical, and Explanatory Dictionary. Philadelphia, 1776.

189. Stevenson R. Military Instructions for Officers detached in the Field containing a scheme for forming a corps of partisans illustrated with plans of the manoeuvres necessary in carrying on the petite guerre. London, 1770.

190. The Duty of a Souldier to his King and Country, addressed to the Present Officers and Souldiers of the British Army. Edinburgh, 1715.

191. The Soldiers pocket companion or the Manual Exercise of a Foot Soldier taken from the Life for the Use of the Gentlemen of the Several Associations. Humbly Inscribed to His Royal Highness The Duke of Cumberland. London, 1746.

XIII. Сборники документов

192. A Source Book of Scottish History. Vol. III. 1567 to 1707 / Ed. by W.C. Dickinson, G. Donaldson. London; Edinburgh; Paris; Melbourne; Johannesburg; Toronto and New York, 1961.

193. English Historical Documents. Vol. X. 1714–1783 / Ed. by D.B. Horn, M.A. Ransome and M. Ransome. London, 1957.

194. Forbes R. The Lyon in Mourning or a collection of speeches, letters, journals etc. relative to the affairs of Prince Charles Edward Stuart 1746–1775. Vol. I // PSHS. 1895. Vol. XX.

195. Historical Manuscripts Commission. Report on the Manuscripts of his Grace the Duke of Portland, preserved at Welbeck Abbey. Vol. V. Norwich, 1899.

196. Historical Manuscripts Commission. Eleventh Report, Appendix, Part IV. The Manuscripts of the Marquess Townshend. London, 1887.

197. Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. In II Vols. / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895–1896.

198. Origins of «the Forty-Five» and other papers relating to that Rising / Ed. by W. B. Blaikie // PSHS. 1916. Vol. II.

199. Original Papers; containing the Secret History of Great Britain, from the Restoration, to the Accession of the House of Hannover. To which are prefixed extracts from the life of James II. As written by himself. The whole arranged and published by James Macpherson, eq; in two volumes. Vol. I. London, 1775.

200. Papers Illustrating the History of the Scots Brigade in the service of the United Netherlands 1572–1782; In II Vols. Vol. I 1572–1697 / Ed. by J. Ferguson // PSHS. 1899. Vol. XXXII.

201. Papers illustrative of the Political Condition of the Highlands of Scotland, 1689–96. Glasgow, 1845.

202. Source Book of Scottish Economic and Social History / Ed. by R.H. Campbell and J.B.A. Dow. Oxford, 1968.

203. State Papers Domestic George I. Typescript Calendar Part I. Vols. 139 (1714–1719), 144 (1719–1722), 155 (1722–1725). London, 1977–1979.

204. The Early Hanoverian Age. 1714–1760. Commentaries of an Era / Ed. by A.F. Scott. London, 1980.

205. The Scots Army, 1661–1688, with Memoirs of the Commanders-in-Chief / Ed. by C. Dalton. London, 1909.

Изобразительные материалы

206. The Blaeu Atlas of Scotland (Scotland from Theatrum Orbis Terrarum Sive Atlas Novus Pars Quinta. Published by Joan Blaeu. Amsterdam, 1654). Edinburgh, 2006.

207. The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755. William Roy. With introductory essays by Yolande Hodson, Chris Tabraham and Charles Withers. Edinburgh, 2007.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература

1. Абрамов М.А. Шотландская философия века Просвещения. М., 2000.
2. Апрыщенко В.Ю. Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д, 2006.
3. Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII — первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008.
4. Апрыщенко В.Ю. Шотландский якобитизм: бунт или национальное движение? // Британские исследования. Ростов н/Д, 2006.
5. Арнольд Дж.Р. Змеиные джунгли. М., 2010.
6. Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. История печати Великобритании от «новостных писем» до электронных газет. М., 2002.
7. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
8. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Т. 1–2 / Пер. с англ. К. Бестужева-Рюмина. СПб., 1863–1864.
9. Брайсон Б. Остров Ее Величества. Маленькая Британия большого мира. М., СПб., 2008.
10. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. М., 2010.
11. Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. № 3. 2002.
12. Быкова А.Ф. История Англии с XI века до начала мировой войны. СПб., 1918.
13. Вишленкова Е.А. Тело для народа, или «Увидеть русского дано не каждому» // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3.

14. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
15. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002.
16. Дериглазова Л.В. Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. Том 8. Номер 2 (23). Май–август 2010.
17. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., 2010.
18. Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2.
19. Ерофеев Н.А. Английский колониализм и стереотип ирландца в XIX в. // ННИ. 1980. № 5.
20. Ерофеев Н.А. Англо-шотландская уния 1707 г. // ННИ. 1975. № 6.
21. Ерофеев Н.А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. М., 1964.
22. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.
23. Зарницкий Г.С. Расстановка социально-политических сил в Великобритании в период якобитского восстания 1745–1746 гг. // Общественные идеи и социально-политическая борьба в новое и новейшее время. М., 1987.
24. Зверева Г.И. История Шотландии: учеб. пособие для вузов. М., 1987.
25. Ивонина Л.И. Дипломатия и революция (Две Английские революции и европейская политика XVII века). Смоленск, 1998.
26. Ивонина Л.И. Очерки международных отношений в Европе во время становления Вестфальской системы (1648–1715). М., 2005.
27. Игнатьев С.В. Лорды Хайленда и Шотландская Корона в первой трети XV в. // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы двенадцатой международной конференции молодых ученых 27–30 декабря 2001 г. СПб., 2001.

28. Игнатъев С.В. Шотландия и Англия в первой половине XV в.: высокая политика и региональные амбиции. СПб., 2011.
29. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М., 2010.
30. Кареев Н. Две английские революции XVII века. М., 2002.
31. Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М., 2007.
32. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.
33. Киселев А.А. Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII–XVIII вв. Волгоград, 2012.
34. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981.
35. Кобрин К.Р. Имперские книги Геральда Камбрийского // СВ. Вып. 66. М., 2005.
36. Коленко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII–XVIII вв. М., 2006.
37. Копелев Д.Н. Раздел Океана в XVI–XVIII вв.: Истоки и эволюция пиратства. СПб., 2013.
38. Кордингли Д. Введение // Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009.
39. Костяшов Ю.В. Сербские граничары // ВИ. 1997. № 5.
40. Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997.
41. Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
42. Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов (1660–1681). М., 1982.
43. Ладюри Э. ле Р. История регионов Франции. Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. М., 2005.
44. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.
45. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
46. Лоуренс Т. Семь столпов мудрости. СПб., 2001.
47. Мак-Кензи А. Кельтская Шотландия. М., 2006.

48. Маклинн Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства. М., 2009.

49. Маколей Т.Б. Англия и Европа: Избр. эссе. СПб., 2001.

50. Маколей Т.Б. История Англии от восшествия на престол Якова II // Полн. собр. соч.: В 16 т. СПб., 1861–1865.

51. Малкин С.Г. Мятежный край Его Величества: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.

52. Малкин С.Г. «Тайные советники»: корреспонденты Данкана Форбса из Каллодена и умиротворение Горной Шотландии в 1715–1745 гг. // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / Отв. ред. Л.П. Репина / Общество интеллектуальной истории, Южный федеральный университет. СПб., 2010.

53. Малкин С.Г. «Тайные советники»: корреспонденты Данкана Форбса из Каллодена и умиротворение Горной Шотландии в 1715–1745 гг. // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д, 2008. Вып. 5.

54. Микешин М.И. Социальная философия шотландского Просвещения. СПб., 2005.

55. Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.

56. Мягкова Е.Н. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII–XVIII веках. М., 2006.

57. Ноздрин О.Я. Шотландцы в истории русско-мальтийских связей // Рыцари Мальтийского креста. СПб., 2006.

58. Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

59. Павленко А.П. Ирландцы в Англии и Шотландии (особенности этнического развития) // Расы и народы. 1978. № 8.

60. Петронис В. Pinge, Divide et Impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в позднеимперской России (вторая половина XIX века) // Imperium inter Pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М., 2010.

61. Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб., 2008.

62. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Самара, 2001.

63. Ренев Е.Г. Шотландия второй трети XVIII века. Ускоренная капиталистическая эволюция: элита и общество // Мир истории. Жизнь историка. М., 1995.

64. Роджерс П. Генри Филдинг: Биография. М., 1984.

65. Репина Л.П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М., 2005.

66. Рош Д. От социальной истории к истории культур: эпоха Просвещения // История продолжается. Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого / Составитель и ответственный редактор С.Я. Карп. М.; СПб., 2001.

67. Саид Э.В. Культура и империализм. СПб., 2012.

68. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

69. Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

70. Сили Дж.Р. Расширение Англии / Пер. с англ. В.А. Герда // Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А. Британская империя. М., 2004.

71. Смит Р. История гуманитарных наук. М., 2008.

72. Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996.

73. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001.

74. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль Востоке (первая половина XIX века). М., 2000.

75. Стецкевич М.С. Протестантизм, антикатолицизм и британское национальное самосознание Нового времени // Христианская культура на пороге третьего тысячелетия.

Материалы научной конференции. 12–14 июня 2000 г. Серия «Symposium», выпуск 5. СПб., 2000.

76. Таирова-Яковлева Т.Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. М., 2011.

77. Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011.

78. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012.

79. Танстолл Б. Морская война в век паруса, 1650–1815. М., 2005.

80. Татаринова К.Н. Очерки по истории Англии. 1640–1815 гг. М., 1958.

81. Тревельян Дж.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / Пер. с англ. А.А. Крушинской и К.Н. Татариновой. Смоленск, 2005.

82. Уайт С.Д. Переосмыслить насилие: из двухтысячного года в тысячный // СВ. М., 2004. Вып. 65.

83. Уваров П.Ю. В поисках феодализма // Одиссей: Человек в истории. 2006. № 1.

84. Урнов Д.М. Динамика истории // Скотт В. Роб Рой. М., 1990.

85. Федоров С.Е. Антикварное историописание: история и современность в яковитской Англии: Учеб. пособие для вузов. СПб., 2007.

86. Федосов Д.Г. Лорды и лэрды: шотландское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство. М., 1997.

87. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

88. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.

89. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

90. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006.

91. Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов. 1746–1784. СПб., 2006.

92. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003.

93. Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб., 2010.

94. Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

95. Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000.

96. *Ab Imperio*. 2000–2009. Казань, 2010.

97. *Imperium inter Pares*: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М., 2010.

98. Adam M.I. Eighteenth-Century Highland Landlords and the Poverty Problem // *SHR*. 1922. Vol. 19.

99. Addison J.D. and Dobrescu-Parr D. The Consolidation of an 18th Century Masonry Arch Bridge on the Old Military Road at Corgarff, Aberdeenshire, Scotland, 2001 // http://www.scottishhistoryonline.co.uk/bridges/html/technical_paper.htm.

100. Agnew J. Jeremy Black, *Maps and Politics*; Jeremy Black, *Maps and History: Constructing Images of the Past*; Jerry Brotton, *Trading Territories: Mapping the Early Modern World* // *The Journal of Modern History*. Vol. 71. No. 4 (December 1999).

101. Amoh Y. The ancient–modern controversy in the Scottish Enlightenment // *The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment* / Ed. by T. Sakamoto, H. Tanaka. London; New York, 2005.

102. Anderson M. Guesses, Estimates and Adjustments: Webster's 1755 «Census» of Scotland revisited again // *Journal of Scottish History Society*, 31.1, 2011.

103. Andrews J.H. Charles Vallancey and the Map of Ireland // *TGJ*. Vol. 132. No. 1 (Mar., 1966).

104. Andrews J.H. Introduction // *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography* / Ed. by J.B. Harley and P. Laxton. Baltimore and London, 2001.

105. Andrews J.H. John Norden's Maps of Ireland // *PRIA*. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature. Vol. 100C. No. 5 (2000).

106. Anthropology and the Colonial Encounter / Ed. by T. Asad. New York, 1973.

107. Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge, 2000.

108. Arthur L.B. Introduction: Dress and the social control of the body // Religion, Dress, and the Body / Ed. by L.B. Arthur. Oxford, 1999.

109. Bagrow L. Ivan Kirilov, Compiler of the First Russian Atlas, 1689–1737 // IM. Vol. 2 (1937).

110. Bailey G.B. Falkirk or Paradise! The Battle of Falkirk Muir 17 January 1746. Edinburgh, 1996.

111. Baranger D. Dossier: Citizenship II The Eighteenth-Century Citizen // ERH. 7: 2 (2000).

112. Barnett C. Britain and Her Army 1509–1970. A Military and Political Survey. London, 1970.

113. Barrow I.J. Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, c. 1756–1905. New Delhi, 2003.

114. Bartlett T. «This famous island set in a Virginian sea»: Ireland in the British Empire, 1690–1801 // The Oxford History of the British Empire. Vol. II. The Eighteenth Century / Ed. by P.J. Marshall. Oxford, 2009 [1998].

115. Batterberry A., Batterberry M. Fashion: The Mirror of History. New York, 1982.

116. Bayly C.A. Imperial Meridian: the British Empire and the World 1780–1830. London, 1989.

117. Baynes J. The Jacobite Rising of 1715. London, 1970.

118. Bessant K.C., MacPherson E.D. Thoughts on the Origins, Concepts, and Pedagogy of Statistics as a Separate Discipline // The American Statistician. Vol. 56. No. 1 (Feb., 2002).

119. Bickham T. Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain. Oxford, 2005.

120. Biggs M. Putting the State on the Map. Cartography, Territory, and European State Formation // CSSH. Vol. 41. No. 2 (Apr., 1999).

121. Blacam A. de. The Other Hidden Ireland // Studies: An Irish Quarterly Review. Vol. 23. No. 91 (Sep., 1934).

122. Black J. *Britain as a Military Power, 1688–1815*. London, 1999.
123. Black J. *Culloden and the 45'*. London, 1990.
124. Black J. *Culloden and the 45'*. London, 2010.
125. Black J. *Jacobitism and British Foreign Policy, 1731–1735 // The Jacobite Challenge / Ed. by E. Cruickshanks and J. Black*. Edinburgh, 1988.
126. Blundell O. *The Catholic Highlands of Scotland*. Vols. I–II. Edinburgh; London; Covent Garden, 1909–1917.
127. Bodeker H.E. *On the Origins of the «Statistical Gaze»: Modes of Perception, Forms of Knowledge and Ways of Writing in the Early Social Sciences // Little Tools of Knowledge. Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices / Ed. by P. Becker and W. Clark*. The University of Michigan Press, 2001.
128. Boelhower W. *Inventing America: A Model of Cartographic Semiotics // Word and Image*. 4.2 (1988).
129. Branch D. *Defeating Mau Mau, Creating Kenya: Counterinsurgency, Civil War, and Decolonization*. Cambridge, 2009.
130. Breeze D.J. *Agricola in the Highlands? // PSAS*. 120 (1990).
131. Brennan K. *Mountjoy Cradle of the Irish Ordnance Survey // Dublin Historical Record*. Vol. 36. No. 3 (Jun., 1983).
132. Brereton J.M. *The British Soldier: A Social History from 1661 to the present day*. London, 1986.
133. Brewer J. *The Sinews of Power. War, money and the English state, 1688–1783*. Cambridge, 1989.
134. *British Narratives of Exploration. Case studies of the Self and Other / Ed. by F. Regard*. London, 2009.
135. Brown P.H. *Early Travelers in Scotland*. Edinburgh, 1891.
136. Brumwell S. *Redcoats. The British Soldier and the War in the Americas, 1755–1763*. Cambridge, 2002.
137. Buchan J. *Capital of the Mind; How Edinburgh Changed the World*. London, 2003.
138. Bulloch J.M. *The Caterans of Inveraven // PSAS*. 1926–1927. Vol. 61.
139. Bulloch J.M. *The Reconstruction of Braemar and Corgarff Castles, 1746 // PSAS*. 1962–1963. Vol. 96.

140. «Butcher and Bolt» or «Hearts and Minds»? British Ways of Countering Colonial Revolt: A Historical Perspective. Conference Programme. 15–16 September 2011.

141. Campbell R.H. *Scotland since 1707: The Rise of an Industrial Society*. Oxford, 1965.

142. Campbell T., Fletcher D., Kadmon N., Kain R.J.P., Reinhartz D. *Why Theory in the History of Cartography?: Discussion // IM. Vol. 48 (1996)*.

143. Cannon R. *Historical Record of the Fourteenth, or the Buckinghamshire Regiment of Foot: containing an account of the formation of the regiment in 1685, and of its subsequent services to 1845*. London, 1845.

144. Cannon R. *Historical Record of the Sixteenth, or the Bedfordshire Regiment of Foot; containing an account of the formation of the regiment in 1688, and of its subsequent services to 1848*. London, 1848.

145. Cannon R. *Historical Record of the Twelfth, or the East Suffolk Regiment of Foot, containing an account of the formation of the regiment in 1685, and of its subsequent services to 1847*. London, 1848.

146. Cannon R. *Historical Record of the Twenty-First Regiment, the Royal North British Fusiliers. Containing an account of the formation of the regiment in 1678, and of its subsequent services to 1849*. London, 1849.

147. Canny N. David Armitage, *The Ideological Origins of the British Empire // The Journal of Modern History. Vol. 74. No. 3 (September 2002)*.

148. Canny N. *Irish, Scottish and Welsh responses to centralisation, c. 1530 — c. 1640. A comparative perspective // Uniting the Kingdom? The making of British History / Ed. by A. Grant and K.J. Stringer. London and New York, 2003*.

149. Canny N. *Making Ireland British, 1580–1650*. Oxford, 2001.

150. Cassidy R. *Russia in Afghanistan and Chechnya: military strategic culture and the paradoxes of asymmetric conflict*. Carlisle Barracks: strategic Studies Institute, US Army War College, 2003.

151. Catcher P. *The American Provincial Corps 1775–1784*. Reading, 1973.

152. Chambers R. Domestic Annals of Scotland. From the Revolution to the Rebellion of 1745. Vol. III. Edinburgh and London, 1861.

153. Chambers R. History of the Rebellions in Scotland under the Viscount of Dundee and the Earl of Mar in 1689 and 1715. Edinburgh and London, 1829.

154. Chantrey D. George Wade, 1673–1748. Torrs Park; Ilfracombe; Devon, 2009.

155. Chapman M. The Gaelic Vision in Scottish Culture. London, 1978.

156. Charles G. History of the transactions in the years 1715–16 and 1745–46: containing an impartial account of the occurrences of these years together with an authentic detail of the dangers Prince Charles encountered after the Battle of Culloden, with a short sketch of his life; interspersed with a variety of anecdotes, never before published. Vols. I–II. Stirling, 1817.

157. Chitnis A. The Scottish Enlightenment; A Social History. London, 1976.

158. Chkistison D. Account of the Excavation of the Roman Station of Camelon, near Falkirk, Stirlingshire, undertaken by the Society in 1900 // PSAS. 35 (1900).

159. Clark J.C.D. On Moving the Middle Ground: The Significance of Jacobitism in Historical Studies // The Jacobite Challenge / Ed. by E. Cruickshanks and J. Black. Edinburgh, 1988.

160. Clark J.C.D. Protestantism, Nationalism, and National Identity, 1660–1832 // THJ. Vol. 43. No. 1 (Mar., 2000).

161. Close C. The Two-Hundredth Anniversary of the Birth of General Roy // TGJ. Vol. 69. No. 4 (Apr., 1927).

162. Clyde R.D. From Rebel to Hero: The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton, 1998.

163. Coats R.H. Travellers' Tales of Scotland. London, 1913.

164. Colley L. Britons: Forging the Nation 1701–1837. London, 1992.

165. Connolly S.J. Contested Island. Ireland, 1460–1630. Oxford, 2007.

166. Connolly S.J. Divided Kingdom: Ireland 1630–1800. Oxford; New York, 2008.

167. Conway S. War and National Identity in the Mid-Eighteenth-Century British Isles // EHR. Vol. 116. No. 468 (Sep., 2001).

168. Conway S. War, State and Society in Mid-Eighteenth Century Britain. Oxford, 2006.

169. Corkery D. The Hidden Ireland. A Study of Gaelic Munster in the Eighteenth Century. Dublin, 1925.

170. Corp E. A Court in Exile. The Stuarts in France, 1689–1718. Cambridge, 2004.

171. Cox R., Gallagher D. and McCullagh R. Ruthven in Badenoch: the excavation of a Highland garrison // PSAS. 1998. Vol. 128.

172. Craik H. A Century of Scottish History. From the days before the '45 to those within living memory: In II Vols. Vol. I. Edinburgh and London, 1901.

173. Crane D. Fashion and Its Social Agendas. London and New York, 2000.

174. Cregeen E. The Changing Role of the House of Argyll in the Scottish Highlands // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970.

175. Cruickshanks E. Lord North, Christopher Layer and the Atterbury Plot: 1720–1723 // The Jacobite Challenge / Ed. by E. Cruickshanks and J. Black. Edinburgh, 1988.

176. Cullen L.M. Scotland and Ireland, 1600–1800: their Role in the Evolution of British Society // Scottish Society. 1500–1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989.

177. Cunnane D.W. Catastrophic Dimensions: The Rupture of English and Irish Identities in Early Modern Ireland, 1534–1615 // Essays in History. Vol. 41. 1999.

178. Cunningham A. The Revolution Government in the Highlands // SHR. 1919. Vol. 16.

179. Cunningham A.D. History of Rannoch. Inverness, 1994.

180. Cappus E.-N. Imperial Ideologies of Peoplehood in Habsburg — An Alternative Approach to Peoples and Nations in Istria // Annales. Series of Historical Sociology. 2002. Vol. 12. No. 2.

181. Curtis G.R. Roads and Bridges in the Scottish Highlands: the route between Dunkeld and Inverness, 1725-1925 // PSAS. 1978-1980. Vol. 110.

182. Davidson N. Scottish Imperialism and National Identity (Part 1) // The first part of the Speech at the Word Power Books Fringe Festival on 15 August 2004 // <http://www.word-power.co.uk/platform/PlatformStyle-22>.

183. Dawson J.E.A. The Politics of Religion in the Age of Mary, Queen of Scots. The Earl of Argyll and the Struggle for Britain and Ireland. Cambridge, 2004.

184. Dawson J.E.A. Two Kingdoms or Three?: Ireland in Anglo-Scottish Relations in the Middle of the Sixteenth Century // Scotland and England 1286-1815 / Ed. by R.A. Mason. Edinburgh, 1987.

185. Denys S. A Statement of the Penal Laws, which aggrive the Catholics of Ireland: with commentaries in two parts. Parts I-II. Dublin, 1812.

186. Devine T.M. Social Responses to Agrarian «Improvement»: the Highland and Lowland Clearances in Scotland // Scottish Society. 1500-1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989.

187. Dickson P.G.M. Joseph II's Hungarian Land Survey // EHR. Vol. 106. No. 420 (Jul., 1991).

188. Dixon W. The Jacobite Episode in Scottish History and its Relative Literature // Essays: Glasgow Saint Andrew Society. Edinburgh; Glasgow and London, 1874.

189. Dodgshon R.A. From Chiefs to Landlords; Social and Economic Change in the Western Highlands and Islands, c. 1493-1820. Edinburgh, 1998.

190. Dodgshon R.A. «Pretence of Blude» and «Place of Thair Duelling»: the Nature of Scottish Clans, 1500-1745 // Scottish Society. 1500-1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989.

191. Donaldson G. Scotland: The Shaping of a Nation. Newton Abbot; London; North Pomfret; Vancouver, 1974.

192. Downie J.A. Daniel Defoe and the General Election of 1708 in Scotland // ECS. 1975. Vol. 8. No. 3.

193. Downie J.A. Secret Service Payments to Daniel Defoe, 1710–1714 // *The Review of English Studies*, New Series. 1979. Vol. 30. No. 120.

194. Dowson J. Calvinism and the Gaidhealtachd in Scotland // *Calvinism in Europe*. Cambridge, 1994.

195. Duffy C. Hidden Sympathies: The Hessians in Scotland 1746 // *Loyalty and Identity. Jacobites at Home and Abroad* / Ed. by P. Monod, M. Pittock, D. Szechi. Basingstoke, 2010.

196. Dupont D., Pearce F. Foucault contra Foucault. Re-reading the Governmentality Papers // *Theoretical Criminology*. 2001. Vol. 5 (2).

197. Dwyer J. *The Age of Passions; an Interpretation of Adam Smith and the Scottish Enlightenment Culture*. East Linton, 1996.

198. Earl D.W.L. Procrustean Feudalism: An Interpretative Dilemma in English Historical Narration, 1700–1725 // *THJ*. Vol. 19. No. 1 (Mar., 1976).

199. Edney M.H. *Theory and the History of Cartography* // *IM*. Vol. 48 (1996).

200. Edwards J. How to Read an Early Modern Map: Between the Particular and the General, the Material and the Abstract, Words and Mathematics // *EMLS* 9.1 (May, 2003): 6.1–58 [URL:<http://purl.oclc.org/emls/09-1/edwamaps.html>].

201. Elder J.R. *The Highland Host of 1678*. Aberdeen, 1914.

202. Elliott J.H. *Empires of the Atlantic World. Britain and Spain in America, 1492–1830*. New Haven; London, 2006.

203. Ellis S.G. *Frontiers and Identities in the Historiography of the British Isles* // *Frontiers and identities: exploring the research area* / Ed. by Lud'a Klusakova and Steven G. Ellis. Pisa, 2006.

204. Ellis S.G. Why the History of «the Celtic Fringe» Remains Unwritten // *ERH*. 10:2 (2003).

205. Fahrmeir A., Jones H.S. Space and belonging in modern Europe: citizenship(s) in localities, regions, and states // *ERH*. 15:3 (2008).

206. Ferguson W. Samuel Johnson's Views on Scottish Gaelic Culture // *SHR*. Vol. LXXVII, 2. № 204. October 1998.

207. Finlay R.J. Caledonia or North Britain? Scottish Identity in the Eighteenth Century // Image and Identity. The making and Re-making of Scotland Through the Ages / Ed. by D. Brown, R.J. Finlay and M. Lynch. Edinburgh, 1998.

208. Fitzpatrick T. The Bloody Bridge and other Papers relating to the Insurrection of 1641 (Sir Phelim O'Neill's Rebellion) Dublin, 1903.

209. Fleet C., Kowal K.C. Roy Military Survey map of Scotland (1747–1755): mosaicing, geo-referencing, and web delivery // e-Perimtron. Vol. 2. No. 4. Autumn 2007.

210. Forsyth W. In the Shadows of Cairngorm. Chronicles of the United Parishes of Abernethy and Kincardine. Inverness, 1900.

211. Fortescue J.W. A History of the British Army: In XIII Vols. Vol. II. London, 1899.

212. Foster H. Organization. How Armies are formed for War. London, 1911.

213. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. London, 1977.

214. Foucault M. The Archaeology of Knowledge. London, 1974.

215. Fowler P.J. The past in a foreign country // PSAS. 1987. Vol. 117.

216. Franco V. From Scotland to Russia: An Eighteenth-Century Debate on Feudalism, in Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons / Ed. by A. Cross. Newtonville, 1979.

217. Fraser S. The Last Highlander. Scotland's Most Notorious Clan Chief, Rebel and Double Agent. London, 2013.

218. Fritz P.S. The Anti-Jacobite Intelligence System of the English Ministers, 1715–1745 // THJ. 1973. Vol. 16. No. 2.

219. Froude J.A. The English in Ireland in the Eighteenth Century: In III Vols. Vol. III. London, 1895.

220. Fulford T. Romantic Indians. Native Americans, British Literature and Transatlantic Culture, 1756–1830. Oxford, 2006.

221. Jansson D.R. Internal orientalism in America: W.J. Cash's «The Mind of the South» and the spatial construc-

tion of American national identity // *Political Geography*. 2003. Vol. 22. No. 3.

222. Jansson D.R. Racialization and «Southern» identities of resistance: A psychogeography of internal orientalism in the United States // *Annals of the Association of American Geographers*. 2010. Vol. 100. No. 1.

223. Galkovich B.G. Russian Manuscript Maps of the Dnieper Area, 1730-1760. 1981 // *IM*. Vol. 33 (1981).

224. Galloway C.G. *White People, Indians and Highlanders*. Oxford, 2008.

225. Gardiner R.A. William Roy, Surveyor and Antiquary // *TGJ*. Vol. 143. No. 3 (Nov., 1977).

226. Geraghty T. *The Irish War. The Military History of a Domestic Conflict*. London, 2000.

227. Gibbs G.C. Parliament and Foreign Policy in the Age of Stanhope and Walpole // *EHR*. 1962. Vol. 77. No. 302.

228. Gibson A. and Smout T.C. *Scottish Food and Scottish History* // *Scottish Society. 1500–1800* / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989.

229. Gillespie R. Temple's fate: reading The Irish Rebellion in late seventeenth-century Ireland // *British Interventions in Early Modern Ireland*. Cambridge, 2004.

230. Godlewska A. Map, Text and Image. The Mentality of Enlightened Conquerors A New Look at the Description de l'Egypte // *TIBG. New Series*. Vol. 20. No. 1 (1995).

231. Goh D.P.S. States of Ethnography: Colonialism, Resistance, and Cultural Transcription in Malaya and the Philippines, 1890s–1930s // *CSSH*. 2007:41(1).

232. Gonzalez R. Towards mercenary anthropology? US Counterinsurgency Field Manual 3–24 and the military-anthropology complex // *Anthropology Today*. 23 (3). 2007.

233. Gould E.H. Zones of Law, Zones of Violence. The Legal Geography of the British Atlantic, circa 1772 // *WMQ. Third Series*. Vol. 60. No. 3 (Jul., 2003).

234. Graham A. Archaeology on a Great Post Road // *PSAS*. 1962–1963. Vol. 96.

235. Graham A. The Military Road from Braemar to the Spittal of Glen Shee // *PSAS*. 1962–1963. Vol. 97.

236. Graham H.G. *The Social Life of Scotland in the Eighteenth Century*. London, 1969.

237. Grant C. *The Black Watch*. London, 1970.

238. Gregg E. *The Jacobite Career of John, Earl of Mar / E. Gregg // Ideology and Conspiracy: Aspects of Jacobitism, 1689–1759 / Ed. by E. Cruickshanks*. Edinburgh, 1982.

239. Gregg E. *The Politics of Paranoia // The Jacobite Challenge / Ed. by E. Cruickshanks and J. Black*. Edinburgh, 1988.

240. Gregory D. *Inquiry into the Earlier History of the Clan Gregor, with a view to ascertain the causes which led to their proscription in 1603 [read to the Society 22d march 1830] // PSAS. 1857. Vol. 4*.

241. Grenfell J.W. *Significant Spaces in Edmund Spenser's View of the Present State of Ireland // EMLS. 4.2/Special Issue 3 (September, 1998): 6:1–21 [URL:<http://purl.oclc.org/emls/04-2/woolsign.htm>]*.

242. Grenier J. *The First Way of War: American War Making on the Frontier, 1607–1814*. Cambridge, 2005.

243. Gronim S.S. *Geography and Persuasion: Maps in British Colonial New York // WMQ. Third Series. Vol. 58. No. 2 (Apr., 2001)*.

244. Guizard P. *Fusiliers et Arquebusiers de Montagne ou du Roussillon // Revue d'histoire militaire. 1951. No. 408*.

245. Hadfield A. *Briton and Scythian. Tudor Representations of Irish Origins // IHS. Vol. 28. No. 112 (Nov., 1993)*.

246. Haile M. *James Francis Edward. The Old Chevalier*. London; New York, 1907.

247. Hardinge W.H. *On an Unpublished Essay on Ireland, by Sir W. Petty, A.D. 1687 // TRIA. Vol. 24. Antiquities (1873)*.

248. Harley J.B. *Deconstructing the Map // Cartographica. Vol. 26. No. 2 (1989)*.

249. Harley J.B. *Maps, Knowledge and Power // The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments / Ed. by D. Cosgrove and S. Daniels*. Cambridge, 1988.

250. Harley J.B. *Silences and Secrecy. The Hidden Agenda of Cartography in Early Modern Europe // IM. Vol. 40 (1988)*.

251. Harley J.B., Walters G. William Roy's Maps, Mathematical Instruments and Library: The Christie's Sale of 1790 // IM. Vol. 29 (1977).

252. Harling P., Mandler P. From «Fiscal-Military» State to Laissez-Faire State, 1760-1850 // TJBS. Vol. 32. No. 1 (Jan., 1993).

253. Harris B. «American Idols»: Empire, War and the Middling Ranks in Mid-Eighteenth-Century Britain // Past & Present. No. 150 (Feb., 1996).

254. Haswell J. The British Army. A Concise History. London, 1975.

255. Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic fringe in British national development, 1536–1966. Berkeley and Los Angeles, 1975.

256. Heinz M. A Programme for Map Publishing: The Homann Firm in the Eighteenth Century // IM. Vol. 49 (1997).

257. Heuser B. Small Wars in the Age of Clausewitz: The Watershed Between Partisan War and People's War // The Journal of Strategic Studies. February 2010. Vol. 33, No. 1.

258. Hinderaker E. The Four Indian Kings and the Imaginative Construction of the First British Empire // WMQ. Third Series. Vol. 53. No. 3. Indians and Others in Early America (Jul., 1996).

259. History of the British Army. London, 1970.

260. Hodson Y. William Roy and the Military Survey of Scotland // The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755. William Roy. With Introductory essays by Yoland Hodson, Chris Tabracham and Charles Withers. Edinburgh, 2007.

261. Holden R.M. The First Highland Regiment. The Argyllshire Highlanders // SHR. 1906. Vol. 3.

262. Holms G.S. The Hamilton Affair of 1711–1712: A Crisis in Anglo-Scottish Relations // EHR. 1962. Vol. 77. No. 303.

263. Hont I., Ignatieff M. Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment. Cambridge, 1983.

264. Hopkins P. Glencoe and the End of the Highland War. Edinburgh, 1998.

265. Hoppit J. Political Arithmetic in Eighteenth-Century England // *The Economic History Review. New Series.* Vol. 49. No. 3 (Aug., 1996).

266. Hoppit J. The Contexts and Contours of British Economic Literature, 1660–1760 // *THJ.* Vol. 49. No. 1 (2006).

267. Houlding G.A. *Fit for Service: The Training of the British Army. 1715–1795.* Oxford, 1981.

268. Houston R. The Ten Worst Britons // *BBC History Magazine* (Jan., 2006).

269. Houston R.A. and White I. D. *Introduction: Scottish Society in Perspective // Scottish Society. 1500–1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White.* Cambridge, 1989.

270. Howell H. *Highland Constable: the Life and Times of Rob Roy Macgregor.* Edinburgh, 1950.

271. Hudson N. From Nation to Race. The Origin of Racial Classification in Eighteenth-Century Thought // *ECS.* Vol. 29. No. 3 (Spring, 1996).

272. Hunter J. *Culloden and the Last Clansman.* Edinburgh and London, 2001.

273. Irwin B. St G. The Ordnance Survey. Roy's Legacy // *TGJ,* Vol. 143. No. 1 (Mar., 1977).

274. Jacques T.C. From Savages and Barbarians to Primitives. Africa, Social Typologies, and History in Eighteenth-Century French Philosophy // *History and Theory.* Vol. 36. No. 2 (May, 1997).

275. Jager S.M. *On the Uses of Cultural Knowledge.* Strategic Studies Institute. U.S. Army War College. Carlisle Barracks, 2007.

276. Johnston T.B., Robertson J.A. *Historical Geography of the Clans of Scotland.* Edinburgh and London, 1899.

277. Kalinovsky A. *The Blind leading the Blind: Soviet Advisors, Counter-Insurgency and Nation-Building in Afghanistan.* Cold War International History Project Working Paper No. 60. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C. January 2010.

278. Kanken D.R. Notices of Major-General William Roy, from the Parish Registers of Carluke and other sources // *PSAS.* 1870–1872. Vol. 9.

279. Katcher P. *The American Provincial Corps 1775–1784*. Reading, 1973.

280. Keltie J.S. *History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan and an Essay on Highland Scenery by J. Wilson*. Vols. I–II. Edinburgh and London, 1875.

281. Kidd C. *British Identities before Nationalism. Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. Cambridge, 2004.

282. Kidd C. *Integration: Patriotism and Nationalism // A Companion to Eighteenth-Century Britain / Ed. by H.T. Dickinson*. Oxford, 2002.

283. Kidd C. *Subverting Scotland's Past: Scottish Whig historians and the creation of an Anglo-British Identity, 1689–1830* Cambridge, 1993.

284. Kilcullen D. *Countering global insurgency // Journal of Strategic Studies*. 28 (2005).

285. Kilcullen D. *Counterinsurgency Redux // Survival: Global politics and strategy*. 48 (2006).

286. Kingsford C.L. *The Highland Forts in the 'Forty-Five // EHR*. 1922. Vol. 37. No. 147.

287. Kivelson V.A. *Cartography, Autocracy and State Powerlessness. The Uses of Maps in Early Modern Russia // IM*. Vol. 51 (1999).

288. Klein B. *Partial Views: Shakespeare and the Map of Ireland // EMLS*. 4.2/Special Issue 3 (September, 1998).

289. Klein B. *The Lie of the Land. English Surveyors, Irish Rebels and «The Faerie Queene» // IUR*. Vol. 26. No. 2. Special Issue: Spenser in Ireland: «The Faerie Queene» 1596–1996 (Autumn–Winter, 1996).

290. Knights M. *Review on Ted MacCormick, William Petty and the Ambitions of Political Arithmetic // The Journal of Modern History*. Vol. 83. No. 4 (December 2011).

291. Koyanagi K. *Civilization and history in Lord Kames and William Robertson // The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment / Ed. by T. Sakamoto, H. Tanaka*. London; New York, 2005.

292. Laing D. An Episode in the life of Mrs Rachel Erskine, Lady Grange. Detailed by herself in a letter from St Kilda, January 20, 1738, and other original papers // PSAS. 1874–1876. Vol. 11.

293. Lang A. A History of Scotland from the Roman Occupation: In IV Vols. Vol. IV. Edinburgh and London, 1907.

294. Lecky W. History of Ireland in the XVIII century. Vols. I–V. London, 1913.

295. Lenman B. The Jacobite Cause. Glasgow, 1986.

296. Lenman B. The Jacobite Risings in Britain 1689–1746. London, 1980.

297. Lenman B. The Scottish Episcopal Clergy and the Ideology of Jacobitism // Ideology and Conspiracy: Aspects of Jacobitism, 1689–1759 / Ed. by E. Cruickshanks. Edinburgh, 1982.

298. Leti G. The birth of statistics and the origins of the new natural science // The speech by Professor Giuseppe Leti, Professor Emeritus of the University of Rome «La Sapienza» and member of the Metron Editorial Committee, given during the ceremony when, upon reaching the age limit, he retired from his teaching career. Rome, 2000.

299. Lowther A.B. Americans and asymmetric conflict: Lebanon, Somalia, and Afghanistan. Westport; London, 2007.

300. MacCoinnich A. «His spirit was given only to warre»: conflict and identity in the Scottish Gaidhealtachd, c. 1580 — c. 1630 // Fighting for Identity: Scottish Military Experience, c. 1550–1900 / Ed. by S. Murdoch and A. Mackillop. Leiden, 2002.

301. Macdonald G. General William Roy and his «Military Antiquities of the Romans in North Britain» // Archaeologia. LXVIII (1917).

302. MacDonald R.C. Moidart: Among the Clanranalds. Edinburgh, 1997.

303. Macinnes A. Clanship, Commerce and the House of Stuart. East Linton, 1996.

304. Macinnes A.I. Repression and Conciliation: The Highland Dimension 1660–1688 // SHR. 1986. Vol. 55.

305. Macinnes A.I. *The Aftermath of the '45' // 1745: Charles Edward Stuart and the Jacobites* / Ed. by R.C. Woosnam-Savage. Edinburgh, 1995.

306. Mackay J. *The Life of Lieut.-General Hugh Mackay, Commander in Chief of the Forces in Scotland, 1689 and 1690. Colonel Commandant of the Scottish Brigade, in the service of the States General, and a Privy-Counsellor in Scotland.* Edinburgh, 1836.

307. Mackenzie A.M. *Scotland in modern times. 1720–1939.* London and Edinburgh, 1942.

308. Mackenzie K.S. *General George Wade and His Roads.* Inverness, 1897.

309. Mackenzie W.C. *The Highlands and Islands of Scotland. A Historical Survey.* Edinburgh and London, 1949.

310. Mackillop A. *Fashioning a «British» Empire: Sir Archibald Campbell of Inverneil and Madras, 1785–9 // Military Governors and Imperial Frontiers c. 1600–1800. A Study of Scotland and Empires* / Ed. by A. MacKillop, S. Murdoch. Brill; Leiden; Boston, 2003.

311. MacKillop A. *«More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815.* East Linton, 2000.

312. Mackillop A. *The Political Culture of the Scottish Highlands from Culloden to Waterloo // HJC. 2003. Vol. 46. No. 3.*

313. MacLean C.I. *The Highlands.* London, 1959.

314. MacLean W.L. *Religion in the Clachan // Home Life of the Highlanders 1400–1746.* Glasgow, 1911.

315. Macleod R.C. *The Western Highlands in the Eighteenth Century // SHR. 1922. Vol. 19.*

316. Margulies M.B. *Unlucky or Incompetent? History's Verdict on General Sir John Cope // History Scotland Magazine: Scottish History and Archaeology. 2002. Vol. 2. No. 2.*

317. Marshall D.W. *Military Maps of the Eighteenth-Century and the Tower of London Drawing Room // IM. Vol. 32 (1980).*

318. Maxwell S. *A Highland Pistol by Hector McNeill of Mull, 1733 // PSAS. 1967–1968. Vol. 100.*

319. May R., Embleton G. *The British Army in North America 1775–1783.* London, 1998.

320. May R., Embleton G. *Wolfe's Army.* London, 1995.

321. McCormick T. «A Proportionable Mixture»: William Petty, Political Arithmetic, and the Transmutation of the Irish // *Restoration Ireland. Always Settling and Never Settled* / Ed. by C.A. Dennehy. Aldershot, 2008.

322. McCormick T. The advancement of Policy: Art and Nature in William Petty's Political Arithmetic / This paper was originally delivered at the Annual Meeting of the History of Science Society in Washington, DC, on 3 November 2007, and was written with generous support of 2006–2008 Government of Ireland Postdoctoral Fellowship from the Irish research Council for Humanities and Social Sciences.

323. McCormick T. *William Petty and the Ambitions of Political Arithmetic*. Oxford, New York, 2009.

324. McCulloch I. «Within ourselves...»: The Development of British Light Infantry in North America during The Seven Years' War // *Canadian Military History*. 1998. Vol. 7.

325. McCulloch I. *The Scottish Military Tradition in Canada* // *The Beaver: Exploring Canada's History*. 1993. Vol. 73/4.

326. McCulloch I. *Ticonderoga Portraits. Lieutenant-Colonel Archibald Gordon, 27th Foot (Enniskillen Regiment)* // *The Bulletin of the Fort Ticonderoga Museum*. 1999. Vol. XVI. No. 2.

327. McDonald M. and Dobson M. *Annotated Bibliography of the Scottish Collection at Cape Breton University*. 2005.

328. McFate M. *Anthropology and counterinsurgency: the strange story of their curious relationship* // *Military Review*, March–April 2005.

329. McIan R.R. *McIan's Highlanders at Home*. Glasgow, New York, 1900.

330. McKinnon R. *The Jacobite Rebellions*. London; New York, 1973.

331. McLynn F. *Bonnie Prince Charlie*. Oxford, 1991.

332. McLynn F. *France and the Jacobite Rising of 1745*. Edinburgh, 1981.

333. McLynn F. *The Jacobites*. London and New York, 1988.

334. McLynn F.J. *The Jacobite Army in England, 1745: The Final campaign*. Edinburgh, 1983.

335. McNeil K. *Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860*. Columbus, 2007.

336. *Memoirs of Rev. David Brainerd, Missionary to the Indians of North America. Based on the Life of Brainerd prepared by Jonathan Edwards, D.D., and afterwards revised and enlarged by Sereno E. Dwight, D.D. / Ed. by J.M. Sherwood. New York, 1891.*

337. *Memoirs of the Jacobites of 1715 and 1745: In III Vols. / Ed. by K. Thomson. London, 1845–1846.*

338. Metz S., Millen R. *Insurgency and Counterinsurgency in the 21 Century. Reconceptualizing Threat and Response. Strategic Studies Institute. U.S. Army War College. Carlisle Barracks, 2005.*

339. Meyergriffith W. *Ruthven Barracks, in Badenoch // PSAS. 1913–1914. Vol. 48.*

340. Millae A.H. *The Battle of Glenshiel, 10th June 1719. Note upon an unpublished document in the possession of His Grace the Duke of Marlborough // PSAS. 1882–1883. Vol. 17.*

341. Millar A.H. *Note on the Proclamation for Disarming of the Highlands in 1746 // PSAS. 1895–1896. Vol. 30.*

342. Milobar D. *Aboriginal Peoples and the British Press, 1720–1763 // Hanoverian Britain and Empire: Essays in Memory of Philip Lawson. Woodbridge, 1998.*

343. Mìorun Mòr nan Gall. «The great ill-will of the Lowlander»? *Lowland perceptions of the Highlands, Medieval and Modern / Ed. by D. Broun and M. MacGregor. Glasgow, 2007.*

344. Mitchison R. *Lordship to Patronage, 1603–1745. London, 1983.*

345. Mitchison R. *The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970.*

346. Montanus P.D. *A Failed Counterinsurgency Strategy: The British Southern Campaign — 1780–1781. Are there Lessons for Today / U.S. Army War College Strategy Research Project. Carlisle Barracks, Pennsylvania, 2005.*

347. Moran P.F. *The Catholics of Ireland under the Penal Laws in the Eighteenth Century. London, 1899.*

348. Morgan R., Power G. *Enduring Borderlands: the Marches of Ireland and Wales in the Early Modern Period // Frontiers, regions and identities in Europe / Ed. by S.G. Ellis, R. Eber, J.-F. Berdah and M. Reznik. Pisa, 2009.*

349. Murdoch A. James Glen and the Indians // *Military Governors and Imperial Frontiers C. 1600–1800 A Study of Scotland and Empires* / Ed. by A. MacKillop, S. Murdoch. Brill, Leiden, Boston, 2003.

350. Murdoch A. Management or Semi-Independence? The government of Scotland from 1707–1832 [based on a paper written for the Association for Scottish Historical Studies 1996 conference on the theme of the «Government and Mis-government of Scotland», the Institute of Historical Research, School of Advanced Study, the University of London] // <http://www.history.ac.uk/eseminars/sem19.html>.

351. Murdoch A. Scotland and the Union // *A Companion to Eighteenth-Century Britain* / Ed. by H.T. Dickinson. Oxford, 2002.

352. Murdoch S. *Language Politics in Scotland*. Aberdeen, 1995.

353. Murphy A. *But the Irish Sea Betwixt Us: Ireland, Colonialism, and Renaissance Literature*. Lexington, 1999.

354. Nagle J.A. *Counterinsurgency Lessons from Malaya and Vietnam: Learning to Eat Soup with a Knife*. Westport, 2002.

355. Nash R. *Wild Enlightenment: The Borders of Human Identity in the Eighteenth Century*. Charlottesville, 2003.

356. *Naval biography, or, The history and lives of distinguished characters in the British Navy, from the earliest period of history to the present time*. Vol. II. London, 1805.

357. Nenadic S. *The Impact of the Military Profession on Highland Gentry Families, c. 1730–1830* // SHR. 2006. Vol. 85. No. 1.

358. Nischer-Falkenhof E. von. *The Survey by the Austrian General Staff under the Empress Maria Theresa and the Emperor Joseph II, and the Subsequent Initial Surveys of Neighbouring Territories during the Years 1749–1854* // IM. Vol. 2 (1937).

359. Noonkester M.C. *The Third British Empire: Transplanting the English Shire to Wales, Scotland, Ireland, and America* // TJBS. Vol. 36. No. 3 (Jul., 1997).

360. Nordmann C. *Choiseul and The Last Jacobite Attempt of 1759* // *Ideology and Conspiracy: Aspects of Jacobitism, 1689–1759* / Ed. by E. Cruickshanks. Edinburgh, 1982.

361. Norman A.V. A Note on Highland Dress after the '45 // PSAS. 1972–1974. Vol. 105.

362. Oats J. Sweet William or The Butcher? The Duke of Cumberland and the '45. Barnsley, 2008.

363. O' Cadhla S. Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824–1842: Ethnography, Cartography, Translation. Dublin, 2007.

364. O' Ciardha E. Ireland and the Jacobite Cause, 1685–1766. A fatal attachment. Dublin, 2004 [2001].

365. Ohlmeyer J.H. A Laboratory for Empire?: Early Modern Ireland and English Imperialism // Ireland and the British Empire. The Oxford History of the British Empire. Companion Series / Ed. by K. Kenny. Oxford, 2004.

366. Orpen G.H. Review on The Petty Papers. Some Unpublished Writings of Sir William Petty / Ed. from the Bowood Papers by the Marquis of Lansdowne. Two vols. London, 1927 // EHR. Vol. 43. No. 171 (Jul., 1928).

367. Pedley M.S. Map Wars: The Role of Maps in the Nova Scotia Acadia Boundary Disputes of 1750 // IM. Vol. 50 (1998).

368. Pedley M.S. Maps, War, and Commerce Business Correspondence with the London Map Firm of Thomas Jefferys and William Faden // IM. Vol. 48 (1996).

369. Pedley M.S. New Light on an Old Atlas Documents concerning the Publication of the Atlas Universel (1757) // IM. Vol. 36 (1984).

370. Pedley M.S. The Subscription List of the 1757 Atlas Universel. A Study in Cartographic Dissemination // IM. Vol. 31 (1979).

371. Peter B. People Who Counted: Political Arithmetic in the Eighteenth Century // Isis. Vol. 73. No. 1 (Mar., 1982).

372. Peter B. Seventeenth-Century Political Arithmetic: Civil strife and Vital Statistics // Isis. Vol. 68. No. 1 (Mar., 1977).

373. Petraeus D.H. Lessons of history and lessons of Vietnam // Parameters. 1986. Vol. 16. No. 3.

374. Petrie C. The Jacobite movement. London, 1959.

375. Petrie C. The Jacobite movement. The Last Phase. 1716–1807. London, 1950.

376. Pittock M. *The Culture of Jacobitism // Culture and Society in Britain 1660–1800 / Ed. by J. Black. Manchester and New York, 1997.*

377. Pittock M. *The Myth of the Jacobite Clans. The Jacobite Army in 1745. Edinburgh, 2009.*

378. Plackett R.L. *The Old Statistical Account // Journal of Royal Statistical Society. A (1986) 149, part 3.*

379. Plank G. *An Unsettled Conquest: The British Campaign against the Peoples of Acadia. Philadelphia, 2001.*

380. Plank G. *Childhood and the Expansion of the Eighteenth-Century British Empire // The Worlds of Children, 1620–1920 / Ed. by P. Benes. Boston, 2004.*

381. Plank G. *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006.*

382. Pocock J. *The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1987.*

383. Postnikov A.V. *The Russian Navy as Chartmaker in the Eighteenth Century // IM. Vol. 52 (2000).*

384. Powers S.L. *Studying the Art of War: Military Books Known to American Officers and Their French Counterparts in the second Half of the Eighteenth Century // The Journal of Military History. Vol. 70. No. 3 (Jul., 2006).*

385. Prebble J. *Culloden. London, 1961.*

386. Prebble J. *Mutiny. Highland regiments in revolt, 1743–1804. London, 1975.*

387. Preston D. *The Road to Culloden Moor: Bonnie Prince Charlie and the '45 Rebellion London, 1995.*

388. Quataert D. *Clothing Laws, State, and Society in the Ottoman Empire, 1720–1829 // International Journal of Middle East Studies. Vol. 29. No. 3 (Aug., 1997).*

389. Rackwitz M. *Travels to Terra Incognita: The Scottish Highlands and Hebrides in Early Modern Travellers' Accounts. C. 1600 to 1800. Münster, 2007.*

390. Raeff M. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in Germanies and Russia, 1660–1800. New Haven, 1983.*

391. Raikes G.A. *Historical records of the First Regiment of Militia: or, Third West York Light Infantry. London, 1876.*

392. Raisz E. Colonel Stefan Lutsch von Luchsenstein 1710–1792 // IM. Vol. 10 (1953).

393. Rait R.S. The Making of the Nation. Scotland. London, 1911.

394. Rankin D.R. Report of a recent examination of the Roman Camp at Cleghorn, Lanarkshire, styled «Agricola's Camp», with notices of General Roy and his family // PSAS. 1. Part 2 (1853–1854).

395. Reitan E.A. Expanding Horizons: Maps in the «Gentleman's Magazine», 1731–1754 // IM. Vol. 37 (1985).

396. Representing Ireland: Literature and the origins of Conflict, 1534–1660 / Ed. by B. Bradshaw, A. Hadfield and W. Maley. Cambridge, 1993.

397. Richards E., Clough M. Cromartie: Highland Life, 1650–1914. Aberdeen, 1989.

398. Riley P.W.J. The Union of England and Scotland. A study in Anglo-Scottish politics of the Eighteenth Century. Manchester, 1978.

399. Ritter M. Seutter, Probst and Lotter. An Eighteenth-Century Map Publishing House in Germany // IM. Vol. 53 (2001).

400. Robbins K. Religion and Identity in Modern British History // Religion and National Identity. Oxford, 1982.

401. Roberts J. The Jacobite Wars. London, 2002.

402. Robertson J. The Scottish Enlightenment and the Militia Issue. Edinburgh, 1985.

403. Rogers P. Defoe's Distribution Agents and Robert Harley // EHR. 2006. Vol. CXXI. No. 40.

404. Said E. Culture and Imperialism. London, 1993.

405. Said E.W. Orientalism. New York, 1978.

406. Salmond J.B. Wade in Scotland. Edinburgh, 1938.

407. Saville R., Auerbach P. Education and social capital in the development of Scotland to 1750. Paper prepared for the Economic History Society Annual Conference, University of Reading 31 March — 2 April 2006.

408. Schmidt B. Mapping an Empire. Cartographic and Colonial Rivalry in Seventeenth-Century Dutch and English North America // WMQ. Third Series. Vol. 54. No. 3 (Jul., 1997).

409. Schmitt C. *The Theory of the Partisan. A Commentary / Remark on the Concept of the Political*. East Lansing, 1963.

410. Schweizer K.W. *Neglected Source Materials on the Jacobite Risings // Scottish tradition*. 1999. Vol. 24.

411. Scott W. *Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor*. Glasgow and London, 1893.

412. Selig R.A., Skaggs D.C. *The Concept of the Kleiner Krieg in the Context of Warfare in the Age of Absolutism // Ewald Joh. Treatise on Partisan Warfare*. Westport, 1991 [1785].

413. Shaw J.S. *The management of Scottish Society, 1707–1764: Power, Nobles, Lawyers, Edinburgh Agents and English Influences*. Edinburgh, 1983.

414. Shein L. *Gender and internal orientalism in China // Modern China*. Vol. 23. No. 1. 1997.

415. Simpson J.M. *Who Steered the Gravy Train, 1707–1766 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison*. Edinburgh, 1970.

416. Simpson P. Raugh H.E. «The Independent Highland Companies, 1603–1760» (Review) // *The Journal of Military History*. 1998. Vol. 62. No. 4.

417. Simpson W.D. *Corgarff Castle, Aberdeenshire // PSAS*. 1926–1927. Vol. 61.

418. Sinclair-Stevenson C. *Inglorious rebellion. The Jacobite risings of 1708, 1715 and 1719*. London, 1971.

419. Slezkine Y. *Naturalists Versus Nations. Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations*. No. 47. Special Issue: National Cultures before Nationalism (Summer, 1994).

420. Smith C.D. *Why Theory in the History of Cartography // IM*. Vol. 48 (1996).

421. Smith L.B. *Spain and Britain. 1715–1719. The Jacobite Issue*. New York and London, 1987.

422. Smout T.C. *A History of the Scottish People, 1560–1830*. New York, 1969.

423. Smout T.C. *Problems of Nationalism, Identity and Improvement in later Eighteenth-Century Scotland // Improvement and Enlightenment. Proceedings of the Scottish*

Historical Studies Seminar University of Strathclyde, 1987–1988 / Ed. by T.M. Devine. Edinburgh, 1989.

424. Speck W.A. *Stability and Strife. England, 1714–1760.* Cambridge, Massachusetts, 1977.

425. Speck W.A. *The Butcher: The Duke of Cumberland and the Suppression of the 45'.* Oxford, 1981.

426. Stanwood O. *The Protestant Moment: Antipopery, the Revolution of 1688–1689, and the Making of an Anglo-American Empire // TJBS. Vol. 46. No. 3 (July 2007).*

427. Starkey A. *European and Native American Warfare 1675–1815.* London, 1998.

428. Steffen L. *Defining a British State. Treason and National Identity, 1608–1820.* Basingstoke; New York, 2001.

429. Stevenson D. *Cromwell, Scotland and Ireland // Cromwell and the Interregnum. The Essential Readings / Ed. by D.L. Smith. Bodmin, 2003.*

430. Stevenson D. *The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths.* Edinburgh, 2004.

431. Stewart R. *The Savage as Peacemaker: the Highland Host of 1678 // Scottish Tradition. Vol. XX (1995).*

432. Stigler S.M. *The History of Statistics. The Measurement of Uncertainty before 1900.* Cambridge, 1986.

433. Stoler A.L., Bond D. *Refractions off Empire: untimely comparisons in harsh times // Radical History Review. 95. 2006.*

434. Stoler N.L., Cooper F. *Between Metropole and Colony. Rethinking a Research Agenda // Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World / Ed. by A.L. Stoler, F. Cooper. Berkeley; Los Angeles, 1997.*

435. Stone J.C. *Imperialism, Colonialism and Cartography // TIBG. New Series. Vol. 13. No. 1 (1988).*

436. Szechi D. *Constructing a Jacobite: The Social and Intellectual Origins of George Lockhart of Carnwath // THJ. 1997. Vol. 40. No. 4.*

437. Szechi D. *1715: The Great Jacobite Rebellion.* New Haven, 2006.

438. Tabraham C. *Fortress Highlands. The Military Response to the Jacobite Risings // Inverness Field Club. Lectures 2002–2003.*

439. Tabraham C. The Military Context of the Military Survey // The Great Map. The Military Survey of Scotland 1747–1755. William Roy. With Introductory essays by Yoland Hodson, Chris Tabraham and Charles Withers. Edinburgh, 2007.
440. Tabraham C., Grove D. Fortress Scotland and the Jacobites. London, 2001 [1995].
441. Tait A.A. The Protectorate Citadels of Scotland // Architectural History. 1965. Vol. 8.
442. Taylor W. The Military Roads in Scotland. Exeter, 1996.
443. The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983.
444. The Scottish Enlightenment in National Context / Ed. by R. Porter and M. Teich. Cambridge, 1981.
445. Thomson A.C. George II. King and Elector. New Haven and London, 2012.
446. Tincey J. The British Army 1660–1704. London, 1994.
447. Toogood R. The Royal Scots Fusiliers // The Lowland Scots Regiments. Their origin, character and services previous to the Great War of 1914 / Ed. by H. Maxwell. Glasgow, 1918.
448. Torok B.Z. The ethnicity of knowledge: statistics and Landeskunde in late eighteenth-century Hungary and Transylvania // Encountering Otherness. Diversities and Transcultural Experiences in Early Modern European Culture / Ed. by G. Abbattista. Trieste, 2011.
449. Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000.
450. Vorse L. de, Jr. Maps in Colonial Promotion James Edward Oglethorpe's Use of Maps in «Selling» the Georgia Scheme // IM. Vol. 38 (1986).
451. Wallace T. Military Roads and Fortifications in the Highlands, with Bridges and Milestones // PSAS. 1910–1911. Vol. 45.
452. Wallace T. Notes of Antiquities in Loch Alsh and Kintail // PSAS. 1896–1897. Vol. 31.
453. Walters G. Thomas Pennant's Map of Scotland, 1777: A Study in Sources, and an Introduction to George Paton's

Role in the History of Scottish Cartography // IM. Vol. 28 (1976).

454. Watt D. «The laberinth of thir difficulties»: The Influence of Debt on the Highland Elite c. 1550–1700 // SHR. 2006. Vol. 85. No. 1.

455. Withers C.W.J. Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region. London and New York, 1988.

456. Withers C.W.J. Geography, science and national identity: Scotland since 1520. Cambridge, 2001.

457. Withers C.W.J. Reporting, Mapping, Trusting: Making Geographical Knowledge in the Late Seventeenth Century // Isis. Vol. 90. No. 3 (Sep., 1999).

458. Withers C.W.J. The Historical Creation of the Scottish Highlands // The Manufacture of Scottish History / Ed. by I. Donnachie and C. Whatley. Edinburgh, 1992.

459. Withers C.W.J. The Social Nature of Map Making in the Scottish Enlightenment, c. 1682 — c. 1832 // IM. Vol. 52 (2002).

460. Womack P. Improvement and Romance. Constructing the Myth of the Highlands. London, 1989.

461. Wrightson K.E. Kindred Adjoining Kingdoms: an English Perspective on the Social and Economic History of Early Modern Scotland // Scottish Society. 1500–1800 / Ed. by R.A. Houston and I.D. White. Cambridge, 1989.

462. Youngson A.J. The Prince and the Pretender. A Study in the Writing of History. Worcester, 1985.

463. Zimmermann D. The Jacobite Movement in Scotland and in Exile, 1749–1759. Basingstoke and New York, 2003.

Справочные издания

464. Канник П. Униформа армий мира, 1506–1804. М., 2001.

465. Функен Ф. Европа XVIII век: Франция — Великобритания — Пруссия: Кавалерия — Артиллерия. Армии европейских стран. М., 2003.

466. Функен Ф. Европа XVIII век: Франция: королевская свита и пехота. Великобритания и Пруссия: пехота. М., 2003.

467. Afghanistan: Now You See Me? LSE IDEAS Strategic Update. London School of Economics and Political Sciences. London, March, 2009.

468. Balfour J.P. The Scots peerage; containing an historical and genealogical account of the nobility of that kingdom: In IX Vols. Edinburgh, 1904–1914.

469. Haythornthwaite P., Younghusband B. The Austrian Army, 1740–80: (2) Infantry. London, 1994.

470. Haythornthwaite P., Younghusband B. The Austrian Army, 1740–80: (3) Specialist Troops. London, 1995.

471. JSCSC Library Bibliography. Research Guide Series. Counterinsurgency (COIN). January, 2008.

472. Judd G.P. Members of Parliament. 1734–1832. Hamden, 1972.

473. Knötel R. Die Grosse Uniformkunde Band X, XV. Berlin, 1890.

474. Kühn A. The Imperial Hussars and Hungarian Infantry during the War of the Spanish Succession / Revised by R. Hall. London, 2004.

475. Mitchell A. A List of Travels, Tours, Journeys, Voyages, Cruises, Excursions, Wanderings, Rambles, Visits, etc., relating to Scotland // PSAS. 1900–1901. Vol. 35.

476. Mitchell A. Second and final Supplementary List of Travels and Tours relating to Scotland, with an Index (being an addition to the Lists printed in Vols. 35 and 39 of the PSAS) // PSAS. 1909–1910. Vol. 44.

477. Mitchell A. Supplementary List of Travels and Tours relating to Scotland, with Index (being an addition to the list printed in Vol. 35 of the PSAS) // PSAS. 1904–1905. Vol. 39.

478. Oxenham W.H. Notes on dignities in the peerage of Scotland which are dormant or which have been forfeited. London, 1882.

479. Reid S. 18th Century Highlanders. London, 1993.

480. Reid S. King George's Army 1740–1793. Parts I–II. London, 1995.

481. Reid S. The Campaigns of Montrose: A Military History of the Civil War in Scotland 1639 to 1646. Edinburgh, 1990.

482. Reid S. Wellington's Highlanders. London, 1992.

483. Surveys of Irish fortifications carried out by the English military surveyor, Thomas Phillips (1635?–1693) / Compiled by E.M. Kirwan, L. Walsworth-Bell, A.-C. Mc Govern. National Library of Ireland. 2008–2009.

484. The Commissariat Record of Inverness. Register of Testaments. 1630–1800 / Ed. by F.J. Grant. Edinburgh, 1897.

485. The Early Maps of Scotland to 1850. Vol. I // Ed. by Donald Grant Moir, Harry R.G. Inglis. Edinburgh, 1973.

486. The Real Rob Roy: A Guide to the Sources in the Scottish Record Office. Edinburgh, 1995.

487. The Scottish Clans and their Tartans with notes nowhere beats the heart so kindly as beneath the tartan plaid / Ed. by W. and A.K. Johnston. Edinburgh and London, 1890.

488. Vilalta L. Catalonia Stands Alone. 1713–1714: The Catalans' War / *Desperta ferro! Wargaming Guides series. No. 1. The Catalan Wargames Resource. 1st edition.* San Francisco, 2008.

489. Wickes H.L. Regiments of Foot. A historical record of all the foot regiments of the British Army. Reading, 1974.

Диссертации и авторефераты диссертаций

490. Апрыщенко В.Ю. Клановая система Горной Шотландии в период раннего нового времени: характерные черты и особенности развития: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002.

491. Зарницкий Г.С. Якобитское движение в Великобритании в конце XVII — первой половине XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

492. Aebel I.J. Constructing Empire. John Oldmixon, The British Empire in America and Adventures in the History of Book. MaD thesis. Southern Illinois University Edwardsville, 2005.

493. Anderson C.J. Constructing the Military Landscape. The Board of Ordnance Maps and Plans of Scotland, 1689–1815. PhD Thesis. Vols. 1–2. Edinburgh, 2009.

494. Bergmann M.D. Being the Other: Catholicism, Anglicanism and Constructs of Britishness in Colonial Maryland, 1689–1763. PhD Thesis. Washington State University, 2004.

495. Dziennik M.P. *The Fatal Land: War, Empire and the Highland Soldier in British America, 1756–1783*. Vols. I–II. Unpublished thesis for the degree of Doctor of Philosophy in History. Edinburgh University, 2010.

496. Johnson-Smith Douglas-James. *On the edge of the «savagery»: the anatomy of a community on the Highland-Lowland divide, c. 1600–1800*. PhD Thesis. Glasgow, 2002.

497. Johnsson F.A. *The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760–1830*. PhD Thesis. The University of Chicago, 2005.

498. Kennedy A.D. *The Civic Government of the Scottish Highlands during the Restoration, 1660–88*. PhD Thesis. University of Stirling, 2011.

499. Koufopoulos A.J. *The cattle trades of Scotland, 1603–1745*. PhD Thesis. Edinburgh, 2005.

500. Kugler E.M.N. *Representations of Race and Romance in Eighteenth Century Britain*. PhD Thesis. University of California, 2007.

501. Macdonald F.A. *Ireland and Scotland, 1560–1760: the historical perspective on the Gaelic dimension*. PhD Thesis. Glasgow, 1995.

502. MacLeod A.M. *The Idea of Antiquity in Visual Images of the Highlands and Islands, 1700–1880*. PhD Thesis. Glasgow, 2006.

503. McLeod W.C. *Divided Gaels. Gaelic Scotland and Gaelic Ireland, 1200–1650: perceptions and connections*. PhD Thesis. Edinburgh, 2000.

504. Muller H.W. *An empire of subjects: Unities and disunities in the British Empire, 1760–1790*. PhD Thesis. Princeton University, 2010.

505. Parrish D.B. *For King and Colony. Jacobitism and the Atlantic World*. PhD Thesis. University of Arkansas, 2008.

506. Plank G. *The culture of conquest. The British colonists and Nova Scotia, 1690–1759 (Vols. I–II)*. PhD Thesis. Princeton University, 1994.

507. Stanwood O.C. *Creating the Common Enemy. Catholics, Indians and the Politics of Fear in Imperial North America, 1678–1700*. PhD Thesis. Northwestern University, 2005.

508. Towsey M.R.M. Reading the Scottish Enlightenment. Libraries, Readers and Intellectual Culture in Provincial Scotland c. 1750–1820. PhD Thesis. University of St Andrews, 2007.

509. Vermeulen H.F. Early History of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment: Anthropological Discourse in Europe and Asia, 1710–1808. PhD Thesis. University of Leiden, 2008.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Мемориалы, рапорты и обозрения по решению «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в.¹

1. Mackay H. General Remarks upon the Scots Wars in the Years 1689 and 1690, with the occasions of the Beginnings, increasing and continuation of the Rebellion against their Majesties Government // Mackay H. Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833. P. 110–117.

2. Forbes D. Memoir of a Plan for Preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution [The Original is in the hand-writing of Duncan Forbes, of Culloden, the President's father; and every part of his plan seems to have been closely followed, in every point of any consequence] // CP. P. 14–18.

3. Memoriall to the King [1692, before 26 Apr.; concerning the state of the Highlands] // Papers illustrative of the Political Condition of the Highlands of Scotland, 1689–96. Glasgow, 1845.

4. Mackenzie G., Forbes W., Campbell C. Report of the Committie anent the Peace off the Highlands, 1699 // HPJP. Vol. I. P. 1–3.

---

¹ В списке представлены документы, составленные для административных нужд чинов, ответственных за умиротворение и «цивилизацию» Горной Шотландии. За скобками оставлены комментарии и отдельные замечания касательно «Хайлендской проблемы», представленные в официальной правительственной и частной корреспонденции, а также на страницах памфлетов и периодических изданий. Мемориалы, рапорты, отчеты и обозрения, вошедшие в список, представлены в хронологической последовательности их составления.

5. Mackenzie G. A Short Account of the First Causes of Scotland's Divisions, 1703 // Letters relating to Scotland in the reign of Queen Anne by James Ogilvy, First Earl of Seafield, and others. Edited by P. Hume Brown. PSHS. Second Series. Vol. XI. Edinburgh, 1915. P. 118–133.

6. Ogilvie J. Memoranda on scotch affairs [1705?] // HMC. Fifteenth Report. Appendix. Part IV. Report on the Manuscripts of his Grace the Duke of Portland, preserved at Welbeck Abbey. Vol. IV. London, 1897. P. 276–277.

7. A Memorial from the Commissioners of enquiry in Scotland to the Right Honorable the Lord Viscount Townshend. 5th October, 1716 // TNA. SP 54.12 (220B/547–550).

8. Report of the Commissioners appointed by the Royal Sign Manual, in Prosecution of the late act of Parliament for the more effectual securing the Peace in the Highlands of Scotland, on the proper Places for establishing Schools within the Bounds mentioned in the foresaid act. Edinburgh, 2nd November, 1716 // TNA. SP 54.12 (234/600–618).

9. Proposals concerning the Highlanders, 1717 // TNA. SP 54.13 (48/194–195).

10. An Account of the number of Men the Highland Chieftains and superiors of the several Clans can bring to the field to carry arms. Sr. Patrick Strachan [1717] // NAS. MKP. GD 1/616/46.

11. Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/1.

12. Erskine J. A Continuation of the Account of the Highlanders and Highlands. Edr., 2 Jan., 1725 // NAS. MKP. GD 124/15/1263/2.

13. Erskine J. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc. 1. Edr., 14 Jan., 1725 // NAS. MKP. GD 124/15/1264/1.

14. Erskine J. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc. 2. Edr., 21 Jan., 1725 // NAS. MKP. GD 124/15/1264/2.

15. Erskine J. Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc. 3. Edr., 25 Jan., 1725 // NAS. MKP. GD 124/15/1264/4.

16. Fraser S. Memorial addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh; Glasgow and London, 1822. P. 254–267.

17. Instructions for Our Trusty and well beloved General Wade, whom We have appointed to go into the Highlands in Scotland, and to examine and report the State thereof. Given at Our Court. 1724 // TNA. SP 54.14 (36/326–330).

18. Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // HPJP. Vol. I. P. 131–146.

19. Memorial concerning the State of the Highlands and Islands of Scotland. 1724 // TNA. SP 54.14 (38/332).

20. Report of the Commissioners appointed by the Royal Sign Manual, in Prosecution of the late act of Parliament for the more effectual securing the Peace in the Highlands of Scotland, on the proper Places for establishing Schools within the Bounds mentioned in the foresaid act. Edinburgh, 2nd November, 1724 // TNA. SP 54.12 (224/580–581).

21. Memorial Concerning the Growth of popery and etc. in the Highlands of the Shire of Aberdeen. 27 September, 1725 // TNA. SP 54.16 (36/179–181).

22. Proposal about the Highlanders [1724–1725] // HMC. Eleventh Report. Appendix. Part IV. The Manuscripts of the Marques Townshend. London, 1887. P. 195–196.

23. Proposal for Disarming the Highlands [1725] // HMC. Eleventh Report. Appendix. Part IV. The Manuscripts of the Marques Townshend. London, 1887. P. 196.

24. Proposal of Disarming the Highlands of Scotland. Copy [1725] // BL. Letters and Papers of Sir Robert Walpole. Add Ms. 74066.

25. Wade G. Report to His Majesty concerning the Highlands, of Scotland, in 1725 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland... P. 289–316.

26. Fraser S. Memorial concerning the Highlands of Scotland by Simon, Lord Lovat. To His Grace the Duke of Newcastle, his Majesty's principal Secretary of State. 1727 // TNA. SP 54.18 (55/220–223).

27. Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1727 // HPJP. Vol. I. P. 150–165.

28. Erskine J. Scroll of a Paper sent to Speake of the House of Commons on the Bill concerning the Highland Forfeitures for the Rebellion 1745 // NAS. MKP. GD 124/15/1561.

29. Erskine J. 1. Memorial concerning the Highlands of Scotland, and the Borders of south and North Britain. Oct. 1746 // NAS. MKP. GD 124/15/1569/1.

30. Erskine J. 2. Memorial concerning the Highlands of Scotland, and the Borders of south and North Britain. Oct. 1746 // NAS. MKP. GD 124/15/1569/2.

31. Erskine J. 3. Memorial concerning the Highlands of Scotland, and the Borders of south and North Britain. Oct. 1746 // NAS. MKP. GD 124/15/1569/3.

32. Erskine J. 4. Memorial concerning the Highlands of Scotland, and the Borders of South and North Britain. Nov. 1746 // NAS. MKP. GD 124/15/1569/4.

33. Erskine J. Memorial. How Scotland may be brought, and the inhabitants thereof, now on the suppression of the Rebellion, to a just, advantageous and right settlement for the whole United Kingdom [1746-1747] // NAS. MKP. GD 124/15/1570.

34. Erskine J. Nature of Power and Armies [1746–1747] // NAS. MKP. GD 124/15/1574.

35. Erskine J. Scheme for the Improvement of Rannoch [1746–1747] // NAS. MKP. GD 124/15/1573.

36. Erskine J. Remarks on a proposed rectification of the Scots superiorities and heritable jurisdictions [1746–1747] // NAS. Mar and Kellie Papers. GD 124/15/1571.

37. Erskine J. Notes (3 papers) on Scottish Acts of Parliament relating to the Highlands [1746–1747] // NAS. MKP. GD 124/15/1572.

38. Erskine J. Remarks on the Bill for taking away the heritable jurisdictions in Scotland. April, 1747 // NAS. MKP. GD 124/15/1577.

39. Draft of Memorandums [by Archibald Campbell of Stonefield(?)] for [Major]-General [John] Campbell, concerning the country of the Rebels. April, 1746 // NAS. CSP. GD 14/81.

40. Sketch of Regulations proposed to be made in Scotland. 1746. In a Letter of the Duke of Cumberland to the Duke of Newcastle. Fort Augustus, June 26, 1746 // TNA. 54.32 (24A/91-95).

41. Memorial for the Heritors and Ministers of the Church in the western Parts of the Shires of Perth, Stirling and Dumbarton, to be offered by the Honorable Mr G. Campbell to the Consideration of His Royal Highness the Duke. In H.R.H. the Duke of Cumberland' of July 16, and 17. 1746 // TNA. SP 54.32 (49B/226).

42. Abstract of some Statutes made in Scotland for Regaining the Disorders in the Highlands // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,049. P. 273-275.

43. A short Description of the Nature of the Jurisdictions to be abolished. 1746 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,049. P. 228-229.

44. Some Hints of Amendments and Additions fit to be made to the Scots Jurisdiction Bill // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,049. P. 232-236.

45. Memorial touching the Bill now depending for Disarming the High Lands. 1746 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,049. P. 253-261.

46. Morris G. Hints for the future Regulation of the Highlands of Scotland. May 1746 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 32,707. P. 162-164.

47. Notes concerning regulations in the Highlands // BL. HP. Relating to Scotland. 1745-1752. Add. Ms. 35,890. P. 50.

48. Lord Arnistoun (Dundas). Proposals for the better Setting the Quiet of the Highlands of Scotland, a giving a free course to the Laws in that Country // BL. HP. Relating to Scotland. 1745-1752. Add. Ms. 35,890. P. 80-91.

49. Forbes D. Some Considerations on the State of the Jurisdictions in Scotland // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 100.

50. Forbes D. Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland. 1747 // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 160–164.

51. Forbes D. Memorial on Highland Bill. 1746 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,049. P. 263.

52. Forbes D. Description of the Highlanders in the Scotch Acts of Parliament // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,049. P. 263.

53. Forbes D. Opinion relative to Attainders [In the President's hand-writing. Perhaps June 1746] // CP. P. 282–284.

54. Forbes D. [the following (also in the president's hand-writing) appear to be detached ideas briefly recorded as they occurred; with the intention of their being afterwards digested, and laid before ministers] // CP. P. 284–285.

55. Forbes D. Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland. 1746 // CP. P. 297–301.

56. Forbes D. Some Considerations on the Present State of the Highlands of Scotland tending to shew what may be expected to happen, if France should think fit to risk a few Battalions with some Arms and Money and a Small Quantity of Meal, to feed the Common Highlanders who are starving, to be landed on the Western Coast // More Culloden Papers / Ed. by D. Warrand. Vol. V. February 1746 to December 1747. Inverness, 1930. P. 98–103.

57. Forbes D. Memoriall anent the True State of the Highlands as to their Chieftenries, Followings and Dependances before the Late Rebellion. 1746 // HPJP. Vol. II. P. 166–176.

58. Murray J. Account of the Highland Clans. Tower of London, August the 22nd, 1746 // Memorials of John Murray of Broughton sometime secretary to Prince Charles Edward 1740–1747. PSHS. Vol. XXVII / Edited, with an Introduction, Notes and an Appendix of Original Documents, by R.F. Bell. Edinburgh, 1898. P. 439–445.

59. Campbell D. A Scheme for Civilizing Lochiel's Country. Edinburgh October the 3rd 1746 // AP. P. 327–328.

60. Macbean A. Memorial concerning the Highlands. Inverness, October 10, 1746 // Origins of the Forty-Five and other papers relating to that Rising / Ed. by W.B. Blaikie / PSHS. Second series. Vol. II. Edinburgh, 1916. P. 71–92.

61. Report made by two persons sent to the Highlands by the earl of Albemarle of the present dispositions of the people of the West Highlands of Scotland [вложено в: The Earl of Albemarle to the Duke of Newcastle. Edinburgh, 15 December 1746] // AP. P. 331–340.

62. Anne W. Memorial Concerning the Disaffected Highlands [1746] // AP. P. 305–311.

63. Bland H., Fletcher A. Proposals for Civilizing the Highlands [1747] // AP. P. 480–492.

64. Memorial anent the Thieving and Depredations in the Highlands of Scotland, and the Countries bordering thereon [1747] // HPJP. Vol. I. P. 500–503.

65. Memorial Concerning a Cross Road from Inverlochy, by Ruthven of Badenoch, and through Braemar to Aberdeen [1747] // HPJP. Vol. I. P. 600–606.

66. Watson D. Proposals offered to Major General Blakeney for Covering that part of Inverness Shire lying South side of Murray firth, and the Shires of Murray, Bamff, Aberdeen, Mearns and Angus against Depredations of the Highlanders of Rannoch, Lochaber, and Glengary [1747] // HPJP. Vol. II. P. 493–495.

67. Watson D. Proposals for cantoning the five Highland additional Companies in the Western Isles and remoter parts of the Highlands. Edinburgh, December 14, 1747 // HPJP. Vol. II. P. 509–512.

68. Proposals from Lieutenant General Blakeney, commanding His Majesty's Forces in North Britain, to the Gentlemen of the County of Aberdeen, Copies of which they'll please cause be transmitted to the Gentlemen of the Counties of Angus, Mearns, Bamff and Murray [1747] // HPJP. Vol. II. P. 496–498.

69. Description of the Hills, Glens and Passes in the Counties of Aberdeen, and etc. July 9th, 1747 // HPJP. Vol. II. P. 506–508.

70. Graham N. Memoriall relating to the State of the Highlands of Scotland, to be annexed to the Enquiry into the Causes of the Insurrections there. 1747 // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 147–150.

71. Graham N. An Inquiry into the Causes which Facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747 [Extracts from a MS. in the possession of the Gartmore family, communicated by Walter Scott, Esq.] // Burt E. Op. cit. P. 338–370.

72. Erskine J. Remarks on the Bill in the House of commons for taking away the Heritable Jurisdictions in Scotland. 24 April, 1747 // BL. HP. Vol. XCVIII. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. 1737–1748. Add. MS 35446. P. 168–177.

73. Memorial about the Circuit Courts in Scotland. March 3, 1748 // TNA. SP 54.38 (35/139–142).

74. Notes concerning regulations in the Highlands. March 3, 1748 // TNA. SP 54.38 (36/144–149).

75. Mr Robertson's Memorial relating to the Highlands. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (62/307).

76. Remarks on the Bill for disarming the Highlands and etc. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (63/309–319).

77. Memorandums relating to the Present State of Scotland. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (64/313–314).

78. Remarks on the Memorandums relating to the Present State of Scotland. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (65/315–316).

79. Observations on the Bill now depending, for Taking away and abolishing the Heritable Jurisdictions in that part of Great Britain, called Scotland, and for making satisfaction to the Proprietors thereof; and for restoring such Jurisdictions for the Crown; and for making more effectual provision for the administration of Justice throughout that part of the United Kingdom by the King's Courts and Judges there, and for rendering the Union of two Kingdoms more complete. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (66/317–330).

80. Memorial concerning Jurisdictions and Superiorities in Scotland. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (71/353–354).

81. Memorial relating to Scotland. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (73/357–358).

82. Sketch of Regulations proposed to be made in Scotland. March, 1748 // TNA. 54.38 (54/292–295).

83. Remarks on the Bill relating to Tenures and Jurisdictions in Scotland. March, 1748 // TNA. 54.38 (56/298–301).

84. Some Hints relating to amending the Laws of Scotland. March, 1748 // TNA. 54.38 (70/351–352).

85. Abbreviate of the Proposals transmitted by General Bland, and the Lord Justice Clerk for Civilising, and Reforming the Highlands, Routing out the Barbarous and Rebellious Spirit; and Introducing the Spirit of Loyalties and Industry in place thereof. By Vesting the Property of a Large Tract of that Country in the Crown, with hum by it may be Enabled, Legally to expel many of the Old Inhabitants, and to Grant Leases, under certain Conditions, to faithful Subjects. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (68/347–350).

86. Brief Considerations Relating to Forfeitures, And for reestablishing the Peace and Tranquillity of the Highlands of scotland. By Baron Reid. March, 1748 // TNA. SP 54.38 (72/355–356).

87. Cross W. Some Considerations by way of Essay, upon the means of civilising the Highlands and extinguishing Jacobitism in Scotland. 1748. To Lieut.-General Bland, Commander in Chief of all His Majesty's Forces in Scotland // NLS. Ms. 5201.

88. Highland Reports, 1749–1750 // HPJP. Vol. II. P. 513–584.

89. Bruce D. Report of David Bruce, Esq., one of the Surveyors of the Forfeited Estates in Scotland. 1750 // BL. HP. Vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. January 1749 — July 1753. Add. MS 35447. P. 89–95.

90. The Highlands of Scotland in 1750. From Manuscript 104 in the King's Library, British Museum. With an Introduction by Andrew Lang. Edinburgh and London, 1898.

91. Erskine J. Memorials (6) concerning the estates of Strowan and Lochgarry in Perthshire. 1751 // NAS. MKP. GD 124/15/1605.

92. An Essay upon Thief and Depredation in the Highlands of Scotland with Observations upon the Annexation Bill. By a Highlander. December 20, 1752 // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 267–272.

93. Abuses, or Neglects, in the general Management in Scotland, since the Rebellion. 1752 // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 303.

94. Measures taken by the Military, since the Rebellion, and the Effects thereof. 1752 // BL. HP. Relating to Scotland. 1745–1752. Add. Ms. 35,890. P. 330–331.

95. Memorandum relating to the Western Isles of Scotland // BL. HP. Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753–1756. Add. MS 35448. P. 49.

96. Report from Captain Barlow of the Buffs, giving a Description of the Western Isles of Scotland, where the parties under his command were employed on Outpost Duty Summer 1753. Edinburgh, 1 January, 1754 // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 23–25.

97. Account of the Villages and Farms lying adjacent to Fort William with the Rents and etc. of them; With a Memorial relating to the above Garrison. In Lieut. Gen. Bland's Letter, of April 13th, 1754 // TNA. SP 54.44 (22–23).

98. Memorandum for My Lord Advocate [Mr. Dundas of Arniston] concerning the Reformation of Highlands of Scotland, 1755 // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 47.

99. Hints towards a Settlement of the Forfeited Estates in the Highlands of Scotland. London, January, 1753 // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 96–97.

100. Some Reflections to the State of North Britain and particularly to that of the Highlands // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 118–148.

101. Additional Memorandums about the Disarming of Scotland (1751?) // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 191.

102. Report to the King by the Commissioners for managing the Annexed Estates in Scotland. Edinburgh, November 5th,

1755 // BL. NP. Correspondence of the Duke of Newcastle. Add. Ms. 33,050. P. 433–440.

103. Plan for raising a militia in that part of Great Britain called Scotland // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 217–235.

104. Memorial concerning the Proposal for raising 6000 men, as the Militia of Scotland // BL. HP. Relating to Scotland. 1753–1760. Add. Ms. 35,891. P. 236.

105. Hints humbly offered by the Lord Justice Clerk, and some considerable well affected Persons in Scotland, For the Consideration of His Majesty's Ministers, on Occasion of the present critical Conjunction. Edinburgh, 17th March, 1756 [Hints Suggested In Relation to the Raising of 4 Independent Companys in the Highlands of Scotland. 17th March, 1756] // BL. HP. Vol. CI. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. January 1756 — July 1763. Add. MS 35449. P. 17–18.

106. Reports on the Annexed Estates 1755–1769 / Ed. by V. Wills. Edinburgh, 1973.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Карты Горной Шотландии, составленные в связи с решением «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в.¹

1. Fort William in Lochquaber [1696] / Dury, Theodore (Eng.) // BL. Maps K.Top.50.40
2. Fort William and Maryburgh at Inverlochrie in Lochquaber [1696] / Dury, Theodore (Eng.) // TNA. MPF 1/241 [WO 78/1194]
3. Plan of Fort William with the country adjacent [1710] / Johnson, Robert (Overseer) // NLS. MS 1646 Z.02/24a
4. An exact Survey of Loch Eale in the Barony of Lochabor in the Shire of Inverness surveyed in the year 1716 / Hargrave, J[ohn] (Eng.) // TNA. MPH 1/224 [TNA. WO 78/1829]
5. A Trace and exact Plan of Fort William scituate on ye Locheale in Lochabor in ye Shire of Inverness with ye Loch from ye current of Annot to ye current of Argour ... [1717] / Hargrave, John (Eng.) // TNA. MR 1/492 [TNA. WO 78/1920]

---

¹ В списке представлены карты Горной Шотландии и ее отдельных районов, планы фортов и казарм в Горной Стране с изображением прилегающей округи, планы римских укреплений с изображением проложенных в Хайленде в первой половине XVIII в. военных дорог и карты маршрутов британской армии в Шотландии в 1746 г. с изображением прилегающей местности, составленные граверами и картографами Артиллерийской палаты в ходе решения «Хайлендской проблемы». За скобками оставлены планы замков, фортов, казарм, римских укреплений, сражений и маршрутов британской армии в Шотландии, не содержащие информации о географии и топографии Горной Шотландии. Карты и планы, вошедшие в список, представлены в хронологической последовательности их составления.

Условные обозначения при указании составителей планов и карт: Eng. — инженер (engineer), DM — гравер (draughtsman), CP — копиист (copyist).

6. A True & exact Plan of Locheale (bounded on ye N.E. with Lochabor & on ye S.W. with Argour) giving a true account of all ye Towns, houses, Rivers, Rivuletts, Woods, Trees, Mountains, Glens, Bogs, Arable ground, & Passable roads, & likewise ye Depth of Water & flowing of ye Tide in ye Loch viz: from ye Head of ye Loch to ye Current of Annot. [1717] / Hargrave, John (Eng.) // TNA. MR 1/495 [TNA. WO 78/1893]

7. The Roads between Innersnait Ruthvan of Badenock Kiliwhiman and Fort William in ye highlands of North Britain [1718] / Dumaresq, John & Bastide, John Henri (Eng.); Bastide, John Henri (DM) // NLS. MS 1648 Z.03/13a-b

8. A Draught of Innersnait, in the Highlands of North Britain, nere the Head of Loch Lomend with part of the country adjacent [copy] [1718] / Dumaresq, John & Bastide, John Henri (Eng.); Bastide, John Henri (DM) // NLS. MS 1648 Z.03/15a-c

9. A Plan of the Barrack at Kiliwhiman And of the Ground within the bounds of it betwixt the two Rivers & the letters AB.C [1718] / Dumaresq, John & Bastide, John Henri (Eng.); Bastide, John Henri (DM) // NLS. MS 1647 Z.03/08a-b

10. A Prospect of that Part of the Land and Sea adjacent to ye Barrack to be Built in Glen Elg [1720] / Bastide, John Henri (Eng.) // NLS. MS 1647 Z.03/07a-c

11. Draught of Fort William & Mary-burgh with the fields and Waters thereabouts at Inverlochie in Lochaber [1720] / Dury, Theodore (Eng.); Romer, John (Eng.), Drummond, T (CP), Searle, Richard (CP) and Lewis, M.W. (CP) // TNA. MPH 1/38 [TNA. WO 78/1926]

12. [Map of Scotland showing the Forts at Inverness, Fort Augustus, Fort William and Moidart and on which is pencilled the proposed military roads, also the names and numbers of men that could be raised by the various clans, 1724/25] / [Wade, George (Eng.)] // NLS. Acc.10497 Wade.58a

13. A Map of Part of the Highlands, not done by actual Survey, but laid down on the common computed distances of places... [1724/25] / [Wade, George (Eng.)] // NLS. Acc.10497 Wade.58c

14. [Map showing the intended military roads joining up Stirling with Fort Augustus, etc. 1724/25] / [Wade, George (Eng.)] // NLS. Acc.10497 Wade.58e

15. [Sketch and description of the proposed Roads from Callander and Loch Tay to Fort William and Appin including details of mileage and of inns, 1724/25] / [Wade, George (Eng.)] // NLS. Acc.10497 Wade.58m

16. [A general plan of the country about Fort William and Inverlochy, showing the soundings of «Loch-hiell», 1725] // BL. Maps K.Top.50.41.b

17. An Exact Survey of the Several Lakes, Rivers, and Roads, between Fort William and Inverness, Extending from the East to the West Sea, latt. from 57° to 58° [1725] / [Avery, Joseph] // BL. Maps K.Top.50.1

18. An Exact Survey of the Lakes and Rivers situate in that part of the Highlands of Scotland lying between Inverness and Fort William and Inverness from the East to the West Sea [1725] / [Avery, Joseph] // BL. Maps K.Top.50.2

19. A Plan of Locheale River in the Shire of Inverness shewing the Towns, Houses, Rivulets, Woods, Mountains, Glens, Boggs, etc., adjoining; as likewise ye depth of water and flowing of the Tide, with the Falls, Shoals, Rocks, Sands and safest places for Anchorage [1725] // BL. Maps K.Top.50.3

20. A True and Exact Plan of Locheal or Lock Yell, in North Britain, Giving a true Account of the Situation of Fort William and all the Towns, Houses, Rivers, Rivulets, Woods, Trees, Mountains, Glens, Bogs, Arable Ground, and passable Roads; as likewise the Depth of the Water and Flowing of the Tide; with the Flatts, Shoales, Rocks, Sands, and safest Places for Anchorage from the Head of the said Loch to the Current of Argour [1725] // BL. Maps K.Top.50.4

21. A general survey of Inverness and the Country adjacent to the Foot of Loch Ness [1725] / [Bastide, John Henri (Eng.)] // BL. Maps K.Top.50.6.a

22. A General Survey of Inverness, and the Country adjacent to the foot of Loch-Ness; [inset] West Prospect of Inverness [1719–1725] / Bastide, John Henri (Eng.) // NLS. MS 1647 Z.02/76a–c

23. The Roads between Innersnait, Ruthvan of Badenock, Kiliwhiman, and Fort William, in the Highlands of North Brittain [1725] / [Lempriere, Clement (DM)] // BL. Maps K.Top.48.58

24. Plan of the Barrack of Bernera and Parts adjacent [1725] // BL. Maps K.Top.50.44.2

25. A Plan of the Barrack at Ruthven in Badenoch [1725] // BL. Maps K.Top.50.45

26. A Plan of the Barrack at Inversnait [and the adjacent country, 1725] // BL. Maps K.Top.50.99

27. A plan of the Barracks of Killiwhymen and of the Ground about it... [1725] / De bize, R.; [Wade, George (Eng.)] // NLS. Acc.10497 Wade.58g

28. This Plan containing Lochness Lochoyoch, Lochlochey, & all the Rivers and Strips of water that Runs in & set out from the same, from the East Sea before Inverness to the West Sea at Inverlochey before Fort William, together with all Roads & Remarkable places contain'd between the said two places, being an Actual Survey in which the the [sic] distances are truly measur'd & the places truly set [1727] / Avery, Joseph // NLS. MS 1648 Z.03/21

29. [Plan of the Murray Firth and Cromarty Firth, with parts of the Shires of Inverness, Sutherland, Ross, Nairn, and Elgin. Showing roads, 1727] / [Wade, George (Eng.)] // NLS. Acc.10497 Wade.58d

30. Ardnamorchan and Sunart [1727–1742] / Bruce, Alexander // BL. Add. MS. 33632 b

31. [Plan of] District of Fort Wm. [1728] / [Wade, George (Eng.)] // NLS. Acc.10497 Wade.58i

32. A Description of the Highlands of Scotland. The Situation of the several Clans and the Number of Men able to bear Arms, as also ye Forts [Fort William, Fort Augustus, and Fort George] lately Erected and Roads of Communication or Military Ways carried on by his Majesty's command, with the Seats of the most considerable Nobility in the Low Country [1731] / Lempriere, Clement (DM) // NLS. Acc.11104. Map Rol.a.42 [BL. Maps K.Top.48.12]

33. Spey River [1732] / Adam, William (Architect) // BL. Maps K.Top.48.78

34. A Plan of the Country where the New Intended Road is to be made from the Barrack at Ruthven in Badenoth to Invercall in Brae Marr... [1735] // Avery, Joseph (Eng.); [Wade, George (Eng.)] // NLS. Acc.10497 Wade.58b

35. A Plan of Fort William in the Shire of Inverness, with the District as is described by the Occult lines markt with yellow & bounded by the River Navis [1736] / Wade, George (Eng.) // NLS. Acc.10497 Wade.58p

36. An Exact Plan of His Majesty's Great Roads through the Highlands of Scotland [1740] // BL. Maps K.Top.48.52

37. A Plan of Fort William Inverlochry and Mary-burgh with the Fields and Waters thereabout [1740] // BL. Maps K.Top.50.42

38. A Plan of the Island of Mull with the adjacent Islands Drawen on the place [1741] / Johnson, Robert (Overseer) // NLS. MS 1648 Z.03/23a-b

39. An Exact Survey of Loch Eale bounded on the N.E. by Lochabor [i.e. Lochaber] and on the S.W. by Argour [Ardgour], shewing all the Towns, Houses, Rivers, Rivulets, Woods, Trees, Mountains, Glens, Bogs, Arable Ground and Passable Roads; and likewise the Depth of Water and Flowing of the Tide in the Loch (viz) from the Head of the Loch to the Current of Annot' [1741] / [Hargrave, J[ohn] (Eng.)] // TNA. MR 1/498 [TNA. WO 78/1904]

40. A Map of the Roads between Innrsnait, Ruthvan of Badenock, Kiliwhiman, and Fort William, in the Highlands of North Brittain [1741] / [Lempriere, Clement (DM)] // BL. Maps K.Top.48.58.a

41. Kirkcudbright [1741] / Dury, Theodore (Eng.); Lempriere, C[lement] (DM) // TNA. MR 1/952

42. Inversnait to Ruthven to Kiliwhimen to Fort William [1741] / Dumaresq, John & Bastide, John Henri (Eng.); Bastide, John Henri (DM) // NLS. MS 1648 Z.03/14c

43. A Plan, from Fort William at Maryburgh to Fort George, Inverness. Shewing all the Lakes and new made Road (between each Garrison) call'd the King's Road [1742] // TNA. MR 1/496 [TNA. WO 78/1833]

44. A Map of the Kings Roads made by His Excellency General Wade in the Highlands of Scotland [1742] /

Wade, George (Eng.); Cooper, R[ichard] (DM) // BL. Maps K.Top.48.54.a-b

45. A New and Correct Map of Loch-Lomund, with the Country Circumjacent being Part of Dumbarton-Shire, Argyle-Shire and Stirling-shire [1743] / Edgar, William // BL. Maps K.Top.48.47

46. [Unfinished] A drawn Map of the District of Cowal in the Shire of Argyle [1745] / [Edgar, William] // BL. Maps K.Top.49.26

47. [Unfinished] A drawn Map of the Districts of Cantyre and Knapdale in the Shire of Argyle [1745] / [Edgar, William] // BL. Maps K.Top.49.27

48. [An unfinished] Sketch of the Country between Loch Fine and Loch Lomond [1745] / [Edgar, William] // BL. Maps K.Top.48.46

49. The Course of The Kings Road making betwixt Dumbarton and Inverary, (so as to Cross no Ferrys,) with the Country Circumjacent [1745] / Edgar, William // BL. Maps K.Top.48.59

50. A drawn map of the Highlands of Scotland [between the Murray Firth on the north, Glasgow on the south, Inverary on the west, and Couper on the east, 1745] // BL. Maps K.Top.48.38

51. A New and Correct Map of Perth-shire [«Roads of Communication Through The Highlands With The Rivers, Bridges and adjacent Villages», 1745] / Edgar, William // BL. Maps K.Top.50.69

52. A New & Correct Mercator's Map of North Britain [1745] / Elphinstone, John (Eng.); Watson, David (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.17-21

53. A New & Correct Mercator's Map of North Britain carefully laid down from the Latest Surveys and Most approved Observations [with manuscript additions, 1745] / Elphinstone, John (Eng.) // TNA. MPF 1/247

54. An Exact Map of the Country about Perth, with the Course of the Rivers Tay and Ern etc. [1746] / Edgar, William // BL. Maps K.Top.50.72.1

55. Perspective view of his Majesty's road over Corryarick Hills [1746] / Elphinstone, John (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.22

56. Plan of the Roads from Fort Augustus to Bernera, with the Country Adjacent [1746] / Paterson, Daniel (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.62

57. Plan of the roads from Fort Augustus to Bernera [1746] / Paterson, Daniel (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.63

58. Inverness with The adjacent Country, including to Nairn upon the East (with the Field of Battle near Culloden, Aprile 16, 1746) and the Kings Road to Fort-William upon the Southwest [1746] / Edgar, William // BL. Maps K.Top.48.60.a-b

59. A map of the Kings Roads, Made by his Excellency General Wade in the Highlands of Scotland... [1746] / Willdey, Thomas; Cooper, Richard // NLS. Newman 1152(1)

60. March of the Royal Army in Scotland with an Exact Plan of their Different Encampments and the Country from Cullen to the Isle of Skie [Skye] [1746] / Paterson, D[aniel] (Eng.) // TNA. MR 1/491

61. A Map of the Roads of Communication through the Highlands; With the Rivers, Bridges, and adjacent Villages [1746] / Edgar, William // BL. Maps K.Top.48.56

62. A New Map of North Britain done by order of the Right Honourable the Earl of Albemarle, Commander-in-Chief of His Majesty's Forces in Scotland [1746] / Elphinstone, John (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.22

63. A Map of Taynish, Duntaynish, Scotnish, Ardnafadbeg, Barbay, Ardnakog, Turbuskel, Upper Fernogh, Barnashalog, Barbrack, Barbay in Ross, Ardbeg, Barcormick, and Kilmurrey, all contiguous, situate in the Shire of Argyle and kingdom of Scotland, belonging to Roger MacNeil, of Taynish, Esq. [1747] / MacDougal, Stephen (Eng.) // BL. Maps K.Top.49.28

64. [The Military Survey of Scotland: the original protraction of northern Scotland, north of Edinburgh and Glasgow, with parts of the Lothians, Peebleshire, and Lanarkshire, 1747] / Roy, William (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.25.la [lb.c, ld, lf]

65. [The Military Survey of Scotland: another reduction from Maps K.Top.48.25.1b, c, 1747] / Roy, William (Eng.) // BL. Maps 175.t.3

66. Plan of the Grounds adjacent to Fort William [1748] / Elphinstone, John (Eng.) // BL. Maps K.Top.50.37.1.a [Acc.3572]

67. Sketch of the ground about Braemarr Castle [1748] / Watson, David (Eng.) // NLS. MS 1649 Z.03/32c

68. Sketch of the Ground about Corgarff [1748] / Watson, David (Eng.) // NLS. MS 1649 Z.03/35a–b

69. A Survey of the Road made by the Detachmt. Of Genl. Guise's Regt. In Brae Marr; beginning where Genl. Blakeney's left off; & Continue'd to the Spittle of Glen-Shee 1749 / Archer, John (Eng.) // NLS. MS 1649 Z.03/32a–b

70. Explanation [of «A Description of Part of the Highlands of Scotland», showing clans which rebelled in 1715] [1749] / Manson, John (DM) // NLS. MS 1649 Z.03/41b

71. [Survey of Ardeseer [Ardersier] Point Copied from an Original Plan of Campbell of Calder Place dated 1749] / [Campbell] // TNA. MPH 1/288

72. A Plan of the Point of Arderseer and two miles of Ground round it with the Number of Acres contain'd therein Expressing the soils and persons Possessions [1749] / Skinner, William (Eng.) // TNA. MPH 1/589

73. View of Culloden Moor taken in 1749 by General W[illiam] Skinner / [Skinner, William (Eng.)] // BL. Add MS. 33231 F

74. A Survey of the King's Roads between Blair Gowrie [i.e. Blairgowrie] and Spittle of Glen Shie [Spittal of Glen-shee] shewing in Yellow what is wanting to compleat the same [1749] / Bramham, James (Eng.) // TNA. MR 1/497 [TNA. WO 78/1876]

75. View near Loch Rannoch [1749] / [Sandby, Paul (DM)] // BL. Maps K.Top.50.83.2

76. A Description of Part of the Highlands of Scotland [showing clans which rebelled in 1715, 1749] / Manson, John (DM) // NLS. MS 1649 Z.03/41a–b

77. A Plan of Part of the New Road from Sterling to Fort William [1749] / Gordon, Harry (Eng.) // TNA. MR 1/479

78. Survey of Part of the Road from Sterling to Fort William; Made by the Party of Genl. Pultneys Regiment in 1749 / Morrison, George (Eng.) // NLS. MS 1649 Z.03/39a–c

79. Survey (No. 4) from the Bridge of Dalcie to Nairn; from thence to the Ferry of Findorn, near Forres, measuring 18 1/2 miles [1750] / Campbell, George (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.71

80. Survey (No. 2) [of the Road] from the Water Findorn to the Water Aveun, Measuring thirtyfive miles [1750] / Campbell, George // BL. Maps K.Top.48.69

81. Survey (No. 3) of the Water Findorn from the ferry near Forres to the Bridge of Dalcie, measuring 14 1/2 miles [1750] / Campbell, George (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.70

82. Survey of the different Parts of the Road joynd betwixt Blair Gowrie and Braemar; Made by a Detachment of one Hundred Men of Lord Viscount Bury's Regt. in the Year 1750 / Morrison, G[eorge] (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.67

83. Survey (No. 1) [of the Road] from the Water Aveun to Braemar Castle, Measuring twentyseven miles [1750] / Campbell, George (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.68

84. Inverness to Fort William [1750] // BL. Maps K.Top.48.61

85. A Survey of the Road made by the Detachments of Col. Battereau's, Genl. Guise's, and Col. Rich's Regiments between Fort William & King-Loch Levan, 1748 and 1750 / Archer, John (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.66

86. A Survey of the Road made by the Detachments Colln. Rich's & Genl. Guise's Regts. between Fort William & the head of King-loch Leven 1750 / Archer, John (Eng.) // NLS. MS 1649 Z.03/40a

87. Stirling to Amulree [1750] / [Roy, William (Eng.)? Or Sandby?] // BL. Maps K.Top.48.64

88. Survey of the different Parts of the Road joined betwixt Blair Gowrie and Braemar, made by a detachment of one hundred men of Lord Viscount Bury's regiment of foot, in the year [1750] / Morrison, George (Eng.) // NLS. MS 1649 Z.03/38a

89. [Contents page for a book of «Forts in North Britain» 3rd Division, including Edinburgh, Sterling, Dumbarton, Blackness, Braemar, Barracks of Innersnait and Bernera, Cargarff, Fort Augustus, Fort William, Arderseer Point, Fort George, Duart, and Inverness, 1750] / Tarrant, Charles (DM) // TNA. WO 78/6012

90. A Plan of Part of the New Road from Sterling to Fort William [1750] / Gordon, Harry (Eng.) // TNA. MR 1/479

91. A Survey of Part of the Murray Firth Shewing the Situation of the New Fort at Arderseer [1750] // BL. Maps K.Top.50.22

92. A Plan of Fort Augustus with the adjacent Lands 1750 / Daubant, Abraham (Eng.) // NLS. MS 1647 Z.02/67a-c [TNA. MPH 1/239]

93. Survey from the Castle of Cargaff to the Castle of Braemarr three different roads [1751] / Campbell, George (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.73

94. Survey from Fort George at Arderseer to Bellamoor in Strath Spey, measuring thirty miles and a half; Also showing the Angles of the Surveys made in that Country last year [1751] / Campbell, George (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.72

95. A Plan of Part of the New Road from Sterling to Fort William [copy of item (5), 1751] / Gordon, Harry (Eng.) // TNA. MR 1/479

96. A Survey of the Points of Arderseer and Channary Shewing the Situation of Fort George [1752] / Skinner, William (Eng.); Tarrant, Charles (DM) // BL. Maps K.Top.50.23

97. A Survey of the Lakes between Inverness & Fort Will[ia]m, with the Roads of Communication from one Garrison to another [1753] // BL. Maps K.Top.48.61

98. Plan of Part of the Road from Perth to Fort George between Braemarr and Corgarff Barracks, made by 4 Companies of Col. Holmes's, 2 of Lord George Beauclerk's, and 1 of Lieut.-Gen. Skelton's Regiments of Foot, in Summer of 1753 / Gordon, Harry (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.74

99. A Plan of a Part of the New Road from Perth to Fort George, done by five Companies of Lord Charles Hay's Regiment, in Summer of 1754 / Gordon, Harry (Eng.) // BL. Maps K.Top.48.75

100. Survey from Fort George at Arderseer [Ardersier] to Bellamoor [near Nethybridge] in Strath Spey, Measuring thirty miles and a half [1755] / Campbell, George (Eng.) // TNA. MPH 1/36 [TNA. WO 78/1821]

101. Plan of the Roman Camps and Posts near Ardoch in Strathallan [With details on a larger scale. Shows «His Majesty's Military Road from Crieff to Stirling», 1755] / Roy, William (Eng.) // BL. Maps K.Top.50.79.2.a-b

102. The Military Survey of Scotland [1747–1755] / Roy, William (Eng.) [Sandby, Paul (DM), Chamberlain, Thomas (DM)] // BL. Maps 175.t.3.K.Top.48.25.le [48.25.la; 48.25.lb.c; 48.25.ld; 48.25.lf]

103. Part of the Reduction from the Great Map, shewing the Kings Road which is express'd by a Red Line & the Country Roads by a Brown Line [1755] / [Roy, William (Eng.); Sandby, Paul (DM)] // BL. Maps K.Top.48.64

104. Plan of the Roman Camps and Posts near Ardoch in Strathallan [1755] / Roy, William (Eng.) // BL. Maps K.Top.50.79.2.a–b

105. Plan of the Roman Camp at Dalginross Near Combrea Kirk in Glen Earn [1755] / Roy, William (Eng.) // BL. Maps K.Top.50.79.3

106. Plan of the Roman Post at Strathgeth near Inverpfeffer in Strathearn [in the parish of Mushill; with a section, 1755] / Roy, William (Eng.) // BL. Maps K.Top.50.83.3

107. A Plan of Kinloch & Inverchadden, in Ranoch [Rannoch, 1756] / Lesslie, John (Eng.) // BL. Maps K.Top.50.80.1

108. Loch Eil (Ardgour) [1757] / Debbieg, Hugh (Eng.) // BL. Add MS. 33231 H1

109. Kerrera [Sound and Oban, 1758] // TNA. MPD 1/61

110. A Map of the Roads between Innersnaid Ruthvan of Badenock, Kiliwhiman and Fort William, in the Highlands of North Brittain [1718] 1741[copy, 1760] / Dumaresq, John & Bastide, John Henri (Eng.); Bastide, John Henri (DM); Coombs // NLS. MS 1648 Z.03/14a–c

Не датированы:

111. [Plan showing the roads between Fort William and Tyndrum: across Rannoch Moor] // NAS. RHP 13610

112. A Skitch [sketch] of part of the Highlands of Scotland / [Cooper, Richard] // NLS. EMS.b.6.5.(23)

113. A Survey of East and West Borlums [south of Fort Augustus] // TNA. MPH 1/241

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивы и библиотеки

- BL — British Library, London
- HL — Hallward Library, Nottingham University, Nottingham
- NAS — National Archives of Scotland, Edinburgh
- NLS — National Library of Scotland, Edinburgh
- TNA — The National Archives, Kew

Собрания архивных документов

- Add. Ms — Additional Manuscripts
- CSP — Campbell and Stonefield Papers
- EMP — Erskine–Murray Papers
- GD — Gifts and Deposits
- HP — Hardwick Papers
- K.Top — King's Topographical Collection
- MKP — Mar and Kellie Papers
- MPD — Maps and plans from records of the Treasury and Treasury Solicitor
- MPF — Maps and plans from records of the State Paper Office
- MPH — Maps and plans from records of the War Office
- MPHH — Maps and plans from records of the War Office (extra large flat storage)
- MR — Maps and plans from various series of records
- NeC — Newcastle of Clumber Manuscripts
- NP — Newcastle Papers
- PC — Privy Council
- PG — Portrait Gallery
- SP — Secretaries of State: State Papers Scotland Series II
- WO — War Office

Периодические издания

- ВИ — Вопросы истории
 ННИ — Новая и Новейшая история
 СВ — Средние века
 CSSH — Comparative Studies in Society and History
 ECS — Eighteenth-Century Studies
 EHR — The English Historical Review
 EMLS — Early Modern Literary Studies
 ERH — European Review of History
 HJC — The Historical Journal of Cambridge
 IHS — Irish Historical Studies
 IM — Imago Mundi
 IUR — Irish University Review
 JBS — The Journal of British Studies
 PRIA — Proceedings of the Royal Irish Academy
 PSAS — Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland
 PTRSL — Philosophical Transactions of the Royal Society
 of London
 SHR — The Scottish Historical Review
 TGJ — The Geographical Journal
 THJ — The Historical Journal
 TIBG — Transactions of the Institute of British Geographers
 WMQ — The William and Mary Quarterly

Публикации источников

AP — Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746–1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746–1748 / Ed. by C.S. Terry. Vols. I–II. Aberdeen, 1902.

CP — Culloden Papers: comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. London, 1815.

EHD — English Historical Documents. Vol. X. 1714–1783 / Ed. by D.B. Horn, M.A. Ransome and M. Ransome. London, 1957.

HMC — Historical Manuscripts Commission.

HPJP — Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750: In II Vols. / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895–1896.

LMP — Leven and Melville papers. Letters and State Papers chiefly addressed to George Earl of Melville, Secretary of State for Scotland, 1689–1691. Edinburgh, 1843.

LP — Lockhart papers: containing memoirs and commentaries upon the affairs of Scotland from 1702 to 1715, his secret correspondence with the son of King James the Second from 1718 to 1728, and his other political writings; also, journals and memoirs of the Young Pretender's expedition in 1745. Vol. II. London, 1817.

PSHS — Publications of the Scottish History Society.

SPD — State Papers Domestic George I. Typescript Calendar Part I. Vols. 139 (1714–1719), 144 (1719–1722), 155 (1722–1725). London, 1977–1979.

THS — The Highlands of Scotland in the 1750. From Manuscript 104 in the King's Library, British Museum. With an Introduction by A. Lang. Edinburgh and London, 1898.

Примечание

При использовании документов из Национального архива в Кью указана двойная нумерация, где первая цифра с литерой обозначает порядковый номер документа в деле, а следующая через дробь — номер страницы в деле (нумерация страниц документов в деле сквозная).

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	5
ВВЕДЕНИЕ	11
О чем пойдет речь в этой книге.....	11
Категории анализа, понятия, методология.....	22
Свидетельства источников, оценки и споры исследователей.....	30
Глава 1. ОПРЕДЕЛЯЯ ГРАНИЦЫ: ГЕОГРАФИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»	76
§ 1. Театр войны: топография Хайленда	81
§ 2. Пределы страны: картография Хайленда.....	128
Глава 2. НАСЕЛЯЯ ОКРАИНЫ: ЭТНОГРАФИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»	184
§ 1. Варвары в Хайленде: шотландский «ирландец».....	187
§ 2. Мятежники в королевстве: «взбунтовавшийся» горец.....	234
Глава 3. МОБИЛИЗУЯ ТРАДИЦИИ: ПОЛИТЭКОНОМИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»	296
§ 1. Ненадежный подданный: «политическая анатомия» Хайленда	300
§ 2. Идеальный подданный: «политическая арифметика» Хайленда	355
Глава 4. РЕФОРМИРУЯ ПЕРИФЕРИЮ: РЕШЕНИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»	420
§ 1. Идеальный управляющий: инверсии «цивилизации» Хайленда	424
§ 2. Успешный командующий: способы «умиротворения» Хайленда.....	486
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	547

ИСТОЧНИКИ	560
БИБЛИОГРАФИЯ	586
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Мемориалы, рапорты и обозрения по решению «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в.	622
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Карты Горной Шотландии, составленные в связи с решением «Хайлендской проблемы» в конце XVII — первой половине XVIII в.....	633
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	644

Станислав Геннадьевич Малкин
ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРИИ:
МЯТЕЖ И КОЛОНИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Дизайнер обложки Т. Репина

Редактор К. Иванов

Корректоры О. Косова, О. Семченко

Компьютерная верстка Д. Макаровский

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlo.nlobooks.ru

Формат 60 × 90 1/16.

Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 41. Тираж 1000. Зак. № 9554.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книги и журналы
«Нового литературного обозрения»
можно приобрести в интернет-магазине издательства
www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, 8 495 781-19-00
- Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, д. 18/2 (здание Института русского языка им. В.В. Виноградова), 8 495 201-36-45
- «Гараж» — ул. Крымский вал, д. 9, стр. 32 (Парк Горького, слева от центральной аллеи, магазин в Музее современной культуры «Гараж»), 8 495 645-05-20
- Государственная галерея на Солянке — ул. Солянка, д. 1/2, стр. 2 (вход с ул. Забелина), 8 495 621-55-72
- Книжная лавка историка — ул. Б. Дмитровка, д. 15, 8 495 694-50-07
- Книжный киоск РОССПЭН — ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 8 499 126-94-18
- «Медленные книги» — <http://www.berrounz.ru/>, 8 499 258 45 03
- «Москва» — ул. Тверская, д. 8, стр. 1, 8 495 629-64-83, 8 495 797-87-17
- «Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, д. 8, 8 495 789-35-91
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — ул. Петровка, д. 25 (в здании ММСИ), 8 916 979-54-64
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Берсеневская наб., д. 14, стр. 5А (Институт Стрелка)
- «Новое Искусство» — Петровский бул., д. 23, 8 495 625-44-85
- «Порядок слов в Электротеатре» — ул. Тверская, д. 23, фойе Электротеатра «Станиславский», 8 917 508-94-76
- «У Кентавра» — ул. Чайнова, д. 15 (магазин в РГУУ), 8 495 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., д. 12/27, 8 495 749-57-21
- «Фаланстер» (на Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., д. 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), 8 495 926-30-42
- «Циолковский» — Пятницкий пер., д. 8, 8 495 951-19-02
- «Додо» — ул. Мясницкая, д. 7, стр. 2, 8 926 463-82-35
- «Додо» в КЦ ЗИЛ — ул. Восточная, д. 4, корп. 1, 8 495 675-16-36 (позовите Додо к телефону)
- «Додо» в ЦКИ «Меридиан» — ул. Профсоюзная, 61

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- На складе нашего издательства — Лиговский просп., д. 27/7, 8 812 579-50-04, 8 952 278-70-54
- «Академическая литература» — Менделеевская линия, д. 5 (в здании истфака СПбГУ), 8 812 328-96-91
- «Академкнига» — Литейный просп., д. 57, 8 812 273-13-98
- «Все свободны» — наб. р. Мойки, д. 28 (код со стороны набережной Мойки: #1289, код со стороны Волынского переуллка: #1428), 8 911 977-40-47
- Галерея «Новый музей современного искусства» — 6-я линия В.О., д. 29, 8 812 323-50-90
- Киоск в Библиотеке Академии наук — В.О., Биржевая линия, д. 1, 8 911 977-40-47
- Киоск в Музее политической истории России — ул. Куйбышева д. 2-4, 8 812 313-61-63
- Киоск в фойе главного здания «Ленфильма» — Каменноостровский просп., 10
- «Классное чтение» — 6-я линия В.О., д. 15, 8 812 328-62-13
- «Книжная лавка» — Университетская наб., д. 17 (в фойе Академии Художеств), 8 965 002-51-15
- «Университетский книжный салон» — Университетская наб., д. 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), 8 812 328-95-11
- Книжный магазин в Государственном Эрмитаже — Дворцовая пл., д. 2, Зимний дворец, галерея Растрелли, 8 812 710-95-82
- «Мы» — Невский просп., д. 20, Biblioteka, эт. 3, 8 981 168-68-85
- «Подписные издания» — Литейный просп., д. 57, 8 812 273-50-53
- «Порядок слов» — наб. реки Фонтанки, д. 15, 8 812 310-50-36
- «Порядок слов на новой сцене Александринки» — наб. реки Фонтанки, д. 49А, эт. 3
- «Росфото» (книжный магазин при выставочном зале) — ул. Большая Морская, д. 35, 8 812 314-12-14
- «Санкт-Петербургский дом книги» (Дом Зингера) — Невский просп., д. 28, 8 812 448-23-57
- «Свои книги» — Средний проспект В.О., д. 10 (во дворе), 8 812 966-16-91
- «Фаренгейт 451» — ул. Маяковского, д. 25 (во дворе), 8 911 136-05-66
- «Фотодепартамент» — ул. Восстания, д. 24, «Флигель», второй двор, эт. 1, 8 901 301-79-94
- «Эрарта» (книжный магазин при музее) — 29-я линия В.О., д. 2, 8 812 324-08-09 (доб.467)

в ВОРОНЕЖЕ:

- «Петровский» — ул. 20-летия ВЛКСМ, д. 54а,
ТЦ «Петровский пассаж», 8 473 233-19-28

в ЕКАТЕРИНБУРГЕ:

- «Дом книги» — ул. Антона Валека, д. 12, 8 343 253-50-10
- «Йозеф Кнехт» — ул. 8 Марта, д. 7, вход с набережной, 8 343 286-14-23

в ИРКУТСКЕ:

- «Лавка чудесных подарков» — ул. Свердлова, д. 36, ТЦ Сезон, эт. 5,
офис 532, 8 3952 95-44-45

в КАЗАНИ:

- Центр современной культуры «Смена» — ул. Бурхана Шахиди, д. 7,
8 843 249-50-23

в КРАСНОЯРСКЕ:

- «Дом кино» — просп. Мира, д. 88, 8 391 227-26-37
- «Фёдор Михалыч и Корней Иванович» — ул. Ленина, д. 24, 8 391 240-77-51

в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ:

- «Дирижабль» — ул. Б. Покровская, д. 46, 8 831 434-03-05
- «Полка» — <http://vk.com/polka.knig>, 8 960 189-33-60

в НОВОСИБИРСКЕ:

- «КапиталЪ» — ул. Горького, д. 78 (вход с ул. Октябрьская
магистраль) 8 383 223-69-73

в ПЕРМИ:

- «Пиотровский» — ул. Ленина, д. 54, эт. 2, 8 342 243-03-51

в РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:

- «Деловая литература» — ул. Серафимовича, д. 53Б,
8 863 240-48-89, 282-63-63

в ТОМСКЕ:

- «Академкнига» — наб. реки Ушайки, д. 18А, 8 3822 51-60-36

в ТЮМЕНИ:

- «Перспектива» — ул. Челюскинцев, д. 36; ул. 50 лет Октября, д. 8Б,
БЦ «Петр Столыпин» 8 3452 61-04-70, 8 3452 61-74-70

в ЯРОСЛАВЛЕ:

- «Книжная лавка» — ул. Свердлова, д. 9, 8 4852 72-57-96

на УКРАИНЕ:

в ДОНЕЦКЕ:

- Книжный рынок «Маяк», магазин №48, <http://war-book.com.ua/>
+38 050 108-90-06, +38 095 828-07-27, +38 068 664-13-05

в КИЕВЕ:

- ООО «АВР» — +38 044 273-64-07
- ИП Литвиненко / ООО «Глобал Букс энд Тойз», +38 044 360-54-33
- Книжный рынок «Петровка» — ул. Вербовая, 23, +38 068 358-00-84
- Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин»
<http://lavkababuin.com/> — ул. Золотоворотская, д. 2А,
вход со двора, эт. 1, оф. 24, +38 044 369-33-35
- Магазин умной книги и хорошего винила «Хармс» (www.har.ms) —
ул. Владимирская, д. 45А (Дом ученых), +38 068 308-88-93
- Интернет-магазин «Librabook» <http://www.librabook.com.ua/>,
8 044 383-20-95, 8 093 204-33-66
- «Книжный бум» (<http://academbook.ru/>) — книжный рынок
«Петровка», ряд 62, место 8 (павильон «Академкнига»),
+380 67 273-50-10 Алексей

в БЕЛАРУСИ:

в МИНСКЕ:

- ИП Людоговский А.С. — просп. Независимости,66,
Холл Президиума АН, +375 29 696-52-87, aludogovsky@gmail.com
- ИП Цимберов Р.М., kniger.by — ул. Октябрьская, д. 5, КЦ «Минск»,
отдельный вход с обратной стороны здания, книжная выставка
«У поющих фонтанов», отдел исторической литературы,
+375 29 755-50-41, +375 29 336-82-84, skramasaks@inbox.ru

в ЛАТВИИ:

- «Intelektuala gramata» <http://www.merion.lv/> — Рига,
Kr.Barona iela 45/47, +371 26871757

в ШВЕЦИИ:

- Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32,
Stockholm, 08-651-1147, <http://www.interbok.se/>

в ФИНЛЯНДИИ:

- «Ruslania Books Oy» — Bulevardi, 7, 00120, Helsinki, Finland,
<https://ruslania.com/>, +358 9 27270727

В интернет-магазинах:

- Интернет-магазин издательства «Новое литературное обозрение»
www.nlobooks.mags.ru
- www.ozon.ru
- www.libroroom.ru Москва
- www.setbook.ru Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург
- www.lavchu.ru Иркутск
- <http://pers-pektiva.ru/> Тюмень
- www.bestbooks.shop.by Беларусь, Минск
- www.lavkababuin.com Украина, Киев
- www.librabook.com.ua Украина, Киев
- www.artlover.com.ua Украина, Львов
- www.mkniga.com
- <http://www.nkbooksellers.com/>
- www.esterum.com Германия, Франкфурт-на-Майне
- www.ruslania.com Финляндия, Хельсинки

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое Литературное Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства, которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

Специальные сервисы для покупателей интернет-магазина:

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги нашего издательства, тираж которых почти распродан.

Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно стали библиографической редкостью.

Мы специально издадим эти книги для Вас по уникальной технологии «Print on Demand», которая позволяет напечатать любую книгу тиражом всего в 1 экземпляр.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства со значительными скидками

Это исследование – первая в российской и зарубежной историографии интеллектуальная история решения «Хайлендской проблемы» Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв. В центре внимания автора – роль колониального знания в умиротворении и «цивилизации» Горной Шотландии. Географы, этнографы, политэкономы в Хайленде были еще и чиновниками, на практике подтверждая тесную связь между властью и знанием в рамках колониальной и окраинной политики европейских держав в духе века Разума и Просвещения. Они сочетали экспансию имперского порядка, новое научное знание и секулярные представления о человечестве. Раскрытие этих сюжетов помогает более глубоко понять, как формировались британская нация и Британская империя, а также значение интеллектуальной колонизации Хайленда для имперского строительства за океанами и шире – роль гуманитарного знания в век Разума, Просвещения и первых глобальных империй.

ISBN 978-5-444-80514-5

9 785444 805145

Новое
Литературное
Обозрение